

Московск. публичной библиотеки

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовская улица, соб. домъ.

1889.

Printed in 1889
Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
С. А. ЮРЬЕВЪ †.	
I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ НЕДАВНИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. (Матеріалы для исторіи русскаго общества). <i>Продолженіе</i>	1
II. ЧЕРНЫЙ ГОДЪ. Романъ. Часть II. <i>Продолженіе</i> .—Г. П. Данилевскаго.	17
III. ДОКТОРЪ СЕВЬЕРЪ. Романъ Джоржа Кэбла. Переводъ съ англійскаго А. С. П.	141
IV. «НА-МИНУТКУ». (Изъ замѣтокъ деревенскаго обывателя).—Гл. И. Успенскаго.	175
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. М. Жемчужникова.	193
VI. ТА ТРЕТЬЯ. (Изъ дневника художника). Разсказъ Генрика Сепкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л.	194
VII. НА ГРАНИЦѢ ЧЕЛОВѢКА. (Естественно-историческ. очеркъ).—Каронина	244
VIII. СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.—С. А. Муромцева.	1
IX. ВОЛЬНЫЯ БРЕСТЬЯНСКІЯ ШКОЛЫ. (Очеркъ).—А. С. Пругавина.	33
X. ЧТО ТАКОЕ НАУЧНАЯ ФИЛОСОФІЯ?—В. В. Лесевича	58
XI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА. (Сообщено г. Андреевымъ)	76
XII. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XXXI.—Н. В. Шелгунова.	94
XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Мѣлологія и этнографія. — М. И. Кулишера	114

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное
ТОВАРИЩЕСТВО
ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ И СКЛАДОВЪ
БРАТЯ К И С ПОПОВЫ.

ПРАВЛЕНИЕ ВЪ МОСКВѢ,
на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Бр. Третьяковыхъ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ.

Чай черные № 1 за фун. 3 р. — к.		Чай черные № 5 за фун. 2 р. — к.
" " № 2 " " 2 " 70 "		" " № 6 " " 1 " 80 "
" " № 3 " " 2 " 40 "		" " № 7 " " 1 " 60 "
" " № 4 " " 2 " 20 "		" " № 8 " " 1 " 40 "

Чай развѣшиваются на фунты, полуфунты, четверть фунты и восьмушки, приче́мъ восьмушки имѣются на цѣны: 23 и 28 коп. за пачку.

СОБСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Биевѣ, Астрахани, Баку, Вильно, Казани, Каменецъ-Подольскѣ, Могилевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Одессѣ, Ригѣ, Ростовѣ =/Д., Рыбинскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Севастополѣ, Симферополѣ, Смоленскѣ, Тифлисѣ, Харьковѣ, Ярославлѣ, Нижегородской ярмаркѣ, Полтавѣ, Рязани.

Качество чая какъ въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ собственныхъ магазинахъ совершенно одинаково, такъ какъ чай развѣшиваются исключительно въ Главномъ складѣ, въ Москвѣ, откуда и поступаютъ въ собственные магазины.

УСЛОВІЯ ПРОДАЖИ:

Пересылка чая черезъ почту по Европейской Россіи принимается собственными магазинами на свой счетъ и не дѣлается никакой уступки.

При пересылкѣ посредствомъ транспорта и не мене 50 фунтовъ дѣлается уступка 10%, всѣ же расходы по отправкѣ относятся на счетъ покупателя.

При выписѣ чая съ наложеннымъ платежомъ долженъ быть высланъ задатокъ не мене 15% съ общей суммы заказа, росписки же агентовъ транспортныхъ конторъ и желѣзныхъ дорогъ, какъ доказательство уплаты наложеннаго на товаръ платежа, должны немедленно высылаться въ тотъ магазинъ, откуда товаръ отправленъ.

Съ 1 Октября 1888 года, кромѣ существующей уступки 10%, всѣмъ покупателямъ, выписывающимъ чай не мене какъ на 5,000 руб. въ годъ и боле дѣлается еще 2% комиссіи, уплата которыхъ будетъ производиться въ Москвѣ 2 раза въ годъ: 1 октября и 1 апрѣля, но не иначе, какъ на полные 5,000 руб.

КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ В. А. ГИЛЯРОВСКАГО.

ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ
во всѣ газеты и журналы,
КАКЪ СТОЛИЧНЫЕ, ТАКЪ И ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ,
ПО ЦѢНАМЪ РЕДАКЦІЙ.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ ВЪ
„РУССКУЮ МЫСЛЬ“.

Москва, Столешниковъ пер., д. Карзинкина.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: „Москва, Ги-
ляровскому“.

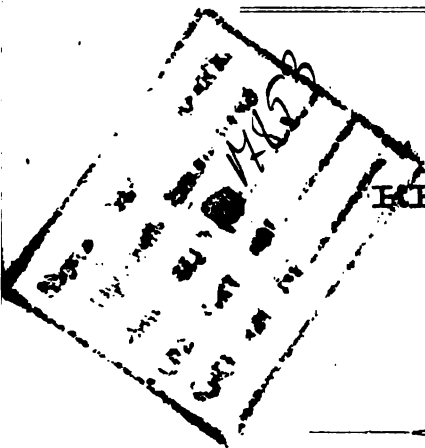
Приемъ иногороднихъ заказовъ на всевозможныя
объявленія.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГО Д Ъ Д Е С Я Т Ы Й .

КНИГА I

МОСКВА.

—
1889.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW

ordered 3/29/84

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

UNIV. OF CALIFORNIA

~~WITHDRAWN~~

Digitized by Google

AP50
R875
v. 10:1
MAIN

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	Стр.
С. А. ЮРЬЕВЪ †.	
I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ НЕДАВНИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. (Матеріалы для исторіи русскаго общества). <i>Продолженіе</i>	1
II. ЧЕРНЫЙ ГОДЪ. Романъ. Часть II. <i>Продолженіе</i> .—Г. П. Данилевскаго.	17
III. ДОКТОРЪ СЕВЬЕРЪ. Романъ Джоржа Кэбля. Переводъ съ англійскаго А. С. П.	141
IV. «НА-МИНУТКУ». (Изъ замѣтокъ деревенскаго обывателя).—Гл. И. Успенскаго.	175
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. М. Жемчужникова	193
VI. ТА ТРЕТЬЯ. (Изъ дневника художника). Разсказъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л.	194
VII. НА ГРАНИЦѢ ЧЕЛОВѢКА. (Естественно-историческ. очеркъ).—Каронина	244
VIII. СОЦИОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.—С. А. Муромцева	1
IX. ВОЛЬНЫЯ КРЕСТЬЯНСКІЯ ШКОЛЫ. (Очеркъ).—А. С. Пругавина	38
X. ЧТО ТАКОЕ НАУЧНАЯ ФИЛОСОФІЯ? — В. В. Лесевича	58
XI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА. (Сообщено г. Андреевымъ).	76
XII. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XXXI. —Н. В. Шелгунова.	94

XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Мнѣологія и этнографія. — М. И. Кулишера	114
XIV. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. (Британскія рамѣтки). — Т.	137
XV. 1888 ГОДЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. — В. А. Гольцева	147
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Двадцатипятилѣтіе земскихъ учреждений. — Вопросъ о врачебной части на фабрикахъ въ московскомъ земствѣ. — Привлеченіе земли въ Москвѣ къ земскому губернскому сбору. — Воспоминаніе о графѣ Лорисъ-Меликовѣ и его системѣ. — Докладъ о книгѣ Фадѣева. — Подписка на 4% заемъ. — Погашеніе временныхъ кредитныхъ билетовъ на 30 м. р. — Финансовое положеніе и курсъ. — Дѣло дворянъ Минувльскихъ.	156
XVII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: «Большой театръ»: <i>Борисъ Годуновъ</i> , опера Мусоргскаго. — «Московское музыкальное общество»: <i>Новая симфонія</i> П. И. Чайковскаго. — Н. Нина. — «Малый театръ»: <i>Послѣдняя воля</i> , комед. Вл. Ив. Немировича-Данченко. — <i>Въ Шимонскомъ замкѣ</i> , трагедія А. Ф. Федотова. — Ан.	179
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика. — Философія и педагогика. — Исторія и исторія литературы. — Языкознаніе и этнографія. — Политическая экономія. — Медицина. — Естествознаніе. — Сельское хозяйство. — Дѣтскія книги и учебники. — Справочныя книги и календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», декабрь 1888 г. — «Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь — декабрь 1888 г. — «Русскій Архивъ», май — декабрь 1888 г. III. Матеріалы журнальной статистики	1

1485
1889
С. А. Юрьевъ †

С. А. Юрьевъ †.

декабря скончался Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ, первый редакторъ *Русской Мысли*, въ теченіе пяти лѣтъ со дня основанія журнала (1880—1884) много потрудившійся для нашего изданія. Покойный принадлежалъ къ группѣ славянофиловъ, но занималъ въ ней самостоятельное мѣсто, всегда относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ западно-европейской наукѣ и къ культурнымъ учрежденіямъ германо-романскаго міра. Сергѣй Андреевичъ энергически проповѣдывалъ *хоровое начало* въ государственной жизни, при которомъ ясно и полно звучить каждый отдѣльный голосъ. Онъ не уступалъ Аксаковымъ, Кирѣевскимъ, А. С. Хомякову и А. И. Кочелеву въ горячей любви къ независимому печатному слову и въ глубокой вѣрѣ въ творческія силы русскаго земства. Въ славянскомъ вопросѣ Сергѣй Андреевичъ стоялъ за братское единеніе старшихъ и младшихъ, большихъ и малыхъ славянскихъ народовъ, которые также должны были бы въ своихъ взаимныхъ интересахъ прининуться великимъ хоровымъ началомъ. Не менѣе, если не болѣе, чѣмъ вопросамъ политическимъ, отдавалъ свою душу Сергѣй Андреевичъ вопросамъ искусства, въ особенности театру, любовь къ которому владѣла имъ съ юности. Покойный извѣстенъ какъ отличный переводчикъ Шекспира и Лопе-де-Веги. Онъ хорошо себя чувствовалъ въ мрачной и торжественной испанской драмѣ, гдѣ лица обрисованы крупными и рѣзкими чертами, гдѣ дѣло идетъ о героическихъ битвахъ, о жизни

или смерти изъ-за чести и поруганнаго достоинства высоко приподнятой личности. Нѣкоторыя изъ переведенныхъ С. А. Юрьевымъ пьесъ имѣли большой и вполне заслуженный успѣхъ на московской сценѣ.

Покойный пользовался въ Москвѣ доброю извѣстностью и какъ преподаватель на высшихъ женскихъ курсахъ профессора Герье, въ консерваторіи и въ нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ любилъ и понималъ молодежь, умѣлъ откликаться горячимъ словомъ на ея великодушныя порывы и потому заслуженно сохранилъ симпатіи этой молодежи до гробовой доски. Благодаря замѣчательному дару слова, Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ нерѣдко увлекалъ и людей зрѣлыхъ, нерѣдко заставлялъ ихъ противъ воли подчиняться картинно и пылко развиваемымъ мыслямъ. Сергѣй Андреевичъ былъ извѣстенъ всей образованной Москвѣ. Появляясь во многихъ московскихъ кружкахъ, онъ всегда и повсюду интересовывалъ собиравшихся вокругъ него слушателей, будилъ въ нихъ пытливаю мысль и чувства добрыя. Въ теченіе многихъ лѣтъ С. А. Юрьевъ являлся связующимъ звеномъ людей закала сороковыхъ годовъ и смѣнявшихъ ихъ поколѣній, постоянно учась самъ и уча другихъ. Самостоятельныхъ работъ у Сергѣя Андреевича было немного. Наиболѣе значительныя изъ нихъ посвящены излюбленнымъ для Юрьева вопросамъ художественной и философской драмы и сценическаго искусства. Читатели *Русской Мысли* замѣтили, конечно, его статьи о Фаустѣ и *Нѣсколько мыслей о сценическомъ искусствѣ*, — талантливую и серьезно обдуманную монографію, которая печаталась у насъ въ прошломъ году.

Похоронили Сергѣя Андреевича хорошо, почетно, и благодарная память о немъ долго будетъ жить въ московскомъ обществѣ.

Из переписки недавних дѣателей *).

(Матералы для исторіи русскаго общества).

(1839 г.).

Чортъ знаетъ, Герценъ, что такое со мною сдѣлалось, что никакъ не въ духѣ писать; ну, вотъ, лѣнь, да и только! Когда мы были одиноки на краю свѣта, мы не лѣнились; душа просилась поговорить съ родною душой, а теперь мы пишемъ рѣже (относительно возможности), письма коротенькія. Твои въ поллиста такъ просто, мои въ поллиста съ перегибомъ. Да что-жь мы дѣлаемъ, что мало или вовсе не пишемъ? Ты занимаешься дѣломъ, а я ничѣмъ. Да! пустота страшная, наконецъ, схватила и душитъ меня. И, мнѣ кажется, всѣмъ пусто—всѣ выговорились. Сказать болѣе никому нечего. Теперь намъ скучно. Баронъ въ хандрѣ, шляется Богъ его знаетъ гдѣ, ѣздитъ не такъ часто, а когда мы вмѣстѣ, слова путнаго не завяжется, а время проходитъ въ дѣланіи куколъ, рисованьи на бумагѣ шашечницы и т. п. Bitter по обычаю молчитъ; третьяго дня онъ нарѣзался, какъ стелька, несмотря на начинавшуря боль въ ногѣ, и снова хромаетъ. Катковъ хотя и охотникъ говорить, но какъ-то все переговорилось и вертится дѣло на пустякахъ, если не завяжется субъективно-задушевнаго разговора. Бакунинъ погрузился въ философію Гегеля, когда одинъ, но какъ скоро съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, то погружается въ шахматную игру такъ, что уже не слышитъ, что ему говорятъ. Галяховъ къ тебѣ ѣдетъ. Боткинъ **) недавно возвратился; теплый, милый человекъ, которому отрадно протянуть руку. Но главное то дѣло въ томъ, что всѣ рассказали другъ другу, что думаютъ, а больше ужъ и говорить нечего. Ergo что-то пусто, а, можетъ, это моя личная хандра. Какъ бы то ни бы-

*) *Русская Мысль* 1888 г., кн. XI.

**) Васильи Петровичъ, авторъ *Писемъ объ Испаніи*.

ло, частыя посѣщенія нами другъ друга имѣють, кажется, тотъ результатъ, что мы другъ другу страхъ какъ мѣшаемъ; но что дѣлать—une fois le pli pris—такъ и осталось. Однако, дѣятельности все у меня больше, чѣмъ когда я былъ одинъ, но не дѣятельности активной, а собственно производящей. Я пишу много, что увидишь при свиданіи. Ты надняхъ будешь, ты долженъ быть сюда, другъ мой! Я обниму тебя отъ полноты души. Ты придешь ко мнѣ, и мы проведемъ полночи или дѣлую ночь вмѣстѣ, да никому не скажемъ о томъ,—Саша, пожалуйста, никому; останемся tête-à-tête у камина, вѣдь, мнѣ, все-таки, тебѣ больше есть кое о чемъ сказать, нежели имъ. А во Владимірѣ не хочется ѣхать, ей-Богу, лѣнь ужасная, возрастающая по мѣрѣ приближенія твоего пріѣзда; не сердись, братъ, это ужъ какъ-то чортъ знаетъ отчего дѣлается. И въ деревню я не ѣду. А встаети, одна изъ причинъ пустоты душевной—это женщины, проживающія у насъ. Одну изъ нихъ (M-me Bollviller) я люблю, какъ сестру, какъ друга, потому что и она умѣетъ горячо любить, сердце золото, а голова тупа до безконечности, отсюда болтовня и скука. Другую (M-me Rap...) я просто не терплю. Ни головы, ни сердца; внутренняя пустота—фраза и педантизмъ несносны. Только и остались у меня святые часы—рано поутру, когда я пишу, и потомъ, когда случится задушевный разговоръ съ Маріей, гдѣ есть и теплыя слова, и горячіе поцѣлуи. Одно въ моей жизни неизмѣнно хорошо—дружба и любовь, любовь и дружба—и я счастливъ, мирюсь со скукой обыденности; пусть она будетъ вдесятеро скучнѣе, лишь бы я все также могъ на обѣ стороны протянуть руки и встрѣтить крѣпкія рукопожатія. Когда-жъ ты пріѣдешь? Ты мнѣ дашь аудіенцію у меня передъ каминомъ въ часъ заутрени?... Да? Да, да, да! Пройдемъ все наше прошедшее, богатое воспоминаніями, условимся въ будущемъ; много есть о чемъ говорить.

Теперь перейду къ Гегелю. Я убѣдился, что надо читать его, а не учениковъ, а тѣмъ паче не гнусныя статьи Бѣлинскаго, который столько же ученикъ Гегеля, сколько я родной братъ китайскаго императора *). Но ты не хорошо приступаешь къ нему. Ты смѣешься надо мной, когда я говорю, что подхожу къ нему со страхомъ и вѣрою. Напрасно! Какъ религія была таинство, къ которому въ былыя времена приступали со страхомъ и вѣрою, такъ

*) Рѣчь идетъ, очевидно, о статьяхъ Бѣлинскаго въ концѣ 1839 г. въ *Отечественныхъ Запискахъ* (О „Бородинской годовщинѣ“ и пр.), въ которыхъ гегелианское учение о разумности въ дѣйствительности доводилось до воспѣванія современной русской дѣйствительности (см. у *Лымина*: „Бѣлинскій, его жизнь и перениска“, I, 307 и слѣд.).

въ наше время—философія, и именно философія Гегеля. Эй, Саша! ты въ чтеніи философіи еще не отказался отъ своего личнаго мнѣнія и не возвысился на точку объективнаго разума; оттого-то ты и трактуешь о Гегелѣ свысока. Нѣтъ, въ сторону то, что ты сознаешь себя умнымъ человѣкомъ, въ сторону самолюбіе; совершенная преданность предмету, совершенное отреченіе отъ личнаго убѣжденія, но только совпаденія съ выводами общаго разума, разума человѣчества, разума Божія—вотъ что я отъ тебя требую. И если бы ты былъ на такой точкѣ, ты бы не говорилъ: вотъ тутъ-то Гегель ошибся, а сказалъ бы: вотъ тутъ-то я недоразумѣваю, надобно ближе познакомиться съ цѣлостью системы; ты бы не говорилъ: давайте разберемте по книгѣ Гегеля и станемте переводить, а сказалъ бы: нельзя ли приступить къ переводу какой-нибудь части Гегеля, не усвоивъ себѣ напередъ всей системы? Если ты откровененъ, ты согласишься со мной.

Баткова я очень люблю, кромѣ дѣтскаго самолюбія: это душа славная, поэтическая, мнѣ случается проводить съ нимъ блаженныя минуты.

Здравствуй, сестра Наташа! Дай ручку, принеси мнѣ маленькаго Сашу, я его поцѣлую. Ты опять останешься съ нимъ одна! Бѣдная сестра! у тебя отнимаютъ мужа ради какого-то министра внутреннихъ дѣлъ! *). Да что такое министръ внутреннихъ дѣлъ? Это призракъ! Не вѣрь имъ. Сколько я ни желаю видѣть Александра, не пускай его. Не надо ему министра. Увѣрь же его, что ему министра не надо, ни министра, ни службы. Посылаю тебѣ Рахель въ утѣшеніе или въ скуку, потому что мнѣ кажется, что ее очень скучно читать **). Конечно, она удивительное явленіе, да и удивляться скучно. Что такое—философія не философія, чувствительность не чувствительность, женщина не женщина—Богъ знаетъ, что такое.

Тарантасъ полученъ. Норма послана съ ямщикомъ на имя вашего губернатора. Серве сюда пріѣхалъ съ виолончелью, а дядя мой безъ виолончели; дядя ѣдетъ въ Пермь, а Серве никуда не ѣдетъ. Прощай! До свиданія, братъ. Вотъ вамъ рука. Маша шлетъ вамъ обоимъ привѣтъ.

*) 1 октября 1839 г. Герценъ писалъ Витбергу: „Я утвержденъ министромъ чиновникомъ особыхъ порученій. Въ январѣ поѣду въ Петербургъ. Пашенька желаетъ, чтобы я тамъ служилъ“ (*Изъ даматикъ мнѣ*, II, 169).

**) Rachel—жена Vagnhagen von Ense, записки которой, говорятъ, очень интересовали Герцена.

Пѣшковъ въ Твери; у него умерла мать, о чемъ онъ мнѣ писалъ *).

Рахель не посылаю, боясь слишкомъ нагрузить Галахова.

(1840?).

Февраля 15. Прочелъ я *Органику*, слѣдовательно, кончилъ натурфилософію и радъ до смерти; она мнѣ становилась sauer. Охота тебѣ была восхищаться *Органикой*. Перечти и увидишь, что немногое удовлетворительно и что половина состоитъ изъ натянутыхъ абстракцій, неопредѣленныхъ словъ и игранія мыслью. Загляни только на теоріи болѣзни, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Мнѣ и самая преходячесть единичности ради всеобщаго становится подозрительна. Я не вижу, ради чего роду нужно, чтобы исчезалъ индивидъ, и мнѣ сдается, что тутъ что-нибудь другое, но что—не знаю. Можетъ, я глушь на эту минуту и недопонимаю, или, можетъ, вражда къ неопредѣленнымъ словамъ въ концѣ книги поставила меня въ какое-то косящееся на нее состояніе. Все это можетъ быть! Но пока я неудовлетворенъ и съ жадностью перейду zu den Thassachen. Les sexes! dio santo! да Гегель, кажется, самъ чувствовалъ, что не понимаетъ внутренней необходимости половъ и потому насказалъ объ этомъ очень немного, весьма туманныхъ вещей. Что тутъ должна лежать глубокая и великая необходимость, я это знаю; но *Органика* ничего мнѣ не раскрыла, и я gros Jean comme devant. Лучшее въ книгѣ—тяготѣніе и метеорологическій процессъ. А всего лучше ея цѣлость, т. е. путь природы aus dem continuirlichen zum Subjectiven, и, вѣнчая дѣло mit dem Fursichseyn, Гегель опредѣлилъ весь Kern чловѣка; только побоялся сказать всю правду безъ обиняковъ. Многую Befangenheit я прощаю учителю, но есть намѣренная неоткровенность, которой ему исторія не простить, несмотря на то, что воздвигнетъ ему колонну выше Вандомской.

Нельзя ли отказать обходить въ природѣ вещественные перевороты и метаморфозы многозвучнымъ словомъ: ideell, которое всѣ переходы ставить ins blaue hinaus? Это sui generis. Ideell только тамъ, гдѣ дѣйствительно является der Gedanke für sich независимо отъ природы и можетъ развиваться въ свою систему. Это все философскія плутни, Герценъ,—не вѣрь имъ. .

Я говорилъ, что намѣренъ заняться грибами. Еще намѣренъ заняться crustaceæ. Животные переходы къ скелету. Но еще на-

* Пѣшковъ былъ бѣдный молодой чловѣкъ, которому Герценъ и Огаревъ помогали студить въ университетѣ. О печальномъ концѣ его см. у Пассекъ II, 326.

ружный скелеть. Мнѣ хвостъ (шейка) рака fait l'effet de vertèbres, а не чуть не колець. Crustacee далеко ушли отъ кольчатыхъ; между ними цѣлый міръ насѣкомыхъ. Шейка рака дѣло важное. Если это позвонки, то есть странное отношеніе позвонковъ къ движенію. Животныя, у которыхъ голова свободна, а остальные позвонки сплошны или только позвонки соссух'а сплошные (что еще выше), движутся впередъ; а голова сплошная съ спиною (у рака), а позвонки соссух'а свободны,—опредѣляютъ движеніе назадъ. Все это, можетъ, и мелко, но занимаетъ меня.

Вообще лѣтомъ налягу на все *переходное*. Переходы многое должны открыть при пособіи химіи. Это, право, не такъ мелко, какъ кажется. Новая Bestimmtheit элементовъ должна показаться изъ переходныхъ созданий... Еще вотъ что хотѣлъ сказать: все развитіе въ химіи есть *изотерическое*. А засимъ спать пойду или читаю въ постелѣ *Chemische Briefe Liebig'a*, которыхъ еще не читалъ. Память меня пуще всего оскорбляетъ, Герценъ. Я бы даже готовъ употребить медицинскія или діететическія средства для исправленія ея. Но не довольно вѣрю медикамъ на этотъ счетъ, стану дѣлать самонаблюденія, чтобы подмѣтить, гдѣ зло.

Февраля 16. Завтра отпущу письмо. Завтра въ первый разъ выхожу изъ комнаты. Скучно мнѣ сегодня и писать не расположенъ. Стану читать *Лелію*; хочу узнать, какое впечатлѣніе она произведетъ теперь. Либихъ пишетъ чудеснымъ языкомъ. Ясно необычайно. Я нигдѣ не добрался до яснаго понятія химическаго разсчета и только изъ писемъ Либиха понялъ его начисто. Въстѣ съ тѣмъ, яснѣй чѣмъ когда-нибудь понялъ, что атомическая теорія совершенный *luxus* въ этомъ разсчетѣ. Діамантъ, графитъ, свинецъ и платина рѣшительно должны принадлежать *ряду* тѣмъ, которыхъ показатель, основа... какое слово, не придумаю... углеродъ.

Прощайте, друзья, наконецъ! Совсѣмъ не расположенъ писать. Обнимемся крѣпко. Пора свидѣться. Пишите тотчасъ по полученіи письма. 10 апрѣля н. с. я уѣзжаю. Книгъ много. На кого и какъ раздѣлить? Скучно. Какъ-то глупо день провелъ. Прощайте! Прощай, Наташа!

(1840 г.)

Февраля 20. Рѣчь не о масляницѣ, которой теперь второй день, и не о блинахъ, которые люди добрые ѣдятъ за завтракомъ, а дѣло вотъ въ чемъ.

Я сейчасъ проснулся и во снѣ видѣлъ тебя. Мы перечиты-

вали какую-то старую книгу, вначалѣ нашего знакомства читанную, нами любимую. Поля ея были исписаны фигурами и словами. Я почти всѣ ихъ помню. Другъ! какъ это внезапно меня перебросило въ 15-ти лѣтній возрастъ, и я не могъ не написать къ тебѣ Вотъ истинная потребность. Что это былъ за дивный возрастъ! Ты не забылъ его, Александръ? Грѣхъ тебѣ, если забылъ: это святое время нашей дружбы! Что за дивная жизнь, разбери, пожалуйста: дружба составлена, союзъ крѣпокъ; мы чувствуемъ въ себѣ какую-то силу необыкновенную. Этимъ союзомъ мы отрицаемъ наше ребячество и, крѣпко обнявшись, кажется, говоримъ людямъ: мы юноши! Какая благородная гордость въ первомъ ощущеніи самихъ себя! А передъ нами лежитъ будущее, безконечное—*tabula rasa*, мы напишемъ на ней дѣла великія. Что за чудесное время, Герценъ! Наша дружба—точка отправления въ даль, которую мы наполнимъ своимъ существованіемъ. Иногда мнѣ кажутся смѣшны эти 15-ти лѣтніе герои, но въ эту минуту я чувствую, что они были прекрасны. Я смотрю на нихъ, какъ на художественное произведеніе. Все наше прошедшее приходитъ мнѣ на память: и эта книга съ исписанными полями, и комната, гдѣ мы ее читали, и дверь въ комнату затворена. Тамъ возлѣ все докучные люди толкуютъ о вздорѣ, намъ до нихъ дѣла нѣтъ. Мы полны жизнью, мы опредѣляемъ нашу будущность, мы чувствуемъ, что мы не пройдемъ въ міръ такимъ пошлымъ путемъ, какъ тѣ. А въ окно свѣтитъ звѣздочка... Мы ее полюбили, мы назвали ее нашею путеводною звѣздой, мы вѣримъ. Мы плачемъ отъ любви другъ къ другу, намъ такъ хорошо, мы такъ сильны... О Герценъ, Герценъ! что это за чудесное время! Я не промѣняю настоящаго развитія на ту начинавшуюся жизнь, но со вздохомъ скажу: она была лучше! Жалко мнѣ моего прошедшаго, настоящее пусто и скучно, атмосфера, въ которой я живу, меня душитъ. Герценъ! руку, дай мнѣ руку, старый другъ мой, мой вѣрный товарищъ, благодарю за блаженство, которое мнѣ принесла твоя дружба. Я недоволенъ тѣмъ, о чемъ уже писалъ—безпрерывнымъ нахожденіемъ себя въ обществѣ людей, которыхъ я хотя люблю, но ужь слишкомъ часто вижу.

Марта 1. Я начинаю устроиваться. Назначилъ день для сходакъ, а остальное время рѣшаюсь держать двери на запорѣ. Стремленіе къ наукѣ сильно. Я принялся за феноменологию и чувствую, что въ самомъ дѣлѣ началъ сначала. Страшно читать Гегеля,—безъ шутокъ, страшно,—того гляди впадешь въ форма-

лизмъ, а именно заслуга Гегеля состоитъ въ томъ, что у него нѣтъ формализма. Формализмъ беретъ готовую схему, прилагаетъ ее ко всему, а у Гегеля само содержаніе имѣетъ и даетъ форму. Но для насъ есть возможность впасть въ формализмъ потому, что мы можемъ схватить въ Гегелѣ общія данныя—и давай все гнуть по нимъ.

(1840 г.).

Марта 6. Теперь пожалуйста-ка ко мнѣ на судъ съ вашимъ письмомъ. Начну съ конца. Кетчеръ велѣлъ тебѣ сказать, что хотя ты и обвиняешь его въ нелѣпостяхъ, но что онъ никогда не изобрѣталъ подобной твоему вопросу, которымъ ты заключаешь свое письмо. Мнѣ твой вопросъ представляетъ психологическую задачу; я ее выведу. Первая идея, которая запала въ нашу голову, когда мы были ребятами, это — социализмъ. Сперва мы наше *я* примѣнили къ нему, потомъ его прилѣпили къ нашему *я*—и главною цѣлью сдѣлалось: мы создадимъ социализмъ. Не отрекайся, это правда. Чувствуешь ли ты, что въ этомъ много уродливости, что тутъ эгоизмъ, хорошо замаскированный, но тотъ же эгоизмъ? Отсюда вышло когда-то желаніе набросить міру новую религиозную форму. Вотъ источникъ твоего вопроса..... Насчетъ медали поступи, какъ хочешь,—пожалуй, хоть и подари, я буду показывать съ одной стороны и объявлять, что получилъ за спасеніе утопающихъ.

Насчетъ службы я съ тобой совершенно согласенъ. Тутъ важная задача вотъ еще въ чемъ: постигнуть общій духъ вѣка и важнѣйшій вопросъ, заключающійся въ настоящемъ моментѣ, и трудиться для него. Насчетъ сожженія статей тоже совершенно согласенъ, только не жги *Selbstbiographie*. Переводъ французскій Ранге искаженъ. Не читай его.

Мое самоотреченіе ты не такъ понимаешь. Что у меня нѣтъ элемента практической воли, въ этомъ я убѣжденъ, хотя чортъ знаетъ отъ чего выходитъ, что я не дѣлаю ничего, чтобъ удовлетворить желанію другихъ. Моя воля отрицательна; есть граница, за которую никто не можетъ переступить; но до этой границы дѣлай всякій, что ему угодно. Я не только не мѣшаю, но даже не замѣчаю. Это очень скверно, но едва ли я когда-нибудь могу переиначиться. Ни на кого не кричу, никого не ударю. На меня можно кричать и бить меня можно, но внутренняя жизнь моя—моя, и въ ней доступу нѣтъ никому; на нее нельзя кричать, бить ее не позволено. Что же касается самоотреченія

относительно *pater* Гегеля, то оно имѣетъ относительную причину: я не создалъ и не создамъ философской системы и беру ее въ другомъ, выразившемъ современную философію. Приступаю съ вѣрою, значить, *mit Andachten*. Запрещаю моему субъективному разсужденію противорѣчить. Но объективный разумъ пусть движется во мнѣ при чтеніи Гегеля, какъ и во всѣхъ. Я Гегеля смѣшалъ и смѣшиваю съ философіей до тѣхъ поръ, пока Гегель является какъ объективный разумъ.

Хандра прошла у насъ у всѣхъ. Баронъ перевелъ Эгмонта и переводить Шекспира. Я читаю феноменологию и поправляю поэмку. По окончаніи ея я скажу самъ себѣ, есть ли во мнѣ художническое призваніе, или нѣтъ. Надо прояснить себѣ и свою личность. Что же касается хандры,—дай всему мѣсто и время. Грусть также истинное и святое чувство.

Насчетъ Менцеля поговоримъ въ другое время *). Теперь надо отсылать сіе посланіе. Поговоримъ при свиданіи. Необходимо уяснить себѣ идею государства.

Когда же ты будешь? Приѣзжай скорѣй и останься подольше. Мнѣ къ тебѣ ѣхать, право, не хочется: для одного дня, въ который, кромѣ глупостей, ничего не успѣешь наговорить, нечего ѣздить. Портретъ я тебѣ свой сдѣлаю, когда встрѣчу еще художника, которому болѣе удастся, а маленькіе возврати мнѣ, потому что они для меня составляютъ субъективный интересъ, по которому я именно къ нимъ привязанъ и не хочется съ ними разстаться.

Вадимъ издалъ книжку, въ которой я одну статью началъ читать: «Люблю тебя, красавица моя, Таврида! Ты очаровательна, у тебя жизнь течетъ по разметаннымъ членамъ и т. д.». Очень поэтично-съ написано!

Былъ у меня Лукичъ. Идіотъ большой руки. Былъ я у Марьи Иван. У нея вторая дочь, Душенька, очень мила.

Благодарю Наташу за приписку. Жму ей руку крѣпко, но не больно, а сладко. Сашу цѣлую и радъ, что онъ, наконецъ, становится въ состояніи кушать мясо, которое, вопреки всѣмъ скотолобивымъ разсужденіямъ, превкусная штука. Маша вамъ кланяется, а *Пенна* не сожгла **).

*) Въ январской книжкѣ *Отеч. Записокъ* 1840 г. появилась статья Бѣлинскаго о Менцелѣ въ такомъ же духѣ, какъ и двѣ вышеупомянутыя. Это одна изъ статей, которыхъ авторъ потомъ самъ видѣть не могъ безъ раздраженія. О ней много говорили въ кружкѣ.

**) Поэма *Вильямъ Пеннъ*, завершавшая рядъ религиозно-поэтическихъ опытовъ, которые писалъ Герценъ подъ вліяніемъ Витберга, замаркованная Бѣлинскимъ (который

Прощайте, друзья! Скорѣе прїѣзжайте.

Salut, amitié et sympathie éternelle. Мнѣ жаль было Галахова. Я его очень люблю. Благороднѣйшій человекъ.

Вотъ цѣлые два дня не могъ взять пера въ руки для письма; а всему виной—Гамлетъ. Гамлетомъ я восхищаюсь все болѣе и болѣе. Какъ каждое лицо вѣрно и полно обрисовано—это неподражаемо! Не знаю, отчего никто не хочетъ согласиться со мною въ разумности дружбы Гамлета и Гораціо. Гораціо любитъ Гамлета потому, что онъ самъ блѣдный сколокъ съ Гамлета, онъ также сомнѣвающейся, глубоко грустный человекъ; ихъ натуры одинаковы. Я рѣшительно думаю, что отъ этого привязанность Гораціо къ Гамлету возбуждаетъ участіе. Баронъ говоритъ, что Гамлетъ лучше любитъ Гораціо потому, что Гораціо образованнѣе другихъ; но я рѣшительно стою въ своемъ мнѣніи.

Что наша журналистика! Ей-Богу, срамъ! Въ *Запискахъ* напечатана 1-я половина романа Купера, которая занимаетъ $\frac{3}{4}$ книги; обѣщана 2-я половина. Чортъ возьми! ужъ лучше бы цѣликомъ печатать Вальтеръ-Скотта, Купера и т. д. подъ заглавіемъ *Отечественныхъ Записокъ*. Мнѣ кажется, что журналистика на подобіе московскаго театра должна падать до невозможности, а тамъ вдругъ счастливый случай—и новая жизнь въ литературѣ. Но какъ я не знаю индивидовъ для ролей Мочалова, Бантышева, Лаврова, такъ не знаю и индивида, который бы являлся въ литературѣ съ глубокимъ умомъ, обширными свѣдѣніями, пылкою дѣятельностью и рѣзкимъ языкомъ и могъ бы возбудить участіе въ публикѣ. А пока пою отходную всѣмъ нашимъ толстымъ-тоненькимъ журналамъ.

Что-жь Бѣлинскій не напечаталъ стиховъ? Да отчего онъ не напечаталъ давно посланнаго цвѣтка? Узнай это. Жалко, что твое письмо исчезло, а интересно бы прочесть встрѣчу Наполеона съ Суворовымъ (которые никогда не встрѣчались)*). Ну, прощай. Жму руку Наташѣ и цѣлую Сашку. Ты получишь еще записку съ деньгами особо. Прощай.

Salut, amitié et sympathie éternelle.

(Май 1840 г. въ Москвѣ).

Герценъ! Я посмотрѣлъ внутрь себя и мнѣ стало страшно, страшно моихъ страданій. Они становятся нестерпимы. Я не говорилъ съ тобою, но пишу, потому что, еслибъ я говорилъ, я залил-

отослалъ автору рукопись съ просьбой „переписать прозою, а то мѣшаетъ читать,—все кажется, что это стихи“); она никогда не увидѣла свѣта.

*) Герцена и Бѣлинскаго?

ся бы слезами. Моя душа распалась на двое. Вражда между дружбою и любовью разорвала меня. Она съ обѣихъ сторонъ для меня оскорбительна. Не думай, что я нахожусь подь какимъ-нибудь вліяніемъ. У меня есть своя сила, сила контрактивная, я сосредоточень въ себѣ, въ моей внутренней жизни, и эта жизнь сильна; я себя сознаю ясно. Не думай, чтобъ я не сознавалъ ясно того, что меня сокрушаетъ. По чистой совѣсти и изъ глубокаго убѣжденія я говорю, что я себѣ ясно опредѣлилъ мой внутренней и мой внѣшній міръ. Но исчезла моя свѣтлая гармонія. Другъ! я страдаю. Боже мой! какъ я мучительно страдаю. Не рассказывай никому, даже никому изъ нашихъ объ этомъ письмѣ. Можетъ быть, слеза пробьется у тебя, читая его. О! какъ я тебя благодарю за эту слезу. Братъ! больно тамъ гдѣ-то внутри. Все горитъ въ груди, то плачется, то все такъ сожмется, что и плавать не могу. Въ жизнь мою я не страдалъ такъ. Но я требую отъ тебя, во имя дружбы, принести мнѣ жертву великую: когда ты придешь къ намъ, отведи Марію въ сторону, протяни ей руку, скажи, что ты просишь забыть распрю, между вами существовавшую, что другъ и жена Николая не могутъ быть врагами, что вы должны соединиться во имя мое. Вотъ видишь, Герценъ, я и теперь плачу. Я ребенокъ, можетъ быть. Но, во имя дружбы, умоляю тебя, соедини два разорванные элемента моей души. Положивъ руку на сердце, скажу выводъ, сдѣланный изъ полнаго убѣжденія: у васъ съ обѣихъ сторонъ непростительная ошибка. А мнѣ больно, больно, я задыхаюсь. Я хочу, чтобы дружба соединила разрозненное. Пусть ей эта пальма отдается. Моя дружба мнѣ, старый другъ Герценъ, да или нѣтъ? О! да, да, ты сдѣлаешь это. Да, я не сомнѣваюсь. Я для тебя тоже бы сдѣлалъ и мнѣ легко было бы сдѣлать. Мнѣ хочется говорить съ тобою. Мнѣ опять грустно станетъ безъ тебя. Когда мы сойдемся en tête à tête? Но никому ни слова объ этомъ письмѣ.

(1840 г.)

Теперь не ходи, ни черезъ часъ. Но въ 1-мъ часу я приду къ тебѣ съ тѣмъ, чтобъ у тебя никого не было, скажись *abwesend*. Я вчера едва могъ понимать, что происходитъ со мною. Изъ концерта ѣхать домой мнѣ было ужасно; я обрадовался, что меня позвали въ гости къ пошлѣйшимъ людямъ, и сталъ играть въ деньги. Тревожное чувство замолчало; но едва я пошелъ домой, весь нашъ вечеръ сталъ передо мной какимъ-то призракомъ. Выходъ! Едва ли возможень выходъ. Вся зима прошла въ какихъ-то усиліяхъ поддержать внутреннее спокойствіе. Я не могъ ничего дѣлать. Но вы

ее такъ же не знаете, какъ она васъ; вы всегда останетесь чуждыми другъ другу; я былъ на пути потерять дружбу и любовь разомъ; тогда бы я застрѣлился. Вчера я опять нашелъ дружбу. Но внутренняя тишина надолго взволнована. Это не хорошо, тѣмъ болѣе, что ладилъ въ послѣднее время; мнѣ уже казалось, что настанетъ часъ примиренія, теперь все опять разрушено. Объясненіе вчера было не кстати; оно могло быть только между нами двумя; оно не было потому, мнѣ кажется, что выказывать личныя страданія недостойно, унижительно для человѣка съ душой; къ тому же, всякое слово и близкаго человѣка растравляетъ рану, а не лечитъ. И такъ, около часу я у тебя. Ухъ, другъ, тяжело на сердцѣ. Руки холодны и какая-то дрожь въ груди, и тоска мучительная. До свиданія!

(1840 г.).

Мая 16. Другъ! Вотъ тебѣ на скорую руку записка. Меня не пускають на Кавказъ,—ты знаешь, какъ мнѣ это нужно. Ты знаешь, что я подалъ въ отставку, потому что меня не пустили въ отпускъ. Отставка мнѣ кстати, потому что въ деревнѣ голодъ и совѣстно мотать въ столицѣ. Теперь отставку прокуроръ (Маркевичъ) послалъ къ министру на разрѣшеніе; отпуска и на 28 дней не далъ, утверждая, что я переведенъ въ Москву, въ сенатъ, по высочайшему повелѣнію и безъ высочайшаго разрѣшенія выѣхать не могу. Не могъ я ему растолковать, что переводъ въ Москву—милость, а не ссылка. Проси, кого хочешь, чтобы мнѣ въ министерствѣ не задержали отставки. Но только хлопочи скорѣе. Если будетъ черезъ двѣ недѣли отъ сегодняшняго числа отвѣтъ, то еще время ѣхать. Если позже, то я и жена останемся со всѣми болѣзнями, которыя могутъ сдѣлаться и опасными.

Хлопочи скорѣе и напиши, что ты, какъ пріѣхалъ, что дѣлаешь?

На конвертѣ написано: прошу васъ какъ можно скорѣе доставить Александру Ивановичу Герцену.

(1840).

(Рукоп Кетчера:)

Вр. Обо мнѣ ни слуху, ни вѣсти. Что писать все то же и то же? А побранить тебя есть за что. Что вы ни говорите, а вся литературная сволочь и въ подметки не годится, не исключая даже и почтеннаго Губера, нелѣпому Бѣлинскому, а потому тебѣ совсѣмъ не слѣдовало тѣшить былыми домашними остротами надъ нимъ досто-

любезных претендентов на собаку съѣлъ въ философіи и поэзіи, каковъ и вышереченный твой новый знакомый, который тасовался съ Цюриковымъ и озадачивали другъ друга, то онъ его Бантомъ, то тотъ его Фихтеемъ, а онъ-то и пришибъ его Гегелемъ. Несмотря на всѣ уродливости, я, все-таки, совѣтовалъ бы не расходиться совершенно съ Бѣлинскимъ и не слушать всѣхъ вздоровъ даже изъ устъ Михайлы Александровича *). Вотъ тебѣ за долгое молчаніе. Адресъ мой, если онъ тебѣ нуженъ: на 1-й Мѣщанской, противъ Набилковскаго училища, въ домѣ Немиръ. Бланияся Наташѣ и подѣлуй Сашку или потяни за носъ.

(Рукою Огарева:)

Почтенный баронъ уже побранилъ тебя, за что надо. А надо—саг—какъ не стыдно было увлечься гегельствомъ Губера, который, судя по его философскимъ статьямъ, если и читалъ Гегеля, то еще меньше понимаетъ, чѣмъ Бѣлинскій по наслышкѣ. Но довольно объ этомъ: боюсь подражать барону, т.-е. писать разъ въ годъ письмо, и то для того, чтобъ ругаться. Однако, не могу перейти ни къ чему порядочному sans avoir vidé la quegelle. Что за продолженіе боя у Ваткова съ Бакунинымъ и почему окончаніе *дурно*? Объясни. Я уже придумалъ: вѣроятно, одинъ другаго ударилъ въ рожу, а тотъ обтерся. Мнѣ ужасно жалко, что я протянулъ руку помощи этому длинному гаду. Поведеніе его относительно Боткина такъ низко, что выразить нельзя. Надѣюсь, что не худо будетъ не только отъ него отстать, но даже напрямикъ отказать во всякомъ остальномъ вспомошествованіи. Это такой человѣкъ, которому гадо руку протянуть; умно же ты сдѣлалъ, что не сблизился съ нимъ сердцемъ! Грустно, другъ, а дѣлать нечего—надо сознаться, что наше появленіе въ Москвѣ не доставило намъ хорошаго знакомства. Два умныхъ человѣка, изъ которыхъ одинъ мальчишка, другой.—вотъ все, что мы узнали. Ну, satis—sufficit.

Я не поѣхалъ подышать Италіей—ты это знаешь. Это мнѣ было очень больно, я надѣялся обновиться тѣломъ и духомъ; сначала невозможность ѣхать меня жестоко поколебала, но потомъ моя негативная твердость взяла верхъ, и я успокоился. Я хочу быть независимымъ отъ обстоятельствъ; ничто не должно возмущать спокойствіе духовной жизни. Я употребляю съ большою пользою время здѣсь, употребляю его на саморазвитіе. Много предпо-

*) Бакунина, который въ это время былъ въ одной изъ размолокъ съ Бѣлинскимъ. Объ этихъ размоловкахъ часто, хотя и не совсѣмъ ясно, говорится въ книгѣ г. Пичина (II, 7 и слѣд.).

неній въ занятіяхъ; сбудутся ли они или нѣтъ—не отвѣчаю. Пока сильно тружусь надъ переводомъ Гамлета и мнѣ кажется, что этотъ трудъ будетъ удаченъ; пока я самъ наслаждаюсь глубоко за этимъ трудомъ. Ты правъ, что мнѣ надо было приняться именно за Гамлета,—это человѣкъ мнѣ совершенно симпатическій. Но что это за созданіе—ты не можешь себѣ представить. Въ Шлегелѣ ты могъ видѣть только тѣнь Гамлета, благодаря скверному языку его перевода. Учись по-англійски, учись ради Шекспира. Я живу на дачѣ въ паркѣ (что не измѣняетъ моего адреса) весьма уединенно. Воды отымають у меня лучшіе часы для занятій, но, по крайней мѣрѣ, доставляютъ пользу мнѣ и Маріи. Паркъ пусть до необычайности, намъ ужасно хотѣлось нанять въ Бунцовѣ, но разница 3 версты остановила, и такъ довольно далеко на воды. Баронъ является почти аккуратно черезъ день; жизнь идетъ тихо, но не дурно. Ты, можетъ быть, будешь недоволенъ моимъ письмомъ, оно и коротко, и сухо, но что дѣлать? за то днемъ раньше. Обѣщаюсь тебѣ на будущей недѣлѣ написать длинное письмо. А теперь отправлюсь будить жену, чтобъ ѣхать на воды—уже полчаса 6-го утра. Перешли прилагаемые стихи Бѣлинскому для напечатанія въ *Отечественныхъ Запискахъ*, но не смѣй отдавать ни въ какой другой журналъ, несмотря на то, что онъ, по расчетамъ Смирдина, продается по 15 р., и несмотря на то, что Губеръ, который прежде звалъ его *нашъ журналъ*, за непомѣщеніе его стиховъ и разбора перевода Фауста, поносить его. Эхъ, братъ, не умѣешь ты ходить за кулисы!

Также попроси Бѣлинскаго не называть меня Иларіономъ, а просто Николаемъ. Стихи же отдай немедля и не слишкомъ гнушайся Бѣлинскимъ. Прощай! Жму руку Наташѣ, прошу Сашку мнѣ хлопнуть по рукѣ. Прощай до будущей недѣли. Купи мнѣ 1000 сигаръ, 750 отъ 15—20 р., а 200 по 30 р. Деньги тебѣ на той недѣлѣ вышлю. Пришли ихъ осторожнѣй, чтобы не сломались, по почтѣ, или какъ хочешь, лишь бы пришли въ цѣлости. Прощай!

Письма эти заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, интересныя данныя для исторіи отношеній къ Бѣлинскому Герцена и его московскихъ друзей. Какъ мы упоминали, Бѣлинскій и Герценъ встрѣтились и спорили еще въ 1839 г. въ Москвѣ. По показанію Панаева, Герценъ навѣстилъ Бѣлинскаго въ первый короткій пріѣздъ свой въ Петербургъ въ январѣ 1840 г., но въ это время между ними отнюдь еще не могло быть объясненія по поводу статей о Бородинской годовщинѣ и проч., въ которомъ бы Бѣлинскій согла-

сился съ своимъ собесѣдникомъ и разсказалъ свою знаменитую встрѣчу съ офицеромъ, отказавшимся съ нимъ знакомиться. Изъ сейчасъ приведеннаго письма видно, что оба собесѣдника еще сохраняли свои позиціи. Изъ писемъ Бѣлинскаго къ Боткину видно, что Бѣлинскій началъ «примиряться съ французами» только лѣтомъ 1840 г., а «проклинаеть свое примиреніе съ дѣйствительностью» только въ письмѣ отъ 4 октября 1840 г. Очевидно, что только около этого времени могла произойти та рѣшительная бесѣда Герцена съ Бѣлинскимъ, которая привела ихъ къ полному соглашенію и дружбѣ. До тѣхъ поръ посредничество московскихъ пріятелей, особенно литературныя комиссіи Огарева, поддерживали между ними личныя отношенія (ср. дальнѣйшія письма здѣсь, а также книгу *Пытина*, I, 306, примѣч. II, 15, 18, 41, 93—94).

Мѣста въ письмѣ Огарева, относящіяся къ Каткову и Бакунину, не совершенно ясны. На ссору Каткова и Бакунина въ квартирѣ самого Бѣлинскаго, поведшую за собою проектъ дуэли въ Берлинѣ, — какъ увидимъ, несостоявшейся, — есть указанія въ книгѣ *Пытина* (II, 54—55), который, впрочемъ, не проводитъ письма Бѣлинскаго къ Боткину (отъ 12 августа 1840 г.), а только на основаніи его поправляетъ показаніе Панаева, говоря, что «поводомъ къ ссорѣ было вовсе не разсужденіе о разныхъ философскихъ вопросахъ, а чисто-личныя отношенія».

Кто виноватъ былъ въ ссорѣ, или кто былъ больше виноватъ, пока неизвѣстно. Рѣзкіе отзывы о Бакунинѣ повторяются и въ дальнѣйшихъ письмахъ. Они тогда раздѣлялись всѣми близкими членами кружка и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, принимавшими ближайшіе участіе въ сердечной исторіи Боткина, въ которой Бакунинъ игралъ роль посредника, каковая, кажется, послужила моделью Тургеневу для изображенія участія Рудина въ юношеской любви Лежнева. Въ письмахъ Бѣлинскаго большое мѣсто занимала эта исторія и роль въ ней Бакунина, о которомъ Бѣлинскій отзывался довольно рѣзко (см. у *Пытина*, II, 25, 33, 44 и др.). Въ дальнѣйшихъ письмахъ Огарева упоминается о подобной же исторіи со Станкевичемъ. По всему видно, что разсказъ Лежнева есть обобщеніе цѣлаго ряда подобныхъ исторій, конечно, менѣе мрачное, чѣмъ конкретныя приговоры и объясненія поведения Бакунина въ письмахъ Огарева. Какъ увидимъ, Герценъ не раздѣлялъ рѣзкости отзывовъ своего друга, но и онъ въ своемъ дневникѣ еще въ 1843 г. писалъ о Бакунинѣ: «талантъ и дрянной характеръ!». Около этого времени заграничная литературная дѣятельность Бакунина въ духѣ философскаго и политическаго радикализма при-

ириять съ нимъ его московскихъ товарищей (см., между прочимъ, у *Пыпина*, II, 162 и слѣд.).

(1840 г.).

Августа 24. Давно я не писалъ къ тебѣ, другъ! Давно я это чувствую, потому что мнѣ захотѣлось писать. Почему я не писалъ, спросишь ты? Причина ясна. Нечего было сказать. Жизнь довольно однообразна, ничего особеннаго во внѣшнемъ, ничего особеннаго внутри. Не могу же я писать такъ, чтобы съ трудомъ выдумывать, что писать — къ тебѣ, по крайней мѣрѣ. Но теперь есть какое-то влеченіе, что-то шевелится въ душѣ и просится наружу. Но что — не могу дать себѣ отчета; это — состояніе, а не мысль. Какое-то стремленіе быть въ созерцаніи идей или образовъ, новое пробужденіе къ духовной дѣятельности, послѣ довольно продолжительнаго усыпленія — вотъ мое настоящее состояніе. Но за что приняться — не знаю. Душа полна всѣмъ, но ничто не обособилось, не опредѣлилось. Но, какъ бы то ни было, ясно или темно, — я привѣтствую это расположеніе, какъ моего искушителя. Оно пришло кстати, потому пора глупаго провозженія времени, съ 6-ти часовъ утра за питьею цѣлебныхъ водъ, скоро минуется, и я стану крѣпко заниматься. Но чѣмъ болѣе я думаю о будущихъ занятіяхъ, чѣмъ болѣе хочется войти въ область мысли, тѣмъ чаще приходитъ на память стихъ:

Печально я гляжу на наше поколѣнье...

Всѣ мы школьники, Герценъ, недоученые школьники. Сколько мы ни рылись въ Гегелѣ, мы не могли усвоить себѣ это ученіе, не могли достигнуть до того, чтобы оно стало нашимъ свободнымъ понятіемъ. Я называю свободнымъ понятіемъ то, которое какъ будто бы было найдено ходомъ нашей мысли, а не принято отъ другаго только потому, что онъ поумнѣе насъ. Какъ бы яснѣе сказать это? Именно, школьникъ принимаетъ мнѣніе учителя только потому, что онъ самъ не можетъ составить себѣ мнѣнія, а не свободно, самъ собою, живо понимая истину и принимая тамъ, гдѣ ее находить. Мы всѣ ортодоксисты — истину полагаемъ въ субъективномъ мышленіи Гегеля, а не принимаемъ ее *an sich*. Даже Бакунинъ, *κατ'εξοχήν* философъ съ двумя пощечинами, не добрался до того, что значить у Гегеля *Geist*. Что же онъ понялъ послѣ этого? Признаюсь, до тѣхъ поръ, пока это слово изъ состоянія предчувствія не сдѣлается у меня понятіемъ, я ничего не понимаю въ Гегелѣ; и эстетики не понимаю, потому что она вся основана на этомъ словѣ. Примусь опять за феноменологию, которую оставилъ было еще съ тѣхъ поръ, какъ Ма-ша поѣхала въ Петербургъ и глубокое сознаніе моей любви къ ней

и грусть быть безъ нея перебросили меня въ непосредственную тоску. Но эта тоска давно миновалась и меня *Гамлетъ* только отводилъ отъ феноменологіи. Кстати, 1-й актъ *Гамлета*, по мнѣ, удался. Сколько же работы, другъ, сколько работы, и какое чувство силы и дѣятельности—я давно не былъ въ такомъ свѣтломъ состояніи. Но кромѣ философіи и Шекспира, сколько другихъ образовъ тѣснятся въ душѣ! Когда уснѣть принять одно, произвести другое? Но, какъ бы то ни было, отнынѣ я не боюсь труда и не жалѣю силъ.

(Приписка Кетчера:)

Пишу сегодняшнимъ геройскимъ подвигомъ Николая Платоновича, сирѣчь нынче очиненнымъ перомъ, что по недавно развившейся въ немъ хвастливости онъ никакъ не могъ не объявить. Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я о потери письма, чрезвычайно для меня интереснаго по побоищу и по свиданію. Я не говорилъ, чтобы ты Г. *) считалъ философомъ и химикомъ, а объ его печатныхъ дѣйствіяхъ, которыя, все-таки, во всѣхъ отношеніяхъ нуль передъ, положимъ, часто сумазбродными статьями Б. **). Я сейчасъ заглянулъ на предшествующую сей страницу и нашелъ новое доказательство его хвастовства, которое оправдываетъ претонкою штукой, что дескать катексхинъ употреблено ради того, что это твое любимое слово и что его по-русски написать нельзя. А посмотри, кромѣ того, какъ проповѣдуетъ о смиреніи, называетъ себя невольникомъ и пр., и пр. Надобно покориться, не получая отъ тебя письма; мы думали, что ты разсердился на мои нападки. Прощай! Жму руку Natalie, пишу это по-французски, не какъ Платоновичъ катексихосъ по-гречески изъ хвастовства, а потому, что не хочется писать Натальѣ Александровнѣ, а Наташѣ—тебѣ не кажется. За то ужъ поцѣлуй, просто по-русски, Сашку и подразни его языкомъ, да не выучи его дѣлать того же. Прощай!

Еще мнѣ съ недѣлю осталось терять каждое утро на водахъ, а потомъ я примусь за дѣло.

(Продолжете слѣдуетъ).

*) Губера.

***) Бѣлинскаго.

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

Романъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НА ВОЛГЪ.

— „Руби столбы,—забори сами повалятся!“

Слова Пугачова.

— „Маркизь Пугачовъ, какъ его зоветь г. Вольтеръ, мнѣ надѣлалъ много хлопотъ. Послѣ Тамерлана, не было никого, кто бы такъ истреблялъ человѣчество“ (*Письма Екатерины II къ барону Гриму и Вольтеру. — 1774 г.*).

I.

Едва няня удалилась, Марй быстро подошла къ окну, распахнула его и взглянула внизъ, на улицу. Её охватилъ злой, мучительный трепеть. — «Броситься черезъ это окно, разбиться!» — думала, замирая, Марй: «пусть онъ увидитъ мертвую, съ изломанными членами, съ разможжённою головою!» — Опомнившись черезъ секунду, Марй съ ужасомъ отвернулась отъ окна. Ея голова кружилась. Мысли путались. — «О, ему будетъ, разумѣется, пріятно! пусть такъ, пусть насладится!» — шептала она. Ухватясь за сердце, она помедлила, тихо сошла по лѣстницѣ во дворъ и направилась въ садъ, при домѣ. Нѣсколько минутъ она ходила по саду. Въ концѣ его былъ глубокий, старый колодезь. Изъ него рѣдко черпали воду. — «Да, да, здѣсь утопиться!» — вдругъ подумала Марй: «не скоро спохватятся, не скоро найдутъ!» — И она, припавъ къ колодезю, стремительно нагнулась надъ нимъ. — «Вѣдь мигъ одинъ, мигъ» — мыслила она, держась за срубъ: «и ты будешь счастлива, покойна на вѣкъ!» — «Мама, мама!» — послышался сзади ея знакомый голосъ. Марй оглянулась. Сысоевна несла къ ней по аллеѣ Васю, махавшаго издали пухлыми ручонками. Марй, судорожно зарывавъ, обхватила ребенка. — «Спасибо, няня, что ты его принесла» — сказала

она: «мнѣ легче такъ; гуляйте!» — Отеревъ слезы, Марі тихо возвратилась въ домъ, прошла въ спальню, заперлась на ключъ и бросилась на колѣни передъ образами. Долго она молилась, никого къ себѣ не звала, а ночь на-пролѣтъ провела въ новыхъ мукахъ сомнѣній и безысходной тоски. — «Онъ-то, онъ!» — восклицала она мысленно: «Глѣбушка мой! да за что же? о, Господи!» — Марі представлялось, что совѣсть должна укорять Глѣба, что онъ вскорѣ одумается, придетъ и съ раскаяніемъ попроситъ о мирѣ и забвеніи всего, что было. Въ домѣ, какъ казалось Марі, слышались торопливые шаги, необычная возня. Сердце въ ней сильно билось. — «Вотъ идутъ къ двери!» — думала она... Ея ожиданія не сбылись. Глѣбъ не являлся. Сталъ брезжить разсвѣтъ, когда до-нельзя измученная Марі припала головой къ подушкѣ и забылась тяжелымъ, прерывистымъ сномъ.

Марі проснулась поздно. Открывъ глаза, она съ ужасомъ вспомнила все, бывшее съ нею. — «Нѣтъ, этого не было, это привидѣлось мнѣ!» — старалась она себя убѣдить. «Это невозможно!... А если дѣйствительно все то было, какой позоръ! Этого не прощаютъ... съ такимъ мужемъ не жить!»

Марі встала, не торопясь, одѣлась, снова помолилась передъ любимымъ кіотомъ и съ проясненною душой стала вынимать и отглаживать особенно дорогія ей вещи. Все до бездѣлицы она разобрала и положила по мѣстамъ, присѣла къ столу и взялась за перо. Она написала Надѣ Шимковой, прося ее немедленно снова пріѣхать, чтобы выслушать отъ нея одно важное дѣло, позвонила и отправила, черезъ поварѣнка, письмо на мызу. До пріѣзда Шимковой, она, по прежнему, не выходила изъ своей комнаты. — «Ты не идешь ко мнѣ, — думала Марі о мужѣ: не пойду и я!» — Сысоевна принесла ей въ спальню чай и завтракъ. Отъ всего она отказалась.

— Нездорова, матушка? — спросила няня.

— Да, болитъ голова.

— Принести Васеньку?

— Нѣтъ, Бога ради, уйди теперь... послѣ!

Старуха еще какъ бы хотѣла что-то сказать и вышла, жалобно качая головой.

«Не утѣшишь теперь!» — мыслила, ей вслѣдъ, Марі.

Она продолжала укладывать вещи въ послѣднемъ изъ ящиковъ комода, когда послышался наконецъ знакомый стукъ расхожихъ ихъ дрожекъ. Марі подошла къ окну и увидѣла на крыльцѣ Надю и Сысоевну. Старуха, очевидно, поджидала здѣсь Шимкову и что-то передавала ей, разводя руками. Сердце Марі сжалось и заняло. — «Боже! о чемъ это еще онѣ?» — подумала она, замирая: «неужели

глупая старуха, если что и узнала, рѣшилась передать Надѣ? Нѣтъ, она слишкомъ предана мнѣ». — Въ спальню постучались.

— Войдите, — сказала Марі, присѣвъ снова къ столу и стараясь быть, какъ можно, спокойнѣе.

Вошла Шймгова. На ней не было лица. Испуганные ея глаза смотрѣли странно. Снимая шляпку и мантилью, она съ трудомъ переводила дыханіе. — «Да, и она, очевидно, всё знаетъ!» — подумала Марі: «старуха выдала ей секретъ». — Она молча поцѣловала Надю.

— Ты всегда была мнѣ близка, — сказала она, усадивъ гостью возлѣ себя: не правда-ли, ты не оставишь меня въ тяжелую пору?

Надя тихо пожала ей руку.

— Я приняла рѣшеніе и оно безповоротно, — продолжала Марі: если не знаешь причины, объясню послѣ... Такъ долѣе нельзя... Либо надо окончательно переговорить, — онъ обязанъ извиниться, — либо подумать и... разстаться на вѣкъ... да, на вѣкъ!

— Но ты не знаешь, — проговорила, взглядываясь въ нее, Надя: ахъ, Боже мой, какъ мнѣ это тебѣ передать, объяснить?...

— Что такое?

Надя медлила отвѣтомъ.

— Да говори-же, что еще? все какія-то неожиданности.

— Ты еще только думаешь, — прошептала блѣдными губами Надя: а другіе уже и рѣшили... все кончено, и тебѣ, какъ я узнала, запрещено это сообщать.

— Что запрещено? — допытывала Марі: да брось, ради Бога, загадки, говори...

— Ахъ, Маша, помнишь, что я, потерявъ мужа, говорила тебѣ? Нѣтъ въ свѣтъ прочнаго счастья... все шатко, все тлѣнь и прахъ... Я сію минуту узнала, — Глѣбъ Андреевичъ съ-вечера началъ дѣлать распоряженія... Онъ, очевидно, уѣзжаетъ...

— Ну, уѣзжаетъ, такъ что-же?

— Да вѣдь онъ въ Петербургъ, слышишь-ли, ѣдетъ и, кажется, навсегда...

Марі вскрикнула и, въ безпамятствѣ, упала со стула.

Съ трудомъ прійдя въ себя, она не хотѣла слушать никакихъ увѣщаній пріятельницы. Когда Шймгова, по возможности успокоивъ её, уѣхала, она рѣшила немедленно бросить мужа и разорвать съ нимъ всякія сношенія. — «Но куда ѣхать?» — терялась въ догадкахъ Марі. Въ Ракитное, имѣніе свекрови? это было, по ея мнѣнію, невысказано. Если Глѣбъ еще не извѣщалъ матери о своемъ разрывѣ съ женой, то навѣрное скоро долженъ былъ ее о томъ извѣстить. Марі не могла рассчитывать на покровительство и

помощь свекрови, такъ любившей своего сына и вѣрившей въ правоту всѣхъ его дѣйствій. Оправдываться передъ нею, — значило — обвинять ея кумира, любимца. И какую цѣну старуха Дуганова могла бы дать ея голословнымъ объясненіямъ? Обиженная гордость не позволяла Маріи и думать о Ракитномъ. Она вспомнила о вдовѣ своего брата; послѣдняя, незадолго передъ тѣмъ, вторично вышла замужъ и находилась въ Петербургѣ, гдѣ ея мужъ служилъ въ сенатѣ. Но, поѣхавъ къ ней, Маріи могла тамъ встрѣтиться съ Глѣбомъ и онъ, пожалуй, подумалъ бы, что она ищетъ его прощенія и примиренія съ собой. Она безуспѣшно перебирала разныя предположенія.

На Усѣхъ Емельянъ и его сообщники остановились на плоской, безлюдной равнинѣ, подъ высокимъ яворомъ, одиноко стоявшимъ у обрывистаго берега. Сюда не было никакихъ дорогъ. Мѣсто за то было «вараулисто». Съ полузасохшаго дерева, на которомъ чернѣло нѣсколько опустѣлыхъ коршунныхъ гнѣздъ, далеко виднѣлась пустынная степь, съ синѣющими холмами и курганами.

Распоряжавшійся государевымъ станомъ и всѣмъ его обиходомъ, Чика разбилъ для Пугачова, подъ яворомъ, палатку изъ конскихъ попонъ. Сами казаки расположились подъ открытымъ небомъ. Отсюда, по одиночкѣ, они сдѣлали нѣсколько развѣдокъ въ окрестные хутора и въ Яицкій-городокъ. Добывъ съѣстныхъ припасовъ, а также цвѣтныхъ тканей, позументовъ и шнура для знаменъ, они привезли изъ городка нѣсколько новыхъ охотниковъ послужить государю, въ томъ числѣ и столь желаннаго для него грамотѣя.

Это былъ почти еще мальчикъ, весьмамышленный и наторѣлый въ войсковой канцеляріи, сынъ богатаго яицкаго казака, Ивашко Почиталинъ. Бѣлокурый и румяный, не по лѣтамъ высокій, сутуловатый и съ неуклюжими, крупными руками, онъ сильно трусилъ, когда впервые его подвели къ государевой ставкѣ. Въ рукахъ Ивашко держалъ подарки отъ старика-отца, благословившаго его на служеніе царю, — новый, синий, китайчатый зипунъ, персидское, съ вышивками, сѣдло, бешметъ, изъ бухарской, зеленой термаламы, малиновую бархатную шапку и желтые сафьянные сапоги. Мясниковъ объяснилъ Пугачову, что это грамотный человекъ.

— А это что? — указалъ Емельянъ на подарки, оглядывая сгорбленную и длинную фигуру Ивашки, у котораго на поясѣ висѣла жѣдная чернильница, а изъ кармана выглядывали пучекъ бумаги и перо.

— Отъ тятеньки, — отвѣтилъ Ивашко, влкаясь и подавая гостинцы.

— Ростомъ хоть и въ гвардію, — сказалъ Емельянъ, принимая дары: а что такъ сутулишься? въ школъ, чай, изогнули?

Ивашко только моргалъ бѣлесоватыми, испуганными глазами. Прочіе казаки громко разсмѣялись.

— Ну, оставайся, будь при мнѣ секретаремъ, — объявилъ Пугачовъ: служи вѣрно и пиши, что велю.

— Худо, ваше величество, пишу, — отвѣчалъ Почиталинъ.

— Ничего, письма будетъ мало, больше дѣловъ!

Емельянъ одѣлся въ платье, привезенное Ивашкой. Казаки собрали сухаго бурьяна, разложили въ разсѣлинѣ берега огонь и стали въ походномъ котелкѣ варить на обѣдъ кашу. Но, едва запылалъ костеръ, вдали показалась какая-то движущаяся точка. Сталъ виденъ скакавшій къ Усѣхѣ всадникъ. Онъ близился, маяча надъ собой пикой. То былъ гонецъ, посланный къ Пугачову, окольными путями, изъ Яицка. Казаки узнали въ немъ посланца отъ войсковой руки и пропустили его къ ставкѣ царя.

— Бѣги, государь! — проговорилъ гонецъ, доскакавъ къ ставкѣ и спрыгнувъ съ изморѣннаго коня: о твоёмъ прибытіи сюда провѣдано и за тобой послана сильная погоня.

— На - конь, ребята! — крикнулъ Емельянъ: спасайтесь, да вызволяйте, дѣтушки, и меня.

Онъ растерялся и, блѣдный, бѣгалъ по берегу. Казаки мигомъ осѣдали лошадей. Бросивъ палатку, костеръ и съѣстные припасы, всѣ стремглавъ усаkali внизъ по Усѣхѣ. Столбъ пыли несся за ними пустынною степью по пути на Толкачѣвы хутора. Скакали до ночи и всю ночь. Вечеромъ отдыхали на растахѣ, у какого-то провалья. Пока провожатые пасли лошадей, Пугачовъ подзвалъ Почиталина.

— Доставай свою бумагу, пиши манифестъ! — сказалъ онъ ему: да проворь, чадо мое, не люблю мѣшкоты...

Ивашко присѣлъ на землѣ, вынулъ бумагу и перо, откупорилъ походную свою чернильницу и, на снятомъ лѣнчикѣ сѣдла, сталъ писать то, что ему говорилъ Пугачовъ. Выслушавъ написанное, Емельянъ сказалъ: «Добре, — проба хороша».

На Толкачѣвы хутора пріѣхали рано утромъ. Чѣка разсмалъ гонцовъ по сосѣднимъ зимовникамъ и умѣтамъ. Къ избѣ, гдѣ остановился Пугачовъ, стали собираться бездомные казаки, бродяги и галмыжи съ ближнихъ кочевковъ. Вечеромъ, на сборномъ мѣстѣ, среди хутора, гудѣла уже толпа, человекъ въ триста. Чѣка объявилъ, что вскорѣ выйдетъ государь. Всѣ почтительно смолели, съ жаднымъ любопытствомъ глядя на низенькую, покосившуюся дверь,

изъ которой долженъ былъ, наконецъ, объявиться народу давно-жданый императоръ. Тутъ же сидѣлъ отбитый казаками по пути, изъ-подъ стражи, въ сосѣднемъ хуторѣ, пересылавшійся изъ Мечетной въ Яицкѣ, старикъ Оболяевъ. Умѣтчика трудно было узнать. На немъ былъ снятый съ убитаго старшины новый, зеленый, тонкаго сукна, кафтанъ, съ позументомъ, и новая, черная смушковая шапка. Изъ избы на крыльцо вышелъ широкоплечій, бородатый и дюжій человѣкъ, въ зеленомъ бешметѣ и красныхъ сапогахъ, съ саблей у пояса. Онъ, изподлобья, медленно оглянулъ толпу и направился къ ней. — «Батюшка! сильный, да статный какой!» — шептали въ толпѣ, снимая шапки: «кормилецъ нашъ! вотъ оно, царское-то древо!» — «Экъ, брешутъ! да развѣ можно? слѣпые вы! въ бородѣ-то развѣ бывають цари?» — толковали другіе. — «И впрямь, — прибавляли третьи: не царь, а нашъ братъ, казакъ, либо, какимъ обманомъ, купецъ!» — «Дурни вы, дурни! — перебивали первые, вѣрившіе, что къ нимъ выйдетъ царь: былъ бы обманъ, развѣ долго побриться?» — «Да, дѣлать нечего, — вздыхали старики: допустили, такъ надо принять; иначе, коли оплошаемъ, бабы засмѣютъ!» — Емельянъ вошелъ въ кругъ. Всѣ пали передъ нимъ на колѣни.

— Здравствуйте, другі мои, войско яицкое! — сказалъ Емельянъ, самъ не снимая шапки.

Потъ крупными каплями выступилъ у него на лицѣ. Лѣвый глазъ подергивался судорогой.

— Опознайте меня, дѣтушки, смотрите! — продолжалъ онъ: вотъ я весь теперь тутъ, — вашъ государь; не умеръ, а живъ... Одинадцать годовъ странствовалъ... Богъ, за старую, прямую мою вѣру, опять вручаетъ мнѣ царство. Служите по правдѣ, — будете у меня первые люди... Держитесь за мою правую полу, соколята, орлами будете.

— Рады, батюшка! до послѣдней капли крови... бери всѣ наши животы, родимый, ваше величество!

Пугачовъ оглянулся къ избѣ.

— Иванушка! — крикнулъ онъ стоявшей тамъ своей свитѣ: читай имъ манифестъ; слушайте, братцы-станичники.

Почиталинъ подошелъ къ кругу, досталъ изъ-за пазухи заготовленную на растахѣ бумагу, развернулъ ее и сталъ читать.

Толпа, съ любопытствомъ и страхомъ, слушала то, что на-распѣвъ, по-дьячковски, произносилъ писарь. — «Самодержавнаго ампиатора... какъ вы, другі мои, прежнимъ царямъ служили» — вычитывалъ Иванушка: «и ни источить ваша слава... и которые мнѣ, ампиаторскому величеству, винные были, прощаю... и жаловаю

я васъ—рякю, съ вершинъ и до уся, и порахомъ, и провіантамъ, я великій ампираторъ,—жаловаю васъ, Петръ Ѳедоровичъ... 1773 года, 18 сентября».

— Веди насъ, государь, куда хочь!—крикнули всѣ: мы твои; отстоимъ, поможемъ тебѣ!

II.

Пугачовъ подозвалъ Чйку.

— На-конь, ребята, походь!—объявилъ онъ молодецки и громко, вспоминая, какъ при немъ точно также, на стоянкахъ въ Пруссіи, командовали его бывшіе полковники: а ему, — крикнулъ онъ, подзывая Ерёмкина - курицу: вручаю мою походную икону и главный штандартъ. Ты, старикъ, потрудился; заслужи еще, береги то и другое!

Базаки засуетились, развернули пять смятыхъ, заготовленныхъ въ торбахъ, знамёнъ, съ нашитыми на нихъ осьмиконечными крестами, преклонили ихъ передъ новоявленнымъ царемъ, сѣли на коней и направились вверхъ по Яику. Впереди, на небольшомъ, пѣтомъ инокходцѣ, ѣхалъ самъ Пугачовъ. За нимъ, недавно еще кряхтѣвшій, при взлѣзаніи на коня, бодрымъ скокомъ поспѣвалъ теперь Оболяевъ, со значкомъ въ рукавѣ и съ небольшою, на лентѣ, иконкой, поверхъ кафтана.—«Господи, Боже Ты нашъ,—думалъ, сквозь радостныя слезы, старый умѣтчикъ: кто явился и обрященъ кѣмъ? Обѣщаетъ семиглавыя церкви строить, потрудиться Богу, миловать и жаловать всѣхъ! какъ за такого не положить жизни, не пострадать?»—Базаки приблизились къ Яицку.

У Чаганскаго моста ихъ встрѣтилъ высланный противъ нихъ, для развѣдки, комендантомъ Яицкой крѣпости, небольшой отрядъ пѣхоты и казаковъ, съ пушками. Емельянь, засѣвшій въ обрывѣ, подъ мостомъ, бросился изъ засады и охватилъ часть этой команды; остальные ушли. Отрядъ Емельяна усилился до семисотъ человекъ. Его сообщники связали одиннадцать плѣнныхъ и стали усиленно просить Емельяна казнить пойманныхъ. — «То все твои супротивники, — говорили они: великіе злодѣи, кумовья и посланцы старшинъ. Веревокъ! на надолбы ихъ!»

«Что-жь, надо ихъ доволествовать!» — подумалъ Емельянь, оглядывая запыленные и потныя лица плѣнныхъ, испуганно смотрѣвшихъ на него: «таперича на всякъ грѣхъ не помолишься!»

Онъ далъ знакъ Чйкѣ и отѣхалъ съ нимъ въ сторону.

— Какъ думаешь—спросилъ онъ, перебирая въ рукахъ уздечку.

— Да что, батюшка, — отвѣтилъ Чйка: между плѣнными по-

пался непричастный, сторонний офицеръ... Ъхаль по своему дѣлу изъ Яицка, его, значить, и схватили.

Говоря это, Чика поглядывалъ на бричѣнку, въ которой сидѣлъ связанный офицеръ и гдѣ было немало цѣнной поклажи. Плѣнный офицеръ былъ братъ Травкина, Павелъ.

— Такъ что же?—спросилъ Емельянь.

— Барина слѣдовало бы помиловать,—отвѣтилъ Чика, соображивъ, что за свое ходатайство заработаетъ съ офицера хорошей бакшишъ.

— Барина?—сердито спросилъ Емельянь, вспыхивъ и покраснѣвъ до поту: меня учить? да не за алтынъ всякаго удавлю! Надъ самими висить петля, а ты о господахъ? бей ихъ, дави, помосуй, отъ прапорнаго до енарала! чего жалѣть проклятый родъ дворянъ? Руби столбы,—заборы сами повалятся...

Пугачовъ отдалъ приказъ. Чика отошелъ къ мосту.

На старыхъ паляхъ и надолбахъ, изъ конскихъ обростей,—устроили первые рѣли. На нихъ повѣсили всѣхъ одиннадцать плѣнныхъ. Особенно долго боролся и бился повѣшенный офицеръ. Болѣе другихъ надъ нимъ положилъ труда Оболяевъ, такъ недавно еще мыслившій о милованіяхъ и печалованіяхъ найденнаго ими царя. Отдавъ подручному значекъ, Ерѣмкинъ-бурица, съ болтающеюся на груди иконкой, лихорадочно копошась у почернѣвшей, мостовой пали, торопливо наладилъ веревку и, шепча побѣлѣвшими губами: «О, Господи-Ісусе! о, Господи, помилуй грѣшныхъ!»—первый дрожавшими руками затянулъ петлю надъ связаннымъ Травкинымъ и пинкомъ столкнулъ его съ моста. И когда повисшій надъ омутомъ, нѣсколько секундъ, еще вертѣлся на веревкѣ,—Оболяевъ, глядя на его побагровѣвшее лицо и въ ужасѣ широко-раскрытые глаза, не переставалъ твердить: «Господи, Пречистая... ой, грѣхъ! помилуй насъ, Ісусе, и спаси!»

Раздѣливъ по-ровну, межъ всѣми, одежду казенныхъ, Пугачовъ двинулся къ Яицкому-городку. Въ коляскѣ повѣшеннаго офицера нашли ящикъ съ виномъ; у сосѣдняго кабатчика прихватили къ нему еще увѣсистый боченокъ съ водкой. Всѣ дружно выпили. Въ передней кучкѣ казаковъ оказалось нѣсколько бѣглыхъ малороссовъ. Сильно подвыпивъ водки и вина, кто-то изъ нихъ затянулъ пѣсню, подъ которую запорожцы, въ недавнемъ набѣгѣ за Днѣпръ, громили, жгли и били польскія села. Запѣвало началъ:

«Да приѣємо пана
До стѣны плечіма,
Щобъ на насъ дивівся
Чѣрными очіма...»

Хоръ подхватилъ. Густая пыль столбомъ понеслась вслѣдъ за отрядомъ, скакавшимъ къ видѣвшимся вдали мельницамъ и предмѣстьямъ Яицаго-городка.

Марі терзалась, не находя выхода изъ томительныхъ колебаній. Переходя отъ одного предположенія къ другому, она рѣшилась было ѣхать въ Самару, гдѣ когда-то жилъ ея отецъ, небогатый отставной офицеръ, имѣвпій подь городомъ небольшую деревеньку, Свѣблово. Въ этой деревнѣ родились Марі и ея покойный братъ, въ ней была похоронена ихъ мать и здѣсь же теперь доживала вѣкъ старая ихъ тетка, сестра покойнаго отца. Марі изрѣдка переписывалась съ нею и знала, что старуха еще бодра и что въ Свѣбловѣ есть небольшой уютный домикъ, гдѣ Марі провела однажды цѣлое лѣто, въ бытность свою въ самарскомъ пансіонѣ. Но Марі могла бы найти пріютъ и въ Горкахъ, у Алексѣя и Серафимы. Они же, кстати, такъ убѣдительно, послѣ отказа Глѣба ѣхать къ нимъ, упрашивали Марі навѣстить ихъ въ это лѣто непременно. — «Мы сильно огорчены вашимъ отказомъ, — писалъ ей еще недавно Алексѣй: но, милая сестра, помните, что нашъ кровъ и все наше всегда къ вашимъ услугамъ. Братъ Глѣбъ, какъ мы знаемъ, теперь не съ вами; онъ въ Петербургѣ, и вы навѣрное скучаете въ одиночествѣ. Пріѣзжайте къ намъ въ Горки, да не только, какъ говорится, собакъ подразнить, а если осчастливите заѣздомъ, то со всѣми домочадцами, и по искренней къ вамъ пріязни, просимъ васъ пробыть хоть и вплоть до возвращенія брата въ Москву. Тогда даемъ слово и лично васъ проводить туда, если братъ не явится самъ, вслѣдъ за вами, въ наши мѣста».

«И кстати, — подумала Марі, вспомнивъ это письмо Алексѣя: ѣхать прямо въ Свѣблово, съ дитятею, несовсѣмъ удобно, — осень, дожди не за горами, да и хорошо ли еще теперь прилаженъ тамошній домъ? Предупрежу тетку, — она такая добрая, — будетъ навѣрно рада мнѣ и внуку; а по пути сперва заѣду въ Горки, и оттуда уже все устрою и всѣмъ распоряджусь».

Марі снова вызвала къ себѣ Шимкову, съѣздила съ нею къ знакому ювелиру и заложила у него алмазный браслетъ и ожерелье, свадебный подарокъ свекрови. По отъѣздѣ Шимковой, она написала большое письмо въ Свѣблово, предупредивъ тетку, что отвѣта будетъ ждать въ Горкахъ; на-скоро уложилась и, въ слѣдующее утро, узнавъ, что Глѣбъ у князя, отправилась въ извожичьей коляскѣ, съ няней и сыномъ, за городъ, въ Донской монастырь. Помолясь тамъ въ церкви и, со слезами, приложась къ иконамъ, она,

не забывая домой, проѣхала на мызу въ Бунцово. Тамъ она оставила Шимковой, для передачи мужу, слѣдующія строки: «Ты оскорбилъ меня, повѣрилъ гнусной клеветѣ и моею умышленной неправдѣ, которою я хотѣла тебя окончательно испытать, и рѣшилъ бросить меня. Предупреждаю твое намѣреніе. И если ты, какъ я теперь убѣждена, послѣ всего происшедшаго между нами, начнешь и доведешь до конца дѣло развода, — не мнѣ когда-нибудь придется о немъ пожалѣть». — Городской извозчикъ былъ отпущенъ. Пока гости Шимковой закусывали, къ крыльцу мызы подѣхалъ заранѣе приготовленный, синій берлинъ, подарокъ свекрови Дугановой. Марья Родионовна простилась съ Надей, съѣла, съ Васей, няней и Сергѣемъ, въ берлинъ и, выѣхавъ просѣлкой парка на рязанскую дорогу, отправилась, на Тамбовъ и Саратовъ, въ Горки.

Послѣ утомительной ѣзды на долгихъ, съ отдыхами въ пыльных городахъ и на душныхъ, постоялыхъ дворахъ, — путники приблизились къ окрестностямъ Волги, поздно вечеромъ. Въ воздухѣ посвѣжѣло. До Горокъ еще оставалось верстъ десять. Лошади, по гористому проселку, тянулись медленно. Темнота сгущалась. Мѣсяцъ еще не всходилъ. Сѣрая, туманная мгла покрывала небо. Выѣхавъ съ послѣдняго постоялаго двора, Марі сперва то и дѣло торопила ямщика; теперь же, боясь, чтобы лошади вовсе не пристали, сидѣла молча, прижимая къ себѣ спавшаго у нея на рукахъ ребенка и высматривая, скоро ли мелькнутъ вдали знакомыя плѣса Волги.

— Мѣсяцъ всходить! — сказала, полуоборотясь, сонная Сысоевна, сидѣвшая на передкѣ берлина, спиной къ вучеру: теперь будетъ виднѣе...

Марі взглянула туда, куда смотрѣла няня. Нѣсколько влѣво отъ берлина, между невысокихъ песчаныхъ холмовъ, стали видны бѣлесоватая заводи Волги, а надъ ними вдругъ дѣйствительно засвѣтилось что-то круглое и яркое, только не мѣсяцъ. Нѣчто красно-огненное и ослѣпительное, съ поражающею быстротой, понеслось по небу, бороздя туманъ и оставляя за собою какъ бы кровавый, длинный слѣдъ. Пролетѣвъ надъ рѣкой, огненный шаръ съ оглушительнымъ трескомъ лопнулъ и разлетѣлся надъ головами путниковъ. Марі въ ужасѣ вскрикнула, невольно закрывъ ослѣпленные глаза.

— Съ нами крестная сила! — шептала, крестясь, Сысоевна.

— Полахаетъ, — произнесъ, подбирая возжи, ямщикъ: сказываютъ, къ ведру! эхъ вы, дѣтки!

Онъ ударилъ по лошадямъ. Четверня, спустившись на равни-

ну, побѣжала крупною, дружною рысью. Бровавый метеоръ не покидалъ смущенныхъ мыслей Дугановой... «Что-то онъ пророчить?»—невольно думалось ей.

Пріѣздъ Марьи Родіоновны въ Горки былъ всѣми встрѣченъ съ искреннимъ сочувствіемъ. Алексѣй и Серафима всячески старались ей угодить. Въ огромномъ деревянномъ домѣ Горогъ, Дугановой, съ сыномъ и прислугой, отвели лучшую и удобнѣе устроенную половину нижняго этажа. Сами хозяева, съ своими дѣтьми, переехали для того въ верхній этажъ, спускаясь внизъ, въ общую столовую, только къ чаю, обѣду и ужину. Въ нижнемъ этажѣ по другую сторону столовой, дѣлившей эту часть дома пополамъ, помѣстилась гостившая въ Горкахъ, со дня освященія церкви, Нинѣтъ Ладѣженцева.

Въ день пріѣзда Марь, для нея и ея сопутниковъ, вытопили баню. Послѣ бани всѣ сошлись къ Марь пить чай и застали ее въ дорожной блузѣ и въ чепцѣ поверхъ еще мокрыхъ волосъ, среди кучи полуразвязанныхъ, нагроможденныхъ по столамъ, стульямъ и диванамъ, укладокъ, корзинъ и узловъ. Посыпались новыя привѣтствія, поцѣлуй и рассказы.

— Такъ вы, душенька сестра, говорите, что командировка Глѣба еще не кончилась?—спросилъ Алексѣй, усаживаясь возлѣ канapé, на которомъ, кутаясь поданною шалью, полулежала раскраснѣвшаяся Марь.

— Да, не кончилась.

— И онъ отъ этого васъ не провожалъ?

— Вслѣдъ за моимъ отъѣздомъ, вѣроятно, на другой же день, уѣхалъ въ Петербургъ.

— Жаль, жаль, а мы васъ обоихъ ожидали.

— Порученное ему дѣло очень важное... Имъ интересуется сама государыня...

Марь все это говорила и объясняла такъ спокойно, что никому въ то время и въ голову не могла прийти мысль о печальной драмѣ, которая разыгралась въ Москвѣ между ею и мужемъ и привела ихъ къ неожиданному и, какъ убѣдилась Марь, полному разрыву.—«Узнають отъ другихъ,—думала она: можетъ статься, съ первой же почтой, напишетъ онъ и самъ,—это въ его духъ,—тогда по-неволѣ все расскажу и я...»

— Ну, какъ же ты ѣхала?—спросила Серафима: вотъ воображаю... эта пыль, духота, остановки на постоялыхъ дворахъ...

— И такой дальній путь вы ѣхали однѣ, только съ прислу-

гой,—удивлялся Алексѣй, ероша волосы и счастливо улыбаясь радостными, близорукими глазами: вотъ такая храбрая!... а ужъ подарокъ намъ никогда не забудемъ!

И онъ рыцарски-вѣжливо, нагибая свою богатырскую фигуру, цѣловалъ маленькія руки покраснѣвшей еще болѣе свояченицы. Маріи едва успѣвала отвѣчать на разспросы.

— Ромку, сестра, въ чай!—вскрикнулъ Алексѣй: Нина Александровна, прикажите.

— Да мнѣ и такъ жарко, уфъ!—отвѣчала Маріи, обмахиваясь концомъ шали.

Нинѣтъ принесла флакомъ съ ромомъ.

— Бушай, Маша, это полезно съ дороги!—сказала она, подливая въ чашку дорогой гостыи.

— А мнѣ можно войти?—раздался голосъ за дверью.

— Бто это?—въ смущеніи прошептала Маріи, кутаясь въ шаль по горло.

— Не лишите узрѣть нашу залетную пташку!—молилъ голосъ за дверью: очаровательная богиня, дозвожь...

— Нельзя, нельзя!—отрицательно качала головой Маріи.

— Да это Сила Ѳомиць,—произнесъ Алексѣй: это Травкинъ... ему можно... уже провѣдалъ селадонъ, прискакалъ съ хутора.

Ш.

Дверь отворилась. Вошелъ и среди комнаты замеръ кругленькій, румяный и подвижной старичокъ. Онъ былъ въ суконномъ кафтанѣ свѣтло-песочнаго цвѣта, въ голубомъ камзолѣ и въ завитомъ парикѣ. Поднявъ руки къ потолку, онъ нѣсколько секундъ, въ безмолвномъ умиленіи, смотрѣлъ на неожиданную гостью, почти-тельно шаркнулъ ножкой и подкатился къ кананѣ Маріи.

— Какое счастье! какое!—вскрикнулъ онъ, отирая искреннія, радостныя слезы: послѣ одиночества—такое свиданіе, послѣ бѣды—утѣшеніе... и я притомъ не одинъ... Позвольте ли, милая путешница? здѣсь за дверью птенець, которому вы первая вселили любовь къ прекрасному, къ музыкѣ и стихамъ... помните, въ вашъ первый пріѣздъ сюда? онъ былъ еще вотъ какой шарикъ... а теперь уже самъ играетъ на флейтѣ и лихо танцуетъ... Боря! входи!

Травкинъ отворилъ дверь и ввелъ въ нее своего крестника. Двѣнадцатилѣтній Боря, въ коричневой драдемамовой курточкѣ, съ бронзовыми пуговками, и въ большихъ, бѣлыхъ, отложныхъ воротничкахъ, войдя, смущенно и робко поцѣловалъ руку Маріи. Его умные, черные глаза также блестяли счастьемъ и радостью. Общій разго-

воръ сталъ еще оживленнѣе. Вспоминали прошлое. Марі разспрашивала о другихъ дальнихъ и ближнихъ сосѣдяхъ. Тѣ умерли, тѣ поженились.

Пришли на поклонъ гостиѣ старыя слуги: сѣдой, главный слуга Дронъ и сморщенная, подъ пару ему, сѣдая буфетчица и чайница, Софьюшка. Они кланялись, вспоминая, какъ гостила и горевала здѣсь Марья Родіоновна, еще дѣвушкой-невѣстой. — «А теперь вы, спаси васъ Господь, уже барыня, да какая красивая и съ дитѣмъ!»

Остановили, съ привѣтомъ, и вошедшаго за чѣмъ-то сюда, слугу Марі, Сергѣя, родомъ изъ Свиблова. — «Поѣдешь туда, закармять тебя родичи!» — шутилъ Алексѣй. Обласкали и вошедшую съ ребенкомъ Сысоевну. Васю познакомили съ дѣтьми хозяевъ. Послѣднія, широко раскрывъ на гостя глаза, сперва молча и съ суровымъ любопытствомъ разглядывали тоже въ началѣ строгое и озадаченное личико незнакомаго имъ Васи, который молча, даже какъ бы враждебно, слѣдилъ за ихъ странными для него лицами и движеніями. Но кто-то изъ дѣтей крикнулъ: «А у насъ котѣнокъ и повозочка!» — и всѣ шумною гурьбой увели Сысоевну съ Васей къ себѣ наверхъ.

Растроганная общими ласками, Марі чуть не расплакалась. За обѣдомъ не прерывались новые разспросы. Послѣ ужина, передъ сномъ, всѣ собрались въ кабинетъ Алексѣя Андреевича и такъ снова здѣсь заговорились и засидѣлись, что когда опомнились, было уже недалеко до разсвѣта. Травкинъ, съ племянникомъ, даже заночевалъ въ Горкахъ, хотя отсюда до его хутора считали не болѣе трехъ-четырехъ верстъ. То же повторялось и въ слѣдующіе дни. Алексѣй и Серафима водили Марі осматривать передѣланную церковь. Марі любовалась ея благолѣпиемъ и въ первое же воскресенье, послѣ обѣдни, отслужила въ ней благодарственный, за счастливый свой путь, молебенъ.

Разспросы и толки обо всемъ, чтò могло на первыхъ порахъ особенно занимать хозяевъ и гостью, изсякли. Вспоминались еще кое-какія семейныя и постороннія событія, о которыхъ не успѣли подробно поговорить. Но и всѣ подробности наконецъ были изложены и обсуждены до мелочей. Марі, тѣмъ временемъ, все установила и по-своему распредѣлила въ отведенныхъ ей комнатахъ. Въ свободныя часы, между общими сборами въ столовой или наверху у хозяевъ, она осматрѣла садъ, гдѣ такъ давно не была, и даже заглянула въ сосѣдній, прилегающій къ саду, лѣсъ. Дорожной усталости и душевнаго волненія у Марі не осталось и слѣда. Ея мысли приняли обычное, спокойное теченіе. Упрощенная не торопится съ отъѣздомъ, она рѣшилась долѣе погостить въ Горкахъ. Такъ прошелъ мѣсяцъ.

Еще въ первое время по прїѣздѣ въ Горки, Марї, въ разговорахъ Алексѣя съ Травкинымъ и съ Нинетъ, нѣсколько разъ слышала имя «Пугачовъ». Оно при ней упоминалось вполголоса и какъ бы неохотно. Видя, что отъ нея нѣчто скрываютъ, повидимому, не желая на первыхъ порахъ тревожить ее, она вспомнила, что это имя мелькомъ она уже слышала въ Москвѣ, и рѣшилась при удобномъ случаѣ разспросить о всемъ Серафиму.

— Скажи, дорогая, я все собиралась и забывала у тебя узнать, — обратилась она къ Серафимѣ, когда та послѣ ужина, однажды, проводила ее наверхъ и присѣла у нея въ спальнѣ: этотъ, какъ его, Пугачовъ, что ли, — что слышно о немъ?

— Ахъ, ужъ и не говори, — отвѣтила недовольно Серафима: сколько вѣсти о немъ испортили крови! Въ первое время, когда прослышали о немъ, мы не спали по нѣскольку ночей. Положимъ, отсюда до мѣста, гдѣ появился и дѣйствуетъ этотъ звѣрь, далеко, болѣе трехсотъ верстъ... а, все-таки, жутко! Alexis ѣздилъ въ Саратовъ, справлялся; воевода и всѣ увѣряютъ, что опасно, — а какъ подумаешь...

— Гдѣ онъ и что съ нимъ? — спросила Марї, расчесывая и свертывая на ночь, передъ зеркаломъ, распущенную косу.

— Нѣтъ, уволь, разспроси лучше мужа.

— Ну, полно, расскажи.

— Но я могу спутать... мало ли что толкуютъ! Охота объ этомъ говорить на ночь?

— Ахъ, нѣтъ, за меня не бойся... лучше знать, быть готовой.

— Да что готовой? Говорятъ тебѣ, что здѣсь опасно... Ну, этотъ бунтовщикъ поднялъ на Яикѣ казаковъ и часть мужиковъ, увѣряетъ, что онъ государь Петръ Федоровичъ... только сюда ему не дойти, кругомъ войско и приняты мѣры.

— А тамъ, на Яикѣ?

Серафима не отвѣчала.

— На Яикѣ, надѣюсь, его одолѣли, разбили? — спросила Марї, оглядываясь на нее.

— Нѣтъ, онъ тамъ усилился, взялъ какую-то крѣпостцу или двѣ, казнилъ нѣсколько офицеровъ, истиранилъ ихъ семьи и теперь, по слухамъ, обложилъ Оренбургъ.

— Какъ? цѣлый городъ? И это считаютъ пустягами? — спросила, снова обернувшись отъ зеркала, Марї.

— Да и я говорю, — дождетесь вы его здѣсь, — смѣются надо мной. Онъ въ лагерѣ подъ Оренбургомъ устроилъ себѣ настоящій дворецъ; стѣны оклеилъ золотою бумагой, отдѣлалъ зеркалами и на-

показъ всѣмъ тутъ же помѣстили гдѣ-то отбитый портретъ цесаревича Павла, — вотъ, молъ, мой первенецъ, — дойду до Питера, посажу его съ собой на престолъ.

— Ловнѣй враль! — сказала, двинувъ плечами, Маря.

— Это еще что! На знаменахъ у него святой Спасъ и угодникъ Николай, — сказала Серафима: а едва одолѣетъ какое мѣсто, хуже всякаго людоеда.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Да нѣтъ, не спрашивай, — говорили страшныя вещи, можетъ быть этого и не было...

— Даромъ не стануть сочинять.

— И я спорила и доказывала то же. Помилуй, аптекарша изъ Саратова прїѣзжала, также здѣшній землемѣръ, — передавали слышанное отъ бѣглецовъ изъ того края, — множество дворянъ онъ убилъ прямо дубьемъ, другихъ повѣсилъ, застрѣлилъ, засѣкъ... тѣхъ казаки пришибли кистенемъ, закололи пиками, либо заживо сожгли, а съ какого-то офицера съ живаго сняли кожу. Считаютъ злодѣйства сотнями... Страшно!

— Да, небывалые ужасы! — сказала Маря: что же начальство? посланы ли туда войска?

— Посланы, но ничего не подѣлаютъ; самозванецъ поднялъ помѣщичьихъ, дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ. Слѣпой народъ вѣрять и помогаетъ ему; да и какъ не слушаться его, — онъ считаетъ его за настоящаго государя; а что велитъ государь, то, по мнѣнію народа, должно исполнять.

— Согласна, народъ, — но какъ могла вооруженная крѣпость сдаться нестройной черни?

— Это дѣйствительно ужасно, — сказала Серафима: случайность все погубила. Жители, городскіе мѣщане взлѣзли на колокольню и зазвонили въ колокола; гарнизонные солдаты, съ испуга, повѣрили, что и впрямь со степи идетъ, съ войскомъ, самъ государь, не послушались офицеровъ, растворили ворота и вышли на-встрѣчу злодѣю, съ знаменами, хлѣбомъ-солью и съ распущенными по плечамъ волосами. Ждали, что онъ всѣхъ помилуетъ и наградитъ за вѣрность. Да и какъ было этого не ждать гарнизоннымъ инвалидамъ, когда вслѣдъ за ними вышло духовенство и встрѣтило злодѣевъ съ иконами и крестами?

— И самозванецъ всѣхъ помиловалъ? — спросила Маря.

— Какое! Съ солдатъ снялъ мундиры, обрѣзалъ имъ косы, остригъ ихъ въ скобку и всѣхъ обратилъ въ казаковъ, а офицеровъ, торговцевъ и кто случился тамъ изъ дворянъ — безъ жалости

повѣсилъ... Нѣтъ, не могу, ты лучше спроси Алексѣя или Силу Өомича; они все знаютъ.

— Но какъ же вы тутъ живете такъ спокойно?—спросила Марі: далеко-то, далеко, но злодѣи могутъ нагрнуть и сюда.

Серафима не знала, что отвѣчать.

— Успокойся,—сказала она: какъ это ни страшно, Alexis да и всѣ говорятъ, что эти скопища скоро разсѣются; туда форсированнымъ маршемъ пошли свѣжіе отряды, а мы, сверхъ того, имѣемъ защиту въ гарнизонѣ и пушкахъ Саратова.

Несмотря на завѣренія золовки, Марі въ ту ночь спала очень плохо. Въ первый же заѣздъ Травкина она сказала ему: «Вы давно такъ любезно предлагаете мнѣ взглянуть на вашу усадьбу, сегодня я готова, ѣдемъ» и, когда обрадованный Травкинъ, послѣ обѣда, объявилъ ей, что его одноколга подана, она сѣла съ нимъ безъ кучера и, выѣхавъ изъ Горокъ въ поле, спросила его: «Скажите, Сила Өомичъ, что это толкуютъ о Яикѣ? невѣроятные ужасы какіе-то, ничего не пойму...»

— Да, дорогая Марья Родіоновна,— отвѣтилъ, подгоняя савраску, Травкинъ: посѣтила насъ лютая, политическая чума. Шутка сказать, сбродъ всякой голытьбы, самомерзостныхъ каналій охватилъ, взбудоражилъ цѣлый край и держитъ въ тискахъ, какъ въ нравственномъ лабиринтѣ... И этой гидрѣ, стоголовому змѣю, нѣтъ до-нынѣ конца; звѣрояростная сволочь, къ позору и огорченію всѣхъ истинныхъ патріотовъ, держитъ нынѣ въ осадѣ, что же?— губернской городъ Оренбургъ!

— Да, я слышала. Говорятъ о неистовствахъ злодѣя, о замученныхъ имъ офицерахъ, помѣщикахъ; именъ мнѣ не называли...

— Тамъ погибъ мой братъ Павелъ, я оплакалъ его, жалѣю, но его мало знали въ свѣтѣ... а вотъ храбрый комендантъ Харловъ, трагическая судьба взятой въ плѣнъ красавицы, его жены!

— Какъ? погибъ Павелъ Өомичъ? гдѣ, когда?—въ ужасѣ спросила Марі.

— А вы этого не знали? что же, однако, я? Алексѣй Андреевичъ вѣдь запретилъ беспокоить васъ...

— Расскажите, гдѣ, когда и какъ погибъ вашъ братъ?—сказала Марі, отирая слезы: Боже мой, давно ли онъ былъ у насъ въ Москвѣ?

Травкинъ поникъ головой и нѣсколько мгновений молчалъ. Савраска шла въ гору шагомъ.

IV.

— Павелъ былъ у тестя въ Яицкомъ-городкѣ, — началъ Травкинъ, стараясь говорить спокойно, и рассказалъ переданное бѣглецами съ Яица о Харловыхъ и о томъ, какъ его братъ Павелъ, при возвращеніи оттуда, встрѣтился съ Пугачовымъ, былъ имъ схваченъ и только потому, что онъ дворянинъ и офицеръ, повѣшенъ.

Въ концѣ разсказа Травкинъ не осилилъ себя и, тихо всхлипнувъ, отвернулся.

— Но какая причина этого бунта? — спросила Марі, чтобы хотя нѣсколько развлечь его: что тянетъ темный народъ къ самозванцу?

— Здѣсь, сударыня моя, — отвѣтилъ Сила Ѳомичъ: дѣло понятное, а если хотите, такъ и совершенно простое, — возстаніе мужика-армяка противъ боярина, сѣраго порваннаго зипунишки — противъ шелка и пудры, кабацкой голи — противъ всякаго порядка и властей, — чья, молъ, возьметъ?

— Слѣдовательно, возстаютъ недовольные. Но чѣмъ же? Нынѣшняя государыня такая милостивая, о помѣщичьихъ былыхъ насиліяхъ не слышно.

— Чернь, народъ всегда недоволенъ властью, какъ бы она ни была справедлива и добра.

— Но почему же такія неистовыя злодѣяства: висѣлицы, убійства кистенями, дубинами, сдираніе кожъ съ живыхъ людей?

— Какъ повелѣваетъ самозванецъ, народъ такъ и дѣйствуетъ. Злодѣй отлично знаетъ, что дворяне, офицеры и духовенство противники ему, какъ врагу порядка, и разсылаетъ пріятные черни приказы — не отбывать барщины, не платить и казнѣ, а истреблять дворянъ и всякія власти. Кто разорить десять дворянскихъ усадебъ и домовъ, объявилъ онъ, да еще убьетъ столько же помѣщиковъ, въ награду тому онъ общаетъ тысячу рублей и генеральскій чинъ.

— Но какъ же, Сила Ѳомичъ, не пойму я, — отвѣтила Марі: народъ нашъ религіозенъ, а слѣпо слушается такихъ варварскихъ приказаній и исполняетъ ихъ! гдѣ же его христіанскія вѣрованія, совѣсть?

— Да какъ же, Марья Родіоновна, и не слушаться ему! Вѣдь, повторяю вамъ, это по мнѣнію его, то-есть по убѣжденію, хотя и ложному, повелѣваетъ ему самъ императоръ, государь... Какъ же послушаться? Живъ, молъ, идетъ къ вамъ царь Петръ Ѳеодоровичъ!

— Да народъ-то нашъ, вѣдь, добрый, — не могла успокоиться Марі: онъ вѣрующій, — повторяю вамъ, — знаетъ, слышалъ, наконецъ, что неповинныхъ ни въ чемъ не казнять, не истязуютъ... Этого я не могу взять въ толкъ!

— Хороши вѣрующіе!—сказалъ Травкинъ: большинство бунтовщиковъ, вѣдь, раскольники. Чтѣ о нихъ говорятъ? налетаютъ они на церковь, рвутъ съ иконъ оклады, поповскія ризы отдають женамъ на исподницы, на дѣскахъ мясо ѣдятъ, утираются анти-мисами, какъ полотенцами. Это ли христіане?

— Но чтѣ же имъ нужно? чего они добиваются?—спросила Марі.

Одноколка въ это время вѣехала въ лѣсъ.

— Казаки, знающіе, что самозванецъ не государь, — отвѣтилъ Травкинъ, снова придерживая коня: думаютъ, дай, молъ, на престолъ посадимъ мужика-царя... всякой голытьбѣ будетъ благодать! Мужичье царство оснуемъ... Потому-то въ помощь къ нимъ и къ самозванцу охотно шествуетъ такая же всякая подлость, все холопство и чернь, какъ они сами, и всѣ они, съ своимъ вождемъ, ждуть не дождутся растерзать всѣхъ чиновниковъ, офицерство и дворянъ. И какіе у него подобраны помощники — палачи!—однѣ глички, по истинѣ сказать, чего стоятъ! Въ камергерахъ у злодѣя состоятъ казакъ Давилинъ, а въ капитанахъ—Мертвецовъ.

Травкинъ смолкъ. Марі въ волненіи обдумывала всё роковое и ужасное, слышанное отъ него.

— Скажите откровенно, Сила Ѳомичъ, —спросила она его: здѣсь не безопасно? не за себя боюсь, за ребенка... не уѣхать ли отсюда?

Травкинъ подумалъ.

— Оно точно, — отвѣтилъ онъ: Алексѣй Андреевичъ и другіе не раздѣляютъ моихъ сомнѣній. И надо прибавить, въ здѣшнихъ разсказахъ и письменныхъ ремаркахъ отъ стороннихъ лицъ, немало всякихъ преувеличеній и авантюрьерскаго вранья. Что же до здѣшнихъ мѣстъ, то по совѣсти скажу, во-первыхъ, наши палестины далеко отъ того края, а во-вторыхъ и народъ здѣсь въ полной еще тихости и не таковъ сумнителенъ и зломысленъ, какъ въ тѣхъ дикихъ, степныхъ пустыряхъ, по этому Яику и хоть бы по Узенямъ. Здѣшняя чернь спокойна и неслышно еще промешъ нея бездушныхъ и крови жаждущихъ мутьяновъ. Да и чего нашимъ-то здѣшнимъ мутиться? Алексѣй Андреевичъ, по чести сказать, — не владѣлецъ, а отецъ своимъ поданнымъ, — и всѣ подтвердятъ, — добрѣйшій; воды не замутишь и скорѣе послѣднюю рубашку отдашь мужику, чѣмъ обидить его. Таковы и прочіе помѣщики въ здѣшней околности... не говорю о себѣ, — но и другіе — Шихматовы, Толпыгины, Болотины, — вы ихъ знаете, — Лаптевъ, — ну, всѣ... ни насилій, ни стѣсненія поданнымъ. Скажу, наконецъ, болѣе: и тамъ, въ той дикой глуши, если бы не колеблемость нерегулярныхъ, сирѣчь ка-

зачества, коего непорядочное житье правительство рѣшило нынѣ ограничить,—не было бы открытаго мятежа и тамъ.

— Странно,—сказала Марі: мой мужъ служить при главнокомандующемъ въ Москвѣ, а тамъ объ этомъ почти не знаютъ, и если говорили, то вскользь, увѣряя, что смуты вскорѣ будутъ прекращены.

Одноколка, миновавъ лѣсъ, стала спускаться съ холма въ долину.

— Вонъ мое жильё,—указалъ Травкинъ съ холма: то мой садъ, а среди него домишко... Надеждъ, сударыня, и у насъ немало, а на дѣлѣ что-то не такъ; злодѣй открыто разсылаетъ манифесты, грозитъ взять Оренбургъ и двинуться оттуда къ Волгѣ и къ Москвѣ. Всѣ мы давно погибли бы, извините, аки черви капустные, и злодѣй перебилъ бы и передумилъ бы насъ всѣхъ, если бы не такіе патріоты, какъ князь Голицынъ и Мансуровъ. Тѣ уже двигаются къ нему...

— Манифесты, вы говорите? что же онъ въ нихъ оповѣщаетъ?

— Казакамъ сулитъ на Яикѣ поставить главное царство и Яикъ объявить на мѣсто Петербурга и Москвы, а всей вообще черни, на многія лѣта, обѣщаетъ разныя льготы и перевѣсъ надъ прочими сословіями. Въ Саратовѣ ходила письменная ремарка съ одною изъ такихъ его воровскихъ листовъ.

— Ну, и что же это за произведение? вы его читали?—спросила Марі, когда одноколка уже вѣзжала во дворъ, обсаженный вербами.

— Безграмотно-съ и совсѣмъ дѣтски-грубо,—сейчасъ видно, что у него нѣтъ еще знающихъ, толковыхъ секретарей... народу же это, разумѣется, не въ-домекъ.

Травкинъ ввелъ гостю въ домъ. Они обошли его и садъ и сѣли на крыльцѣ, у котораго крестникъ Травкина Боря держалъ подъ уздцы савраску.

— Видѣлъ ли кто этого Пугачова?—спросила Марі Травкина: каковъ онъ изъ себя? Похожъ ли на покойнаго императора Петра Федоровича?;

— Ничуть,—отвѣтилъ Травкинъ: злодѣй средственнаго роста, сутулый, рябоватый и невзрачный мужичонка, пьяница, грубіянь и притомъ волокита; похитилъ въ разныхъ мѣстахъ и держитъ при себѣ нѣсколько не только простыхъ дѣвокъ, но и боярскихъ дочерей. А какъ сядетъ на коня, сушая, говорятъ, картина,—молодецъ и безстрашенъ, выдается прямо въ огонь; не только мужики,—солдаты, глядя на него, говорятъ: и впрямь онъ царь,—его,

моль, и пуля не беретъ... Одно, впрочемъ, дѣло толки, а другое— настоящее войско; онъ его еще не видѣлъ, а какъ встрѣтить, всѣмъ его шайкамъ не добровать.

Марі встала, прощаясь.

— Такъ вы думаете, во всякомъ случаѣ, здѣсь еще нечего опасаться?—спросила она.

— По совѣсти спрашиваете?

— Да, вамъ я повѣрю отъ души.

Травкинъ радостными глазами взглянулъ на Дуганову.

— Для васъ, Марья Родіоновна, — сказалъ онъ, снова подсаживая гостью въ одноколку: за вашу лестный для меня визитъ, не только услуги, жизнь готовъ отдать... Да-съ, густой, безпросвѣтный туманъ, нечего сказать, еще носится надъ нами. Но, голубушка вы моя, дорогая барынька, велика милость Господня... надо именно думать, что зло не пойдетъ далеко, — здѣшніе крестьяне еще спокойны, и сѣмья бунта, смѣю думать, вскорости, на общее благо, будетъ истреблено.

Савраска весело помчалась обратно въ Горки.

Травкинъ былъ правъ: не только горѣцкіе, но и всѣ окрестные крестьяне вели себя вполне смирно, охотно исполняли свои работы, съ барщины возвращались съ пѣснями, а идя мимо господскихъ хоромъ, вѣжливо снимали шапки и кланялись, хотя бы въ окнахъ никого не видѣли изъ баръ. — «Что, ребята, слышно о злодѣѣ?» — спрашивалъ ихъ иногда на работахъ Алексѣй. — «О комъ, батюшка?» — «Да о Пугачовѣ...» — «А Господь его знаетъ, далеко онъ и ничего мы о немъ не слыхамши». — «Сказываютъ, въ цари мѣтять», — улыбался Алексѣй. — Мужики строго смотрѣли на барина. — «Шутишь, сударь, — отвѣчали они: куда сиволапому до царя!... вонъ Ѳедька въ старосты норовилъ, да и то шею ему добре набили». — Толпа громко хохотала. Алексѣй, успокоенный, возвращался домой. — «Ну, наши еще надежны, — ихъ скоро не собьешь!» — разсуждалъ онъ и старался еще болѣе угождать крестьянамъ, — далъ имъ лѣсу на избы, инымъ съ весны обѣщавъ отвести лишняго сѣнокоса, бабамъ къ посту простилъ срочный взносъ холстовъ, куръ и яицъ. Въ Горкахъ и кругомъ въ окрестныхъ деревняхъ все, дѣйствительно, было вполне спокойно.

Какъ ни стараясь также быть спокойной, Марі не находила въ себѣ желанной, душевной тишины. Она стала расказываться, что, вмѣсто тихой, далекой Малороссіи, пріѣхала сюда. Раздумывая о

предположенной поѣздѣ въ Свиблово, она пришла къ убѣжденію, что, поселясь въ той, еще болѣе глухой деревушкѣ, она будетъ менѣе безопасна, чѣмъ въ Горкахъ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ такимъ большимъ городомъ, какъ Саратовъ, гдѣ, по слухамъ, было достаточно войска и всякихъ средствъ къ оборонѣ, не говоря уже о лучшихъ удобствахъ къ жизни. Рѣшивъ поѣхать еще пробыть въ Горкахъ, она послала въ Свиблово, съ письмомъ къ теткѣ, слугу Сергѣя, который кстати просился туда, такъ какъ его сестра была замужемъ за кѣмъ-то изъ тамошнихъ крестьянъ. Давъ ему письмо и денегъ на дорогу, она снабдила его наставленіями, какъ получше и не возбуждая подозрѣній осмотрѣть тамошній домъ, удобенъ ли онъ для зимы, есть ли тамъ особая теплая комната для Васи, да съ лежаночкой, не дуетъ ли въ окна и чѣмъ топится домъ, — дровами или гречаною трухой, отъ которой заводится много мышей.

— Тебя жду обратно черезъ три недѣли, — сказала Марі Сергѣю: а теткушкѣ вланыйся и передай, что если не захвораю и все будетъ благополучно, мы съ Богомъ двинемся и приѣдемъ къ ней по первому санному пути.

Шли недѣли; прошелъ мѣсяцъ и начался другой. Настала половина октября. Сергѣй не возвращался. Марі написала теткѣ въ Самару; отвѣтъ пришелъ, что Сергѣй, съ родными сестры, ѣздитъ на богомолье въ какой-то монастырь, возлѣ Самары, гдѣ свихнулъ ногу, хотя началъ уже оправляться. Тетка просила Марі скорѣе обрадовать ее приѣздомъ. Новыхъ слуховъ о самозванцѣ въ Горки не приходило. Знали только, что онъ все еще подъ Оренбургомъ, гдѣ, по саратовскимъ свѣдѣніямъ, ожидалось полное его истребленіе отрядомъ шедшаго туда Голицына. Кстати настала ранняя стужа, степи замело.

Съ первымъ снѣгомъ жизнь въ Горкахъ потекла уютнѣе и веселѣе. Алексѣй не стѣснялся въ домѣ расходами. Въ теплыхъ и свѣтлыхъ комнатахъ просторнаго дома чуть не каждый день были гости. Кромѣ Травкина, вблизи проживалъ другой, тоже страстный любитель музыки, старикъ - вдовецъ, изъ отставныхъ военныхъ, Лантевъ, прозванный, за жизнь въ лѣсномъ своемъ хуторѣ, Волкомъ. Онъ игралъ на скрипкѣ. Двѣ его дочери обучались въ пансіонѣ, въ Саратовѣ, и тоже на праздники посѣщали Горки. На одиночествѣ Лантевъ, кромѣ скрипки, короталъ время охотой, хотя уже плохо видѣлъ и въ шутку говорилъ, что на охотѣ надо такъ выпить, чтобы изъ одного взлетѣвшаго вальдшнепа казались три... «бей въ средняго, и навѣрное попадешь!» — Сосѣди цѣлыми семьями съѣзжались съ утра поиграть въ карты, побесѣдовать и послушать музыку Ра-

душное гостепріимство состоятельной и домовитой, стародворянской семьи охватывало всѣхъ, въ томъ числѣ и Марі, своими ласкающими, мягкими волнами. Короткіе дни и длинные вечера пролетали незамѣтно. Гости въ этомъ, искони радушномъ, пріютѣ, среди общаго довольства, жизни на-распашку, искренняго смѣха и веселостей безъ затѣй, чувствовали себя, какъ дома. Свѣтлое настроеніе сошло и на душу Марі. Ничто въ окружающемъ болѣе не волновало и не тяготило ее. Вася окрѣпъ и поздоровѣлъ; дѣти хозяевъ были также здоровы. Цѣлый день весело раздавались по комнатамъ ихъ голоса. Одно подъ-часъ смущало Марі: она съ ужасомъ стала замѣчать, что никогда, до сей поры, не сознавала она себя настолько спокойною и счастливою, какъ теперь. Образъ мужа невольно воскресалъ и оживлялся въ ея душѣ. — «Что, если бы онъ увидѣлъ меня теперь?» — разсуждала она: «если бы перенесся, заглянулъ сюда? Что же, самъ ты, подозрительный, злой и неправый, оттолкнулъ отъ себя это тихое счастье, эту мирную, искреннюю жизнь; ты далеко, даже не подозрѣваешь этого, — ну, и казись...»

Слушая пѣніе Серафимы подъ арфу, на которой та въ послѣднее время выучилась играть у сосѣдки, Баратаевой, Марі и сама вспомнила свою временно-забытую любовь къ музыкѣ, отыскала въ нотахъ Серафимы нѣсколько пьесъ Скарлатти, Пасквини и Баха, которыя когда-то здѣсь разучивала, и съ увлеченіемъ занялась игрой на клавинодахъ. Съ ея легкой руки, въ Горкахъ стали исполняться не только итальянскія рондо и пасторали, сонаты и фуги Баха, но и кантаты и цѣлыя аріи изъ гайдновскихъ оперъ и ораторій. Здѣсь, благодаря Серафимѣ и Марі, начали устраиваться даже тріо и квартеты. Серафима пѣла, Марі играла на клавинодахъ, Травкинъ на виолончели, его крестникъ на флейтѣ, а Лаптевъ-Волкъ на скрипкѣ. Послѣ успѣшнаго опыта съ баховскими прелюдіями и санктусами, въ Горкахъ, наконецъ, задумали къ Рождеству исполнить цѣлый концертъ изъ ораторіи Гайдна «Сотвореніе міра».

Небольшое дружно-сплоченное общество не замѣчало въ этихъ занятіяхъ, какъ текло время.

У.

Однажды, послѣ ужина, когда ближніе изъ гостей разѣхались, а болѣе дальніе разошлись по отведеннымъ имъ комнатамъ, Серафима, разговоривая съ Марі и доведя ее со свѣчей въ спальню, собралась уже съ нею проститься и остановилась. Выславъ горничную и продолжая какой-то обычный разсказъ, начатый на верху, она подождала, пока Марі раздѣлась и легла въ постель, — сказала:

«Ну, жера, однако, мнѣ и тебѣ спать»,—и поцѣловала Марі, но вмѣстѣ того, чтобы уйти, сѣла на кресло у ея кровати и задумалась.

— Что странно,—произнесла она: ты, Маша, ни единымъ словомъ, до сихъ поръ, не намекнула мнѣ объ одномъ обстоятельстве.

— О какомъ?—спросила, вспыхнувъ, Марі.

«Это о Глѣбѣ,—навѣрно о немъ!»—подумала она, замирая.

— Послушай, будемъ откровенны,—проговорила Серафима: отчего ты такъ недоувѣрчива со мной? относишься ко мнѣ, какъ-бы съ какимъ-то снисходительнымъ... не то, что прощеньемъ, а даже—презрѣньемъ.

— Что ты, дорогая? да развѣ я могу, сѣла бы?—вскрикнула Марі, вскакивая и садясь на кровати.

— Нѣтъ, нѣтъ, не отпирайся... Почему ты ни полусловомъ не намекнула, не спросила меня о томъ печальномъ прошломъ... о кievскомъ событіи?

На душѣ Марі отлегло.

— Да о чемъ же спрашивать?—сказала она: ну, развѣ не понятно? было мимолетное, легкомысленное увлеченіе... ну, глупая и, разумеется, невинная вспышка безумной и слѣпой молодости, не больше... о чемъ же спрашивать?

Серафима схватила руку Марі и съ чувствомъ пожала ее.

— Такъ ты вѣришь мнѣ, допускаешь,—спросила она: что я, при всемъ безобразіи этого поступка, осталась... могла остаться непорочной?

— Успокойся, милая, дорогая,—влянусь тебѣ, я ни въ началѣ, ни потомъ, когда все это произошло и огласилось, иначе не думала и не могла думать о тебѣ...

Серафима взглянула на кіотъ съ образами, передъ которымъ, заботами Сысоевны, въ комнатѣ Марі постоянно горѣла лампада.

— Слушай,—сказала она, вставъ и съ чувствомъ простирая руки къ кіоту: моими дѣтьми и всѣмъ святымъ я влянусь тебѣ,—я дѣйствительно, благодаря Промыслу Господню, осталась правою и чистою передъ совѣстью и мужемъ... Alexis, этотъ дивный, божественно-добрый человекъ,—продолжала, сдерживая слезы, Серафима: отъ сердца простилъ мою глупость, далъ слово все забыть и забылъ... Я боялась одного,—да, да!—день и ночь я мучилась, что подумаешь и скажешь обо мнѣ ты?

Марі обхватила Серафиму и нѣжно привлекла ее къ себѣ, осыпая поцѣлуями.

— Ахъ, Марі, что я пережила и что испытала,—продолжала, удерживая рыданія, Серафима: это было... ое, слѣ-

пое, необъяснимое безуміе. Начать съ того... Приѣздъ тогда отсюда, изъ тихой деревни, въ шумную Москву... началось какое-то нравственное опьянѣніе, вѣчные выѣзды въ театры, на концерты и балы... Масса новыхъ знакомыхъ вскружила голову. То и дѣло мелькали новыя лица. Меня хвалили, льстили мнѣ. А тутъ этотъ домашній спектакль. Я ночей не спала, твердя роль и думая, какъ это я выйду, — сотни глазъ на меня глядятъ... И вотъ, я очутилась, сама не своя, на сценѣ передъ публикой. Помню, какъ охватило меня трепеть, какъ я была потрясена собственною игрой и пѣніемъ. Гдѣ-то далеко гремѣли шумные аплодисменты; я чуть не упала въ обморокъ отъ восхищенія и боязни за себя. Потомъ поѣздка съ факелами на мызу, танцы тамъ чуть не до зари, ужинъ съ шампанскимъ, а кстатѣ, притомъ, всѣ упрасивали меня пить и, вѣроятно, усердно подносили. Этотъ несчастный Прядышевъ, сильно влюбленный въ меня, давно молилъ меня съ нимъ бѣжать; я, разумѣется, на это только смѣялась... а пастушка, которую я играла, то же, — какъ помнишь, въ пьесѣ, на сценѣ, — куда-то бѣжала съ обожателемъ... Ну, я въ непонятномъ забытіи, недолго думая, сѣла въ сани, — бѣшеная тройка помчалась; хмѣльная молодежь все это устроила... Мнѣ грезилось, что я ѣду обратно въ Москву, и только утромъ я увидѣла, что это не Москва и что мы уже въ Подольскѣ... Ты спросишь, почему я не возвратилась? Одно скажу — меня охватывало то же безуміе, тотъ же полусонъ... Мнѣ мерещилось, что мы несемъ въ какой-то опьяняющей сказкѣ; спать хотѣлось и было такъ весело, а мой сопутникъ все твердилъ мнѣ завѣренія, что вотъ-вотъ снѣгъ, ухабы, тройки кончатся, мы промчимся черезъ холодную Россію и скоро очутимся въ невиданныхъ, теплыхъ, райскихъ странахъ, съ пальмами и вѣчно-цвѣтущими розами, подъ небомъ роскошной Италіи. Мысль о Москвѣ не пугала, а смѣшила меня... Вотъ, думала я, наслаждаясь бѣшеною ѣздой: тамъ ахаютъ, бьютъ тревогу, ищутъ! пускай...

— Чудеса ты рассказываешь! — не утерпѣла замѣтить Марі.

— Безумный мальчикъ, — продолжала Серафима: платилъ двойные и тройные прогоны; мѣняя лошадей и едва успѣвая обогрѣваться на станціяхъ чаемъ, мы неслись, какъ на крыльяхъ. Въ Серпуховѣ, пока мнѣ подали обѣдать, Прядышевъ вдругъ какъ бы что-то вспомнилъ, ушелъ куда-то и возвратился самъ не свой. Я въ ужасѣ чуть не лишилась чувствъ: взглянула, — онъ былъ на-веселѣ... ласковый, такой же вѣжливый, но едва стоялъ на ногахъ. Гдѣ? — спрашиваю: какъ? — молчитъ. Что же тутъ было еще говорить или дѣлать? Возвратиться? я и молила его... онъ общалъ взять

обратную подорожную изъближайшаго города — и обмануль... А ужъ что было потомъ — и не спрашивай: далѣ онъ просто напивался! Этой страсти мнѣ и въ голову не могло прійти, а онъ, появляясь въ Москвѣ, среди лучшаго общества, тайно кутилъ и пилъ въ грязныхъ притонахъ, о чемъ никто тогда и не зналъ. На остальномъ пути я уже не позволяла ему садиться рядомъ съ собой; онъ ѣхалъ либо на облучкѣ, либо отъ станціи до станціи безпробудно спалъ у меня въ ногахъ, на днѣ саней. Опять порывалась я бросить его, ѣхать назадъ, но у меня не было ни паспорта, ни обратной подорожной, ни денегъ.

Серафима закрыла руками глаза.

— Воображаю, бѣдная, твое положеніе, — сказала Марі.

— Ужась! а лошади мчатся, мѣняются станціи. Да если бы и удалось какъ-нибудь достать денегъ и лошадей, какъ было бросить его, среди незнакомыхъ людей, на дорогѣ? онъ пока велъ себя тихо, а увидя мою попытку къ бѣгству, съ-пьяну могъ бы поднять шумную исторію, безобразничать... Спасъ меня Кіевъ... При вѣздѣ въ него, Прядышевъ увидѣлъ нѣсколько троегъ, съ цыганами и цыганками, узналъ между ними свою прежнюю Дульцинею и пришелъ въ неописанный восторгъ: вотъ, — кричить, — услышишь боже-ство, соловья! что за голосъ, душа!... Едва мы прибыли въ гостиницу и помѣстились, — разумѣется, порознь, — онъ наскоро умылся, нарядился и вылетѣлъ... сейчасъ, говорить, буду, привезу ее сюда!... Остальное ты знаешь; болѣе мы не видѣлись. Приѣзжалъ звать меня Глѣбъ... но не будемъ вспоминать! Онъ такъ неожиданно и такъ сухо, свысока, объявилъ мнѣ о прощеніи мужа... ахъ, могла ли я вдругъ тогда опомниться, принять это великодушное прощеніе?

Кончивъ рассказъ, Серафима склонила голову. Ея щеки пылали, грудь тяжело дышала.

— И вотъ все мое горе, мой бывшій грѣхъ! — сказала она, щипля конецъ мокраго отъ слезъ платка: долго я не рѣшалась писать мужу, думала покончить съ собой, либо скрыться навсегда, идти въ монастырь... да и теперь иной разъ совѣстно людямъ въ глаза смотрѣть... а вѣдь и въ помыслахъ, влянусь, и въ помыслахъ не было у меня тѣни грѣховной...

Марі быстро спустила ноги на коврикъ у кровати, поймала ими туфли, обула ихъ и, нагнувъ на плечи кофту, сѣла на краю постели, рядомъ съ Серафимой.

— О, да, ты чиста, повторяю тебѣ, чиста, и твой дѣтски-взбалмошный проступокъ тебѣ прощенъ не однимъ мужемъ, всѣми! — сказала она: но ты, все-таки, подала поводъ, необдуманно

бѣжала... Вѣдь, правда же, ты открыто пренебрегла приличіями— съ постороннимъ челоѡкомъ бѣжала въ такую даль? другія ничего подобнаго не дѣлали...

Серафима вспыхнула. Ея глаза съ изумленіемъ устремились на Марі.

— Чтѡ ты хочешь этимъ сказать? — спросила она: я недостойна, по-твоему, прощенія?

— Не о тебѣ, дорогая, ахъ, не о тебѣ!—отвѣтила Марі: есть другія... ты меня также поймешь и можетъ быть пожалѣешь.

Она ломала руки, не находя словъ.

— Слушай, Серафима, — сказала она: ты все мнѣ открыла, а я была неискренна съ тобой. Тебѣ не все извѣстно; я стѣснялась, не имѣла духа все тебѣ объяснить. Между тобой и твоимъ мужемъ былъ хоть какой-нибудь, по существу, пустой, виѣшний, но все-таки поводъ къ разладу. Ты откровенно признала свою вину, великодушный, честный, добрый мужъ понялъ дѣло и все тебѣ простилъ, все забылъ; вы снова живете въ полномъ согласіи и счастья. А я... знаешь ли ты? — сказала Марі, ухвативъ Серафиму за руку: между мною и Глѣбомъ все кончено... Да, я бросила его, мы разстались навсегда!

Серафиму, какъ громомъ, поразило это признаніе. Она, безъ движенія, безъ словъ, молча смотрѣла на золовку широко открытыми глазами.

— Какъ? разстались? когда, почему? — выговорила она наконецъ.

— Изъ дикой, слѣпой ревности Глѣбъ придрался къ ничтожному поводу, — отвѣтила Марі: и глубоко оскорбилъ меня, неповинную ни въ чемъ.

— Но ты могла же оправдаться, доказать?

— Мнѣ доказывать? — вскрикнула Марі: кому? въ тѣ часы, когда я умирала отъ страха за жизнь ребенка, а онъ былъ въ отсутствіи... когда я по цѣлымъ днямъ молилась, прибѣгая къ помощи врачей... сперва онъ получилъ безъименный извѣтъ, а потомъ угрозой вытребовалъ отъ Спесивцева мои письма... и рѣшился обвинять меня по нимъ.

Слезы не дали продолжать Марі. Осилить себя, обрываясь и снова плача, путаясь въ словахъ и забывая подробности, она кое-какъ рассказала исторію своего столкновенія и разрыва съ Глѣбомъ.

— И это за пять лѣтъ брака, честный мужъ и семьянинъ! — сказала, кончивъ, Марі: осыпать позорными уворами и ни слова,

ни признана раскаянія. Что же, буду, по волѣ его, вдовой живаго мужа!

— Пустяки, забудется! — старалась утѣшить ее Серафима: посуды, наконецъ, сама... вѣдь между вами ничего же въ сущности не было, даже тѣни какихъ-либо сердечныхъ съ твоей стороны увлеченій. Я знаю тебя... ты осмотрительна, горда, всегда любила мужа, а рыжій и лысый Спесивцевъ — ну, развѣ могъ онъ явиться соперникомъ — и кому же? — Глѣбу!

— Да, да, — вскричала Марі: это-то и возмутительно! Никогда и ни за что я не прощу ему этого. Такое возмутительное обхожденіе, безошадный укоръ въ измѣнѣ, въ развратномъ поведеніи... онъ даже посягнулъ на неповиннаго ребенка! — бѣшено кричала Марі: въ глаза мнѣ бросилъ упрекъ, что это не его дитя... Вася-то, Васенька!

Марі, рыдая, упала головой въ подушку.

— И все это, повѣрь мнѣ, кончится миромъ и раскаяніемъ, — успокаивала ее Серафима: завтра же я ему напишу... мы объяснимъ ему, онъ явится и ты охотно простишь ему злую, ревнивую выходку.

— Никогда! ни за что! на всю жизнь, кончено, слышишь ли? — вошла, глядя на образъ, Марі: ты не знаешь этого самолюбиваго, сухаго чудовища... Онъ сразу высказался... Языкъ отсохни, если я позволю себѣ хоть единымъ словомъ намекнуть ему о примиреніи. Пусть помнитъ, если смотрѣлъ на меня, какъ на рабыню, пусть знаетъ, что есть самолюбіе и у рабы!

«Ну, ты сердисься, еще зла на него, — подумала Серафима: а мы съ Alexis все-таки ему напишемъ, чтобы онъ не дурилъ и скорѣе пріѣзжалъ бы сюда. А тутъ ужъ устроимъ примиреніе. Она проклянетъ его, осынаетъ обвиненіями, — и онъ стѣдитъ ихъ, — но и въ гнѣвѣ видно, какъ онъ дорогъ ей и какъ горячо, по прежнему, она любить его!»

Серафима еще посидѣла у Марі. По возможности успокоивъ ее, она уложила ее, поправила ей подушки, пригрыла одѣяломъ, даже перекрестила и, съ облегченнымъ сердцемъ, поднялась къ себѣ наверхъ, гдѣ утромъ все и рассказала мужу. Въ тотъ же день они оба написали и послали по почтѣ письма Глѣбу въ Петербургъ.

VI.

Узнавъ объ отъѣздѣ жены изъ ея письма черезъ Надю Шимкову, Глѣбъ впалъ въ крайнее смущеніе и раздраженіе. Послѣ рѣзкаго и до неприличія грубаго объясненія съ нею, онъ самъ, рѣшившись бросить ее, могъ ожидать и отъ нея всякаго, крайняго поступка,

новой бурной сцены съ нимъ, присылки къ нему, съ требованіемъ объясненій, Спесивцева, но столь рѣшительнаго, быстрого и открытаго разрыва онъ никакъ не ожидалъ. Тѣнь нѣкотораго раскаянія и даже жалости къ женѣ шевельнулась въ душѣ Глѣба. Избѣгая всякой огласки и чтобы не дать домашнимъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣніямъ и пересудамъ, онъ позвалъ слугу, спокойно приказалъ ему отложить запряженный и поданный уже къ крыльцу экипажъ, вышелъ какъ бы прогуляться, крикнувъ на Покровскѣ того же извозчика Фролку, сѣлъ въ его дрожки и велѣлъ везти себя къ Покрову въ Левшинѣ. Глѣбъ увидѣлъ знакомый домъ и взшелъ по лѣстницѣ къ Спесивцеву. — «Удивится этотъ гусь, да чортъ его возьми! — думалъ онъ: нечего церемониться! допрошу его, — навѣрное знаетъ и скажетъ, куда уѣхала жена». — Отворивъ дверь, онъ увидѣлъ, что передняя и кабинетъ доктора были совершенно пусты; валявшійся на полу соръ и клочки бумажекъ показывали, что жилецъ оставилъ эту квартиру. Въ полуотворенную дверь изъ коридора выглянулъ, съ метлой въ рукахъ, старикъ-дворникъ, изъ отставныхъ солдатъ.

— Вамъ кого?—спросилъ онъ.

— Гдѣ докторъ?

— Съѣхали.

— Куда?

— Не можемъ знать.

— На новую квартиру, что ли?

— Должно, совсѣмъ изъ города.

— Но куда же?

— Не можемъ, ваше благородіе, знать.

— Послушай, ты мнѣ скажи; я требую, — возвысилъ голосъ Глѣбъ: я служу при главнокомандующемъ, — не можетъ быть, чтобы ты не зналъ отъ его прислуги.

— Извольте, ваше сіятельство, спросить у хозяйки; мы что? они съ нею рассчитывались, а мы, сейчасъ помереть, въ томъ не причинны.

Глѣбъ пошелъ къ хозяйкѣ. Его приняла больная и полуглухая старуха, давно не встававшая съ постели. То и дѣло кашляя и оправляя сползавшій съ сѣдой головы платокъ, она спросила, что ему нужно. Глѣбъ объяснилъ.

— Семень Захарычъ, извѣстное дѣло, — отвѣтила старуха: былъ жилецъ изъ жильцовъ, тихій, аккуратный и не токма платилъ въ срокъ, жилъ безъ всякаго окаянства, а еще лѣчилъ, сказать, даромъ... Куда же выѣхалъ, не знаю, не то къ сродственникамъ

куда-то, не то на кондиціи въ деревню, къ какому-то богатому чело-
вѣку, за Тверь.

— На-время?

— По видимости, надолго, если не навсегда... распродалъ не-
бель и прочее... дешево распродалъ, слѣвшиль...

— На почтовыхъ онъ уѣхалъ или на долгихъ?

— Кажись, батюшка, на почтовыхъ, — я хвораю, не встаю, —
входилъ ямщикъ, въ армякѣ и съ орломъ на шапкѣ.

«Такъ вотъ оно что, теперь ясно, — рассуждалъ Глѣбъ, выйдя
на улицу: они, очевидно, условились и все заранѣе обдумали; вы-
ѣхали порознь, а гдѣ-нибудь далѣе и встрѣтятся».

Бѣшенство овладѣло Глѣбомъ. Онъ, едва помня себя, возвра-
тился домой, упалъ на диванъ, стоналъ, билъ себя кулакомъ въ
голову и до крови грызъ себѣ ногти. Онъ было рѣшилъ ѣхать
въ Бунцово, допытаться, кто изъ ямщиковъ и на какую дорогу
вывезъ его жену съ мызы? Предполагалъ обратиться и въ полицію,
также на почту, чтобы узнать, по какому виду и куда именно вы-
ѣхалъ изъ Москвы Спесивцевъ, — но тутъ же безнадежно и злобно
махнулъ на все рукой. — «Какая польза, — сказалъ онъ себѣ: освѣ-
домляться, слѣдить и раскапывать эту грязь? Не все ли равно? такъ
или иначе, но я одураченъ и проведенъ... Проклатіе измѣнницѣ и
ея соблазнитель! пусть будетъ, чему быть суждено. А съ нею от-
нынѣ исторія разъ навсегда кончена!»

На другой день Глѣбъ явился къ главнокомандующему. Онъ до-
ложилъ ему, что устроилъ домашнія дѣла, для которыхъ пріѣзжалъ,
и что, если князь разрѣшитъ, онъ готовъ немедленно снова воз-
вратиться въ Петербургъ. Получивъ согласіе князя, онъ отгла-
нился, взялъ нужныя бумаги, заѣхалъ къ себѣ домой, все заперъ
тамъ на замки, сдалъ подъ охрану оставленной прислугѣ, уложилъ
себя, послалъ за почтовыми и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ обратно
въ Петербургъ. Росписываясь въ Клину объ уплатѣ прогоновъ и въ
полученіи лошадей, онъ хотѣлъ было освѣдомиться, куда отсюда
проѣхалъ Спесивцевъ, и уже сталъ перелистывать книгу, но оста-
новился и съ презрѣніемъ отбросилъ ее на конецъ стола. — «Нѣтъ,
Господь съ ними! — рѣшилъ онъ: забыть ихъ, забыть окончательно
и скорѣй. Украденной души не воротишь! Начать новую, спокой-
ную жизнь... Служба — вотъ отнынѣ моя задача, вотъ удѣлъ! она
спасала не разъ меня прежде, спасетъ и теперь!»

Въ первое время, по возвращеніи въ Петербургъ, Глѣбъ былъ
сильно не въ духѣ. Одинокая жизнь въ номерѣ гостиницы тяготила

его и онъ очень обрадовался, когда ему представилась возможность устроиться на квартирѣ съ давнимъ своимъ знакомымъ, гвардейскимъ офицеромъ Галаховымъ, состоявшимъ также и при канцеляріи фаворита государыни, князя Орлова. Покойный отецъ Галахова былъ въ молодости друженъ съ отцомъ Глѣба. Возлагая теперь все свои надежды на Орлова, какъ по дѣлу, порученному ему Волконскимъ, такъ и относительно своей дальнѣйшей карьеры, Глѣбъ былъ радъ, что и Галаховъ, близкій къ Орлову, могъ ему пособить. Но его сожитель, откровенный съ нимъ во всемъ, лично объ Орловѣ и о поручаемыхъ ему дѣлахъ молчалъ. Выбравъ удобный часъ, Глѣбъ навѣстилъ Орлова. Князь милостиво и ласково встрѣтилъ его.

— Очень радъ, Дугановъ, что ты возвратился, — сказалъ онъ: государыня склоняется окончательно къ мнѣнію моему и твоего шефа, по жалобѣ обиженной матери на непослушную дочь; отъ сената ожидаютъ послѣднія справки. Вотъ тебѣ экстрактъ изъ производства; составь изъ него краткую ремарку для меня, на случай, если потребуется для послѣдняго доклада ея величеству; дѣло во всякомъ случаѣ теперь уже не затянется, о чемъ можешь отписать и князю Михаилу Никитичу... Обрадуй его, — хотя, по правдѣ сказать, государынѣ теперь не до того... По случаю пріѣзда невѣсты цесаревича Павла Петровича и предстоящаго ихъ обрученія, а затѣмъ и свадьбы, при дворѣ будетъ цѣлый рядъ торжествъ. Ты здѣсь будешь скучать, но что же дѣлать, — служба! могу, впрочемъ, посоветовать, — заключилъ съ улыбкой князь: ремарку составляй скорѣе, а затѣмъ — вмѣстѣ со всѣми — веселись и ты.

«Не до веселья мнѣ теперь» — хотѣлъ отвѣтить Глѣбъ. Онъ, въ смущеніи, молча сталъ отплавиваться.

— Вѣдь, встаети, и ты получишь доступъ на все торжества, тебя не забудемъ, велю записать! — сказалъ Орловъ, по-своему объяснивъ растерянность и смущеніе своего гостя: ты хоть не вышелъ рангомъ, удостоишься доступа, какъ москвичъ; расскажешь тамъ всѣмъ впечатлѣнія, какъ очевидецъ.

Польщенный такою любезностью, Глѣбъ не рѣшился въ этотъ разъ беспокоить князя просьбой о покровительствѣ ему на дальнѣйшемъ служебномъ пути. Обѣщаніе Орлова касательно придворныхъ торжествъ вскорѣ осуществилось: Глѣбу прислали форменный ордеръ, съ разрѣшеніемъ ему, въ качествѣ адъютанта московскаго главнокомандующаго, присутствовать на всѣхъ придворныхъ выходахъ, раутахъ, балахъ и иныхъ собраніяхъ, по случаю ожидаемаго бракосочетанія наследника-цесаревича.

Лѣтніе маневры гвардіи, въ лагерѣ подь Краснымъ Селомъ, въ

1773 году, были окончены въ половинѣ августа. Дворъ возвратил-ся изъ Царскаго-Села въ Петербургъ. Въ день обрученія цесаревича и его невѣсты, 16-го августа, на придворной сценѣ Эрмитажа давали итальянскую оперу «Антигона». Здѣсь впервые, въ теченіи цѣлаго вечера, Дугановъ имѣлъ случай видѣть вблизи императрицу Екатерину, ея сына, его невѣсту и всю ближнюю свиту государыни. Вскорѣ ему удалось быть на представленіи во дворцѣ и другой итальянской оперы «Пеишѣ и Купидонѣ». Блескъ роскошно убранной залы, раззолоченные мундиры гвардіи и высшихъ гражданскихъ чиновъ ослѣпили Глѣба. Но его взоры были обращены на государыню.

Не смѣя изъ кресель, какъ и другіе, наводить на царскую ложу зрительной ручной трубки, Глѣбъ восторженно вглядывался въ лицо Екатерины, приподнимаясь изъ-за высокихъ дамскихъ причесокъ и шляпъ, мѣшавшихъ ему вдоволь на нее смотрѣть. — «Боже, какъ бы я желалъ услужить ей чѣмъ-либо особеннымъ, пожертвовать для нея жизнью, совершить передъ нею какой-либо, выходящій изъ ряду, высокій подвигъ» — думалъ Глѣбъ, замирая и почти не слыша арій и вѣжныхъ рунъ, которыми заморскіе пѣвцы и пѣвицы плѣняли и потрясали слушателей, переполнявшихъ залу. При вызовѣ, подъ громъ рукоплесканій, артистамъ аплодировали, какъ видѣлъ Глѣбъ, сама императрица и стоявшій за ея кресломъ, въ пудрѣ и голубой лентѣ, счастливо-улыбающійся, худенькій и стройный цесаревичъ Павелъ. Дугановъ слѣдилъ за небольшими, обтянутыми въ длинныя перчатки, руками императрицы и, когда она, улыбаясь на сцену, хлопала ими, думалъ: «И эти маленькія, въ перчаткахъ по локоть, руки правятъ судьбою милліоновъ! по ихъ мановенію, создаются и разрушаются союзы, движутся громадныя арміи... О, если бы этотъ взоръ, хотя бы случайно, упалъ когда-нибудь на меня, еслибы судьба избрала меня для принесенія ей жертвы моимъ умомъ, силами, жизнью!» — Опера кончилась, занавѣсъ опустился, публика, среди послѣднихъ вызововъ, разбѣзжалась. Дугановъ, на котораго никто не обращалъ вниманія, возвращался домой взволнованный, съ чувствомъ необъяснимой досады и душевной пустоты. Нехотя и сухо отвѣчая на разпросы своего сожителя, которому, вслѣдствіе, порученныхъ ему, неотложныхъ работъ по канцеляріи, не удавалось попадать на эрмитажные спектакли, онъ долго не засыпалъ, обуреваемый разнообразными и тягостными мыслями. — «Проситься въ дѣйствующую армію, въ Турцію? — думалъ онъ: но что изъ того толку? Тамъ достаточно такихъ же заурядныхъ, малопомѣстныхъ дворянчиковъ и безъ меня, да и не

предвидится особу́хъ дѣлъ. Войска стоять на Дунаѣ, въ выжидательномъ положеніи; вмѣсто боеваго подвига, попадешь еще въ лапы гнилой горячки, или чумы, безвѣстно околѣешь, въ какомъ-нибудь голодномъ и грязномъ госпиталѣ. А главное—все это будетъ невѣдомо ей, великой монархинѣ, вдали отъ нея.»

Приходя затѣмъ въ себя и зрѣло обдумывая свои мысли, Глѣбъ иной разъ даже зло смѣялся надъ собою.—«Чего захотѣлъ,—разсуждалъ онъ: заслуги, подвига передъ лицомъ самой государыни! да это въ цѣлой міровой исторіи если и выпадаетъ, то рѣдко и на долю одного, много двухъ счастливицевъ изъ миллионовъ подданныхъ монарха. Несбыточные грезы, пустыя надежды жалкаго мечтателя. Ниже, ниже, у ногъ твоихъ, на землѣ, ищи обычной, людской доли!»

Въ началѣ сентября Дуганову снова удалось близко увидеть государыню и весь ея ближній штатъ, при посѣщеніи ею работъ, заложеннаго тогда, мраморнаго Исаакіевскаго собора. Фундаментъ собора былъ въ то время уже конченъ и начали класть на немъ цоколь. Дугановъ не зналъ о предстоящемъ заѣздѣ сюда государыни. Идя отъ сената мимо изгороди, окружавшей эту постройку, онъ вдругъ увидѣлъ четверню сѣрыхъ цугомъ, открытую, высокую коляску императрицы и ѣхавшаго за нею, на дрожжахъ, запряженныхъ тройкой, князя Орлова. Князь подбѣжалъ къ коляскѣ, отворилъ дверцу, откинулъ складныя ступеньки и подалъ государынѣ руку. Не успѣла она сойти съ послѣдней ступеньки, пристяжная коляска испугалась чего-то и, бросаясь въ сторону, поднялась на дыбы. Глѣбъ успѣлъ ухватить ее за узды и придержалъ.—«Теперь увидать, замѣтятъ меня!»—подумалъ онъ, замирая и продолжая держать испуганную лошадь. Но князь Орловъ, грозно взглянувъ на кучера, поспѣшилъ къ калиткѣ, къ которой шла, улыбаясь и кланяясь столпившимся прохожимъ, императрица Екатерина. Свита послѣдовала за нею. Калитка захлопнулась.—«И чего я ищу, чего мнѣ надо?»—горько усмѣхнулся Глѣбъ, возвращаясь домой: «мнѣ поручены ремарки; надо получше заняться ими.»—Онъ засѣлъ за окончательное изготавленіе выборовъ изъ дѣла.

Въ Петербургѣ всѣ заговорили о предстоящей 13-го сентября поѣздкѣ двора на дачу Нарышкина, гдѣ государыня изъявила готовность принять предположенную охоту на оленей и обѣдъ въ лѣсу. Дугановъ также получилъ разрѣшеніе ѣхать туда, но раздумалъ и рѣшилъ сказаться больнымъ.—«Лишнія развлеченія и лишняя трата времени!»—сказалъ онъ себѣ, сидя надъ сенатскими бумагами.

VII.

Наканунъ назначенной охоты, поднялся сильный вѣтеръ съ моря. Нева къ утру вздулась, началось наводненіе, изъ-за котораго цугъ придворныхъ каретъ, шарабановъ и линейекъ не могъ переѣхать по Балингину мосту, черезъ разлившуюся Фонтанку. Императорскій поѣздъ по-неволя возвратился назадъ. Въ городѣ по этому поводу прошла молва, будто государыня, подѣхавъ къ мосту и увидѣвъ, что вода бушевавшей Фонтанки доходила уже до осей колесъ, открыла окно и сказала кучеру: «Что-же, на мосту будетъ не выше дна кареты, мы подождёмъ ноги, ступай!» — но въ это мгновеніе порывомъ вѣтра сорвало съ головы государыни поярковую, съ соколинымъ перомъ, охотничью шляпу, которая улетѣла за ограду набережной и понеслась по волнамъ. Всѣ и больше всѣхъ сама императрица много смѣялись этому на возвратномъ пути. — «Гляжу, она уже, какъ корабль, на водѣ, — покатывалась со смѣху императрица: неро—точно парусъ... а вы, какъ слѣдуетъ рыцарю, и не вздумали броситься въ рѣку, спасти мой нарядъ!» — сказала она толстому Нарышкину, сидѣвшему противъ нея въ каретѣ. — «И зачѣмъ меня тамъ не было?» — съ досадой думалъ, слыша рассказъ объ этомъ, Дугановъ: «я не Нарышкинъ; я не задумался бы броситься впасть и спасъ бы шляпку государыни». — «Сумасшествіе! безумныя, несбыточные мечты!» — сказалъ онъ себѣ черезъ минуту: «въ этотъ прозаическій, холодный вѣтъ, такимъ поступкомъ только навлечешь на себя насмѣшки, разыграешь роль общаго забавника, шута! Нѣтъ, кончу работу, сдамъ ее князю и стану проситься на Дунай; тамъ Суворовъ, — онъ когда-то зналъ отца, вспомнить и меня... тамъ поле чести, не все же будутъ даромъ стоять наши войска».

Наступилъ день бракосочетанія цесаревича. Вѣнчаніе совершилось, 29 сентября, въ Казанскомъ соборѣ. Императрица выѣхала изъ дворца въ раззолоченной, сквозной каретѣ, запряженной восемью бѣлыми, разубранными въ страусовыя перья, лошадьми. Въ каретѣ передъ государыней сидѣлъ цесаревичъ, рядомъ съ нимъ его невѣста, великая княжна Наталья Алексѣевна. Государыня была одѣта въ русскомъ платьѣ, изъ алаго атласа, расшитаго жемчугомъ, и въ горностаевой мантии. Барету сопровождали верхомъ командиры кавалергардскаго конвоя, князь Григорій и его братъ, графъ Алексѣй Орловъ; впереди, также верхомъ, гарцовали, въ шляпахъ съ плюмажемъ и въ залитыхъ золотомъ мундирахъ, камергеры и камеръ-юнкеры. Въ концѣ вѣнчанія раздалась пушечная пальба. Площади и улицы города оглашались радостными кликами.

Послѣ торжественнаго обѣда, въ тронной залѣ, съ новою салютаціонною пальбой, всѣ перешли въ боковыя залы, гдѣ начались танцы. Императрица, новобрачные и всѣ гости были веселы. Дугановъ, въ новомъ, съ иголочки, сшитомъ для этого бала мундирѣ, стоялъ у одного изъ оконъ. Изъ-за цвѣтущихъ азалей и олеандровъ, онъ любовался толпой разряженныхъ красавицъ, подъ пѣвучій стонъ и ревъ струннаго оркестра, то граціозно присѣдавшихъ и медленно плывшихъ въ менуэтѣ, то рѣзво уносившихся въ веселомъ котильонѣ.

Между танцующими болѣе всѣхъ выдѣлялась, въ бѣломъ, тяжеломъ, серебряномъ платьѣ, усыпанномъ алмазами, и въ серебряной, унизанной жемчугомъ, коронѣ, утомленная и блѣдная новобрачная. Императрица въ особой ложѣ, на возвышеніи, радостно слѣдила за общимъ оживленіемъ и веселостью. Въ промежуткахъ, среди менуэтовъ, гавотовъ и котильона, скрытый за колоннами, въ глубинѣ залы, хоръ придворныхъ пѣвчихъ, въ алыхъ кафтанахъ, съ золотомъ, возглашалъ кантату, написанную къ этому торжеству:

«Пойте, музы восхищенны,
Родъ Петровъ воскреснетъ днесъ!

Другой хоръ пѣвчихъ, въ голубыхъ кафтанахъ, съ серебромъ, подхватывалъ этотъ стихъ, на другомъ концѣ залы, и, потрясая густыми басами слухъ, выкрикивалъ: «Родъ Петровъ, родъ Петровъ воскреснетъ... воскреснетъ днесъ!»

Любуясь танцами, музыкой и пѣніемъ, отуманенный всѣмъ, что происходило въ этомъ пышномъ, горѣвшемъ тысячами свѣчей, царскомъ чертогѣ, Дугановъ вдругъ замѣтилъ, что общее веселье и общая торжественность какъ бы стихли и мгновенно стали блѣднѣть. Онъ услышалъ за собою странный, сперва сдержанный шепотъ.

— А каково? на Яикѣ-то? — въ полголоса сказалъ кто-то камергеру, стоявшему возлѣ Глѣба, за боскетомъ изъ живыхъ цвѣтовъ: слышали? рассказываютъ страхи.

— Нѣтъ, не слыхалъ, — отвѣтилъ камергеръ.

— За Волгой, на Яикѣ, появился самозванецъ, — продолжалъ вѣстовщикъ: и представьте, дерзнулъ принять имя покойнаго государя, собралъ войско и взялъ уже нѣсколько крѣпостей... Сейчасъ прибылъ курьеръ изъ Москвы; государыня очень опечалена и удалилась во внутренніе покои.

Дугановъ оглянулся; ложа императрицы, дѣйствительно, опустѣла.

Говоръ въ разныхъ группахъ гостей сталъ явственнѣе, толки громче.

— Да, батюшка, вотъ тебѣ и «родъ Петровъ воскресъ!» — сказалъ важный сановникъ, въ александровской лентѣ, съ толстыми икрами ногъ, туго обтянутыми въ бѣлые, съ золотымъ лампасомъ, панталоны, проходя съ худымъ и тощимъ, трясущимъ головою, адмираломъ, мимо цвѣтовъ, за которыми продолжалъ стоять Дугановъ: днесъ, днесъ... а грозная тѣнь покойника воскресла-таки изъ гроба.

— *Salvez les morts, salvez!* — насмѣшливо шамкалъ адмиралъ, двигаясь къ выходу на тонкихъ, слабыхъ ножкахъ.

Начался общій разѣздъ. Внизу, въ сѣняхъ, Глѣбъ впервые изъ группы уѣзжавшихъ услышалъ и прозвище того, кто дерзко принялъ на себя имя покойнаго императора. «Донской казакъ, Емелька Пугачовъ», — повторяли гости, разѣзжавшіеся изъ дворца.

На другой и въ слѣдующіе дни, Дугановъ старался болѣе подробно узнать о самозванцѣ. Къ кому онъ ни обращался, всѣ оказывались знающими не болѣе его. Сожитель его, Галаховъ, бывшій наканунѣ дежурнымъ при гауптвахтѣ, у военной коллегіи, даже видѣлъ того фельдъегера, который прискакалъ съ первой вѣстью изъ Москвы, но и отъ фельдъегера, снова усланнаго съ бумагами въ Москву, онъ не довѣдался, будто бы, ничего.

Повыя торжества и веселости, послѣ брака цесаревича, продолжались, впрочемъ, безъ перерыва, еще около двухъ недѣль. Подъ ихъ впечатлѣніемъ, въ городѣ хотя и говорили о событіяхъ за Волгой, но уже безъ особаго вниманія и тревоги. Нѣкоторые еще утверждали, что бунтъ на Яикѣ дѣло нешуточное, что волненія и мятежъ тамъ разрастаются съ неимоверною быстротой и что, если государыня еще показывается на придворныхъ празднествахъ, то либо она это дѣлаетъ съ цѣлью, наружнымъ спокойствіемъ, хотя нѣсколько ослабить толки общества, либо сама не знаетъ важности событія, такъ какъ министры скрываютъ отъ нея истинное положеніе дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ стало слышно о посылкѣ свѣжихъ войскъ за Волгу, къ осажденному Оренбургу.

— Барръ назначенъ! — радовалась нѣмецкая партія: онъ прикѣрный служака, неутомимъ и честенъ; къ нему присоединили Фреймана; зададутъ они этой казацкой сволочи!

— Но отчего же не русскіе? — ворчали патриоты.

— Да гдѣ же ихъ, отцы вы наши, взять?

— Какъ гдѣ? а Суворовъ, Бибиковъ? — возражали русскіе.

— Но первый за Дунаемъ, а второй, будто не знаете, въ опалѣ.

— Какая тутъ, сударь, опала, когда повторяются времена Ра-

зина и Дмитрія царевича и всѣмъ грозятъ смертныя бѣды? Увидите, увидите...

Толки о самозванцѣ стали затихать среди дальнѣйшихъ брачныхъ торжествъ, завершившихся пышнымъ придворнымъ маскарадомъ, на три съ половиною тысячи гостей.

Иностранные принцы, родичи цесаревны и ихъ свита разѣхались въ чужіе края. Императрица съ семействомъ, въ началѣ ноября, возвратилась въ Царское - Село. О событіяхъ подъ Оренбургомъ болѣе не говорили. Жизнь Петербурга, съ началомъ зимы, пошла обычнымъ порядкомъ. Въ частныхъ домахъ, по прежнему, собирались для игры въ бостонъ, мажгао и въ вистъ, по десять копѣекъ партія. Въ видѣ отзыва недавнимъ придворнымъ баламъ и маскарадамъ, высшій и средній круги столицы непрерывъ стали также давать балы и маскарады. Молодежь, по утрамъ, гуляла по Дворцовой набережной и носилась на рысакахъ по Невской перспективѣ, а вечеромъ толпилась въ итальянскихъ и швейцарскихъ кондитерскихъ, гдѣ пѣли арфянки, и въ бильярдныхъ модныхъ гостиницахъ, гдѣ игра кончалась шумными попойками. Бромѣ придворной итальянской оперы и русской комедіи, столичное общество посѣщало также представленія заѣзжихъ эквилибристовъ. Прѣдн и Брамбилла, поражавшихъ всѣхъ невиданнымъ дотогѣ и изумительнымъ балансированіемъ на тугонатянутой проволоцѣ, причемъ, одѣтая Коломбиной, красавица Брамбилла, по словамъ видѣвшихъ ее, такъ быстро вертѣлась на проволоцѣ, что совершенно, казалось, исчезала въ воздухѣ.

Близилось, наконецъ, къ рѣшенію и дѣло Корониной, порученное Дуганову. Его два раза вызывали въ сенатъ, для дачи послѣднихъ разъясненій, о чемъ онъ и поспѣшилъ сообщить въ Москву главнокомандующему. Но встрѣтилась новая затяжка. Сенаторы, какъ предполагалъ Глѣбъ, подъ влияніемъ небезгрѣшную тутъ оберъ-секретаря, потребовали дополнительныхъ справокъ. Послѣднія были затребованы не только изъ Москвы, но, по жительству отвѣтчицы, даже изъ Калуги, и дѣло, сверхъ всякаго ожиданія, опять очутилось подъ сукномъ. Оставшись, въ ожиданіи затребованныхъ справокъ, снова безъ всякихъ занятій, Дугановъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать, и сильно скучалъ. Возвратиться на время въ Москву онъ не рѣшался, — справки могли прійти безъ него. Отъ скуки онъ посѣтилъ нѣсколько разъ театръ, заглянулъ и къ эквилибристамъ, но все это мало развлекало его. Зайдя какъ-то съ Галаховымъ въ гостиницу, гдѣ тотъ условился съ кѣмъ-то сыграть на бильярдѣ, Глѣбъ усѣлся въ общей залѣ и

около часа пробылъ здѣсь, съ давно-неиспытаннымъ удовольствіемъ слѣдя за состязаніемъ игроковъ. Самъ братья за кій онъ не рѣшался, боясь увлечься игрой, когда-то чуть не разорившей его. Около двухъ недѣль, послѣ того, онъ не только не посѣщалъ гостиницы, но даже далеко обходилъ подъѣзды, надъ которыми красовались вывѣски, съ изображеніемъ бильярда и шаровъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Дугановъ изрѣдка переписывался только съ матерью. Къ брату, послѣ своего разрыва съ женой, онъ не писалъ ни разу, довольный тѣмъ, что и Алексѣй, вообще большой неохотникъ до корреспонденцій, также не напоминалъ ему о себѣ. — «И о чемъ я буду ему писать?» — разсуждалъ, желчно усмѣхаясь, Глѣбъ: «что нежданно сталъ рогать и что безъ вѣсти пропала моя благовѣрная? есть о чемъ оповѣщать и чѣмъ хвастать!»

Идя однажды по Гороховой, Глѣбъ увидѣлъ Галахова, подѣхавшаго къ какому-то трактиру.

— Ты сегодня дома обѣдаешь?—спросилъ онъ его.

— Врядъ ли, обѣдай безъ меня, —отвѣтилъ Галаховъ: тутъ проявился восточный какой-то искусникъ на бильярдѣ, всѣхъ обыгрываетъ на-поваль... какъ я ни занятъ, хочу посмотреть, зайдѣмъ!

— Нѣтъ, уволь, я далъ зарокъ никогда болѣе не брать кія въ руки.

— Вздоръ, зайдѣмъ, погляди только.

Глѣбъ зашелъ, съ Галаховымъ, и увидѣлъ въ небольшой, наполненной табачнымъ дымомъ, комнатѣ нѣсколько игроковъ, напряженно слѣдившихъ за невысокимъ, тощимъ и лысымъ челоувѣкомъ, въ красной, восточной фескѣ, неумѣло въ то время савившимъ въ лузы свой шаръ, вмѣсто шаровъ противниковъ. — «Плуть», —подумалъ о немъ присматривавшійся къ игрѣ Дугановъ: «заманиваетъ, поддается! и удивительно, какъ это не замѣчаютъ другіе!» —Онъ кивнулъ многозначительно Галахову: «берегись, молъ, дѣло не чистое!» —и ушелъ.

Возвратясь домой, онъ нашель у себя на столѣ два письма, съ почтовыми клеймами. Онъ прежде всего узналъ руку брата и вскрыль его письмо. Алексѣй поздравлялъ его съ днемъ рожденія, о которомъ Глѣбъ и забылъ, и вскользь прибавилъ: «что же до Маріи, то она и Вася совершенно здоровы, а съ ихъ пріѣздомъ и у насъ все благополучно». — «И ужъ какъ было бы хорошо» —приписалъ къ концу письма Алексѣй: «если бы и дорогой нашъ Глѣбушка скорѣе покончилъ свои служебныя комиссіи и также пожаловалъ бы къ намъ. Какіе у насъ составляются музыкальные вечера! Марья Родіоновна вспомнила свои дѣвическія упражненія на клавикордахъ, Серафи-

мочка—свое пѣніе, а при помощи окольныхъ, доморощенныхъ виртуозовъ на виолончели, скрипкѣ и даже на флейтѣ, у насъ происходятъ, говоря не въ шутку, цѣлые концерты презрѣдной камерной музыки». — Другое коротенькое письмо было отъ Серафимы. Оно заключалось только въ слѣдующихъ словахъ: «Дорогой братъ! Не все то вѣрно, что кажется... И неужели всякое рѣшеніе безупречно? Ахъ, спросите ваше сердце,—оно вамъ скажетъ: любившее васъ существо не достойно ли васъ и теперь?»

VIII.

«Такъ вотъ гдѣ она!» — сказалъ себѣ Дугановъ, дочитавъ письма и озадаченно потирая лобъ: «пріютилась у нашихъ и, очевидно, не все имъ открыла... Что-жь, и съ Богомъ! Живи, матушка, хоть и тамъ, ѣзди, куда знаешь и хочешь,—скатертью дорога. Сокровенный же другъ, счастливый соблазнитель, вѣроятно, вскорѣ гдѣ-нибудь устроится по близости, въ Саратовѣ или въ иномъ мѣстѣ, уладятся тайныя свиданія, нежданныя будто бы встрѣчи. Въ городъ легко съѣздить, голубки и увидятся. Меня же ты, сударыня, разумѣется, уже никогда болѣе не увидишь!» — Глѣбъ еще разъ пробѣжалъ письма брата и невѣстки, скопалъ ихъ, разорвалъ и бросилъ въ печь.

Не объдавшій дома Галаховъ возвратился въ тотъ день поздно. Зайдя въ комнату Глѣба, онъ засталъ его сидящимъ, съ ногами, на канapé и спокойно читающимъ у канделябра модный французскій романъ, который онъ ему откуда-то привезъ и чтеніемъ котораго давно уговаривалъ его развлечься.

— А я, дружище, проигрался, — сказалъ Галаховъ, сѣвъ въ кресло возлѣ Глѣба и позѣвывая: за то этотъ искусникъ въ фескѣ, хоть обобралъ насъ, угостилъ превосходнымъ обѣдомъ, то-есть, собственно, ужиномъ... Какія вина, ликеры! Только что изъ-за стола.

— Такъ ты-таки отдалъ дань? — спросилъ Глѣбъ, не отрываясь отъ книги.

— Да, обыгранъ, но счастливъ! Что за удары, что за ходы, быстрота зрѣнія, а сперва... какъ бы нарочно уступалъ...

Дугановъ на это не отвѣчалъ. Прошло нѣсколько минутъ общаго молчанія.

— И тебѣ не скучно? — спросилъ съ сожалѣніемъ Галаховъ, когда Глѣбъ, дочитавъ страницу, закрылъ книгу: удивляюсь тебѣ, жить въ одиночествѣ, въ холостой обстановкѣ, когда есть и свой домъ и милая, достойная подруга жизни, есть наконецъ семья... ты извини меня, но такія блага... я давно хотѣлъ тебѣ сказать.

— Слушай, Александръ Павловичъ, — отвѣтилъ Глѣбъ: и я давно собирался тебѣ объяснить... Инаго счастья не желаю, да лучшаго, пожалуй, и нѣтъ на землѣ.

— Какъ? жить въ разлукѣ съ ближними, бобылѣмъ?

— Да, бобылѣмъ.

Галаховъ удивленно взглянулъ на Дуганова.

— Ты шутишь, или я тебя не понимаю, — сказалъ онъ.

— Не понимаешь? Изволь, поясню. Я потому несказанно счастливъ, именно здѣсь, въ одиночествѣ, въ этой, нашей холостой комнатѣ, — сказалъ Глѣбъ, указывая кругомъ по комнатѣ: что я здѣсь свободенъ, какъ воздухъ, ничѣмъ не связанъ и, главное, ничѣмъ не смущенъ, — а еще болѣе потому, что тамъ, — прибавилъ онъ, указывая за дверь, на прочія комнаты квартиры: живешь только ты и нѣтъ за этою дверью ни тѣни какой-либо, по твоему, очаровательной Клеопатры или Пентефрии Николаевны.

— Что ты этимъ хочешь сказать? — смущенно спросилъ Галаховъ, даже покраснѣвъ при мысли о томъ, какъ могъ его сожитель такъ выразиться о своей женѣ.

— Да, да, милый мой! — продолжалъ Глѣбъ: ты самъ тронулъ этотъ вопросъ, буду откровененъ до конца. Ты холостъ, никогда не былъ связанъ рабскими цѣпями гименея, — а въ бракѣ, да будетъ тебѣ извѣстно, — непременно одна сторона является злосчастною, испушительною жертвой. Не испытавъ брачныхъ оковъ, ты не можешь вѣрно и судить о семейныхъ событіяхъ, драмахъ, комедіяхъ, а подчасъ и трагедіяхъ. Одиночество... да что можетъ быть выше его? Знать, что никакая въ мірѣ Пентефрія, или тамъ Клеопатра, сейчасъ вотъ, каждую секунду, не появится изъ-за этой вотъ двери, — злобно указывалъ худымъ, длиннымъ пальцемъ Глѣбъ: что она, эта обольстительница, не зашуршитъ своимъ очаровательнымъ платьемъ, не склонится къ тебѣ лебяжьей шейкой, съ надутыми локонами, и приэтомъ не станетъ тебя безпощадно, разными милыми попреками, да экивоками, пилить, пилить и пилить, — да развѣ, милый, это не великое благо на свѣтѣ, не своего рода земной эдемъ?

Проговоривъ это, Глѣбъ всталъ и нервно захохоталъ.

— Именно эдемъ, и тѣмъ болѣе истинно благодатный и вѣчный, что безъ Евы! — сказалъ онъ, прохаживаясь по комнатѣ и продолжая смѣяться: удивляешься? Не удивляйся: поживешь — увидишь... Эхъ ты, простота! Кстати, у меня вышли сигары, — есть у тебя лишняя?

«Онъ рехнулся!» — подумалъ Галаховъ, торопливо вынувъ и подавая Дуганову свертокъ сигаръ.

— А, впрочемъ, не думай, я говорю не о себѣ, а вообще, — продолжалъ, закуривая сигару и какъ бы спохватясь, Глѣбъ: холо- стяку все это кажется въ идеалѣ, въ розовомъ свѣтѣ; отъ женатаго ничто не ускользнетъ, нѣтъ, нѣтъ! Повторяю, рѣчь не обо мнѣ. Я счастливъ, да иначе не можетъ и быть. Ты вѣрно выразился, — у меня молодая, умная и, прибавлю, красивая жена. Но представь себѣ такой милый случай, что въ одно прекрасное утро безмѣрно-блажен- ный и совершенно-спокойный мужъ вдругъ очнется и во-очію убѣж- дается, что своимъ счастьемъ онъ пользуется не одинъ; а что оно, съ добраго согласія его жены, раздѣляется еще другимъ, что онъ, этотъ феноменально-довѣрчивый мужъ, такъ сказать, состоитъ въ долѣ, на паяхъ, еще съ такимъ-то! Не о себѣ говорю, а тебѣ надо знать... вотъ и въ этомъ романѣ то же...

Проговоривъ это, Дугановъ замолчалъ и какъ-то осунулся, точ- но истомясь отъ подъема непосильной тяжести. Галаховъ тоже молчалъ.

— Да, подождѣ береги свое одиночество, — сказалъ Глѣбъ: те- бѣ оно кажется убійственнымъ, а въ немъ бывають свои прелести. Углубляешься въ свою душу, перебираешь... Кстати, что новаго? Я эти дни не видѣлъ никого.

«Не рехнулся, а блажить не даромъ!» — подумалъ, глядя на не- го, Галаховъ: «надо его какъ-нибудь развлечь!»

— У князя Орлова, подъ Гатчиной, затѣвается большая охо- та, — сказалъ онъ: облава на медвѣдей.

— Да, знаю.

— Будешь на ней?

— Получилъ приглашеніе, но врядъ ли поѣду.

— Отчего?

— Будетъ толпа всякаго люда, выпивка, суета; намерзнешься, а толку мало... я не пью, и хотя стрѣляю, но какой же я охотникъ?

— Что касается меня, — сказалъ Галаховъ: то я бы тоже очень желалъ туда попасть, — но отъ князя привезли новую кучу бу- магъ, — весь столъ заваленъ, — прибавилъ онъ, указывая на свой кабинетъ, дверь въ который онъ обыкновенно держалъ на запорѣ.

— Не спрашиваю тебя, что за дѣла, но скажи, что слышно о самозванцѣ?

— Да что, Оренбургъ, по прежнему, въ осадѣ, — отвѣтилъ Га- лаховъ: жители терпятъ голодъ и между ними большая смертность.

— Все это, разумѣется, скоро кончится, — возразилъ Глѣбъ:

туда подходить усиленными маршами и, вѣроятно, уже подошли свѣжія войска... Осаду не сегодня, завтра отобьютъ.

— Нѣтъ, Дугановъ, ошибаешься, — отвѣтилъ, подумавъ, Галаховъ: говорятъ... этотъ, между прочимъ, восточный кудесникъ вынулъ французскую газету и намъ за обѣдомъ прочелъ кое-какія вѣсти... Нашему сермяжному Аттилѣ охотно несутъ присягу не только села и мѣстечки, чуть не цѣлые уѣзды. И онъ ошеломляетъ народъ; безъ сожалѣнія передъ нимъ вѣшаетъ и разстрѣливаетъ помѣщиковъ, офицеровъ, чиновниковъ и купцовъ. Женъ ихъ мучить, обращаетъ въ своихъ страпухъ, то-есть, попросту въ любовницъ.

Глѣбъ измѣнился въ лицѣ. Онъ вспомнилъ, что его жена была теперь на Волгѣ, а шайки самозванца могли проникнуть и туда.

«Что же, — пронеслось въ его головѣ: не жилось тебѣ, измѣнница-сударушка, въ мирѣ и честномъ согласіи съ мужемъ, испытываешь, можетъ быть, долю и страпухи самозванца-мужика». — Злобная вспышка мстительной мысли смѣнилась инымъ раздумьемъ: «Сынъ... Вася!... что будетъ съ нимъ? Неужели братъ не спохватится и во-время не вывезетъ всѣхъ изъ Горокъ?»

— Твои вѣсти прискорбны, — сказалъ Глѣбъ: но Богъ не безъ милости, а наше войско таково, что, если только ему дадутъ настоящаго вождя, оно разобьетъ и развѣетъ полчища какого-угодно Аттилы.

Однажды въ декабрѣ, незадолго до новаго года, Галаховъ, послѣ новаго крупнаго проигрыша, вовсе прекратившій игру на бильярдѣ, ѣдучи съ Дугановымъ по Гороховой, указалъ ему на трактиръ, гдѣ онъ проигрался.

— А представь, — сказалъ онъ приѣтомъ: тотъ восточный магъ, что обобралъ насъ, исчезалъ было куда-то, а теперь, какъ говорятъ, вновь появился въ Петербургѣ и царить у Шлейеля.

— Гдѣ это?

— На углу Вознесенскаго и Мѣщанской.

— Да онъ просто шулеръ, если только въ бильярдной игрѣ бываютъ шулера, — сказалъ Глѣбъ.

— Ну?—удивился Галаховъ.

— А ты и не подозрѣвалъ?

— Да, не вѣрится...

— Не плутъ, не картежникъ, такъ, ночной подорожникъ, и всѣ его ухватки—чисто-мошенническія; знаю я ихъ, испыталъ,—меня не проведешь.

— Что же полиція? отчего его не вышлютъ?

— А вотъ поди же,—многозначительно замѣтилъ Глѣбъ: хорошо, что ты сказалъ; увижу оберъ-полицеймейстера и сообщу ему,—надо принять мѣры.

И Дугановъ ихъ принялъ. Онъ вечеромъ того же дня взялъ полный кошелекъ золота, зашелъ въ трактиръ Шлейеля, засталъ тамъ человѣка въ фескѣ, съ полчаса послѣдилъ за его игрой и, подойдя къ нему съ кѣмъ, небрежно предложилъ ему партію въ три шара. Игроки сразились; ставка была небольшая. Глѣбъ подъярь выигралъ двѣ партіи. Его противникъ предложилъ увеличить ставку. Глѣбъ проигралъ. И пошло... Его глаза горѣли, руки дрожали. Соперникъ его также, повидимому, горячился. Посторонніе зрители тѣсною толпой окружили бильярдъ. Ставки увеличивались. Глѣбъ опомнился за полночь.

— Не прекратить ли игру?—спросилъ его противникъ (разговоръ между партнерами шелъ по-французски).

Глѣбъ вспыхнулъ. Онъ вспомнилъ, что въ опустѣломъ его кошелькѣ осталось на днѣ только два червонца. Онъ взглянулъ на своего партнера; тотъ, съ невинной улыбкой, шурясь на свой вѣй, молча намѣливалъ его.

— Да,—отвѣтилъ Глѣбъ, вынувъ часы и глядя на нихъ: поздно... кончимъ завтра.

Противникъ вѣжливо поклонился ему. Игроки разстались.

— Нѣтъ, онъ не шулеръ,—объявилъ Галахову блѣдный, съ измученнымъ лицомъ, Дугановъ, возвратясь домой: это, по-истинѣ, магъ какой-то, истинный чудесникъ! Такого я еще и не видывалъ... Завтра условились снова... о, я отыграюсь, разобью!

— Увы!—улыбнулся на это Галаховъ: отложи попеченіе; безъ тебя привезли изъ Гатчины повѣстку; завтра у князя сборъ на охоту... приглашень и я,—отказываться нельзя, надо ѣхать... Утромъ займемся приготовлениями. Я досталъ тебѣ и себѣ отличные штуцера, даже испробовалъ ихъ, бьютъ превосходно... кромѣ того, почистилъ свои и твои пистолеты.

— Ну, ладно, голубчикъ,—отвѣтилъ со вздохомъ Дугановъ, все еще въ туманѣ отъ впечатлѣній того вечера: спасибо за все! теперь давай спать, а свой проигрышъ я наверстаю!

Онъ легъ, погасилъ свѣчу, но сонъ нескоро сошелъ на его усталую голову.

Давно-условленная охота состоялась въ гатчинскихъ, лѣсныхъ дачахъ князя Орлова. Сборнымъ мѣстомъ для охотниковъ былъ назначенъ лѣсной домъ арендатора главной изъ дачъ. Старикъ-арендаторъ, отставной гвардеецъ, былъ записной хлѣбосоль, любитель

компанства и весельчакъ. Онъ когда-то оказалъ услугу бывшему еще въ бѣдности и неизвѣстности князю и съ тѣхъ поръ, состоя при его частныхъ дѣлахъ, былъ однимъ изъ его любимцевъ. Онъ встрѣтилъ съѣзжавшихся съ вечера охотниковъ роскошнымъ ужиномъ и обильною выпивкой. Для гостей, въ лѣсномъ домѣ и въ нѣсколькихъ при немъ флигеляхъ, приготовили отлично-натопленные комнаты, мягкія постели и отъ главнаго управителя Гатчины вдоволь прислуги.

— Ну, господа, — сказалъ гостямъ, въ концѣ ужина, арендаторъ, строго соблюдавшій правила охоты: обойдено въ трехъ мѣстахъ пять медвѣдей; надо вставать и выѣзжать на линію, до разсвѣта. Князя знаете, — онъ и спать не будетъ и явится, какъ свѣтъ на голову, прямо на мѣсто. А потому, не угодно ли приказать снести къ себѣ недопитыя бутылки и стаканы — и за мною! удостойте по своимъ аппаратаментамъ...

— Вѣрно, вѣрно, отецъ командиръ! надо знать егерскіе порядки! — заговорили гости и, поднявшись веселою гурьбой, въ сопровожденіи слугъ, несшихъ за ними напитки, разошлись, по двое и по трое, въ отведенныя имъ комнаты.

Всѣ раздѣлись и улеглись, но долго еще, попивая англійскій портеръ, бѣшофъ и другіе напитки, бесѣдовали, передавая другъ другу обычные и, какъ всегда, на половину преувеличенные и даже неправдоподобные рассказы о своихъ и чужихъ охотничьихъ подвигахъ. Дуганову съ Галаховымъ ночлегъ былъ отведенъ во флигель, невдали отъ дома арендатора.

IX.

Осмотрѣвъ еще разъ, передъ сномъ, оружіе, пріатели зарядили по одному стволу въ штуцерахъ пулями, а другіе — картечью, обмѣнялись нѣсколькими словами о предстоящей облавѣ и стали раздѣваться. Изъ сосѣдней комнаты, вблизи которой стояла кровать Дуганова, сквозь тонкую перегородку слышались оживленные голоса другихъ охотниковъ. Кто-то тамъ; очевидно, смѣшилъ зашедшихъ къ нему сонночлежниковъ, покрывавшихъ его слова взрывами дружнаго хохота. Скоро голоса въ этой комнатѣ стали тише; въ ней, какъ надо было полагать, остались наконецъ и продолжали разговаривать только двое.

— А этотъ весельчакъ-арендаторъ, нашъ хозяинъ, по-истинѣ предусмотрительный человекъ, — сказалъ Галаховъ, улегшись въ постель и закрываясь въ одѣяло.

— Почему?

— Да какъ же, и лѣкаря съ инструментами, на всякій случай, добылъ отъ Тарбѣева; говорить, медвѣдь не свой братъ, выскочить на иного, всяко случится.

— Отъ какого Тарбѣева?—спросилъ Глѣбъ, тоже уже лежавшій на кровати, задувая свѣчу.

— Здѣшній по сосѣдству помѣщикъ, масонъ, богачъ и замѣчательный чудакъ. У него въ помѣстьи школа для мужиковъ, больница и какія-то особыя правила насчетъ барщины.

— Не слышалъ,—отвѣтилъ Дугановъ: онъ тоже будетъ здѣсь на охотѣ?

— О, нѣтъ, онъ въ параличѣ, съ весны собирается куда-то въ теплые края и для того выписалъ этого доктора изъ Москвы, такого же, говорить, какъ и самъ онъ, чудака.

Глѣбъ наострилъ уши.

— Ты видѣлъ этого лѣкаря?—спросилъ онъ.

— Не видѣлъ; за нимъ посылали съ утра, но онъ пріѣхалъ въ концѣ ужина, усталый,—отвѣтилъ Галаховъ: и прошелъ прямо во флигель спать.

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Нашъ хозяинъ; види, что мой сосѣдъ по ужину мало ѣсть, почти ничего не пьетъ и все кашляетъ, онъ подошелъ къ нему, осведомился о его здоровьи, не простудился ли онъ, и предупредилъ его, что, если бы встрѣтилась надобность, у нихъ и докторъ къ его услугамъ.

«Докторъ-чудакъ и изъ Москвы!»—не безъ волненія подумалъ Дугановъ: «да неужели же такая странная случайность? неужели это Спасивцевъ? быть не можетъ!»—Онъ завернулся съ головой въ одѣяло, закрылъ глаза и старался, не думая о дикой мысли, пришедшей ему на умъ, скорѣе заснуть. Но голоса за стѣнной перегородкой не унимались и, въ виду общей тишины, мало-по-малу наставшей въ комнатахъ флигеля, стали еще слышнѣе. Явственно раздавались два голоса. Глѣбъ не вытерпѣлъ и освободилъ голову изъ-подъ одѣяла.

Одинъ изъ говорившихъ въ сосѣдней комнатѣ былъ, очевидно, тотъ охотникъ, который за ужиномъ ничего не ѣлъ и не пилъ; онъ и теперь изрѣдка покашливалъ, рассказывая своему соночленику о какихъ-то своихъ страданіяхъ. Ему коротко и вразумительно отвѣчалъ другой голосъ, по всей видимости, доктора; за стѣной слышались медицинскіе термины и обстоятельныя порицанія принятаго больнымъ способа лѣченія. И вдругъ Дугановъ вскопчилъ, какъ ужаленный, и присѣлъ на постели. Его охватила дрожь. Зубы его сту-

чали... Онъ вполнѣ разслышалъ и узналъ голосъ Спесивцева: тѣ же приемы и тѣ же знакомыя поговорки.

— Бросьте вы, батенька, всѣхъ этихъ нашихъ врачей!—сказалъ, между прочимъ, голосъ за перегородкой: всѣ-то мы, не исключая и меня, никуда не годимся; пейте то, что вамъ совѣтуетъ эта ваша знахарка, Степанидушка,—свѣжій морковный сокъ, по стаканчику утромъ, днемъ побольше теплаго, парнаго молока, ѡшьте разварную кашу, съ гусинымъ смальцемъ, и запивайте рюмочкой-другой хорошей настойки, да избѣгайте простуды, — словомъ, все, какъ говоритъ ваша Степанидушка. Это вамъ никоимъ образомъ не повредитъ и ужъ во всякомъ случаѣ, какъ другія ваши лѣкарства, не отправитъ васъ на тотъ свѣтъ.

«Онъ, онъ!» — говорилъ себѣ въ волненіи Дугановъ, отыскивая ногами у кровати сапоги и наскоро ихъ обувая: «судьба, странная и загадочная судьба! и ею надо воспользоваться безотлагательно!» — Затаивъ дыханіе, онъ бережно опущалъ сосѣдній стулъ, нашелъ на немъ свое платье и, не зажигая свѣчи, наскоро одѣлся. Галяховъ уже спалъ. Съ другаго конца комнаты, въ потьмахъ, доносилось его мѣрное, тихое дыханіе. Глѣбъ взглянулъ къ сторонѣ входной двери. Изъ-подъ нея, у порога, виднѣлась слабая полоса свѣта; корридоръ, слѣдовательно, былъ еще освѣщенъ. Дугановъ помедлилъ. Голоса за перегородкой затихли. — «Заснули тоже, — подумалъ онъ: ну, да ничего, увидимъ!»

Онъ на цыпочкахъ, беззвучно, подошелъ къ двери, тихо отворилъ ее и корридоромъ приблизился къ сосѣдней комнатѣ. Его сердце сильно билось. Онъ минуты двѣ постоялъ у входа въ эту комнату; голоса въ ней дѣйствительно смолкли; тамъ была полная тишина. — «Отворить ли? войти ли?» — колебался Дугановъ: «если дверь заперта на замокъ, придется постучать—и кто первый очнется? разумѣется, этотъ больной... объясненія, переговоры,—нежелаемый свидѣтель... Но можетъ быть у нихъ еще горитъ свѣча, этотъ гусь не спитъ и сразу меня узнаетъ... что я ему скажу?» — Горло Дуганова сжалось судорогой; онъ едва не раскашлялся. — «Безуміе!» — сказалъ онъ себѣ: «приходи, объясненіе ночью,—какая чепуха! надо уйти...»

Въ корридорѣ, также какъ и въ комнатахъ, было сильно тепло; пахло сѣномъ, изъ котораго съ вечера устраивали постели для гостей. Гдѣ-то мирно позванивалъ сверчокъ. Глѣбъ съ минуту подумалъ, отошелъ въ сторону, сталъ лицомъ къ стѣнѣ, постоялъ такъ минуты двѣ, круто обернулся, подошелъ опять къ двери, которую оставилъ, и тихо тронулъ ее ручку. Дверь оказалась запертой сну-

три на задвижку. Онъ еще помедлилъ и осторожно стукнулъ въ дверь. За нею никто не отзывался. Онъ еще разъ постучалъ. За дверью было тихо. — «Ну, не судьба», — подумалъ Глѣбъ: «время есть, объяснюсь и завтра; а то и впрямь, крадусь, точно воръ!» — Онъ ступилъ шагъ отъ двери. Дверная задвижка щелкнула.

На порогѣ темной комнаты, въ мерцаніи корридорнаго ночника, обрисовалась босая, и въ одномъ бѣльѣ, знакомая фигура. Передъ Дугановымъ стоялъ Спесивцевъ.

— Это вы? что вамъ? — спросилъ тотъ, въ изумленіи разглядывая Глѣба.

— Да... вы, разумѣется, не ожидали?

Докторъ молчалъ.

— Прошу безъ шума и отказа, — сказалъ Глѣбъ: время дорого... одѣньтесь, на пару словъ.

Спесивцевъ растерянно смотрѣлъ на него.

— Я только сію минуту узналъ, что мы, то-есть, что вы, — проговорилъ, путаясь, Дугановъ: и надѣюсь, вы не откажетесь поэтому объясниться.

Спесивцевъ съ секунду подумалъ, оглянулся въ полураскрытую дверь, скрылся за нею и вскорѣ вновь показался оттуда одѣтый. Дугановъ знакомъ пригласилъ его и провелъ въ глубь корридора, куда свѣтъ ночника едва достигалъ слабою, трепетною полоской.

— Послушайте, — началъ, приблизясь къ нему, Дугановъ: не вамъ удивляться, — мнѣ! Вы исчезли изъ Москвы такъ неожиданно быстро, безъ слѣда.

— Вы слышали ранѣ... я, сколько помню, васъ предупреждалъ.

— Никто, рѣшительно никто не зналъ, куда вы скрылись, — продолжалъ, не слушая возраженій, Дугановъ: а между тѣмъ дѣло такъ просто и ясно...

— Что же вамъ угодно отъ меня? — спросилъ Спесивцевъ.

— Марья Родіоновна, моя жена, одновременно съ вами, тоже скрылась... И если она, какъ я убѣдился, не съ вами еще пока, то согласитесь, никто не поручится, что послѣ всего, что совершилось, вы оба вполнѣдствіи...

— Не понимаю, — перебилъ Спесивцевъ: какъ все это можетъ относиться ко мнѣ?

— Не понимаете? вамъ не ясно? — торопясь и обрываясь, продолжалъ Дугановъ: извольте-съ, поясню. Но зачѣмъ отговорки, зачѣмъ комедию ломать? Вы тогда выразились, что всегда и вездѣ къ моимъ услугамъ. Какъ честный человѣкъ, скажите, вы это помните?

— Отлично помню.

— О, такъ извольте, —заговорилъ, еще болѣе торопясь и глядя въ уголь, Дугановъ: только никому, слышите ли, ни слова... Утромъ, черезъ нѣсколько часовъ, здѣсь охота. Медвѣди обойдены въ трехъ или четырехъ мѣстахъ. У меня планъ и вы, надѣюсь, поймете меня... Вамъ почишь... Не угодно ли выбрать болѣе отдаленное, поглуше мѣсто и покончить тамъ между нами, прямо и безъ свидѣтелей, разъ навсегда?

Глѣбъ смолкъ. Зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ.

— То-есть, какъ же покончить?—спросилъ, не совсѣмъ понявъ его, Спесивцевъ: дуэль предполагаете, что ли?

— Именно, дуэль-съ... и одинъ на одинъ.

— Но какъ же безъ свидѣтелей?

— О, разумѣется, не изъ-за угла же васъ или меня убить, — лепеталъ, странно улыбаясь, Глѣбъ: а впрочемъ, если хотите, то пожалуй и даже именно почти изъ-за угла, то-есть... ну, изъ-за дерева... изъ-за куста...

Удивленіе Спесивцева возростало. Едва улавливая несвязныя слова Дуганова, онъ старался въ полусвѣтѣ разсмотрѣть его лицо. Передъ нимъ мелькали только странно-расширенные глаза и блѣдныя губы Глѣба.

— Объясните, прошу васъ, подробнѣе, —сказалъ Спесивцевъ: вы говорите, безъ свидѣтелей, —слѣдовательно, безъ секундантовъ?

— Да-съ, безъ нихъ! — отрѣзалъ, вспыхнувъ, Глѣбъ: на что они, въ нашемъ положеніи? лишняя только огласка! Вы же человѣкъ безъ предрасудковъ... Мы съ вами пройдемъ туда, станемъ, понимаете, не вдали другъ отъ друга, ну, съ краю какой-либо линіи, взведемъ курки, —даже цѣлить заранѣе дозволяется, —если хотите... и, вслѣдъ за криками гонцовъ, съ первымъ чѣмъ-либо выстрѣломъ на нашей линіи, —такъ это уже и положимъ, условимся, —пустимъ другъ въ друга пули. Повторяю, съ криками гонцовъ —цѣлиться, а при первомъ выстрѣлѣ въ цѣпи—спускать курки...

— Дуэль на пистолетахъ?—спросилъ, какъ бы просыпаясь отъ тяжелаго сна, Спесивцевъ.

— Разумѣется, не на охотничьихъ же, длинныхъ штуцерахъ.

— Но мнѣ дали здѣсь штуцеръ, у меня нѣтъ пистолета.

— Выберите изъ моихъ, я приготовлю, —сказалъ Глѣбъ.

«Онъ рѣшительно съ ума сошелъ», —мыслилъ Спесивцевъ, глядя на дико-сверкавшіе глаза и блѣдныя, странно-шевелившіяся губы Дуганова: «доказать ему его безуміе, неправоту? но развѣ это теперь возможно? Отъ помѣшаннаго, безумнаго —нигдѣ не уйти! да при этомъ его раздраженіи, и все равно, —не здѣсь, въ другомъ мѣ-

стѣ, — даже здѣсь же въ лѣсу, на этой самой охотѣ, онъ нарвется вдругъ или поднараулить, и подстрѣлить также изъ-за угла. Впрочемъ, и терять-то особенно нечего, хотя тутъ еще роковой вопросъ, жребій, — я или онъ? Чего мнѣ жалѣть въ жизни? жаль вонъ кого — бѣдную, брошенную имъ, превосходную женщину... А она и не подозреваетъ, въ эту минуту, что за нее рѣшается судьба двухъ жизней. Если онъ свернется, въ видѣ подстрѣленного бекаса, — самъ заслужилъ такую собачью судьбу!... Ну, а если я...?»

— Вы этого настоятельно требуете? — спросилъ, помолчавъ, Спесивцевъ.

— Безповоротно и окончательно, — сказалъ Глѣбъ: притомъ, не далѣе сегодняшняго утра... Надѣюсь, все до времени останется въ полномъ секретѣ. Выстрѣлъ окажется потомъ какъ бы случайный... Охотники вѣдь нерѣдко сами въ себя, по неосторожности, пускаютъ зарядъ, — не только въ грудь, но часто и въ животъ... и это бываетъ очень мучительно, — съ злою улыбкой, прибавилъ Дугановъ: намъ съ вами, впрочемъ, не такъ ли, все равно...

Сердце Спесивцева било тревогу. Онъ боролся съ собой.

— Извольте, я согласенъ, — отвѣтилъ онъ наконецъ: справлюсь о мѣстѣ, сообщу вамъ при отъѣздѣ, мы и встрѣтимся тамъ.

Дугановъ и Спесивцевъ, поклонясь другъ другу, разошлись по своимъ комнатамъ. Возвратясь въ раздумьи къ себѣ, Спесивцевъ зажегъ у ночника свѣчу, раскрылъ походную шкатулку, съ инструментами, въ суконномъ чехлѣ, досталъ оттуда ключекъ бумаги и карандашъ, и нѣсколько минутъ съ разстановками что-то писалъ. Кончивъ письмо, онъ сложилъ его, подписалъ надъ нимъ адресъ, снова заперъ шкатулку, положилъ письмо возлѣ себя, на столъ и, задувъ свѣчу, улегся въ постель. Онъ лежалъ, не смыкая глазъ. Тяжелыя мысли носились передъ нимъ. Ему вспоминалось прошлое, — годы ученія, путешествіе въ чужихъ краяхъ, молодая женщина, которую онъ когда-то страстно любилъ и которая, лѣчь у него, неожиданно скончалась на его рукахъ, — возвратъ въ Москву, горькое одиночество и отрадные часы, проведенные въ кругу Дугановыхъ. И вдругъ такой случай, это невозможное подозрѣніе и дикая месть озлобленнаго слѣпою ревностью человѣка. — «О, его не переубѣдить, не разувѣрить! — мыслилъ Спесивцевъ: такъ тому и быть! значить, судьба!» — Во дворѣ послышались голоса. Фыркали лошади. — «Запрягаютъ, скоро ѣхать!» — подумалъ Спесивцевъ. Въ окнахъ сосѣднихъ зданій замелькали свѣчи. Корридоръ огласился шагами прислуги, поднявшей господъ и выносившей вещи. Спесивцевъ разбудилъ своего соночлежника. То былъ морской офицеръ.

— Не откажите, — сказалъ онъ ему: доставить въ городъ по адресу это письмо.

— Запечатано? — спросилъ тотъ съ просонья.

— Сейчасъ попрошу въ конторѣ сургуча, запечатаю.

— Такъ положите въ карманъ моей шинели; вонъ она на стулѣ...

— Да пора и вамъ, вставайте, всё уже одѣты, ѣдутъ! — сказалъ Спесивцевъ, выходя въ корридоръ: а если хотите знать мое искреннее мнѣніе, то еще лучше, вовсе не вставайте и спите себѣ, не рискуя въ конецъ простудиться.

Соночлежникъ перелегъ на другой бокъ и, съ мыслью: «а и въ самомъ дѣлѣ, чего я поѣду туда на толкотню и морозъ, когда еще такъ рано, а здѣсь такъ уютно и тепло?» — укрылся получше одѣяломъ и снова заснулъ.

Х.

— Мы ѣдемъ вмѣстѣ? — спросилъ припоздавшій съ одѣваніемъ Галаховъ, увидѣвъ уже одѣтаго Дуганова, который, въ высогихъ сапогахъ и въ теплой на енотѣ шинели, укладывалъ свой штуцеръ не на вчерашнія, городскія извозничьи сани, въ которыхъ они пріѣхали, а на крестьянскія дровни, съ намощенной на нихъ соломой.

— Нѣтъ, голубчикъ, — поѣзжай съ другими, — отвѣтилъ Глѣбъ: я приглашенъ тутъ однимъ знакомымъ, на дальнюю цѣпь.

Охотничій поѣздъ двинулся. Скоро ожидался разсвѣтъ, но было еще темно. Вереница саней, скрыпя по крѣпкому морозу, двинулась изъ усадьбы, миновала паркъ и понеслась къ ближнему лѣсу. Едва охотники вѣхали въ его просѣку, сзади раздалось звяканье серебрястыхъ бубенчиковъ и мимо поѣзда, въ клубахъ снѣга, летѣвшаго изъ-подъ четверки сѣрыхъ жеребцовъ, промчались широкія, крытыя персидскимъ ковромъ пошевни, на которыхъ сидѣлъ, еланясь обгоняемымъ гостямъ, закутанный въ соболя и въ высокой куньей шапкѣ, съ заломленнымъ бархатнымъ верхомъ, весь опушенный инеемъ, князь Орловъ. — «Останусь живъ, — думалъ Дугановъ, провожая его глазами: отличный случай, — здѣсь же попрошу его о переводѣ на Дунай...»

Гости и княжескіе стрѣлки устанавливались на назначенныхъ мѣстахъ. Сани сворачивали съ дороги то въ одну, то въ другую просѣку. Между посеребренными деревьями, въ начинавшемся, блѣдномъ разсвѣтѣ, виднѣлись копошившіеся, съ рогатинами и дуби-

нами, гонцы, разставленные съ ночи вокругъ обойденныхъ медвѣжьихъ берлогъ.

— А гдѣ же докторъ?—спросилъ кто-то управляющаго, подѣхавшаго къ ближайшей линіи стрѣлковъ.

— О, у него на все особыя соображенія; онъ пробрался на самый край, къ лѣсной сторожкѣ.

— Почему?

— Туда, говорить, всѣмъ сходиться; въ началѣ всѣ будутъ осторожны, а въ концѣ разгорячатся и онъ тамъ будетъ, по его мнѣнію, полезнѣе.

Цѣпь стрѣлковъ, въ концѣ лѣса, у сторожки, была расположена на песчаномъ взгорьѣ, у непролазной гущины сосенъ, кустарниковъ и березъ, спадавшихъ къ небольшому, круглому озерку. Узкій, чуть видѣвшійся въ снѣгу, проселокъ шелъ вдоль этого мѣста къ озеру. Дугановъ и Спесивцевъ расположились у лѣваго края послѣдней линіи стрѣлковъ, ставшихъ за деревьями, лицомъ къ озеру, изъ-за котораго ожидался выходъ звѣрей.

Когда охотники заняли мѣста и Дугановъ вправо, за можжевельнымъ кустомъ, разглядѣлъ бѣлую, барашковую шапку и сѣрый, на лисьемъ мѣху, бешметъ Спесивцева, онъ, нѣсколько подумавъ, подошелъ къ нему.

— Выбирайте,—сказалъ онъ, протягивая ему пистолеты.

— Заряжены?—спросилъ Спесивцевъ.

— За кого же вы меня принимаете?—отвѣтилъ, презрительно пожавъ плечами, Дугановъ: вотъ вамъ и патроны.

Спесивцевъ сталъ заряжать выбранный имъ пистолетъ. Дугановъ занялся своимъ. Его руки дрожали. Докторъ, повидимому, былъ совершенно спокоенъ. Только его лицо было нѣсколько блѣдно, да глаза отъ бессонницы красноваты.

«Это, наконецъ, вѣдь, чортъ знаетъ, чтò такое!»—думалъ, глядя на Дуганова, Спесивцевъ: «ну, хоть бы словомъ его образумить, показать ему все безобразіе этого дикаго и бессмысленнаго рѣшенія. Будь свидѣтели, секунданты, какъ у другихъ, я все разъяснилъ бы, остановилъ... А такъ... какое возмутительное безуміе! И ничего не подѣлаешь; все онъ перетолкуеть въ гнусную сторону, огласить, ославить трусомъ, подлецомъ».

Пистолеты были заряжены. Спесивцевъ взвелъ курокъ, насыпалъ на затравку пороха, снова прикрылъ затравку, и въ раздумьи поглядывалъ на пистолетъ, какъ бы не зная, чтò далѣе съ нимъ надо дѣлать. — «Скажу я ему, слушайте!»—мыслилъ онъ: «не страхъ смерти, не сожалѣніе о чемъ-либо изъ прожитаго останавли-

вааетъ меня... Но согласитесь, вѣдь, это злая негѣпость и чепуха!.. Мы съ вами неглупые люди, разберите, наконецъ, хладнокровно!»

— А теперь можете, для практики, и цѣлиться въ дерево, а то и въ меня,—объявилъ Дугановъ, спокойно уходя на свое мѣсто: не забывайте главнаго,—при первыхъ окрикахъ гонцовъ—наводить пистолеты, а при первомъ выстрѣлѣ въ нашей цѣпи, кто бы ни выстрѣлилъ, спускать курки.

Окраина лѣса, гдѣ за деревьями и кустами размѣстились охотники, болѣе и болѣе свѣтлѣла. Къ Спесивцеву съ линіи, промежь кустовъ, подошелъ, съ огромною старомодною винтовкой черезъ плечо, высокій и румяный старикъ - помѣщикъ, въ мѣховой курткѣ и въ шапкѣ съ наушниками. Въ его рукахъ были дорожная фляга и серебряный стаканчикъ.

— Не хотите ли?—сказалъ онъ, показывая на флягу.

Дугановъ, поблагодаривъ, отказался. Спесивцевъ съ удовольствіемъ выпилъ.

— Да у васъ тутъ и вполнѣ безопасно,—сказалъ, проходя мимо Глѣба, помѣщикъ: докторъ подъ рукой... вѣдь, вашъ сосѣдъ—докторъ, кажется?

Дугановъ утвердительно кивнулъ головой.

— И отлично, на всякій случай... изранить медвѣдь, помощь и готова.

— Ну, ужъ и изранить, почему же?—сказалъ Глѣбъ.

— Медвѣжій ходъ, государи мои, какъ разъ сюда, съ озера,—сказалъ, затыкая флягу, старикъ: въ прошломъ году, на этомъ самомъ мѣстѣ, одного гонца медвѣдица свалила и такъ изгрызла, что пока подоспѣли сосѣди-стрѣлки, онъ и душу Богу отказалъ... Берегитесь, миленькіе; да цѣльте подъ лопатку, вотъ сюда... а ножи, пистолеты, кромѣ ружей, припасли?

— Ножей нѣтъ, а пистолеты есть,—отвѣтилъ Дугановъ, показывая свой.

Старикъ, переваливаясь, пошелъ на свое мѣсто. Лѣсъ, впереди за озеромъ и вокругъ стрѣлковъ, замолкъ. Гонцы, очевидно, приближались къ мѣсту, съ котораго долженъ былъ начаться общій гонъ. Въ мертвой тишинѣ, вдругъ наставшей кругомъ, слышался только лай собакъ въ какомъ-то дальнемъ посѣлѣ, да осторожное, едва уловимое ухомъ переступаніе, въ кустахъ, зябнувшихъ ногъ сосѣднихъ стрѣлковъ. Съ высокой ели беззвучно сыпался снѣгъ отъ прыгнувшей съ вѣтки на вѣтку бѣлки. Сухая былинга предательски хрустѣла подъ чьими-то валенками, а сосѣдъ, въ отчаяньи присѣвъ, укорительно махалъ неосторожному руками. Дугановъ пого-

сился на то мѣсто, гдѣ стоялъ Спесивцевъ. Онъ, поверхъ невысокихъ, можжевельныхъ кустовъ, явственно разглядѣлъ его плотную фигуру, сѣрый бешметъ и бѣлую барашковую шапку. Опершись о стволъ сосны, докторъ былъ виденъ до пояса. Пистолеть торчалъ у него изъ-за лацкана бешмета. Штуперъ онъ держалъ въ рукѣ и, казалось, разсѣянно смотрѣлъ прямо, изъ-за березы, на озеро.

«О чемъ онъ мыслить?» — подумалъ Дугановъ: «спокойно ли обсуждаетъ, что вотъ, молъ, жалкій, обманутый мужъ предложилъ ему безразсудную, короткую раздѣлку, и презрительно въ душѣ издѣвается надъ нимъ? или спокойно рассуждаетъ о томъ, какъ онъ, обстоятельный и сдержанный человѣкъ, спокойно прицѣлится въ этого бѣднаго мужа, спуститъ, въ условленное мгновеніе, курокъ и влѣпитъ ему пулю прямо въ лобъ?»

Порывъ злобной ненависти и жажды мщенія охватилъ Дуганова. Руки его тряслись, ознобъ пробѣгалъ по спинѣ. Онъ положилъ ружье на землю и взялся за пистолеть. Вдали какъ бы что-то ахнуло. — «Начинается!» — подумалъ онъ, взглянувъ на Спесивцева. Докторъ не измѣнилъ своего положенія. Звуки росли; гонь становился явственнѣе. — «Да, участь моя рѣшена; — мыслилъ Глѣбъ: я волнуюсь, а онъ совершенно спокоенъ, обдумалъ, какъ видно, все и ждетъ... Бей же! погаси эту мятущуюся, никому ненужную, жалкую жизнь».

За озеромъ, въ ближайшей линіи, послышалось нѣсколько выстрѣловъ: пафъ-пафъ — въ одной сторонѣ, — пафъ въ другой. — «Разомъ вышли два звѣря» — подумалъ Дугановъ. Голоса кричанъ раздавались по всему лѣсу. Послышалось постукиваніе дубинъ о деревья; ближе и ближе. Гонцы, огибая послѣднюю изъ обойденныхъ берлогъ, надвигались къ линіи, стоявшей передъ озеромъ. На берегъ выскочило и робкими прыжками пронеслось по льду нѣсколько зайцевъ. Выбѣжала, остановилась, нюхая воздухъ, и наискось, вдоль цѣпи стрѣлковъ, помчалась, разстилая хвостъ, спутнутая лисица. По нимъ, въ ожиданіи медвѣдя, положено было не стрѣлять. Крики гонцовъ стали раздаваться у окраины озера. — «Да гдѣ же берлога?» — думалъ Дугановъ, глядя изъ-за куста на встрѣчу гонцовъ: «или звѣрь ушелъ ранѣе?» — Онъ взвелъ курокъ пистолета и оглянулся на то мѣсто, гдѣ стоялъ Спесивцевъ.

Тамъ, за кустомъ, у высокой, суховерхой сосны, онъ увидѣлъ хмурое лицо и пристально-устремленные на него глаза какого-то, точно незнакомаго ему, человѣка. Этотъ человѣкъ, держа въ протянутой рукѣ пистолеть, цѣлился прямо въ него. За озеромъ, въ

это мгновеніе, мелькнуло и выкатилось на ледь что-то рыжеваточерное и косматое. — «Медвѣдь!» — сообразилъ Дугановъ: «но почему же въ него не стрѣляютъ? А, понимаю! онъ вышелъ между мною и Спесивцевымъ, а намъ не до него...» — Отведя глаза отъ косматой фигуры, которая, сбивая снѣгъ съ кустовъ, катилась на мягкихъ лапахъ по льду, Дугановъ подумалъ: «Неужели время настало и мы должны стрѣлять?» — и также навелъ пистолеть на Спесивцева. — «Бумъ! бумъ!» — раздалось, въ это мгновеніе, нѣсколько оглушительныхъ выстрѣловъ по линіи. Одновременно съ ними, слышались два негромкіе, пистолетные выстрѣла...

Отъ опушки лѣса на озеро, пересѣкая полосы бѣловатаго дыма, сбѣгались съ ружьями ближайшіе стрѣлки. Гонцы, справа и слѣва, тащили по льду огромныя медвѣжьи туши.

— Кто убилъ? — слышались голоса.

— Двухъ, на-поваль... Одного князь, медвѣдицу — Семень Васильевичъ. Побѣжали, ловятъ медвѣжатъ.

«Боже! что я надѣлалъ! что случилось?» — подумалъ Глѣбъ, быстро кинувшись съ своего мѣста, сквозь цѣпкіе, колючіе кусты: «неужели Спесивцевъ упалъ, умереть, и я, я — его убійца?» — Онъ ясно впослѣдствіи помнилъ, что, вслѣдъ за выстрѣлами по линіи, его рука нажала пружину, спустила курокъ, впереди его тоже мгновенно что-то сверкнуло и онъ, услышавъ трескъ вѣтокъ и паденіе чего-то тяжелаго, нѣсколько секундъ не сознавалъ, что именно упало. Онъ приблизился... Передъ нимъ, безъ движенія, лежалъ тотъ, котораго онъ за секунду такъ глубоко ненавидѣлъ. Сердце Глѣба дрогнуло. Онъ наклонился къ лежавшему и приподнял его за плечи. Глаза Спесивцева были закрыты; блѣдное и спокойное лицо его какъ бы говорило: «Все кончено; чего же еще нужно тебѣ, мой ожесточенный, слѣпой и счастливый, въ своей злобѣ и мести, врагъ?» — Острое, жгучее раскаяніе, презрѣніе къ себѣ и стыдъ за исполненное дѣяніе охватили Глѣба. Къ раненому сбѣжались другіе стрѣлки. — «Бешметъ разстегните, что вы? голову сюда, повыше!» — слышались голоса. — «Кто раненъ?» — «Да самъ докторъ...» — «Къ князю скорѣе...»

Охотники, столпясь вокругъ князя на озерѣ, разсматривали добычу. Счастливо улыбавшійся Орловъ, отирая вспотѣвшее лицо, въ распахнутой шубѣ и съ шапкой на затылкѣ, стоялъ въ пошевняхъ. Егеря угощали гонцовъ. Толстый и важный дворецкій держалъ передъ княземъ за спину пойманнаго, забавно-рычавшаго медвѣжонка.

— Да, господа,— произнесъ Орловъ: удача разлюбезная; и второй разъ... на томъ же самомъ мѣстѣ.

Бѣ князю подбѣжалъ, запыхавшись, безъ шапки, его любимый егеръ.

— Ваше сіятельство,— сказалъ онъ: раненъ одинъ изъ охотниковъ... и опасно-сь!

— Зови лѣкаря, скорѣе.

— Да лѣкарь-то и раненъ.

— Какой? тарбѣевскій?

— Онъ самый.

— По неосторожности?

— Должно статься.

— Вотъ они, эти торопыги! гдѣ?

— Эвось, въ тѣхъ кустахъ, ваше сіятельство,— подъ тою вонъ сосной.

— Пошелъ туда!

XI.

Княжескія сани, окруженныя гурьбой охотниковъ, двинулись по направленію къ указанному мѣсту. Здѣсь, между можжевельныхъ кустовъ, опершись головой о стволъ сосны, лежалъ на снѣгу, поддерживаемый старикомъ-помѣщикомъ, блѣдный, съ закрытыми глазами, Спесивцевъ. Возлѣ него валялся штуцеръ и пистолеть. Кровь, сквозь разстѣгнутый бешметъ, сочилась изъ груди его, окрашивая подъ нимъ притоптанный снѣгъ.

Орловъ всталъ къ нему съ саней.

— Перевязку, бинтовъ! еще сани сюда! — обратился онъ къ окружающимъ раненаго и разстѣгивая свой кафтанъ.

— Простудитесь, ваше сіятельство,— говорилъ дворецкій: мы, помилуйте, и сами!

Князь сорвалъ съ себя батистовое жабо; другіе подали ему платки. Сдѣлавъ наскоро перевязку раненому, его бережно подняли и уложили въ саней. Онъ медленно открылъ глаза и вздохнулъ. Станный хрипъ слышался изъ его груди.

— Чтѣ съ тобою, голубчикъ? — спросилъ его Орловъ, угадывая, что докторъ раненъ въ грудь.

— Пустиакъ-сь... въ торопяхъ уронилъ пистолеть,— чуть слышно проговорилъ Спесивцевъ: падая, онъ куркомъ, вѣроятно, задѣлъ за кустъ... и выстрѣлилъ... арники надо бы, корпии...

«О лѣкарствахъ, о корпии вспомнилъ!» — презрительно подумалъ Глѣбъ: «куда дѣлась vis medicatrix naturae?»

— Не безпокойся, — сказалъ раненому Орловъ: послали въ городъ за твоимъ коллегой.

Сани тихо двинулись. Спесивцевъ махнулъ дворецкому рукой. Тотъ подбѣжалъ и нагнулся къ нему.

— Этотъ господинъ, — прошепталъ черезъ силу раненый, указывая на Дуганова, неподвижно и молча стоявшаго поодаль, среди другихъ стрѣлковъ.

— Позвать ихъ? — спросилъ дворецквій.

— Нѣтъ, зачѣмъ? отдайте ему... пистолеть... я выпросилъ у него, на всякій случай, — онъ ссудилъ и, какъ видите...

— Все будетъ исполнено, — отвѣтилъ дворецквій, укрывая раненаго полстью: главное, сударь, будьте спокойны.

— Ничего не жалѣть! — сказалъ дворецкому Орловъ, провожая глазами увозимаго доктора: дать помѣщеніе и все... неприятная оказія, да, авось, Богъ помилуетъ. А, Дугановъ! — произнесъ князь, увидя Глѣба, среди прочихъ охотниковъ: у меня къ тебѣ дѣло, садись со мной.

Дугановъ, не помня еще себя отъ всего роковаго, чтó совершилось передъ нимъ, поклонился и сѣлъ рядомъ съ княземъ.

— Каковъ случай, — замѣтилъ Орловъ: и надо было, какъ вспомню, все это почти предвидѣть... съ вечера, вчера, мой комнатный, меделанскій пѣсъ, ну, вѣришь ли, вылъ, какъ по покойнику!

«И въ этой смерти, если ей быть суждено, — думалъ, замирая, Дугановъ: я виновать!»

— Ты стоялъ въ этой же дѣлѣ? — спросилъ князь.

— Въ этой, — отвѣтилъ Глѣбъ.

— Далеко отъ него?

— Почти рядомъ, въ десяти, пятнадцати шагахъ.

— Какъ онъ еще не пристрѣлилъ тебя самого? Охъ, ужъ эти штафирки! его позвали, какъ врача; такъ нѣтъ, не вытерпѣлъ, тоже сталъ съ оружіемъ, покажу, молъ, свою ловкость и храбрость.

Глѣбъ молчалъ. Ему вспоминались глаза Спесивцева и протянутый, въ направленіи къ нему, пистолеть.

— Бстати, однако, — продолжалъ Орловъ: медвѣдь медвѣдемъ, а я могу тебя поздравить и съ другой, убитой тоже на поваль, добычей, — съ медвѣдицей! Государыня вчера подписала резолюцію по дѣлу той московской барыни. Согласно съ прошеніемъ старухи Корониной, велѣно всѣ имѣнія, подаренныя ею обидчицѣ-дочери, отписать обратно за дарительницей, а ей самой, за дерзости и обиды, нанесенныя матери, отправиться отсюда, подъ строгій надзоръ и отвѣтъ князя, въ Москву. Дѣлать тебѣ здѣсь болѣе, поэтому, не-

чего... Понимаю твое нетерпѣніе. Можешь обрадовать жену... Завтра или послѣ завтра, выдадутъ тебѣ всѣ нужныя бумаги, и поѣзжай, съ Богомъ. Къ князю буду писать самъ; передъ отъѣздомъ, впрочемъ, зайди, — напишу черезъ тебя князю.

— Слушаю, ваше сіятельство, и приношу глубокую благодарность, — отвѣтилъ Глѣбъ: но могу ли, приѣтомъ, побезпокоить васъ еще объ одной милости?

— Говори, слушаю.

«Ну, къ чему я буду проситься на Дунай? — подумалъ Дугановъ: дѣло тамъ, того и гляди, скоро кончится; попрошусь лучше на службу лично къ нему...»

— Такъ какъ порученіе князя теперь исполнено и если на то будетъ его согласіе, могу ли утруждать ваше сіятельство о зачисленіи, переводомъ меня, въ штатъ лично служащихъ при вашей особѣ?

Орловъ разсѣяннo слушалъ его.

— Хорошо, милый, хорошо! — отвѣтилъ онъ, оглядываясь на сани доктора, которые показались въ это время изъ лѣсу: жаль этого лѣкаря; говорятъ, веселый, хорошій человекъ, и вдругъ такой случай.

Болѣе Орловъ, до Гатчины, не говорилъ. Онъ думалъ вообще о превратностяхъ судьбы, предвидя роковыя перемѣны и для себя.

Въ Гатчинѣ Дугановъ отыскалъ Галахова и съ нимъ возвратился въ Петербургъ. За закуской, которую, отъ имени князя, предложилъ охотникамъ гатчинскій управитель, всѣ толковали о печальномъ приключеніи съ докторомъ.

— Пустилки, — сказалъ кто-то: легкая рана въ плечо.

— Не умѣешь обращаться съ оружіемъ, лучше и не берись за него.

— Да почему вы знаете, — возразилъ сидѣвшій тутъ старикъ-помѣщикъ, въ сѣрой курткѣ: да онъ, можетъ быть, прирожденный охотникъ? какъ выпилъ ромъ! сейчасъ видно... да я съ нимъ, за секунду передъ тѣмъ, говорилъ. Случай, не больше; сорвалось и все... Да-съ, докторъ ранень, за то мы вотъ всѣ цѣлехоньки... выпьемъ!

И всѣ выпили.

«И я уцѣлѣлъ, благодаря случайности, не болѣе!» — думалъ, слушая общіе разговоры, Дугановъ.

На пути въ Петербургъ, Галаховъ замѣтилъ смущеніе Глѣба.

— Что, и тебѣ жаль этого господина? — спросилъ онъ.

— Еще бы, старый знакомый, неожиданно встрѣтились.

- Да, вѣдь, у тебя и пистолетъ онъ, кажется, взялъ?
- Стояли рядомъ.
- Толкуютъ, пустое,—сказалъ Галаховъ: хороши пустяки!
- А что, развѣ?...
- Его осмотрѣлъ другой докторъ; говорить, пуля пробила плечо и задѣла легкое... ну, а ты знаешь, чѣмъ это пахнетъ... фью!...
- Кто это тебѣ сказалъ?—спросилъ Глѣбъ.
- Управляющій.
- И что же?
- Говорить, рана тяжелая и, по всей видимости, безнадежная. Дугановъ помертвѣлъ.

«И неужели я, именно я желалъ его смерти, вызывалъ и торопилъ его къ ней?»—думалъ Дугановъ, войдя, въ сумерки, въ свою комнату: «но зачѣмъ я молчалъ, какъ трусъ, тамъ въ лѣсу и за завтракомъ? почему не объявилъ всѣмъ, что я ранилъ его?... Нельзя было иначе! Такъ было рѣшено; дѣло шло о чести женщины... Но восстановлена ли этимъ чья-либо честь? Можетъ ли быть, послѣ этого, близка для меня та, изъ-за которой гибнетъ онъ, дорогой ей человѣкъ, а мнѣ, очевидно, по ненавистной и несчастной для нея случайности, суждено жить? Безумное рѣшеніе, безумный конецъ...»

Черезъ нѣсколько дней, получивъ нужныя бумаги по дѣлу Корониной, Дугановъ воспользовался общимъ приѣмомъ у князя Орлова и поѣхалъ къ нему въ городскую квартиру—откланяться.

— Что скажешь? — спросилъ князь, увидѣвъ его, среди другихъ посѣтителей.

— Ёду обратно въ Москву.

— Когда отправляешься?

— Завтра.

— Ну, вотъ что,—сказалъ, подумавъ, князь: теперь некогда, зайзжай, по пути, ко мнѣ въ Царское-Село,—я туда возвращусь сегодня же; у меня будетъ письмо, съ однимъ документомъ, къ твоему шефу, князю Волконскому,—тотъ документъ въ Царскомъ и мнѣ нужно, чтобы ты лично передалъ его въ руки князя Михаила Никитича.

Глѣбъ отвѣтилъ, что онъ исполнитъ желаніе князя. Ёхать въ Царское онъ рѣшилъ также въ тотъ же день, съ вечера, чтобы, переночевавъ тамъ, пораньше явиться къ Орлову. Вещи давно были уложены. Послѣ ранняго обѣда, Глѣбъ послалъ за почтовыми ло-

шадьми, и когда их подали, зашелъ проститься къ своему сожителю. На дворѣ шумѣлъ вѣтеръ, шелъ снѣгъ.

— Ну, до свиданія, Александръ Павловичъ, — сказалъ онъ, входя, въ дорожномъ нарядѣ, въ комнату Галахова.

Послѣдній, по обычаю, сидѣлъ у письменнаго стола, передъ грудой бумагъ, которыя онъ, при входѣ Глѣба, прикрывъ портфелью.

— Какъ? ты уже ѣдешь?—удивился Галаховъ.

— Да, необходимо, мнѣ назначенъ срокъ.

Пріятели дружески обнялись.

— До скорого, надѣюсь, свиданія, — сказалъ Галаховъ: но зачѣмъ ѣдешь противъ ночи? лучше бы завтра, съ утра... смотри, какая непогода, будетъ метель.

— Нельзя, — отвѣтилъ Глѣбъ: князь Григорій Григорьевичъ, отпуская меня сегодня, пожелалъ, чтобы я завтра, по пути, заѣхалъ къ нему въ Царское, — ну, лучше, не правда ли, заранѣе прибыть туда и, тамъ обождавъ, явиться во-время?

— Разумѣется, — отвѣтилъ, какъ бы что-то обдумывая, Галаховъ: видно, что -нибудь очень нужное, если князь, чуть не при ежедневной отправкѣ фельдъегерей, пользуется оказіей съ тобой.

— А какъ полагаешь, гдѣ мнѣ придется его видѣть тамъ? тебѣ это должно быть извѣстно.

— Въ собственномъ, разумѣется, его флигелѣ, — справа отъ дворца.

— Въ которомъ лучше часу?

— Пораньше явись; встаетъ же онъ въ разное время—то съ разсвѣтомъ, а иногда и въ полдень.

— Хорошо, значить, что ѣду наканунѣ... Встаети, однако, — прибавилъ Глѣбъ: столько времени мы прожили вмѣстѣ и я тебя не спрашивалъ... Скажи, если это не особый секретъ, по части какихъ вообще бумагъ ты работаешь для князя? военныхъ, придворныхъ или политическихъ? Если тайна, не смѣю спрашивать и ты мнѣ не говори.

— О, пустяки! — отвѣтилъ, улыбнувшись, Галаховъ: частныя дѣла князя, — ну, больше по его имѣніямъ, — онъ плохой хозяинъ и считать почти не умѣетъ, — кромѣ того, семейная переписка... Ничего, увѣряю тебя, о чемъ бы стоило говорить, ни важнаго, ни любопытнаго.

— Ну, будь же здоровъ, не поминай лихомъ, — сказалъ, протянувъ руку, Дугановъ.

— Прощай, Глѣбъ Андреевичъ! не забывай и ты, да хоть изрѣдка пиши о себѣ.

Пріятели простились. Доѣхавъ до Царскаго-Села, Глѣбъ переночевалъ тамъ на постояломъ и рано утромъ отправился къ князю Орлову. Дежурный камердинеръ объявилъ ему, что князь, возвращаясь изъ Петербурга, вспоминалъ о немъ и приказалъ принять его, но съ вечера игралъ долго во дворцѣ въ карты и еще не вставалъ. Глѣбъ, по совѣту камердинера, пришелъ черезъ часъ. Передъ подъѣздомъ дворца и флигелемъ Орлова стоялъ уже рядъ придворныхъ и городскихъ экипажей.

— Князь только-что ушли во дворецъ и просили васъ явиться туда, — сказалъ камердинеръ Глѣбу.

— Куда же это? какъ пройти? — спросилъ Глѣбъ.

Камердинеръ указалъ парадное крыльцо.

— Идите, сударь, прямо, — сказалъ онъ: доложите тамъ, — князь, молъ, лично приказалъ.

XII.

Дугановъ вошелъ въ обширныя теплыя сѣни, наполненныя либрейными слугами, дневальными и вѣстовыми. Придворный скороходъ, въ золотой шапкѣ, съ страусовыми перьями, провелъ его черезъ небольшую пріемную залу, гдѣ сидѣло нѣсколько лицъ, представлявшихъ въ тотъ день государынѣ, и длиннымъ, полуосвѣщеннымъ корридормъ нижняго яруса, потомъ рядомъ небольшихъ, внутреннихъ комнатъ, достигъ правой стороны дворца, окнами выходящей въ садъ. Дугановъ очутился въ угловой комнатѣ, съ китайскимъ бильярдомъ, зеркаломъ между оконъ и диванами вдоль стѣнъ. Предложивъ ему сѣсть, скороходъ сказалъ: «Здѣсь приказано подождать» — и ушелъ. — «Государынинъ бильярдъ!» — подумалъ Глѣбъ, съ благоговѣніемъ осматривая комнату: «она развлекается здѣсь, въ минуты отдыха, для моціона». — Стѣны комнаты были увѣшаны картинами, изображавшими сцены морскихъ и сухопутныхъ сраженій. На одной изъ нихъ масляными красками былъ нарисованъ бой подъ Полтавой, на другой — взятіе Нарвы. Прочія изображали походы и битвы крестноносцевъ. Дугановъ сталъ разсматривать ихъ. Вкругомъ было тихо. Только отъ движенія экипажей, подъѣзжавшихъ ко дворцу, изрѣдка слышалось позвякиванье стеклянныхъ призмочекъ, висѣвшихъ подъ потолочною, бронзовою люстрой. — «Гдѣ же теперь князь?» — раздумывалъ Глѣбъ: «въ пріемной большею частью неважныя лица, а у подъѣзда столько придворныхъ экипажей. Не совѣтъ ли какой-либо собрался у государыни? и скоро ли

освободится князь?» — Прошло полчаса, часъ и болѣе. На дворѣ вдругъ стемнѣло. Нашла туча, вихорами повалилъ снѣгъ. Съ вершинъ деревьевъ поднялась и стала кружиться, въ снѣжной пеленѣ, туча воронъ и галокъ. Глѣбу вспомнились пернатые полчища надъ садомъ, въ Ракитномъ. Онъ перенесся мыслію къ матери. — «Здорова ли она» — думалось ему: «знаетъ ли о моемъ разрывѣ и разлукѣ съ женой? Надо бы провѣдать ее; едва сдамъ дѣло главнокомандующему, отпрошусь въ отпускъ, навѣщу ее». — Еще прошло нѣсколько минутъ. За дверью, противоположною той, въ которую вошелъ Дугановъ, послышались неслѣшные, тяжелые шаги. Дверь отворилась, на порогъ показался князь Григорій Григорьевичъ. Лицо Орлова было возбуждено. Пятна румянца проступали на гладко-выбритыхъ щекахъ. Глаза были отуманены.

— А, ты здѣсь? — сказалъ онъ разсѣяннo, мелькомъ взглянувъ въ зеркало и оправляя на себѣ кружевное жабо и манжеты: очень радъ; иди за мной. Вотъ тебѣ письмо къ князю Михаилу Никитичу, — сказалъ онъ, подавая Глѣбу пакетъ: но это не все... Государыня, узнавъ, что я пишу съ тобой къ князю, также пожелала лично, черезъ твое посредство, послать письмо къ князю и отъ себя...

Орловъ повернулся и пошелъ обратно. Дугановъ, замирая, молча послѣдовалъ за нимъ. Они миновали нѣсколько пустыхъ комнатъ. Одна изъ нихъ показалась Глѣбу уборною, другая была, очевидно, библіотекой, третья — нѣчто въ родѣ оранжереи, съ цвѣтущими растеніями на окнахъ и вдоль стѣнъ.

— Я за тебя, сударь, поручился, — строго сказалъ, идя далѣе и не оборачиваясь, Орловъ: аттестовалъ, помни, тебя какъ скромнаго и усерднаго человѣка... способнаго соблюсти монаршее порученіе.

— Не знаю, ваше сіятельство, чѣмъ я удостоился и могу ли въ жизни хоть чѣмъ-либо заслужить столь великую милость? — отвѣтилъ, кланяясь, Дугановъ.

— Не я, впрочемъ, тебя указалъ, сама государыня услышала о тебѣ и рѣшила.

«Теперь уже князь не откажетъ взять меня къ себѣ, — подумалъ, слѣдуя за Орловымъ, Дугановъ: исполнивъ порученіе, напишу ему изъ Москвы».

Шаги Орлова вдругъ затихли, точно куда-то исчезли, хотя онъ продолжалъ идти впередъ. Глѣбъ подъ погами почувствовалъ нѣжный и мягкій, какъ пухъ, коверъ. Въ комнатѣ, куда они вошли, окна, въ виду наступившей, передъ тѣмъ, отъ падающаго снѣга темноты, были закрыты гардинами и комнату освѣтили восковыми розовыми свѣчами, въ красивыхъ фарфоровыхъ кенгетахъ,

вистѣвшихъ по стѣнамъ. Слѣва, у двери въ слѣдующія комнаты, стоялъ высокій, съ коричнево-бронзовымъ лицомъ и такими же руками, арабъ, въ ярко-пунцовой курткѣ, расшитой золотыми шнурками, въ зеленыхъ шараварахъ, желтыхъ туфляхъ и въ бѣлой, огромной чалмѣ.

— Побудь здѣсь, тебя позовутъ, — произнесъ Орловъ, указавъ Дуганову мягкую шелковую кушетку, у двери, возлѣ которой стоялъ стражъ.

Арабъ, склонясь, отворилъ дверь. Орловъ скрылся за нею. — «Такъ вотъ что, — съ невольнымъ трепетомъ, подумалъ, усѣвшись, Глѣбъ: сама государыня удостоиваетъ меня высокой чести доставить ей строки главнокомандующему. Но вѣдь это, дѣйствительно, простая случайность; она узнала, что ѣдетъ нарочный и пожелала воспользоваться оказіей. Гдѣ въ эту минуту государыня? неужели невдали, даже, быть можетъ, прямо за этою стѣной? И что здѣсь рядомъ за комната? приемная для немногихъ, ближайшихъ къ государынѣ особъ, или собственный ея рабочій кабинетъ? Вотъ взглянуть бы, если тамъ нѣтъ никого... Каково убранство этой комнаты? Увидѣть бы ея кресло, рабочій столъ, за которымъ она рѣшаетъ дѣла великой имперіи».

Изъ-за двери, между тѣмъ, Глѣбъ разслышалъ звуки голоса. По сосѣдству кто-то, казалось, говорилъ, или что-то читалъ, смолкалъ и снова говорилъ. Кто говорилъ и о чемъ? докладчикъ ли излагалъ какое-либо сообщеніе или изволила говорить сама императрица? — «Вотъ пріотворить бы дверь, посмотрѣть бы въ нее, хоть секунду, послушать бы!» — пришло на мысль Дуганову: «нельзя! это губатое чудище тутъ на-сторѣжъ!» — Арабъ, между тѣмъ, прислонясь плечомъ къ притолку двери, стоялъ, какъ вкопанный, не шелохнувшись и такъ спокойно, точно дремалъ. — «Неужели и впрямь дремлетъ?» — досадливо мыслилъ Глѣбъ. Онъ обернулся къ нему. Черные, круглые глаза араба, съ желтыми бѣлками, пристально глядѣли на него. — «Попросить его?» — подумалъ Глѣбъ: «а какъ откажетъ, да еще передастъ князю дерзкую мою просьбу?»

За дверью послышался серебристый звонъ крохотнаго колокольчика. Арабъ встрепенулся, беззвучно шагнулъ за дверь и, вновь появясь обратно, съ бумагами, направился съ ними въ другую дверь. Дрожь охватила Дуганова... Голоса за дверью, изъ которой арабъ вынесъ бумаги, стали вдругъ до того явственны, что Глѣбъ слышалъ чуть не каждое слово говорившихъ тамъ. Арабъ, уходя съ бумагами, очевидно, неплотно притворилъ дверную поло-

винку. Глѣбъ тихо всталъ, подошелъ на цыпочкахъ къ двери и взглянулъ сквозь ея щель. Его сердце сильно забилося...

Онъ увидѣлъ круглый широкій столъ, крытый зеленымъ сукномъ. На столѣ стоялъ канделябръ, съ зажженными свѣчами. За столомъ, лицомъ къ двери, сидѣла императрица, въ сѣромъ шелковомъ платьѣ, съ жемчугомъ въ напудренныхъ волосахъ. Справа, возлѣ нея, помѣщался канцлеръ графъ Никита Ивановичъ Панинъ; слѣва—генераль-прокуроръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій; далѣе, въ полуоборотъ къ двери, сидѣли, — съ одной стороны—князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, съ другой—Григорій Александровичъ Потемкинъ и—уже спиной къ двери—бывшій гетманъ, графъ Кирилло Григорьевичъ Разумовскій и фельдмаршалъ, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ. Дугановъ узналъ не только старыхъ, всему Петербургу извѣстныхъ, давнихъ пособниковъ Екатерины, но и новое, восходившее надъ придворнымъ міромъ, яркое свѣтило, —Потемкина, котораго онъ не разъ видѣлъ, въ поѣздѣ послѣдняго черезъ Москву.—«Тайный совѣтъ ея величества! экстренное собраніе!»—пронеслось молніей въ мысляхъ Глѣба: «и я его вижу, услышу, можетъ быть!»—Онъ оглянулся, прислушался, не возвращается ли усланый стражъ и, съ восхищеніемъ и ужасомъ за свою рѣшимость, припалъ глазомъ къ двери. Онъ слушалъ, мысленно повторяя: «Боже мой, Господи! и я дѣйствительно это вижу и слышу!»—Черезъ минуту онъ опомнился.—«Но зачѣмъ я, безумный, такъ рискую?»—подумалъ онъ: «арабъ можетъ каждую секунду возвратиться, застать меня здѣсь... вѣдь будетъ слышно и такъ!»—Онъ, въ неодолимомъ волненіи, опустился на ту же кушетку, у двери. И точно, каждое слово говорившихъ въ сосѣдней комнатѣ явственно, по прежнему, долетало до него изъ за порога.

— Такъ вы, господа, не одобряете? — слышался, съ замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, голосъ Екатерины: не совѣтуете, чтобы я, какъ мнѣ хотѣлось, сама ѣхала, для спасенія государства въ Москву и лично стала бы во главѣ войскъ, посылаемыхъ для истребленія злодѣя Пугачова? Что скажете, но откровенно, вы, графъ Никита Ивановичъ? не слѣдуетъ, по-вашему, нехорошо?

— Не только нехорошо, но, въ разсужденіи достоинства и цѣлости имперіи, даже бѣдственно, — отвѣтилъ негромкій и вѣстѣ твердый голосъ Панина: эта поѣздка, увеличивъ небольшую еще въ общемъ опасность, только ободритъ и умножитъ мятежную чернь. А! скажутъ, вотъ какъ, сама государыня бросила столицу и сына и уѣхала къ войску, значить, совсѣмъ неладно... она и

въ Турцію къ Румянцеву, противъ самого султана, лично не выступала, а тутъ—противъ мужика... значить, и впрямь онъ во все не мужикъ!

Екатерина помолчала. Молчали и остальные.

— Согласна, уступаю, такъ и запишите, господинъ секретарь, — сказала Екатерина, обращаясь къ кому-то, кого Дугановъ не разглядѣлъ въ дверь, за секретарскимъ столомъ: назначимъ, когда понадобится, выберемъ для того иное, съ полною силою и властью, лицо. А теперь объ иномъ, не менѣ важномъ... Вы слышали, — продолжала императрица: князь Григорій Григорьевичъ считаетъ, что нынѣшній за Волгой, обширный и безпримѣрный, по дерзости и жестокостямъ, бунтъ черни главнѣйше выросъ и усилился, вслѣдствіе многихъ бѣдствій крѣпостнаго народа, угнетаемаго помѣщиками, монастырями и казной, и предложилъ мнѣ частно, а здѣсь при васъ и вторично—отмѣну крѣпостнаго состоянія... Что скажете на это?

— Мѣра гибельная и бѣдственная, — произнесъ, подумавъ, генераль-прокуроръ Вяземскій: къ смутѣ одной губерніи прибавятся смуты въ остальныхъ, сказать проще—бунтъ цѣлой имперіи.

— Лучше умножить число войска за Волгой, — сказалъ фельд-маршалъ Чернышовъ: послать въ распоряженіе князя Волконскаго еще нѣсколько полковъ пѣхоты, пушекъ и кавалерію.

— Именно, прежде надо истребить мятежъ, и тогда уже подносить монархинѣ проекты новыхъ законовъ, — отозвался бывший гетманъ, графъ Разумовскій: не въ бурю и не въ хозяйскую страду перестраиваются дома и хижины, а въ пору отдыха и полной тишины.

— Матушка, мудрая монархиня! — не вытерпѣвъ, вскрикнулъ князь Орловъ: не слушай ихъ, слушай своего сердца! Въ чемъ колебанія? Скажи одно слово, — и цѣпи народнаго рабства рухнутъ, распадутся! Всѣ мы, владѣльцы крѣпостныхъ душъ, — и я, каюсь, не послѣдній изъ ихъ числа, — грѣшны и виновны передъ тобой и закономъ за подданныхъ своихъ. Не мы ли проигрывали дарованныхъ намъ тобою и твоими предками крѣпостныхъ людей въ карты, мѣняли ихъ на рѣзвыхъ скакуновъ и роскошныя мебели? Не мы ли, стыжусь повторить, закладывали ихъ, какъ движимость, продавали, разлучая семьи, на переводъ, — въ дальнія окраины и въ зачетъ рекрутовъ? Скажи слово — и все высшее, все знатное, среднее и мелкое дворянство, какъ истые патріоты, ударятъ тебѣ челомъ, много-милостивая, своими вотчинами, селами и хуторами... Бери ихъ, для спасенія и замиренія отечества, обратно! Объявляй неотлагательно общую волюность нашихъ и твоихъ собственныхъ, казенныхъ ра-

бовъ; церковь, съ монастырями, послѣдуетъ за тобой! Не будетъ у стѣсненнаго народа причины къ мятежамъ, бунтъ за Волгой утихнутъ и сами крамольники приведутъ и выдадутъ тебѣ головой своего вождя, на твое рѣшеніе и правый судъ.

Общее молчаніе было отвѣтомъ на слова Орлова. Всѣ ждали, чѣмъ выразится мнѣніе самой государыни, относительно небывалаго, по смѣлости, даже дерзости, предложенія, которымъ, какъ думали нѣкоторые, терявшій свое значеніе фаворитъ, очевидно, стремился съ этой стороны возстановить свое значеніе и силу. — «Тебѣ легко вольнодумствовать, на чужой счетъ!» — мыслили противники Орлова: «ты, выскочка, давно ли снисканъ поимѣстьями и всякими благами, безъ числа? У тебя возмуть, наверстаешь втрое... а мы, наслѣдственные, исконные дворяне, — намъ не до твоихъ акробатскихъ, головоломныхъ фокусовъ и скачковъ!»

Видя смущеніе, вызванное въ главныхъ членахъ совѣта словами Орлова, Екатерина молча вынула изъ кармана крохотную табакерку, раскрыла ее и поднесла къ носу, глядя на Потемкина, съ хмурымъ лицомъ нагнувшася и недовольно сопѣвшаго надъ листомъ бѣлой, чистой бумаги, лежавшей передъ нимъ на столѣ.

— Смѣло и дѣльно, какъ всегда, выразились вы, князь Григорій Григорьевичъ, — сказала Потемкинъ, слегка склонясь въ сторону Орлова и продолжая смотрѣть на листъ бумаги: кто возразитъ противъ святой истины, что рабство недостойно нашего вѣка и славы свободолюбивой и великодушной нашей монархини? Нѣтъ спора, всѣ мы сочувствуемъ вамъ... не правда ли? — обратился Потемкинъ къ прочимъ членамъ совѣта.

Всѣ, нѣсколько смущенно, молча поклонились ему.

— Но кто поручится, — продолжалъ Потемкинъ: что ваше добро не станетъ худшимъ зломъ для того же народа?

— Какъ это? почему? — опять не вытерпѣвъ, съ горячностью, возразилъ Орловъ.

— А такъ, батюшка, ваше сіятельство, очень просто! — отвѣтилъ спокойнымъ, твердымъ голосомъ Потемкинъ: неразвитая, слѣпая и дикая чернь, — разнуздайте вы только ее, дайте ей вольную волюшку, и вы увидите, — она броситъ неблагодарный и тяжкій трудъ земледѣльца и бурнымъ потокомъ хлынетъ изъ селъ въ города. Чтѣ вы сдѣлаете въ то время? Кто будетъ воздѣлывать хлѣбныя нивы, платитъ оброки, давать рекрутовъ? Деревни опустѣютъ, поля заростутъ сорными травами и лѣсомъ. Чтѣ скажетъ отечество, когда ему станетъ грозить голодъ, а преступленія всякаго рода, кражи, грабежи, насилія и убійства обратятъ великую имперію въ страну

ировѣзскихъ дикарей, чуть не людоѣдовъ? Кѣмъ вы станете укрощать буйства и мятежи? Войска нечѣмъ будетъ комплектовать,—вольные люди не дадутся, чтобъ имъ брили лобъ... Не на манеръ ли Англїи станете вербовать охотниковъ на базарахъ и площадяхъ? О прочихъ, въ столь важномъ дѣлѣ, потеряхъ государства и частныхъ лицъ не говорю,—онѣ всякому извѣстны...

XIII.

«Ай да мастеръ!» — думали, слушая Потемкина, старѣйшіе изъ членовъ совѣта: «такъ говорить и мыслить подѣ-стать хоть бы и многоопытному дѣльцу, убѣленному сѣдиной. Угадалъ, забилъ вольнодумца! далеко пойдеть!»

— Не спору о потеряхъ, не спору! — вскрикнулъ Орловъ: всѣ мы, отъ богачей до бѣдныхъ, сильно потерпимъ отъ предлагаемой мною мѣры, даже, быть можетъ, разоримся въ конецъ. Но надо, государи мои, думать не о насъ лично, а объ отечествѣ и о славѣ великой монархини, которой мы обязаны служить до послѣдней капли крови. Не она-ли, первая въ государствѣ, внявъ голосу и нуждамъ народа, еще недавно созывала, на вѣчную память о себѣ, комиссію для начертанія проекта новаго уложенія? и не тамъ ли, не въ этой ли комиссіи, впервые передъ всѣми, раздались заглушенныя, впрочемъ, недалеконидными слѣпцами, голоса, что назрѣло время подумать, коли не о полной отмѣнѣ, то хотя бы о сокращеніи унизительнаго рабства? Говорите противъ меня, возражайте; я остаюсь при своемъ: ранѣе подумали бы о моей мысли, не было бы ни бунта за Волгой, ни Пугачова...

— Не было бы! не случилось бы! вотъ какъ! — произнесъ, глядя на Орлова, Потемкинъ: все это, извините, ваше сіятельство, такія же загадки, какъ и этотъ чистый листъ бумаги... написать на немъ можно все, чтò угодно, какъ легко составить и издать всякій законъ... Да чтò вычитаетъ изъ этого писанія народъ? готовъ-ли онъ ко всякой, хотя бы и мудрой, мѣрѣ? Вотъ вы тоже упомянули о комиссіи... но знаете ли...

— Позвольте,—возразила императрица, видя растерянность и затрудненіе остальныхъ членовъ совѣта, молча слушавшихъ препирательства соперниковъ-фаворитовъ: лучше намъ о комиссіи здѣсь не упоминать... Вы, князь Александръ Алексѣевичъ, знаете,—обратилась Екатерина къ генералъ-прокурору Вяземскому, бывшему предсѣдателю той комиссіи: каковы, по истинѣ сказать, плоды упомянутаго здѣсь собранія? Всѣмъ извѣстно, депутатъ столь важнаго учрежденія, яицкій сотникъ, Падуровъ, не только не остано-

ливалъ и не вразумлялъ бунтовщиковъ, а самъ изъ первыхъ передакъ самозванцу и нынѣ, по слухамъ, командуетъ у него пѣлымъ полкомъ! Это ли не утѣшительный даръ нашего перваго опыта съ русскими парламентами?

Екатерина, опять поднеся къ носу табакерку, помолчала.

— Благодарю васъ, князь Григорій Григорьевичъ, и васъ, Григорій Александровичъ, — сказала она, обращаясь къ Орлову и Потемкину: благодарю и всѣхъ васъ, — взглянула она на остальныхъ: — никогда я не сомнѣвалась въ вашихъ чувствахъ и въ вашей преданности отечеству и мнѣ, — но съ столь важнымъ дѣломъ, какъ предложеніе князя Григорія Григорьевича, надо, какъ я полагаю и какъ убѣждена, повременить.

— Но этотъ шагъ прославить и вознесетъ ваше величество на неизмѣримую высоту! — воскликнулъ князь Орловъ: всѣ препятствія вашъ преодолѣетъ, какъ всегда, и затмитъ...

— Александръ Македонскій, — отвѣтила съ улыбкой Екатерина: укорялъ память своего отца, Филиппа, говоря, что его родитель такъ много прославился и столько совершилъ великаго, что почти ничего не оставилъ для своего наслѣдника. Не все же дѣлать современникамъ, надо кое-что оставить на долю и своимъ преемникамъ, потомкамъ!

— Сама истина глаголетъ вашими устами! — произнесъ, склоняясь, князь Вяземскій.

— Немало чести приготовить славныя дѣла и для потомства! — прибавилъ канцлеръ Панинъ.

— Что же, повторяю, до выбора главнаго полномочнаго лица, до укрощенію бунта за Волгой, — сказала Екатерина: то князю Волконскому я на этотъ предметъ...

Далѣе Дугановъ ничего не слышалъ. Мимо его, въ это мгновеніе, незамѣтно скользнулъ по ковру и опять сталъ у порога возвратившійся арабъ. Замѣтивъ, что дверь въ совѣтскую комнату пріотворена, онъ плотно закрылъ ее и, по прежнему, неподвижно замеръ у ея притолка. Голоса за порогомъ разомъ стихли. Такъ прошло еще нѣсколько минутъ. Дугановъ, пораженный тѣмъ, что дошло до его слуха, сидѣлъ, не помня, гдѣ онъ и чтѣ съ нимъ. Въ совѣтской комнатѣ снова раздакъ звукъ колокольчика. Арабъ вошелъ туда.

— Пожалуйте, васъ просятъ, — сказалъ онъ, возвратясь, Дуганову.

Глѣбъ вступилъ въ совѣтскую комнату, сдѣлавъ шагъ отъ порога и, вытянувшись, сталъ неподвижно. Прямо передъ нимъ была

государыни. Справа за нею, близь окна, у особаго столика, сидѣлъ тотъ, кого именовали секретаремъ и лицо котораго теперь ясно было ему видно. Глѣбъ взглянулъ на него и не вѣрилъ своимъ глазамъ. У столика, передъ зажженной свѣчой, сидѣлъ его недавній сожитель, Галаховъ, съ которымъ онъ простился только вчера. — «Такъ вотъ твои тайныя занятія у князя Орлова!» — подумалъ Глѣбъ, въ волненіи ожидая, кто и что ему скажутъ теперь.

— Адъютантъ московскаго главнокомандующаго? — спросила Екатерина.

— Поручикъ Дугановъ, ваше величество, — отвѣтилъ Орловъ.

— Подойдите, господинъ поручикъ, и станьте ближе! — сказала императрица.

Глѣбъ мѣрнымъ, форменнымъ шагомъ обошелъ столъ и приблизился къ креслу государыни.

— Вотъ письмо, господинъ Дугановъ, — произнесла Екатерина, протягивая ему запечатанный пакетъ: отдайте его лично князю Михаилу Никитичу. Благаяйте ему и скажите, что я съ особымъ удовольствіемъ рѣшила дѣло его родственницы. Вамъ, кажется, княземъ специально было поручено это дѣло?

— Точно такъ, ваше величество, — отвѣтилъ Глѣбъ.

— Очень рада, — князю будетъ пріятно ваше усердіе... счастливаго пути! — сказала Екатерина, ласковою улыбкой и чуть замѣтнымъ наклономъ головы показывая Глѣбу, что онъ можетъ удалиться.

Всѣ глаза были, какъ чувствовалъ Глѣбъ, обращены на него, когда онъ, повернувшись налѣво кругомъ, направился тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ къ двери и скрылся за нею. Спрятавъ на грудь, подъ кафтанъ, пакетъ императрицы, онъ, въ сопровожденіи араба, не слыша подъ собою ногъ, прошелъ тѣмъ же рядомъ внутреннихъ комнатъ, до парадныхъ сѣней, одѣлся и вышелъ на крыльцо. Снѣгъ прекратился. Солнце ярко и весело свѣтило, красиво золотя розовымъ отблескомъ крыши дворцовыхъ зданій и опущенныя серебрястымъ инеемъ вершины садовыхъ деревьевъ. Дугановъ ничего этого не видѣлъ, не любовался ничѣмъ. Отъ его глазъ не отходила чудная улыбка, а въ ухахъ раздавался нѣжный и ласковый голосъ императрицы. Не помня себя, на верху блаженства, онъ послѣшилъ на постоялый, приказалъ подавать обѣдъ и послалъ за почтовыми лошадьми.

«А Спасивцевъ? что съ нимъ?» — вдругъ пришло ему на мысль, когда онъ, наскоро закусивъ, узналъ, что лошади поданы уже. — «Въ Гатчину! надо видѣть его, навѣстить! это, кстати, по-

чти и по дорогѣ!» — сказалъ онъ себѣ и, выѣхавъ изъ Царскаго, приказалъ ямщику свернуть на Гатчину.

Доѣхавъ туда, онъ отыскалъ врача, лѣчившаго Спасивцева, и узналъ отъ него, что раненный, заботами князя, помѣщенъ въ со-сѣднемъ домѣ.

— Вонъ, черезъ улицу, — указалъ врачъ въ окно: красная крыша и зеленыя ставни.

— Могу ли я его видѣть? — спросилъ Глѣбъ: хотя на минуту; мы старые знакомые, и я ѣду надолго, далеко.

— Большой въ безпамятствѣ, бредить, — сказалъ врачъ: все равно, не узнаетъ васъ, да и опасно тревожить его.

Глѣбъ помолчалъ.

— Есть надежда на спасеніе? — спросилъ онъ.

Докторъ поднялъ надъ головою палецъ.

— Тамъ на небѣ все, разумѣется, возможно, — сказалъ онъ: а здѣсь, — докторъ опустилъ палецъ къ полу: здѣсь могу сказать одно, рана такого рода, что вашъ знакомый, или даже можетъ быть пріятель, врядъ ли дотянетъ до весны.

Дугановъ постоялъ еще съ минуту передъ докторомъ, молча пожалъ ему руку, поклонился и уѣхалъ, въ смущеніи поглядывая на невысокій деревянный домишко, съ красною крышей и зелеными ставнями, гдѣ лежалъ, бредя, вѣроятно, о чемъ-либо счастливомъ и свѣтломъ изъ прожитаго, приговоренный къ печальному исходу Спасивцевъ.

«Да, судьба!» — мыслилъ Глѣбъ, выѣхавъ изъ Гатчины на московскій почтовый трактъ: «но вѣдь такая же точно судьба могла постигнуть и меня!» — И, неволью радуясь, что онъ во всякомъ случаѣ былъ цѣлъ и невредимъ, что его грудь, сердце и все его крѣпкое, пышащее жизнью тѣло было здорово, Глѣбъ плотнѣе усѣлся въ кибиткѣ, съ головой укутался въ теплую шубу и, измороженный суетой и тревогами послѣднихъ тяжелыхъ дней, крѣпко заснулъ. Почтовая тройка понеслась.

На третью сутки безостановочной ѣзды, Дугановъ благополучно возвратился въ Москву.

Довольный успѣшнымъ окончаніемъ дѣла, главнокомандующій отъ души поблагодарилъ Глѣба и, давъ ему отдохнуть нѣкоторое время, сказалъ, что приготовилъ для него другое важное порученіе въ одинъ изъ уѣздовъ Московской губерніи, гдѣ предстояло произвести слѣдствіе о поддѣлкѣ фальшивой монеты на фабрикѣ богатаго раскольника-купца Суслова. Въ этомъ же уѣздѣ были имѣнія

Борониной, присужденныя государыней ко взятію въ опеку. — «Ты помоги рѣшенію этого дѣла, — сказалъ князь: ты же наблюдаешь и за приведеніемъ его къ концу».

Москва охватила Дуганова скукой и тоской. Осиротѣлый, пустой домъ у Чистыхъ-прудовъ, гдѣ еще такъ недавно все было полно жизни, гдѣ царила женская, мягкая предупредительность и раздавался смѣхъ и звонкій голосъ ребенка, былъ теперь для Глѣба невыносимъ. Онъ обѣдалъ въ клубѣ, домой едва заглядывалъ. Обѣздивъ кое-кого изъ знакомыхъ, онъ написалъ короткія письма къ матери и къ брату, извѣстивъ ихъ, что едва кончилъ одну командировку, какъ пришлось ѣхать на другую, и сильно обрадовался, когда, дѣйствительно, наконецъ выѣхалъ съ порученіемъ князя изъ Москвы.

Слѣдствіе о поддѣлкѣ монеты Дугановъ повелъ настойчиво и умѣло. Начались розыски и допросы на фабрикѣ Сусловыхъ и въ уѣздномъ городѣ, гдѣ пало подозрѣніе въ подкупѣ и въ укрывательствѣ виновныхъ не только на полицію, но и на земскій судъ. Пришлось воевать съ исправникомъ и съ весьма ловкимъ и вліятельнымъ уѣзднымъ судьей, который, по слухамъ, былъ долженъ по горло заподозрѣнному Суслову и потому особенно мирволилъ ему. Все это Глѣбъ разслѣдовалъ и разобралъ, а въ промежуткахъ розысковъ составилъ опись имѣніямъ Борониной и сдалъ ихъ въ опеку. Кончивъ слѣдствіе, онъ написалъ князю рапортъ, съ требованіемъ уличеннаго Суслова арестовать и доставить на судъ, не иначе, какъ въ Москву, вслѣдствіе того, что мѣстныя власти относительно его не безъ грѣха.

При одномъ изъ послѣднихъ допросовъ, собирая на фабрикѣ свѣдѣнія о прошломъ и настоящемъ образѣ жизни и о родныхъ вдругъ разбогатѣвшаго Суслова, онъ неожиданно услышалъ фамилію Прядышева, съ которымъ Сусловъ оказывался въ близкомъ родствѣ.

Это имя кольнуло Глѣба. Онъ вспомнилъ бѣгство Серафимы въ Кіевъ, свою поѣздку туда, переговоры съ нею, а затѣмъ и собственный разладъ съ женой.

— Какой это Прядышевъ? — спросилъ онъ сусловскаго прикащика, стоявшаго передъ нимъ на допросѣ.

— Савва Ильичъ, — отвѣтилъ свидѣтель.

— Развѣ онъ родня твоему хозяину?

— Свояки-съ. Аграфена Марковна, супруга Саввы Ильича, выходитъ, двоюродная сестрица нашему Доримедонту Бузьмичу.

— Не отъ свояка ли Суслова, въ такомъ случаѣ, пошло и все состояніе самого Прядышева? — спросилъ Глѣбъ.

— Никакъ нѣтъ - съ, ваше благородіе, — отвѣтилъ свидѣтель: тятенька Аграфены Марковны изстари былъ первостатейный московскій купецъ, а онѣ у него состояли единственною дочкой; и у ихняго тятеньки не токма первый подъ Москвой изстари колокольный заводъ, а за Ураломъ еще богатѣйшіе рудные прииски.

— Бстати, почтенный, — сказалъ, подумавъ, Дугановъ: у Прядышевыхъ, помнится, былъ тоже единственный сынъ, — не знаешь ли, чтò съ нимъ и гдѣ онъ нынче?

Свидѣтель помолчалъ.

— Вѣрно - съ, изволите говорить, — есть сынъ, Федоромъ звать, — отвѣтилъ онъ: и мы сами видали ихъ, вотъ еще какимъ махонькимъ, когда оттуда колоколь брали сюда на соборъ... Не наша сторона хозяйскія дѣла... а жаль...

— Что же именно?

— Свертѣли молодца гулянки, да колобродства, и попалъ онъ родителю на искусь, поставленъ былъ въ простые, какъ есть, чернорабочіе, въ молотобойцы... этакого богача-магдга сынъ и въ такой чернотѣ!

— Онъ и теперь на этой работѣ? — спросилъ Глѣбъ.

— Мать увидѣла его, оборваннаго, да въ сажѣ, въ окно, — возрыдала сердечная и заступилась; слышно, отослали его, конѣ зимой, въ дальнюю поправку, на ихніе Куршавинскіе заводы, за Уралъ. Да что? сильно, сказываютъ, огорчился малый вообще, запилъ тамъ и въ горести чуть ружъ на себя не наложилъ. Наши сильно жалѣютъ его...

— Отчего же отецъ не держитъ его при себѣ?

— Видно, думка такая, исправится, молъ, на дальней работѣ.

Въ концѣ великаго поста Дугановъ возвратился въ Москву. Бнязь Волконскій одобрилъ всѣ его дѣйствія, Сусллова вытребовалъ къ себѣ и посадилъ въ московскій острогъ. Дугановъ, за успѣшное веденіе слѣдствія о поддѣлкѣ монеты, былъ представленъ къ наградѣ крестомъ.

— Твоя жена еще у родныхъ? — спросилъ князь.

— Такъ точно.

— Гдѣ она? въ Малороссіи?

— Нѣтъ, на Волгѣ, у брата.

— Не хочешь ли проѣхать туда?

Глѣбъ промолчалъ.

— Постоянно, какъ знаешь, туда оказіи теперь, — продолжалъ князь, не замѣтивъ смущенія Глѣба: недавно посланы гусары, а на

днейхъ отправляю пѣхоту и пушки... ты могъ бы проводить ихъ до Казани, а оттуда завернуть бы и къ своимъ.

— Усерднѣйше благодарствую, ваше сіятельство, — отвѣтилъ Дугановъ: но моя жена, какъ полагаю, вскорѣ выѣдетъ оттуда.

— Ну, какъ знаешь, любезный. Во всякомъ-же случаѣ, встрѣтится нужда, просись, — не откажу. Приѣмъ имѣнный будетъ не ближе юня; тогда опять поѣдешь въ уѣздъ.

Близилась Пасха. Въ воздухѣ потеплѣло. Настало водополье.

Возобновивъ свои обычныя занятія у князя, Дугановъ не замѣчалъ, какъ текло время. Переписываясь иногда съ матерью, онъ зналъ, что въ Ракитномъ все благополучно. О Горкахъ и ихъ обитателяхъ онъ старался не вспоминать. — «Не пишутъ оттуда, стало быть, все хорошо!» — съ горечью думалъ онъ: «а не спрашиваютъ, почему мы разстались, значить, жена не смѣетъ признаться, что у насъ вышло. Ну, и Господь съ нею».

Вернувшаяся въ Петербургъ, былая страсть къ азартной бильярдной игрѣ болѣе о себѣ не напоминала Глѣбу. Все прошлое въ немъ, казалось, успокоилось, заснуло и какъ бы умерло. Въ домѣ у себя онъ уже не томился, проводя время здѣсь только въ кабинетѣ и въ столовой. Въ спальню, уборную жены и дѣтскую онъ болѣе совсѣмъ не заглядывалъ, и двери туда были постоянно на замкѣ. Портретъ жены, висѣвшій въ гостиной и когда-то съ такою любовью заказанный знаменитому живописцу Тишбейну, онъ покрылъ кисеей и перенесъ въ запертую на ключъ уборную. Но все это наружное спокойствіе далеко не соответствовало внутреннему состоянію. Нѣчто вродѣ раскаянія начинало сказываться въ его душѣ. Правъ ли онъ былъ въ своемъ рѣшеніи насчетъ жены? Не увлекся ли онъ ошибочнымъ подозрѣніемъ? И дѣйствительно ли была измѣна, или только совпаденіе уликъ, въ сущности не доказывающихъ ничего? Неувѣренность въ правотѣ, относительно разрыва съ женой, начинала тяготить его; ну, какъ она невинна ни въ чемъ и онъ все это сдѣлалъ, въ порывѣ раздраженія, не имѣя на то права? Передъ Пасхой Глѣбъ получилъ письмо, въ нѣсколько строкъ, отъ брата, съ поздравленіемъ и извѣщеніемъ, что всѣ живы и здоровы, что зима была студеная и что наступило тепло. На это онъ отвѣтилъ столь же краткою отпиской, что, молъ, также живъ и здоровъ и что думаетъ перемѣнить службу. Онъ дѣйствительно написалъ въ Петербургъ Орлову; отвѣта не приходило.

Въ концѣ Вербной недѣли, на обычномъ утреннемъ приѣмѣ у главнокомандующаго, Глѣбъ получилъ отъ Волконскаго порученіе — съѣздить къ митрополиту и лично у него испросить указаніе и со-

вѣтъ по одному духовному дѣлу. Дугановъ поѣхалъ, долго дождался владыки, въ то время служившаго гдѣ-то въ дальнемъ монастырѣ, а когда возвратился, съ нужными указаніями отъ митрополита, приѣмъ у князя уже кончился.

Дугановъ прошелъ въ кабинетъ князя, доложилъ ему справку, принялъ отъ него для передачи въ канцелярію накопившіяся безъ него бумаги и откланялся. Проходя изъ кабинета князя опустѣлыми залами, онъ въ сторонѣ, въ боковомъ корридорѣ, услышалъ странный шумъ, какъ бы споръ. Заглянувъ туда, Глѣбъ увидѣлъ растерянную и лысую фигуру невысокаго, пожилаго купца, въ долгополомъ кафтанѣ и съ медалью на шеѣ, стоявшаго передъ княжескимъ слугою. Размахивая руками, купецъ о чемъ-то, съ поклонами, просилъ; офиціантъ заграждалъ ему дорогу.

— Да вотъ ихъ милость, господинъ адъютантъ рѣшать, — сказалъ офиціантъ, указывая просителю на Дуганова: и какъ это можно беспокоить князя, когда объявлено — боѣе не принимать никого?

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ, подходя, Дугановъ.

Купецъ оглянулся. Дугановъ узналъ въ немъ Савву Ильича Прядышева, — но въ какомъ видѣ? Сытой, презрительной чванливости и дерзости, съ которою онъ когда-то въ Кіевѣ, у цыганъ, обливалъ водою сына и стригъ ему косу, не было и слѣда. Буда дѣлись складки жирнаго подбородка, брасный, плотный затылокъ и объѣмистый животъ? Худыя, костлявыя плечи уныло торчали изъ-подъ широкаго, точно чужаго кафтана. Борода была включена. Потускнѣлые глаза умоляюще и жалобно смотрѣли на Глѣба.

— Ваше... ваше высокородіе, — вскрикнулъ онъ, хватая Дуганова за руки и вдругъ падая передъ нимъ на колѣни: спасите, не погубите.

— Чтò съ вами, Савва Ильичъ? Успокойтесь! — произнесъ Глѣбъ, поднимая его; вы, вѣроятно, о родственникѣ вашемъ, о Суслловѣ, насчетъ монеты?

— Господь съ нимъ, — отвѣтилъ, отирая слезы, Прядышевъ: Суслловы не подростки; коли не по винѣ угодили въ острогъ, сами себя отстоятъ.

— Въ чемъ же ваше дѣло? — спросилъ Глѣбъ: приѣмъ у князя, дѣйствительно, конченъ; если у васъ неотложная, важная нужда, скажите, я передамъ ему, онъ приметъ васъ завтра.

— Поздно будетъ, поздно! — простоналъ Прядышевъ: коли милость князя, штафетъ бы или иное что, да не отъ всякаго беруть. Только, вотъ, нонче извѣстились по почтѣ.

— О комъ говорите?

— Федоръ-то мой, Федя... что въ Биевъ, помните...

— Знаю; онъ, слышно, у васъ за Ураломъ.

— Тамъ-то окаянный, тамъ, да спятилъ, какъ есть, съ ума. Охъ, матушки вы мои, охъ, родные! — всхлипывая, бормоталъ Прядышевъ: и кто ожидалъ экаго божескаго наказанія? Прогнѣвили мы Господа. Мать съ горя захворала, померла; нынѣ срамить весь нашъ родъ...

— Да что случилось съ вашимъ сыномъ? Сядьте, расскажите.

Глѣбъ увелъ Прядышева въ залу и усадилъ его на софѣ. Руки старика тряслись; губы силились что-то выговорить и не могли. Онъ безпомощно поникъ головой.

— Отступился окаянный, — проговорилъ онъ: извѣщаютъ, задумалъ передаться злодѣю, Пугачу!... Да что, баринъ, на, читай! — заключилъ Прядышевъ, вытаскивая изъ кармана и подавая Дуганову скомканный обрывокъ толстой, синей бумаги: сорока дѣнь не прошло со смерти покойницы, а тутъ такая напасть.

Глѣбъ сталъ читать письмо къ Прядышеву его заводскаго прикащика. — «А нашъ-отъ Федоръ Саввичъ, — выводилъ каракулями прикащикъ: забылъ Божескія заповѣди и отцово наставленіе; какъ узналъ о смерти родительницы, пуще заилъ, а въ прошлую среду, супротивъ ночи, отбилъ замокъ въ каморѣ, гдѣ, по приказу вашему, его хмѣльнаго держивали въ заперти, тайно забралъ пожитки, казну и соболью твою новую, данную ему на дорогу, шубу, да съ Апронькой, да съ Борькой - кривымъ, запрегъ лучшихъ, вѣзовыхъ жеребцовъ и сбѣжалъ съ завода. Сказываютъ, подался въ горы, къ демидовскимъ, да бѣлорѣцкимъ заводамъ, рѣшилъ передаться оному окаянному ироду и злодѣю, самозванцу Пугачову. Апронька, дьячій сынъ, съ нимъ и остался, а кривой чортъ, Борька, вернулся нонѣ на зарѣ, быдто въ совѣсть пришелъ, а въ тайности — сманивать остальныхъ заводскихъ, и мы его, изловивши, связали и держимъ въ заперти. И сказываетъ Борька-паршивецъ, быдто Федоръ-отъ нашъ Саввичъ, забывъ оныя Господни заповѣди, въ точности поѣхалъ, невѣдомо для какой нужды, сирѣчь, къ тому, окаяннику и злодѣю, и повезъ ему казну, да твою шубу, и быдто тому отступнику всё уже присягаютъ и цѣлуютъ руку, а самъ иродъ отошелъ намереніи отъ Оренбурга къ Магнитной и скоро де объявится на заводахъ и въ нашихъ мѣстахъ. Мы день и ночь, батюшка, Савва Ильичъ, на-сторѣжѣ, рвы порыли и огородились рогатками; да ружей мало, — пушчонка была одна, — и ту, намерднись, — чаю, вѣдомо тебѣ, — о масляной, какъ ребята салютъ въ твою чинили, —

разорвало на части. Просимъ, милостивецъ, о присылкѣ защиты. Войска тутъ и въ поминѣ нѣту-ти. Ой, плохо намъ, грѣшнымъ, свѣтъ не милъ. До дна, благодѣтель, дошли, гибнемъ въ конецъ!»

— Что же вамъ нужно отъ князя?—спросилъ Дугановъ, дочитавъ письмо.

— Хоть бы штафеть въ Буршавино, на заводъ,—пытался, не берутъ,—твердилъ, влкаясь, Прядышевъ: грамотку бы къ Федору, не одумается ли? Дай охрану, или такой листъ, не токма изъ своихъ кого послалъ бы,—одно дѣтище,—самъ бы поѣхалъ туда.

Глѣбъ прошелъ къ князю. Волконскій, уже въ шлафрокъ и, вмѣсто парика, въ бѣломъ, съ розовою лентой, колпакѣ, сидѣлъ за чтеніемъ новыхъ нѣмецкихъ газетъ. Дугановъ доложилъ ему о просьбѣ Прядышева.

— Гони его, голубчикъ! съ ума онъ сошелъ!—вскрикнулъ князь: сынъ дерзнулъ измѣнить,—не далеко, знать, ушелъ и его батюшка; подъ надзоръ его! Боже, Господи, что за дѣла! Взгляни, что печатають о насъ берлинскіе газетѣры! Мерзавцы! Не даромъ ихъ сѣкъ, на унтеръ-день-Линденъ, Чернышовъ, по взятіи Берлина! теперь публично завѣряють, будто этотъ приговоренный къ плетямъ каторжникъ, этотъ казакъ-воришка, и впрямь... Да нѣтъ, что же это? свѣтонреставленіе!

Князь закрылъ лицо руками. Глѣбъ сталъ просить за старика Прядышева.

— Ну, ты правъ, милый, правъ!—одумался князь, бросая подъ столъ газеты: этого сына дѣйствительно навѣрно спьяну,—иначе какъ же?... Вѣдь, я, помню, своими глазами видѣлъ его у Архаровыхъ, Мелецкихъ,—смирный такой, менуэты отплясывалъ... Ступай, Глѣбъ Андреичъ, устрой тамъ, что можно, для отца.

Дня черезъ три, Прядышеву, за скрѣпой главнокомандующаго, выдали охранный листъ и письмо къ казанскому губернатору, фонъ-Брандту. Савва Ильичъ рѣшилъ ѣхать за Уралъ лично. Собравшись и распорядившись по заводу, онъ засунулъ за пазуху изрядный свертокъ денегъ, отслужилъ напутственный молебенъ, сѣлъ въ пошевни, съ тѣми же двумя здоровенными литейщиками, съ которыми, годъ назадъ, ѣздилъ въ Кіевъ, и завернулъ проститься на Чистые-пруды.

— Въ опасный путь пускаетесь,—сказалъ ему Дугановъ: что ни день, какія извѣстія! Пугачовъ усиливается... все Зауралье въ возстаніи...

— Богъ милостивъ, доѣду, сына спасу.

Въ Казани Прядышева нагнала эстафета московской его конторы. Онъ вскрыль ее, прочель и упаль безъ чувствъ. Контора извѣщала его, что сынъ, какъ стало нынѣ извѣстно, окончательно бѣжалъ къ самозванцу, съ жалобой на родителя за захватъ, будто бы, материнскихъ заводовъ и другихъ имѣній. — «Господь взялъ жену, — подумаль, придя въ себя, Прядышевъ: надо ѣхать, охранить хоть заводъ, горное начальство просить; а Федькѣ, каторжному искариоту, вспомняется, видно, на томъ свѣтѣ и тутъ!...»

Губернаторъ, однако, остановиль его. Къ Уральскимъ горамъ уже не было свободнаго проѣзда. Пугачовъ, грабя и выжигая все по пути, близился лѣсами по сю сторону горъ.

Настала пасхальная недѣля. Москва, несмотря на слухи о Пугачовѣ, веселилась. Главнокомандующій, въ раззолоченной, голубой коляскѣ, выѣхаль съ племянницами подъ качели, на Дѣвичьеполе. Увидѣвъ здѣсь, среди гуляющихъ, Дуганова, онъ подозваль его къ себѣ. Глѣбъ протискался мимо знакомыхъ и незнакомыхъ, толпившихся вокругъ князя, и подошелъ къ нему.

— Ну, что, довольны въ народѣ нашею нынѣшнею публикацией? — спросиль Волконскій, нагнувшись къ Глѣбу изъ коляски, стоявшей въ это время противъ балагана, гдѣ на балконѣ кувыркались и смѣшили зрителей акробаты.

— Еще бы, ваше сіятельство, — отвѣтилъ Дугановъ: только и слышно, прославляютъ новую, славную побѣду Михельсона надъ злодѣемъ.

— Да! разбить подъ Магнитною, притомъ какъ счастливо! — улыбнулся князь, обратясь къ племянницамъ: избавиль Господь! исчезъ, разсѣянъ безъ слѣда. Ну, да вамъ это не любопытно... Брамбилла и арлекины у васъ въ головѣ.

— Mon oncle! можно ли? развѣ мы не патриотки? — обидѣлась старшая изъ племянницъ, лорнируя публику, тѣснившуюся передъ балаганомъ, гдѣ акробатовъ смѣнили пьеръ и коломбина.

— Такъ иди же, голубчикъ, — обратился князь къ Дуганову: всѣмъ говори, — злодѣя, молъ, гонимъ, — скоро и въ конецъ его истребимъ. А тебѣ съ Фоминой въ отъѣздъ; барыня извѣстила, будетъ въ имѣнія къ концу Пасхи, она желаетъ быть при ихъ сдачѣ.

Боляска главнокомандующаго двинулась далѣе. Дугановъ снова зашелъ за канатъ, ограждавшій пѣшихъ отъ экипажей; но, едва онъ вмѣшался въ толпу, кто-то слѣдившій за нимъ глазами, пока онъ говорилъ съ княземъ, тронулъ его за плечо. Глѣбъ обернулся.

Передъ нимъ стоялъ высокій и тощій, съ впалыми, блѣдными щеками, морской офицеръ, въ отставномъ мундирѣ.

— Извините, — сказалъ, касаясь шляпы, морякъ: вы состоите при князѣ?

— Такъ точно.

— Дугановъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

Незнакомецъ сильно закашлялся.

— Отойдемъ къ сторонѣ, здѣсь такъ тѣсно, — сказалъ онъ: у меня къ вамъ личное дѣло. Вчера, какъ пріѣхалъ, я былъ у князя на дежурствѣ, но пріемъ, по поводу праздниковъ, былъ отмѣненъ.

Глѣбъ и морякъ вышли изъ толпы.

XV.

— Въ Петербургѣ, — продолжалъ морякъ: то-есть, подѣ Гатчиной, минувшею зимой, если помните, была охота... и я находился тамъ...

— Охота, дѣйствительно, была, — отвѣтилъ Дугановъ: но, извините, васъ я не помню.

— Да, мы не видѣлись, — продолжалъ морякъ: я былъ съ другимъ, съ докторомъ. Спесивцева изволите знать?

— Знаю... онъ раненъ тамъ, — отвѣтилъ Глѣбъ.

Морякъ промолчалъ.

— Живъ онъ? — спросилъ Дугановъ.

— Живъ-то, еще живъ, только вотъ что, — отвѣтилъ, сдерживая порывы кашля, морякъ: я, видите ли, мало его знаю; но пришлось тогда спать въ одной комнатѣ... Уѣзжая на охоту, онъ разбудилъ меня и оставилъ мнѣ записку, — я спросонья сунулъ ее куда-то и о ней совсѣмъ позабылъ. Охоту проспалъ. О ранѣ доктора услышалъ уже въ Гатчинѣ, когда всѣ туда возвратились, да не до того было самому: слуга въ суетѣ, видно, не притворилъ, какъ слѣдуетъ, двери, или охватило отъ плохо вставленнаго окна, — только кашель усилился, пошла кровь горломъ, — ну, и все, какъ слѣдуетъ, — очутился въ госпиталѣ. Да уже тамъ сунулъ руку въ карманъ шинели, вижу письмо, и на немъ надпись — Дуганову. Какой такой, извините, Дугановъ? Насилу вспомнилъ и то, кто и когда далъ мнѣ это письмо. Хотѣлъ обратиться къ тому доктору, сталъ о немъ спрашивать, говорятъ, его уже нѣтъ...

— Гдѣ же онъ? .

— Чахотка, что ли, развилась у него, отъ раны въ груди, или вообще плохо стало, только тотъ больной богачъ, Тарбѣевъ, у котораго онъ жилъ, взялъ его и увезъ съ собой въ чужіе края.

— Что же съ нимъ теперь?

— А Господь его знаетъ... должно померь! рана въ это самое мѣсто, на-вылетъ, — показаль морякъ на свою тощую, впалую грудь: тутъ, батюшка, запоешь по-неволя...

Онъ снова закашлялся.

— Какъ же вы узнали обо мнѣ?

— Думаю, докторъ умеръ, а въ письмѣ-то, пожалуй, что-нибудь важное. Другъ онъ вамъ?

— Да, мы были знакомы...

— Ну, передъ выходомъ изъ гошпиталя, я и написалъ въ Гатчину, къ управляющему князя Орлова, кто, молъ, такой Дугановъ, что былъ тогда на охотѣ? онъ и отвѣтилъ. Меня посылаютъ въ Кіевъ, на поправку, къ отцу; думаю, буду ѣхать черезъ Москву и лично отдамъ. Вчера васъ не нашель, а сегодня—тепло, прелесть, не утерпѣль — взглянуть на гулянье, — Богъ и привелъ. Сейчасъ съѣзжу за письмомъ... гдѣ живете?

— Очень вамъ благодаренъ, — отвѣтилъ Глѣбъ: по зачѣмъ же вамъ беспокоиться? я и самъ къ вамъ заѣду завтра, надняхъ.

— О, нѣтъ, если уже вы сами, такъ ѣдемъ теперь. Я завтра уже въ Кіевъ, нашель и попутчика... И что, представьте, странно, — я совсѣмъ здоровъ, — добавилъ морякъ, закашливаясь до синевы лица: иногда вотъ только еще першить; а доктора увѣряютъ, Богъ знаетъ, что.

Глѣбъ отыскалъ свою лошадь и поѣхалъ съ морякомъ. Дрожки остановились въ переулкѣ, за Сухаревою башней. Войдя, по черной, узкой лѣстницѣ, на антресоли закоптѣлаго, деревяннаго дома, стоявшаго въ глубинѣ двора, наполненнаго извозчиками, неразгруженными возами и всякимъ хламомъ, морякъ отворилъ низенькую дверь и вошелъ въ душную, крошечную комнату.

— Это я у того попутчика, что договорились до Кіева, — сказалъ онъ, въ одышкѣ, опускаясь на стулъ: блаженный край, — солнце, зелень, молоко... ребенкомъ бѣгалъ тамъ... Ну, и признаться, невѣста... это уже родитель приготовилъ. Вы сами, извините, женаты?

— Да, я семейный человекъ.

— Великое счастье и нѣтъ выше его! — произнесъ, надрываясь отъ кашля, морякъ: однако, что же это я балясы точу?

Онъ пересилилъ себя, вытащилъ изъ-подъ кровати чемоданъ, досталъ изъ него свертокъ бумагъ и, порывшись въ немъ, подалъ Глѣбу смятое, съ полусломанною печатью, письмо.

— Извините, — сказалъ онъ: долго вездѣ таскалъ его, ну и примаралъ.

Глѣбъ узналъ руку Спесивцева. Поблагодаривъ моряка и пожелавъ ему счастливаго пути и скорого выздоровленія, онъ вышелъ за ворота, сѣлъ на дрожки, вскрылъ письмо и прочелъ слѣдующее: «Вы меня вызвали на поединокъ, — писалъ Спесивцевъ: такъ тому и быть; я принялъ вашъ необычный вызовъ. Черезъ часъ, черезъ два, раздадутся два выстрѣла, и одного изъ насъ, какъ надо полагать, не станетъ на свѣтѣ. Остановить безумное рѣшеніе, образумить васъ, — я не въ силахъ, да и къ чему? Избранный вами способъ и предлогъ къ этой раздѣлкѣ останутся тайной для всѣхъ. Если погибнуть суждено вамъ, клянусь въ эту минуту, я всю жизнь буду о томъ жалѣть. Шевельнется ли, однако, въ васъ сожалѣніе, если погибну я, не думаю. Но есть еще одно существо — ваша жена. Слышалъ я и скорбѣлъ, — вы съ нею разошлись. Зная васъ, думаю, что этотъ разрывъ не шуточный; вы порвали душевныя связи навсегда. Но правы ли вы? Становясь подъ вашу пулю, рискуя съ разсвѣтомъ умереть, я рѣшилъ не себя оправдывать, а сказать вамъ — вы преступникъ передъ вашею женой. Да, да! и вы это узнаете, если я не останусь въ живыхъ и не возьму обратно у случайнаго своего сосѣда этихъ своихъ строкъ. Жертва недостойной ревности, либо злонамѣренной клеветы, вы не задумались бросить и тѣмъ заклеить передъ свѣтомъ любящее, безгранично вамъ преданное, существо. Знайте же, злой, ослѣпленный ревнивецъ, ваша жена, клянусь, неповинна передъ вами. Она достойна одного — глубокаго, безмѣрнаго вашего уваженія. За нее некому отмстить. Вашъ вызовъ принимаю, какъ возмездіе вамъ. И если *мнѣ* суждена смерть, охотно прощаю васъ, моего убійцу. За меня, праваго передъ вами, и за вашу неповинную передъ вами жену, воздастъ вамъ ваша совѣсть! Клянусь, говорю въ этотъ мигъ святую истину. — *З. Спес—овъ*».

«Да что же это такое?» — мысленно воскликнулъ Дугановъ, дочитавъ письмо: «или новый обманъ? Нѣтъ, онъ писалъ это, готовясь умереть. Но ея письма къ нему? въ нихъ говорилось другое... Тамъ прямо, безповоротно сказаны страшныя, позорныя слова...» — Рой мучительныхъ сомнѣній, съ новою силою, поднялся въ душѣ Глѣба, терзалъ и жегъ его. Онъ понукалъ вчѣра, глядя на прохожихъ, на вывѣски и дома, и не узнавалъ, гдѣ онъ ѣдетъ.

Очутившись у своего крыльца, Глѣбъ быстро прошелъ въ сѣни, въ кабинетъ, открылъ потайной ящикъ рабочаго стола, гдѣ лежала пачка, угрозой когда-то вытребованныхъ у Спесивцева, пи-

сежь Марй. Онъ, задыхаясь отъ волненія, дрожащими руками сорвалъ ленточку, которою они были связаны, сѣлъ къ окну и снова сталъ ихъ читать. Прочелъ одно, другое, и отшатнулся на спинку кресла. Комната заходила въ его глазахъ. Онъ опять сталъ перечитывать письма и не узнавалъ ихъ. То, что когда-то, подъ вліаніемъ подозрѣній, казалось постыдною измѣной, преступленіемъ, теперь являлось въ другомъ видѣ; что тогда раздражало, мучило и жгло его,—было теперь такъ просто и такъ объяснимо. Любящая мать молила доктора, въ котораго вѣрила, о спасеніи сына; подражательная мужа, выражалась этому доктору «нашъ сынъ», то - есть сынъ ея и мужа. Гдѣ же тутъ измѣна, гдѣ явныя, проклятыя улики, гдѣ оправданіе жестокой семейной бѣды?

«О, я, безумный, злой слѣпецъ!» — воскликнулъ Дугановъ, хватаясь за голову. Онъ рвалъ на себѣ волосы, глядѣлъ на письма и силился сообразить, что именно, въ тѣ безобразныя, тяжелыя минуты, произошло между нимъ и его женой. Забытая сцена вспомнилась ему до мелочей. — «Ты хочешь знать, злой человекъ», — сказала тогда Марй: виновата ли я? изволь, узнай... ты самъ это сказалъ!» — Глѣбъ вскочилъ съ кресла, сталъ ходить по комнатѣ. — «Ясно, ясно,—повторялъ онъ себѣ: это она, огорченная, несправедливо обиженная, такъ говорила отъ отчаянія, въ отместку! О, все теперь понятно—и мое нравственное передъ нею ничтожество и ея душевная непорочность и чистота! Какъ теперь поправить дѣло? какъ воротить потерянное счастье? Простить ли она?»

Глѣбъ прошелъ рядъ комнатъ и повернулъ ключъ въ дверяхъ уборной. Ключъ звонко щелкнулъ въ тишинѣ. Глѣбъ вошелъ въ уборную, поднялъ опущенную оконную штору, сдернулъ кисею съ портрета жены и сѣлъ передъ нимъ. Заходящее солнце золотило милостивое лицо, съ розой въ свѣтло-пепельныхъ волосахъ. Большіе темные глаза привѣтливо и ласково смотрѣли съ этого портрета. Глѣбъ не помнилъ—гдѣ онъ и что съ нимъ. Радостныя, горячія слезы текли по его лицу... «Она великодушнѣе, чище меня,—говорилъ онъ себѣ: она все забудетъ, все проститъ! Злой я, сухой, это правда, и не стою этой дивной, безконечной доброты... Но,—если все забудется,—Боже, какъ я буду снова лелѣять ее и любить!»

Въ началѣ апрѣля, Травкинъ рано утромъ пріѣхалъ въ Горки. Торопливо освѣдомясь въ прихожей, гдѣ господа, и узнавъ, что всѣ были внизу, за чаемъ, онъ, не снимая верхняго платья, быстро прошелъ туда и, въ волненіи, замеръ на порогѣ. Всѣ съ изумленіемъ взглянули на него.

— Ура!—крикнулъ онъ, не помня себя и отъ радости размахивая шляпой: ура!

— Да говорите, что такое?—спросили его.

— Ура! Пугачовъ разбитъ,—кричалъ и махалъ шляпой Травкинъ: поздравляю, Оренбургъ спасенъ отъ осады... спасены и мы все!

Крики общаго восторга встрѣтили эту радостную вѣсть. Все бросились обнимать и цѣловать лигующаго старика.

— Кто сообщилъ? гдѣ узнали? да говорите же скорѣе!—приставали къ нему и тормошили его.

— Дайте отдохнуть, уфъ!—отвѣтилъ онъ, опускаясь въ изнеможеніи на стулъ и обмахиваясь платкомъ: верхомъ прискакалъ... Одно вѣрно и точно: злодѣй разбитъ и бѣжалъ, въ самый день Благовѣщенія... вотъ ужъ именно благая вѣсть, — праздникъ изъ праздниковъ, чудо!

— Да откуда же, не мучьте, вы это узнали?

— Изъ Саратова, родные мои, изъ города, становой нынче, чуть разсвѣло, промчался мимо меня; встрѣтились мы съ нимъ подъ садомъ, у мельницы, — сукновальню это я пустилъ, — онъ все и объяснилъ... Къ губернатору вчера утромъ гонецъ прискакалъ изъ Оренбурга... Охъ, не могу, соколики, духъ замираетъ, дайте отдохнуть... А вѣдь Сергѣй-то вашъ, — обратился Сила Ѳомичъ къ Алексѣю: раньше пронюхалъ; говорю моимъ на мельницѣ, а они, — знаемъ, молъ, вчера еще Серѣжка дугановскій сказывалъ, не устояли казаки, за горы ушли.

— Какъ Сергѣй? да развѣ онъ возвратился? — съ удивленіемъ спросили Алексѣй и Марі.

Травкинъ недоумѣвающимъ взглядомъ окинулъ присутствующихъ.

— Но развѣ вы не знаете?—произнесъ онъ: Сергѣй, возвращаясь изъ Свйблова, шелъ вчера вечеромъ отъ Саратова пѣшій, притомился и отдыхалъ у насъ на сукновальнѣ... Да неужели его еще нѣтъ?

Послали справиться. Оказалось, что Сергѣй возвратился еще къ ночи, но ждалъ у ключника, пока господа кончатъ чай.

— Сюда его, сюда!—приказали хозяева.

Сергѣй вошелъ, низко всемъ поклонился и подалъ Марі письмо. При взглядѣ на его огрубѣлое, обросшее бородой лицо и на потертый, дорожный зипунъ, трудно было узнать его. Онъ походилъ теперь скорѣе на рыбака или хлѣбнаго врючника, чѣмъ на недавняго столичнаго слугу, и держался тоже не по прежнему, а какъ-то понуро и мужицки-тупо. — «Отъ болѣзни» — подумала, взглянувъ на него, Марі.

— Что тетушка?—спросила она, прочитавъ поданное ей письмо.

— Здоровы-съ, кланяются вамъ, сударыня, и всѣмъ, и просятъ къ себѣ.

— Гдѣ же ты такъ долго пропадалъ?—спросилъ, взглядываясь въ него, Алексѣй.

— Еще бы, судьба-съ! всю зиму, почитай, хворый пролежалъ на печи, — отвѣтилъ Сергѣй, не поднимая глазъ: ознобился, полагать надо; думалъ—пришелъ смертный часъ.

Онъ, заложивъ руки за спину, тихо вздохнулъ.

— Расскажи-ка, милый, — обратился къ нему Травкинъ: какъ это ты, говорятъ, слышалъ насчетъ самозванца? вѣдь его разбили? правда, вѣдь, прогнали Пугачова? онъ бѣжалъ?

Сергѣй молча глянулъ на господъ.

— Это точно-съ, въ Саратовѣ, на постояломъ, у Давыдыча, и на базарѣ сказывали, — отвѣтилъ онъ, переступивъ съ ноги на ногу: будто онъ и все казачество отступили... А въ Свѣблово, тоже правда-съ, приходили съ Бѣлой мужички; ну, они толковали вовсе иное... Жить—Богу служить... а кто велій-съ, яко Богъ?

— Ну, оставь поговорки, что же именно они говорили?—спросилъ, впиваясь глазами въ слугу, Травкинъ.

Сергѣй посмотрѣлъ на свои сапоги.

— Разное слышно, а главное, будто у него уже сто двадцать тысячъ войска и сто пушекъ.

— Ну, и что же изъ того?—спросилъ, привскочивъ, Травкинъ: и все-таки его разбили!

— Разное толкуютъ, — загадочно отвѣтилъ Сергѣй: другъ по другъ-съ, а Богъ, значить, по всѣхъ.

— Иди себѣ, иди, отдыхай, — сказала Маріа.

— Да эту бороду свою соскобли, — прибавилъ Алексѣй.

Сергѣй пошелъ, но остановился у порога.

— Монашка тоже одинъ сказывалъ, — прибавилъ онъ: будто его, Пугачова-то, и пули не берутъ, ружья въ него не стрѣляютъ... Безъ Бога-то, видно, и червякъ сгложетъ...

— Да уходи же, полно пустыни - то болтать, — съ сердцемъ крикнулъ Алексѣй: вотъ дуралей, наслушался вранья.

Сергѣй вышелъ. Всѣ нѣкоторое время, по уходѣ его, молчали.

XVI.

— А что, господа? — произнесъ Травкинъ: вѣдь, мы главное забыли... не послать ли за отцомъ Василиемъ, да не отслужить ли благодарственный молебенъ?

— И правда! именно!—отозвались всё.

Дали знать священнику. Онъ послалъ звонить и отперъ церковь. Всё радостно и торжественно направились туда. Молча подошли молеельщики и изъ деревни. Алексѣй объявилъ всёю радостную вѣсть и, послѣ молебна, подзававъ старосту, приказалъ все село на три дня избавить отъ работъ. Къ вечеру и на другой день стали съѣзжаться сосѣди. Всё толковали о счастливомъ событіи, передавали много подробностей и пророчили близкій конецъ бунту и смутамъ. Время катилось незамѣтно. А тутъ, кстати, настали теплые, ясные, безоблачные дни. Весна вдругъ разыгралась, со всёми своими прелестями.

Марі, получивъ письмо отъ тетки, думала было, черезъ день—два, укладываться и ѣхать въ Свѣблово. Убѣждаемая хозяевами Горокъ, она рѣшила, однако, остаться еще на время въ Горкахъ. Серафима и Алексѣй, еще съ осени, предполагали совершить поѣздку къ крестной матери Серафимы, къ Варварѣ Ивановнѣ Туровцовъ, въ ея помѣстье подъ Базанью, Красный-Буть. Туровцова въ каждомъ письмѣ напоминала объ ихъ обѣщаніи. Въ виду прибытія Марі, они рѣшили навѣстить ее съ дѣтьми, ко дню ея рожденія, въ началѣ іюля. — «Мы отправимся въ Красный-Буть, — убѣждала Серафима Марі: тогда и ты съѣдешь въ Свѣблово; а теперь погости еще, дорогая, пробудь съ нами». — Марі согласилась. Да ей, кстати, было здѣсь такъ хорошо. Погода стояла превосходная. Всюду начинала проявляться зелень и луговины запестрѣли цвѣтами. Еще непокрывшійся листьями садъ наполнился птицами. Толкаясь между оголённыхъ вѣтвей жимолости и сирени, скворцы, малиновки, сѣрые и черные дрозды вили гнѣзда въ незримыхъ затишьяхъ. Звонкою свирѣлью отзывалась зелено-желтая иволга, взлетая и ныряя между зацвѣтавшихъ яблонь и грушъ. По мшистой, корявой березѣ, отыскивая ожившихъ червей, прыгалъ и долбилъ носомъ дятель, то складывая, то распуская вѣромъ свой хохолокъ. Съ вершины могучаго, еще безлистаго дуба, на всё садовые заросли и тайники, куковала кукушка, и съ утра до ночи въ нижнемъ, а частью и въ верхнемъ саду гремѣли соловьи.

— Ахъ, Серафимочка, какъ у васъ здѣсь хорошо!— вскрикивала Марі, вслушиваясь въ эти свисты и крики: хорошо и въ Ракитномъ; но тамъ степь, мало воды, а здѣсь, эта Волга...

Накинувъ на голову косынку, Марі, безъ мантильи, выходила съ Серафимой на просохшія аллеи верхняго сада и спускалась, по набитой щебнемъ дорожкѣ къ обрыву надъ рѣкой.

— Смотри, какая прелесть!—указывала она на синіе подсыѣжники и желтые одуванчики, выглядывавшіе изъ-подъ старыхъ листьевъ и мха: вотъ восторгъ... А воздухъ... такъ и опьяняетъ,—а этотъ видъ отсюда... Волга, бѣгущія суда...

Присѣвъ на дерновую скамью, Марі по часамъ любовалась широкимъ разливомъ Волги, подошедшей къ Горкамъ и далеко затопившей противоположные, синѣющие берега.

— Что это?—спрашивала она, указывая Серафимъ чуть видныя точки за рѣкой.

— Прямо—рыбачья слободка,—отвѣчала Серафима: вправо, видишь маковку церкви?—то на холмѣ монастырь.

— А это,—будто лѣсъ, или горы?

Серафима объяснила. Марі едва слушала.

Ея мысли носились далеко.

«Все обняла и все потопила могучая рѣка,—думала она: нѣтъ другимъ мѣста, одна она. Но пригрѣтъ солнце, воды спадутъ, обсохнутъ берега... Горе людское злѣе; оно неукротимо, топить все на пути и не отступаетъ...»—Вспоминалось Марі недавнее прошлое, жизнь въ Ракитномъ, ожиданіе мужа, встрѣча съ нимъ, возвратъ изъ Ракитнаго и тихая, радостная жизнь въ Москвѣ. Гдѣ же все это теперь? Откуда взялся страшный и грозный потокъ и куда онъ унесъ всѣ эти радости, все счастье?—«О, этому горю, одиночеству не будетъ конца!»—мыслила она: «счастье, какъ молодость, приходитъ разъ въ жизни и больше не повторяется».

— О чемъ думаешь?—спрашивала ее, въ такія минуты, Серафима.

— Такъ, вспомнила, что давно пора ѣхать въ Свйблowo... да вотъ, кончится половодье, просохнуть дороги, тогда и въ путь.

— Полно, Машенька, выкинь эти мысли изъ головы, оставайся у насъ,—юнь не за горами... тогда разомъ и уѣдемъ.

— Ахъ, дорогіе мои, не то,—отвѣчала Марі, утирая катившіяся слезы: не то въ мысляхъ... Правъ былъ великій писатель, изъ котораго читалъ Сила Ѳомичъ,—нѣтъ полного счастья на землѣ, оно только поманить и скроется; ищешь его и видишь— оно уже не здѣсь, а въ загробной жизни, въ небесахъ.

— Да полно отчаяваться,—утѣшала ее Серафима: всякому горю бываетъ конецъ... посуди сама, ты молода, безупречна. То, что совершилось,—какой-то странный, невѣроятный сонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня, ни слова!—отвѣчала Марі: доведу крестъ до гроба, а счастья не воротить.

Въ такія минуты Серафима смолкала и незамѣтно оставляла Марі.

«Пусть выплечет подступившія слезы» — думала она, возвращаясь въ домъ. Проходилъ часъ-другой. У балкона мелькала кисейная косынка. Марі медленно всходила на крыльцо. Вскорѣ, изъ раскрытаго въ садъ окна ея комнаты, доносились звуки клави-кордовъ. Тихая и нѣжная мелодія народной, итальянской канцонеты переходила въ бурную фугу Баха и завершалась страстною, точно плачущею, серенадой Моцарта.

— Старается успокоиться, бѣдная! — говорила Серафима мужу, указывая на комнату Марі: ужъ я ей и то, и другое, — толкуетъ одно — горе мое безъ конца! Не ожидала я и отъ Глѣба... Ты знаешь ихъ размолвку; вѣдь, чистые пустяки; какъ молчать столько времени? не говорю о насъ, о женѣ, хоть бы о ребенкѣ ласково вспомнилъ... написалъ два раза, по пяти строкъ, да и то — словно на казенный запросъ отвѣтилъ.

— Да, онъ упоренъ и не по лѣтамъ суровъ, — отвѣтилъ, почему-то краснѣя, Алексѣй: бываютъ такія натуры. И это не зло и не черствость души; скорѣе — чрезмѣрное самолюбие, мнительность.

Серафима нѣжно, съ любовью, слушала мнѣніе этого огромнаго, со включенною головой, человѣка, близорукими глазами смущенно глядѣвшаго въ это время въ раскрытую передъ нимъ книгу, и думала: «такъ, милый, добрый, такъ! ты великодушно, честно простилъ когда-то меня... Всѣ ли способны быть такимъ возвышеннымъ и прощающимъ, какъ ты?»

Садъ окончательно зазеленѣлъ. Старыя липовыя и березовыя аллеи стемнѣли. Марі брала зонтикъ и книгу и ходила на любимую лужайку, надъ спускомъ въ нижній садъ; здѣсь она ежедневно сидѣла, читая и любуясь выходящими изъ воды полянами и холмами зарѣчной, луговой стороны. Тамъ теперь ясно виднѣлись очертанія пристаней, овраговъ и лѣсовъ. Сребристо-голубыми лентами между луговъ извивались еще полные весеннихъ водъ ручьи и озера. У берега и по окрестнымъ холмамъ паслись стада. Сѣрые дымки, пророча долгое вѣдро, медленно поднимались надъ чуть видными посѣлками. Съ плывущихъ по Волгѣ барокъ доносились пѣсни и крики рабочихъ, сплавлявшихъ лѣсъ и хлѣбъ на низъ.

Однажды Марі, кончивъ чтеніе, съ книгой подъ мышкой, медленно возвращалась по саду домой. Вечерѣло. Въ росистомъ, тепломъ воздухѣ пахло отцвѣтавшей въ то время сиренью. Соловьи перекликались со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ нихъ, въ концѣ верхняго сада, пѣлъ особенно восхитительно. Марі, остановясь, послушала его и рѣшила подойти къ нему ближе. Она, осторожнымъ шагомъ, миновала одну дорожку, другую. Плодовый садъ смѣнился

рощей дикихъ деревьевъ, растущихъ на его краю. Пройдя по мосту черезъ ручей, отдѣлявшій садъ отъ рощи, Марй взяла вправо и очутилась у остатковъ ветхой изгороди, окружавшей поляну, гдѣ когда-то стоялъ пчельникъ. Это мѣсто теперь было заброшено и заросло кустами, крапивой и лопухомъ. Дорога отъ моста въ рощу шла лѣвѣе. Соловей, такъ чудно гремѣвшій здѣсь гдѣ-то, за минуту назадъ, смолкъ, очевидно перелетѣвъ въ другое мѣсто. Марй остановилась, глядя на этотъ дикій, пустынный уголь, и невольно вздрогнула. Въ гущинѣ кустовъ, за изгородью, ей послышался странный шорохъ, какъ-бы кто-нибудь рылъ и тихо отбрасывалъ землю. Марй замерла. — «Вѣрно, собака роется за кротомъ, — подумала она, слушая: а что, если не собака, а волкъ? здѣсь можетъ быть его нора...» — Она уже хотѣла опростелить бѣжать обратно, какъ явственно разслышала вздохъ и чьи-то слова. Она обошла кусты, за которыми слышался шорохъ, и увидѣла бѣлую шапку и худыя плечи кого-то, согнувшагося у изгороди надъ травой. Марй узнала стараго кучера Корнея, давно жившаго, при горецкой усадьбѣ, на покой. Возлѣ него, кроясь за кустомъ, стояла сѣдая, сторбленная старуха. Двинувшись къ изгороди, Марй въ этой старухѣ узнала хворавшую въ теченіи всей зимы, тоже отставную птичницу Дарью, жену Корнея. Она ласково обликнула ихъ.

— Что это вы копаете?—спросила Марй, подходя къ нимъ.

— Ой, какъ вы, барыня-матушка, испугали насъ, — отвѣтила Дарья, крестясь и опуская какой-то узелъ въ траву.

Корней, снявъ шапку, смущенно почесывалъ въ бородѣ.

— Зелье какое или грибы?—спросила Марй.

— Какое зелье! а грибамъ время ли? — отвѣтилъ Корней: не выдай, матушка-сударыня, добро свое закапываемъ.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ, барыня ты наша хорошая? антихристъ народился; сколько губить, калѣчить и грабить неповинныхъ душъ! Былъ въ оны годы, сказываютъ, сто лѣтъ назадъ, въ тутошнихъ мѣстахъ душегубъ-разбойникъ, Стенька Разинъ, —тоже всѣхъ истязалъ. Да вѣдь на то онъ и былъ разбойникъ, бурлакъ, по-разбойничьи и жилъ. А вѣдь этотъ, —спаси, Господи, и помилуй, —эко дѣло затѣялъ, —царское имя на себя взялъ... не попросту жить хочетъ. Ему все мало, все подай.

— Что же, Корней, его бояться? слышно, его уже разбили, прогнали за горы, за Уралъ.

— Не разобьютъ такого, болѣзная, и не прогонятъ, — отвѣтилъ, покачавъ головою, Корней: онъ по всему царству тайно хо-

диль, все развѣдывалъ; бѣлый да черный порохъ дѣлалъ... черный бы еще ничего, у солдатъ есть, — а бѣлый, сказываютъ, тайно па- лить. а огня не даётъ.

Марй улыбулась.

— Не смѣйтесь, барыня, — укоризненно сказалъ Корней, гля- нувъ на Дарью: въ него и пушки не стрѣляютъ; это наведутъ на него, фитиль къ затравкѣ приложить, а бомба хоть вылетитъ, да къ ногамъ, какъ яичко, и прикатится.

— Полно, Корней, это все глупыя рассказы, — нарочно сбива- ютъ народъ.

— Не нарочно... Не токмо мы, рабы, многіе господа и попы уже признали его, крестъ ему цѣлуютъ, а на ектеніяхъ, не царицу нашу Катерину Ликсѣвну, а уже супружницу его, какую-то, прости Гос- поди, Устинью поминаютъ.

— Откуда ты все это знаешь? — удивилась Марй.

Корней опять глянувъ на Дарью; та сердито отвернулась.

— Какъ не знать? оно точно, мы тутъ сидимъ, какъ въ но- рѣ, — отвѣтилъ старикъ: а спросите хоть бы Сергѣя; онъ былъ въ людяхъ и слышался. И сказываетъ всёмъ тотъ Пугачъ: разорю и покорю — не токмо Яикъ и Каму, всю Волгу; пойду къ Москвѣ, какъ глава къ главѣ, и всё ко главѣ моей преклонятся и мнѣ при- сягнуть. Охъ, матушка, явится злодѣй, антихристъ, и въ нашихъ мѣстахъ... Какъ не бояться и не хоронить добра? Только ты-то, барыня, никому не сказывай.

— Не губи, милостивая, — обратилась къ Марй и Дарья, кла- няясь ей въ поясъ: всяко бываетъ; хорони, до случнаго часа, свои пожитки, добро.

ХІІ.

Задумалась Марья Родіоновна надъ тѣмъ, что увидѣла и услы- шала, и до времени рѣшила объ этомъ помолчать. А дня черезъ два увидѣла, что и другіе слуги, въ сумерки, тайкомъ уходили съ узла- ми въ рошу и на деревню, съ цѣлью, очевидно, припрятать болѣе цѣнныя вещи. Примѣтила она, наконецъ, что и Сысоевна, долго за- сидѣвшись за чаемъ. въ коморкѣ ключницы, прійдя отъ нея, ста- ла какъ-то особенно внимательно копаться въ хламъ своего дорож- няго сундука. Она отбирала и откладывала изъ него въ особый свертокъ разныя вещи: два шерстяныхъ, праздничныхъ цвѣтныхъ платка, шелковое платье, свадебный подарокъ матери Глѣба, па- радный кисейный чепецъ, съ оборками и бархатною лентой, мѣшо- чекъ ладону, которымъ она любила въ праздники курить, и складной походный образокъ.

— Что это, няня, ты дѣлаешь? — спросила Маря, входя въ дѣтскую.

Сысоевна тяжело вздохнула и, продолжая копаться, ничего не отвѣтила.

— Развѣ и ты собираешься что прятать? — спросила Маря.

Старуха обернулась.

— А ты, матушка, думаешь, — сердито отвѣтила она: что такъ-то имъ, извергамъ, и оставлять на показъ всѣ наши похоронки, какъ сюда налетятъ?

— Да неужели, няня, ты думаешь, что злодѣи могутъ явиться и въ эти мѣста? Такая, во-первыхъ, даль, а они бѣжали еще за семьсотъ верстъ отъ Оренбурга, въ Башкирію; и во-вторыхъ, чтобы добраться сюда, имъ надо вновь пройти мимо крѣпостей, гдѣ уже ихъ разбили и куда посланы новыя войска.

— Эхъ, матушка, птенчикъ ты молодой, — отвѣтила старуха, прикрывъ сундукъ и присѣвъ на него: тутошніе старики не то говорятъ; есть промежъ нихъ вонъ какіе древніе, — хоть бы Романъ Сухоня, или охотника Пармѣна дѣдъ, по сту лѣтъ и болѣе живутъ. Они царя—перваго Петра видѣли и помнятъ, а отъ отцовъ-дѣдовъ слышали о Разинѣ. Тотъ, сказываютъ, леталъ по низу, какъ черныи воронъ, падалью не брезгалъ; этоть-же летаетъ высоко, какъ орелъ. Тотъ грабилъ барки, да купцовъ, по-мужицки жилъ; этоть норовить—на царство сѣсть. Ты пойми, матушка; съ чего ему, царю-то мужику, надо было начать? — спросила Сысоевна, понизивъ голосъ и оглядываясь: разсуди сама... Онъ объявилъ черни, всѣмъ мужикамъ — не быть за помѣщиками, не быть за монастырями, дворцами и за казной, а всѣмъ стать вольными. А черни того и надо. Стали убивать старость, прикащиковъ, а нынѣ, прости Боже, и господь!...

— И, няня! бывають тяжкія времена, да милостивъ Богъ... Будемъ молиться; бунтъ, слышно, совсѣмъ затихъ. Воевода надняхъ самому Алексѣю Андреичу сказалъ, — нечего, молъ, болѣе бояться, отъ злодѣевъ не осталось и слѣда.

— Дай-то, Господи, — раздумчиво крестясь и опять раскрывая сундукъ, сказала старуха: а я, все-таки, подарки твои и твоей свекрови отъ тѣхъ убивцевъ схороню, гдѣ знаю... Да и тебѣ совѣтую, не ровень часъ, припрятать, что подороже, — алмазныя серьги, — зачѣмъ ихъ носишь, по всякъ день? — колечки, зѣнчугъ, — да хоть и Васеньгинъ, отъ бабушки, золотой, съ бирюзами, крестикъ. Хоть и вѣхать намъ въ Свѣблово, на дорогѣ могутъ отнять.

Маря задумалась отъ этихъ словъ.

— Гдѣ же тутъ спрятать? — спросила она.

— Отдай отцу Василю; онъ Богу служить, — его не тронуть, — въ церковной оградѣ, полагать надо, и для душегуба святы-человѣкъ.

— Охъ, няня, такъ ли это? впрочемъ, подумаю, — отвѣтила Марі.

Вспомнивъ о Сергѣѣ, она выбрала минуту и рѣшила разспросить его подробнѣе. Но на всѣ ея вопросы, сбрившій бороду и попрежнему служившій въ домѣ, Сергѣй отвѣчалъ одно: «Что намъ, сударыня, знать! мы люди темные, темныхъ и слушали... мало ли что толкуютъ!» — Такъ Марі и недобилась отъ него никакихъ разъясненій. Но какъ она ни была убѣждена въ томъ, что никакія опасности въ то время болѣе не грозили Поволжью вообще, а Горкамъ въ особенности, однако, передъ отъѣздомъ въ Свѣблово, нѣкоторыя свои цѣнныя вещи оставила на сохраненіе отцу Василю.

Выѣздъ хозяевъ въ Красный-Бутъ, а гости въ Свѣблово — значался и отмѣнялся нѣсколько разъ подъ-рядъ. Все уже оказывалось вынесеннымъ и уложеннымъ; слуги ждали и запряженные экипажи стояли у крыльца; но вдругъ являлась какая-нибудь неожиданная преграда, — не удавались провозки на дорогу, въ-время не просохло и не было, какъ слѣдуетъ, выглажено все бѣлье дамъ и дѣтей, или кто-либо изъ множества слугъ, на прощанье, оказывался до того пьянъ, что боялись обронить его на пути, — и опять лошади отпрягались, путники, уже одѣтые, снова входили въ комнаты — и отъѣздъ отлагался. Наконецъ выбрали самый удобный день, — не понедѣльникъ, не среду и не пятницу, но вторникъ, — и рѣшили, уже безъ всякой отмѣны, пуститься въ дорогу въ этотъ день.

Путниковъ, по обычаю, собрались провѣщать многіе сосѣди. Весь дворъ въ Горкахъ, съ утра, наполнился экипажами. Ранѣе всѣхъ, разумѣется, явился Травкинъ, съ своимъ племянникомъ, Борею. Приѣхалъ и Лаптевъ, съ дочерьми и скрипкой. Отслужили напутственный молебень. Послѣ завтрака, когда экипажи стояли у крыльца и слуги сносили въ нихъ послѣдніе укладки, ящики, свертки и узлы, Марі присѣла за клавикорды, а Серафима, подъ ея игру, спѣла арію изъ Антигоны: «Впередъ, проводникъ, впередъ!» — Сила Ѳомичъ схватилъ изъ передней привезенный имъ футляръ, съ віолончелью, Лаптевъ принесъ скрипку, Борисъ взялъ флейту, и проводы завершились квинтетомъ Буккеріни.

Алексѣй приказалъ подать венгерскаго, налилъ бокалы и самъ ихъ разнесъ. Всѣ пили, желая отъѣзжающимъ счастливаго пути и скорого, благополучнаго возвращенія. Пили также за находившихся

въ Ракитномъ, Красномъ-Бутѣ и Свйбловѣ. Алексѣй вспомнилъ о Москвѣ и предложилъ выпить за здоровье Глѣба. Онъ взглянулъ на Марі; у нея слезы стояли въ глазахъ.

— А ну, Сила Фомичъ, веселенькую! — обратился онъ къ Травкину, указавъ ему на Марі.

Старикъ не заставилъ долго ждать себя. Онъ подошелъ къ крестнику, оправилъ на немъ коричневый, шерстяной камзолчикъ, отбинулъ ему кудри за уши и шепнулъ: «Ну, Боря, не осрамясь... Варварушку!» и, шевеля плечами и подмигивая ему и своей вторѣ, Лаптеву, сталъ пикивать на віолончели нѣчто веселое и подхватывающее. Боря уставилъ руки фертомъ въ бока, вытянулся, сдѣлалъ нѣсколько тихихъ и плавныхъ движеній, живо метнулъ въ воздухъ одною ногою, потомъ другою, поднесъ флейту къ губамъ, проигралъ на ней отвѣтную трель и, взявшись снова подъ бока, ухарски взглянулъ на дядю. Согнувшійся надъ пузатою віолончелью, Травкинъ быстрѣе задвигалъ смычкомъ по струнамъ и, продолжая шевелить плечами, отвернулся въ сторону. Въ комнатѣ послышался звукъ пріятнаго, нѣжнаго, хотя нѣсколько дрожавшаго баритона. Марі, съ удивленіемъ, оглянулась, не зная, чей это голосъ. Пѣлъ старикъ Травкинъ...

«Сударушка, Варварушка,
«Не гнѣвайся на меня,
«Что я не былъ у тебя...»

Боря, подъ это пѣніе, зачастилъ ногами, пронесся волчкомъ въ одинъ конецъ комнаты, потомъ въ другой и, въ самомъ разгарѣ музыки, вновь замирая на мѣстѣ, взглядывалъ на дядю и ждалъ. А дядя, еще ниже сгибаясь надъ віолончелью и подмигивая не только Борѣ и Лаптеву, но и всѣмъ остальнымъ, подхватывалъ:

«Сударь баринъ, приходи,
«Подарочки приноси —
«Подарочекъ не простой,
«Перстенечекъ золотой».

— Bravo, bravo! — раздались восторженные возгласы, когда Боря кончилъ.

Изъ корридора и прихожей выглядывали радостныя лица слугъ, шептавшихъ: «ай да молодець, барченокъ! вотъ такъ отхваталъ Варварушку!»

— Да какой же у васъ и голосъ пріятный, — повеселѣвъ, обратилась Марі къ Травкину, скромно принимавшему общія похвалы себѣ и Борѣ: ужъ вотъ подарили, и не ожидала!

— Э, да ты многого еще въ немъ не знаешь, — улыбался Алексѣй: онъ и самъ лихо пляшетъ.

Всѣ окружили Травкина, прося и его на прощаньи протанцовать.

— Нѣтъ ужъ, други мои, нѣтъ, — отговаривался Сила Ѳомичъ, утирая платкомъ лысину и лицо: не теперь, въ другой разъ, какъ всѣ вернетесь. А вамъ скажу, пора и ѣхать. Вонъ солнце зашло за облако; еще сберутся тучи, не быть бы грозѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, какъ потемнѣло! — сказала Нинетъ, ѣхавшая въ Свйблорово, съ Марй, и сильно боявшаяся грозы: лошади готовы, ѣдемъ.

Всѣ взглянули на окна. На дворѣ, дѣйствительно, какъ бы примергло.

— А что, не остаться ли намъ до завтра? — вдругъ сказала, посмотрѣвъ на мужа, Серафима.

— Нѣтъ, нѣтъ! — закричали всѣ: все уже вынесено и уложено... Легкій день и при томъ сѣренькая, нежаркая погода.

— А ѣхать, дѣйствительно, такъ и ѣхать, — объявилъ наконецъ Алексѣй: что, все готово? — обратился онъ къ слугамъ.

— Все-съ, — отвѣтили тѣ съ порога.

Хозяева и гости сѣли по стульямъ, помолчали и, вставъ и крестясь, начали прощаться. — «Не забыли ли чего?» — «Все взято и вынесено». — Путники вышли на крыльцо и стали снова прощаться.

— Да что же мы, — улыбнулась золовкѣ Серафима: вѣдь до города намъ всѣмъ одинъ путь.

И дѣйствительно, до Саратова всѣ ѣхали вмѣстѣ. Далѣе ихъ пути расходились. Пока экипажи миновали деревню и выбрались въ поле, грозы не было. Изъ надвинувшихся тучъ упало только нѣсколько капель дождя. Но едва путники, поднявшись въ гору, выѣхали на почтовый трактъ, шедшій по берегу Волги, подулъ свѣжій, порывистый вѣтеръ, на дорогѣ поднялись и закружились столбы пыли, ударилъ громъ — и обильный дождь косымъ ливнемъ зачастилъ и загудѣлъ надъ полями.

— Благодать! счастье! дорогу смочилъ! — весело толковали путники, прячась подъ кузовами каретъ, колясокъ и бричекъ.

— Подвинь-ка ноги, тѣсно, — сказалъ Сергѣй горничной Аннушкѣ, сидя съ нею подъ синимъ холщевымъ зонтомъ, сзади кареты Марй.

— Самъ, чѣртъ, лапища разставилъ, а тоже командуетъ, — сер-

дито огрызнулась Аннушка, видя, что дождь мочить ее новое, розовое тарлатановое платье.

— Не команду... другой надъ нами командиръ!

— Какой это еще другой?

— Не видишь, развѣ, ливня, грозы? Откуда все взялось? царя нашего, батюшку, не уважаютъ... Господь-то и гнѣвается. Въ малѣ Богъ и въ велицей Богъ... Живъ Богъ, жива душа моя... Мало ли еще чему быть!

— Ну, ври, толстомордый, пока не урѣзали языка... Да ты что это весь зонть заграбасталъ на себя? давай, — крикнула Аннушка, оттаскивая покрывку зонтика на себя: мое платье не твоему сукнищу чета, опять же только-что пошиты башмаки.

— Воздастся вамъ за грѣхи, воздастся! — ворчалъ, подъ брызгами дождя, Сергѣй: Богъ по ны, никто же на ны... о, Господи, всевидецъ, укротитель, и судія!

Путники благополучно и въ свое время добрались — какъ въ Красный-Куть, такъ и въ Свѣблово. Они разстались въ Саратовѣ, гдѣ заѣзжали къ знакомому профессору, астроному Ловицу, у котораго отдохнули около часа. Это былъ добродушный, очень мало обрусѣлый нѣмецъ, совершившій путешествіе въ Среднюю Азію и въ Гурьевѣ, пять лѣтъ назадъ, наблюдавшій прохожденіе Венеры черезъ солнце.

— Bitte, bitte... уфъ августъ, — сказалъ Ловицъ: у меня отличне телескопъ, — увидите кольца Сатурнъ.

Въ Красномъ-Кутѣ Алексѣй и Серафима были встрѣчены со слезами радости. Крѣстная Серафимы не знала, какъ лучше ихъ угостить. Особенно она восхищалась ихъ дѣтьми. Прошло около двухъ недѣль. Алексѣй написалъ обо всемъ въ Свѣблово, откуда въ Красный-Куть также пришло письмо.

— А наши вояжеры не обошлись безъ приключенія, — сказалъ Алексѣй, прочитавъ на балконѣ въ саду это письмо: Марі, представьте, сообщаетъ, что ихъ слуга, этоть-то Сергѣй, едва прибывши въ Свѣблово, исчезъ безъ слѣда.

— Куда же онъ пропалъ? — спросила Варвара Ивановна Туровцова, удивленно оглядывая всѣхъ въ лорнетъ.

— Марі только и пишетъ, что едва онъ пріѣхалъ, внесъ и распаковалъ вещи, отпросился, будто бы, къ роднымъ, на деревню, и исчезъ.

— Какая, однако, причина? его притѣсняли? обижали, или онъ шилъ? — спросила Туровцова.

— Воли, видно, захотѣлъ, понюхалъ воздуха тамошнихъ степей.

— Да, не даромъ онъ у васъ, какъ я была въ Москвѣ, все священные книжки читалъ, — замѣтила Варвара Ивановна: охъ, не люблю я этихъ слугъ-грамотѣвъ; глядитъ въ книжку, едва разбираетъ по складамъ, а у самого мысли далеко, и все дурныя.

— Полноте, пашап, — возразила Серафима: вѣдь сама Маріа учила его грамотѣ; онъ читалъ все святыя книжки, Богу все хотѣлъ послужить... Будь-ка образованъ нашъ народъ, — ну, хотя бы, какъ наши сосѣди, саратовскіе колонисты... Отъ чего же и всѣ грубыя страсти и преступленія народа?

— Отъ бѣдности и нравственной тьмы! — отозвалась Нинетъ.

— Ну, старая пѣсня, Нина Александровна, — съ неудовольствіемъ возразилъ Алексѣй: вамъ, извините, только бы изучать философвъ, да вольнодумствовать о мнимыхъ бѣдствіяхъ чернаго народа. А чѣмъ онъ у насъ здѣсь, или въ Свѣбловѣ, стѣсненъ или отягченъ? все у васъ, извините, фантазіи! — заключилъ Алексѣй, барабани пальцемъ по столу и думая, между тѣмъ: «а все ли, однако, у насъ въ деревняхъ такъ благополучно и хорошо?»

XVIII.

Отбитый отъ Оренбурга и Татищевой Голицынымъ, Пугачовъ странствовалъ, съ остатками своихъ шаекъ, въ Уральскихъ горахъ, выжигая и грабя башкирскія деревни и рудопыные заводы, забирая на послѣднихъ оружіе, порохъ и деньги и «скопляясь» силами для новыхъ набѣговъ и грабежей. Онъ находился еще въ Башкиріи, когда настала весна 1774 года.

Снѣга въ степяхъ затаяли, вскрылись рѣки и по нимъ, мимо освобожденных отъ самозванца крѣпостей, поплыли тѣла убитыхъ въ послѣднемъ его набѣгѣ на Татищеву. Осиротѣлыя казачки, стоя у береговъ, съ воплями и причитаніями, ловили баграми плившіе трупы, распознавая въ нихъ своихъ мужей и отцовъ.

Былъ теплый, апрѣльскій день. Пугачовъ задумалъ разгромить и выжечь Саткинскій и Златоустовскій заводы, но еще не рѣшался двинуться туда. Главные изъ его сообщниковъ и помощниковъ, въ послѣднихъ стычкахъ съ Михельсономъ, были взяты въ плѣнъ: Шигаевъ и Почиталинъ — въ Сакмарскомъ городкѣ, въ Табынскѣ — Зарубинъ-Чика. Емельянъ подбиралъ себѣ новыхъ. Смѣннвшій Зарубина, состоявшій когда-то въ церковныхъ пѣвчихъ, казакъ Иванъ Твороговъ подыскивалъ способнаго грамотѣя, для составленія манифестовъ и указовъ самозванца. Многихъ приводили къ нему. Онъ испытывалъ ихъ въ писарствѣ и не одобрялъ. Вдругъ ему

сообщили, что въ лагерь прибылъ зѣло-грамотный сынъ богатаго заводчика, съ просьбой дозволить ему явиться къ царю. Твороговъ доложилъ Пугачову.

— А! это съ куршавинскихъ рудъ? — сказалъ Емельянъ: слышалъ... тысячники!... какъ его имя?

— Зовутъ Ѳеодоромъ, по прозвищу — Прядышевъ.

— Веди его...

Твороговъ послалъ за Прядышевымъ. Подѣхавшій къ ночи въ обозъ Пугачова, Теодоръ, съ тревогой и любопытствомъ, всматривался въ необычное и странное зрѣлище, встрѣтившее его здѣсь.

Лагерь и обозъ Пугачова, въ то время, были расположены на возгорь, у опушки большого лѣса, невдали отъ казеннаго чугуноплавильнаго и желѣзнаго завода, наканунѣ только разгромленнаго, ограбленнаго и сожженнаго отрядомъ Пугачова. Съ холма, черезъ рѣчку, въ темнотѣ, виднѣлось еще пламя дымившихся развалинъ литейныхъ, кузницъ, складовъ и другихъ зданій завода и прилежавшихъ къ нему предмѣстьевъ. Нападавшіе, окруживъ заводъ, кинулись ночью безъ выстрѣла на приступъ, съ чекушами, дрекольемъ и пиками, зажгли избы и сараи предмѣстьевъ и стали ломиться въ ворота высокаго деревяннаго частокола, которымъ заводъ изстари охранялся отъ нападений башкирцевъ и киргизъ. Бучка гарнизонныхъ инвалидовъ, составлявшихъ заводской караулъ, отбила ворота и, съ хлѣбомъ-солью и съ церковнымъ причтомъ во главѣ, покорно вышла на-встрѣчу самозванцу. Съ заводской церкви загудѣлъ колокольный набатъ. Солдаты шли безъ оружія. Блѣдный и растерянный священникъ, спотыкаясь и боясь поднять глаза, шелъ съ крестомъ и хоругвями за пѣвчими, возглашавшими самозванцу: «Тебе, Бога, хвалимъ». Знамя преклонили передъ Пугачовымъ, церковники и прочіе цѣловали ему руку. Онъ велѣлъ остричь солдатамъ косы и объявилъ ихъ казаками. Гарнизонный офицеръ и смотритель завода, отказавшіеся покориться самозванцу, были повѣшены; посаженные ими подъ арестъ, подозрительные рабочіе выпущены на свободу. Побѣдители взломали кладовыя, церковь и погреба, выкатили бочки, съ запасомъ казеннаго вина, и всю ночь, въ обозѣ и у ставокъ начальства, шла непрерывная попойка и гульба, слышались буйные крики и пѣсни.

Зарю въ лагерѣ самозванца возглашали пушечными выстрѣлами, а когда у него не оказывалось пушекъ, — барабаннымъ боемъ.

Бое-какъ задремавъ у себя въ саняхъ, но въ полстѣю, Теодоръ былъ разбуженъ страннымъ и рѣзкимъ звукомъ барабана. Онъ раскрылъ глаза. Невдали отъ мѣста, гдѣ стояли его сани, между

войлочными бибитгами, землянками и коновязями, ходилъ въ нагольномъ тулупѣ и въ бабьемъ волосникѣ, вмѣсто шапки, огромный и бородатый мужикъ, съ саблей при боку и барабаномъ на привязи, черезъ плечо, будя разоспавшихся и хмѣльных гулѣбщиковъ. Разсвѣтало. Тамъ и здѣсь, на площадкахъ лагеря и въ обозѣ, у дымившихся костровъ, кипѣли котлы съ кашей, бараньей похлебкой и щербой, —ухой изъ мелкой рыбешки.

Проголодавшійся за ночь, среди опасной, наполненной мятежниками дороги, верзило Апронья, сопутникъ Теодора, поглядывая то на распряженныхъ жеребцовъ, ѣвшихъ въ торбахъ овесъ, то на сновашую въ обозѣ пеструю челядь, жадно принюхивался къ смѣшанному, вкусному запаху рыбы и баранины, доносившемуся съ ближняго костра.

Лишенный отцомъ, со времени своего побѣга въ Кіевъ, моднаго французскаго кафтана, камзола, башмаковъ съ пряжками и напудренной косы, Прядышевъ и теперь былъ одѣтъ въ простой купеческій, долгополый кафтанъ, въ высокіе сапоги, черный башкирскій полушубокъ, подтянутый поверхъ кафтана зеленымъ кушакомъ, и въ сѣрой шапкѣ, на остриженныхъ въ скобку волосахъ. Онъ сидѣлъ на облученъ саней, слѣдя за суетой обоза и лагеря. Мимо него сновали продавцы хлѣба, связокъ луку, вяленой и сухой рыбы и чесноку. Полушьяные оборванцы, горлани, носили и продавали разную рухлядь изъ остатковъ вчерашняго грабежа: сапоги, зипуны и шапки съ убитыхъ заводскихъ рабочихъ, куски холста, подушки, муку и горшки съ квашеной капустой. Хромой, краснорожій здоровякъ несъ въ рукахъ женскій шелковый роборонъ; самъ онъ былъ одѣтъ въ церковную, лазетовую ризу, а поверхъ лисьяго малахая, съ ушами, имѣлъ на головѣ бархатную поповскую камилавку. Толпа, состоявшая почти сплошь изъ раскольниковъ, со смѣхомъ и прибаутками, провожала этого продавца по обозу, а онъ выкрикивалъ: «Вотъ наряды, платье, сама заводчиха носила, на осину у батюшки угодила!» — Лагерь былъ особенно шуменъ выше, на взгорьѣ, гдѣ виднѣлись, невдали одна отъ другой, три большія, войлочные палатки. У входа въ одну изъ нихъ, съ саблями на-голо, стояли, въ красныхъ чекменяхъ, часовые. Прядышеву сказали, что то была государева ставка; на ней развѣвалось бѣлое шерстяное знамя, съ осьмиконечнымъ, золотымъ, раскольничьимъ крестомъ.

«Государь онъ и вправду» — думалъ Теодоръ, глядя на эту палатку: «по всему, что видно и слышно, должно быть — государь. Прибѣгалъ это къ намъ на заводъ лазутчикъ, саткинскій пономарь;

божился, увѣрялъ, — развѣ пошли бы такъ за другимъ? Не токмо отставные гвардіонцы, — служащій во фронтѣ офицеръ-поручикъ, слышно, призналъ его. А пономарь сказывалъ, что государя укралъ и выпустилъ изъ-подъ караула въ Ропшѣ капитанъ Масловъ; съѣлъ избавленный на коня и поскакалъ, да въ три дня отъ Питера въ Кіевъ сталъ, загналъ восемнадцать верховыхъ лошадей и за каждую выплатилъ по сто червонцевъ. Щедрый! А у меня къ нему важное дѣло... Матушка, какъ увидѣла меня изъ саду, въ ту пору, въ черной, срамной работѣ, въ сажѣ, рваной сорочкѣ, да въ посконныхъ портахъ, упала безъ памяти и заболѣла. Тятенька ту-жъ минуту, будто, смиловался, приодѣлъ меня и отправилъ сюда за горы, въ Куршавино. — Ты, говорить, Ѳедька, сталъ въ умъ приходить, пора; ѣзжай, будь моимъ главнымъ окомъ на заводѣ; веди себя честно, да боязно, оправившись, буду самъ туда лѣтомъ, и вотъ какъ тебя превозвышу и отличу. — Я съ дуру и поѣхалъ! Матушка безъ меня, съ новаго горя, съ разлуки нашей, не долго прожила, въ скорости померла. Какъ узналъ я про то, должно съ горя, опять запилъ, закурилъ. Страшно и вспомнить, какъ пилъ! По задворьямъ валялся, у кабаковъ поднимали, приносили въ контору. Тутъ пожалѣть бы, а отецъ, какъ есть, ожесточился. Пошли сюда письма, приказы; писать: въ холодной его, дьявола, держать. И держали; да, теперь уже баста. Пускай старый московскіе пожитки, заводъ и весь тамошній капиталъ на свое имя перевелъ; здѣшніе всѣ заводы и руды — матушкины, стало быть, мои... Царь разсудить насъ, отберетъ заводы и велитъ числиться за мной».

— Кто тутъ изъ куршавинскихъ? — раздался голосъ за спиной Теодора.

Онъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ, въ тулупѣ и въ волосникѣ, съ саблей у пояса, бородачъ, барабанившій утромъ зарю. Теодоръ всталъ съ саней.

— Ты будешь Прядышевъ? — спросилъ подошедшій.

— Я.

— Какъ тебя величать?

Теодоръ назвалъ себя.

— Ну, иди же, Ѳедюха, — сказалъ бородачъ: царь-батюшка, милостивецъ нашъ, жалуетъ тебя, допускаетъ передъ свои очи.

Теодоръ оправилъ на себѣ шапку, подтянулъ поясъ, взялъ съ саней привезенную съ завода соболью шубу, крытую тонкимъ, синимъ сукномъ, и пошелъ за провожатымъ.

— Подарокъ? — спросилъ, глядя на шубу, бородачъ.

— Не прогнѣвить бы... приметъ ли его величество?

— Все приметъ, тащи... а намъ будетъ что отъ милости твоей? Теодоръ вынулъ кису и подалъ провожатому серебряный рубль.

— Дай пару, — сказалъ въ полголоса, оглядываясь, бородачъ: али нѣтъ, обожди, дай три... нужно три монеты!

— Добрый онъ? — спросилъ Теодоръ, подавая опять провожатому изъ кисы.

— Какъ для кого... а осерчаетъ, бѣда! — отвѣтилъ бородачъ, шагая вывернутыми, огромными ногами, въ разорванныхъ, изъ сыромятины, котлахъ: намедни прогнѣвился тутъ на одного попа, что не помянулъ въ церкви новую его царицу, и велѣлъ ему саблей отесать бока, а попадю просто удавилъ. Въ одной то же крѣпости взялъ въ полонъ толстаго-претолстаго офицера; говорить — присягай, — тотъ отказался... онъ съ него живаго и снялъ кожу... Мы, братецъ, саломъ съ его туши, какъ онъ еще шевелился, — усмѣхнулся бородачъ: и раны себѣ мазали... добре заживають!

Ужась объялъ Прядышева при этихъ словахъ. Чѣмъ ближе къ палаткамъ, видѣвшимся съ пригорка, лагерь становился оживленнѣе и шумнѣй. Изъ землянокъ, бревенчатыхъ и войлочныхъ шатровъ то здѣсь, то тамъ выглядывали женскія лица и слышались писаливые женскіе возгласы и смѣхъ.

— Такъ съ вами и бабы? — спросилъ Прядышевъ.

— Не наши, заемныя, — отвѣтилъ, озираясь, провожатый: балуются парни, да и кто постарше... нехристи-татары, да башкирство примѣръ подають.

— Откуда эти бабы?

— Все жѣны и дочки побитыхъ офицеровъ, инныя же и волей сюда пошли.

— Кто у васъ, дядя, нынче главные тутъ возлѣ царя?

Бородачъ остановился.

— Дай-ка еще монету, нужно долгъ отдать! — сказалъ онъ.

Прядышевъ вынулъ и подалъ ему рубль.

— Были тутъ прежде, возлѣ него, все свои, — сказалъ, продолжая идти, провожатый: да перестрѣяны, либо взяты въ полонъ; теперъ, oprичъ Ивашки Творогова, все чужаки... Вонъ, гляди, у его ставки, бритоголовые татары, Идорка, да Баранга... то наши и первачи.

XIX.

Сказавъ это, провожатый снова остановился, подтянулся и, молча взглянувъ на Прядышева, сталъ идти тише. Его лицо приняло озабоченное и растерянное выраженіе. Они подошли къ окраинѣ

Холма, на которомъ, передъ обширной палаткой, подаренной самозванцу киргизскимъ старшиной Лай-ханомъ, стояли нѣсколько казачьихъ старшинъ и между ними—худой и высокій, какъ шесть, изуродованный оспой, въ верблюжьей армякѣ и сивой калмыцкой шапкѣ, Идорка, и приземистый, на дугообразныхъ ногахъ, толстый и смуглый, съ вырванными ноздрями, Баранка. У перваго за поясомъ торчалъ широкій кинжалъ, второй опирался на длинное, персидское ружье, треснувшій прикладъ котораго былъ связанъ бичевкой. Тутъ же, въ сторонѣ, видѣлась куча какихъ-то вещей и между ними лежалъ связанный по рукамъ и по ногамъ, въ офицерской шинели и бараньей шапкѣ, съ подвязанною щекой, среднихъ лѣтъ, плѣнный офицеръ. Его растерянные глаза моляще и испуганно смотрѣли на татаръ, спорившихъ между собой гортанною, рѣзкою рѣчью.

— Руби ему башку, руби!—говорилъ Идорка, сердито топчась на мѣстѣ кривыми ногами: не хотѣлъ царю давать коня.

— Тебѣ все рубить, дьяволь, шайтанъ!—отпикнулся, косясь на связаннаго плѣнника, Баранка: и того мало... сжечь еще развѣ? а почему онъ зналъ, кому конь?

— И сжечь, сжечь!—твердилъ осипшимъ отъ злости голосомъ Идорка: отбивался, а какъ брали, пустилъ ночью коня въ степь... камень ему на шею, да въ воду.

— Сунься-ко самъ!

— И сунусь.

Пола войлочнаго шатра поднялась. Изъ-подъ нея показался плотный и русый, съ овладистою бородой и красивыми сѣрыми глазами, казакъ среднихъ лѣтъ. На немъ былъ подбитый лисьимъ мѣхомъ, канаватный, шелково-узорочный охабень, офицерская треуголка, съ черными перьями, и у пояса кривой ятаганъ. То былъ уцѣлѣвшій изъ разсѣянной военной коллегіи самозванца, бывший начальникъ его артиллеріи и провіанта, Иванъ Твороговъ. За нимъ вышелъ понурый, сгорбленный старикъ, въ зеленомъ съ позументомъ кафтанѣ поверхъ шубы и съ мѣдною складною иконкой на шеѣ. Въ старикѣ трудно было узнать уметчика Степана Оболяева.

Ерёмкинъ-курица, попрежнему, состоялъ при самозванцѣ, въ санъ котораго онъ слѣпо вѣрилъ. Сопровождая его въ походахъ, онъ возилъ и носилъ за нимъ значекъ, съ его штандартомъ, и пользовался полнымъ его довѣріемъ и почетомъ. Старый и благочестивый уметчикъ, однако, во многомъ въ послѣднее время извѣрился и на многое изъ того, что видѣлъ, смотрѣлъ съ тайнымъ осужденіемъ и даже со злобой. Особенно ему не нравилось женолюбіе объ-

явившагося у него на умѣть царя.— «Ну, идетъ супротивъ постылой, ополчившейся на него жены, — разсуждалъ Оболяевъ: пусть такъ, всякому понятно; обзавелся и повѣнчался съ новою супружницею, изъ простыхъ, и то ничего, на то онъ воленъ... А зачѣмъ кухонная палатка полна дѣвокъ и бабъ? И хоть бы однѣ боярскія дочки, да жены, — ровня ему; нѣтъ, набралъ всякихъ куховароковъ, да стряпухъ! Какую только на селѣ или въ заводѣ намѣтити, ту и въ стряпущую... Дѣвки и бабы ему варятъ ѣсть, подаютъ кушанье и водятъ его подѣ-руки на коня и съ коня. Страмъ одинъ и соблазнъ! а скажи слово, — мигомъ удавить!»

— Про что, князья, споръ?—спросилъ Ивашко татаръ, выйдя изъ шатра самозванца.

Идорка объяснилъ. Твороговъ взглянулъ на связаннаго плѣнника.

— Жаль тебя, — сказалъ онъ: попрошу за тебя государя, коли хочешь ему служить... А ты, — спросилъ онъ татарина: съ какого хаяру лѣзешь не въ свое? тужить, видно, веревка и по тебѣ?

— Да онъ коня не далъ, присягу не исполнялъ, — отвѣтилъ, не унимаясь, Идорка.

Баранка сталъ ему возражать.

— Цыцъ, черти!—прикрикнулъ на нихъ Ивашко: его величество беспокоите. Боянъ государю найдемъ... Ты изъ Куршавина?— обернулся онъ къ Прядышеву.

— Такъ точно, — отвѣтилъ Теодоръ, съ поклономъ.

— А это батюшгѣ, видно, царю?—спросилъ Ивашко, глядя на соболью шубу, которую тотъ держалъ въ рукахъ.

— Ему, ваша честь!... не обезсудьте, удостойте аудіенціи, лицезрѣть его пресвѣтлое величество.

— Обсудимъ, рѣшимъ, — съ важностью сказалъ Ивашко: а допрежъ того, любезный, слышно, у тебя тройка добрыхъ коней. Правда ли то? чьи кони и хороши-ль?

— Собственные, ваша честь, — не кони, а сущіе львы, — отвѣтилъ, снова кланяясь, Теодоръ: тутъ у насъ собственный заводъ...

— Доморослые, значить?

— Первый сортъ.

— И рѣзвы?

— Дышловый рысистый, а праваго пристяжнаго ни въ жизнь никому не перескакать.

— Ну, это его величеству, нашему батюшгѣ-милостивцу, почище будетъ твоей шубы, — извелись мы въ походахъ лошадьми, — сказалъ Твороговъ: дорого ли возьмешь?

— Мы съ нашимъ, то-есть, какъ слѣдъ, почтеніемъ, — отвѣ-

тилъ Прядышевъ: и не тожю шубу, а въ презентъ, коли его царское величество удостоитъ, готовы и жеребцовъ.

— Молодецъ малый! — сказалъ Ивашко, ласково потрепавъ его по плечу: чай, просьба есть къ царю?

— Великая! не оставьте, ваша милость, — сказалъ Теодоръ: вѣкъ Бога будемъ молить...

— Ну, Степанъ Максимычъ, — обратился Твороговъ къ Оболяеву: веди покажѣсть кушца къ себѣ въ хибарочку, да накорми его съ дороги; государь отдыхаетъ, еще не кушалъ... разберѣтъ онъ твоё дѣло, — сказалъ онъ связанному плѣннику: и призоветъ къ себѣ господина кушца.

Прядышевъ, съ новымъ поклономъ Ивашкѣ, пошелъ за Оболяевымъ. Землянка послѣдняго въ лагерѣ была вырыта за холмомъ, невдали отъ палатки Творогова. Пока Прядышевъ былъ у шатра самозванца, со стороны лѣса подулъ сильный вѣтеръ и сталъ падать снѣгъ. Идя за Оболяевымъ, Теодоръ съвозъ снѣгъ разглядѣлъ что-то темное и странное, торчавшее у холма, на что онъ прежде не обратилъ вниманія. Теперь онъ ниже ставки Пугачова увидѣлъ двѣ висѣлицы, изъ которыхъ на одной, раскачиваясь отъ вѣтра, въ мундирѣ, съ краснымъ воротникомъ, висѣлъ лысый, въ бакенбардахъ, очевидно, нѣмецъ, смотритель завода, на другой — полураздѣтый, въ напудренныхъ бугляхъ и косѣ, не признавшій въ самозванцѣ царя, красивый, въ ботфортахъ, офицеръ. Шайка самозванца потѣшалась надъ ними и по ихъ кончинѣ: лицо и грудь офицера были изстрѣляны пулями и все его платье было залито кровью; у нѣмца-смотрителя была отсѣчена одна нога, а изъ проколотаго живота висѣли какія-то окровавленные ленты. — «Внутренности!» — съ ужасомъ, подумалъ, глядя на казненныхъ, Теодоръ.

Оболяевъ ввелъ его въ свою кибитку. Онъ досталъ изъ торбы краюху ячнаго корова, печеныхъ яицъ, баклагу съ виномъ и серебряную, чеканенную стопу.

— Господская! — произнесъ онъ, указывая на стопу и наливая въ нее вина: ну-ка, съ холоду!

— Знатная вещь, — сказалъ Прядышевъ, отнивъ изъ ковша и любясь имъ: такія видѣлъ я въ чужихъ краяхъ.

— Нешто ты тамъ былъ?

— Гдѣ только не былъ!

— А штука эта жалованная царями, княжеская, — замѣтилъ Оболяевъ: у барыни, княгини Звенигородской, взята; а вотъ и часы, — сказалъ онъ, вытаскивая худыми, неповоротливыми пальцами изъ-за пазухи золотые, луговицей, англійскіе часы: тоже, брѣ

тецъ, изъ княжескаго дома, Барятинскихъ; его величество нашъ, значить, государь, за супротивность, дворецкаго порѣшилъ, — тамъ же взято два пуда серебра, а всякаго добра — и не сосчитать.

Прядышевъ, закусывая, сталъ рассказывать о своемъ пребываніи въ чужихъ краяхъ.

— И тамошнихъ видѣлъ королей?

— Видѣлъ.

— Въ роскоши живутъ?

— Точно въ сказкѣ.

— То-же, малый, будетъ и у насъ, — сказалъ Оболяевъ: батюшка вотъ скопляется пока силами; дастъ Богъ, уберется, — пойдемъ на Уфу, а тамъ и въ первопрестольную. Много ему дѣловъ; вездѣ непорядокъ, народу крайняя бѣда.

— А у меня, дѣдушка, къ царю просьба, — сказалъ, помолчавъ, Прядышевъ: тятенька обидѣлъ; уговори его величество, защити...

— Чтò же, мы всякому готовы, спасеть тебя Господь! въ чемъ твое прошеніе?

Теодоръ началъ излагать свое дѣло. Съ надворья слышались шаги.

— Степанъ Максимовичъ, — раздался голосъ, за палаткой: дай малаго, требуетъ царь.

— Ну, иди, — сказалъ, убирая закуску, Оболяевъ: Христось тебѣ въ помощь.

— Все ли ему говорить?

— Все.

— Не осерчаетъ государь?

— За правду-то! говори, какъ Богу... все повернетъ, все по правдѣ рѣшить.

Прядышева подвели къ ставкѣ Пугачова. Ожидавшій его Твороговъ приподнялъ полу шатра и, пропустивъ просителя въ сѣни, самъ остался снаружи. Сѣни отъ внутренней половины шатра отдѣлялись ковромъ. Теодоръ взялся за коверъ и вошелъ.

Въ глубинѣ ставки, увѣшанной тканями и оружіемъ и освѣщенной сверху, сквозь круглую отдушину въ крышѣ, — на кучѣ сложенныхъ одна на другую, цвѣтныхъ, татарскихъ подушекъ, на пестрой войлочной кошмѣ, сидѣлъ широкоплечій, съ тонкимъ перехватомъ у пояса, краснолицый и съ виду какъ бы хмѣльной челоувѣкъ. На немъ были — широкій, очевидно съ чужаго плеча, бешметъ голубаго штофа, черная мерлушковая шапка и въ накидку, поверхъ бешмета, бѣличій охабень. За поясомъ торчали два пистолета и большой походный ножъ; сбоку на коврѣ лежала кри-

вая сабля. По чернымъ, пытливымъ, изподлбья на гостя устремленнымъ, глазамъ, Прядышевъ угадалъ, что передъ нимъ сидѣлъ объявившій себя царемъ. Гдѣ-то слышался женскій сдержанный смѣхъ, бречаніе гитары.

— Подойди, стань ближе, — раздался съ подушекъ глухой, хриплый голосъ: что скажешь?

Прядышевъ поклонился въ землю и положилъ на коверъ принесенную соболью шубу.

— Смилуйся, государь, — сказалъ онъ, стоя на кофѣняхъ и не поднимая головы: не обидь, прими презентъ... позволь бить челомъ и тройкою коней.

— Благодарствую, дѣло говоришь, — отвѣтилъ Пугачовъ: намъ, расейскому великому государю, въ нашей нынѣшней скудости и тѣснотѣ, все нужно, а паче — одежда и добрые кони отъ подданныхъ. Садись, будешь гостемъ... потчую тебя, — прибавилъ самозванецъ, протягивая Прядышеву руку.

Цѣлуя эту руку, Теодоръ съ удивленіемъ увидѣлъ, что передъ государемъ, къ которому онъ явился, — на татарской, низенькой скамеечкѣ, стояла простая глиняная миска, съ пахучею рыбной щербой, деревянное блюдо, съ чѣмъ-то бѣлымъ и еще болѣе пахучимъ, и нѣсколько флягъ, съ водками, квасомъ и виномъ.

— Ваше царское величество, — сказалъ, снова кланяясь, Прядышевъ: окажите божескую милость; обижены мы и разорены въ конецъ.

— Ты съ дороги, бери, закуси.

— Довольны мы вашею милостью, — дозволейте о дѣлѣ сказать.

— Не хочешь ѣсть, выпей, — сказалъ Пугачовъ, наливая и подавая гостю водки: а мы закусимъ, — не бойся, говори, что надо, — потому, я царь!

Теодоръ, отпивъ изъ рюмки, сталъ рассказывать. Пока онъ говорилъ, Пугачовъ опорожнилъ миску съ щербой, вынулъ изъ-за пояса ножъ, накрошилъ имъ полную тарелку того блага, что лежало на блюдѣ, истолокъ и размялъ его ручкой ножа, посолилъ, полилъ изъ фляги квасомъ и началъ ѣсть, закусывая хлѣбомъ. Въ палаткѣ распространился острый запахъ чеснока. — «Неужели его величество такъ-таки и ѣсть это голякомъ?» — удивился, не вѣря своимъ глазамъ, Теодоръ: «или цари и въ самомъ дѣлѣ вкусъ ко всему простому имѣютъ?»

— Такъ, приващигъ твоего отца и впрямь, — спросилъ, жуя полнымъ ртомъ, Пугачовъ: вязалъ тебя и въ холодную сажалъ?

— Сажалъ, ваше царское, пресвѣтлое величество, — отвѣтилъ

Теодоръ: и мало того... забралъ заводъ и всё руды, какъ есть, — собственность нашей, выходить, покойной родительницы, — а тятенька тутъ ровно не при чемъ-съ. Я тебѣ, говорить прикащикъ, покажу, въ рогъ тебя, собачье мясо, согну... Можно ли? вѣдь я, ну, какъ есть, все-таки хозяйскій сынъ!...

— А вотъ мы ему камень на шею, да въ воду, — сказалъ Пугачовъ, кончивъ одну тарелку чесноку и принимаясь крошить себѣ другую: ты, братъ, намъ хорошихъ, вотъ рысачковъ, а ужъ мы тебѣ... то-есть, все...

XX.

«Но что же это? неужели же онъ и по правдѣ царь?» — вдругъ подумалъ Теодоръ, пристальнѣе вглядываясь въ краснорожаго, вспотѣвшаго отъ ѣды и водки, почти пьянаго бородача, который едва ворочалъ передъ нимъ языкомъ: «видѣлъ я у московскихъ баръ гравированные и масляными красками портреты царя Петра Федоровича; тотъ былъ полновидень, высокъ, бѣлолицъ и съ свѣтлыми глазами; а этотъ сухощавъ, малъ ростомъ, смуглый и черноглазый... И смотреть онъ все искоса, да страховито, часто оглядывается, точно боится всего... А эти казачьи ухватки, — грубая, мужицкая рѣчь? Если царь, то какъ онъ, въ бѣдности, гоненіи, одичалъ! а если не царь, — ужли всёхъ провелъ и обманулъ?»

Пугачовъ, кончивъ трапезу, утерся концомъ скатерти, которою была покрыта скамейка, опять налилъ изъ флаги два стакана, одинъ выпилъ, а другой подалъ гостю.

— Благодарствую, — отказался тотъ, съ поклономъ.

— Пей, коли даю самъ! — сердито крикнулъ самозванецъ.

Прядышевъ выпилъ.

— Грамотенъ ты? — спросилъ его Пугачовъ.

— Грамотенъ, въ пансіонѣ обучался въ Москвѣ.

Пугачовъ помолчалъ.

— Ну, слушай же, — сказалъ онъ: мы, значить, теперича собрались, оружія и пушекъ добыли, сколько надо, войска тоже прибыло вдоволь. Видѣлъ лагерь?

— Видѣлъ.

— Десять тысячъ, нѣтъ, чтò я? — двадцать, oprичь башкировъ и мордвы. Оставайся при насъ, назначаю тебя главнымъ писаремъ. Согласенъ?

Прядышевъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— О заводѣ, о достаткахъ своихъ материнскихъ не печалуйся, все тебѣ будетъ, служи только вѣрою и правдою.

— А съ прикащика, ваше царское величество, взыщете? сколько терпѣль отъ него утѣсненія, обидѣ!

— Вызовемъ, — одно слово, петля! и не его одного, передадимъ енараловъ! Эй, кто тутъ? — крикнулъ Пугачовъ, хлопнувъ въ ладоши.

Изъ-подъ ковровой занавѣски, съ задней стороны шатра, показалась высокая и худощавая, въ шелковомъ зеленомъ платьи и въ кружевномъ чепцѣ, молодая, очевидно не изъ простыхъ, женщина. Ея блѣдное лицо было сумрачно. Впалые глаза глядѣли презрительно и строго.

— Бнягиношка, слушь-ка, подь, скажи Ивану, — обратился къ ней Пугачовъ: нѣтъ, лучше пошли Дуньку, сама туда не ходи... Пусть Иванъ отрядить въ Буршавино за прикащикомъ, — доставить его нонче же сюда.

Женщина молча скрылась за занавѣсью. — «Бнягиня!» — подумалъ Теодоръ: «плѣнница! вотъ участь!»

— А ты, ну-ка, еще выпей, — сказалъ Пугачовъ Прядышеву, наливая ему третій стаканъ: мы собираемся далѣе... завтра походъ и ты, слышь, съ нами. Согласенъ? цѣлуй крестъ, вотъ мой крестъ.

Пугачовъ вынулъ изъ-за пазухи и подалъ Прядышеву тѣльный крестъ. Теодоръ подумалъ: «царь ли онъ или обманщикъ, не все ли пока одно? лишь бы вырвать пока мое достояніе, а тамъ уйду отъ него!» — и, перекрестясь, поцѣловалъ крестъ.

— Имѣемъ намѣреніе, — продолжалъ, хмѣльѣя, Пугачовъ: разорять и бить неповорныхъ, вплоть до Казани, до самой Москвы... И вотъ, ребяташки, слышно, сынъ нашъ, великій князь Павелъ Петровичъ, всталъ за насъ, ведетъ на помощь сорокъ тысячъ, и не нынче, завтра, гляди, будетъ здѣсь... Такъ остаешься?

Прядышевъ, раздумывая: «Нѣтъ, Господь съ нимъ, лучше, видно, выждать ночи, да уйти!» — молча повлонился самозванцу. Вошли еще двѣ женщины; одна, въ простой мѣщанской душегрѣйкѣ и съ краснымъ платкомъ на черныхъ волосахъ, была особенно красива. Румяное и полное лицо ея дышало здоровьемъ, быстрые глаза улыбались. Женщины подняли Пугачова отъ трапезы и подь-руки провели его въ правый уголъ шатра, гдѣ и опустили на укрытый ковромъ пуховикъ.

— Ну, иди же, Твороговъ отведетъ тебѣ фатеру, — сказалъ Прядышеву Пугачовъ: назначаю тебя секретаремъ, будешь при нашей главной, военной коллегіи и переводчикомъ для бумагъ.

Прядышевъ, не помня себя отъ видѣннаго и слышаннаго, вышелъ изъ шатра. Хмѣль отъ выпитыхъ угощеній кружилъ ему голову. Рк

глазахъ его рыбило. За шатрошъ стоялъ Твороговъ и рязвязанный плѣнникъ. Прядышевъ сообщилъ Иванкѣ слышанное отъ государя.

— Ну, и ладно, — отвѣчалъ Твороговъ: на вашъ заводъ, за при-
вашникомъ, уже послано.

— Буда же мнѣ теперъ? — спросилъ Теодоръ.

— А туда же, пока, къ Степану Максимовичу: надо будетъ,
позовутъ.

Прядышевъ отправился въ Оболяеву, котораго не засталъ въ землянкѣ; умѣтчикъ былъ въ обозѣ, на совѣщаніи войсковыхъ старшинъ. Почти не спавшій въ минувшую ночь, Теодоръ прилегъ въ землянкѣ.

«Гдѣ же вольность и права? — разсуждалъ онъ, лежа на ворохѣ сѣна: думалось, поживу; заводъ-то отберутъ у тятеньки, отдадутъ мнѣ, а самому тутъ велѣно быть, бумаги писать... Собираются въ новый походъ, къ самой Москвѣ... и шляйся теперь съ ними... Будутъ стычки, сраженія, кровь польется, а я не военный; бумагу тоже писать вовсе не умѣю, — какой я секретарь? Еще нанутаю, навру, — взыщутъ, да хорошо, какъ только выбрать, а те у нихъ и горшаго примешь... за все у нихъ висѣлица. Какъ бы выждать время, какъ бы отсюда уйти?»

Теодоръ заснулъ и спалъ долго. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что на дворѣ уже темно. Наступила ночь, костры въ лагерѣ едва дымились. Оболяевъ еще не приходилъ; онъ смѣнялъ прежніе и разставлялъ новые караулы, вокругъ лагеря, со стороны лѣса и моста на рѣкѣ. Давно прогремѣлъ заревой барабанъ. Говоръ, шумъ и пѣсни кругомъ затихли; въ темнотѣ слышались только оглики часовыхъ, кое-гдѣ мелькали фонари есауловъ и десятскихъ, обходившихъ дозоромъ лагерь и обозъ, да издали виднѣлось зарево догорающихъ предмѣстевъ. Укутавшись съ головой въ шубу, Прядышевъ опять заснулъ. Онъ не слышалъ, какъ возвратился умѣтчикъ, какъ онъ, кряхтя и повторяя: «Спасъ, Спасъ, Пречистая, помилуй и спаси!» — клалъ поклоны, и какъ, наконецъ, помолясь и свернувшись калачомъ, также улегся въ другомъ углу землянки. Теодоръ крѣпко спалъ; ему снился странный сонъ. Онъ мчался на бѣшеной тройкѣ, а рядомъ съ нимъ въ кибиткѣ — похищенная имъ Серафима. Бони неслись безбрежною, снѣговою поляною; а вдали, въ лучахъ солнца, точно вылитыя изъ голубаго стекла, горѣли и переливались радугой заоблачныя, Альпійскія горы. — «Смотри, смотри, — шепталъ онъ Серафимѣ, прижимая ее къ себѣ: снѣгъ кругомъ, вездѣ; какъ блестятъ! но онъ уже таетъ, бѣгутъ и шумятъ ручьи, — то вѣчные Альпы, за ними Италия... пальмы и розы... туда, дорогая, туда»...

«На словъ, братцы! на словъ!»—вдругъ послышались сперва неясные, потомъ болѣе громкіе крики за землянкой. Прядышевъ вскочилъ, протеръ глаза.—«На коня! оружайся! сѣдай!»—кричали казаки, бѣгая по обозу. Раздался невдали ружейный выстрѣлъ, за нимъ другой.—«Дядя, Степанъ Максимовичъ, дядя, что это?»—вскрикнулъ Теодоръ, увидѣвъ въ сумракѣ чуть брезжившаго разсвѣта согнутую спину Оболяева, который уже всталъ и надъ чѣмъ-то возился, у двери землянки.

— Царицыно войско! штурмъ! сполохъ!—проговорилъ Оболяевъ, съ захваченнымъ ружьемъ, исчезая за дверью: вонъ, въ углу сабля, бери, выходи.

Прядышевъ подвязалъ къ поясу саблю, одѣлся и выскочилъ наружу. На дворѣ было холодно и сыро. Густой туманъ стлался надъ лагеремъ. Взоръ, съ шатромъ Пугачова и висѣлицей позади, точно плавало поверхъ облаковъ. Въ туманѣ, со стороны рѣки, слышалась учащенная пальба. Ружейные огоньки, кучей и рядами, вспыхивали у рѣки и на мосту. Имъ въ отвѣтъ трещали разрозненные выстрѣлы по сю сторону, въ обозѣ. Слышался плачь женщинъ, дикій визгъ и гикъ калмыковъ и башкиръ.

Отрядъ самозванца былъ застигнутъ врасплохъ. Полураздѣтые казаки, инородцы и всякій сбродъ, выскакивая изъ землянокъ, кибитокъ и изъ-подъ воевъ, строились въ безпорядкѣ по откосу берега. Имѣвшіе мушкеты и винтовки наскоро заряжали ихъ и стрѣляли, цѣлясь къ мосту и за рѣку. Остальные, съ чекушами, пиками, саблями и топорами, нестройною толпой тѣснились впереди обоза. Проскакалъ къ мосту на рыжей, худой лошадепкѣ, Ивашко Твороговъ. Становилось свѣтлѣе, туманъ расходился. Съ холма, гдѣ стоялъ наблюдавшій за боемъ Пугачовъ, послышался зычный крикъ: «не выдавай, ребятушки! дружно, дружно!»—Раздался топотъ нѣсколькихъ всадниковъ. Среди лагеря, направляясь къ обозу, показалась конная стража самозванца. За нею, въ сопровожденіи главныхъ есауловъ, Оболяева и Идорки, скакалъ Пугачовъ. Прядышевъ узналъ своихъ сѣрыхъ жеребцовъ: на широкогрудомъ и росломъ коренникѣ, Соколѣ, сидѣлъ самъ Пугачовъ; на правомъ, долгогривомъ Анпрасѣ—Оболяевъ, на лѣвомъ, въ яблокахъ, Орлѣ—Идорка. Крича и размахивая ятаганомъ, Пугачовъ, еще не проспавшійся отъ вчерашней попойки, красный, какъ изъ бани, твердо сидѣлъ на сѣдлѣ.

«А мнѣ коня? вѣдь я теперь пѣшъ!»—подумалъ Прядышевъ, видя, какъ всѣ эти всадники, спустясь со взгорья, помчались къ мосту, у котораго не переставала гремѣть ружейная перестрѣлка и

слышались вопли и стоны раненныхъ и умирающихъ: «лошадей моихъ взяли, а меня забыли, и никому до меня дѣла нѣтъ». — Теодоръ бросился къ обозу, въ надеждѣ кунить у кого-нибудь коня. — «Денегъ не пожалѣю, хотя бы плохого достать!» — думалъ онъ. Между саней, телѣгъ и возовъ онъ увидѣлъ метавшихся въ ужасѣ и кричавшихъ безъ толку женщинъ. Два дюжихъ парня запрягали четверню изморенныхъ влячъ въ желтобокій, помѣщичій возокъ. Въ послѣднемъ, тѣсясь и молча посматривая на мостъ, сидѣли прислужницы и стряпухи самозванца. Теодоръ узналъ блѣдную, смуглую княгинюшку; рядомъ съ нею сидѣла полная и румяная молодуха, въ кичкѣ, съ жемчугомъ.

— Да ну же, скорѣе же, дьяволы? — кричала молодуха, поднимавшая накануне государя подъ руки: да помоги бы и ты, паренёкъ, — обратилась она къ Теодору: что такъ-то глазѣтъ!

Прядышевъ сталъ помогать кучерамъ.

— А что, — спросилъ онъ въ полголоса одного изъ возницъ, приправляя постромку пристяжной: моихъ коней взяли подъ государя; нельзя ли тутъ у васъ присѣсть хоть на облучокъ?

— Лѣзь, — отвѣтилъ, подтягивая послѣднюю подпругу, возница: ишь ты, Божье попущеніе, дождались чего!

— Кто-же это нападаетъ?

— Должно, самъ Михельсонъ, — отвѣтилъ возница, трясущимися руками закрѣпляя возжи: пропали наши головушки, не успѣемъ, порѣшатъ.

— Самъ Михельсонъ? — спросилъ въ ужасѣ Прядышевъ.

— А кто-же иной? не енаралъ, чѣртъ! — съ неудовольствіемъ отвѣтилъ возница, крестясь и взлѣзая на козлы: одинъ на тысячи прѣтъ.

— Ну, что-жь это, скоро-ли? — пищали голоса изъ нагроможденнаго возка: Дунька, подвинь ноги... а ты, толсторожая, не видишь, держу батюшкино добро.

— Эй вы, други! — крикнулъ возница, хлестнувъ по лошадямъ: что же, сударь, не садишься? есть мѣсто, вотъ...

Прядышевъ стоялъ неподвижно. Ему было не до того.

XXI.

Изъ-за рѣки, отъ моста, раздался оглушительный пушечный выстрѣлъ. Ядро прогудѣло надъ лагеремъ. Отъ берега мгновенно грянули еще выстрѣлы. Ядра послѣднихъ упали среди обоза. Прядышевъ увидѣлъ батарею, въ нѣсколько пушекъ, направленныхъ на лагерь съ другаго бока рѣки. Взводъ конныхъ гусаръ охранялъ

пушки. Полный, съ плюмажемъ на треуголѣ, начальникъ стоялъ у берега, командуя артиллеристами. Мелькали надъ батареей баники, поднимались бѣлые клубы дыма и чаще и чаще, одинъ за другимъ, гремѣли черезъ рѣку оглушительные удары. Полчища самозванца у моста дрогнули и, съ криками, стрѣляя на-угадъ, въ безпорядкѣ бросились обратно къ лагерю. Сквозь пушечный и ружейный дымъ было видно, какъ бравый, круглолицый и тучный командиръ вскочилъ на коня и впереди небольшой колонны изъ черныхъ гусаръ и синихъ уланъ, съ саблями и пиками на-перевѣсь, понесся къ мосту и, подъ прикрытiемъ ядеръ и гранатъ, летѣвшихъ изъ-за рѣки, помчался вслѣдъ за тѣсною, бѣжавшею къ лѣсу, толпой. — «Броши ихъ, полосуй!» — кричалъ, поднимъ саблю, командиръ колонны. — «Михельсонъ, Михельсонъ!» — повторяли казаки, на-бѣгу, оглядываясь на него.

Прядышевъ былъ увлеченъ и куда-то притиснуть бѣжавшими мятежниками. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, съ остатками свиты, обратно проскакалъ на Соколѣ Пугачовъ. Голубой, штофный бешметъ на немъ былъ разстегнутъ, шапка свалилась съ головы; потное лицо было растерянно. Испуганные глаза устремлялись къ опушкѣ лѣса, куда въ то время въѣзжалъ возокъ, съ его сожителями и добычей. Идорка, на раненомъ Орлѣ, едва поспѣвалъ за Пугачовымъ. Твороговъ скакалъ, окровавленной рукой придерживая насквозь прострѣленную щеку. Сзади всѣхъ ѣхалъ Оболяевъ. Старый умѣтчикъ былъ раненъ въ грудь. Блѣдный, истекая кровью, онъ, съ значкомъ Пугачова въ рукѣ, чуть держался на сѣдлѣ, склоняясь грудью къ шеѣ коня.

Среди бѣгущихъ упала и съ оглушительнымъ трескомъ разорвалась граната. Толпа въ ужасѣ отхлынула и безъ оглядки побѣжала далѣе. На мѣстѣ осталась безобразная куча растерзанныхъ, залитыхъ кровью, тѣлъ. Отброшенный взрывомъ гранаты и натискомъ толпы въ сторону, Прядышевъ увидѣлъ, какъ его правый, бывший подъ Оболяевымъ, жеребецъ Анпрасъ взвился на дыбы и сбросилъ съ себя сѣдока. Теодоръ поспѣшилъ къ Оболяеву. Бонъ фыркалъ и рвался, сдерживаемый уздою, обмотанною вертуть руки старика. — «Дѣдушка, вставай, помогу тебѣ!» — говорилъ Прядышевъ, нагибаясь къ неподвижно-лежавшему умѣтчику. Оболяевъ не отвѣчалъ. Его глаза были открыты. На шеѣ висѣлъ походный образокъ самозванца; свободная рука прижимала къ вышитой позументами груди остатокъ разорваннаго гранатою штандарта. Кровь струилась изъ плеча. — «Бей ихъ! коли!» — слышались новые крики отъ моста. Къ холму скакала вторая

шеренга гусарь. — «Прости, дѣдушка, не поминай лихо!» — сказал Прядышевъ, распутавъ узду и вспрыгивая на Анпраса. Бонь, почувявъ на себѣ знакомаго сѣдока, помчался вскачь. — «А, старый чёртъ, въ позументахъ!» — раздались сзади его крики: «давно тебя, сатану, искали!» — Обскакивая, по пути къ лѣсу, пригрохъ, Прядышевъ оглянулся. Два рослыхъ гусара, поднявъ раненаго Оболяева, прикручивали его къ сѣдлу запасной лошади.

Войско Пугачова было разбито наголову. Самъ онъ, съ остатками отряда, скрылся въ смежномъ, шедшемъ на десятки верстъ, лѣсу. Убѣдившись, что, измученный непрерывною гоньбою за нимъ, Михельсонъ остановился дать отдыхъ солдатамъ, онъ кое-какъ привелъ въ порядокъ свой отрядъ, перевалилъ съ нимъ, лѣсными дорогами, за Уральскія горы и, присоединя къ себѣ, обманными листами и силой, новыя шайки башкиръ и съ разоряемыхъ заводовъ крестьянъ, вышелъ на большую дорогу и потянулся къ Уфѣ.

Лазутчики, въ-время, дали знать объ этомъ Михельсону и тотъ, опередивъ самозванца, встрѣтилъ его 5-го юня на пути и снова разсѣявъ его скопища. Пугачовъ бросился къ Кунгуру, потомъ къ Екатеринбургъ, но, узнавъ, что и тамъ стояли сильныя правительственныя отряды, вышелъ на красноуфимскую дорогу и направился къ пригороду Осѣ. Прядышева онъ не отпускалъ отъ себя.

Теодоръ былъ при осадѣ и взятіи Осы. Подойдя къ ней 18-го юня, Пугачовъ послалъ воззваніе къ гарнизону, грозя сечь пригородъ и предать смерти всѣхъ его защитниковъ, если они ему не сдадутся миромъ. Командиры гарнизона, майоръ Скрипицынъ и капитанъ Смирновъ, не уступали. Самозванецъ, съ старшинами, осмотрѣлъ берега Камы, исправилъ на ней переправы и мосты, подкатилъ къ деревяннымъ стѣнамъ крѣпости, съ подвѣтренной стороны, рядъ возовъ съ сѣномъ, берестой и соломой, и собственноручно ихъ зажегъ. Крѣпость и пригородъ запылали. Сильный вѣтеръ усиливалъ пожаръ. Гарнизонъ отворилъ ворота и сдался. Пугачовъ простилъ офицеровъ. Спасшіеся майоръ и капитанъ, съ младшимъ подпоручикомъ, Минѣевымъ, написали извѣщеніе къ казанскому губернатору, оправдывая себя и предупреждая его, что злодѣй замышляетъ набѣгъ и на Казань. Заготовленное письмо майоръ носилъ при себѣ, ожидая случая переслать его въ Казань. Подпоручикъ выдалъ товарищей самозванцу. Майоръ и капитанъ были повѣшены. Донощика Пугачовъ, въ награду, произвелъ въ капитаны и отдалъ ему имущество и пожитки казенныхъ. Всѣ въ отрядѣ завидовали новообъявленному государеву любимцу. — «Эка, дьяволъ, успѣлъ!» — толковали о немъ въ старшинской избѣ и на

базаръ: «сколько посуды ему досталось, какая коляска и кони! а зубастый, должно, сатана, хоть и изъ молодых!» — «Задасть онъ вамъ, толоконникамъ... вѣдь, не нашъ братъ, — отвѣчали другіе: офицерская косточка, дворянинъ!» — Съ любопытствомъ Прядышевъ ожидалъ увидѣть этого офицера, такъ какъ, до казни выданныхъ послѣднимъ товарищей, онъ находился за пригородомъ, въ командѣ Баранки, тушившей горѣвшія предмѣстья и охранявшей обозъ. По прекращеніи пожара, всѣ потянулись въ пригородъ. Прядышевъ вышелъ на базарную площадь. Часть казаковъ чистила и ладила найденныя въ пригородѣ пушки. Твороговъ изъ казенныхъ амбаровъ раздавалъ обознымъ пекарямъ провіантъ. Согнанные жители грузили изъ амбаровъ на обозныя фуры кули съ мукой, крупой, солью и овсомъ. Толпа зѣвакъ глядѣла на просторный домъ соборнаго протопопа, гдѣ остановился самозванецъ. Вдругъ толпа зашевелилась. На крыльцѣ этого дома показался вертлявый, худой и остриженный въ скобку, по-казацки, въ пѣхотномъ, полиняломъ мундирѣ, курносый офицеръ. — «Новый капитанъ, капитанъ!» — заговорили въ толпѣ, указывая на крыльцо. Прядышевъ взглянулъ на офицера и остолбенѣлъ.

Въ переодѣвшемся подпоручикѣ онъ узналъ офицера Федора Минѣева, который, велѣдъ за выходомъ изъ кадетскаго корпуса, встрѣчался съ нимъ на разныхъ увеселеніяхъ Москвы, — въ театрахъ, на маскарадахъ и холостыхъ попойгахъ. Онъ же, съ другими знакомыми, на одной изъ пирушекъ обсуждалъ съ нимъ увозъ Серафимы Дугановой и приготовилъ для увоза лошадей. — «Да неужели же это онъ самъ, мой тѣзка?» — спросилъ себя Прядышевъ, вглядываясь въ знакомые, маленькіе глаза и смуглое, съ выдавшимися скулами, курносое лицо Минѣева, который съ важною осанкой, гордо шелъ мимо толпы, снимавшей передъ нимъ шапки: «вотъ неожиданность! его, за пьянство и буйство, перевели изъ полка въ гарнизонъ, и вдругъ онъ тутъ!» — Онъ подошелъ къ Минѣеву.

— Федоръ Ильичъ, — сказалъ онъ: тебя ли вижу? узнаешь ли меня?

Минѣевъ съ секунду пристально и удивленно всматривался въ лицо Прядышева.

— Какъ не узнать! — произнесъ онъ, отворачиваясь: первый по Москвѣ, знаменитый ухарь, угоститель пріятелей и сердцеѣдъ Теодоръ, хоть ты уже не въ пудрѣ, да и я не въ косѣ. Только, батенька, помни, — прибавилъ онъ въ полголоса и оглядываясь: о прошломъ здѣсь, а особливо обо мнѣ, ни гу-гу. Послѣ все узнаешь, вечеромъ, заходи...

Сказавъ это, Минѣевъ снова принялъ важный, начальническій видъ. Небрежно кивая головой кланявшимся ему изъ толпы, онъ отошелъ къ возамъ, на которые грузили провіантъ, и оттуда долго еще раздавались его громкія приказанія, выговоры и крупная брань. — «Изъ молодыхъ, да ранній», — подумалъ о немъ, прислушиваясь къ его восклицаніямъ, Прядышевъ: «впрочемъ; оно тутъ и полезно; хоть и шутъ гороховый, а все-таки способный и знающій, среди здѣшной сутолочи и безпорядковъ».

Въ сумерки Прядышевъ подошелъ къ небольшому дому, который занималъ Минѣевъ, невдали отъ квартиры самозванца. У его воротъ, какъ и у квартиры Пугачова, стояла стража.

— Ну, старый знакомецъ и тѣзка, — началъ Минѣевъ, когда Прядышевъ вошелъ къ нему въ комнату: очень радъ встрѣчѣ, а еще болѣе, что и ты, дружище, какъ слышу, одумался и передался истинному нашему, гонимому государю. Выпьемъ, братъ, на радости! — прибавилъ онъ, указывая гостю на столъ, обильно уставленный питьями и закусками.

— Такъ онъ и въ самомъ дѣлѣ настоящій? — спросилъ Теодоръ и, спохватившись, что сказалъ неладное, прибавилъ: то-есть, видишь ли, врутъ разное, хотѣлось бы, Федоръ Ильичъ, узнать истину, доподлинный ли онъ, по твоему, государь?

— А ты думалъ какъ? — строго взглянувъ на гостя, спросилъ Минѣевъ: охъ ты, простота, Федя, вижу... былъ и есть предъ Господомъ младенецъ.

Минѣевъ всталъ, заперъ дверь на задвижку, прошелся по комнатѣ, ероша свои обрѣзанные въ кружокъ волосы, и сталъ передъ зеркаломъ, висѣвшимъ на стѣнѣ.

— Да какъ же, подумай ты, могъ бы хоть и я присягнуть ему? — сказалъ онъ, глядя въ зеркало и выпячивая грудь: ну, какъ эти силы, голова рѣшились бы на этакое даромъ, безъ причины? Вѣдь ему, какъ настоящему прирожденному государю, присягнула уже половина царства. Да здравствуетъ нашъ истинный царь, Петръ Федоровичъ! Пей, братецъ, ура!...

Хозяинъ и гость чокнулись полными стаканами, съ крикомъ ура, выпили и снова повторили.

— Закуси, дружище, — обратился къ гостю Минѣевъ, указывая на миски и блюда: караси въ сметанѣ, пельмени съ бараниной, уха изъ стерлядей...

— Да это просто балъ, — вскрикнулъ гость, давно въ походахъ питавшійся одними сухарями и солониной: откуда такая стряпня?

— Поваръ покойнаго здѣшняго майора, — отвѣтилъ Минѣевъ, ушлетая уху: не покорился майоръ, повѣшенъ, намъ за то такая благодать.

Собесѣдники помолчали.

— Буда же его величество отсюда? — спросилъ Прядышевъ, жончивъ уху и принимаясь за пельмени.

— Въ Казань, дружище, въ Казань! Тамъ цѣсаревичъ, его высочество, Павелъ Петровичъ, ждетъ спасеннаго отца, съ свѣжимъ войскомъ... тридцать, коли не болѣе, тысячъ привелъ и всю, какъ есть, гвардію. Всѣхъ разнесемъ, покоримъ.

Прядышевъ на это поморщился.

— Такъ-то, такъ, — сказалъ онъ, качая головой: разнести все можно, отчего-жъ, — только не по мнѣ это, не по душѣ.

— Почему? — нахмурился Минѣевъ.

— Да потому, братъ на брата, свои вѣдь, это подло!

— Какъ подло? — вскрикнулъ и вскочилъ Минѣевъ: такъ ты, выходить, трусишь? На понятный дворъ?... Да знаешь ли, подлая твоя душа, — шепталъ онъ, напирая, съ кулаками, на гостя: что если здѣсь замѣтить, ну, только догадаются, не сдобровать, слышишь ли, ни тебѣ, ни мнѣ. Мало петли, съ живаго кожу сдеруть.

— Да я ничего, полно, Федоръ Ильичъ, — опомнился Теодоръ: я только такъ, что свои, молъ, — повторялъ онъ, оправдываясь: не мое дѣло... мнѣ бы только бумагу на тятенькинъ заводъ.

— Какой заводъ?

Прядышевъ рассказалъ.

— Будетъ тебѣ все, будетъ, вотъ тебѣ Богъ! — объявилъ, указывая на образъ, Минѣевъ: помоги только намъ и ты.

— Въ чемъ же моя помощь?

— Ты грамотище, ученіе меня, въ первомъ пансіонѣ обучался, былъ въ чужихъ краяхъ; а нужно половчѣе написать манифестъ въ Казань.

— Да помилуй, я и простыя письма, съ трудомъ, едва пишу!

— Вздоръ, братецъ, напишемъ вмѣстѣ! А какъ возьмемъ Казань да Москву, превознесутъ насъ, родной ты мой, вотъ какъ! Орловы нынче въ силѣ и славѣ, а въ то время, дружище, будемъ милы отечеству и мы!

— Такъ дѣйствительно, слушай, не серчай, онъ государь? — спросилъ опять Теодоръ: ну, для меня скажи, ты вѣришь тому?

— Не вѣрилъ бы, не пошелъ бы, — отвѣтилъ, зѣвнувъ, Минѣевъ: простота, вижу ты, простота. Какъ не понять? веревка тутъ, веревка и тамъ, такъ ужъ лучше, братецъ, вѣрить тому, что самъ

видишь, авось выгоритъ. Ну, развѣ самъ не примѣчаешь, какъ къ нему льнуть и сколько у него войска?

— Ура!—кривнуль, махнувь на все рукой, Теодоръ: счастье, значить, выше всего, за нимъ идёмъ!

Минѣевъ хотѣлъ еще что-то говорить и оглянулся на Прядышева. Тотъ, склонясь на столъ, уже спалъ.

XXII.

Передъ выходомъ изъ Осы на Узы и Маликишъ, Пугачовъ учинилъ судъ и казнь надъ послѣдними изъ указанныхъ ему, непокорныхъ офицеровъ, дворянъ и купцовъ, достоиніе которыхъ было взято въ обозъ самозванца. Ихъ повѣсили на базарѣ; нѣкоторыхъ прямо топили въ рѣкѣ, а на выгонѣ устроили еще особую расправу. Захожій изувѣръ, изъ толка бѣгуновъ, гостя въ пригородѣ, встрѣтилъ самозванца на улицѣ, верхомъ на конѣ, разглядѣлъ подслѣповатыми глазами, какъ многіе изъ народа, крестьясь, падали передъ новоявленнымъ государемъ на колѣни, не вытерпѣвъ, выхватилъ изъ-за пазухи походный ножъ и, съ крикомъ: «антихристъ, тьфу! бей его, сатану! разсѣйся!»—бросился съ ножомъ на самозванца. Изувѣра схватили. По совѣту Минѣева, въ острастку прочимъ, его привязали на выгонѣ, у оврага, къ столбу и, создавъ городскихъ подростковъ, объявили, что злодѣй отданъ имъ на разстрѣляніе. Буча безбородыхъ малолѣтковъ бросилась съ отцовскими ружьями на выгонъ. Тѣмъ временемъ, Пугачовъ покидалъ Осу. Въ отрядѣ слышали звуки выстрѣловъ и хохотъ потѣшниковъ. Когда же войско проходило невдали отъ оврага, съ дороги увидѣли страшную мишень,—освѣщенный лучами заходящаго солнца, столбъ, на которомъ, въ послѣднихъ судорогахъ, подъ неумѣлою пальбой ребятъ, корчилась и билась длинная, окровавленная фигура казнимаго.

— Что, батенька, отвернулся?—спросилъ съ усмѣшкой, подѣхавъ къ Теодору, Минѣевъ: сердце, видно, не мужское, а бабье?

— Ахъ, ужась!—отвѣтилъ, смигивая слезы, Прядышевъ: вѣдь, человѣческая все-таки душа, жизнь вѣдь это, а ты шутишь.

— Полно, баба, ахать, недолго ждать!—сказалъ Минѣевъ: все рѣшено; указаны мною средства, пути и все! вѣдь не даромъ я казанецъ, всё норы знаю, проведу. Все пока услышно... А сколько этого народу со всѣхъ концовъ идетъ, просится въ государево войско! Сегодня опять принято безъ счету и конныхъ, и пѣшихъ. Эхъ вы, купчишки, не военная косточка, гдѣ вамъ понять? А, впрочемъ, Прядышевъ, будетъ хорошо и тебѣ. Какъ возьмемъ Казань, тамъ губернаторская канцелярія, эти всё бумаги, законы и

все. Государь вспоминалъ еще сегодня, безпремѣнно подпишетъ и выдастъ тебѣ документъ.

Прядышевъ вѣхалъ молча. Не то теперь у него было на умѣ. — «Казни, пожары, грабежи и кровь!» — думалъ онъ: «и все это на моихъ глазахъ, во всему я по-неволѣ причастенъ. Водятъ, тягачуть, отъ Урала до Бунгура, назадъ до Красноуфимска и снова вонъ куда. Я имъ бумаги пишу, объявленія, обносился, голодаю... Шубу приняли, коней, — сбрую и всѣ деньги забрали, даромъ загубили прикащика, а резону насчетъ наслѣдія ни на алтынъ. Какой онъ, и впрямь, государь? чеснокъ, да щербу тарелками ѣсть, пьяница, развратникъ и всѣхъ въ-конецъ поить... Лучше бы, видно, на заводѣ было сидѣть и ждать. Нѣтъ, конечно, бросить ихъ надо, убѣжать. Виномъ заливаютъ, диктуютъ воззванія, а что иной разъ пишу пьяный, и не сообразишь... И зачѣмъ я тогда, въ Кіевѣ, связался съ цыганами?... Не сполъ бы, не обобралъ бы Пантюшка, — божество - Серафима была бы моя! проживалъ бы я въ чужихъ краяхъ, а не тутъ, съ мужичьемъ, душегубами! Насолилъ врагу подмѣтнымъ письмомъ, да что вышло? думалъ — нарвется отъ ревности на лѣкаря, а тотъ пришибетъ его, иначе, не удалось... А красавица? будь силы, будь капиталъ, кажись, опять выкралъ бы, увезъ бы краю... Исполнить царь просьбу, минуты не останусь, убѣгу»...

Мысль о побѣгѣ изъ отряда самозванца не давала Прядышеву покоя. Но какъ уйти? поймають, коротка расправа, петля и на сукъ. Онъ мучительно выжидалъ случая, стычки какой-нибудь, ночнаго нападенія на заводъ или помѣщичье село, пожара, грабежа, чтобы подъ общую сумятицу и возню отбиться въ сторону, заѣсть въ какой-либо водоройнѣ или въ лѣсу и оттуда, когда все смокнетъ, уйти, куда глаза глядятъ. Не встрѣчалось, однако, ни новыхъ стычекъ, ни пожаровъ.

Путь отъ Осы до Узы и до обоихъ Кильмезей былъ пройденъ безъ всякаго отпора и преградъ. Вездѣ самозванца встрѣчали съ хлѣбомъ-солью; сельскіе причты ожидали его у церквей, съ хоругвями, а чернь, выслушавъ отъ него указъ о волѣ, присягала ему, цѣлуя крестъ. Подошли къ Малмыжу. На утро готовились переправиться черезъ Вятку.

«Ну, тутъ непремѣнно убѣгу!» — рѣшилъ Прядышевъ, съ замираніемъ ожидая ночи. Онъ прилегъ у старшинской палатки и притворился, что спитъ. Солнце давно зашло за прибрежными холмами, но сумерки еще длились, не смѣняясь ночью тьмой.

— Феда, а Феда! Теодоръ! — раздался чей-то голосъ надъ Прядышевымъ.

Бто-то теребилъ его за плечо. Онъ поднялъ глаза. Передъ нимъ стоялъ Минѣвъ.

— Что тебѣ?—спросилъ Прядышевъ.

— Не знаешь новости?

— Какой?

— Да твоя-то бывшая дульцинея, эта Дуганова... знаешь-ли, гдѣ она?

— Не знаю, говори! — вскрикнулъ, поднявшись на локтѣ, Прядышевъ.

— Подъ Базанью, въ имѣнии своей крѣстной, этой генеральши Туровцовой, что ли.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Къ намъ, уже вторые сутки, съ другими пристаъ одинъ новобранецъ, изъ барскихъ лакеевъ... и какъ бы ты думалъ, кто? помнишь Сергѣя дугановскаго, московскаго слугу? Начѣтникъ еще такой, все святцы читалъ.

— Еще бы не помнить! сколько разъ съ письмами ко мнѣ ходилъ.

— Ну, онъ самый и есть.

— Гдѣ же онъ? гдѣ? неужели здѣсь?

— У Идорки, кухаремъ у артельного котла; узналъ меня, сейчасъ и сообщилъ,—вся, говорить, дугановская семья гостить теперь у Туровцовой, подъ Базанью.

Прядышевъ вскочилъ.

— Въ какой сторонѣ артельные котлы?—спросилъ онъ, оглядываясь.

— Иди, дружище, прямо, вонъ видишь, дымъ—у самаго берега.

Прядышевъ пошелъ по указанію.

— А что, —усмѣхнулся Минѣвъ: теперь уже безъ колебаній пойдѣмъ на Базань?

Прядышевъ на этотъ вопросъ не оглянулся и ничего не отвѣтилъ.

Красный-Буть, имѣніе Варвары Ивановны Туровцовой, крѣстной матери Серафимы Дугановой, находилось на правомъ берегу Волги, въ пятнадцати верстахъ отъ Казани. Обширная барская усадьба этого села выходила на почтовый сибирскій трактъ. Фруктовый садъ и паркъ упирались въ лѣсную дачу, черезъ которую шла дорога отъ Краснаго-Бута, вдоль Волги, въ Базань. Передъ стариннымъ, деревяннымъ домомъ, съ залой въ два свѣта — въ тридцать оконъ, съ галереями, виннымъ и рыбнымъ погребами, раз-

стился зеленый, усаженный кустами, большой дворъ, съ чугунною рѣшеткой и высокими, чугунными воротами, на рѣзной перекладинѣ которыхъ красовался бронзовый гербъ владѣлицы, а по ночамъ, для удобства прїѣзжающихъ, постоянно зажигался большой фонарь. На вышнѣ бельведера, надъ которымъ развивался флагъ, собственный крѣпостной астрономъ Туровцова, Антонушка, содержалъ для ея гостей большую зрительную трубу. Видъ отсюда на ближніе холмы и лѣсъ и на синѣющія, чуть видныя въ туманной дали, очертанія Казани былъ живописный и привлекательный. Парадное крыльцо господскаго дома, съ началомъ лѣта, уставлялось магноліями, олеандрами и другими растеніями изъ теплицъ. Здѣсь обыкновенно толпились свои и заѣзжіе слуги, ожидая зова господъ и пересуживая то, что слышали въ домѣ или о чемъ шли толки на сторонѣ. Кромѣ астронома, у Туровцова были собственные актеры, музыканты, парикмахеръ, хоръ пѣвчихъ и даже артиллерія, такъ какъ по бокамъ воротъ, на лафетахъ, стояли двѣ мѣдныя пушки.

— Весело у васъ тутъ, — сказалъ молодой и франтоватый, заѣзжіи лакей пожилому, въ сѣрой курткѣ, кухонному слугѣ, давшему ему, на ходу, у крыльца потянуть изъ коротенькой, дымящейся трубочки: и это у васъ часто?

— Почитай, каждый Божій день, — отвѣчалъ тотъ, слѣвая: съ прїѣзда этихъ Дугановыхъ, ихней, значить, родни, ни сѣсть, ни лечь, — съ утра до поздней ночи у печки, — завтраки, обѣды, полудники, ужины, не напасемся дровъ. Вы будете, значить, изъ Тевкелевки?

— Изъ Сурыша, дяденька, Порозовыхъ.

— А что, паренѣкъ, — спросилъ вполголоса кухонный мужикъ, отводя лакея отъ крыльца: что слышно, то-есть, вонче, въ вашей сторонѣ?

— О чемъ спрашиваете?

— Да о тѣхъ же все, о ѣздящихъ тутъ въ степи! Правда ли, сказываютъ, быдто онъ воръ, какъ есть, и быдто вовсе не царь, а только взялъ на себя такое имя?

Франтъ-лакей тоже сплюнулъ и опять затянулся изъ трубочки.

— Намъ какое дѣло! — отвѣтилъ онъ, оставивъ ногу, одѣтую въ голубой плисъ, съ серебрянымъ позументомъ, и вертя ею передъ собой: мы не баре, холопы, — наше дѣло молчать. Опять же, гдѣ намъ про такое, то-есть, дѣло судить? Оно точно, слышно, быдто именно всякіе люди ѣздить въ тутошнихъ мѣстахъ; а воръ ли онъ, заправскій ли государь, про то, дядя, мы не свѣдомы.

— Нѣтъ, слушай, малый; набью тебѣ еще трубочку, покури, — продолжалъ, оглядываясь, кухонный мужикъ: ты, какъ передъ Богомъ, скажи, — правда ли, что онъ, этоть-то старый, или новый царь, отбираетъ у господъ, ослобоняетъ, то-есть, мужиковъ, и правда ли, быдто, какъ только осерчаетъ, сейчасъ вѣшаетъ не токмо начальство, а и господъ?

— Какъ какіе господа! — съ важностью, отвѣтилъ, взглянувъ на старика, лакей: ваша, чай, поди, живодѣрка?

— Что ты, что ты! — въ ужасѣ замахалъ руками старикъ: нечего Бога гнѣвить, тятенька ихній былъ точно — куда строгъ, а она, сердечная, ничего... Одна бѣда, найдутъ гости изъ города, али какъ вотъ ваши, до-поздна сидятъ; кричатъ, гляди, пѣтухи, а имъ ужинъ подавай... Ну, а какъ ваши? строгоньки, спуску не даютъ?

— Изверги, — усмѣхнулся лакей, кончивъ курить и выбивая о ладонь трубку: да что! у васъ, дяденька, до пѣтуховъ, а у насъ до солнца; музыка, карты, плясъ... особенно эти карты, ломберъ, али тотъ фараонъ; доиграются иновѣ, на столахъ негдѣ записывать выигрыша, пишуть на сапогахъ.

— Насчетъ воли этой что слышно? быдто ни податей, ни барщины больше не отбывать?

— Какъ не слышно! Всякое толкуютъ, да мы на это плевать. У насъ двѣ барышни на выданьи; такъ будетъ такой развалъжъ, фейверки, комедія, изъ Казани ждуть трубачей... намъ справляютъ новыя ливреи, желтыя... опять же и насчетъ шляпъ...

— Ну, на барынино рожденіе и у насъ будетъ фейверкъ, — отвѣтилъ, уходя и не желая уступить заѣзжему молокососу, старикъ: а музыка и всякое угощеніе къ намъ выписаны не токмо изъ Казани, изъ Москвы. Да у васъ сколько душъ?

— Триста.

— Ну, а у нашей — три тысячи! Одной прислуги пятьдесятъ человекъ, да своя вонъ артиллерія...!

Домъ и усадьба Варвары Ивановны Туровцовой, съ прїѣздомъ Серафимы Львовны и ея семьи, наполнились давно небывалымъ здѣсь оживленіемъ. Гости изъ города и окрестныхъ помѣстьевъ съѣзжались сюда чуть не каждый день. За столъ садились по сорока и болѣе человекъ. Предпринимались поѣздки въ поле, на берега Волги и въ лѣсъ, гдѣ пили чай, собирали цвѣты и грибы. Устраивались катанья, съ музыкой, въ лодкахъ — по лѣснымъ озерамъ и на большомъ, парусномъ катерѣ — по Волгѣ. Пожилые, по вечерамъ, играли въ карты, молодежь собиралась у клавикордовъ; пѣли, играли въ фанты и танцовали.

XXIII.

Если молодые, заѣзжіе изъ Казани и отдаленныхъ деревень, помѣщики привозили и шепотомъ передавали какую-либо неприятную вѣсть о новыхъ походахъ и неистовствахъ Пугачова, вновь, какъ стало слышно, появившагося изъ-за Уральскихъ горъ и бунтовавшаго тамошніе помѣщичьи и казенные заводы, то другіе, пожилые, этимъ слухамъ не придавали особаго значенія и старались имъ не вѣрить.

— Все это бабьи страхи и вздоръ, — разсуждали выросшіе въ давнемъ, глубокомъ мирѣ и тишинѣ старожилы: ну, гдѣ ему противъ регулярныхъ войскъ! притомъ такая даль, гдѣ-то въ башкирскихъ и киргизскихъ степяхъ... Да въ Казани сколько полковъ — вятскій, владимірскій, томскій, гренадеры, карабинеры, бахмутскіе гусары!

— А какъ злодѣй, все - таки, нагрянетъ сюда? — возражали робкіе и болѣе впечатлительные вѣстовщики: вѣдь, у него скопища по десяти, двадцати тысячъ!

— Въ Казань-то, батенька? на такую крѣпость? — усмѣхались старики, служившіе когда-то въ военныхъ и участвовавшіе въ походахъ съ Минихомъ: по вашему, тотъ разбойникъ, казакъ нѣкій, — что ли, герой, Марій-безстрашный, или Цезарь-стратегъ?

— А что же такое Пугачовъ?

— Маркитантишка плюгавый, не больше! пьяница былъ всегда и грубиянъ, какъ и слѣдуетъ мужику, а все его войско — сбродъ каналій, оборванной голытьбы, вотъ и все. Настигни его настоящее войско, произведи, какъ слѣдъ, атаку, съ диверсіей, обходомъ съ фланговъ и прочимъ, не устоять ему и часу. Хорошъ стратегъ, удираетъ въ степь отъ первой правильной пальбы. Трусъ онъ подлый и только измѣной, предательствомъ беретъ!

— Однако же, — не унимались возражатели: что ни говорите, а Пугачовъ дерзокъ и смѣлъ; носится на конѣ подъ пулями, передъ нашимъ фронтомъ; топчетъ ногою, — легионы изъ-подъ земли выходятъ... А какъ мучить плѣнныхъ, непокорныхъ ему? Офицеровъ разстрѣливаетъ, священниковъ ребромъ вѣшаетъ на крюкъ, истекающихъ кровью раненыхъ топить безъ сожалѣнія въ колодцахъ и прудахъ... дѣтей, невинныхъ младенцевъ, вверхъ ногами вѣшаетъ на глазахъ матерей... а женъ и дѣвицъ беретъ къ себѣ въ паварихи. Это ли не смѣлость? И ужъ если Емелька не римскій герой, то, по правдѣ сказать, сермяжный Атила, крещеный, для позора народа и нашей вѣры, современный Тамерланъ.

— Эхъ, видно и впрямь, сами вы, господа, храбрецы!—отвѣчали, прижатые къ стѣнѣ, старики: вѣрите всякому объ этомъ разбойникѣ авантюрьерскому вранью и галиматьѣ. Ужъ и Аттила, и крещеный Тамерланъ! Ну, чего бояться его хоть бы намъ съ вами? Посудите толково... Казань окружена крѣпостью, батареями; въ ней свыше двухсотъ пушекъ. Такъ ли это? нѣтъ, вы скажите, ложь это или вѣрно?

— Ну, вѣрно. Что же далѣе?

— А если вѣрно, то гдѣ же этой, извините, безпорточной командѣ, этой арабѣ мужиковъ, отважиться хоть бы на осаду, или на штурмъ такой правильной и всеѣмъ снабженной крѣпости, когда, во-первыхъ, о ихъ подступѣ всѣ будутъ знать напередъ,—не степная же это, жалкая фортеція, въ родѣ Озерной, — и, во-вторыхъ, защищаетъ ее, съ достаточнымъ войскомъ, такой опытный генералъ, какъ нашъ губернаторъ фонъ-Брандтъ... Пусть попробуютъ! Притомъ и измѣны намъ не ждуть, кругомъ насъ тихо, ни голода, ни мора, ни повѣтрій, а урожай, встати, кагой, — давно не было такого. Такъ-то, государи мои, — напрасная тревога... Народъ не глупъ, истязателей между нами нѣтъ, и не изъ чего ему бунтовать.

— Но позвольте, позвольте,—не унимались спорщики-пессимисты: кому же не извѣстно, что всѣ на свѣтѣ рабы, испоконъ вѣковъ, всегда того только ждали и ждутъ, чтобы освободиться, и для этого готовы хоть растерзать своихъ владѣльцевъ, какъ бы послѣдніе, подобно намъ съ вами, ни были къ нимъ склонны сердцемъ и добры...

— Что вы, что вы!—шептали, въ ужасѣ оглядываясь, старики: говорите такія слова! затворили бы хотя двери,—слуги услышать.

— А именно-съ... и нечего затворять дверей. На то подданные мужики и чернь, чтобы питать ненависть и сокровенную злобу къ власти, къ достатку и къ господамъ. Нѣтъ между нами бездушныхъ истязателей, въ родѣ хотя бы московской, по правдѣ надо сказать, просто безумной Салтычихи; это истина-съ, и наши, да и сосѣдніе дворяне не ославлены еще, благодаря Бога, никакимъ вопіющимъ претекстомъ къ бунту и насиліями надъ крѣпостными. Но такъ всегда было въ мірѣ, такъ и будетъ... рабъ остается рабомъ.

Старики хотѣли возражать.

— Non, non, messieurs, notre peuple n'est pas sûr, — перебивали ихъ спорщики уже по-французски, увидя лакея, входившаго съ чашками чая на подносѣ: et vous le savez bien, vous mêmes, que le scélérat fera beaucoup de mal, s'il parvient jusqu'à Kazan.

— Mais écoutez donc, Степанъ Романычъ, — перебивали стари-

жи, когда лакей удалялся съ чашками: ну, чѣмъ соблазняютъ хоть бы этотъ народъ? Вы читали воровскіе листы, эти манифесты самозванца?

— Нѣтъ, не случалось.

— Ну, а вотъ я читалъ, губернаторъ привозилъ... Штиль, ба-
тющка, глупый, подлый и чисто мужицкій, какъ и все у этого зло-
дѣя мужицкое и подлое.

— Да что вы толкуете? да вѣдь мужику того только и нужно!
что ему обѣщаетъ Пугачовъ? полную свободу отъ барщины и по-
датей... а ему только этого и надо...

— Я, сударь, самъ подати за своихъ плачѹ.

— А онъ обѣщаетъ имъ и землю даромъ.

— Да и у меня бери землй, подлець, сколько хочешь.

— Бери, однако, съ моего согласія! а тогда мужикъ и самъ
возьметъ, — такъ-то-съ!

— Опять же чѣмъ ихъ манить этотъ злодѣй? На что, гово-
рить, церкви и попы? хочешь вѣнчаться, обойди съ дѣвкой вдругъ
куста и—баста, ты совершилъ бракъ... самокруткой, понимаешь?

— Ну, это вы уже черезчуръ, Иванъ Ильичъ!

— Нѣтъ, не черезчуръ-съ! Эхъ, вы, вольнодумцы, послать
бы васъ въ гости къ Шешковскому, посадить бы хоть одного изъ
васъ въ его кресло, съ секретомъ... Былъ это я, намедни, въ по-
лицейской ратушѣ; привели, при мнѣ, пойманнаго подъ городомъ,
лазутчика. Связали, стращаютъ, грозятъ плетьюми; сказывай, можь,
говорятъ, видѣлъ ты Пугачова? каковъ онъ собой? А лазутчикъ
отвѣчаетъ: что же, господа? правду скажу, видѣлъ батюшку-царя,
и таковъ-то онъ милостивъ, нищелюбивъ, свѣтлодушень и сладко-
рѣчивъ.

— Задалъ бы я ему это свѣтлодуміе!

— Да и задали... Не будь подстрекателей и мутьяновъ, не со-
вратить нашихъ подданныхъ. Во всемъ нашемъ округѣ не изъ чего
бунтовать. Да хоть бы и дерзнули, одинъ нашъ прославленный ге-
рой, Михельсонъ, чего стоитъ? Налетитъ сюда и сразу прекратитъ
политическую чуму, неистовство и злое похабство слѣпой и глупой
черни. Онъ одинъ справится, возвратитъ и усилитъ символы на-
шего счастья, сниметъ веревку съ шеи всего російскаго дворянства.

— Вашими устами медъ бы пить!

На эти и подобные имъ разговоры Алексѣй Андреевичъ Дуга-
новъ наружно не обращалъ никакого вниманія. Внутренно же они
тревожили его и смущали, и онъ не разъ, послѣ такой бесѣды,
долго бывалъ не въ духѣ.

Стояли превосходные, теплые дни конца июня. Рабочая пора была въ разгарѣ. Поля кипѣли кишѣли народомъ. Убирали сѣно. Поспѣвала рожь, на славу отцвѣтали проса и гречихи. Былъ обильный пчелиный взятокъ; улы ломились отъ меда и пчелы не успѣвали собирать роевъ. Ожидался незапамятный урожай огородини и плодовыхъ садовъ. Деревенскія околицы, по вечерамъ, оглашались пѣснями возвращавшихся съ поля загорѣлыхъ косарей и убранныхъ цвѣтами и лентами гребчихъ. Довольство радостнаго, трудового народа отражалось и на веселии господъ.

Въ Туровцовской усадьбѣ, уже болѣе двухъ недѣль, готовились къ празднованію дня рожденія Варвары Ивановны. Въ саду, надъ ближайшимъ озеромъ, ставили шесты и размалеванныя декораціи для фейерверка. Изъ Москвы пришли подводы съ винами и заморскою бакалѣей, изъ Казани — съ свѣжепросоленною, копченою и вяленою рыбой. Въ Казани-же договорили для танцевъ хоръ военныхъ трубачей, а для парадной обѣдни—соборныхъ и архіерейскихъ пѣвчихъ; собственный домашній хоръ долженъ былъ пѣть за столомъ. Изъ Москвы къ церковному служенію доставили новыя богатыя ризы, а каменный, пятиглавый храмъ, еще съ весны, подновлялся живописью и украсился новою утварью, въ томъ числѣ дорогимъ хрустальнымъ паникадиломъ и выписанными съ ярмарки, изъ Астрахани, персидскими и тибетскими коврами. Всѣ любовались отдѣлкою богатаго, стариннаго храма. Домашній священникъ, отецъ Гервасій, надѣвъ новую шелковую, голубую рясу, съ широкими рукавами, чувствовалъ отъ предвкушенія радостей праздничнаго торжества, что онъ не ходитъ, а какъ бы носится, паритъ на пышныхъ, лазоревыхъ крыльяхъ. Все было уже вполне на-готовѣ; свежень на конюшни и въ кладовыя запасъ сѣна и овса для лошадей ожидаемыхъ посѣтителей,—садовый павильонъ, одинъ изъ флигелей и нѣсколько пустыхъ амбаровъ на главномъ дворѣ были очищены, убраны и превращены въ спальныя помѣщенія для гостей. Ранѣе другихъ ожидали Марью Родіоновну, съ Нинетъ Ладыженцевою, да Силу Ѳомича Травкина, который вызвался встрѣтить Марію, при ея возвращеніи изъ Свѣблова въ Горки, и проводить ее сюда. Время, назначенное для пріѣзда Маріи въ Туровцово, давно прошло. Ожидали еще недѣлю и двѣ. Марію не являлась.

«Что бы это значило?»—раздумывалъ Алексѣй Андреевичъ: «ужь не заболѣла ли она? Ни писемъ по почтѣ, ни нарочныхъ. Заболѣла бы—Травкинъ навѣрное бы извѣстилъ!»—Поднимаясь, какъ бы для развлечения, утромъ и вечеромъ, на вышку бельведера, Алексѣй, не безъ тревоги, наводилъ зрительную трубу въ ту сторону, гдѣ

лежалъ путь отъ Самары, и высматривалъ, не видно ли облака пыли, не катитъ ли издали въ Туровцовку знакомый синій берлинъ Марі. — «Сюрпризъ хочетъ намъ сдѣлать, — думалъ онъ о свояченицѣ: нечаянно рѣшила подкатить!» — Но ожиданія Алексѣя оказывались тщетными. Съ самарской дороги онъ невольно обращалъ зрительную трубу на сибирскій трактъ, уходящій въ загадочную даль, раздумывая, все ли тамъ благополучно.

XXIV.

Однажды вечеромъ, въ воскресенье, когда всѣ сидѣли на балконѣ и Серафима вслухъ читала Варварѣ Ивановѣ недавно полученный изъ Петербурга новый французскій романъ, человѣкъ подалъ Алексѣю Андреевичу нѣсколько писемъ съ почты.

— Отъ Силы Ѳомича, — сказалъ Алексѣй, распечатавъ одинъ изъ конвертовъ.

— Не пишеть ли чего о Марі? читайте, — слышались голоса.

Дугановъ пробѣжалъ про себя полученное письмо, соображая, все ли въ немъ можно сообщить слушателямъ. Надъ нѣкоторыми свѣдѣніями онъ было задумался, но затѣмъ прочелъ письмо вслухъ.

«Досточтимѣйшій Алексѣй Андреевичъ, — писалъ Травкинъ: сообщаю вамъ горестныя вѣсти, до коихъ довѣдался вчерась, въ Саратовѣ, куда совершилъ краткій вояжъ къ знакомому вамъ, ученому звѣздочѣту, г. Ловицу. Колець Сатурна въ его телескопъ еще не видно, — будутъ зримы, какъ вѣдомо вамъ, токмо въ августѣ. А бывшіе у него гости, толкуя о Сатурнѣ, повели рѣчь и о земной, всѣхъ насъ занимающей ящичной гидрѣ. Оный ядовитый звѣрь, представте, покинулъ Магнитную крѣпость, разорилъ и ограбилъ за Ураломъ множество рудныхъ заводовъ и селъ, и перешелъ снова, какъ слышно, по сей бокъ тамошнихъ горъ. Унаси насъ, Господи, отъ него и помилуй. Но къ сему и пріятное услышалъ я. Нашъ, всѣми хвалимый, герой Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, яко истинный патриотъ, неусыпнень въ гоньбѣ за нимъ. И что за молодець! Нынче разбиваетъ изверга здѣсь, завтра наноситъ ему пагубу тамъ, но подь силу ли, скажите, все то совершать, съ малою горстью храбрыхъ, почти одному? Аки аравійскій вихрь, на истомленныхъ, казенныхъ лошадакахъ, онъ настигаетъ оборванное скопище; а тѣ нахалы и срамцы развѣ стѣсняются? Въ каждомъ селѣ силой берутъ новыхъ, свѣжихъ коней и, завидя погоню, летять далѣе, аки снѣговой ураганъ. Защитительное попеченіе безстрашнаго героя и малой горсти его уланъ, гусаръ и прочихъ при немъ штатныхъ людей, хотя весьма и ободряетъ наши дѣхи и смущенныя сердца, — но

остановить ли она горсть злобнаго того янцаго тигра и всю его звѣрояростную месть? Преградить ли она въ-конецъ путь его дерзкимъ и пронырливымъ набѣгамъ? Театръ бунта, увы, видимо расширяется, растетъ. Ахти-хти, какъ бы отрожденный христіанскою утробою Чингизъ не наскочилъ на насъ, истребляя всѣхъ неповинныхъ, здѣ живущихъ по Волгѣ дворянъ, какъ перебилъ и захватилъ по Яику и инымъ рѣкамъ? Ужли погибнемъ и впрямь, аки ночныя весеннія бабочки, сирѣчь эфемериды? Въ сихъ-то тискахъ, почтенный Алексѣй Андреевичъ, не отъ трусости, и не какъ чехвалъ или пустой фанфаронъ, а изъ расположенія, яко другъ вашей семьи, нахожу за нужно сообщить сіи, безъ должныхъ, можетъ быть, коммъ и пунктовъ, предостерегательныя ремарки. Эй, благодѣтель нашъ, берите мѣры, укладывайтесь, уговорите и ея превосходительство, высокочтимую Варвару Ивановну, и—утрусушу, либо во едину изъ тихихъ ночей, уѣзжайте, не откладывая, съ домочадцами и съ добромъ, какое поцѣннѣй, — изъ вашихъ сельскихъ мѣстъ, да не въ Казань, а прямо въ Москву, еще же того лучше—въ Питеръ, гдѣ близость самой монархини и столько защиты отъ войскъ. И если бы, прямо изъ Свѣблова, прибыла къ вамъ Марья Родіоновна, съ Ниной Александровной, берите, не медля, и ихъ съ собой. Вѣдь помѣстье, гдѣ нынѣ обрѣтаетесь, на изстари вѣдомой, сиротской и гулевой, сибирской дорогѣ. Ахъ, берегитесь! По ней, того и гляди, нежданно объявится треклятый могильный филинъ. Его пособниковъ-нетопырей, слышно, уже во множествѣ, половили и оципали; да онъ, дерзостный и ядовитый убійца, еще цѣль и, на пагубу неповинныхъ, носится крылатый. И всѣ-то домашніе воры, скрытныя злодѣи, видимо, молятся въ сердца: гряди, сѣмо, сынъ геенны, ждемъ, не дождемся тебя! — Эй, спасайтесь, пока есть время, бѣгите, хоть то и тяжело. Не глядите на нерѣшительныхъ; запрягайте коней, спѣшите, памятуя изреченіе: отрубилъ руку по запыстье, коли добра себѣ не хочется. О главномъ думайте, — о жизни, а не о мелочахъ. Меня же, малаго, за сіи дерзкія, можетъ быть, строки не осуждайте. Огненная лава, кровавый потокъ настагаетъ. Не теряйте времени. Остаюсь—Сила Травкинъ».

Это письмо сильно озадачило слушателей.

— Чтò же это, однако?—произнесла первая Серафима Львовна: неужели все это вѣрно и опасность, даже здѣсь, такъ велика? Да говори же, Alexis, какъ твое мнѣніе?

— Не думаю, — отвѣтилъ Алексѣй Андреевичъ, желая по возможности успокоить взволнованныхъ: Травкинъ получилъ свѣдѣнія въ Саратовѣ, но оттуда Пугачовъ чуть не за тысячу верстъ; мы

ближе, и въ Казани, разумѣется, знаютъ обо всемъ лучше, чѣмъ тамъ, здѣсь же всё спокойны.

Поднялись горячіе споры. Одни стояли за немедленное исполненіе совѣта Травкина: «Не даромъ старикъ тревожится, — онъ желаетъ намъ добра!» — Другіе увѣряли, что все это ложные и преувеличенные слухи, что Сила Фомичъ, хотя дѣльный и прозорливый человекъ, но уже черезчуръ напуганъ роковою кончиной своего брата на Яикѣ, и что, наконецъ, во всякомъ случаѣ, даромъ бить тревогу и укладываться въ путь, когда подъ-бокомъ укрѣпленная Казань и все уже готово къ празднику, значить — не только по-пусту смущать прислугу, но и вообще подавать примѣръ трусости и излишней суеты.

Барвара Ивановна, все это время, молча вязавшая, въ очагахъ, какой-то шелковый съ бисеромъ кошелекъ, спокойно выслушала всё мнѣніа, поправила спавшую у нея на колѣняхъ, подъ гаруснымъ одѣяльцемъ, крошечную, съ розовымъ бантикомъ на шеѣ, болонку, откинулась въ мягкое кресло, на которомъ обыкновенно сидѣла, придвинула ближе къ глазамъ очки и сквозь нихъ пристально взглянула на спорщиковъ.

— Слушала я васъ, слушала, — сказала она: и, признаюсь, не мало удивляюсь. О чемъ споры? Дѣло такъ просто. Вы, Alexis, съѣздите въ городъ, повидаетесь съ губернаторомъ и допросите его, отъ моего имени, да построже, толкомъ, чтобъ онъ внялъ, ну, и все узнаете... Есть какая-либо опасность, — нашъ праздникъ можно и отложить; нѣтъ ничего важнаго, — все пойдетъ своимъ чередомъ... Атиа, Чингизъ, Тамерланъ!... какія, подумаешь, страсти! бунтуетъ горсть глупыхъ мужиковъ, — и все тутъ. Развѣ у насъ войска мало? Поль Потемкинъ пріѣхалъ, строить батареи, даже гимназистовъ вонъ вооружили. Будетъ опасно — скроемся въ крѣпость... а наконецъ, экая невидаль, — ну, уѣдемъ, пожалуй, и въ Москву.

— Но, тамап, — начала было Серафима, видя по лицу Алексѣя, что тотъ не совсѣмъ раздѣлялъ мнѣніа ея крѣстной: пока соберемся въ Казань или въ Москву, все вдругъ можетъ случиться.

— Перестань, та сѣге, неподходящія вещи говорить, — недовольно перебила Туровцова, опять подвигая очки къ глазамъ и черезъ нихъ оглядывая присутствующихъ: да ты забыла, самъ губернаторъ удостоилъ принять приглашеніе къ намъ и, если бы дѣла здѣшнихъ мѣстъ находились мало-мальски подъ сомнѣніемъ, неужли онъ не прислалъ бы заранѣе отказа и не далъ бы должнаго, до своей обязанности, совѣта и руководства? Повъжайте же, Alexis!

Алексѣй Андреевичъ утромъ слѣдующаго дня отправился въ Ка-

зань. Проѣзжая паркомъ, потомъ тѣнистою, лѣсною просѣкой, онъ вглядывался въ вершины столѣтнихъ дубовъ, вязовъ и липъ, вѣтви и листья которыхъ были недвижимы въ сонной и пахучей прохладѣ, оглашаемой только стрекотаніемъ кузнечиковъ, и думалъ: «Багъ здѣсь тихо, спокойно! а тамъ на востокъ? ждаты ли оттуда бѣды?»

Въ городѣ, куда онъ пріѣхалъ, было, повидимому, также все спокойно. Стѣны старинной крѣпости были подновлены и на нихъ, кромѣ прежнихъ, установлены новыя пушки изъ арсенала. Со стороны Арскаго Поля, Суконной и другихъ подгородныхъ слободъ, насыпались и вооружались новыя батареи. День стоялъ безоблачный, жаркій. По улицамъ города и крѣпости мирно двигались пѣшеходы, дребезжали пыльные извозничьи дрожки и долгуши, раздавались крики разнощиковъ: «блины горячіе!»—«сбитень, сбитенёкъ!»—и на скамеечкахъ у лавокъ, обмахиваясь отъ мухъ, дремали толстые и загорѣлые, изнывающіе отъ жаркой, безвѣтренной погоды, купцы. Торговки, грызя вѣчныя сѣмечки и повторяя, со вздохомъ: «Охъ, тошно, матушки! тошнѣхонько, чтой-то!»—также чуть не падали отъ дремоты.

Боляска Дуганова подѣхала къ губернаторскому дому. Алексѣй Андреевичъ взошелъ на крыльцо, обмахнулъ платкомъ пыль съ сапогъ, оправилъ на себѣ платье и шляпу и поднялся по парадной лѣстницѣ. Въ прихожей, отъ гарнизоннаго дневальнаго, снявшаго съ него плащъ, онъ узналъ, что губернаторъ, генералъ фонъ-Брандтъ, дома и что никого изъ постороннихъ у него нѣтъ. Войдя въ приемную, Дугановъ увидѣлъ у окна сѣдаго и толстаго губернаторскаго слугу, спавшаго на стулѣ, съ чулкомъ въ рукахъ, который онъ по уроку вязалъ. Алексѣй едва добудился его.

— Ахъ, батюшка, Алексѣй Андреевичъ, это вы-съ!—вскринула, отирая губы, лакей: и не примѣтилъ васъ извините...

— Принимаетъ ли генералъ?

— Васъ-то, батюшка? помигуйте, что вы! по всякъ часъ... пожалуйста-съ! а мы, день-то жаркій, маленечко, вздремнули; мы превосходительство тоже купались и только что вернулись съ рѣки.

«Огненная лава, кровавый потокъ настагаетъ!»—думалъ Алексѣй, идя за слугой по тихимъ, пустымъ комнатамъ: «а они куцаются, ради прохлады,—спятъ!»

Григорій Данилевскій.

КОНЕЦЪ 2-Й ЧАСТИ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОКТОРЪ СЕВЬЕРЪ.

Романъ Джоржа Кэбля.

I.

Докторъ.

Главнымъ путемъ, ведущимъ къ обогащенію, въ Новомъ-Орлеанѣ уже съ давнихъ поръ считается улица Кардделетъ. Вы встрѣтите самыя бойкія лица именно тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ, — такія лица, у которыхъ носы какъ будто и длиннѣе, и острѣе, глаза какъ-будто меньше и живѣе и какъ-то ближе посажены другъ къ другу, нежели у прохожихъ остальныхъ улицъ. Здѣсь суетятся биржевые маклера и комиссіонеры, здѣсь собираются, при четырехъ звучныхъ ударахъ биржеваго колокола, все эти хитрые и про-стодушные, и опрометчивые, и осторожные люди, съ самыми различными характерами, въ самомъ нестроумъ смѣшеніи. На этой улицѣ возвышается высокій фасадъ хлопчато-бумажной биржи. Съ улицы виднѣнъ ея главный залъ, биткомъ набитый прилично держащею себя толпой; здѣсь вы стоите какъ бы у того невидимаго центрального паровика, который приводитъ въ движеніе колеса и пружины дѣла, захватившаго все интересы города. Въ отдаленномъ углу зала глазъ вашъ можетъ различить такъ называемый «Future-Room», а слухъ пораженъ ужасающимъ топотомъ и бычачьимъ и медвѣжьимъ ревомъ. По обѣимъ сторонамъ улицы во всю длину ея живутъ корабельные и страховые агенты, а въ верхнихъ этажахъ помѣщаются иностранные консулы, среди безконечнаго множества адвокатовъ и нотаріусовъ.

Въ 1856 году эта улица только начинала принимать свой теперешній видъ. Она становилась любимымъ мѣстопребываніемъ хлопчато-бумажныхъ купцовъ въ торговое время. Въмѣсто нынѣшней биржи, мѣстомъ сборища тогда служила имъ проѣзжая, для всехъ

открытая улица; люди наживали цѣлыя состоянія, стоя на тумбахъ, и, въ часы торговли, тротуары были постоянно заняты несмѣтными толпами агентовъ, покупателей, мажеровъ, вѣсовщиковъ, контролеровъ, сортировщиковъ, отборщиковъ, продавцовъ обрашниковъ, и воздухъ оглашался криками и приказаніями, относящимися къ хлопчато-бумажному дѣлу.

Во второмъ этажѣ дома подъ № 3½, съ окнами, выходящими на улицу, помѣщалась контора доктора Севера. Мѣстоположеніе этой конторы было удобно во всѣхъ отношеніяхъ. Непосредственно подъ ея окнами расположены были тротуары, гдѣ собирались люди, которые изъ всѣхъ ново-орлеанскихъ жителей могли дороже оплачивать свои болѣзни и менѣе всѣхъ желали умереть. У ближайшаго угла, съ лѣвой стороны, была главная артерія города — Каналь-стритъ; за ней тянулся французскій кварталъ, составляющій болѣе древнюю часть города, въ то время еще не обѣднѣвшую. На правой сторонѣ, прямо въ виду оконъ конторы, блестяли ослѣпительною бѣлизной стѣны гостиницы Сентъ-Чарльзъ, гдѣ останавливались набобы прирѣчныхъ плантанцій съ своими представительными женами въ періодъ тѣхъ особыхъ ожиданій, которыя требуютъ самой искусной медицинской помощи. Съ другой же стороны, завернувъ за уголъ верхней части улицы и спустившись внизъ по Коммонъ-стритъ, докторъ могъ въ три минуты быстрой ѣзды доѣхать до своего отдѣленія въ большомъ городскомъ госпиталѣ и до медицинской академіи, гдѣ онъ занималъ кафедру по акушерству. Такимъ образомъ, онъ лѣвую руку свою какъ бы протягивалъ богатымъ, а правую — бѣднымъ, но лѣвшой онъ отнюдь не былъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы въ его отношеніяхъ къ людямъ вообще было много сантиментальности. Даже съ внѣшней стороны онъ обыкновенно держалъ себя какъ бы выпрямившись во всей строгости и чистотѣ своихъ убѣжденій. Высокаго роста, худой, блѣдный, съ рѣзкимъ голосомъ и пронизательнымъ взглядомъ, онъ былъ строгъ въ своихъ сужденіяхъ, запальчивъ въ спорахъ и неутомимо жестокъ всюду, за исключеніемъ комнаты больного. Въ глубинѣ души его, однако, таилось много тепла, но требованія, которыя онъ предъявлялъ къ человѣческой справедливости, выступали у него какъ пушечныя жерла сквозь бойницы его добродѣтелей. Уничтоженіе зла представлялось ему высшею цѣлью жизни; этотъ принципъ, повидимому, легъ въ основаніе всей врачебной его дѣятельности, пока, наконецъ, болѣе зрѣлый возрастъ и болѣе серьезное самоизученіе не привели его къ признанію, что дѣлать добро — можетъ быть, еще выше, еще лучше. Онъ всю жизнь

велъ борьбу съ болѣзнями; ему постоянно приходилось нападать, подавлять, отсѣвать, вырывать съ корнями, что и сдѣлалось основнымъ стимуломъ всѣхъ его дѣйствій. Благотворныя послѣдствія этихъ дѣйствій служили лучшимъ доказательствомъ его глубокаго чувства доброжелательства къ людямъ; но чувство это было почти незамѣтно, благодаря той нетерпимости ко злу, которая такъ прекрасна и такъ рыцарски-благородна въ пору самой ранней юности, но затѣмъ, когда первый пылъ крови охлаждается, должна перейти въ болѣе человѣческое настроеніе.

Позднѣе онъ сталъ другимъ, но то было въ 1856 году. «Не противиться злу» казалось ему тогда жалкимъ и мелкимъ плутовствомъ. Идти же на встрѣчу злу, возставать противъ него всюду, среди пользующихся благами жизни и среди не пользующихся ими, представлялось ему послѣднимъ словомъ истиннаго благородства, а это качество было краеугольнымъ камнемъ его вѣры. Другой потребности, по его мнѣнію, въ жизни не существовало.

— Но, вѣдь, человѣкъ долженъ же жить,—говорилъ ему одинъ изъ его родственниковъ, которому, между нами будь сказано, онъ отказалъ въ помощи.

— Нѣтъ, сэръ, вы не то говорите: наоборотъ, человѣкъ долженъ умереть! Ну, такъ, пока онъ живъ, пускай живетъ сообразно съ своимъ человѣческимъ достоинствомъ!

Изъ этого видно, какъ мало гармонировала обстановка улицы Каронделетъ съ характеромъ доктора Севьера. Каждое утро, когда онъ въ каретѣ проѣзжалъ по этой улицѣ къ себѣ домой, ему приходилось слѣдовать между длинными, неровными рядами подобныхъ себѣ существъ, толпящихся по обѣимъ сторонамъ тротуара: печальныя и недостойныя сборища людей, жизнь которыхъ въ теченіе цѣлаго дня и цѣлаго года находилась въ полномъ и исключительномъ подчиненіи добыванію богатства и каждый страстный порывъ которыхъ былъ лишь подтвержденіемъ зловѣщей старой пословицы: «Время—деньги».

— Вы ошибаетесь, сэръ, время неизмѣримо важнѣе денегъ: время есть жизнь!—постоянно возражалъ на это докторъ Севьеръ.

Къ тому же, въ этой толпѣ было много всѣмъ хорошо извѣстныхъ людей, состояніе которыхъ было добыто незаконными путями. Съ хлопчато-бумажною торговлей было связано много побочныхъ занятій, дающихъ обильныя жатвы въ видѣ случайныхъ доходовъ, и при каждомъ новомъ толкѣ кареты на глаза доктора попадались такія лица, богатства которыхъ были нажиты съ помощью мошенничества, облеченнаго въ приличныя внѣшнія формы. То было вре-

мя азартныхъ торговыхъ операцій, и въ Новомъ-Орлеанѣ на торговлю смотрѣли тогда какъ на добычу, случайно выброшенную крушеніемъ на улицу Кардделеть. Такое зрѣлище возбуждало постоянное негодование высокаго, худаго, пронцательнаго доктора.

— Посмотрите на этихъ грабителей обломковъ, выбрасываемыхъ житейскимъ моремъ!—замѣчалъ онъ, бывало.

Въ восемь часовъ утра онъ обыкновенно завтракалъ, въ девять—приходилъ въ неистовство, въ десять—страдалъ диспепсіей.

Вопросъ добыванія денегъ сдѣлался для него большимъ вопросомъ. «Да, у меня есть деньги, но я не бѣгаю за ними. Онѣ сами ко мнѣ являюся, потому что я ищю и исполняю дѣло ради самаго дѣла. И каждый можетъ добыть себѣ деньги тѣмъ же путемъ, да и почему бы деньгамъ добываться иначе?»

Онъ не только презиралъ низкіе мотивы большинства людей, ищущихъ богатства, но шелъ гораздо дальше, подвергая сомнѣнію самую нужду. Къ неспособности человѣка найти себѣ работу или къ неудачѣ бѣдняка онъ относился съ тою же гадливостью, съ какою смотрѣлъ на заплата, выставленные на-показъ нищимъ уличнымъ шарманщикамъ.

— Если человѣкъ хочетъ дѣйствительно получить работу, онъ ее найдетъ. Что же касается милостыни, для человѣка должно быть легче умереть съ голоду, чѣмъ нищенствовать.

Чувство, такимъ образомъ высказанное, было далеко не мягкое, но оно вытекало изъ самой сущности вѣры доктора въ самого себя и изъ страстнаго желанія поставить все человѣчество на извѣстную нравственную высоту.

— Впрочемъ,—прибавлялъ онъ, бывало, сунувъ руку въ карманъ и вынимая кошелекъ, — я готовъ помочь всякому желающему быть полезнымъ, и больнымъ тоже—это ужъ само собой разумѣется. Но я долженъ знать, чтб я дѣлаю, помогая.

Зналъ ли кто изъ насъ нужду? Только тотъ и пойметъ настоящее значеніе свободы, кто испыталъ нужду и прошелъ черезъ ея тяжелую школу, и хотя любить нужду нельзя, но въ ней основа истиннаго гуманизма. Докторъ многому учился въ своей жизни, но съ нуждою онъ не былъ знакомъ и черезъ ея школу не проходилъ. Отсюда и жесткость его. Возможно ли осуждать эту черту, какъ недостатокъ? Конечно. Но осудить человѣка съ такимъ недостаткомъ не хватаетъ духу. Любить недостойнаго и относиться съ теплотою и добрымъ чувствомъ къ заблуждающемуся, оставаясь, въ то же время, справедливымъ—удѣлъ очень немногихъ среди самыхъ лучшихъ людей. Докторъ достигъ этого, но гораздо позднѣе, переживъ все то,

что составляетъ предметъ нашей повѣсти. Если бы онъ испыталъ на себѣ всю тягость бѣдности и нужды, вѣроятно, разсказъ этотъ никогда не былъ бы написанъ.

II.

Молодой незнакомецъ.

Въ 1856 году Новый-Орлеанъ переживалъ самое мрачное десятилѣтiе своей исторiи. Какъ разъ въ это время городъ былъ переполненъ новопривывшими иностранцами, съѣхавшимися сюда со всѣхъ концовъ торговаго свѣта, въ погонѣ за наживой. Ихъ не только не пугали опустошенiя, производимыя холерой и желтою лихорадкой, — казалось, напротивъ, они-то и манили ихъ сюда. Въ теченiе трехъ послѣднихъ—1853, 54 и 55—годовъ болѣе тридцати пяти тысячъ труповъ было свезено на кладбища, и, несмотря на это, въ 1856 году, кромѣ кораблей, нагруженныхъ европейскими эмигрантами, изъ всѣхъ штатовъ Союза прибывали сотни неакклиматизированныхъ юношей, въ надеждѣ занять пустыя мѣста, которыя должны были, по ихъ мнѣнiю, образоваться въ рядахъ влержковъ, составляющихъ цѣлую армию въ этомъ центрѣ вывозной торговли.

На этихъ искателей труда докторъ Севьеръ часто обращалъ свои взоры съ участiемъ и даже съ нѣкоторою жалостью, скрываемою подъ вѣдшимъ нетерпѣнiемъ: «Кому можетъ быть прiятно видѣть, — спрашивалъ онъ, — какъ эти мужчины и даже женщины съ намѣренiемъ увеличиваютъ рискъ уже и безъ того шаткой жизни?» Но, въ то же время, онъ чувствовалъ къ нимъ уваженiе. Эмиграцiя, въ общемъ отвлеченномъ ея значенiи, имѣетъ дѣйствительно одну облагораживающую ее сторону. Эмигрантъ долженъ оторваться отъ друзей, отъ помощи, отъ искушенiй, заключающихся въ дорогихъ связяхъ, и идти въ добровольное изгнанiе, подвергаться многимъ предвидѣннымъ и непредвидѣннымъ опасностямъ, надѣясь только на собственныя силы для обмѣна честнаго труда на хлѣбъ и одежду. Глаза доктора оживлялись при видѣ этихъ здоровыхъ, широкоплечихъ и краснощекихъ молодцовъ. Но вмѣстѣ съ ними встрѣчались и женщины съ слабымъ и нѣжнымъ тѣлосложенiемъ, и при видѣ ихъ чувствительная струна его сердца такъ сильно звучала, что онъ начиналъ досадовать на себя.

Въ одно ясное, свѣжее утро, въ началѣ октября, въ то время, когда докторъ проѣзжалъ по улицѣ Каронделеть по направленiю къ своей конторѣ, одинъ изъ бѣлыхъ маленькихъ омнибусовъ, совер-

шающихъ рейсъ до старой улицы Аполлона, застрялъ передъ его каретой, и кучеръ доктора былъ принужденъ повернуть экипажъ къ самому тротуару и остановить лошадь. Въ эту минуту докторъ совершенно случайно обратилъ вниманіе на молодого человека симпатичной наружности, шедшаго по улицѣ и сосредоточенно, съ вниманіемъ иностранца разсматривавшаго вывѣски и объявленія на дверяхъ домовъ. Во время этой невольной задержки докторъ успѣлъ замѣтить, что молодой незнакомецъ два раза обращался за указаніями къ болѣе привычнымъ посѣтителямъ улицы и что оба раза его направляли далѣе. Наконецъ, дорога освободилась, лошадь доктора помчалась, незнакомецъ остался гдѣ-то позади, и черезъ минуту докторъ, перешагнувъ черезъ тротуаръ передъ своимъ крыльцомъ, поднялся по лѣстницѣ дома № 3¹/₂, прямо въ свою контору. Почему-то ему показалось, — на лѣстницѣ какъ-то невольно впадаешь въ задумчивость, — что иностранецъ искалъ доктора.

Онъ едва успѣлъ отпустить трехъ или четырехъ ожидающихъ его посыльныхъ, которые при его появленіи встали со стульевъ, расположенныхъ вдоль стѣны корридора, и еще не успѣлъ прочитать тревожныя строки, начертанныя различными почерками на его грифельной доскѣ, когда молодой человекъ вошелъ въ комнату. Онъ былъ выше средняго роста, стройно, но не крѣпко сложенъ, съ мягкими каштановыми, нѣсколько взъерошенными волосами и одѣтъ въ хорошо-сшитое платье; его лицо выражало застѣнчивость, но, въ то же время, оно было полно надежды и энергіи.

— Докторъ!

— Что вамъ угодно, сэръ?

— Докторъ, моя жена очень больна. Можете ли вы немедленно ѣхать къ ней?

— Кто лечитъ ее?

— Я никого не звалъ, но въ эту минуту намъ необходимъ докторъ.

— Не знаю еще, поѣду ли я немедленно. Теперь часъ моего приѣма въ конторѣ. А какъ далеко вы живете? И чѣмъ страдаетъ ваша жена?

— Мы на разстояніи какихъ-нибудь трехъ кварталовъ отсюда, недалеко, въ Таможенной улицѣ! — Затѣмъ дрожащимъ и прерывающимся голосомъ онъ началъ перечислять весьма серьезные симптомы болѣзни. Докторъ подмѣтилъ, что онъ былъ слегка глухъ; онъ выговаривалъ слова, какъ будто самъ не слыша ихъ.

— Да, — сказалъ докторъ Севьеръ, направляясь къ шкапу, гдѣ лежали зловѣщіе инструменты изъ накладнаго серебра, — это еще

ничтожная часть тѣхъ испытаній, которыя приходится женщинамъ переживать за сомнительную честь быть нашими матерями. Я ѣду къ вамъ. Какой номеръ вашего дома? Но лучше, если бы вы поѣхали со мной!—Съ этими словами онъ отошелъ отъ стекляннаго шкапа, притворилъ его дверцу и взялъ шляпу въ руки.

— Нарцисъ!

Въ стѣнѣ, отдѣлявшей корридоръ, была дверь въ маленькую переднюю, гдѣ мѣста было какъ разъ столько, сколько необходимо для помѣщенія одного бухгалтера. У доктора, кромѣ занятій по своей профессіи, были еще другіе интересы, и, для соблюденія всѣхъ ихъ, онъ считалъ необходимымъ, или, по крайней мѣрѣ, удобнымъ, держать постоянно при себѣ лицо для веденія своихъ книгъ и счетовъ. Черезъ открытую дверь можно было видѣть, сидящаго на высокомъ табуретѣ у еще болѣе высокаго пюпитра, молодого человѣка, съ очень красивымъ профилемъ и хорошо сложенною фигурой. Услыхавъ свое имя, онъ въ одинъ прыжокъ очутился въ комнатѣ доктора, дѣлая ему изысканно-благовоспитанный поклонъ.

— Я вернусь черезъ четверть часа,—сказалъ докторъ.— Поѣдьте, мистеръ...—и онъ вышелъ съ незнакомцемъ.

Нарцисъ хотѣлъ было сказать что-то. Онъ постоялъ минуту, затѣмъ поднесъ къ губамъ оставшійся едва замѣтный кончикъ папироски, затянулся имъ долго, задумчиво, сдѣлалъ полуоборотъ на каблукъ, швырнулъ окурокъ въ плевальницу, съ отчаянною энергіей выпустилъ изъ своихъ ноздрей двѣ длинныя струи дыма и, грозя кулакомъ на дверь, черезъ которую вышелъ докторъ, сказалъ:

— Проваливай, старая лошадь!—Нѣтъ, не совсѣмъ такъ: трудно передать его произношеніе. Въ словѣ «проваливай», какъ и вообще, онъ не выговаривалъ буквы «р» и выходило такъ: пуоваливай, стауя уошадь! *).

Послѣ этого онъ медленно направился къ своему пюпитру съ тѣмъ чувствомъ облегченія, которое испытываютъ нѣкоторые люди при возобновленіи заемнаго обязательства, и взялся опять за перо.

Барета доктора быстро катилась по Каналь-стриту.

— Докторъ,—сказалъ незнакомецъ,—я не знаю, какая цѣна вашихъ визитовъ.

— Самая высокая,—отрѣзалъ докторъ, котораго какъ разъ въ это время жестоко мучила диспепсія.

* Не беремъ передать читателю всѣхъ особенностей мѣстныхъ діалектовъ, которыми полны романы Кюбля, и хотя чувствуемъ, что вносимъ этимъ известную блѣдность въ яркій колоритъ, свойственный этому романисту, но подчиняемся необходимости, такъ какъ на русскомъ языкѣ не можемъ найти ни одного мѣстнаго говора, который бы хотя отчасти напоминалъ особенности говора креоловъ.

Короткій отвѣтъ обожгъ молодаго человѣка.

— Я не намѣренъ торговаться съ вами, докторъ!—и онъ сердито вспыхнулъ при этихъ словахъ, тяжело дыша сквозь стиснутыя губы и яростно мигая съ тѣмъ негодованіемъ, которое обыкновенно прорывается у школьниковъ передъ суровымъ учителемъ.

Докторъ отвѣтилъ болѣе сдержанно:

— Что же вы хотѣли сказать?

— Я хотѣлъ предложить заплатить вамъ впередъ, такъ какъ я совершенно вамъ незнакомъ. — Въ голосъ его чувствовалась дрожь, но сказала и торжествующая гордость, какъ бы въ ожиданіи, что такое заявленіе неминуемо должно пристыдить доктора. Онъ вынулъ при этомъ бумажникъ изъ кармана и досталъ монету въ двадцать долларовъ.

Докторъ съ нетерпѣніемъ и удивленно посмотрѣлъ ему прямо въ лицо, затѣмъ отвернулся, какъ бы сдерживая себя, и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Я бы предпочелъ торгъ съ вашей стороны.

— Я не слышалъ...—замѣтилъ его собесѣдникъ, напрягая свой слухъ.

Докторъ повелъ рукой.

— Извольте положить это на мѣсто.

Молодой незнакомецъ былъ озадаченъ. Онъ помолчалъ нѣсколько времени; на лицѣ его выразилось нетерпѣніе и замѣшательство. Онъ все еще держалъ монету, переворачивая ее на ладони ногтемъ большаго пальца.

— Вѣдь, вы не знаете меня, докторъ,—сказалъ онъ.

На это послѣдовалъ такой же холодный отвѣтъ:

— Вотъ мы и знакомимся.

Жертва его насмѣшки прикусила губу и несогласіе свое выразила рѣзкимъ, бессознательнымъ движеніемъ подбородка въ сторону.

— Право, лучше, если бы вы... — и онъ опять перевернулъ монету.

Врачъ окинулъ золото орлинымъ, неподвижнымъ взглядомъ.

— Я не на этихъ основаніяхъ занимаюсь медицинскою практикой.

— Но, докторъ,—настаивалъ молодой человѣкъ, желая успокоить его,—вы можете на этотъ разъ сдѣлать исключеніе. Разумныя причины лучше всякихъ правилъ, говаривалъ часто мой старый учитель. Я здѣсь безъ друзей, безъ писемъ, безъ какихъ бы то ни было бумагъ; вотъ единственная рекомендація, которую я могу вамъ предложить.

— Вовсе не рекомендую васъ: это всякому доступно.

Незнакомецъ вздохнулъ тяжелымъ, напряженнымъ вздохомъ, беспомощно улыбнулся и, казалось, хотѣлъ еще что-то сказать, но, не зная, что именно, опустилъ руку.

— Что же, докторъ, — и онъ облокотился локтемъ на колѣно, еще разъ перевернулъ монету и сдѣлалъ попытку привлечь вниманіе врача, напуская на себя ребяческую веселость, — я больше уже не буду просить васъ брать плату впередъ, но хочу попросить васъ приберечь эти деньги для меня. Я могу потерять ихъ, а то, пожалуй, могутъ и украсть ихъ у меня, или... докторъ, право, мнѣ было бы пріятнѣе, если бы вы согласились.

— Нѣтъ, ужъ тутъ-то я вамъ помочь не могу. Я буду лечить вашу жену, а затѣмъ пришлю вамъ свой счетъ.

Докторъ скрестилъ руки и, повидимому, все вниманіе свое устремилъ на кучера. Но, въ то же время, онъ спросилъ:

— Вы подвержены, можетъ быть, эпилептическимъ припадкамъ, а?

— Вовсе нѣтъ, сэръ!

Негодование, прозвучавшее въ короткомъ отвѣтѣ, не вызвало никакого замѣчанія со стороны доктора, который молча обсуждалъ самъ съ собою, что бы могло означать странное поведеніе молодого человѣка? Онъ не могъ рѣшить, являлось ли оно послѣдствіемъ пьянства, картежничества, или это былъ ловкій маневръ человѣка, желающаго втереться въ его довѣріе? А, можетъ быть, тутъ просто тщеславіе или ошибка вслѣдствіе житейской неопытности? Онъ вдругъ повернулся и быстрымъ, испытующимъ взглядомъ осмотрѣлъ черты лица незнакомца: уловить въ нихъ онъ могъ только выраженіе какого-то задумчиваго смущенія, которое въ ту же минуту исчезло; врачъ также быстро отвернулся.

— Докторъ... — началъ молодой человѣкъ и запнулся.

Врачъ молчалъ. Онъ снова обдумывалъ вопросъ. Предложеніе незнакомца было нелѣпо по своей непрактичности и недѣловитости. Доктора вовсе не занимала мысль, что его роль могла въ данномъ случаѣ показаться не великодушной, лишь бы дѣйствія его были правильны; ему даже отчасти нравилось, если съ внѣшней стороны они получали отталкивающій видъ: такова была его обычная манера запугивать, напоминающая немного обычай индѣйцевъ раскрашивать себѣ тѣло передъ войной для устрашенія враговъ. Онъ чувствовалъ въ незнакомцѣ нѣчто вполне соответствующее его собственнымъ теоріямъ жизни, напримѣръ: нежеланіе оставаться въ долгу. Если дѣйствительно онъ такъ думалъ, то это было хо-

рошо. Больше всего понравилось доктору въ знакомствѣ его боязливое отношеніе къ деньгамъ. Рѣшительно, молодой человѣкъ производилъ на него благоприятное впечатлѣніе.

— Дайте мнѣ монету, — сказалъ докторъ, хмурия брови, — но помните, что это по-вашему такъ слѣдуетъ, — онъ сунулъ золото въ карманъ своего жилета, — но отнюдь не по-моему.

Молодой человѣкъ засмѣялся отъ видимаго облегченія, и, не зная, что дѣлать, началъ тереть себѣ колѣно рукой; нѣжность склада этой руки бросалась въ глаза. Докторъ опять посмотрѣлъ на него смягченнымъ уже взоромъ.

— Вы, вѣроятно, убѣждены, что вы совершенно правильно разрѣшили всѣ вопросы жизни, не правда ли?

— Да, я убѣжденъ, — возразилъ тотъ, въ свою очередь скрепящая руки.

— Гм... я такъ и думалъ. Вамъ, однако, недостаетъ еще опытности, — и докторъ закончилъ свою рѣчь кивкомъ головы.

Молодому человѣку показалось это забавнымъ, хотя въ душѣ, быть можетъ, забавы было меньше, чѣмъ на лицѣ, и онъ вскорѣ указалъ пальцемъ на свою квартиру:

— Вотъ здѣсь, на этой сторонѣ, № 40, — и оба вышли изъ кареты.

III.

Его жена.

Въ прежнія времена въ Новый-Орлеанъ, въ прохладное время года, съѣзжалось со всѣхъ концовъ множество торговцевъ, которые не желали жить постоянно въ городѣ, зараженномъ лихорадкой; этотъ временный наплывъ пріѣзжихъ приносилъ много прибыли содержателямъ меблированныхъ комнатъ. Въ то же время, былъ другой классъ людей, безвыѣдно жившихъ въ городѣ, въ руки которыхъ и попадало это доходное дѣло безъ всякихъ хлопотъ и по естественному ходу вещей. Самыя приличныя и удобныя помѣщенія такого рода были извѣстныя всему городу «chambres gagnées» въ Таможенной и Биенвальской улицахъ, которыя содержались мулатками или квартеронками, родившимися уже свободными или освобожденными позднѣе и пользующимися всеобщимъ уваженіемъ.

Въ 1856 году славные дни этой полукасты уже закатились. Требования сдѣлались строже и все то, что стремилось достигъ известной порядочности, независимо отъ того, была ли бѣлизна ихъ

жизни послѣдствіемъ естественныхъ или искусственныхъ причинъ, тщательно стало избѣгать знаменитые танцевальныя вечера квартироновъ. Цѣлыя поколѣнія квартиронокъ успѣли перебивать на службѣ богатыхъ дамъ французскаго происхожденія, и многія изъ нихъ сдѣлались, благодаря этому, превосходными экономками. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось накопить деньги путемъ наслѣдства, другимъ путемъ сбереженія, и всѣ эти преимущества имъ легко давались, благодаря способности, которой отличаются женщины латинской расы: выносить какое угодно неловкое положеніе съ невозмутимымъ спокойствіемъ; въ нихъ, какъ въ желтой Миссисипи, не найдешь отраженія задернутаго тучами неба. Ко всѣмъ этимъ качествамъ квартиронки присоединяли еще замѣчательную дѣловую энергію и умѣлость, полученную несомнѣнно отъ той же латинской крови. Ничто не могло такъ напомнить обстановку домашняго очага, не будучи таковымъ, какъ эти комнаты, сдаваемые всевозможными madame Cécile, Sophie, Athalie, Polyxène и другими, какъ бы тамъ ихъ ни называли.

Больная жена молодого человѣка лежала въ одномъ изъ такихъ домовъ; домъ этотъ выступалъ своимъ фасадомъ матово-кирпичнаго цвѣта на тротуаръ Таможенной улицы и неизбѣжная квадратная небольшая вывѣска, со словами «Chambres à louer», висѣла на веревочкѣ у балкона, болтаясь и крутясь по вѣтру. Молодая невольница открыла дверь входящимъ мужчинамъ и оба, не останавливаясь, взошли наверхъ, въ большую свѣтлую комнату. На высокой кровати, отдѣланной красивою рѣзьбой и тяжелыми занавѣсами, древностью стилиа и своею массивностью соответствующей остальной мебели въ комнатѣ, лежала блѣдная молодая женщина, небольшого роста, съ кроткимъ и милымъ лицомъ.

Около кровати сидѣла хозяйка дома, судя по ея лицу, хорошая, добрая квартиронка; она была высокая, широкоплечая женщина сорока пяти лѣтъ или около того. Она приподнялась и отвѣтила на молчаливый поклонъ доктора съ тѣмъ изящнымъ привѣтливымъ достоинствомъ, которымъ отличается французская раса, и стала выжидать стоя. Больная сдѣлала движеніе.

Врачъ подошелъ къ ней. Больной, должно быть, было не болѣе девятнадцати лѣтъ. У нея было очень хорошее, милое лицо, отличавшееся нѣжнымъ очертаніемъ, прямыми и тонкими бровями и маленькимъ ртомъ. Подробности излишни: никто изъ цѣнителей правильной красоты не могъ бы назвать ее красивой. Но что-то такое въ ея лицѣ могло показаться нѣкоторымъ лучше всякой красоты. Заключалось ли оно въ быстро смѣняющемся выраженіи ея темно

синихъ глазъ, сначала вопросительно, а затѣмъ довѣрчиво устремленныхъ на доктора, или въ красивыхъ, едва замѣтныхъ прядяхъ ея свѣтлорусыхъ волосъ, врачъ не могъ сразу рѣшить, но потому ли или почему-либо другому это лицо было изъ тѣхъ, какія рѣдко удается встрѣчать въ жизни, —лицо, какъ будто свѣтящееся не яркимъ, но глубокомъ свѣтомъ.

Она была очень слаба. Глаза ея быстро опустились и съ лица доктора перенеслись, усталые, но любящiе, на лицо мужа. Докторъ обратился къ ней съ вопросами: въ его ласковомъ обращенiи чувствовалась мягкость, которую не могъ ожидать молодой человѣкъ. Докторъ два-три раза провелъ своими длинными пальцами по ея лбу, слегка отводя въ сторону тонкія, вьющiяся пряди волосъ, и сѣлъ на стулъ, продолжая ласково обращаться къ ней съ краткими и опредѣленными вопросами. Отвѣты были всѣ неблагопріятнаго свойства.

Онъ взглянулъ на квартиронку, которая и безъ словъ мигомъ поняла его: болѣзнь была серьезная. Врачъ получилъ отъ нея въ отвѣтъ спокойный, многозначительный взглядъ. Въ то же время, докторъ отвелъ вниманіе молодыхъ незнакомецъ отъ этого молчаливаго обмѣна знаковъ вопросомъ вслухъ къ квартиронкѣ:

— Мы съ вами никогда не встрѣчались?

— Нѣтъ, сэръ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Зенобія.

— Мадамъ Зенобія, — тихо прошептала больная, взглянувъ на квартиронку, а затѣмъ на мужа, причѣмъ въ глазахъ ея слегка блеснула шаловливая веселость.

Врачъ слегка улыбнулся, глядя на нее; затѣмъ обратился къ квартиронкѣ съ нѣкоторыми краткими докторскими предписаніями вродѣ слѣдующихъ: достаньте мнѣ это, дайте мнѣ то-то и т. д.

Хозяйка вышла и опять вернулась. Она, какъ многія изъ ея единоплеменницъ, была превосходною сидѣлкой. Несомнѣнность этого факта заставила молодаго человѣка безпрекословно повиноваться ей, когда она шепнула ему на ухо, отозвавъ его въ сторону, что докторъ желаетъ его удаленія, хотя онъ зналъ, что врачъ такого желанія не выражалъ. Вернулся онъ также только по ея знаку и остался при больной въ то время, какъ мадамъ Зенобія увела доктора въ другую комнату написать рецептъ.

— Кто эти молодые люди? — спросилъ врачъ въ полголоса, глядя на квартиронку и останавливаясь въ ожиданіи отвѣта съ рецептомъ, на половину вырваннымъ изъ книжки.

Она повела широкими плечами, а на лицѣ показалась улыбка и, въ то же время, недоумѣніе.

— Миссисъ... Ричлингъ?— сказала она скорѣе вопросительно, чѣмъ утвердительно.— Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ они.

Такой отвѣтъ означалъ, что ухаживать за больною она, конечно, будетъ, какъ истинная мать, но брать на себя отвѣтственность за подлинность фамиліи незнакомыхъ для нея людей она вовсе не намѣрена.

— Откуда они?

— Откуда?... Не знаю. Какое-то мѣсто называли... но объ этомъ мѣстѣ, признаться, я не слыхивала.

Она робко попыталась выговорить слово, оканчивающееся звукомъ «уокъ» и улыбнулась, готовясь быть осмѣянной.

— Милъудки?— спросилъ докторъ.

Она подняла руку и, весело улыбаясь, слегка ткнула его кончикомъ пальца и кивнула головой. Докторъ, какъ видно, угадалъ вѣрно.

— А какимъ дѣломъ онъ занимается?— спросилъ онъ, вставая.

Хозяйка посмотрѣла на него искоса, раскрывъ немного глаза, и, стиснувъ губы, медленно и рѣшительно покачала головой. И такъ, молодой человѣкъ не состоялъ ни при какомъ дѣлѣ.

— И, вѣроятно, тоже не имѣетъ денегъ,— сказалъ врачъ, направляясь вмѣстѣ съ ней къ комнатѣ больной.

Она опять пожала плечами и опять улыбнулась; но, подумавъ, что докторъ справляется о своихъ собственныхъ интересахъ, добавила шепотомъ.

— Они мнѣ платятъ.

Она заняла мѣсто мужа около больной, пока молодой человѣкъ провожалъ доктора внизъ по лѣстницѣ до самой улицы. Оба молчали.

— Что же, докторъ?— спросилъ молодой человѣкъ, стоя съ рецептомъ въ рукѣ у дверцы кареты.

— Что же?— возразилъ врачъ, — вамъ слѣдовало послать за мной раньше.

Но докторъ въ ту же минуту пожалѣлъ о своей рѣзкости при видѣ отчаянія, выразившагося на лицѣ незнакомца.

— Вы не думаете...— воскликнулъ мужъ.

— Нѣтъ, да нѣтъ же: надежда есть. Достаньте лѣкарство по этому рецепту и давайте его мистрисъ...

— Ричлингъ,— договорилъ молодой человѣкъ.

— Важнѣе всего для нея полный покой,— продолжалъ докторъ.— Вечеромъ я заѣду.

Вечеромъ ей стало легче. На слѣдующій и на третій день она почувствовала себя еще лучше, но на четвертый ея положеніе начало опять внушать опасенія. Во время посѣщенія доктора въ этотъ день, она лежала тихо, не говоря ни слова; врачу показалось, что онъ въ глазахъ ея прочелъ желаніе сказать ему нѣсколько словъ наединѣ, поэтому, подъ предлогомъ различныхъ порученій, онъ выслалъ изъ комнаты и мужа, и квартеронку. Больная немедленно воскликнула:

— Докторъ, я, вѣдь, не умру, не правда ли? Не дайте мнѣ умереть!... Спасите меня для мужа!... Послѣ всего, что онъ потерялъ ради меня, если онъ лишится еще и меня... Спасите меня, докторъ!

— Вы не должны въ этомъ и сомнѣваться, — сказалъ онъ. — Вы выздоровѣете.

Такъ, дѣйствительно, и случилось. Она поправилась.

IV.

Выздоровленіе и знакомство.

Одежда для мужчины есть не болѣе, какъ защита, тогда какъ для женщины она служитъ украшеніемъ. Такъ установлено самою природой: украшеніе для женщины — инстинктивная потребность. И въ этомъ отношеніи что можетъ быть прелестнѣе брачной одежды? Все значеніе брака такъ хорошо ею выражается! И чистота первой любви, и священныя ея тайны, и прелесть жизни, — словомъ, все, что придаетъ ей особую радость, связано съ подвѣчнымъ платьемъ и покрываломъ. И такъ, когда насталъ день, въ который мистрисъ Ричлингъ, наконецъ, спросила: «Мадамъ Зенобія, какъ вы думаете, могу я встать сегодня?» — было бы странно сомнѣваться въ готовности квартеронки помочь ей одѣться. Правда, тутъ не было ни брачнаго платья, ни вѣнка, но все это было еще такъ свѣжо въ памяти молодой жены, что и это одѣванье было нѣчто вродѣ побѣды надъ болѣзнию, которая могла навѣки разлучить два любящія существа. Нельзя было сомнѣваться въ готовности квартеронки, хотя она и улыбнулась нерѣшительно, сказавъ:

— Если ужъ вы очень желаете... — и она какъ-то неожиданно вытаращила глаза и разставила локти, на подобіе краба, вывернувъ ладони вверхъ и оттопыривъ большіе пальцы рукъ отъ остальныхъ. — Что-жь? — продолжала она и опустила руки, — развѣ вы не подождете доктора?

— Я полагаю, что онъ уже сегодня не будетъ: онъ заходить обыкновенно раньше.

— Да-а-а?

Хозяйка минуту помолчала, затѣмъ опять подняла руку, быстро выдвигая впередъ указательный палецъ.

— Сначала надо развести огонекъ.

Она затопила каминъ, послѣ чего помогла больной надѣть широкое, совершенно свободно сидящее на ней платье, и хотя въ это время она мало говорила и только отвѣчала на вопросы, но не могла скрыть наслажденія, которое испытывала при всей этой процедурѣ; когда же, къ довершенію всего, она вынула изъ шкапа, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ своей ошибки, какой-то шерстяной халатъ, вышитый шелкомъ, непомерной величины, и понесла его, какъ святыню, то уже торжественность ея походки и манеры не знала предѣловъ. Больная восторженнымъ взглядомъ выразила свое согласіе и, просунувъ руки въ широкіе рукава, исчезла въ мягкихъ складкахъ мужниного халата.

— Ему будетъ смѣшно, — сказала квартиронка.

Лицо молодой жены выразило удовольствіе.

— Халатъ принадлежит мнѣ столько же, сколько и ему, — проговорила она.

— Вы сшили его? — спросила сидѣлка, стягивая шелковый шнуръ халата вокругъ талии больной.

— Конечно, я. Не стягивайте меня, распустите его свободно, вотъ такъ; а узелъ завяжите покрѣпче. Ну, вотъ такъ, хорошо. — Она весело улыбнулась. — Однако, не связывайте такъ, какъ будто хотите связать меня навѣки.

Мадамъ Зенобія прекрасно поняла ее и, улыбнувшись ей въ отвѣтъ, принялась завязывать именно такъ, какъ бы навѣки.

Полчаса спустя, стоя, можетъ быть, случайно, на улицѣ у дверей своего дома, квартиронка впустила господина, который, проходя, молча поклонился. Но на первой ступени лѣстницы онъ остановился и спросилъ, строго глядя ей въ лицо:

— Чему вы улыбаетесь?

— Ничего, такъ... — возразила она, гибкимъ жестомъ складывая пальцы на груди и наклоняя голову на плечо.

Неудовольствіе господина замѣтно усилилось.

— Почему же вы улыбаетесь, если ничего?

Она приложила пальцы къ губамъ, чтобы скрыть улыбку.

— Вы не подѣхали въ каретѣ, какъ обыкновенно: она подумаетъ, что это не вы, а мистеръ Ричлингъ, — и при этихъ словахъ она уже не могла больше сдерживаться и улыбнулась, несмотря на то, что закрывала ротъ пальцами.

Посѣтитель презрительно отвернулся и молча пошелъ наверхъ,

а вслѣдъ за нимъ и хозяйка. На верхней площадкѣ онъ пропустилъ ее впередъ. Тихо раскрывъ дверь въ комнату, она вошла неслышными шагами, обернулась назадъ, улыбаясь, и когда посѣтитель переступилъ черезъ порогъ, указала ему на пустую кровать.

Онъ раза два слегка кивнулъ головой и прошелъ впередъ, ступая по ковру. Передъ каминомъ, рѣшетка котораго была слишкомъ велика для незначительнаго количества угля, горѣвшаго въ немъ, стояла широкая обитая качалка: кончикъ подушки торчалъ надъ верхнимъ ея краемъ. Посѣтитель обошелъ вокругъ качалки. Молодая женщина лежала на ней съ закрытыми глазами, безъ движенія, но отъ опытнаго глаза не ускользнуло, что сонъ былъ притворнымъ. Одна нога въ туфлѣ такъ и осталась вытянутой изъ-подъ яркой матеріи длиннаго шлафрова, около бронзоваго края корзины, предназначенной для угля, на которую, повидимому, она передъ тѣмъ опиралась кончикомъ пальцевъ для болѣе удобнаго раскачиванья кресла. Одною щекой она лежала на подушкѣ, а по другой вились свѣтлыя пряди волосъ, отдѣлявшихся отъ лба.

Одно лишь мгновеніе, и улыбка начала подергивать углы ея рта, она слегка пошевелинулась и открыла глаза. Передъ ней стоялъ, молча и неподвижно, съ серьезнымъ лицомъ, докторъ Севьеръ.

— Ахъ! Боже мой! докторъ! — и краска разлилась по всему ея лицу до самой шеи. Она закрыла глаза руками и спрятала лицо въ подушку. — Ахъ! Боже мой! докторъ! — повторила она, приподнимаясь, чтобы сѣсть. — Я не сомнѣвалась, что въ комнату вошелъ мой мужъ.

Не давъ ей договорить, докторъ сказалъ:

— У меня карета сломалась. — Затѣмъ онъ придвинулъ стулъ къ камину и спросилъ, глядя на угасающій огонь: — Какъ вы себя чувствуете сегодня, — крѣпче?

— Да, я могу почти сказать, что я здорова.

Еще краска не сошла съ ея лица, когда онъ взглянулъ на нее въ ожиданіи отвѣта, и ему понравилось и было забавно видѣть, какъ она бодро и весело старалась превозмочь свое смущеніе.

— Я очень благодарна вамъ, докторъ, за мое выздоровленіе; я, конечно, всецѣло обязана вамъ за него.

При этихъ словахъ все лицо ея озарилось тѣмъ мягкимъ внутреннимъ свѣтомъ, который и составлялъ главную прелесть этого лица; она улыбнулась какъ бы самой себѣ, глаза ея опустились и стали слѣдить за движеніями руки, которою она заворачивала края халата.

— Если бы вы, сударыня, впредь лучше берегли себя, — воз-

разилъ докторъ, щелчками пытаясь смахнуть съ своего колѣна засохшія брызги грязи, попавшія на него, вѣроятно, во время несчастія съ каретой, — я былъ бы вамъ весьма благодаренъ, но... — и докторъ снова началъ щелкать по колѣну, — но, признаюсь, я сомнѣваюсь въ этомъ.

— Но развѣ вы имѣете причины сомнѣваться? — спросила она, приподнявшись со спинки качалки и наклонившись впередъ, причемъ кисти ея рукъ повисли по обѣимъ сторонамъ широкихъ ручекъ кресла.

— Имѣю, — сказалъ докторъ ласково. — А вы думаете — нѣтъ? Вы заболѣли по вашей собственной винѣ. — Говоря это, онъ всматривался въ ея глаза, слегка прищуренные вслѣдствіе едва замѣтной улыбки. Это было одно изъ тѣхъ лицъ, въ которыхъ сказывается не только полное незнакомство съ жизнью, но и неспособность когда-либо узнать ее. Любознательность и умъ такъ и свѣтились въ ея глазахъ, но въ нихъ было, въ то же время, что-то дѣтски-наивное. Для доктора загадка была разрѣшена: въ этомъ и заключалась ея красота. «Она положительно красива», — твердилъ онъ про себя, когда его собственная, внутренняя критика готова была поддержать противное.

— Докторъ, пожалуйста, не сомнѣвайтесь. Я буду беречь себя всѣми силами, — право, буду, ради Джона, — и она посмотрѣла на него, продолжая крутить на пальцѣ кисточку отъ халата и качая слегка свое кресло.

— Да, если такъ, то можно вамъ повѣрить, — возразилъ онъ серьезно и, повидимому, не особенно радостно. — Надо полагать, что все въ вашей жизни дѣлается или не дѣлается только ради него.

На лицѣ молодой женщины промелькнуло безпокойство и недоумѣніе, затѣмъ она воскликнула:

— Ну, да, конечно! — и, въ ожиданіи отвѣта, взглянула на доктора блестящими глазами.

— Я зналъ женщинъ, которыя заботились о себѣ ради и себя самихъ, — сказалъ онъ.

Она засмѣялась и съ особеннымъ жаромъ возразила:

— Вѣдь, все то, что я дѣлаю для него, я дѣлаю и для себя. Я не вижу тутъ никакой разницы. Да, конечно, разница могла бы быть, я это понимаю, но какимъ же образомъ могла бы женщина... — она запнулась, продолжая улыбаться, и стала смотрѣть внизъ, на свои руки, медленно проводя кисточкой мужниваго халата по одной изъ нихъ.

Докторъ поднялся съ своего мѣста, сталъ спиной къ камину и

посмотрѣлъ на нее. Въ эту минуту ему мысленно представился свѣтъ во всей необъятной его величинѣ: всѣ тернія этого свѣта, его горечь, несправедливость, жадный эгоизмъ, его паденія, его обманы и измѣны. А тутъ, передъ нимъ, этотъ ребенокъ, внезапно брошенный въ самый круговоротъ жизни, повидимому, безъ всякой защиты, безоружный, безъ всякаго сознанія предстоящей опасности, — ребенокъ-жена, видимо, вполне довольная своею судьбой, утопающая въ своемъ счастьѣ, готовая на всякое самоотверженіе и съ непоколебимою вѣрой, съ восторгомъ полагающаяся на своего мужа! Онъ стоялъ молча, не будучи въ состояніи говорить отъ накипѣвшихъ чувствъ. Мистрисъ Ричлингъ вдругъ взглянула на него и полу-настойчиво, полу-извиняясь, улыбнулась.

— Да, докторъ, я рѣшилась: я буду беречь себя.

— Мистрисъ Ричлингъ, скажите мнѣ, отецъ вашъ человекъ съ состояніемъ?

— Моего отца нѣтъ уже въ живыхъ, — тихо отвѣтила она. — Онъ умеръ два года тому назадъ. Онъ былъ пасторомъ маленькой церкви. У него ничего не было, кромѣ незначительнаго жалованья; только въ послѣдніе годы онъ сталъ еще зарабатывать немного денегъ частными уроками. Онъ и меня училъ. — При этомъ она опять повеселѣла. — У меня не было другаго учителя, кромѣ него.

Докторъ заложилъ руки за спину и задумчиво глядѣлъ въ верхнюю часть рамы широкаго окна. Въ эту минуту послышался звукъ отворяющейся на улицу двери.

— Вотъ Джонъ! — быстро проговорила больная, и черезъ минуту мужъ ея вошелъ въ комнату. При видѣ доктора, выраженіе усталости исчезло съ его лица; онъ поспѣшилъ пожать ему крѣпко руку, затѣмъ повернулся къ женѣ и поцѣловалъ ее. Врачъ взялся за шляпу.

— Докторъ, — сказала молодая женщина, держа его за руку и шутливо смотря на него, опершись щекой о спинку кресла, — неужели вы думали, что я богата, скажите?

— И не воображалъ, сударыня. — Въ его словахъ послышалось такое выразительное удареніе, что мужъ ея засмѣялся.

— По крайней мѣрѣ, есть хоть одно утѣшеніе въ нашемъ положеніи.

— Неужели?

— Ну, да; вы сами видите: это положеніе не требуетъ объясненія.

— Нѣтъ, требуетъ, — сказалъ врачъ. — Для людей такъ же обязательны удовлетворительные доводы въ оправданіе бѣдности, въ

которой они живутъ, какъ и въ оправданіе ихъ богатства. Желаю здравствовать, сударыня!

Оба мужчины вышли вмѣстѣ. Врачъ не далъ ничѣмъ понять, что прощается съ своею пациенткой, боясь опять вызвать выраженіе благодарности.

У.

Неумолимые вопросы.

Докторъ Севьеръ испытывалъ настоящее отвращеніе къ словесному выраженію своихъ личныхъ чувствъ. Всякая попытка выразить уваженіе или привязанность, не поддержанныя никакими фактическими доказательствами, казалась ему ненужной и фальшивой. Онъ такъ тщательно сторонился отъ всякой неискренности, что не могъ уже быть вполне и чистосердечнымъ.

— Мнѣ нѣтъ болѣе необходимости посѣщать вашу жену, — сказалъ онъ, спускаясь по лѣстницѣ рядомъ съ молодымъ человѣкомъ, который уже успѣлъ достаточно узнать его и не рѣшился утруждать его формальными выраженіями благодарности. Мадамъ Зенобія приняла участіе въ этомъ холодномъ прощаніи, когда тѣ дошли до низу лѣстницы. Она граціозно протянула руку и поклонилась такъ, какъ бланяются только въ Парижѣ.

Докторъ Севьеръ остановился на крыльцѣ и слегка повернулся къ двери, у которой еще стоялъ молодой человѣкъ. Этотъ полуоборотъ не выражалъ вполне мысли доктора, но молодой человѣкъ понималъ это движеніе и молчалъ. По правдѣ говоря, самъ докторъ чувствовалъ, что такъ проститься съ нимъ онъ не можетъ. Говорятъ, что путь врача весь устланъ такими именно разноцвѣтными блестящими, случайно вырванными изъ жизни другихъ. Онъ невольно возвращается къ нимъ въ своихъ воспоминаніяхъ, когда силы начинаютъ измѣнять ему, и, оглядываясь назадъ въ уже потемнѣвшую даль всего пережитаго, перебираетъ ихъ мысленно, и передъ нимъ развертываются узоры многихъ радостныхъ минутъ, освѣщенныхъ мягкими лучами этого далекаго прошлаго. Боль разлуки при этомъ даже усиливается, и докторъ Севьеръ почувствовалъ тутъ же, выходя на крыльцо, что ему будетъ больно вспоминать о Ричлингахъ, если онъ ихъ больше не увидитъ.

Онъ взглянулъ на домъ, стоящій на противоположной сторонѣ улицы, хотя тамъ собственно и не было ничего интереснаго, взглянулъ и на случайно проходившую женщину, которая ничѣмъ не отличалась отъ тысячи другихъ, до которыхъ ему никакого не было дѣла.

— Ричлингъ,—сказаль онъ,—скажите мнѣ, что васъ привело въ Новый-Орлеанъ?

Ричлингъ облокотился щекой о косякъ двери.

— Я просто ищущу средствъ, чтобы жить, докторъ.

— И вы думаете, что вы ихъ здѣсь найдете?

— Я почти увѣренъ въ это. Я имѣю право жить, и общество обязано дать мнѣ пропитаніе.

Докторъ поднялъ глаза и взглянулъ на него.

— Съ какихъ же это поръ вы считаете, что общество у васъ въ долгу и предъявляетъ къ нему такія требованія?

Ричлингъ весело поднялъ голову и одною ногой спустился ступенью ниже.

— Но, вѣдь, я имѣю же право зарабатывать свой хлѣбъ, не такъ ли?

— Не спорю,—возразилъ докторъ,—это право имѣеть всякій.

— Я ничего больше и не жду отъ общества,—сказаль Ричлингъ,—пускай оно предоставитъ насъ самимъ себѣ, и мы никого трогать не будемъ.

— Вы не имѣете права поступать такъ,—сказаль врачъ.— Нѣтъ, сэръ, не имѣете!—настойчиво подтвердилъ онъ, когда замѣтилъ, что молодой человѣкъ не соглашается съ нимъ. Послѣдовало молчаніе.—Есть у васъ какой-нибудь капиталъ?—спросилъ докторъ.

— Капиталъ?... Нѣтъ,—усмѣхнулся Ричлингъ.

— Но, вѣдь, у васъ, вѣроятно, есть что-нибудь для...

— О, да, немного есть.

Докторъ мимоходомъ обратилъ вниманіе на восклицаніе «о», весьма обычное среди южанъ, тогда какъ въ Мильуоки вы его и не услышите.

— Тѣхъ свободныхъ мѣстъ, которыя вы рассчитывали найти здѣсь, нѣтъ, я полагаю... гм...

Въ голосѣ молодаго человѣка чувствовалось какое-то душевное напряженіе, когда онъ отвѣчалъ:

— Свѣдѣнія, полученные мною, оказались ошибочными.

— Ну, что-жь,—сказаль докторъ, пристально смотря на улицу,—что-нибудь, вѣроятно, найдете. А какого рода дѣла вы ищете?

— Какое дѣло? О, я бы охотно взялъ всякое.

Докторъ Севьеръ медленно отвелъ глаза; въ нихъ замѣтна была тѣнь легкаго разочарованія. Ричлингъ былъ вызванъ къ самозащитѣ.

— Мнѣ кажется, что я могъ бы быть хорошимъ бухгалтеромъ, или агентомъ, или кассиромъ, или чѣмъ-нибудь такимъ...

Докторъ перебилъ его, на этотъ разъ смотря совсѣмъ въ противоположную сторону улицы, по направленію къ рѣкѣ, такъ что только затылокъ его былъ видѣнъ собесѣднику.

— Да, ужь это извѣстно... готовъ все дѣлать... башмаки... или бочки... гм...

Ричлингъ, у котораго слухъ былъ вообще притупленъ, не слышалъ и нагнулся впередъ, хмурясь, какъ дѣлаетъ человѣкъ, когда напрягаетъ свой слухъ.

— А то и колеса для телѣги... или сюртуки?

— Я съумѣю снискать себѣ пропитаніе, — возразилъ молодой человѣкъ, задѣтый въ своемъ достоинствѣ. Это, однако, не произвело, или, казалось, не произвело никакого впечатлѣнія на врача.

— Ричлингъ, — и докторъ неожиданно повернулся къ нему и съ ласковою строгостью посмотрѣлъ на него, — почему вы не привезли съ собой рекомендательныхъ писемъ?

— Да, вѣдь... — молодой человѣкъ замялся, опустилъ глаза и замѣтно покраснѣлъ, — мнѣ кажется... — пробормоталъ онъ, заикаясь, — я думаю... — и онъ не смѣло взглянулъ на доктора, — не думаете ли вы... что каждый долженъ самъ себя рекомендовать?

Взглядъ доктора былъ такъ упорно на него устремленъ, что самъ себя рекомендующій не могъ вынести его молча.

— Я держусь такого мнѣнія, — сказалъ Ричлингъ, опять глядя внизъ и покачивая одною ногой. Вдругъ лицо его прояснилось. — Докторъ, вотъ, кажется, ваша карета ѣдетъ, не такъ ли?

— Да, я велѣлъ кучеру, справивъ карету, направиться въ эту сторону и искать меня здѣсь.

Карета подъѣхала и остановилась.

— А, все-таки, Ричлингъ, — продолжалъ врачъ, направляясь къ экипажу, — лучше бы вамъ достать хоть одно или два письма: они могутъ понадобиться вамъ.

Дверца кареты захлопнулась и въ этомъ звукѣ послышалась какъ бы досада. Ричлингъ тоже притворилъ дверь за собой, входя въ домъ, но тихо, безъ шума, какъ бываетъ въ минуты задумчиваго смущенія. Развѣ такъ слѣдовало имъ проститься? Эта мысль одновременно пришла имъ обоимъ въ голову.

— Постой минуту! — крикнулъ докторъ Севьеръ своему кучеру. Онъ высунулъ голову изъ окна кареты и выглянулъ назадъ. — Ничего! онъ уже ушелъ.

Молодой человѣкъ медленными и тяжелыми шагами пошелъ на-

верхъ; въ этой медленной и тяжелой походкѣ сказывалось вліяніе не одной только обычной неудачи въ ежедневныхъ его поискахъ за работой. Жена его все еще лежала на качалкѣ; онъ подошелъ къ ней; она взяла его руку и погладила ее.

— Ты усталъ?—спросила она, глядя ему въ лицо. Онъ задумчиво смотрѣлъ на полупотухшій огонь.

— Да.

— Но бодрость ты еще не теряешь, не правда ли?

— Бодрость? Н-нѣтъ. А, впрочемъ,—сказалъ онъ, тихо качая головой,—я не понимаю, почему я не нахожу себѣ работы.

— Да это потому, что ты не гоняешься за мѣстами,—отвѣтила жена.

Онъ повернулся къ ней съ просіявшимъ лицомъ, а она, смѣясь, притянула его голову къ себѣ и поцѣловала ее. Онъ опустился на стулъ, гдѣ передъ тѣмъ сидѣлъ врачъ, и отбросилъ голову назадъ, поддерживая ее скрещенными пальцами обѣихъ рукъ.

— Джонъ, докторъ Севьеръ мнѣ очень нравится.

— Чѣмъ же?—и онъ взглянулъ на потолокъ.

— А развѣ тебѣ онъ не нравится?—спросила жена и, при видѣ улыбки Джона, прибавила:—вѣдь, ты очень хорошо знаешь, что онъ тебѣ нравится.

Мужъ схватилъ обѣими руками щипцы у камина, опустилъ локти на колѣни и медленно проговорилъ:

— Мнѣ кажется, докторъ считаетъ меня просто дуракомъ.

— Ну, это еще ничего,—подхватила молодая жена,—это только потому, что ты женился на мнѣ.

VI.

Попытки свить гнѣздо.

Прошло двѣ недѣли. Къ доктору Севьеру предъявлялась масса всякихъ требованій не только какъ къ искусному врачу, но и какъ къ ревностному общественному дѣятелю, такъ что онъ былъ, можно сказать, заваленъ дѣлами. Какъ разъ въ это время онъ былъ очень занятъ нѣкоторыми общественными вопросами. Онъ, однако, былъ далекъ отъ всякихъ партійныхъ распрей и всякой погони за добычей; въ то же время, его постоянная готовность вступить за правое дѣло и его человеколюбіе не позволяли ему бросать политики. Случалось часто, что среди всѣхъ этихъ заботъ промелькнетъ у него мысль и о Ричлингахъ.

Наконецъ, онъ встрѣтился съ ними. Однажды его позвали къ

больному, живущему недалеко отъ мадамъ Зенобіи. Въ ту минуту, когда онъ подъѣхалъ къ тротуару передъ домою, гдѣ жилъ больной, молодые Ричлинги показали у двери своего дома. Онъ говорилъ о чемъ-то съ оживленіемъ, а жена съ сіяющимъ лицомъ, держась обѣими руками за его руку, съ живѣйшимъ интересомъ слушала, что онъ говорилъ.

При видѣ доктора еще ббольшая радость выразилась на лицахъ обоихъ молодыхъ людей.

— Здравствуйте, — сказали они, подходя къ нему.

— Добрый вечеръ, — отвѣтилъ докторъ и пожалъ обоимъ руки. Для него встрѣча съ ними была положительно пріятна. Онъ совсѣмъ позабылъ о томъ, что у молодаго человѣка не было рекомендательныхъ писемъ.

— Что, вышли подышать воздухомъ? — спросилъ онъ.

— Да, гуляемъ и присматриваемся, — сказалъ мужъ.

— Мы ищемъ новую квартиру, — сказала жена, держась обѣими руками за локоть мужа и прижимаясь ближе къ нему.

— Развѣ вамъ не хорошо въ теперешней?

— Хорошо, но намъ не нужны такія большія комнаты.

— А! — сказалъ докторъ и разговоръ замаялся. При такой случайной, короткой встрѣчѣ не было и предмета для разговора; всѣ еще разъ улыбнулись другъ другу и докторъ Севьеръ приподнял шляпу, чтобы раскланяться, но вдругъ о чемъ-то вспомнилъ.

— Нашли вы себѣ занятіе? — спросилъ докторъ у Ричлинга.

Жена на минуту взглянула на мужа, затѣмъ опустила глаза.

— Нѣтъ, — сказалъ Ричлингъ, — нѣтъ еще. Если бы вамъ пришлось услышать о чемъ-нибудь, докторъ...

Но онъ вдругъ вспомнилъ слова врача насчетъ писемъ и запнулся, желая какъ бы даже взять назадъ свою просьбу, но докторъ сказалъ:

— Непремѣнно; я вамъ дамъ тогда знать, — и протянулъ руку Ричлингу.

Онъ хотѣлъ добавить: «и если бы вы нуждались» и т. д., но около мужа стояла молодая жена, и онъ ничего не сказалъ. Молодая чета весело поблагодарила его, прощаясь съ нимъ, но подъ внѣшнимъ видомъ этой веселости не просвѣчивало ли уже въ лицѣ молодаго человѣка смутное сознаніе своего безсилія передъ неравенствомъ борьбы? Впрочемъ, пока оба пожимали еще другъ другу руки на прощеніе, тѣнь эта исчезла съ лица Ричлинга и въ его бодромъ пожатіи руки чувствовалось столько твердости, что и это отчасти удержало доктора отъ всякихъ покровительственныхъ пред-

ложеній. Ему показалось, что, будь онъ на мѣстѣ Ричлинга, онъ бы обидѣлся.

Молодые люди ушли, а вечеромъ того же дня образъ молодой женщины живо представился доктору Севьеру, когда онъ сидѣлъ у своего камина одинокимъ вдовою, и онъ вспомнилъ, съ какою живостью она посмотрѣла въ лицо мужа и какъ на этомъ лицѣ промелькнуло и исчезло выраженіе усталости и смущенія и съ какою новою бодростью и энергіей молодая чета неслаъ того простилась съ нимъ.

«Я жалѣю, что промолчалъ, — думалъ онъ про себя, — жалко, что я не предложилъ. Надѣюсь, что онъ не передалъ ей нашего разговора о письмахъ. Я, конечно, былъ правъ, но это только оскорбило бы ее».

А, между тѣмъ, разговоръ этотъ Ричлингъ передалъ ей: онъ всегда говорилъ ей все и оба, хотя каждый по-своему, придавали особенно глубокое значеніе правамъ и положенію «жены». Можетъ быть, оба ошибались, но они съ неудержимымъ молодымъ увлеченіемъ вѣрили, что иначе не могло и быть.

Докторъ Севьеръ не имѣлъ о Ричлингѣ дальнѣйшихъ свѣдѣній, а, между тѣмъ, поиски ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Цѣны въ Таможенной улицѣ оказались всюду высокія, тогда они направились въ такъ называемую Бургундію. Изъ Бургундіи перешли въ Дю-Мэнъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ веселѣе имъ дѣлалось, вопреки всѣмъ разочарованіямъ. Все, что попадалось имъ на глаза, было имъ ново и смѣшно: мужчины, женщины, предметы, мѣста, — все было болѣе или менѣе чужое, не американское. Странность и своеобразность иноземцевъ, принадлежавшихъ къ африканской расѣ, и въ особенности тѣхъ, которые говорили по-французски, были для мистрисъ Ричлингъ источникомъ неизсякаемаго веселья. Ко всему этому присоединялось еще сознаніе смѣшной стороны ихъ денежнаго стѣсненія, которое приводило ихъ въ близкое прикосновеніе со всѣми этими людьми и предметами. Все дѣлалось для нихъ причиною и предметомъ смѣха.

— Нѣтъ, такъ нельзя, — сказала жена, краснѣя. — Такъ нельзя, перестанемъ. Мы обращаемъ уже на себя вниманіе.

Дѣйствительно, какой-то праздношатающийся оборванецъ не снукалъ съ нихъ глазъ, стоя у сосѣдняго угла. Несмотря на окватившее ихъ веселое настроеніе, жену сдерживала мысль о необходимости серьезно противиться желаніямъ мужа устроить квартиру возможно комфортабельнѣе; тутъ она охотно сопротивлялась, такъ какъ всѣ его требованія предъявлялись для нея.

— Но, вѣдь, послушай, Джонъ, — говорила она каждый разъ, когда они выходили на улицу и снова принимались за свои розыжки, — всѣ эти вещи стоятъ дорого; а ты, вѣдь, не можешь платить такой суммы?

— Да, но нельзя будетъ устроиться тебѣ удобно безъ нихъ; — слѣдовалъ отвѣтъ.

— Не въ этомъ вопросъ, Джонъ: мы *принуждены* нанять болѣе дешевую квартиру, — вѣдь, такъ, не правда ли?

Джонъ на это ничего не могъ отвѣчать и мало-по-малу веселье снова ихъ охватывало.

Одна изъ квартирныхъ хозяекъ отличалась таними красными кавказскимъ типомъ лица, говорила такимъ приятнымъ голосомъ и такъ скромно описывала свои комнаты, что совѣмъ очаровала мистрисъ Ричлингъ. Комната во второмъ этажѣ, съ окнами во дворъ надъ низкими крышами пристроекъ, оказалась приличною и дешевою.

— Да, — сказала очаровательная хозяйка, обращаясь къ Ричлингу, который не рѣшилъ еще, достаточно ли хороша была комната, — да, сэръ, повѣрьте, вамъ здѣсь будетъ хорошо. Да, сэръ, очень хорошо, да, сэръ.

— Мы можемъ теперь же, сейчасъ ее занять?

— Да, теперь?... Да... о, да!

Даже говоря утвердительно, голосъ хозяйки сохранялъ вопросительную интонацію.

— Что-жь, — и жена посмотрѣла на мужа; онъ кивнулъ головой, — что-жь, мы найдемъ ее.

— Да, — сказала хозяйка, — ну, что-жь? — и затѣмъ, опершись на спинку кровати и улыбаясь дѣтски-застѣнчиво, она добавила: — Вы не требуете контракта, не правда ли?

— Нѣтъ, — великодушно сказалъ Джонъ, — о, нѣтъ, мы, вѣдь, можемъ настолько довѣрять другъ другу, не такъ ли?

— Конечно, — возразила очаровательная особа. Но вдругъ лицо ея измѣнилось, какъ будто она что-то припомнила; — но вотъ бѣда: комната не освободится раньше какъ черезъ три мѣсяца.

И при этихъ словахъ она улыбнулась и развела руками, все еще опираясь на кровать.

— Какъ же это? — воскликнула мистрисъ Ричлингъ, — вы только что сказали, что мы можемъ хоть сейчасъ занять ее!

— Эту комнату? О, нѣтъ, не эту комнату!

— Я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ могло выйти такое недоразумѣние.

Хозяйка пожала плечами и опять улыбнулась; затѣмъ, разводя руками, она быстро заговорила:

— Нѣтъ, вы идите къ мадамъ Ларозъ... Мои комнаты всѣ заняты, а у мадамъ Ларозъ вамъ будетъ хорошо; я знаю, что вамъ будетъ хорошо у мадамъ Ларозъ... Мнѣ очень жалко... Вы идите къ ней, она у самого угла... Я знаю, что вамъ будетъ хорошо у мадамъ Ларозъ...

Она не переставала повторять эти слова, хотя мистрисъ Ричлингъ повернулась уже къ ней спиной, а Ричлингъ раскланивался.

— Но, вѣдь, она только что сказала, что комната свободна!— воскликнула жена, когда они очутились на тротуарѣ. Но черезъ минуту въ ея глазахъ блеснулъ смѣшливый огонекъ, и, какъ бы приглашая мужа идти безъ нея, она быстро договорила:—Вы идите туда, у мадамъ Ларозъ, я знаю, вамъ будетъ отвратительно, — и съ этими словами она подхватила его подъ руку, обращая на себя общее вниманіе прохожихъ, ни привыкшихъ видѣть днемъ мужчину и женщину идущихъ такимъ образомъ,—и они весело пошли дальше.

Послѣдняя, осмотрѣнная ими квартира была въ Рояль-стритѣ. Входъ былъ скверный и слишкомъ тѣсный даже для нихъ. На стѣнахъ, отъ сырости, выступили пятна и сквозь полъ чувствовался запахъ почвы, пропитанной водой. Невысокая лѣстница поднималась до первой площадки подъ низкимъ потолкомъ, а затѣмъ исчезала во мракѣ второй площадки. Добравшись, однако, до самыхъ комнатъ, они были пріятно удивлены, а хозяйка оказалась особенно любезною.

Молодымъ людямъ еще не попадалась такая услужливая хозяйка, и съ каждою минутой она все больше и больше нравилась имъ своею готовностью понимать и угадывать ихъ вопросы и замѣчанія, дѣлаемая ими на англійскомъ языкѣ. Она не безъ нѣкотораго игриваго лукавства наклоняла впередъ голову, когда ей надо было давать имъ объясненія; когда ей приходилось говорить: нѣтъ, сэръ,—то она произносила это съ большою серьезностью, качая головой; когда же ей представлялась возможность сказать: да, сэръ,—то она дѣлала это съ особенною живостью и удовольствіемъ, сопровождая свои слова милостивымъ поклономъ и самую изысканною улыбкой. Она сумѣла придать всѣмъ переговорамъ такой привѣтливый характеръ, что, казалось, даже было не совсѣмъ ловко слишкомъ много разспрашивать и присматриваться ко всему; а когда пришлось заговорить о цѣнѣ, то молодой четѣ сдѣлалось уже совсѣмъ неловко и Ричлингъ окончательно упустилъ

изъ вида всѣхъ тѣхъ условій бережливости, на которыя только что далъ молчаливое согласіе.

— И такъ, вы положите коверъ? — спросилъ онъ, уклоняясь отъ главнаго вопроса.

— Коверъ? О, конечно! — отвѣтила хозяйка съ очаровательнымъ поклономъ.

— Да, — улыбаясь и кивая мужу, подхватила молодая женщина, очарованная хозяйкой.

— Намъ нужно, вы понимаете, по возможности приличное помѣщеніе и, въ то же время, дешевое, — сказалъ онъ.

Хозяйка вспыхнула.

— Нѣтъ, Джонъ, — съ живостью перебила жена, — развѣ ты не помнишь нашего уговора? — и, обращаясь къ хозяйкѣ, она торопливо договорила: — Намъ нужно по возможности дешевое помѣщеніе и, въ то же время, приличное.

— Приличное... Вамъ нужно приличное помѣщеніе! — и хозяйка отступила на шагъ; ея гнѣвъ съ каждымъ движеніемъ, видимо, возрасталъ и, указывая рукой на вычищенный и испарипанный полъ, она продолжала: — Здѣсь вы его имѣете! Но дѣло не въ томъ, вы вовсе не ищете приличнаго помѣщенія, нѣтъ! Вамъ надо, чтобы было дешево!

Тутъ она подняла брови кверху и сдѣлала презрительную гримасу. — Здѣсь, у меня — не то, что вамъ требуется?... Я — приличная женщина, а?... Что вамъ здѣсь нужно?

— Помилуйте, сударыня, мой мужъ...

— Онъ вашъ мужъ?

— Да! — крикнули оба Ричлинги въ одинъ голосъ.

Женщина опять скрестила руки, отвернулась и, поднимая глаза къ потолку, проговорила съ загадочною улыбкой:

— Гм... — и предоставила раскраснѣвшей отъ негодованія молодой четѣ выбраться на улицу черезъ мрачную подвальную лѣстницу.

На слѣдующій день рано утромъ Ричлингъ вошелъ въ комнату жены съ оживленнымъ видомъ дѣловаго человѣка. Она стояла передъ зеркаломъ и прикалывала брошку.

— Мэри! — воскликнулъ онъ, — одѣнься и пойдемъ посмотрѣть то, что я нашелъ! Я не видалъ болѣе своеобразнаго, болѣе романтическаго мѣста во всемъ городѣ! Въ то же время, оно и самое уютное, и самое дешевое! Вотъ ключъ отъ твоего шкапа... Я достану твою шляпку, чтобы не терять времени.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — закричала она, смѣясь и бросаясь ме-

жду нимъ и шапомъ съ свергающими глазами, — я не дамъ тебѣ тронуть моей шляпы!

Видно, есть предѣлъ даже и для подчиненія жены.

Однако, очень скоро, по женской мѣрѣ времени, они вышли на улицу и прохожіе опять улыбались при видѣ красивой пары, идущей подъ руку, причеъ молодая жена старалась идти въ ногу съ мужемъ.

Джонъ, пока они шли, описывалъ ей свою находку.

Въ свѣтло-красномъ фасадѣ высокаго дома съ старинною рѣзбой надъ окнами и дверьми — входъ черезъ громадныя, крѣпкія зеленныя ворота; петли у этихъ воротъ не меньше ярда длины; надъ воротами красуется полукруглая рѣшетка изъ дюймовыхъ желѣзныхъ полосъ, въ воротахъ калитка, а на калиткѣ виситъ тяжелое, блестящее кольцо. Толстый, коротконогій черный невольникъ вводитъ черезъ калитку въ широкой мощный корридоръ, въ которомъ на средней балкѣ виситъ большой желѣзный фонарь. Въ концѣ корридора стоитъ, раскрытая на обѣ половинки, большая двойная дверь съ цвѣтными стеклами. Черезъ эту открытую дверь видѣнъ въ мощенный плитами дворъ, окаймленный узкимъ, высокимъ цвѣтникомъ подъ тѣнью гранатовыхъ и оранжевыхъ деревьевъ, усыянныхъ плодами. Дворъ этотъ окруженъ высокими стѣнами, покрытыми виноградомъ, а съ неровныхъ карнизовъ стѣнъ весело выглядываютъ дикія травы, какъ бы смѣясь сверху надъ цвѣтникомъ, лишеннымъ и утренняго, и вечерняго солнца. Въ домѣ — широкая, старомодная лѣстница; комнаты расположены въ немъ попарно, изъ которыхъ одна выходитъ на улицу, другая — во дворъ; можно выбирать любую; мебель удобная, полинялая, потолки высокіе, окна — каждое съ отдѣльнымъ балкончикомъ.

— Знаешь что? — сказалъ съ нѣжностью Ричлингъ въ то время, когда они поспѣшно входили въ домъ. — Здѣсь мы скроемся отъ всего міра и весь міръ отъ насъ.

Въ отвѣтъ жена только взглянула на него своими голубыми глазами и слегка улыбнулась. Помѣщеніе вполне соответствовало описанію и было даже лучше его, исключая, впрочемъ, въ одномъ отношеніи. Мистрисъ Ричлингъ, окинувъ взглядомъ помѣщеніе и съ трудомъ сдерживая улыбку, чтобы принять серьезный, дѣловой видъ, обратилась къ хозяйкѣ:

— Мужъ мой сказалъ мнѣ, что цѣна этой комнаты, выходящей на улицу, десять долларовъ въ мѣсяць.

— Въ мѣсяць?

Хозяйка была бѣлая и очень полная женщина, постоянно задыхалась и присаживалась на всѣхъ попадавшихся ей стульяхъ.

— Въ мѣсяць?—повторила она, испуганно и вопросительно глядя то на мужа, то на жену.

Мэри попыталась объяснить ей по-французски.

— Да; *oui, madame*. Десять долларовъ въ мѣсяць— *le mois*.

Лицо выразило вдругъ пониманіе. Мадамъ раскрыла ротъ и глаза, въ видѣ трехъ громадныхъ буквъ *о*.

— Ah, non! въ мѣсяць, нѣтъ, сударыня. Ахъ, это невозможно! Въ недѣлю, да! десять долларовъ въ недѣлю, да!—Говоря это, она ткнула пальцами себѣ въ грудь и сдѣлала энергическій жестъ.

Молодые люди вышли, но презрительный смѣхъ, огласившій пустыя комнаты, долетѣлъ до нихъ сверху, пока они спускались по лѣстницѣ. День или два спустя они нашли себѣ дешевую квартиру.

VII.

Исчезновеніе.

Избраніе президента приходилось на этотъ годъ. Партіи, которой суждено было позднѣе достигнуть преобладающаго значенія, тогда еще впервые удалось выдвинуть своего кандидата. Возбужденіе охватило весь Югъ. Чѣмъ бы люди ни были заняты, вставая утромъ или ложась спать, встрѣчаясь или расходясь, въ будни и въ воскресные дни, за ѣдой, на свадьбахъ, на похоронахъ, — всюду слышался одинъ и тотъ же разговоръ о невольничествѣ, объ освобожденіи рабовъ и о распаденіи страны.

Докторъ Севьеръ весь погрузился въ вопросъ о президентской кандидатурѣ. Самостоятельность его образа мыслей не позволяла ему принадлежать цѣликомъ ни одной изъ существующихъ партій, но, въ то же время, быть въ самомъ пылу сраженія было потребностью его натуры. Онъ держался своихъ собственныхъ выводовъ изъ имъ же самимъ подобранаго ряда фактовъ; у него сложились свои особыя обвиненія, предъявляемыя имъ такой-то партіи и снисходительное отношеніе къ другой; была своя политическая экономія, своя теорія правъ, свое толкованіе американской конституціи, свои угрозы и предчувствія, свои увѣщанія и предсказанія, изъ которыхъ, правда, не всѣ оказывались вѣрными. Но всѣ рѣчи его выливались съ горячностью высокой и твердой души, преданной своему отечеству, и по окончаніи каждой рѣчи, усталый, обтирая потъ съ блѣднаго лба, онъ садился съ чувствомъ исполненнаго долга. Почти излишне добавлять, что онъ съ взятыми по-

литиканами ничего общаго не имѣлъ; но когда всё «boys» зачислили его въ народные ораторы во время избирательной агитаціи, онъ покорно надѣлъ на себя ярмо и усерднѣйшимъ образомъ шлепалъ вмѣстѣ съ ними по грязи, воодушевленный самыми чистыми побужденіями.

— Ура! за...

За кого кричали тогда «ура», теперь уже безразлично. Побѣдителемъ оказался не Фремонтъ, а Бухананъ. Потухли огни, подмостки исчезли, пальба ракетъ прекратилась, уже бесполезно стало «ждать фургона»; «старикъ Данъ Тукеръ устраненъ», мальчишки перестали играть роль гражданъ, распаденіе страны было хоть временно задержано и люди опять обратили все свое вниманіе на добываніе денегъ.

У одного изъ друзей доктора Севьера, принадлежащаго къ торговому міру, оказалось вакантное мѣста клерка. Въ головѣ доктора блеснула счастливая мысль.

— Нарцисъ!

— Я, сэръ.

— Пойдите въ Таможенную улицу и въ № 40 спросите мистера Фледжлинга; а если его не будетъ дома, обратитесь къ мистрисъ Фледж... гм... то-есть Ричлингъ, я хотѣлъ сказать. Я...

Нарцисъ громко расхохотался.

— Ха, ха, ха! это бываетъ иногда! У моей тетушки есть дя-дюшка: однажды онъ и говорить...

— Ну, хорошо, идите немедленно!

— Сейчасъ, сэръ!

— Передайте ему эту карточку...

— Да, сэръ!

— Вотъ этотъ господинъ, имя котораго на карточкѣ...

— Да, сэръ!

— Да подождите же и выслушайте, въ чемъ дѣло... Этотъ господинъ...

— Да, сэръ!

— Желаетъ его видѣть. Такъ и скажите.

— Ладно, сэръ!

При этихъ словахъ Нарцисъ сбросилъ съ себя шерстяную куртку, снялъ съ крючка свое платье, переложилъ платокъ изумительной бѣлизны изъ боковаго кармана куртки въ карманъ фрака, обшарилъ карманы своихъ панталонъ, чтобы удостовѣриться въ наличности спичечницы и папирсъ, перемѣнилъ сапоги, снялъ

однимъ прыжкомъ свою шляпу съ гвоздя, высоко вбитаго въ стѣну, и надѣлъ ее на голову, не уступающую по красотѣ аполлоновой.

— Докторъ, — сказалъ онъ, — право, мнѣ кажется, что мистеръ Ричлингъ очень порядочный молодой человѣкъ, очень порядочный, право, докторъ!

Докторъ пробурчалъ что-то сквозь зубы надъ письмомъ, которое онъ писалъ въ это время.

— И такъ an'voilà, докторъ, я теперь пойду.

Очутившись въ корридорѣ, онъ остановился и, подвернувъ губу, закурилъ папирску въ согнутой ладони, затянулся въ первый разъ съ видимымъ наслажденіемъ и затѣмъ опрометью бросился внизъ по лѣстницѣ, какъ будто она загорѣлась подъ его ногами.

Въ Каналь-стритѣ онъ встрѣтилъ двухъ почтенныхъ товарищей и всѣ трое направились по Биржевому переулку къ старому прилавку М'Блоски въ нижней части города съ намѣреніемъ выпить вмѣстѣ по стакану содовой воды. Въ это время оба друга Нарциса были безъ мѣста и, такимъ образомъ, онъ изъ всѣхъ трехъ былъ самою интересною фигурой уже тѣмъ, что могъ ругать своего патрона.

— Ахъ, тѣфу! — сказалъ онъ, подчеркивая послѣднее слово тѣмъ, что бросилъ остатокъ папирски въ песочницу и плюнулъ на нее. — *Le Shylock de la rue Carondelet!* — и затѣмъ онъ продолжалъ по-англійски, желая возбудить удивленіе въ трактирномъ слугѣ, ирландцѣ: — Онъ не хочетъ прибавить мнѣ жалованья! Я и не просилъ его объ этомъ по случаю выборовъ. Но вотъ погодите, если только доживемъ до перваго января, вотъ увидите!

Слуга, обтирая верхнюю, цинковую часть прилавка, спросилъ у Нарциса, почему онъ не проситъ прибавки жалованья именно теперь.

— Почему не прошу теперь? А потому, что когда я ужъ попрошу, такъ онъ ужъ знаетъ, что исполнить надо! Выдумаете, что стану работать до изнеможенія?

Никто изъ его слушателей не старался убѣдить его въ противномъ, и онъ вскорѣ очутился въ домѣ мадамъ Зенобіи. Мебель ея продавалась съ аукціона и домъ ея былъ наполненъ людьми всякаго рода и цвѣта. Какъ разъ въ то время, когда онъ входилъ, продавался громадный буфетъ и аукціонеръ выкрикивалъ:

— Сорокъ пять долларовъ! сорокъ пять долларовъ! Лэди и джентльмены, только сорокъ пять долларовъ за этотъ прекрасный буфетъ! *Quarante-cinq piastres, seulement, messieurs!* Работа буфета vaut bien cette prix! Джентльмены, одна работа стоитъ этихъ

денегъ! Лэди, если вы не замолчите сейчасъ, я прекращу продажу!... Et quarante-cinq piastres! сорокъ пять долларовъ!

— Пятьдесятъ!—крикнулъ Нарцисъ, но, сообразивъ, что съ того времени, какъ отецъ его служилъ полицейскимъ, у него ни разу не было такой суммы въ карманѣ, онъ улизнулъ наверхъ и нашелъ мадамъ Зенобію въ совершенномъ отчаяніи отъ уничтоженія ея имущества.

Она сидѣла на стулѣ, у стѣны, въ той самой комнатѣ, гдѣ жили прежде Ричлинги, взволнованная и потерянная. Въ комнатѣ тамъ и сямъ сидѣли неподвижно или безшумно двигались, тихо потрогивая и переворачивая ту или другую мебель, хищники обоего пола, поджидающіе прихода аукціонера снизу. Нарцисъ быстро подошелъ къ ней.

— Вы тутъ живете, мадамъ Зенобія!—Онъ говорилъ по-французски.—Развѣ вы не помните меня? Неужели забыли? Помните, какъ я у васъ кралъ винныя ягоды?—Хищники медленно повернули къ нимъ головы. Мадамъ Зенобія смотрѣла на него растерянно.

Нѣтъ, она не помнила: столько людей обкрадывали ее въ теченіе всей ея жизни!

— Да, вѣдь, вы и не взглянули на меня, мадамъ Зенобія! Развѣ вы не помните, какъ вы однажды стащили мальчугана—не больше *этого*—съ фиговаго дерева въ вашемъ саду, взяли пруть въ одну руку, подъ другую загнули голову мальчишки, клянясь, что накажете его, даже если бы вамъ пришлось за это тутъ же умереть, и, положивъ его поперекъ вашего колѣна...—Тутъ Нарцисъ началъ сильно и граціозно махать правою рукою, — движеніе, мало кому изъ нашего падшаго рода непонятное.—Неужели вы не помните меня, мой старыи другъ?

Она взглянула на его красивое лицо и слегка улыбнулась утвердительно, а онъ засмѣялся отъ удовольствія.

— Путь былъ вотъ какой величины... А! мадамъ Зенобія, вы здорово отдѣлали меня тогда!—При этомъ онъ мягкимъ движеніемъ сперва одной, затѣмъ другой руки ударилъ достопамятное мѣсто, судорожно бросаясь впередъ при каждомъ ударѣ и выражая лицомъ испугъ и поддѣльное горе. Всѣ въ комнатѣ улыбнулись. Но вдругъ онъ сдѣлался совершенно серьезнымъ.

— Мадамъ Зенобія, надѣюсь, что ваша мебель хорошо продается?—Онъ все еще продолжалъ говорить по-французски.

Она, какъ бы умоляя о пощадѣ, вскинула глазами вверхъ, прерывисто задышала и съ жестомъ отчаянія закачала головой.

Нарцису стало жалко ее.

— Я внизу сдѣлалъ, что могъ для васъ... старался поднять цѣну вещамъ. Ради прошлаго, я бы охотно остался съ вами и еще помогъ бы въ чемъ-нибудь. Но я, собственно, зашелъ къ мистеру Ричлингу, мадамъ Зенобія! Онъ дома? Онъ нуженъ доктору Севѣру.

Ричлингъ? но, вѣдь, Ричлинги здѣсь не живутъ; доктору должно быть это извѣстно. Съ какой же стати приходится ей отвѣчать за все это недоразумѣніе? Не иначе, какъ по оплошности доктора. Ричлинги уже давно переѣхали и докторъ Севѣрь встрѣтилъ ихъ, когда они искали квартиру. А гдѣ они теперь живутъ, вотъ ужъ *этого* она не можетъ знать! Развѣ мистеръ Ричлингъ остался долженъ доктору?

— Долженъ? Разумѣется, нѣтъ! Докторъ, наоборотъ...

Во всякомъ случаѣ, она не знаетъ, гдѣ они живутъ, но вотъ въ чемъ дѣло: мистеръ Ричлингъ случайно находится въ данную минуту здѣсь въ домѣ, теперь... à c'teure! Онъ пришелъ за нѣкоторыми бездѣлицами, оставленными его супругой.

Нарцисъ немедленно отправился искать его. Наверху онъ не нашелъ Ричлинга, тогда онъ вышелъ на площадку лѣстницы и посмотрѣлъ внизъ. Вотъ онъ, какъ разъ, уходитъ!

— Мистеръ Ричлингъ!

Ричлингъ не слышитъ. Онъ исчезъ за дверью, Нарцисъ же съ такимъ трескомъ бросился по лѣстницѣ вслѣдъ за нимъ, что даже приостановилъ аукціонъ, но не могъ сразу отпереть выходную дверь и, провозившись тутъ нѣсколько минутъ, вышелъ на улицу, когда Ричлингъ уже поворачивалъ за уголъ. Нарцисъ пустился за нимъ въ догонку, добѣжалъ до угла, остановился и посмотрѣлъ вдругъ себя, посмотрѣлъ вверхъ по улицѣ, потомъ внизъ, заглянулъ во всѣ склады и магазины по обѣимъ сторонамъ вплоть до Каналь-стрита, перешелъ эту улицу и вернулся въ контору доктора съ докладомъ. Если онъ изъ своего донесенія и выключилъ такія подробности, какъ встрѣчу свою съ тѣмъ, кого онъ искалъ, и что онъ потерялъ его изъ вида, виною тому былъ отчасти самъ докторъ, не позволявшій ему много говорить. Результатъ былъ ясенъ и простъ: никто не зналъ, гдѣ находились Ричлинги.

Зимніе мѣсяцы протекли, а о Ричлингахъ не было ни слуху, ни духу.

— Они, вѣроятно, вернулись на родину, — часто думалъ про себя докторъ. — И, конечно, для нихъ лучше поступить именно такъ, вмѣсто того, чтобы оставаться здѣсь, куда и заѣзжать имъ не слѣдовало и гдѣ они могли жить только рассчитывая на помощь и покровительство чужихъ для нихъ людей.

Онъ уже болѣе не сдерживалъ своихъ восторженныхъ чувствъ по отношенію къ нимъ. По его мнѣнію, Ричлингъ выказалъ истинное мужество, то именно, которое требуется для отступленія, когда отступленіе необходимо. А его милая жена, — о, какъ она напоминаетъ ему... Но довольно... прочь, воспоминанія!

«Да, они, навѣрное, вернулись на родину!» — Докторъ говорилъ это тѣмъ положительнѣе, что въ глубинѣ души сомнѣвался въ томъ, что они уѣхали.

Въ одно весеннее утро, просматривая свою записную дощечку въ конторѣ, онъ невольно вскрикнулъ. Первая надпись на дощечкѣ оказалась слѣдующая:

«Прошу васъ захватить какъ можно скорѣе въ № 292 улицы Св. Маріи, на углу Пританіи. Уголь нижній, противъ богадѣльни. Джонъ Ричлингъ».

Мѣсто это было отдаленное, совсѣмъ въ новой части Американскаго квартала. Подпись была такъ написана, какъ будто пишущій началъ писать другую фамилію, а затѣмъ уже передѣлалъ ее въ имя Ричлингъ.

А. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

«НА МИНУТКУ».

(Изъ замѣтокъ деревенскаго обывателя).

I.

— Ну, какъ же у васъ тутъ? какъ живется? Ничего?

— Да все по-старому! Чего намъ дѣлается? Живемъ по-маленьку!

Этими обычными фразами, очевидно, не имѣющими никакого опредѣленнаго смысла и значенія, невольно обмѣниваешься съ деревенскими обывателями всякій разъ, когда, послѣ долгой отлучки и, главнымъ образомъ, зимою, случится «на минутку» заглянуть въ деревню. Не придаютъ этой взаимной перемолвкѣ никакого существеннаго смысла и тѣ деревенскіе люди, — начиная съ ямщика, везущаго съ вокзала, — съ которыми приходится столкнуться въ короткое время случайнаго пріѣзда. И, все-таки, когда минуютъ эти короткія минуты, и сани ямщика опять бѣгутъ къ вокзалу, и когда припоминаешь все невольно видѣнное и слышанное, — почти всегда оказывается, что эти, ничего незначащія, фразы были едва ли не единственнымъ ласковымъ впечатлѣніемъ, которое осталось на душѣ. Обычныя фразы ничего не означали, но онѣ говорились съ желаніемъ собесѣдниковъ относиться другъ къ другу «по-пріятному», говорились не съ унылымъ лицомъ, тогда какъ малѣйшее «касательство» въ разговорѣ къ вопросамъ реальной деревенской дѣйствительности почти всегда омрачало и мысли, и лица собесѣдниковъ. Прискорбный тонъ, прискорбный вздохъ были всегда началомъ такого подлиннаго разговора о подлинныхъ обстоятельствахъ деревенской жизни, потому что съ удивительнымъ постоянствомъ такой разговоръ всегда почти касался какаго-нибудь прискорбнаго факта.

Иной разъ подолгу нѣтъ желанія даже и «на минутку» заглянуть въ деревню, даже и по какой-нибудь незначительной

надобности, и тѣмъ менѣе для того, чтобы «отдохнуть» въ впечатлѣніяхъ народной жизни. Последнее положительно невозможно, такъ какъ если вы, живя въ самомъ центральномъ мѣстѣ механизма мѣропріятій ко благу отечества, чувствуете, что въ нихъ есть иногда недомолвки и недодѣлки, то видѣть осуществленіе всего этого въ-живѣ и явѣ, въ той ячейкѣ общественнаго организма, которая именуется деревней,—значить не получить ничего, кромѣ самыхъ унылыхъ мыслей. Если же иногда при этомъ, все-таки, является неотразимое желаніе заглянуть въ деревню «на минутку», то это происходитъ только въ такія мгновенія, когда суета-суеть хлопотливой столичной жизни прекратитъ, наконецъ, самую малѣйшую возможность понимать смыслъ какъ того, что приходится переживать, такъ и вообще смыслъ своего существованія. Тогда является неотразимая потребность освѣжить свои нервы какими-нибудь впечатлѣніями живаго, не подлежащаго измѣненіямъ и дополненіямъ естества вѣковѣчной, живой книги жизни—природы.

При такихъ обстоятельствахъ даже простой, но настоящій, бѣлый снѣгъ, пушистыми сугробами укрывающій просторъ полей, и тотъ уже освѣжаетъ измаявшіеся нервы впечатлѣніемъ ничѣмъ неповрежденнаго естества. Въ столицѣ снѣгъ бываетъ снѣгомъ только тогда, когда еще только падаетъ съ неба, когда онъ, пушистый и бѣлый, мелькаетъ за окномъ, пробуетъ пріютиться на желѣзномъ подоконникѣ. Но едва онъ достигнетъ земли, какъ тотчасъ пропадаетъ о немъ всякое представленіе. Толпы дворниковъ, околоточные, даже иногда частный приставъ,—все это толчется и суется надъ чѣмъ-то, подлежащимъ немедленному истребленію. Это «что-то» дерутъ желѣзными скребками, пихаютъ метлами, валятъ въ какомъ-то разлагающемся трупномъ видѣ въ грязнѣйшіе ящики на дровняхъ и поспѣшно увозятъ съ глазъ долой: это уже не снѣгъ, а распоряженіе полиціи; а во что превращено самое естество пушистаго снѣга, этого и передать невозможно. Понятно поэтому желаніе хоть снѣгъ-то увидѣть въ его настоящемъ естествѣ, а не мѣропріятіе надъ какимъ-то разложившимся трупомъ. И, право, хорошо на нескрипучихъ полозьяхъ ѣхать по мягкому снѣгу. Особливо хорошо это, когда кругомъ ненарушимая тишина, а еще лучше, когда, къ тому же, и тѣма кругомъ кромѣшная. Звякаетъ только не привязанное у дуги кольцо, но тѣма и тишина такъ успокаиваютъ нервы, что этотъ едва слышнѣйшій, хотя и однообразнѣйшій, звукъ не тревожитъ ихъ.

Ненарушимая ничѣмъ тишина, та самая, которую безъ вся-

каго преувеличенія можно именовать «мертвою тишиной», много, много даетъ она цѣлебнаго успокоенія всему измаявшемуся тѣлу. Темная, черная ночь, смилловавшись надъ измученными нервами, по которымъ столичный день, какъ полупьяный таперъ на разбитомъ инструментѣ, колотить съ утра до ночи, закрывается, наконецъ, крышку инструмента и ни единымъ толчкомъ не трогаетъ избитыхъ струнъ. Не знаю, отдыхаютъ ли струны послѣ тиранства тапера, но нервы, не получающія никакихъ впечатлѣній, и мысль, совершенно ослабленная тьмой, изъемяющей отъ ея вниманія всѣ впечатлѣнія дѣйствительности, начинаютъ приходиться въ себя, выпрямляются и, такъ сказать, «молча» возстановляютъ свои физическія силы; сердце бьется правильно и дѣлаетъ свое дѣло покойно, заботливо, какъ заботливая мать, которая ходитъ ночью по дѣтской и неслышно одѣваетъ, укутываетъ разбросавшихся и раскидавшихся дѣтей своихъ. Побывать въ такой ненарушимой тишинѣ, будь она въ долгой дорогѣ, по рыхлому снѣгу, или же въ тепло натопленной комнатѣ, въ глухую ночь, подъ теплымъ деревенскимъ полушубкомъ, исполняющимъ роль забытаго въ городѣ одѣяла, — это такое спасеніе для изорванныхъ, полураздѣтыхъ, иззябшихъ, не покрытыхъ и не защищенныхъ ничѣмъ нервовъ, какаго не найдешь въ самую глухую пору столичной ночи, всегда освѣщенной, какъ днемъ, и, притомъ, ни для чего другаго, какъ только для удобства опять-таки какихъ-нибудь распоряженій.

Хорошо также дѣйствуетъ на нервы, а иной разъ и прямо на оздоровленіе сознанія, всякая живая, безсловесная тварь, выросшая въ деревнѣ на всей своей волѣ и воспитавшаяся единственно подъ руководствомъ самобытныхъ, никѣмъ и ничѣмъ не реформированныхъ и не систематизированныхъ стремленій и цѣлей. На встрѣчу вамъ, подѣхавшему къ деревенскому дому, вылетаетъ съ лаемъ и со всѣми приѣмами безстрашной обороны молодая собака, съ густою, курчавою шерстью, и вы съ истиннымъ удовольствіемъ замѣчаете, что, вѣдь, это тотъ самый щенокъ, который лѣтомъ вмѣстѣ съ другими пицаль гдѣ-то подъ крыльцомъ, ничего не видя и, въ то же время, стараясь найти молоко матери. И вотъ онъ является въ полномъ развитіи всѣхъ своихъ способностей, талантовъ, дарованій, цѣлей и обязанностей. Никакая «система» воспитания не наложила на него своей тенденціозной печати; что ему было дано, того онъ и достигъ безъ помѣхи, и одно уже это даетъ вамъ возможность ощутить такое впечатлѣніе, котораго не получишь отъ человѣка, которому всего-на-всего осталось «дополучить» до полного удовлетворенія штукъ пять или шесть еще

неполученных «прибавок». Щенокъ, развившій все, что ему было дано, не утаившій ни одного своего собачьяго таланта, не отказавшійся ни отъ одной собачьей обязанности и не измѣнившій ни одному собачьему убѣжденію, не утратившій ни одного изъ собачьихъ правъ, дарованныхъ ему, въ числѣ прочихъ тварей, Создателемъ вселенной, освѣжаетъ своимъ гармоническимъ существованіемъ воспоминаніе о правѣ личнаго благообразія. Благообразіе щенка отозвалось и въ васъ желаніемъ непремѣнно привлечь къ себѣ эту милую тварь. Но она нейдетъ, а продолжаетъ лаять и оборонять свою личность отъ всякаго посягательства. Булка, которая оказывается у васъ въ рукѣ, производитъ въ непосредственной натурѣ щенка совершенно не то дѣйствіе, которое вы привыкли видѣть въ обыкновенномъ обществѣ жизни. Не только она не возбуждаетъ въ щенкѣ умиленія и низкопоклонства, какъ это бываетъ обыкновенно, но, напротивъ, приводитъ его въ величайшее раздраженіе: булка, которая у васъ въ рукахъ и которая, очевидно, принадлежитъ ему, щенку (онъ это видитъ), должна заманить его со двора въ переднюю, принудить къ вилянію хвостомъ. Никогда этого не будетъ! Щенокъ смѣло подходит къ порогу двери и лаемъ начинаетъ требовать булку, какъ собственность. Она принадлежитъ ему и должна быть отдана безъ всякихъ уступокъ; онъ дождется своего, а не покорится; онъ легъ на брюхо, положилъ голову между передними лапами, свергаетъ глазами и рычитъ, и бьетъ хвостомъ въ негодованіи. Иногда, въ негодованіи, вскочить на всѣ четыре ноги, перевернется на одну мѣстѣ съ рычаніемъ и звуками тоскливаго нетерпѣнія, но потомъ, опять уставившись въ васъ упрекающимъ взоромъ, «гамкнетъ» разъ, два и три такъ повелительно, что булка сама перелетитъ въ сѣни, упадетъ около щенка, который, взявъ то, что ему слѣдуетъ, съ рычаніемъ и бранью за ваше желаніе подчинить его вашему вліянію, попрасть его независимость, немедленно же умчится отъ васъ въ какое-нибудь неприступное мѣсто. И, въ то же время, не покорившись булкѣ, онъ безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, распоряженій и подтвержденій всю ночь безкорыстно исполняетъ свои обязанности: всю ночь не спитъ, сторожитъ, не смыкаетъ глазъ. И опять вы подумаете о томъ, какъ бы хорошо было жить безъ компромиссовъ, не покоряться булкѣ и дѣлать то, что велитъ совѣсть! Подумаешь объ этомъ и поотдохнешь.

Вотъ только такія-то освѣженія и хороши въ деревнѣ: независимый въ поступкахъ щенокъ, крѣпкій сонъ безъ малѣйшихъ признаковъ какихъ-нибудь сновидѣній, невзволнованное, ровное бѣненіе

сердца въ ненарушимой ночной тишинѣ, бѣлизна чистаго пушистаго снѣга, — вотъ и все, что цѣнно въ короткія посѣщенія деревни въ глухую зимнюю пору. Бѣ сожалѣнію, врожденная потребность жить и быть съ людьми заставляетъ желать и живаго слова, живаго человѣческаго общества. Приѣхавъ въ домъ и ожидая, пока приѣдутъ парень, который смотритъ за тѣмъ, чтобы истопить холодную печь и поставить самоваръ, не хочется отпустить и ямщика, и съ нимъ хочется поговорить. А разъ начался не обычный обмѣнъ ласковыхъ привѣтствій, а пошла рѣчь о будничныхъ заботахъ деревенскаго недосуга, всегда можно быть увѣреннымъ, что разговоры будутъ далеко не веселаго содержанія. Такъ бывало всякій разъ въ короткіе приѣзды «на минутку», такъ было и въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ теперь рѣчь.

II.

Натаскавъ, при помощи ямщика, дровъ и поставивъ самоваръ, парень жарко растопилъ печку и, грѣясь около нея, сидѣлъ на полу. Я тутъ же примостился, не раздвываясь и ожидая, пока согрѣется комната. Ямщикъ подошибилъ зажечь лампу, предварительнo переломивъ, какъ соломенку, ламповое стекло, и съѣздилъ за другимъ въ лавочку, и, простившись, уѣхалъ; самоваръ началъ трещать и стрѣлять разгорѣвшеюся лучиной, а парень, поталкивая дрова, сталъ разговаривать.

— А у насъ на станціи человѣка отравили недавно!...

Еще когда парень пошевелилъ только губами, я уже опасался за предметъ разговора. Первые же слова парня подтвердили мои подозрѣнія и я уже прямо пошелъ на встрѣчу прискорбной исторіи.

— Кто же это сдѣлалъ? — спросилъ я. — И за что?

Парень, помолчавъ, помѣшалъ въ печкѣ, потолкалъ тамъ кочергой и сказалъ:

— Мнѣ отецъ не велѣлъ разузнавать... Я было пошелъ поспросить... Такъ отецъ говорить: «Не смѣй! Боли тебя тамъ увидятъ, такъ и самого въ острогъ посадятъ...» Ну, я и не сталъ... А онъ ужъ четвертый день лежитъ, пухнетъ... черный сталъ... страсть!

— Кто-жь онъ такой?

— Да такъ... распутный какой-то былъ... Даже разъ былъ случай — ножомъ онъ въ кабакѣ въ дракѣ пхнулъ одного мужика... Потому что набалованъ былъ съ дѣтства... Баловался, пьянствовалъ...

— Да кто-жь онъ такой?

— Да онъ тутъ на дорогѣ служилъ, въ мастерской гдѣ-то. И то когда служить, а когда такъ болтается. Сирота онъ, безъ отца, безъ матери, а только что не изъ бѣдныхъ: послѣ смерти отца остался ему въ наслѣдство домъ у станціи... А, вѣдь, теперь у станціи-то земля ужъ по саженимъ продается. Ну, вотъ, доходу-то и было, за одно постоянное сколько приходилось... Деньги-то вольныя, малый и приучился баловаться, послужить мѣсяць другой, надѣлаетъ скандалу—его и вонъ! Помотается пока-что, пока деньжонки соберутся, а потомъ и опять за свое, и въ карты сталъ играть... Думали такъ, что пропадетъ, а онъ въ послѣднее время какъ будто и почувствовался, жениться вздумалъ. Вотъ старикъ-то и думаетъ: «дѣло плохо, надо какъ-нибудь его прекратить»... Взялъ да и далъ... яду...

Рѣшительно не было никакой возможности понять, въ чемъ дѣло, и я вынужденнымъ нашелся приступить къ подробному допросу.

— Рассказывай ты все по порядку.—сказалъ я.—Какъ было дѣло? Съ чего началось?

— А началось дѣло такимъ родомъ: идетъ этотъ самый Игнашка на машину, на вечерній поѣздъ половина шестаго... И шелъ онъ на поѣздъ—хотѣлъ ѣхать къ невѣстѣ... Невѣста его живетъ на другой станціи, версть восемь... Идетъ онъ какъ слѣдуетъ, приодѣвшись, и попадается ему Егоръ, старикъ тутъ одинъ, отставной старый солдатъ... «Здравствуй!»—«Здравствуй!»—«Куда, мошь?»—«Къ невѣстѣ».—«Доброе, мошь, дѣло, дай Богъ часть!... Надо, говорить, спрыски сдѣлать... Зайдемось ко мнѣ,—у меня настойка припасена». Малый-то былъ охочъ до вина, а тутъ, сказываютъ, которые слышали, будто заупрямился, не хотѣлъ пить-то. А старикъ-то Егоръ уломалъ его, затащилъ-таки... угостилъ Игнашку настойкой... Игнашка хватилъ стакана два и побѣжалъ на машину. А на машинѣ-то, какъ только она тронулась, такъ съ нимъ и началось... Приѣхалъ на станцію ни живъ, ни мертвъ. Буда ужъ къ невѣстѣ! Еле домой на товарномъ довели, все мучился и промучился двое сутокъ и рассказалъ людямъ, какъ Егоръ-то его угощалъ... А Егоръ-то полагалъ, что онъ въ дорогѣ умретъ, ничего не скажетъ...

— Да за что-жь его отравилъ Егоръ-то? И кто онъ такой?

— А люди сказываютъ, изъ-за дома онъ этотъ ядъ далъ... Домъ—главная причина въ этомъ дѣлѣ.

Новая неожиданная путаница рассказа поставила меня въ рѣшительный тупикъ.

— Нѣтъ,—сказаль я,—ты все путаешь! Говори, прежде всего, кто такой Егоръ?

— Да шутъ его знаетъ, кто онъ такой... Онъ у насъ живетъ тутъ лѣтъ двадцать... Нога у него одна испорчена,—на войнѣ, сказываль,—хромаеть... Жилъ онъ все на квартирахъ,—гдѣ за полтину, гдѣ за рубликъ въ мѣсяць... Сапоги шилъ, а то такъ и самовары лудилъ, и деньжонки въ ростъ даваль. Какъ онъ жилъ, неизвѣстно никому въ точности... Сказывали люди, что и паспорта-то-настоящаго у него не было...

Парень помолчалъ, подумаль и, видимо, обремененный сложностью своихъ мыслей, выговорилъ, затрудняясь въ каждомъ словѣ:

— Такъ вотъ главная причина и сказываютъ—домъ.

— Да при чемъ же тутъ домъ-то, наконецъ?

Парень посмотрѣлъ на меня неподвижными глазами, очевидно, удивляясь, какъ это я ничего не понимаю.

— Такъ, вѣдь, домъ-то Игнашкинъ!—сказаль онъ такимъ тономъ, который доказываль, что парень почти уже вышелъ изъ терпѣнія.

Но и я не вытерпѣлъ безмыслицы, которую молоть парень, и не безъ раздраженія замѣтилъ ему:

— Я тебя спрашиваю: при чемъ тутъ домъ и при чемъ тутъ Егоръ? Домъ Игнашкинъ, но почему Егоръ его за это отравилъ ядомъ—вотъ что мнѣ объясни.

Лицо парня вспыхнуло и выразило напряженное усиліе еще разъ и, притомъ, сразу выяснитъ все это дѣло.

— Такъ, вѣдь, онъ былъ любовникъ Авдотьянъ-то!

— Кто любовникъ? Игнашка или Егоръ?

— Егоръ былъ Авдотьянъ любовникъ! Вотъ какъ Игнашка-то задумаль жениться, Егоръ-то испужался... «Нука-ся домъ-то отойдетъ».

— Да кто же, наконецъ, Авдотья?

— Въ любовницахъ она у Егора состояла, а теперь и онъ, и она старики стали! Вотъ какъ Игнашка-то захотѣлъ жениться...

Я опять не могъ не прервать парня.

— Постой,—сказаль я,—говори сначала, кто такая Авдотья?

Парень, очевидно, почувствовалъ, что вопросъ этотъ вывелъ его изъ затрудненія, потому что лицо его сразу прояснилось.

— Да мачиха она Игнашкина!—оживленно проговорилъ онъ.— Отець-то Игнашкинъ женился на ней на второй, а въ скорости и самъ умеръ. Оставилъ онъ въ наслѣдство Игнашкѣ домъ; вотъ

мачиха-то и стала жить съ сиротой, доходъ съ дома получать, да и связалась въ это самое время съ Егоромъ-то. Вотъ отъ какихъ поръ и пошло все это дѣло-то!

— Такъ бы ты и говоришь!

— Такъ, вѣдь, не сразу на разговоръ-то хорошій нападешь!... Теперь-то я все могу подробно рассказать.

И рассказалъ.

— Игнашкинъ отецъ, сказываютъ, домъ-то нажилъ когда еще дорога строилась, подрядчикомъ онъ былъ... Ну, деньжонки были, вотъ и прихватилъ земельки около станціи. Первая-то жена у него, сказываютъ, была хорошая, да прожила недолго; а на Авдотью онъ женился только, чтобы было кому за ребенкомъ смотрѣть. Первую-то жену любилъ, а эту такъ ужь... для хозяйства... Одинокую взялъ, — ни отца нѣтъ у нея, ни матери, — работницей была на дорогѣ, землю таскала... Ну, хоть и не красивая была, а добрая... Вотъ, когда умеръ Игнашкинъ-то отецъ, тотъ самый Егоръ-то и подмазался къ ней... Ежели бы она замужъ за него вышла, тогда и домъ, и ребенка навѣрное бы отобрали какіе-нибудь родственники. Да и родня уже нашлась, и на домъ зарилась, и Авдотью стерегли. А куда ей изъ дому-то выдти, чѣмъ жить? Ни у нее, ни у Егора ничего нѣтъ... Вотъ они и стали жить такимъ-то манеромъ. Изъ теплаго-то дома на морозъ, да на «милостиньку» выдти кому охота? Ну, Авдотья-то будто и жила какъ незамужняя, и доходъ получала, и Егоркѣ помогала... Покуда Игнашка маленький былъ, Егоръ-то и прямо въ его домъ ночевывалъ, а какъ сталъ подростать — стали они скрываться отъ Игнашки. Однако, Авдотья баба добрая, стыдливая... Стала побаиваться, какъ бы мальчонка-то не сообразилъ... баловать его стала, дозволяла все, ни въ чемъ не отказывала... Вотъ онъ и избаловался, а какъ сталъ понимать, что онъ хозяинъ, да слухи разные сталъ про мачиху слышать, и началъ на нее даже похрапывать... Добрые люди научать! «Ты у ней тереби деньги-то! У нее тамъ биткомъ набито!» Ну, и теребилъ... Конечно, деньги бывали и Егоркѣ много было дадено, только у Егорки тоже не держались... возьмутъ въ долгъ и не отдадутъ... Жаловаться не смѣлъ, — спросить: «откуда?» А у него и паспорта нѣтъ... Вотъ такъ и шло. Малый-то все шибче, да шибче свою власть надъ мачихой сталъ показывать... Иной разъ пропьется, станетъ изъ мачихи деньги теребить и ежели у ней нѣтъ, возьметъ самъ изъ имущества заложить и пропить... А потомъ опять теребить... А ежели совсѣмъ нѣту ужь ничего, не вѣрять... грозится: «Я съ моимъ домомъ такую жену

возьму, что ахти! Я васъ, молю, уволю изъ дому...» И такой сталъ извергъ непреклонный! Старуха-то, сказываютъ, плачетъ-плачетъ, бывало... Сохнуть даже стала... Да и невѣстины-то родители тоже дали вѣсть, чтобы мачиха съ любовникомъ вонъ изъ дому шли... что этого ихъ дочь видѣть не можетъ... Лавочки они мелкіе... Ужь, конечно, мужъ молодую жену послушаетъ, а не мачиху. Вотъ старики-то и перепугались.

— Неужели и Авдотья участвовала?

— Про Авдотью слуховъ нѣтъ... Она не отходила отъ Игнашки, какъ его привезли... Все слезами заливалась и сейчасъ убивается... А вотъ про Егора-то говорятъ! Да и точно: состарился онъ крѣпко... Ноги-то ужъ совсѣмъ перестаютъ двигаться, денъжонки растащили до тла... И ужъ другъ къ дружкѣ привыкли... Оно, вѣдь, страшно на старости-то лѣтъ по міру-то идти. Вотъ Егоръ-то, должно быть, и надумалъ... Какъ увидалъ, что Игнашка и въ самомъ дѣлѣ жену беретъ, и испужался. Ежели отъ Авдотьи отстать—помочи не будетъ отъ нее, родные будутъ смотрѣть въ оба... А Авдотѣ, ежели Егора не бросить, тоже остаться нельзя въ домѣ,— всю жизнь разберуть, всякую копѣйку стануть выщипывать... Вотъ Егорка-то съ отчаянности, надо быть, рѣшился. «Попретъ, молю, а я на Авдотѣ женюсь...» Анъ оно вонъ какъ вышло-то!

— Что же теперь съ ними?

— Да, сказываютъ, оба въ темной сидятъ. Авдотья-то и сейчасъ убивается. Глаза не просыхаютъ.

Печка накалилась, и самоваръ послѣ шумнаго кипѣнія, со всевозможными напѣвами, наконецъ, уже клокоталъ въ какомъ-то застенномъ бѣшенствѣ.

— Бому же теперича домъ-то достанется?— какъ послѣдній выводъ изъ всего случившагося, спросилъ парень, втаскивая на столъ клокочущій самоваръ.

Но разговоръ на эту тему не продолжался, такъ какъ, во-первыхъ, надобно было пить чай, а, во-вторыхъ, образы этихъ двухъ несчастныхъ, погибшихъ стариковъ, сидящихъ теперь въ тюрьмѣ, заставили, какъ и всегда, опять-таки думать о разстройствѣ въ народномъ, общественномъ дѣлѣ.

Не только простой деревенскій парень, который, все-таки, могъ хоть по клочкамъ собрать болѣе или менѣе достовѣрныя черты, обрисовывающія причины несчастія двухъ стариковъ, понималъ, что прежде всякихъ подробностей, касающихся личной исторіи и обстоятельствъ несчастныхъ стариковъ, надобно почему-то обра-

тить вниманіе, главнымъ образомъ, на «домъ», на имущественный вопросъ, но и вся такъ называемая «деревенская интеллигенція», т. е. люди «пиджаговъ», «часовъ» и «резиновыхъ галошъ», съ которыми мнѣ приходилось встрѣтиться на обратномъ пути, — всѣ они при распросахъ о происшествіи первымъ словомъ разказа ставили непременно то же самое слово «домъ», а потомъ уже снисходили и до припоминанія изъ пятаго въ десятое подробностей жизни несчастныхъ.

— Главная причина—домъ! Вотъ какъ я полагаю!

— Да кто же они такіе?

— А право ужъ хорошенько я этого не могу вамъ сказать.

Суровая сущность своей и чужой жизни ощущается деревенскимъ обывателемъ вполне ясно; онъ гораздо больше и основательнѣе понимаетъ все, что касается безнадежности своего и чужаго положенія, чѣмъ то, что сулить мечты о какомъ-нибудь счастливомъ исходѣ. Никакихъ радующихъ перспективъ жизнь не только не рисуетъ ему, но даже, пока, и не намекаетъ на нихъ. Драма, кое-какъ рассказанная парнемъ, скоро отошла на задній планъ, и въ разговорѣ его опять на первомъ мѣстѣ появился «домъ». Что теперь будетъ съ домомъ? Кто въ немъ теперь будетъ жить и кормиться? Пройдутъ годы, и вы можете быть увѣренными, что ваши вопросы «о домѣ» всегда будутъ удовлетворены любымъ изъ деревенскихъ жителей; но черезъ три-четыре дня послѣ того, какъ «возьмутъ и увезутъ» старика и старуху, о нихъ и помину не будетъ.

Въ какихъ еще крохотныхъ размѣрахъ практикуется наше вниманіе по отношенію къ дѣйствительно общественнымъ явленіямъ и вопросамъ окружающей насъ среды! И вотъ о чемъ заставилъ меня крѣпко задуматься неуклюжій рассказъ деревенскаго парня.

III.

Парень, къ моему великому удовольствію, рѣшительно не препятствовалъ мнѣ молчать и думать сколько мнѣ будетъ угодно и постарался занять эти молчаливые часы усерднѣйшимъ чаепитіемъ. Даже тогда, когда изъ чайника стала вливаться въ стаканъ только одна вода, и тогда онъ не оставлялъ своего занятія до тѣхъ поръ, пока насъ обоихъ не осыпала мысль о томъ, что распаяется самоваръ. Наконецъ, кончилось и чаепитіе, съѣденъ былъ десятокъ яицъ съ чернымъ хлѣбомъ, вышита крынка молока и явилось же-

ланіе лечь спать. Улеглись мы спать въ разныхъ углахъ двухъ разныхъ комнатъ, тепло натопленныхъ, и нѣкоторое время лежали молча. Я куриль, а парень иногда икаль, отъ избытка въ чаепитіи, а иногда зѣваль, но пока еще не спалъ, и вдругъ опять завелъ рѣчь:

— Холода у насъ тутъ стояли бѣдовыя! День десять продержались. Вѣтромъ такъ и нажигаетъ. Около будки одинъ человѣкъ даже замерзъ.

Опять чѣмъ-то непривѣтливомъ погрозились мнѣ деревенская жизнь. И не хотѣлось бы мнѣ тревожить своихъ мало-по-малу успокоивавшихся нервовъ и мыслей новымъ повѣствованіемъ, несомнѣнно, о чемъ - нибудь прискорбномъ, но я никакъ не могъ промолчать уже просто потому, что другой человѣкъ разговариваетъ со мной.

— Здѣшній?—спросилъ я.

— Нѣтъ, прохожій. Опять ихъ видимо-невидимо идетъ взадъ и впередъ по тракту... Откуда только берутся?... Этоть-то, должно, во хмѣлю былъ, жгло, должно быть, у него нутро. Нашли его въ такомъ видѣ, будто въ канаву нагнулся воды напиться... Голову нагнувъ, губами къ снѣгу припалъ и руками уперся этакъ, локтями вверхъ... шапка тутъ же съ боку лежитъ... А одѣжи почесъ никакой нѣтъ... пинжакъ только... на ногахъ лапти...

— Такъ и неизвѣстно кто?

— Кто-жь его знаетъ, кто они такіе? Ихъ, этихъ прохожихъ, такая сила идетъ, видимо-невидимо... Кажется, ежели по полушкѣ подавать, такъ и то въ раззоръ разоришься...

Уже по этому вступленію я ясно видѣлъ, что предстоитъ рѣчь именно какого-нибудь безнадежнаго содержанія, и прямо сожалѣлъ, что рѣчь эта началась.

Но, къ моему удивленію, собесѣдникъ мой, начавшій разговоръ о такомъ нерадостномъ явленіи большой московской дороги, какъ голыдыба и бродяжный народъ, вдругъ почему-то повеселѣлъ, сбросилъ съ ногъ полушубокъ, сѣлъ на своей постели и радостно проговорилъ:

— Эхъ! Не былъ ты у насъ по осени-то! Что у насъ тутъ было — такъ и во вѣки этого не будетъ! И правнуки-то этого не дождутся наши!...

— Что же такое случилось?

— Пронеслась, какъ солнце по землѣ прокатилась Божія Матерь, чудотворная Тихвинская икона!... Голыдыбу всю сразу подобрали, приютила, да что!—всѣ-то мы точно по небу вмѣстѣ съ нею

неслись... Точно подняла Она, Заступница, насъ всёхъ съ земли къ раю небесному!... Хорошо! даже, даже хорошо!... И во всёи этого не будетъ!... Ужь какихъ живорѣзовъ, а и то слеза прошибала и мощну развязывали. Конечно, жалко намъ, а что хорошо было—такъ и пересказать этого невозможно!

— Отчего же и кого жалко-то было?

— А Ее, матушку Заступницу, жаль намъ было очень. Вѣдь Она въ Тифинѣ-то жила у насъ триста, почитай, лѣтъ. Мы къ Ей привычны, и думы этой у народа не было, чтобы Она отъ насъ ушла... Однако, вотъ ушла! Тифинцы-то долго не отдавали Ее старорусцамъ. Она, точно, изъ Руссы была перенесена въ Тифинѣ по случаю моровой язвы. Такъ, вѣдь, оставалась же Она, матушка, тамъ триста лѣтъ! Стало быть, ужь не гнѣвалась. А тутъ старо-то русцы опамятовались, стали просить: «Отдайте, Она наша!» Ну, а тифинцы-то стали упираться, не отдаютъ. Годовъ, можетъ, двадцать они согласія-то своего не давали. Тогда и старорусцы осерчали. «Не отдадите, говорятъ, добромъ, такъ мы вытребуемъ судомъ!» И зачали дѣло. Подали прошеніе, «такъ и такъ». Ну, бумага пошла своимъ чередомъ, однакожь, и тутъ не скоро дѣло шло. Много разъ они, тифинцы-то, отписывались, затягивали дѣло, строчили бумаги. Наконецъ того, выходитъ рѣшеніе судебное изъ синода: «Отдать безъ разговоровъ!» Ну, тутъ тифинцы-то ужь и приуныли.

— И отдали?

— Какъ же не отдать-то? Только что тифинцы себѣ на умъ: отдали, да не сразу. «На ней,—говорять (опять же бумагу объ этомъ посылають въ Старую Руссу),—риза въ двѣнадцать тысячъ, вся въ драгоцѣнныхъ камняхъ, такъ мы ее, моля, снимаемъ, ризу-то!» Тутъ старорусцы испужались. «Нѣтъ, говорятъ, мы безъ ризы несогласны!» И пошло у нихъ дѣло ходко. Собрали они и всё двѣнадцать тысячъ отвалили тифинцамъ, а въ скорости и сами примчались получать... Привалило вмѣстѣ съ ними многое множество старорусцевъ,—что-жь ты думаешь? Не пускають ихъ тифинцы на постой. «Старорусскіе будете?» — «Старорусскіе!» — «Проваливай отъ воротъ!» — «Да мнѣ лошадь некуда поставить!» — «Да намъ-то что? Ставь куда хошь!» — «Нѣтъ ли овса?» — «Нѣту для васъ овса!» — «Дай хоть хлѣба кусокъ!» — «Нѣтъ для васъ ни хлѣба, ни ночлега!» А народу все подваливаетъ, а провизіи не даютъ. Что будешь дѣлать? Однакожь, старорусцы перетерпѣли голодовку,—ждуть... Дождались дня, хотять взять икону-то, вдругъ, сказывается народъ, поднялась страшная буря,—такъ и валить деревья по дорогѣ, по которой нести-то Ее, Владычицу, надо. Вотъ

тифинцы-то и опять захарохорились было. «Это Она, матушка, не хочеть къ вамъ, къ старорусцамъ, идти, хочеть у насъ остаться!... Никакая бумага тутъ не можетъ препятствовать!» А старорусцы-то, не будь глупы, сами имъ въ оборотку доказываютъ: «Нѣтъ, говорить, не такъ по-нашему-то! По нашему, по старинному мнѣнію, выходитъ, что на васъ, на тифинцевъ, Владычица гнѣвъ свой имѣетъ, за ваши каверзы, подвохи всякіе, за то, что вы намъ пици не давали, непривѣтливы были къ намъ!» Спорились, перетакивались всячески, пока архимандрить не пріѣхаль. Ну, тутъ ужь окончательно нельзя. Вынесли Ее, матушку, простились архимандриты у монастыря, поклонились другъ дружкѣ, и народъ понесъ икону. И всѣ тутъ ужь были за одно, — и тифинцы, и старорусцы, — и изъ всѣхъ селъ и деревень такъ тысячами народъ и подваливаетъ. Какъ придуть въ село, такъ ужь на встрѣчу идетъ причтъ съ хоругвями, встрѣчаетъ и въ церковь несутъ Ее. Причты-то вотъ иной разъ спорились съ путеводителями старорусскими-то... Иной разъ выйдуть мужики изъ деревни, гдѣ нѣтъ церкви, всемъ обществомъ, просить отслужить молебень, а причтъ препятствуетъ. «Вы, говорить, должны идтить въ приходскую церковь, тамъ обязаны молиться... Это, говорить, негодится, чтобы церковный-то доходъ отбивать». Такъ путеводитель-то, говорить, все посохомъ стучалъ въ землю на причтъ-то, стучить и такъ что-то неласково говорить: «Какъ такъ, говорить, народу вы молиться не позволяете?» И все посохомъ-то стучить въ землю. И у насъ тоже на станціи пожелали повернуть икону-то съ тракту, въ вокзалъ отмолествовать, такъ и тутъ тоже причтъ обезпокоился, не сталъ было пущать, съ повороту-то! «Мы, говорить, изъ церковныхъ суммъ выдадимъ, что вамъ на станціи обѣщаютъ!... Поворачивайте, будьте такъ добры, на тифинскій трактъ!» Такъ путеводитель-то и тутъ все посохомъ-то обѣ землю стучалъ и горячился. Однакожь, не уступилъ и поворотилъ-таки на вокзалъ, — да въ вокзалъ-то было не пронести, — двери тѣсныя, пришлось на улицѣ служить... И это причту было не по душѣ. «На улицѣ-то сколько народу соберется? Тысячи! А кто-жь послѣ того въ храмъ-то пойдетъ? Это храму убытокъ!» Горячился причтъ очень, да и путеводитель тоже не отставалъ, все посохомъ-то — стучъ, стучъ, стучъ обѣ мостовую-то. Даже, говорятъ мужики, благословить потомъ не могъ. «Подождите, говорить, православные, рука у меня ослабла!» Ну, какъ-никакъ, а все вышло по-хорошему. И на станціи была, и въ храмъ была Владычица, и ужь какъ хорошо въ путь-дорогу тронулась — и сказать

невозможно! Высоко Ее несли, матушку, надо всеми тысячами, вверху сияла Она, какъ жаръ на солнцѣ горѣла... Женщины, особливо монашенки (собралось ихъ—не пересчитать!), таково-то хорошо пѣли: «Заступница усердная!»—словно ангелы на небеси. И ни на минуточку не замолкали ни днемъ, ни ночью. Такъ идетъ толпа несмѣтная и поетъ... И откуда что взялось! Кто поилъ этотъ народъ, кто кормилъ? Она, Владычица! Въ полѣ останются—сами костры загораются, котлы большущіе на кострахъ закипаютъ, провизія всякая варится, всѣ пьютъ, ѣдятъ, всѣ сыты, всѣ довольны! А пѣніе всю ночь, весь день вокругъ иконы, и всегда множество народу, и всю дорогу на рукахъ... Какъ прошла Она, такъ весь нашъ трактъ какъ вѣтромъ продуло,—нѣтъ голытьбы ни единой души, всѣхъ подобрала, всѣхъ пропитала, всѣхъ пріютила... А теперь вотъ опять голыдьба повалила!

Пронеслось въ воображеніи парня воспоминаніе о необыкновенномъ явленіи, но суровая дѣйствительность, видимо, опять отяготила его мысль. Онъ призамолкъ, вздохнулъ, походилъ босикомъ по темнымъ комнатамъ, воды попилъ и опять легъ и сталъ укладываться. Скучныя времена, наставшія послѣ того, какъ прошла икона, ни парню, ни мнѣ нельзя было уже оставить безъ обзрѣнія.

— И откуда ее, голыдьбы этой,—въ раздумьи сказалъ парень, зѣвая,—тѣма этакая, понять невозможно!

— Откуда же она, въ самомъ дѣлѣ, берется?—сказалъ и я.

— Да Богъ ее знаетъ, откуда она валить! Идутъ изъ Питера съ проходными листами и съ дороги опять назадъ въ Питеръ ворочаются, и опять ихъ оборачиваютъ назадъ. Одинъ высылается изъ Питера двадцать восемь разъ—это ужъ на моихъ глазахъ... Нарождено голаго народу тѣма - тѣмущая! И бога - когò тутъ нѣтъ, въ этихъ бродяжкахъ! Нашему брату, мужику, нельзя не дать, — онъ жалче всѣхъ... Иной горемыка бьется, бьется въ Питерѣ-то изо всѣхъ силъ, годовъ пять бьется, для деревни деньги сколачиваетъ по копѣечкѣ. Ъсть только, чтобы сила на работу была, а ужъ ни водки, ни папироски,—ни-ни. Эдакого-то одною рюмкой свалишь съ ногъ, одурманишь... Иной такой-то покончить свои дѣла, собирается домой, дай, думаетъ, хоть рюмочку на дорогу вышью, да и свалится съ ногъ, да какъ и въ части очутится—не знаетъ. А тамъ ужъ денегъ у пьянаго не оставляютъ!... Вотъ такихъ-то и жалко до смерти! Бѣжить домой изъ Питера, какъ сумасшедшій. И отца, и жену, и мать,— всѣхъ жалѣеть и всѣхъ боится. Всѣ они ждутъ не дождутся, на-

дѣются на него. Наголодались, натерпѣлись, а у него ужъ ни гроша нѣтъ, ѣсть нечего... Много такихъ бѣжить мимо по тракту. Трясется, пужается, плачетъ, ничего въ ротъ не можетъ взять. Забѣжить, оглядѣть, дышетъ, какъ поставъ на водяной мельницѣ, губы сохлыя... Заплачетъ, ни слова не скажетъ,—опять бѣжать. Эдакого-то и самъ догонишь, за руку остановишь, дашь... А, вѣдь, сколько за хлѣбомъ къ намъ идетъ такого голаго народу, что и дать-то ему жалко... Видно, что дармоѣдъ. Вскочить въ избу въ пинжакъ, какъ осиноый листъ дрожить: «Хлѣбца, Христа ради!» Поѣстъ, оттааетъ и начнетъ хвастать: «Я,—говорить одинъ такой-то,—голосъ имѣю преотличный... Сто рублей въ мѣсяцъ получалъ въ театрѣ въ Петербургѣ. Только, говорить, постъ начался, такъ закрыли мѣста, гдѣ поють. Иду теперь къ матери отдохнуть». Слушаешь его пустыя слова-то, а, вѣдь, ежели есть въ карманѣ грошъ, какъ не дать? Вѣдь, раздѣтъ, на дворѣ морозъ... Пробѣжить такой-то изъ Петербурга, думаешь, совсѣмъ пропалъ, можетъ, и замерзъ въ дорогѣ, анъ, глядь, прошелъ постъ, опять мчится въ Петербургъ. «Дайте хлѣбца, Христа ради!» Теперича оказывается, былъ въ церковномъ хорѣ весь постъ, денегъ получалъ много, да дьяконъ подвелъ — выгнали. Теперь опять въ театрѣ. И взадъ, и впередъ носить такого-то, какъ щепку по вѣтру, а нашъ братъ все отдай да отдай. Да и смѣты имъ нѣтъ, этимъ захожимъ людямъ!

— А и такіе бываютъ?—спросилъ я, чувствуя, что матеріалы по части голыдѣбы еще не вполне исчерпаны нашимъ разговоромъ. — Есть, стало быть, и такіе, что не слѣдуетъ и давать имъ?

— Ихъ всякихъ много! Иной нищій идетъ и хлѣба просить, и самъ же ругается на тебя. Однажды сидимъ мы такъ-то всѣмъ семействомъ за обѣдомъ, входитъ прохожій. На головѣ шапка съ краснымъ околышемъ, халатъ надѣтъ теплый, подпоясанъ и уши подвязаны. Сапоги тоже есть. Вошелъ, шапки не снялъ, оглядѣлся кругомъ. «Какая, говорить, у васъ, у мужиковъ, гадость въ избахъ... Точно, говорить, въ хлѣву». — «Такъ зачѣмъ же ты пришелъ-то сюда? Иди своею дорогой! — «Я, говорить, озябъ, усталъ... Нельзя миѣ не отдохнуть». Не гнать же человѣка? Съѣлъ. Что-то у него въ лицѣ какъ будто полоумное было... Задумчивый. «Большая, говорить, на свѣтѣ теперь неправда настала. У каждаго мужика-дурака есть и земля, и хлѣбъ, и изба, а въ дворянствѣ, случается, кровные дворяне и пристанища не имѣютъ... это должно прекратиться... Что это такое, говорить, за подлость? Я,

дворянинъ, долженъ у какого-то мужичонки просить позволенія погрѣться? Въ этакоемъ хлѣву? Тьфу!» Надо бы по шеѣ благословить,—ну, Богъ, молъ, съ нимъ, пушай повретъ въ свое удовольствіе. «А ты самъ-то дворянинъ, что ли, будешь?»—спрашиваемъ. «Я, говорить, самой чистой дворянской крови съ материнской стороны... Моя мать была настоящая дворянка, генеральская дочь, только отецъ, стало быть, мой дѣдъ, разорился... должна была выдти за купца... А кровь у меня чистая дворянская... По бумагамъ я мѣщанинъ, а по крови настоящій дворянинъ. Бумага—наплевать... Дворянскій духъ и кровь—вотъ главное дѣло, а во мнѣ и кровь, и духъ дворянскіе есть... Я у помѣщика на псарнѣ ночую,—мнѣ тамъ милѣе, чѣмъ у мужика на печкѣ. Во мнѣ есть благородная кровь... Я и пропадаю изъ-за дворянской чести. По бѣдности пустили меня, послѣ смерти отца, по коммерческой части... И я, какъ благороднѣйшій человекъ, исполнялъ свое дѣло, пылинки чужой не взялъ. Образование имѣлъ собственное, чтеніемъ занимался. За мои услуги фабрикантъ, вишь, былъ очень благодаренъ, потому я всё его дѣла увеличилъ, размножилъ, обогатилъ. Онъ самъ, этотъ фабрикантъ-то, говорилъ мнѣ: «Такого благороднаго человека я въ жизнь не видалъ. Все мое семейство изъ-за тебя живетъ въ богатствѣ»... И старшая его дочь мнѣ говорила: «Вы нашъ благодѣтель... Я васъ обожаю»... Письма писала. Совершенно вѣрно выходило ей быть за мной замужемъ... Обнимала. И, между тѣмъ, ихняя подлая мужицкая кровь объявилась же, наконецъ. Выдали за выкреста, богача... Изъ-подъ носу выхватили, невѣжи!... Ну, я минуты не оставался, надѣлъ, что было мое, бросилъ фабрику и ушелъ... Маменька еще была жива, прожилъ съ нею все и тогда совсѣмъ ушелъ... Не хочу покоряться! Не поклонюсь! Выкрестъ-то всю семью разорилъ въ корень. Пусть! Хожу по монастырямъ, пусть кормятъ! И по помѣщикамъ, потому благородный долженъ помочь благородному... У меня дворянская чистая кровь! И къ мужикамъ хожу и беру у нихъ хлѣбъ, яйца и деньги, но не какъ нищій, а какъ баринъ!...» Какъ брякнулъ онъ это, признаться, взяло это насъ за живое. «Нѣтъ, говоримъ, эта пора прошла!» — «Нѣтъ, говорить, не прошла! Не можетъ этого быть, чтобы барину не было удовольствія! Мнѣ и схимникъ сказывалъ: будетъ, говорить, оборотъ! Не можетъ быть, чтобы дворянинъ пропадалъ. Будетъ ему дано опять въ оборотъ все старое... Всякому дворянину будетъ дано. Я и сны вижу. Этого не можетъ быть, чтобы у мужиковъ было у каждаго все, а у дворянина нѣтъ! Скоро вамъ, дуракамъ, будетъ приказано посмир-

нѣй быть»... Должно, что полоумный. Сидить, сидить: «Какъ! — заореть, — чтобы дворянамъ не было предоставлено жить по-дворянски? Для чего это мужики предназначены? Почему Богъ создалъ дворянъ и мужиковъ? Будетъ! Не нищій я, а баринъ! Это будетъ! Я просить не буду, а прямо ты мнѣ долженъ дать, какъ барину. Дай хлѣба, я не ѣлъ!» Вотъ, вѣдь, какіе! Палкой замахивается... Какъ не дать? Только уйди, сдѣлай милость! Дали и этому полоумному. Засунулъ хлѣбъ за пазуху, опять оглядѣлъ избу: «Какая, говорить, у васъ тутъ все подлость! Даже тошнить... Вонь, смрадъ, точно свиньи!» Вотъ, вѣдь, какіе бываютъ! А и этимъ какъ не дать? Вѣдь, подъ окномъ можетъ съ голоду помереть, а кто отвѣчать будетъ? А, можетъ, онъ, полоумный, и чего еще хуже сдѣлаетъ?

Собесѣдникъ прервалъ рассказъ и, какъ бы обинякомъ, спросилъ:

— А что, можетъ, и въ правду будетъ это, что полоумный говорилъ? Я такъ думаю, что полоумный онъ, непременно... Развѣ есть слухи какіе?

Поговорили мы на эту тему и опять возвратились къ прерванной темѣ.

— И какіе иной разъ веселые бываютъ изъ нихъ — страсть! Кажется, весь ободранъ, голодень, идетъ невѣдомо куда, безъ пути, безъ дороги, а нѣтъ-нѣтъ, да и представить комедію... Стою я разъ на станціи на платформѣ, смотрю, идетъ оборвышъ, чуть не въ чемъ мать родила. Палка длинная, ноги босыя, самъ верста ростомъ. Вошелъ по ступенямъ на платформу, сталъ, оглядѣлся, увидѣлъ жандарма и закричалъ: «Жандармъ! Поди сюда, каналья!» — и палкой стучить. — «Живо!» Жандармъ осерчалъ, подскочилъ: «Ты какъ, говорить, смѣешь такъ говорить?» Бродяга опять застучалъ палкой и закричалъ: «Молчать, каналья! Я — сенаторъ! Пошелъ, дай телеграмму, чтобы разыскали десятокъ папирозъ петровскихъ, въ курьерскомъ забылъ! Въ купе чтобъ искали, животные! Пшолъ!» Ну, конечно, сгребли ~~его~~ волокутъ въ кутузку, а онъ не унимается: «Да хорошъ ли у васъ тамъ, канальи, буфетъ?» — «Иди, иди, любезный, увидишь, какой буфетъ!» — «Чтобы сейчасъ затопить каминъ и бифштексу три порціи!» Въ кутузку усадили, и оттуда чудить: «Ни соусу нѣту, ни шампанскаго не даютъ! Ахъ вы, мошенники!...» Увидалъ меня сквозъ рѣшетку и говорить: «Мужикъ! слышишь, какіе негодяи? Ну, такъ принеси мнѣ краюху хлѣба, а то, ей-Богу, околѣю съ голоду!...» Ну, какъ не дать?

Поговорили затѣмъ, уже крѣпко позѣвывая, вообще про обиліе разлакомленнаго сладкими кусками дарможднаго народа, вырабаты-

ваемаго особенными условіями городской жизни и тяжести расходовъ, которые эта гольдыба возлагаетъ на придорожное крестьянское населеніе, и понемногу разговоръ возвратился къ началу.

— А ужь какъ хорошо было, какъ Владычица-то прошлась по нашимъ мѣстамъ!... Сколько Она приютила безпріютныхъ и голодныхъ накормила! Разжалобились богомольцы, развязали кошель, не обижали бѣдныхъ... Когда это бывало? Сколько нищаго народу до дому добралось, а иной, можетъ, съ десяткомъ рублей за мастерство взялся, человѣкомъ сталъ... Долго этакъ-то не раздобрѣтъ жадный человѣкъ, какъ въ ту пору Владычица его раздобрѣтъ заставила!... Во вѣки не дожить намъ всѣмъ и съ бродягами вмѣстѣ до этакой радости!... Теперь опять къ намъ, мужикамъ, въ окошко постукиваютъ: «Подайте, Христа ради!»

Хорошо говорилъ мой собесѣдникъ о необыкновенно замѣчательныхъ дняхъ, но, все-таки, въ концѣ-концовъ, мы заснули, а проснувшись уже и совсѣмъ не имѣли для разговора какого-нибудь интереснаго матеріала. Молча доѣхали до станціи, но, прощаясь, опять нашли возможность вызвать въ себѣ обычное ласковое настроеніе, говоря другъ другу: «Спасибо!» «Дай Богъ вамъ!» «Счастливо оставаться!»—и не хмуримъ, а ласковымъ взглядомъ проводили другъ друга.

Гл. Успенскій.

*
*
*

Живу, какъ будто съ новой силой
Всѣ блага жизни возлюбя;
Но я сильнѣй, о другъ мой милый,
Дитя мое, люблю тебя.

Ужъ если сердцемъ престарѣлымъ
Влекусь я къ радостямъ земнымъ,
Всѣ блага жизни быть удѣломъ
Должны бы, юная, твоимъ.

Тебя, межъ тѣмъ, уже невзгода
Постигла горестныхъ утратъ;
Въ твоей любви зарю восхода
Смѣнилъ безвременно закатъ.

И, словно день тоскливо-сѣрый,
Проходить скучно жизнь твоя;
Живешь ты въ будущее вѣрой,
Тоску по прошлому затая.

И намъ, въ твоёмъ безмолвьѣ гордомъ,
Душевныхъ струнъ не слышенъ стонъ...
О, еслибъ радостнымъ аккордомъ
Былъ, наконецъ, онъ разрѣшенъ!

Теперь, когда я съ новой силой
Всѣ блага жизни возлюбилъ,
Цѣною ихъ, о другъ мой милый,
Тебѣ бы счастье я купилъ.

И еслибъ то, чего желала-бъ,
Моя любовь къ тебѣ, сбылось,—
Разлуку съ жизнью бы безъ жалобъ
И безъ борьбы я перенесъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Т А Т Р Е Т Ъ Я .

(Изъ дневника художника).

Разсказъ Генрика Сенкевича.

I.

За мастерскую, въ которой мы со Святецкимъ жили и работали, было не заплачено, во-первыхъ, потому, что у обоихъ насъ находилось всего-на-всего около пяти рублей, а, во-вторыхъ, мы чувствовали чистосердечное отвращеніе къ платежу квартирныхъ денегъ.

Товарищи насъ называютъ мотами, а я первый предпочту пропить деньги, чѣмъ швырнуть ихъ хозяину дома.

Что касается нашего хозяина, то онъ былъ человѣкъ не злой, и, къ тому же, мы нашли средство справиться съ нимъ.

Когда (обыкновенно это бываетъ утромъ) онъ приходитъ къ намъ съ напоминаніемъ, Святецкій, который спитъ на полу, на матрацѣ, и покрывается турецкою занавѣской, служащею намъ фономъ для портретовъ, приподнимается до половины и говоритъ гробовымъ голосомъ:

— Какъ я радъ, что вижу васъ! Мнѣ снилось, что вы умерли. — Хозяинъ (человѣкъ съ предрассудками и, видимо, боящійся смерти) приходитъ въ необыкновенное смущеніе, а Святецкій падаетъ на матрацъ навзничъ, вытягиваетъ ноги, складываетъ на груди руки и продолжаетъ:

— Я видѣлъ васъ такимъ же, какъ сейчасъ: на васъ были бѣлыя перчатки съ черезъ-чуръ длинными пальцами и лакированные сапоги, но вообще вы мало измѣнились.

Тогда и я прибавляю въ свою очередь:

— Такіе сны не всегда сбываются.

Бажется, это «не всегда» приводитъ хозяина въ отчаяніе. Кончается тѣмъ, что онъ впадаетъ въ гнѣвъ, хлопаетъ дверями и мы

СЛЫШИМЪ, КАКЪ ОНЪ СХОДИТЬ СЪ ЛѢСТНИЦЫ ЧЕРЕЗЪ ЧЕТЫРЕ СТУПЕНЬКИ, ПРОКЛИНАЯ НАСЪ НА ЧЕМЪ СВѢТЪ СТОИТЬ. Добрая душа не хотѣла, однако, присылать къ намъ судебного пристава.

Правда, у насъ почти нечего было описывать; вѣроятно, хозяинъ понималъ, что въ этой мастерской и прилегающей къ ней маленькой кухнѣ поселятся другіе художники, и дѣло пойдетъ такъ же, если не хуже.

Однако, лезвіе нашего оружія современемъ притушилось. Хозяинъ освоился съ мыслью о смерти. Святецкій намѣревался писать три картины, подъ названіемъ «Бончина», «Похороны», «Пробужденіе отъ летаргій». Конечно, во всѣхъ картинахъ долженъ фигурировать владѣлецъ нашего дома.

Такіе гробовые предметы составляютъ спеціальность Святецкаго, который, по его же словамъ, рисуетъ «трупы», «трупичи» и «трупики». Вѣроятно, поэтому никто и не хочетъ покупать его картинъ, хотя у Святецкаго несомнѣнный талантъ. Онъ только что послалъ въ парижскій «Салонъ» два своихъ «трупича», а такъ какъ и я отправилъ туда же своихъ «Жидовъ надъ Вислой», которыхъ въ каталогъ «Салона» окрестили «Евреями на рѣкахъ Вавилонскихъ», то мы оба и ожидали съ нетерпѣніемъ рѣшенія жюри.

Натурально, Святецкій предвидѣлъ, что все пойдетъ какъ нельзя хуже, что жюри состоятъ изъ отборныхъ идиотовъ, а хотя бы и не состояло, то я идиотъ, онъ идиотъ, картины наши идиотскія, а премированіе ихъ было бы верхомъ идиотства!

Сколько это животное крови у меня испортило за тѣ два года, что мы прожили вмѣстѣ, и описать невозможно... Все честолюбіе Святецкаго состоитъ въ томъ, чтобы считаться нравственнымъ «трупомъ». Среди постороннихъ онъ разыгрываетъ изъ себя пьяницу, хотя самъ по себѣ вовсе не пьяница... Вливаетъ въ себя двѣ или три рюмки водки и оглядывается, замѣчаемъ ли мы; а если не увѣренъ въ этомъ, то толкаетъ кого-нибудь изъ насъ локтемъ и, смотря изподлобья, спрашиваетъ подземнымъ голосомъ:

— Правда, какъ я низко упалъ... а? правда?

Мы отвѣчаемъ ему на это, что онъ глупъ. Тогда онъ впадаетъ въ бѣшенство, и ничѣмъ невозможно его привести въ самое северное расположеніе духа, какъ невѣріемъ въ его нравственное паденіе. При всемъ томъ онъ чудеснѣйшій парень съ голы до ногъ.

Разъ мы заблудились въ горахъ въ Зальцгаммергутѣ, около Zell am See...

Такъ какъ наступала ночь и голову сломать было не трудно, то Святецкій говоритъ мнѣ:

— Слушай, Владекъ, такъ какъ у тебя талантъ больше, то тебѣ больше и беречься надо. Я пойду впередъ... Если слечу, ты просидишь на мѣстѣ до утра, а утромъ какъ-нибудь найдешь дорогу.

— Нѣтъ,—говорю,—ты не пойдешь впередъ; пойду я, потому что у меня глава лучше.

А Святецкій:

— Если я не сломаю шею здѣсь, то все равно издохну въ канавѣ... мнѣ одинъ конецъ.

Мы начинаемъ спорить.

Въ это время дѣлается темно, какъ въ погребѣ. Въ концѣ-концовъ, мы рѣшаемъ бросить жребій. Бросаемъ.

Святецкій вытягиваетъ узелокъ и идетъ впередъ.

Мы подвигаемся. Сначала тропинка довольно широка, потомъ становится все уже. Насколько можемъ судить, направо и налево—пропасти, почти бездонныя.

Хребетъ становится еще уже и, кромѣ того, обломки вывѣтрившейся скалы скатываются внизъ изъ-подъ нашихъ ногъ.

— Я иду на четверенькахъ, иначе нельзя!—говоритъ Святецкій.

Дѣйствительно, иначе нельзя. Мы опускаемся на четверенькахъ и идемъ дальше, какъ два чимпанзе.

Но вскорѣ оказывается, что и изъ этого толку мало. Горный хребетъ становится не шире коньсаго. Святецкій садится верхомъ, я за нимъ и, опираясь руками, мы оба подвигаемся впередъ съ большимъ ущербомъ для нашей одежды.

Немного погода я слышу голосъ Святецкаго:

— Владекъ!

— Что такое?

— Хребетъ кончился.

— А дальше что?

— Пусто... должно быть, пропасть.

— Возьми какой-нибудь камень и брось... послушаемъ, долго ли онъ будетъ летѣть.

Въ темнотѣ я слышу, какъ Святецкій щупаетъ руками, чтобы найти какой-нибудь камень, и потомъ говоритъ:

— Я бросаю, слушай!

Мы настораживаемъ уши.

Тишина.

— Ты ничего не слыжалъ?

— Ничего!

— Хорошо мы устроились! Должно быть, не меньше ста сажень.

— Брось еще разъ!

Святецкій находить болѣе крупный обломокъ и бросаетъ.

Ни малѣйшаго звука.

— Что тамъ, два нѣтъ, что ли?—говоритъ Святецкій.

— Нечего дѣлать, будемъ сидѣть до утра.

Мы сидимъ. Святецкій еще два раза бросаетъ камень,—все напрасно. Проходитъ часъ, другой, наконецъ, я слышу голосъ Святецаго:

— Владекъ, смотри, не задремли! Папиросы у тебя есть?

Оказывается, что папиросы у меня есть, а спичекъ нѣтъ у насъ обѣихъ. Бѣда, да и только! Теперь, должно быть, около часа ночи, а, можетъ быть, и меньше.

Начинаетъ накрапывать мелкій дждь. Бругомъ — ни зги не видно. Я прихожу къ убѣжденію, что, живя между людьми, въ городахъ ли, въ деревняхъ, мы не имѣемъ понятія, что такое тишина. Отъ той, которая окружаетъ насъ, даже въ ушахъ звенить.

Я почти слышу, какъ кровь движется въ моихъ жилахъ, а биеніе своего сердца слышу превосходно.

Сначала такое положеніе занимаетъ меня.

Сидѣть въ глухую ночь, какъ на лошади, на скалистомъ хребтѣ, надъ бездонною пропастью,—такой случай не представится какому-нибудь столичному франту; но вскорѣ мнѣ дѣлается холодно, а, вдобавокъ, Святецкій начинаетъ философствовать:

— Что такое жизнь? Жизнь по-просту—одно свинство. Говорятъ: искусство, искусство! Пусть меня черти возьмутъ вмѣстѣ съ искусствомъ... Чистое обезьянничанье природы, я, вдобавокъ къ тому, подлость... Два раза, напримѣръ, я видѣлъ «Салонъ». Наслали столько картинъ, что изъ этого полотна можно было бы нашить матрацы для всѣхъ жидовъ на свѣтѣ,—а что это было? Наиподлѣйшее угожденіе вкусамъ лавочниковъ, какое только можно вообразить, рассчитанное на торговлю или на наполненіе собственнаго брюха. Развратъ искусства, ничего больше! Если бы тамъ искусство было, то оно лопнуло бы со злобы; къ счастью, настоящаго искусства нѣтъ на свѣтѣ... есть только природа. Быть можетъ, природа чего-нибудь стоитъ, хотя я думаю, что и природа тоже свинство!... Лучше всего было бы спрыгнуть туда... и разомъ все покончить. Я и спрыгнулъ бы, еслибъ у меня была водка; но такъ какъ водки у меня нѣтъ, то я и не сдѣлаю этого, потому что далъ себѣ слово покончить жизнь въ пьяномъ видѣ.

Я давно привыкъ къ болтовнѣ Святецкаго, но посреди этой тишины и глуши, въ холодѣ, въ темнотѣ, надъ пропастью, его слова и меня настроили на унылый ладъ. Къ счастью, онъ выболтался, бросилъ еще два раза камень, еще два раза повторилъ: «ничего не слышно!»—и съ той поры мы молчали часа три.

Мнѣ сдавалось, что скоро долженъ наступить разсвѣтъ, какъ вдругъ мы услышали надъ нашими головами карканье и шумъ крыльевъ.

Было еще темно, и я не могъ ничего разсмотрѣть, но былъ увѣренъ, что это орлы начинаютъ кружить надъ пропастью. «Кра! кра!»—раздавалось все сильнѣе вверху и въ темнотѣ. Удивляло меня такое множество голосовъ, словно надъ нами пролетали легионы орловъ. Но будь, что будетъ,—все-таки, они предвѣщали приближеніе дня.

И дѣйствительно, вскорѣ я увидалъ свои руки, опирающіяся на заграину хребта, потомъ вырисовывались предо мною плечи Святецкаго, точно черный силуэтъ на болѣе свѣтломъ фонѣ. Этотъ фонъ блѣднѣлъ съ каждою минутой. Вотъ чудесный, блѣдно-серебристый тонъ скользнулъ по спинѣ, по плечамъ Святецкаго, началъ насыщать темноту, какъ будто кто-нибудь вливалъ въ нее серебристую жидкость,—мѣшался съ ней, обращалъ ее изъ черной въ сѣрую, изъ сѣрой въ жемчужную. Становилось сыро; не только скала, но и воздухъ казался мокрымъ.

Съ каждою минутой становилось все свѣтлѣй.

Я смотрю, стараюсь запомнить эту смѣну тоновъ и понемногу рисую ихъ въ глубинѣ души, какъ вдругъ крикъ Святецкаго прерываетъ мое занятіе.

— Тьфу, идіоты!

И плечи его исчезаютъ изъ моихъ глазъ.

— Святецкій!—кричу я,—что ты дѣлаешь?

— Не визжи, смотри!

Я наклоняюсь, смотрю—что-то показывается. Я сижу на кучѣ каменьевъ, аршинахъ въ двухъ надъ уровнемъ лужайки. Моихъ заглушалъ стукъ каменьевъ; вдали видна дорога, на ней вордны, которыхъ мы приняли за орловъ. Намъ нужно было только спустить ноги, чтобы преспокойно отправиться домой.

И такъ мы просидѣли на каменьяхъ, щелкая зубами, цѣлую ночь...

Не знаю почему, теперь, когда мы со Святецкимъ ожидали нашествія хозяина, это приключеніе, случившееся года полтора тому назадъ, припоминалось мнѣ такъ, какъ будто бы это было вчера.

Воспоминаніе это придадо мнѣ столько бодрости, что я сейчас же говорю Святецвому:

— Помнишь, Антекъ, какъ мы думали, что сидимъ надъ пропастью, а оказалось, что передъ нами ровная дорога? Такъ же можетъ быть и теперь. Мы бѣдны, какъ церковныя крысы, хозяинъ хочетъ выкурить насъ изъ мастерской... и все это можетъ сразу измѣниться. А ну, какъ откроется какой-нибудь шлюзъ со славой и презрѣннымъ металломъ?

Святецкій въ это время сидѣлъ на матрацѣ и натягивалъ сапогъ, ворча, что жизнь состоитъ изъ надѣванія сапогъ утромъ и сниманія ихъ вечеромъ, и у того только есть умъ, у кого хватаетъ духу повѣситься; если же онъ, Святецкій, до сихъ поръ этого не сдѣлалъ, то единственно благодаря тому, что онъ не только глупѣйшій изъ дураковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подлый трусъ.

Взрывъ моего оптимизма прервалъ его размышленія. Онъ поднялся, посмотрѣлъ на меня своими рыбьими глазами и говоритъ:

— Тебѣ, конечно, есть чему радоваться. Недавно старикъ Суслловскій выкурить тебя изъ дому и изъ сердца своей дочери, а сегодня хозяинъ выкурить тебя изъ мастерской.

Увы! Святецкій говорилъ правду. Три дня тому назадъ я былъ еще женихомъ Казы Суслловской, а теперь, съ утра вторника... да! именно во вторникъ я получилъ отъ ея отца слѣдующее письмо:

Любезный панъ Магурскій!

«Наша дочь, подчиняясь волѣ родителей, рѣшается отказать отъ союза, который грозилъ бы ей несчастіемъ. Она могла бы всегда найти пріютъ на лонѣ матери и подъ кровлей отца, но обязанность наша заставляетъ предостеречь ее отъ этой крайности. Не столько ваше матеріальное положеніе, сколько вашъ легкомысленный характеръ, который вы не могли скрыть, несмотря на всѣ старанія, побуждаетъ насъ и нашу дочь возвратитъ вамъ назадъ данное слово и прервать съ вами всѣ сношенія, что, впрочемъ, не помѣшаетъ намъ искренно желать вамъ всего лучшаго.

«Съ почтеніемъ имѣю честь быть Геліодоръ Суслловскій, бывший начальникъ бывшей финансовой комиссіи Ц. П.».

Таково было содержаніе письма.

Что при моемъ матеріальномъ положеніи довольно трудно было голоднаго пса изъ-подъ стола выманить, съ этимъ я болѣе или менѣе соглашался; но чего патетичный панъ Суслловскій хочетъ отъ моего характера, рѣшительно не понимаю.

Голова Бази напоминает типы времени Директоріи; къ ней бы великолѣпно шло, если бы она причесывалась по тогдашней, а не по теперешней модѣ. Я пробовалъ просить ее объ этомъ нѣсколько разъ, но напрасно, — она ничего не понимаетъ въ подобныхъ вещахъ. За то колоритъ ея лица такой теплый, какъ будто бы его рисовалъ Фортунн.

Именно за это я страстно ее любилъ и первый день послѣ письма Сусловскаго ходилъ, какъ убитый. Только на другой день, и то вечеромъ, мнѣ немного полегчало, когда я сказалъ самому себѣ: нѣтъ, такъ нѣтъ! Больше всего мнѣ помогало снести этотъ ударъ то, что въ это время моя голова была занята «Салономъ» и моими «жидами». Я былъ убѣжденъ, что это приличная картина, хотя Святецкій пророчествовалъ, что ее прогнать даже изъ сѣней «Салона».

Началъ я ее рисовать съ годъ тому назадъ.

Дѣло было такъ:

Иду я себѣ вечеромъ надъ Вислой, смотрю: лодка съ яблоками разбилась. На берегу сидитъ все жидовское семейство въ такомъ отчаяніи, что даже и не вопить, — заломили жида руки и смотрять на воду, какъ статуи. Тутъ старый жидъ, патриархъ, старая жидовка, молодой жидъ, колоссальное животное, какъ Маккавей, молодая дѣвушка, немного веснушчатая, но съ огромнымъ характеромъ въ рисунокѣ носа и губъ, наконецъ, двое жиденятъ. Вечеръ спускается; рѣка отливаетъ мѣдными рефлексами, — просто чудо. Деревья всѣ въ огнѣ, дальше опять вода, тоны багряные, тоны ультрамариновые, тоны то почти стальные, то снова переходящія въ пурпурные и фіолетовые. Воздушная перспектива — роскошь; переходы отъ однихъ тоновъ къ другимъ такіе неуловимые, чудные, что просто духъ захватываетъ, — кругомъ тихо, свѣтло, спокойно. Надо всѣмъ разлита такая меланхолія, что хочется плакать, и эта группа въ отчаяніи, сидящая такъ, какъ будто всѣ они отъ малаго до большаго позируютъ въ мастерской.

У меня сразу въ головѣ прояснилось: вотъ моя картина!

Ящикъ съ красками былъ при мнѣ, — безъ него я не хожу. Я тотчасъ же началъ набрасывать эскизъ, а передъ этимъ сказалъ жидамъ:

— Сидите такъ, не трогайтесь!... По рублю каждому до сумерекъ.

Мои жида сразу поняли, въ чемъ дѣло, и сидятъ, какъ вкопанные. Я все рисую, рисую, рисую...

Мало-по-малу, совершенно неожиданно для меня, группа начинаеть приходиться въ хорошее расположение духа.

— Жиды!—кричу я,—горюйте!

А старуха отвѣчаетъ:

— Чего намъ горевать, коли вы обѣщали намъ по рублю? Пускай горюеть тотъ, у кого заработка нѣтъ!

Я долженъ былъ пригрозить имъ, что ничего не заплачу.

Однако, мнѣ пришлось набрасывать эскизъ два вечера подрядъ; потому жиды два мѣсяца позировали у меня въ мастерской.

Пусть Святецкій говорить, что хочетъ,—картина хорошая, во-всѣ не холодная; въ ней и правда, и пропасть натуры. Я даже оставилъ молодой жидовкѣ ея веснушки. Лица могли бы быть болѣе красивыми, но не могутъ быть болѣе правдивыми и имѣть больше характера.

Чѣмъ больше я думалъ объ этой картинѣ, тѣмъ легче переносилъ утрату Бази. И вотъ, когда Святецкій напомнилъ о ней, мнѣ показалось, что это было Богъ знаетъ какъ давно. Святецкій натянулъ другой сапогъ, а я началъ наставлять самоваръ.

Пришла съ булками старуха Антониха (Святецкій въ теченіе года—и, притомъ, совершенно напрасно—уговариваетъ ее повѣситься) и мы засѣли за чай.

— Съ чего ты сегодня такой веселый?—сердито спрашиваетъ меня Святецкій.

— Почему я знаю!... Увидишь—намъ предстоитъ какая-то неожиданность.

Въ эту минуту мы слышимъ трескъ лѣстницы, ведущей въ мастерскую.

— Хозяинъ! Вотъ тебѣ твоя неожиданность!—говорить Святецкій.

Онъ чуть не давится горячимъ чаемъ, вскакиваетъ; а такъ какъ наша кухня проходная,—причется въ мастерской за костюмы и кричить изъ своего прикрытія задыхающимся голосомъ:

— Душечка! онъ тебя ужасно любить, поговори съ нимъ!

— Онъ обожаетъ тебя!—отвѣчаю я и тоже лечу къ костюмамъ,—поговори лучше ты!

Въ это время двери отворяются и входятъ... кто? — не хозяинъ, а сторожъ дома, въ которомъ живутъ Сусловскіе.

Мы выходимъ изъ-за костюмовъ.

— Письмо къ вамъ,—говорить сторожъ.

Беру письмо... Клянусь Гермесомъ, отъ Бази! Разрываю конвертъ и читаю слѣдующее:

«Я увѣрена, что папа и мама простить насъ. Приходите сейчасъ, несмотря на раннее время. Мы только что возвратились съ водъ, изъ сада. К.»

«Собственно говоря, я не знаю, за что папа и мама должны меня простить, но мнѣ нѣтъ времени думать объ этомъ; голова моя кругомъ идетъ отъ удивленія...»

Только спустя нѣсколько минутъ я подаю письмо Святецкому и говорю сторожу:

— Любезный! скажи барышнѣ, что сейчасъ приду... Пстой!... У меня нѣтъ мелкихъ, вотъ тебѣ три рубля (последніе!), размѣнный, рубль возьми себѣ, а мнѣ принеси сдачу.

Говоря къ слову, это чудовище, взявши три рубля, больше не показывалось. Знало, животное, что я не стану поднимать шумъ въ домъ Сусловскихъ.

— Ну, что?—спрашиваю Святецкаго.

— Ничего! каждый теленокъ найдетъ своего мясника.

Поспѣшность, съ которой я одѣвался, не позволила мнѣ подыскать надлежащій отвѣтъ и достойно отразить дерзость Святецкаго.

II.

Спустя четверть часа я звоню у Сусловскихъ.

Отпираетъ мнѣ сама Базя. Она прелестна... Отъ нея вѣетъ теплотою сна и утреннею свѣжестью, которую она принесла изъ сада въ складкахъ своего свѣтлоголубаго ситцеваго платья. Снимая шляпу, она слегка растрепала свои волосы. Лицо ея смѣется, глаза смѣются, влажныя губки смѣются... Олицетвореніе утра. Я хватаю ея руки и начинаю цѣловать до локтей; она же наклоняется къ моему уху и спрашиваетъ:

— А кто сильнѣе любитъ?

Потомъ она ведетъ меня за руку къ своимъ родителямъ. У старика Сусловскаго лицо римлянина, обрекающаго на смерть *pro patria* единственное свое дѣтище; мать роняетъ слезы въ кофе,—оба они сидятъ за кофе. Оба они встаютъ при видѣ насъ и панъ Суловскій изрекаетъ:

— Разумъ и обязанности повелѣвали бы мнѣ сказать: нѣтъ! но у родительскаго сердца есть другія права; если же кто-нибудь скажетъ, что это—слабость, то пусть меня за нее Богъ судить.

Тутъ онъ поднимаетъ глаза въ доказательство, что готовъ отвѣтить въ случаѣ, если небесный трибуналъ немедленно при-

ступить къ составленію протокола. Во всю жизнь свою я не видалъ ничего болѣе римскаго, кромѣ саламе и макарони, которые продаются на Борсо. Минута такъ торжественна, что любой гиппопотамъ лоннулъ бы отъ волненія. Торжественность эту еще болѣе усиливаетъ пани Сусловская, которая разводитъ руками и говорить плачевнымъ голосомъ:

— Дѣти мои! если когда-нибудь вамъ будетъ плохо на свѣтѣ, вы можете найти убѣжище здѣсь... здѣсь!

Говоря это, она указываетъ на свою грудь.

Нашла дурака! Нѣтъ, ужъ я не буду искать убѣжища тамъ... тамъ!... Вотъ если бы Казя сдѣлала мнѣ подобное предложеніе, тогда дѣло другое. Несмотря на все это, я пораженъ благородствомъ Сусловскихъ, и сердце мое преисполнено благодарностью.

Въ волненіи я выпиваю столько чашекъ кофе, что Суловскій начинаетъ бросать безпокойные взгляды на кофейникъ и сливки. Казя мнѣ все подливаетъ, а я стараюсь въ это время прижать ногою ея ножку подъ скатертью. Но Казя отдергиваетъ ножку, такъ шельмовски улыбаясь, что я не понимаю, какъ у меня сердце не выскочить вонъ.

Я сижу полтора часа, но, наконецъ, долженъ удирать, потому что въ мастерской меня ждетъ Бобусъ, который беретъ у меня уроки рисованія и оставляетъ мнѣ каждый разъ билетъ съ гербовою печатью; впрочемъ, эти билеты у меня не удерживаются. Казя и мать провожаютъ меня до прихожей, за что я страшно злюсь. Я предпочиталъ бы, чтобы Казя провожала меня одна. Какія у ней губки!...

Моя дорога лежитъ черезъ садъ. Множество народа еще возвращается съ водъ... По дорогѣ я вижу, что всѣ, завидѣвъ меня, останавливаются, слышу вокругъ себя шепотъ: «Магурскій! Магурскій! это онъ...» Панны, одѣтыя въ разноцвѣтныя легкія матеріи, подъ которыми чудесно рисуются ихъ формы, какъ будто хотять сказать: «Войди! чертогъ готовъ!» Что за чертовщина! Неужели моя слава такъ далеко распространилась? Рѣшительно ничего не понимаю.

Иду дальше; и дальше—то же самое... Въ сѣняхъ, у лѣстницы, на скакиваю на хозяина, какъ ладья на скалу. Ой! плати за квартиру!

Хозяинъ приближается и говоритъ:

— Панъ Магурскій! хотя я по временамъ надоѣдалъ вамъ, но вѣрьте, мои чувства... позвольте ужъ мнѣ попросту!

Онъ схватываетъ меня за шею и обнимаетъ. А, понимаю!

Святецкій сказалъ ему, что я женюсь, а онъ думаетъ, что съ этой поры я буду аккуратно платить за квартиру. Пусть себѣ думаетъ на здоровье.

Жарю на лѣстницу. Уже по дорогѣ слышу говоръ у насъ. Вхожу. Въ мастерской темно отъ дыму. Тутъ Юлекъ Жисиньскій, Вахъ Потеркевичъ, Франекъ Ценковскій, старикъ Студецкій, Карминьскій, Войтекъ Михалекъ, — всѣ тормошатъ Франта Бобуся, но, завидѣвъ меня, отпускаютъ его и поднимаютъ печеловѣческій крикъ:

— Поздравляемъ! поздравляемъ! поздравляемъ!

— Качать его!

Въ одно мгновеніе они подхватываютъ меня на руки и подбрасываютъ вверху, съ воемъ, достойнымъ стаи волковъ; наконецъ, я оказываюсь на своихъ ногахъ, благодарю всѣхъ, какъ могу, и заявляю, что всѣ должны быть на моей свадьбѣ, въ особенности Святецкій, котораго я заранѣе назначаю своимъ шаферомъ.

Въ это время Святецкій поднимаетъ руку и говорить:

— Этотъ пузырь думаетъ, что мы его поздравляемъ съ невѣстой.

— А съ чѣмъ же вы меня поздравляете?

— Какъ? ты ничего не знаешь?—спрашиваютъ всѣ голоса.

— Ничего не знаю, какого чорта вамъ отъ меня нужно?

— Дайте ему *Летучіе Листки*, утренній номеръ *Летучихъ Листковъ*!—кричитъ Вахъ Потеркевичъ.

Мнѣ суютъ утренній номеръ *Летучихъ Листковъ* и кричатъ наперерывъ одинъ передъ другимъ: «смотри въ телеграммахъ!» Смотрю въ телеграммахъ и читаю слѣдующее:

«Собственная телеграмма *Летучихъ Листковъ*. Картина Магурскаго «Евреи на рѣкахъ Вавилонскихъ» получила большую золотую медаль въ пышнѣйшемъ «Салонѣ». Альберъ Вольфъ назвалъ ее открытіемъ. Критикъ не находитъ достаточно словъ для восхваленія генія художника. Борни Гиршъ даетъ за картину 15,000 франковъ».

Мнѣ дурно! помогите! Я глупѣю до такой степени, что не могу ни слова вымолвить. Я зналъ, что картина удалась, но о такомъ успѣхѣ и не думалъ.

Номеръ *Летучихъ Листковъ* выпалъ изъ моихъ рукъ.

Я поднимаю его и читаю еще въ текущихъ извѣстіяхъ слѣдующіе комментаріи къ телеграммѣ:

Извѣстіе I-е. Мы узнали отъ самого автора, что онъ нахренъ выставитъ свою картину въ городъ.

Извѣстіе II-е. На вопросъ вице-президента комитета товарищества поощренія изящныхъ искусствъ, думаетъ ли панъ Магурскій выставить свое великое произведеніе въ Варшавѣ, маэстро отвѣчалъ: «Я предпочелъ бы не продать ее въ Парижъ, чѣмъ не выставить въ Варшавѣ!» Мы надѣемся, что слова эти потомки будутъ читать (дай Богъ въ самомъ отдаленномъ будущемъ) на могилѣ маэстро.

Извѣстіе III-е. Мать нашего маэстро, по полученіи телеграммы изъ Парижа, тяжело занемогла отъ волненія.

Извѣстіе IV-е. Во время печатанія этого нумера мы узнали, что матери нашего маэстро легче.

Извѣстіе V-е. Нашъ маэстро получилъ приглашеніе выставить свою картину во всѣхъ европейскихъ столицахъ.

Изобиліе такого гнуснаго вранья заставляетъ меня понежнѣе опомниться. Остшинскій, редакторъ *Летучихъ Листковъ* и, вѣсть съ тѣмъ, ех-женихъ Казы, должно быть, ошалѣлъ, потому что переходитъ всякія границы. Понятно, я выставлю картину въ Варшавѣ; но, во-первыхъ, я никому еще объ этомъ не говорилъ; во-вторыхъ, вице-президентъ товарищества поощренія изящныхъ искусствъ ни о чемъ меня не спрашивалъ; въ-третьихъ, я ему ничего не отвѣчалъ; въ-четвертыхъ, моя мать умерла десять лѣтъ тому назадъ; въ-пятыхъ, я не получалъ ни откуда приглашеній выставить мою картину.

Еще хуже: въ одно мгновеніе мнѣ приходитъ въ голову, что если телеграмма такъ же вѣрна, какъ пять извѣстій, то... Остшинскій, который, полгода тому назадъ, несмотря на поддержку родителей, получилъ отъ Казы носъ, можетъ наречно заставить меня разыграть роль дурака, но, въ такомъ случаѣ, «онъ заплатитъ мнѣ за это головой или чѣмъ-нибудь вродѣ этого!» — какъ говоритъ либретто одной оперы. Товарищи, однако, успокоиваютъ меня, что извѣстія Остшинскій могъ сфабриковать, но телеграмма должна быть настоящая.

Вмѣстѣ съ этимъ приходитъ Стахъ Кюссовичъ съ утреннимъ номеромъ *Скорехода*. Телеграмма есть и въ *Скореходѣ*. Я вздыхаю свободнѣе.

Теперь начинаются поздравленія въ розницу.

Старикъ Студецкій, скотина, фальшивая до мозга костей и сладкая, какъ сахаръ, потрясаетъ мою руку и говоритъ:

— Боже милосердый! я всегда вѣрилъ въ вашъ гений, коллега, всегда защищалъ васъ... (я знаю, вы называли меня осломъ...) но... Боже праведный... можетъ быть, вы не хотите, что-

бы такой *fa-presto*, какъ я называлъ васъ, коллега, коллегой... въ такомъ случаѣ, коллега, простите мою привычку...

Въ глубинѣ души я желаю ему удавиться, но не могу ничего сказать, потому что въ эту же минуту меня отводитъ въ сторону Барминскій и говоритъ тихо, но такъ, что его всѣ слышатъ:

— Можеть быть, вамъ нужны деньги?... Скажите только—и я... того...

Барминскій извѣстенъ среди насъ своею готовностью помогать ближнимъ. Не проходитъ дня, чтобы онъ не сказалъ кому-нибудь изъ насъ: «Если вы, коллега, нуждаетесь, то шепните мнѣ словечко, а я того... до свиданія!» У него дѣйствительно есть деньги. Я отвѣчаю ему, что если не достану въ другомъ мѣстѣ, то обращусь къ нему. Тѣмъ временемъ подходятъ другіе, все добрые малые, и тискаютъ меня въ объятіяхъ такъ, что у меня бока начинаютъ болѣть. Наконецъ, ко мнѣ приближается Святецкій; я вижу, что онъ взволнованъ. Но Святецкій скрываетъ свое волненіе и говоритъ рѣзко:

— Хотя я вижу, что ты жидѣешь, но, все-таки, поздравляю!

— Хотя я вижу, что ты глупѣешь, но, все-таки, благодарю!—отвѣчаю я, и мы обнимаемся изо всей силы. Вахъ Потеркевичъ заявляетъ, что у него въ горлѣ пересохло. У меня нѣтъ ни гроша, но у Святецкаго есть два рубля, у другихъ— тоже въ скромныхъ размѣрахъ. Наступаетъ складчина и—пуншь... Пьютъ мое здоровье, качаютъ меня на рукахъ, а когда я заявляю, что дѣло съ Сусловскими налажено, пьютъ и за здоровье Бази. Тогда Святецкій подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Ты думаешь, молодой идиотъ, что они не читали газетъ передъ тѣмъ, какъ панна написала тебѣ записку?

Ай! гнусная рожа! словно сбухомъ меня въ лобъ угодилъ. Съ одной стороны кругозоръ мой значительно расширяется, съ другой—дьявольски омрачается. Отъ Сусловскихъ всего ожидать можно, но чтобы Базикъ былъ способенъ на такіа соображенія...

Однако, очень правдоподобно, что утромъ они прочли телеграммы и тотчасъ же послали за мной.

Въ первую минуту я хочу летѣть къ Сусловскимъ, но не могу оставить компаніи.

Приходитъ Остшинскій, элегантный, холодный, самоувѣренный, въ свѣжихъ перчаткахъ, по обыкновенію. Прожженная бестія!

Уже съ порога онъ начинаетъ покровительственно помахивать тросточкой и говорить:

— Поздравляю, маэстро, и я поздравляю.

Это я онъ пронаносить съ особымъ удареніемъ, какъ будто поздравленіе отъ него значить больше, чѣмъ отъ кого бы то ни было.

Очень можетъ быть, что и такъ...

— Что ты тутъ нагородилъ?— кричу я.— Какъ видишь, я только изъ *Летучихъ Листковъ* узналъ обо всемъ.

— Это меня вовсе не касается,—говорить Остшиньскій.

— О выставкѣ картины я не говорилъ.

— Но теперь говоришь,—флегматически отвѣчаетъ Остшиньскій.

— И матери у него нѣтъ!—кричитъ Войтекъ Михалекъ.

— Это мало меня интересуеть,—съ достоинствомъ возражаетъ Остшиньскій и снимаетъ другую перчатку.

— Но телеграмма-то—настоящая?

— Настоящая.

Это утвержденіе успокоиваетъ меня окончательно. Движимый чувствомъ благодарности, я наливаю ему пуншу. Онъ прикасается губами къ стакану, выпиваетъ глотокъ и потомъ говоритъ:

— Прежде всего, твое здоровье, а второй глотокъ я выпью... знаешь за чье?... Поздравляю тебя вдвойнѣ.

— Откуда ты это узналъ?

Остшиньскій пожимаетъ плечами.

— Потому что Сусловскій былъ сегодня въ редакціи въ восьмомъ часу.

Святецкій начинаетъ что-то ворчать о человѣческой подлости вообще, я не могу больше выдерживать и хватаюсь за шляпу. Остшиньскій выходитъ вмѣстѣ со мной, но я оставляю его на дорогѣ и черезъ нѣсколько минутъ во второй разъ звоню къ Сусловскимъ. Отворяетъ мнѣ дверь База, — отца и матери нѣтъ дома.

— Базикъ!—говорю я сурово,—ты знала о телеграммѣ?

— Знала,—отвѣчаетъ она спокойно.

— Ахъ, Базикъ!...

— Чего же ты хочешь, мой милый? Не удивляйся, папа и мама... нуженъ же имъ какой-нибудь уважительный поводъ, чтобы согласиться на твою просьбу.

— Но ты, База?

— А я воспользовалась первою возможностью... Ты не поставишь мнѣ это въ вину, Владець?

Въ глазахъ у меня проясняется; мнѣ кажется, что База впол-

нѣ права. Собственно говоря, зачѣмъ я сюда прилетѣлъ, какъ сумасшедшій? Тѣмъ временемъ База приближается и владеть головою на мое плечо; я обнимаю ее за талию, она перегибается черезъ мою руку, закрываетъ глаза и шепчетъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, Владекъ... не теперь... послѣ свадьбы... умоляю тебя!

Вслѣдствіе ея просьбы я крѣпко цѣлую ее. Глаза Бази открываются какою-то дымной. Она закрываетъ ихъ рукою и говоритъ:

— А я такъ просила, чтобы ты не...

Выговоръ и взглядъ изъ-подъ руки растрогиваютъ меня до такой степени, что я цѣлую ее во второй разъ. Когда кто-нибудь кого-нибудь любить, то естественно чувствуетъ большую охоту цѣловать любимое существо, чѣмъ, напримѣръ, бить его... А я люблю Базю безъ мѣры и памяти, всю жизнь, до смерти и послѣ смерти! Она или никто—и баста!

База задыхающимся голосомъ высказываетъ опасеніе, что я потеряю къ ней уваженіе. Дорогая дѣвочка! какія глупости она болтаетъ! Я успокоиваю ее, какъ могу, и мы начинаемъ говорить разсудительно.

Между нами составляется уговоръ, что если Сусловскіе притворятся, что о телеграммѣ узнали послѣ, то я не подамъ вида... Затѣмъ я прощаюсь съ Базей и обѣщаюсь придти вечеромъ.

Мнѣ необходимо бѣжать въ канцелярію общества поощренія изящныхъ искусствъ: черезъ нее мнѣ легче всего войти въ сношенія съ секретариатомъ «Салона».

III.

Я посылаю телеграмму съ заявленіемъ, что согласенъ на цѣну барону Гирша, но передъ этимъ рѣшилъ выставить картину въ Варшавѣ etc.

На посылку телеграммы, а также и на другія потребности, занимаю деньги въ правленіи. Мнѣ даютъ безъ колебанія. Все идетъ, какъ по маслу...

Въ *Летучихъ Листкахъ* и *Скорородѣ* выходитъ моя біографія, въ которой нѣтъ ни слова правды, но, какъ говоритъ Остшинскій, «это меня вовсе не касается». Я получилъ также приглашеніе отъ двухъ иллюстрацій. Хотятъ помѣстить мой портретъ и снимокъ съ моей картины. Хорошо!

Денегъ будетъ въ волю.

IV.

Недѣлю спустя я получаю задатокъ отъ барона Гирша.

Вся сумма будетъ выплачена, когда собственникъ вступитъ въ обладаніе полотномъ, а пока торговый банкъ вываливаетъ мнѣ на столъ пять тысячъ франковъ золотомъ. Съ роду я не видалъ столько денегъ. Возвращаюсь домой нагруженный какъ мулъ.

Въ мастерской цѣлое собраніе. Я разбрасываю свои лундоры по полу, и такъ какъ никогда не купался въ золотѣ, то начинаю купаться въ золотѣ. Послѣ меня купается Святецкій... Приходитъ хозяинъ и думаетъ, что мы помѣшались... Мы забавляемся, какъ людоѣды!

V.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней Остшинскій говоритъ мнѣ, что чувствуетъ себя счастливымъ вслѣдствіе несогласія Бази выйти за него замужъ, — передъ нимъ открывается перспектива, о которой я не могу имѣть ни малѣйшаго представленія.

Я очень этому радуюсь или, вѣрнѣе сказать, мнѣ это рѣшительно все равно. Притомъ, я увѣренъ, что Остшинскій сдумаетъ проложить себѣ дорогу въ жизни.

Когда онъ ухаживалъ за Казей, старики были на его сторонѣ, въ особенности отецъ. Вліяніе Остшинскаго на пана Сусловскаго было такъ сильно, что этотъ римлянинъ въ его присутствіи утрачивалъ свою непоколебимую статуиность. За то Бази не терпѣла его съ первой минуты знакомства. То было какое-то безотчетное отвращеніе, ибо я увѣренъ, что онъ не поразилъ ее тѣмъ, чѣмъ поражаетъ меня и всѣхъ другихъ, знающихъ его покороче.

Это очень странный человекъ или, вѣрнѣе, странный писатель. Не только у насъ, но, вѣроятно, и во всѣхъ большихъ центрахъ литературы и искусства есть люди, о которыхъ мы не можемъ вспомнить безъ того, чтобы невольно не спросить себя, откуда берется ихъ важность?

Къ числу такихъ принадлежитъ мой пріятель изъ *Летучихъ Листковъ*. Кто бы повѣрилъ, что тайна значенія Остшинскаго и смыслъ его нравственнаго существованія заключаются въ томъ, что онъ, Остшинскій, не признаетъ и не уважаетъ талантовъ, въ особенности писательскихъ, и попросту живетъ пренебреженіемъ къ нимъ?... Онъ питаетъ къ нимъ презрѣніе человека, которому жизненная ловкость, быстрота соображенія и большое остроуміе обеспечиваютъ вѣрную побѣду надъ ними въ общественной жизни.

И нужно его видѣть на сессіяхъ, на собраніяхъ художественныхъ и литературныхъ, на юбилейныхъ обѣдахъ, — съ какоюнисходительною ироніей онъ трактуетъ людей, имѣющихъ неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ самъ Остшинскій, какъ онъ ихъ прижимаетъ къ стѣнѣ, какъ сбиваетъ ихъ своими софизмами, своею логикой, какъ обдаётъ ихъ своею литературною важною.

Святецкій, какъ только вспомнить о немъ, то хватается за доску отъ кровати, чтобъ разбить ему голову, но меня не удивляетъ успѣхъ Остшинскаго. Люди истинно талантливые часто бываютъ неловки, несмѣлы, ненаходчивы... Но лишь только истинный талантъ остается наединѣ самъ съ собою, у его плечъ сейчасъ же вырастаютъ крылья. Остшинскій же, въ такихъ условіяхъ, вѣроятно, ложится спать, потому что ему абсолютно не о чемъ бесѣдовать съ самимъ собою.

Будущее разставить всѣхъ этихъ людей въ порядкѣ, назначить каждому свое мѣсто, каждому присвоить соотвѣтственный чинъ. Остшинскій настолько уменъ, что знаетъ это, но въ глубинѣ души смѣется надъ будущимъ. Ему достаточно, что въ настоящемъ онъ кое-что значить и что съ нимъ считаются больше, чѣмъ со многими почище его.

Мы, живописцы, меньше ему мѣшаемъ. Онъ иногда рекламируетъ и писательскіе таланты, но лишь тогда, когда этого требуютъ интересы *Летучихъ Листковъ* или конкуренція со *Скорходами*. Въ концѣ-концовъ, онъ добрый товарищъ и милый человѣкъ. Я могу даже сказать, что люблю его, но...

Впрочемъ, ну его къ чорту, — довольно о немъ...

VI.

Меня когда-нибудь доведутъ до того, что я уйду и захлопну дверь.

Что за комедія! Съ тѣхъ поръ, какъ на меня свалилась слава и деньги, Сусловскій, вопреки моимъ предположеніямъ, обходится со мной просто презрительно... Онъ, его жена и всѣ родственники Бази обдаютъ меня холодомъ.

Однажды вечеромъ Сусловскій заявилъ, что если я думаю, что на ихъ рѣшеніе повліяла перемѣна въ моей судьбѣ, или если я допускаю, — какъ видно по моей манерѣ держать себя, — что я имъ дѣлаю честь, то, несмотря на свою готовность жертвовать многимъ для счастья своего дѣтища, они не могутъ пожертвовать даже ему своимъ человѣческимъ достоинствомъ. Мамаша приба-

шла, что дѣтище знаетъ, гдѣ искать убѣжища. Добрая Бази выступаетъ на мою защиту, по временамъ даже съ очень большою энергіей, но папа и мама не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на мои слова.

Едва я раскрою ротъ, Сусловскій закусываетъ губы, поглядываетъ на жену и виваетъ головой, какъ будто хочетъ сказать: «Я зналъ, что этимъ кончится!» Такое пиленіе продолжается съ утра до вечера.

И подумать, что все это притворство пускается въ ходъ для того, чтобы держать меня въ сѣтяхъ, что, въ сущности, они зарятся на мои пятнадцать тысячъ франковъ и что имъ породниться со мною хочется, также какъ и мнѣ съ ними, хотя соображенія наши совсѣмъ различнаго свойства...

Пора кончить!

Они довели меня до того, что по временамъ мнѣ самому представляется, будто я дѣйствительно совершилъ какую-то подлость, получивъ золотую медаль и пятнадцать тысячъ франковъ за картину.

VII.

Подходить день моего обрученія.

Я купилъ хорошенькое колечко въ стилѣ Louis XV, но оно не понравилось не только Сусловскимъ, но даже и Базѣ, потому что во всемъ этомъ домѣ никто не имѣетъ понятія о настоящемъ искусствѣ.

Надъ Базей я долженъ еще долго работать, чтобы отучить ее отъ мѣщанскихъ вкусовъ; но такъ какъ она любитъ меня, то я не теряю надежды.

На обрученіе я не приглашалъ никого, кромѣ Святецкаго. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ передъ этимъ побывалъ съ визитомъ у Сусловскихъ, но Святецкій твердитъ одно, что, будучи физическимъ и моральнымъ банкротомъ, онъ еще не сдѣлался до такой степени подлецомъ, чтобы ходить съ визитами... Поди, подѣлай съ нимъ что-нибудь!

Я заранѣе предупреждаю Сусловскихъ, что мой пріятель страшный оригиналъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ гениальный живописецъ и самый лучший человѣкъ во всемъ свѣтѣ.

Сусловскій, узнавъ, что мой пріятель рисуетъ «трупы», «трупники» и «трупница», поднимаетъ брови и заявляетъ, что до сихъ поръ вель знакомство съ людьми порядочными, что Digitized by Google **вся его чи-**

повничьа карьера ничѣмъ не запытана, и выражаетъ надежду, что панъ Святецкій почтительно отнесется въ обычаямъ, установленнымъ въ его честномъ, хотя и скромномъ домѣ.

Признаюсь, въ этомъ отношеніи я не свободенъ отъ нѣкоторыхъ опасеній и съ утра воюю со Святецкимъ. Онъ упирается, что пойдетъ въ высокихъ сапогахъ. Я усовѣщаваю, упрашиваю, умоляю.

Наконецъ, онъ соглашается, заявляя, что, въ концѣ-концовъ, не видитъ резона, по которому ему не слѣдовало бы быть шутомъ. Одна бѣда: его сапоги напоминаютъ сапоги плантаторовъ средней Африки, потому что не видали ваксы съ той поры, когда ихъ принесли въ долгъ отъ сапожника. Что-жь дѣлать?

Еще хуже, что голова Святецкаго напоминаетъ карпатскій хребетъ, покрытый буреломомъ. Съ этимъ я долженъ примириться, потому что на свѣтѣ нѣтъ скребницы, которой бы погорились волосы Святецкаго, но за то уговариваю его, виѣсто блузы, въ которой онъ ходитъ обыкновенно, надѣть сюртукъ. Святецкій сюртукъ надѣваетъ съ миною одного изъ своихъ «трупищъ» и впадаетъ въ мрачное настроеніе духа.

На улицѣ прохожіе оглядываются на его суковатую дубину и огромную дырявую шляпу, но къ этому я уже привыкъ.

Мы звонимъ и входимъ.

Въ прихожей до насъ доходитъ голосъ кузена Ячовича, спорящаго надъ непомятымъ ростомъ населенія. Кузень Ячовичъ всегда толкуетъ о непомятомъ ростѣ населенія, — это его конекъ. Базя словно облачко въ волнахъ кисей. Сусловскій во фракѣ, родственники во фракахъ, старыя тетки въ шелковыхъ платьяхъ.

Появленіе Святецкаго производитъ сенсацию. Всѣ оглядываютъ его съ нѣкоторымъ безпокойствомъ... Онъ угрюмо осматривается вокругъ и заявляетъ Сусловскому, что, навѣрное, не сталъ бы надѣдать ему своимъ присутствіемъ, еслибъ не свадьба Владека «или что-то въ этомъ родѣ»...

Это «что-то» принимается всѣми какъ нельзя хуже. Сусловскій съ достоинствомъ выпрямляется и спрашиваетъ, что панъ Святецкій подразумѣваетъ подъ «чѣмъ-то вродѣ этого»?... Панъ Святецкій отвѣчаетъ, что ему все равно, но что для Владека онъ готовъ даже расшаркиваться и присѣдать, въ особенности, еслибъ зналъ, что пану Сусловскому это можетъ доставить удовольствіе... Мой будущій тесть посматриваетъ на жену, на меня и на Базю взоромъ, въ которомъ изумленіе смѣшивается съ негодованіемъ.

Бъ счастью, я выхожу изъ неловкаго положенія и съ рѣдкимъ для меня присутствіемъ духа прошу будущаго тестя представить меня тѣмъ родственникамъ, которыхъ я еще не имѣю чести знать.

Происходитъ представленіе, затѣмъ мы садимся.

База усаживается около меня и оставляетъ свою руку въ моихъ рукахъ. Въ комнатѣ много народу, но всѣ молчать и не двигаются. Атмосфера становится тяжелою.

Бузенъ Ячковичъ возвращается къ вопросу о непомѣрномъ ростѣ населенія. Мой Святецкій смотритъ подѣ столъ. Въ тишинѣ все громче раздается голосъ Ячковича (у него нѣтъ передняго зуба, а потому онъ всегда издаетъ протяжный свистъ при выговорѣ буквы ш).

— Изъ этого для Европы могутъ выйти ужасныя несчастія, — говоритъ Ячковичъ.

— Эмиграція... — вставляетъ кто-то сбоку.

— Статистика показываетъ, что эмиграція не въ состояніи бороться съ непомѣрнымъ ростомъ населенія.

Вдругъ Святецкій поднимаетъ голову и смотритъ своими рыбьими глазами на говорящаго.

— Тогда нужно у насъ ввести китайскіе обычаи, — говоритъ онъ могильнымъ басомъ.

— Позвольте... какъ это... китайскіе обычаи?

— Въ Китаѣ родители имѣютъ право душить слабыхъ дѣтей, — ну, такъ вотъ нужно, чтобъ у насъ дѣти имѣли право душить слабыхъ родителей.

Свершилось! Громъ грянулъ, диванъ застоналъ подѣ тетками, а я пропалъ. Сусловскій закрываетъ глаза и на нѣкоторое время теряетъ даръ слова.

Молчаніе.

Потомъ раздается дрожащій отъ негодованія голосъ моего будущаго тестя:

— Милостивый государь, надѣюсь, какъ христіанинъ...

— Почему я непременно долженъ быть христіаниномъ? — перебиваетъ Святецкій, угрожающе покачивая головой.

Другой громовый ударъ! Диванъ съ тетками начинаетъ дрожать, какъ въ лихорадкѣ, вотъ-вотъ полетитъ въ пропасть... Я также чувствую, что земля подо мною разступается.

Все пропало, всѣ надежды разсѣялись, какъ дымъ!

Вдругъ раздается звучный, какъ колокольчикъ, смѣхъ Бази,

за ней начинать смѣяться, самъ не зная чему, Ячковичъ, за Ячковичемъ начинаю смѣяться, тоже самъ не зная чему; и я.

— Папа! — восклицаетъ База, — Владиславъ предупреждалъ васъ, что панъ Святецкій оригиналъ. Панъ Святецкій шутить. Его мать еще жива, и онъ очень любить ее!

Что за шельма дѣвчонка эта База! Она не только придумала, но и догадалась, что у Святецкаго дѣйствительно есть мать и что онъ дѣйствительно очень любить ее.

Смѣхъ Бази отвлекаетъ общее вниманіе. Появляется слуга съ виномъ и пирожнымъ. Это тотъ самый сторожъ, который стащилъ мою послѣднюю трехрублевку, но теперь его нарядили во фракъ и онъ выступаетъ важно, какъ настоящій лакей. Глаза его устремлены на поднось, хрусталь дребезжитъ, а сторожъ подвигается такъ медленно, какъ будто несетъ сосудъ полный до краевъ. Я начинаю опасаться, какъ бы онъ не уронилъ поднось на полъ; къ счастью, мои опасенія не осуществляются...

Рюмки наполняются. Мы приступаемъ къ акту обрученія.

Малолѣтняя кузина держитъ фарфоровую тарелку, на которой лежатъ два кольца. Отъ любопытства глаза ея готовы выскочить и вся церемонія, видимо, доставляетъ ей такое наслажденіе, что она даже подпрыгиваетъ съ тарелкой и кольцами. Сусловскій встаетъ, всѣ встаютъ, слышенъ стукъ отодвигаемыхъ стульевъ.

Настаетъ тишина. Я слышу, какъ одна матрона шепотомъ передаетъ другой замѣчаніе, что мое кольцо «какъ будто бы лучше». Несмотря на это замѣчаніе, настроеніе такое торжественное, что мухи на лету падаютъ мертвыми.

Сусловскій начинаетъ говорить:

— Дѣти мои, примите благословеніе родителей.

База становится на колѣни; я тоже становлюсь на колѣни.

Какую, должно быть, теперь рожу скорчилъ Святецкій, — Госноди, какую рожу!

Но я не смѣю на него смотрѣть. Я гляжу на висейное платье Бази, которое на полиняломъ красномъ коврѣ образуетъ красивое пятно. Руки Сусловскаго и пани Сусловской опускаются на наши головы, послѣ чего мой будущій тестъ говоритъ:

— Дочь моя! ты имѣла возможность пользоваться лучшимъ примѣромъ, чѣмъ должна быть добрая жена для мужа; мнѣ нѣтъ надобности говорить о твоихъ будущихъ обязанностяхъ, — потомъ, современемъ, тебя научитъ мужъ (надѣюсь!)... Но я обращаюсь къ вамъ, панъ Владиславъ...

Тутъ слѣдуетъ рѣчь, во время которой я насчитываю до ста

и начинаю считать вновь съ единицы. Сусловскій гражданинъ, Сусловскій чиновникъ, Сусловскій отецъ, Сусловскій римлянинъ обладаетъ великою способностью выставлять на видъ все величіе своей души... Слова: дитя, родители, обязанности, будущность, благословеніе, тернія, чистая совѣсть — жужжать около моихъ ушей, какъ рой осъ, облѣцляютъ мою голову, жалятъ въ лобъ, въ затылокъ.

Вѣроятно, галстукъ мой повязанъ черезъ-чуръ туго, потому что мнѣ становится трудно дышать. Я слышу рыданія пани Сусловской, и мнѣ становится жалко бѣдную женщину, слышу, какъ кольца брячатъ на тарелкѣ въ рукахъ попрыгуньи кухни. Господи, Господи! какую теперь рожу скорчилъ Святецкій!

Наконецъ, мы встаемъ. Кузина суетъ мнѣ тарелку подъ носъ. Мы обмѣниваемся съ Базей кольцами.

Ура! И такъ, мы обручены! Я думалъ, что это конецъ, но нѣтъ: Сусловскій посылаетъ насъ просить благословенія у всѣхъ тетокъ.

Мы идемъ. Я цѣлую подрядъ пять рукъ, скорѣе похожихъ на лапы анта... Всѣ тетки надѣются, что я не обману ихъ надеждъ.

Какія, къ чорту, надежды онѣ могутъ возлагать на меня? Кузенъ Ячовичъ заключаетъ меня въ объятія. Несомнѣнно, галстукъ у меня повязанъ черезъ-чуръ туго.

Но, какъ бы то ни было, самая тяжелая минута миновала. Смеркается. Приносятъ чай.

Я сижу около Базы и притворяюсь, что не вижу Святецкаго. Это животное еще разъ повергаетъ меня въ тревогу, когда на вопросъ, не хочетъ ли онъ подлить себѣ въ чай немного араку, отвѣчаетъ, что аракъ пьютъ только бутылками. Впрочемъ, вечеръ оканчивается благополучно.

Мы выходимъ со Святецкимъ молча. Это молчаніе мало-помалу начинаетъ меня тяготить и подъ конецъ становится невыносимымъ. Я чувствую, что надо заговорить со Святецкимъ, сказать ему что-нибудь о моемъ счастьѣ, о томъ, какъ все хорошо прошло и какъ я люблю Базю... Я собираюсь съ духомъ, — нѣтъ, чортъ возьми, не выходить! Наконецъ, уже у самой мастерской я говорю:

— Признайся, Святецкій, что въ жизни бываютъ и хорошія минуты.

Святецкій останавливается, бросаетъ на меня взоръ изподлобья и отвѣчаетъ:

— Дуракъ!

Въ этотъ вечеръ мы ничего больше не говорили другъ съ другомъ.

VIII.

Спустя недѣлю послѣ обрученія мои «жиды» пришли на выставку.

Бартину помѣстили въ отдѣльную комнату; комитетъ назначилъ особую плату за входъ. Половина чистаго дохода идетъ въ мою пользу.

На выставкѣ толкотня съ утра до вечера.

Я былъ только одинъ разъ, но такъ какъ на меня самого смотрѣли больше, чѣмъ на картину, то больше не пойду, потому что это начинаетъ меня злить.

Будь моя картина чудомъ, котораго до сихъ поръ не бывало на свѣтѣ, публика, все-таки, охотнѣй пойдетъ смотрѣть на «крао» или готтентота, пожирающаго живыхъ голубей.

Такимъ готтентотомъ въ настоящую минуту являюсь я... Я былъ бы очень доволенъ этимъ, еслибъ дѣйствительно былъ дуракомъ, какъ утверждаетъ Святецкій. Но я настолько художникъ, что не могу не злиться при видѣ униженія искусства въ пользу моей собственной персоны...

IX.

Три недѣли тому назадъ обо мнѣ едва ли кто слышалъ, а теперь я начинаю получать десятки писемъ, по большей части любовныхъ. Изъ пяти—четыре непременно начинаются словами: «прочти это письмо, вы, вѣроятно, съ презрѣнiемъ отвернетесь отъ женщины, которая» etc. Я не отвернусь съ презрѣнiемъ отъ этой женщины, съ условiемъ, чтобъ она оставила меня въ покоѣ.

Еслибъ не Казя, то, говоря по совѣсти, я, можетъ быть, не пожималъ бы такъ плечами при видѣ этого потока чувствъ.

Главное, меня занимаетъ, какъ можетъ «незнакомая особа» рассчитывать, чтобъ мужчина, который не видалъ ее ни разу въ жизни, отвѣтилъ на ея воззванiе. Приподними маску, о, прекрасная незнакомка! о, только когда я увижу тебя, то скажу... Ой-ой! ничего не скажу, а то Казя...

Я получилъ отъ какой-то сѣдовласой доброжелательницы письмо, въ которомъ я именуюсь творцомъ, а Казя—гусыней.

«Жена ли она для васъ? (спрашиваетъ мой сѣдовласый другъ).

Выборъ этотъ достоинъ ли того, на котораго обращены глаза всего свѣта? Вы жертва витриги» и т. д.

Странное предположеніе и еще болѣе странное требованіе, чтобы я женился не по велѣнію сердца, а для удовлетворенія общественнаго мнѣнія.

Бѣдная Казя! Чѣмъ она имъ помѣшала?

Вѣроятно, нѣкоторые преступленія приносятъ болѣшій вредъ, чѣмъ анонимныя письма, но никто не доставляетъ большаго.... какъ бы это получше сказать? Ну, да все равно!

День нашей свадьбы еще не назначенъ, но онъ скоро наступитъ.

Тѣмъ временемъ я призываю Казю получше принарядиться и веду ее на выставку.

Пусть насъ видятъ вмѣстѣ...

Пришли изъ Парижа и два «трупца» Святецкаго.

Картина называется «Послѣдняя встрѣча» и представляетъ молодаго человѣка и молодую дѣвушку, лежащихъ на операционномъ столѣ. Мысль художника при первомъ взглядѣ видна совершенно ясно. Видно, что двое умершихъ любили другъ друга при жизни, что ихъ разлучила бѣдность и соединила смерть.

Студенты, склонившіеся надъ трупами, вышли нѣсколько деревянными, въ перспективѣ операционной залы замѣчаются нѣкоторые недостатки, за то «трупца» вырисованы великолѣпно, — такіе трупы, что отъ нихъ даже холодомъ вѣетъ. Въ «Салонѣ» картина не имѣла никакого успѣха, можетъ быть, потому, что трупы, дѣйствительно, отвратительны, но критика ее хвалила.

Среди нашей «маляріи», несомнѣнно, много талантовъ. Напримѣръ, возлѣ трупца Святецкаго Франекъ Ценковскій выставилъ «Смерть Бордецкаго». Огромная сила и огромный индивидуализмъ! Святецкій называетъ Франка идіотомъ, во-первыхъ, потому, что Ценковскій носить чолку и бороду клинушкомъ, во-вторыхъ, одѣвается по послѣдней модѣ и, въ-третьихъ, онъ хорошо воспитанъ, церемоненъ и очень часто вспоминаетъ о своихъ высокопоставленныхъ родственникахъ.

Но Святецкій ошибается...

Талантъ — это птица, которая гнѣздится, гдѣ ей понравится, иногда въ глухомъ лѣсу, иногда въ подстриженномъ паркѣ.

Въ Мюнхенѣ и Парижѣ я видалъ такихъ художниковъ, которые походили на сапожныхъ подмастерій или, наоборотъ, на парикмахеровъ, на франтовъ дурнаго тона. Трехъ копѣекъ бы не далъ за нихъ, между тѣмъ какъ въ душѣ и у той, и у другой

бестін живеть такая экзальтація, такое пониманіе образовъ и красокъ и способность переносить все это на полотно! Остшинскій, у котораго на всякій случай есть какое-нибудь истрепанное выраженіе, еслибъ писалъ объ этомъ, то сказалъ бы въ своихъ *Летучихъ Листкахъ*: «spiritus fiat ubi vult!»

По мнѣнію Святецкаго, историческая живопись—«невозможное варварство». Онъ не рисуетъ историческихъ вещей и для меня это все равно, но я слышу, что подобное мнѣніе въ разныхъ кружкахъ начинаетъ считаться либеральнымъ. Это мнѣ начинать надождать.

У нашихъ художниковъ, у поляговъ, одинъ недостатокъ: они вступаютъ въ брачный союзъ съ какими-то доктринами объ искусствѣ, а потомъ и живутъ подъ ихъ башмакомъ, на все смотреть ихъ глазами, напяливаютъ на нихъ искусство и лучше проповѣдуютъ, чѣмъ рисуютъ. Въ противоположность тому, что я сказалъ выше, мнѣ приходилось сталкиваться и съ такими художниками, которые язки себѣ поотрепали въ спорахъ о томъ, что такое искусство и какимъ оно должно быть, а какъ пришлось взяться за кисть, то и оказалось, что дѣло плохо.

Я не разъ думалъ, что теоріи искусства должны выдумывать философы, и если выдумаютъ плохую, пусть за нее сами и отвѣчаютъ, а художники должны рисовать то, что сердце подсказываетъ, и *уметь* рисовать, ибо это—самое главное... По моему мнѣнію, наимничтожнѣйшій талантъ стоитъ дороже великолѣпнѣйшей доктрины, а навеликолѣпнѣйшая доктрина недостойна чистить башмаки свободѣ.

X.

Мы были съ Казей и Сусловскими на выставкѣ.

Передъ моею картиной постоянно толпа.

При нашемъ входѣ всѣ начинаютъ шептаться, причемъ больше смотрятъ не на картину и не на меня, а на Казю. Я замѣтилъ, что она была несказанно довольна общимъ вниманіемъ, но не ставилъ ей этого въ вину. Вотъ это нехорошо, что она назвала картину Святецкаго «неприличной». Сусловскій заявилъ, что она предвосхитила его мысль, но я пришелъ въ бѣшенство: неужели у Казы такое воззрѣніе на искусство?

Со злостью я простился съ ними тотчасъ же, и подъ предлогомъ, что мнѣ нужно видѣться съ Остшинскимъ, я дѣйствительно пошелъ къ нему, но за тѣмъ, чтобъ утащить его объѣдать.

XI.

Что я видѣлъ, что я видѣлъ!

Только теперь я понялъ, на что человѣку даны глаза.

Corpo di Vacco! что за красота!

Идемъ мы съ Остшинскимъ. Вдругъ, смотрю: на углу Вожовой мимо насъ проходитъ какая-то женщина. Я останавливаюсь, какъ вкопанный, деревенью, каменью, тарашу глаза, теряю чувство, безсознательно хватаю Остшинскаго за галстукъ, развязываю галстукъ Остшинскаго и... спасите... погибаю!

Что за дѣло, что у ней прелестныя черты... Не черты! но это просто мечта художника! чудо, какъ рисунокъ, чудо, какъ колоритъ, чудо, какъ замыселъ! Грѣзь воскресъ бы изъ мертвыхъ при видѣ ея, а потомъ удавился бы съ горя, что рисовалъ такихъ уродинь...

Смотрю, смотрю... Идетъ одна... впрочемъ, вздоръ! идетъ съ ней поэзія, идетъ музыка, идетъ весна, идетъ наслажденіе и любовь. Не знаю, захотѣлъ ли бы я ее рисовать тотчасъ же; мнѣ хотѣлось бы упасть передъ нею на колѣни, цѣловать ея ноги за то, что она родилась такою. Однимъ словомъ, я и самъ не знаю, чего бы мнѣ хотѣлось!...

Она прошла мимо насъ, ясная, какъ весенній день. Остшинскій кланяется ей, но она его не видитъ... Я пробуждаюсь отъ очарованія и кричу:

— Пойдемъ за ней!

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Остшинскій,—ты съ ума сошелъ, что ли? Мнѣ нужно завязать галстукъ. Оставь меня въ покоѣ. Это моя знакомая.

— Твоя знакомая? Представь меня!

— И не подумаю... охаживый вокругъ своей невѣсты.

Я проклинаю Остшинскаго и его потомство вплоть до девятого поколѣнія, затѣмъ хочу летѣть за незнакомкой. Въ несчастію, она садится въ пролетку.

Я только издали вижу ея соломенную шляпу и красивый зонтикъ.

— Ты дѣйствительно ее знаешь?—спрашиваю я Остшинскаго.

— Я всѣхъ знаю.

— Кто она?

— Пани Елена Болчановская, урожденная Турко, иначе называемая вдова-дѣвица.

— Почему вдова-дѣвица?

— Потому что ея мужъ умеръ за свадебнымъ ужиномъ. Если ты остылъ, то я расскажу тебѣ ея исторію. Жилъ-былъ очень богатый бездѣтный холостякъ Болчановскій изъ Болчанова, украинскій помѣщикъ. У него была огромная куча родственниковъ, которая рассчитывала получить его наслѣдство, и очень короткая шея, которая сильно поддерживала надежды наслѣдниковъ. Я зналъ этихъ наслѣдниковъ. Это были порядочные, даже очень порядочные люди, но—что-жъ дѣлать?—самые лучше, наименѣе безкорыстные изъ нихъ не могли воздержаться и не смотрѣть на шею Болчановскаго. Въ концѣ-концовъ, это старику до такой степени наскучило, что на зло родственникамъ онъ сдѣлалъ предложеніе дочери сосѣда, завѣщалъ въ ея пользу все свое состояніе и женился. Послѣ свадьбы былъ балъ, послѣ бала—ужинъ, а въ концѣ ужина новобрачнаго хватилъ ударъ... Такимъ образомъ, пани Елена сдѣлалась вдовой-дѣвицей... понимаешь?

— Давно это было?

— Три года тому назадъ. Тогда ей шелъ двадцать второй годъ... Съ этихъ поръ она могла бы двадцать два раза выйти замужъ, но не хочетъ... Говорить, что она ждетъ какого-нибудь князя. Оказалось, что и это невѣрно, потому что она недавно натянула носъ одному князю. Наконецъ, я знаю, что она нисколько не возгордилась. Доказательство: она до сихъ поръ живетъ въ тѣсной дружбѣ съ нашею знаменитою, симпатичною, талантливою etc. Евой Адами, съ которой когда-то училась вмѣстѣ въ одномъ пансіонѣ.

Услыхавъ это, я подпрыгнулъ отъ радости.

Если такъ, то плевать мнѣ на Остшинскаго. Моя милая, добрая Ева гораздо лучше устроить мое знакомство съ пани Еленой Болчановской.

— Слушай, такъ ты не хочешь познакомить меня съ ней?—спрашиваю я Остшинскаго.

— Если кто-нибудь хочетъ познакомиться съ кѣмъ-нибудь, то рано или поздно познакомится, — отвѣчаетъ Остшинскій, — но такъ какъ ты отбилъ у меня Базю, то я не хочу, чтобъ обо мнѣ говорили, будто я совратилъ тебя съ пути истиннаго... До свиданія!...

ХII.

Въ тотъ день я долженъ былъ обѣдать у Сусловскихъ, но написалъ, что не буду.

Зубы у меня не болѣли ни разу въ жизни, но могли же когда-нибудь разболѣться?

Елена не выходила изъ моей головы цѣлый день, да и что я былъ бы за художникъ, еслибъ не думалъ о такомъ лицѣ?

Я нарисовалъ въ душѣ десятокъ ея портретовъ. Пришла мнѣ въ голову идея одной картины, въ которой такое лицо, какъ у Елены, произвело бы огромное впечатлѣніе. Мнѣ нужно было видѣть ее еще раза два, три.

Лечу къ Евѣ Адами, но не застаю ее дома. Вечеромъ получаю письмо отъ Базы съ приглашеніемъ пожаловать утромъ въ садъ на воды, а потомъ на кофе. Чистая мѣла съ этими водами и съ этимъ кофе!

Я не могу идти, потому что если Еву не застанешь дома утромъ, то не поймашь цѣлый день...

XIII.

Ева Адами (это ея театральное имя; на самомъ дѣлѣ она называется Анна Единицкая)—исключительная дѣвушка.

Я живу съ ней давно въ дружбѣ; говоримъ мы другъ другу «ты».

Вотъ уже девять лѣтъ, какъ она пошла на сцену, но осталась чистой въ полномъ значеніи этого слова. Въ театрахъ находится значительное количество лирически-невинныхъ женщинъ; но если бы ихъ корсеты когда-нибудь выдали тайныя желанія своихъ обладательницъ, то даже самый безстыднѣйшій павіанъ поврасилъ бы отъ стыда. Театръ губить душу, въ особенности душу женщинъ.

Трудно требовать, чтобы въ женщинѣ, которая каждый вечеръ изображаетъ любовь, вѣрность, благородство, скромность и т. п., не выработалось бы, въ концѣ-концовъ, инстинктивнаго понятія, что всѣ эти добродѣтели, такъ сказать, показнаго свойства, принадлежатъ драматическаго и актерскаго искусства, и не имѣютъ ни малѣйшей связи съ жизнью. Огромная разница между искусствомъ и дѣйствительною жизнью еще болѣе утверждаетъ ее въ этомъ положеніи; соперничество и борьба за лишній аплодисментъ, за лишній вызовъ отравляютъ всѣ хорошіе порывы сердца.

Постоянное столкновеніе съ такими развращенными людьми, какъ актеры, скоро въ конецъ портитъ женщину. Нѣтъ тамъ бѣлой ангорской кошки, которая не загрязнилась бы въ подобныхъ условіяхъ. Преобороть ихъ можетъ только гигантскій талантъ, ко-

торый очищает себя въ огнѣ искусства, или натура настолько эстетичная, что зло не проникаетъ въ нее, какъ вода не протекаетъ сквозь перья лебеди. Въ числу такихъ натуръ «impregnable» принадлежитъ Ева Адами.

По ночамъ, за чаемъ и трубкой, мы часто толковали о людяхъ, принадлежащихъ къ воинству искусства, начиная отъ высшей категоріи, т.-е. отъ поэтовъ, и кончая низшей, т.-е. актерами.

Существо, воображеніе котораго развито сильнѣй, чѣмъ у остальныхъ смертныхъ, существо, болѣе пронизательное, впечатлительное, порывистое, чѣмъ другіе, существо, которое въ предѣлахъ счастья и наслажденія знаетъ все и жаждетъ всего съ ненасытимой силой,—вотъ что такое актеръ.

Ему нужно обладать втрое болѣею силой воли и характера, чтобъ отталкивать отъ себя искушеніе.

Но такъ какъ нѣтъ причины, по которой бы цвѣтокъ, болѣе красивый, чѣмъ другіе, обладалъ бы болѣею силой сопротивленія вѣтру, то нѣтъ и причины, по которой бы актеръ обладалъ болѣею силой воли и характера, чѣмъ всякій другой человѣкъ.

Наоборотъ, есть основанія предполагать, что этой силы у него меньше,—эта жизненная сила гибнетъ въ той пропасти и той борьбѣ, которыя отдѣляютъ міръ искусства отъ міра обыденной дѣйствительности. Актеръ—попросту больная птица, страдающая вѣчною горячкою, птица, которая то исчезаетъ изъ глазъ въ лазурной синевѣ неба, то влачитъ свои измученныя крылья по кучамъ сора и пыли. Отсюда столь частое разногласіе между внутреннею и виѣшнею жизнью актеровъ.

Свѣтъ, когда онъ требуетъ отъ нихъ большаго, чѣмъ отъ другихъ, когда осуждаетъ ихъ, можетъ быть, правъ, но и Христосъ будетъ справедливъ, если оправдаетъ ихъ...

Остшинскій утверждаетъ, что актеры столько же принадлежатъ къ артистическому міру, сколько кларнеты, волторны и т. п., но это неправда.

Наилучшее доказательство—Ева Адами: она до корней волосъ актриса—и по таланту, и по тому эстетическому чутью, которое, какъ мать, сохранило ее чистой отъ всего злаго.

Несмотря на мою любовь къ Евѣ, я не видалъ ее давно. Она очень обрадовалась мнѣ и лицо ея приняло какое-то странное, непонятное для меня выраженіе.

— Какъ поживаешь, Владекъ? Наконецъ-то я тебя увидала. Я былъ радъ, что засталъ ее дома.

На Евѣ было турецкое утреннее платье,—красные листья на

молочномъ фонѣ, съ широкою обшивкой *visil or* и съ разръзными рукавами. Отдѣлка въ особенности хорошо оттѣнила ея блѣдное лицо и голубые глаза. Я сказалъ ей это (она осталась очень довольна) и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу.

— *Diva mia!* ты знаешь пани Колчановскую?

— Знаю; она моя подруга по пансіону.

— Повези меня къ ней.

Ева начинаетъ покачивать головкой.

— Милая моя, дорогая, если ты меня хоть немного любишь!

— Нѣтъ, Владекъ, я не повезу тебя...

— Видишь, какая ты недобрая. А я разъ чуть не влюбился въ тебя!

Что за странное существо эта Ева!

Услыхавъ мои слова, она вся мѣняется, облачается на столъ (чудо, не локоть!), подтираетъ ладонью свое блѣдное лицо и спрашиваетъ:

— Когда это было?

Хотя мнѣ нужно поговорить объ Еленѣ, но такъ какъ разъ я действительно чуть не влюбился въ Еву, и такъ какъ теперь мнѣ хочется привести ее въ хорошее расположеніе духа, то я и начинаю свой рассказъ.

— Дѣло было такъ. Послѣ театра мы пошли какъ-то въ ботаническій садъ. Помнишь, какая была чудная ночь? Мы сидѣли на лавкѣ около бассейна, — ты сказала, что хочешь слушать соловья. Мнѣ было что-то грустно, я снялъ шляпу, у меня болѣла голова, а ты подошла къ бассейну, намочила платокъ и положила его вмѣстѣ съ своею рукой мнѣ на лобъ. Ты показалась мнѣ въ то время доброй, какъ ангель, и я подумалъ: «если я возьму эту руку и приложу ее къ своимъ губамъ, то все пропало... влюблюсь на смерть...»

— Ну, и что-жь? — тихо спрашиваетъ Ева.

— Вдругъ ты быстро отодвинулась отъ меня, какъ будто догадалась, въ чемъ дѣло.

Ева на нѣсколько минутъ впадаетъ въ задумчивость, потомъ пробуждается отъ нея и говорить:

— Пожалуйста, не будемъ говорить объ этомъ.

— Хорошо, не будемъ говорить объ этомъ... Ты знаешь, Ева, что я тебя люблю настолько сильно, чтобъ никогда не влюбиться. Одно исключаетъ другое. Съ минуты, когда я узналъ тебя, я почувствовалъ къ тебѣ искреннюю и горячую привязанность.

— Но,—говорить Ева, как будто бессознательно слѣдуя за потокомъ своихъ мыслей,—правда ли, что ты женишься?

— Правда.

— Что же ты не сказалъ мнѣ объ этомъ?

— Потому что сватовство мое все разстроивалось и паладилось только недавно. Но если ты мнѣ скажешь, что мнѣ, какъ жениху, не слѣдуетъ знакомиться съ пани Еленой, я тебѣ говорю заранѣе, что я былъ художникомъ, прежде чѣмъ стать женихомъ. Вѣдь, ты за нее не боишься?

— И не воображай себѣ этого. Я не повезу тебя къ ней потому, что не хочу отдавать ее во власть сплетнямъ. Говорятъ, что въ нѣсколько недель пол-Варшавы влюбилось въ тебя; о твоихъ успѣхахъ ходятъ баснословные слухи. Не дальше, какъ вчера, я слышала, что изъ всѣхъ десяти заповѣдей ты составилъ себѣ одну... знаешь, какую?

— Какую?

— «Не пожелай себѣ жены ближняго своего понапрасну»...

— Ты, Боже, видишь мою невинность! Но острота хороша.

— И вѣрна, конечно?

— Слушай, Ева: хочешь знать всю правду? Я всегда былъ несмѣлъ, неловокъ, не имѣлъ и не имѣю успѣха у женщинъ. Люди выдумываютъ Богъ знаетъ что, а ты и не догадываешься, сколько правды было въ моемъ восклицаніи: «Боже, Ты видишь мою невинность!»

— Povero maestro!

— Оставь въ покоѣ итальянскій языкъ... повезешь ты меня къ пани Болчановской?

— Не могу, милый Владекъ... Чѣмъ больше ты слынешь за Донъ-Жуана, тѣмъ меньше прилично мнѣ, актрисѣ, везти тебя въ домъ такой одинокой и обращающей на себя всеобщее вниманіе женщины, какъ Елена.

— Тогда почему же ты меня принимаешь?

— Я — дѣло другое. Я актриса и могу примѣнить къ себѣ слова Шекспира: «хотя бы ты была чище слезы, бѣлѣе снѣга, ты не уйдешь отъ злословія».

— Ей-Богу, тутъ есть отъ чего съ ума сойти! Всякій можетъ знать ее, бывать у ней, можетъ смотрѣть на нее, только не я! Да почему же, почему? Потому, что я написалъ недурную картину и получилъ кое-какую извѣстность?

— Съ своей точки зрѣнія ты правъ,—говорить Ева и улыбается.—Ты и не догадываешься, что я заранѣе знала, зачѣмъ

ты ко мнѣ придешь. У меня былъ [Остшинскій и уговаривалъ, что «лучше», еслибъ я не возила тебя къ Еленѣ.

— Гм... понимаю... И ты пообѣщала?

— Не пообѣщала,—напротивъ, я разсердилась даже. Но, все-таки, я думаю, что «лучше» мнѣ не представлять тебя... Поговоримъ о твоей картинѣ.

— Оставь въ покоѣ мою картину... Ну, коли такъ, то хорошо! Увѣряю тебя, что въ теченіе трехъ дней я познакомлюсь съ пани Болчановской, хотя бы мнѣ для этого пришлось перендаться въ чужое платье.

— Нарядись садовникомъ и принеси ей букетъ отъ Остшинскаго.

Но мнѣ, въ голову приходитъ мысль, которая кажется мнѣ такою великолѣпною, что я ударяю себя по лбу и забываю весь свой гнѣвъ на Еву.

— Дай слово, что ты меня не выдашь?

— Даю,—говоритъ донельзя заинтересованная Ева.

— Узнай же, что я наряжусь дѣдомъ-гусяромъ. Костюмъ и гусли у меня есть, на Украйнѣ я бывалъ и пѣсни пѣть умѣю... Пани Болчановская—украинка, поэтому непременно приметъ меня... понимаешь теперь?

— Какая оригинальная выдумка!—говоритъ Ева.

Она настолько артистка, что эта выдумка не можетъ не нравиться ей. Наконецъ, она даетъ слово, что не выдастъ меня, и дѣло кончено.

— Какая оригинальная выдумка!—повторяетъ она. — Елена такъ любитъ свою Украину, что, навѣрное, расплачется, когда здѣсь, въ Варшавѣ, увидитъ гусяра... Но что ты ей скажешь, какъ объяснишь свое появленіе на берегахъ Вислы?

Невольно мой энтузіазмъ сообщается и Евѣ.

Немного спустя мы садимся и начинаемъ вдвоемъ обдумывать заговоръ.

Между нами заключается такое условіе: я переряжаюсь, и Ева пріѣзжаетъ за мной въ своей каретѣ, чтобъ не привлекать на себя вниманія праздношатающихся дураковъ. Пани Елена не должна знать ни о чемъ, пока Ева сама современемъ не откроетъ ей тайны.

Мы съ Евой развиваемъ нашъ планъ въ подробностяхъ. Потомъ я цѣлую ея ручки, потому она оставляетъ меня обѣдать.

Вечеръ я провожу у Сусловскихъ.

Базя немного сердита, что я не был утромъ, но я съ ангельскимъ терпѣніемъ сношу ея капризы, причеиъ думаю о завтрашней экспедиціи и... о Еленѣ.

XIV.

Одиннадцать часовъ утра...

Евы что-то не видно.

На мнѣ посконная рубаха съ разстегнутою грудью, поношенная свита, поясъ, сапоги,—все, что нужно.

Босмы сѣраго парика спадаютъ мнѣ на глаза, и хитеръ былъ бы тотъ, кто бы догадался, что это парякъ; моя борода—чудо искусства и терпѣнія. Съ восьми часовъ утра я вклеивалъ въ свои волосы клочки бѣлыхъ волосъ,— я посядѣлъ такъ, что и подъ старость не посядѣю болѣе естественно... Разведенная сепія придала мнѣ смуглость, а морщины Святецкій вырисовалъ просто гениально. Я важусь семидесятилѣтнимъ старикомъ.

Святецкій утверждаетъ, что мнѣ нужно не рисовать, а быть натурщикомъ: во всякомъ случаѣ, это принесло бы искусству больше пользы.

Половина двѣнадцатаго... Ева подѣзжаетъ.

Я посылаю въ коляску узелокъ съ моимъ обыкновеннымъ костюмомъ, потому что не знаю, не придется ли мнѣ переодѣваться, затѣмъ беру гусли, схожу и у дверей восклицаю:

— Пошли, Господи!

Ева удивлена и въ полномъ восторгѣ.

— Чудесный пасѣчникъ! Чудесный дѣдъ!— повторяетъ она и смѣется.—Только артисту могло придти въ голову что-нибудь подобное!

Говоря между прочимъ, она сама напоминаетъ лѣтнее утро. На ней платье изъ суроваго шелка и соломенная шляпка съ цвѣтами мака. Я не могу наглядѣться на нее. Она пріѣхала въ открытой коляскѣ; насъ начинаютъ обружать зѣваки, но Ева не обращаетъ ни на кого вниманія.

Наконецъ, коляска трогается; мое сердце начинаетъ ускоренно биться,—черезъ четверть часа я увижу Елену...

Не отѣхали мы и ста шаговъ, какъ я увидалъ идущаго намъ на встрѣчу Остшинскаго.

Этого человѣка рѣшительно вездѣ можно встрѣтить!

Увидавъ насъ, онъ кланяется Евѣ, потомъ начинаетъ внимательно разсматривать насъ, въ особенности меня. Я не до-

пускаю, чтобъ Остшинскій узналъ меня, но, все-таки, оглядываюсь назадъ и вижу, что онъ стоитъ на томъ же мѣстѣ и провожаетъ насъ взглядомъ. Только на заворотѣ мы теряемъ его изъ вида. Коляска подвигается быстро, но мнѣ кажется, что путешествіе наше длится цѣлую вѣчность. Наконецъ, въ Бельведерскихъ аллеяхъ мы останавливаемся. Мы передъ домомъ Елены.

Я лечу къ дверямъ, какъ будто меня погоняютъ валенымъ желѣзомъ. Ева бѣжитъ за мной и кричить:

— Что за несносный дѣдъ!

Важный швейцаръ отворяетъ намъ двери и широко таращитъ глаза при видѣ меня. Ева успокаиваетъ его, говоритъ, что старикъ пріѣхалъ съ ней, и мы всходимъ на лѣстницу.

Горничная сообщаетъ, что барыня одѣвается въ сосѣдней комнатѣ.

— Добрый день!—кричитъ Ева.

— Добрый день!—отвѣчаетъ чудный, свѣжій голосъ,—сейчасъ, сейчасъ! черезъ минуту я буду готова.

— Ты не знаешь, что тебя ждетъ и кого ты здѣсь увидишь... Я привезла тебѣ «дида», самаго настоящаго «дида-гусляра», какой ходилъ когда-либо по украинскимъ степямъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздается радостный пискъ, двери неожиданно отворяются и вбѣгаетъ Елена, неодѣтая, въ корсетъ, съ распущенными волосами.

— Дидъ! слѣпой дидъ! здѣсь! въ Варшавѣ!

— Не слѣпой! онъ видитъ!—кричитъ Ева, не желая заводить шутки черезъ-чуръ далеко.

Но уже поздно, потому что я падаю къ ногамъ Елены съ крикомъ:

— Ангелъ Божій!—обнимаю ея ноги и, поднимая глаза, заиѣчаю форму этихъ ножекъ.—Народы, преклоняйте колѣна! приходите сюда со своими кадилницами. Венера Милосская! иетинная Венера Милосская! Ангелъ Божій! — повторяю я съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

Мой дидовскій энтузіазмъ объясняется тѣмъ, что послѣ долгой «мандривки» я встрѣтилъ первую украинку. Несмотря на это, Елена высвобождаетъ свои ноги изъ моихъ рукъ и отступаетъ назадъ... Въ теченіе секунды я вижу еще ея обнаженные руки и плечи, которыя напоминаютъ мнѣ Психею неаполитанскаго музея, затѣмъ видѣніе исчезаетъ и я остаюсь на колѣняхъ посреди комнаты.

Ева грозитъ мнѣ зонтикомъ и смѣется, пряча свое лицо въ букетъ резеды.

Немного погода черезъ двери начинается разговоръ.

Я заранѣе приготовился ко всевозможнымъ вопросамъ, и потому вру, какъ по нотамъ... Я — «пасичникъ» изъ-подъ Чигирина. Дочка моя «помандровала» за ляхомъ въ Варшаву, а я, старикъ, сидѣлъ на пасѣвѣ до тѣхъ поръ, пока и самъ не «помандровалъ». Добрые люди давали за то, что я имъ пѣлъ пѣсни... А теперь что? Увижу дочку, благословлю ее, да и домой, по матери Украинѣ стосковался. Тамъ мнѣ и помереть между ульями. Всякому умирать нужно, а старому Пилипу давно уже пришло время...

Что значить актерская натура! Ева отлично знаетъ, кто я такой, но такъ проникается моею ролью, что начинаетъ меланхолически кивать своею хорошенькою головкой и глядѣть на меня съ сочувствіемъ. Въ голосѣ Елены изъ-за двери тоже слышится волненіе.

Двери немного растворяются, въ отверстіе показывается чудная бѣлая рука и я неожиданно становлюсь обладателемъ трехрублевой бумажки. Я долженъ взять ее, — иначе нельзя, — и изливаю на голову Елены цѣлый потокъ благословеній отъ имени всѣхъ святыхъ.

Насъ прерываетъ горничная, которая входитъ съ докладомъ, что внизу дожидается панъ Остшинскій и спрашиваетъ, принимаетъ ли барыня?

— Не впускай его, душечка! — испуганно кричитъ Ева.

Елена отвѣчаетъ, что, конечно, не приметъ, и даже выражаетъ свое удивленіе по поводу столь ранняго визита. Говоря по совѣсти, и я не понимаю, какъ Остшинскій, который такъ хвастается знаніемъ всѣхъ свѣтскихъ приличій, могъ придти въ такую пору.

— Здѣсь что-то кроется! — говоритъ Ева.

Но объясняться намъ нѣтъ времени: въ дверяхъ показывается совсѣмъ одѣтая Елена и, въ то же время, докладываютъ, что завтракъ поданъ.

Дамы переходятъ въ столовую.

Елена непремѣнно хочетъ посадить меня за столъ, но я упираюсь и сажусь съ моими гуслими у порога. Вскорѣ я получаю миску съ такимъ количествомъ пищи, что полдюжины украинскихъ дѣдовъ захворали бы отъ этого несвареніемъ желудка. Однако, я ѣмъ, потому что голоденъ, и во время ѣды смотрю на Елену.

Дѣйствительно, болѣе прелестной головки не найдешь ни въ какой галлерей! Сколько я ни живу, а никогда не видалъ такихъ прозрачныхъ глазъ. Въ нихъ видны всѣ мысли, какъ видно дно чистаго ручейка. Эти глаза обладаютъ еще одною особенностью: они начинаютъ смѣяться, прежде чѣмъ губы, благодаря чему лицо проясняется такъ, какъ будто на него упалъ лучъ солнца. Что за невыразимая сладость въ очертаніи губъ!... Вся головка немного во вкусъ Карло Дольче, хотя рисунокъ глазъ и губъ напоминаетъ Рафаэля въ самыхъ лучшихъ типахъ.

Я, наконецъ, перестаю ѣсть и все смотрю... до смерти бы смотрѣлъ.

— Ты вчера не была у меня, — говоритъ Елена Евѣ, — я думала, что послѣ полудня заѣдешь.

— Утромъ у меня была репетиція, а потомъ мнѣ захотѣлось увидать картину Магурскаго.

— Ты видѣла ее?

— Плохо, народу было очень много... а ты?

— Я была утромъ. Какой удивительный поэтъ! Просто хочется плакать съ этими евреями.

Ева смотритъ на меня. Я не чувствую подъ собой земли отъ удовольствія.

— Я еще нѣсколько разъ отправлюсь смотрѣть, — говоритъ Елена. — Пойдемъ вмѣстѣ, хочешь? Можетъ быть, даже сегодня? Мнѣ отраднo не только смотрѣть на эту картину, но и думать, что у насъ проявился такой талантъ.

Скажите, можно ли не поклоняться такой женщинѣ?!

Я слышу дальше:

— Жаль, что о Магурскомъ говорятъ такія странныя вещи... признаюсь тебѣ, я умираю отъ любопытства увидѣть его.

— О! — небрежно роняетъ Ева.

— Ты его знаешь? да?

— Могу тебя увѣрить, что онъ много теряетъ въ близкомъ разстояніи... самоувѣренный и пустой человекъ, совсѣмъ пустой.

Мнѣ приходитъ такая охота показать Евѣ языкъ, что я едва сдерживаюсь. А она обращаетъ ко мнѣ свои голубые глаза и ласково спрашиваетъ:

— Что же ты не гушаешь, дѣдушка?

Покажу языкъ, — не выдержу!

И затѣмъ опять говоритъ Евѣ:

— О, да! Магурскому можно удивляться, но не знакомить-

ся съ нимъ. Остшинскій чудесно опредѣлилъ его, что это душа гения въ тѣлѣ куафера.

Остшинскому я оборвалъ бы уши, еслибъ онъ сказалъ что-нибудь подобное; о Евѣ я зналъ, что на концѣ ея языка находится ядъ, но не думалъ, чтобы въ такомъ количествѣ.

Бъ счастью, завтракъ кончается.

Мы выходимъ въ садъ, гдѣ я долженъ выступить съ своими пѣснями.

Однако, это меня нѣсколько смущаетъ и я предпочиталъ бы быть у Елены въ качествѣ художника, чѣмъ дида.

Но дѣлать нечего!

Я сажусь у стѣны въ тѣни каштановъ. Сквозь широкіе ихъ листья проникаетъ солнце и образуетъ на землѣ множество ясныхъ пятенъ. Пятна эти дрожать, мигаютъ, исчезаютъ и появляются вновь, по мѣрѣ того, какъ вѣтеръ колышетъ вѣтвями. Садъ большой, глубокой, городской шумъ сюда почти не доходитъ, тѣмъ болѣе, что его заглушаетъ шумъ фонтана. Жара страшная. Между листьями слышно стрекотаніе воробьевъ, но слабое и точно сонное. Больше ничто не нарушаетъ тишину.

Я замѣчаю, что образуется чудесная картина: садъ, группы старыхъ развѣсистыхъ деревьевъ, солнечныя пятна, фонтанъ, двѣ женщины недюжинной красоты и я, дида, сидящій съ гуслями у стѣны,— все это дышетъ прелестью, которую я, какъ художникъ, хорошо понимаю.

Но на время я забываю о своей роли и начинаю съ чувствомъ пѣть. Дива растрогивается, потому что она артистка, Елена — потому что она украинка, а я потому, что онѣ обѣ такъ прелестны, что у меня сердце начинаетъ таять.

Елена слушаетъ просто, безъ искусственныхъ восторговъ, но въ ея прозрачныхъ глазахъ я вижу, что мое пѣніе доставляетъ ей истинное и чистое удовольствіе.

Что за разница съ тѣми украинками, которыя приѣзжаютъ въ Варшаву на карнавалъ и въ промежуткахъ между фигурами кадрили пилятъ кавалеровъ своею тоскою по Украинѣ, а на самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ одинъ мой знакомый, крюгами бы ни одна не дала себя вытащить изъ Варшавы въ свою Украину!

Елена слушаетъ, качаетъ въ тактъ своею изящною головой, иногда шепчетъ Евѣ: «я это знаю» и поетъ вмѣстѣ со мною, а я превосхожу самого себя. Я выгружаю изъ памяти и груди весь запасъ степнаго матеріала, развожу тоску о соко-

лахъ, Соняхъ, Марусяхъ, степяхъ, курганахъ и Богъ вѣсть еще о чемъ... Я самъ дивлюсь, откуда у меня столько набралось.

Время проходить, какъ сонъ...

Я возвратился нѣсколько усталый, но совершенно упоенный.

XV.

Въ мастерской, совершенно неожиданно для себя, я застаю супруговъ Сусловскихъ и Базю.

Они хотѣли сдѣлать мнѣ сюрпризъ...

Почему этотъ дуракъ Святецкій сказалъ имъ, что я, навѣрное, скоро вернусь?

Ни Базя, ни Сусловскіе не узнали меня. Доказательство — какъ хорошо я былъ переряженъ! Я приближаюсь къ Базѣ и беру ее за руку; Базя, немного испуганная, пятится назадъ.

— Базя, ты не узнаешь меня?—спрашиваю я.

И мнѣ хочется расхохотаться при видѣ ея изумленія.

— Да, вѣдь, это Владекъ,—поясняетъ Святецкій.

Базя хорошенько всматривается въ меня, наконецъ, начинаетъ смѣяться и восклицаетъ:

— Фу! какой гадкій дѣдъ!

Это я-то гадкій дѣдъ! Желалъ бы я знать, гдѣ она видѣла лучшаго! Но для бѣдной Базы, воспитанной на эстетическихъ воззрѣніяхъ пана Сусловскаго, всякій дѣдъ долженъ казаться гадкимъ.

На нѣсколько минутъ я скрываюсь въ нашу кухню и вскорѣ показываюсь въ своемъ натуральномъ видѣ.

Базя и ея родители начинаютъ выпытывать отъ меня, что значить этотъ маскарадъ.

— Что значить этотъ маскарадъ?... Очень простая вещь... Видите ли, мы, художники, иногда оказываемъ другъ другу товарищескія услуги въ качествѣ натурщиковъ. Вотъ, на примѣръ, Святецкій,—онъ позировалъ мнѣ для фигуры стараго жида. Ты, Базя, не узнала его на картинѣ? Я теперь позирую Ценковскому. Такой ужь обычай въ средѣ художниковъ, тѣмъ болѣе, что въ Варшавѣ мало моделей.

— Мы хотѣли сдѣлать тебѣ сюрпризъ нашимъ приходомъ,—говоритъ Базя,—къ тому же, я никогда не была въ мастерской художника. Но что за беспорядокъ! И такъ у всѣхъ живописцевъ?

— Болѣе или менѣе, болѣе или менѣе.

Панъ Сусловскій заявляетъ, что предпочиталъ бы видѣть у

меня большій порядокъ и надѣется на переѣмну къ лучшему въ будущемъ. Мнѣ ужасно хочется разбить свои гусли объ его голову. База тѣмъ временемъ кокетливо улыбается и говоритъ:

— Есть одинъ господинъ художникъ,—зачѣмъ называть его по имени?—у котораго будетъ иначе, разъ только я возьмусь за него... все будетъ разставлено въ порядкѣ, разложено, окурено.

Тутъ она поднимаетъ кверху свой вздернутый носикъ, смотритъ на фестоны паутины, украшающей углы нашей мастерской, и добавляетъ:

— Даже всякаго купца поразить такой безпорядокъ... Придетъ кто-нибудь и сразу очутится словно въ лавкѣ старьевщика. Напримѣръ, это оружіе страхъ какъ заржавѣло. А чего проще: позвать горничную, приказать ей натолочь кирпичу—и все начнетъ свѣтиться, какъ новый самоваръ.

Святые угодники! Она говоритъ о купцахъ и хочетъ чистить кирпичомъ мои кольчуги, добытыя изъ могилъ... Ахъ, База, База!

Растроганный Сусловскій цѣлуетъ ее въ лобъ, а Святецкій издаетъ звуки, напоминающіе хрюканье дикаго вепря.

База грозитъ мнѣ пальчикомъ и говоритъ дальше:

— Прошу васъ помнить, что все это переѣмнется.

И она доканчиваетъ:

— А если нѣкто не придетъ къ намъ вечеромъ, то онъ будетъ гадкій и его не будутъ любить.

Тутъ она закрываетъ глаза. Не могу сказать, чтобъ ея гримаски не были прелестны. Обѣщаюсь придти и провожаю своихъ будущихъ родственниковъ до самаго низу.

Возвратившись, я застаю Святецкаго, съ недоумѣніемъ и недоумѣріемъ разсматривающаго цѣлую пачку сторублевокъ, лежащихъ на столѣ.

— Что это такое?

— Ты не знаешь, что случилось?

— Не знаю.

— Я обокралъ одного человѣка, какъ настоящій разбойникъ.

— Какъ такъ?

— Продалъ свои трупца.

— А эти деньги?

— Да... подлый я ростовщикъ, больше ничего.

Я обнимаю Святецкаго, отъ души желаю ему всего лучшаго, а онъ начинаетъ мнѣ рассказывать, какъ все это было.

— Сижу я послѣ твоего ухода, какъ вдругъ появляется какой-то господинъ и спрашиваетъ меня, не я ли Святецкій. Я

отвѣчаю: «Любопытно знать, почему бы мнѣ и не быть Святецкимъ?» Тогда онъ говоритъ: «Я видѣлъ вашу картину и хочу ее купить». Я ему говорю: «Это очень хорошо, но позвольте мнѣ сказать, что нужно быть идиотомъ для того, чтобы купить такую подлую картину». А онъ опять: «Я,—говоритъ,—не идиотъ, но у меня есть слабость покупать картины, нарисованныя идиотами». — «Когда такъ, то хорошо»,—говорю. Онъ спрашиваетъ меня о цѣнѣ, я отвѣчаю: «А мнѣ что за дѣло?» — «Даю вамъ столько-то». — «Отлично! если можете дать, то и давайте!» Онъ отдалъ деньги и ушелъ. Карточку оставилъ,—Бялковскій, докторъ медицины... Я подлый ростовщикъ и больше ничего!

— Да здравствуютъ трупшица! Святецкій, душа моя, женись!

— Мнѣ лучше повѣситься, — говоритъ Святецкій, — подлый я ростовщикъ, ничего больше!

ХVI.

Вечеромъ я у Сусловскихъ.

Мы помѣстились оба съ Казей въ гостиной, въ нишѣ, на козеткѣ. Пани Суловская сидитъ за столомъ у лампы и шьетъ что-то для приданого Казы, а панъ Суловскій съ достоинствомъ читаетъ вечерній номеръ *Летучихъ Листковъ*.

Мнѣ какъ-то не по себѣ, хочется разогнать неприятное настроеніе и я очень близко подвигаюсь къ Казѣ.

Въ гостиной—тишина; прерываетъ ее только шепотъ Казы, которую я пытаюсь обнять и которая говоритъ мнѣ:

— Владекъ, папа увидитъ!

Въ это время папа поднимаетъ голосъ и начинаетъ читать: «Картина извѣстнаго художника Святецкаго «Последняя встрѣча» приобретена докторомъ Бялковскимъ за 1,500 рублей...»

— Да, да,—говорю я,—Святецкій продалъ ее сегодня утромъ.

При этомъ я стараюсь вновь обнять Казю и слышу ее шепотъ:

— Папа увидитъ!

Мои глаза невольно устремляются на пана Суловскаго. Вдругъ я вижу, что лицо его измѣняется; онъ прикрываетъ рукою глаза отъ свѣта и наклоняется надъ *Летучими Листками*.

Какого чорта онъ могъ найти тамъ?

— Отецъ, что съ тобою?—спрашиваетъ пани Суловская.

Онъ встаетъ, дѣлаетъ два шага къ намъ, потомъ останавливается, пронизываетъ меня взоромъ и, заломивъ руки, начинаетъ качать головой.

— Что съ вами?

— Вотъ какъ всякая фальшь и измѣна выходятъ наружу! — патетично говоритъ Сусловскій. — Читайте, милостивый государь, если стыдъ дозволить вамъ дочитать до конца.

Онъ дѣлаетъ движеніе, какъ будто бы заворачивается въ тогу и подаетъ мнѣ номеръ *Летучихъ Листковъ*. Взглядъ мой падаетъ на статью, озаглавленную: *Украинскій гусярь*. Я немного конфужусь и читаю слѣдующее:

«Нѣсколько дней тому назадъ въ нашемъ городѣ появился рѣдкій гость — старый украинскій гусярь, который ходитъ по живущимъ въ Варшавѣ украинскимъ семействамъ, прося о вспомошествованіи и распѣвая въ замѣнъ этого свои пѣсни. Говорятъ, что старымъ бардомъ въ особенности заинтересовалась наша извѣстная, симпатичная артистка, Е. А., съ которой его не дальше, какъ сегодня утромъ, видѣли въ коляскѣ. Въ первый день появленія далекаго гостя образовался странный слухъ, что подъ рубищемъ гусяря скрывается одинъ изъ нашихъ знаменитѣйшихъ художниковъ, который, такимъ образомъ, не обращая на себя вниманія мужей и родственниковъ, находитъ легкій доступъ во всѣ будуары. Съ своей стороны мы увѣрены, что слухъ этотъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, хотя бы потому, что наша дива ни въ какомъ случаѣ не согласилась бы принимать участіе въ подобныхъ предпріятіяхъ. Старичокъ, по нашимъ соображеніямъ, прибрелъ прямо изъ Украйны. Разсудкомъ онъ немного тронуть, но за то память его сохранилась превосходно...»

Вотъ муга-го!

Сусловскій такъ взволнованъ, что не можетъ выговорить ни слова, но, наконецъ, потокъ негодованія вырывается изъ его усть.

— Какую новую ложь, какую новую увертку придумаете вы для оправданія вашего поведенія? Или это не васъ возили сегодня въ столь презрѣнной одеждѣ?... Бѣто этотъ дѣдъ?

— Этотъ дѣдъ — я, — отвѣчаю, — но не понимаю, почему вы находите его одежду презрѣнной.

Въ эту минуту Базя вырываетъ изъ моей руки номеръ *Летучихъ Листковъ* и начинаетъ его читать. Сусловскій еще плотнѣй заворачивается въ тогу негодованія и продолжаетъ:

— Едва переступивъ порогъ честнаго дома, вы вносите съ собою растлѣніе: еще не будучи мужемъ этого несчастнаго ребенка, вы измѣняете ей въ сообществѣ съ женщиной легкаго поведенія, топчете въ грязь наши упованія и нарушаете святую иро-

изнесеннаго вами объѣта... И для кого? Для театральнаго гетеры?!

Тутъ меня охватываетъ страшная злоба.

— Довольно,—говорю я.—Эта гетера стоить дороже десятка такихъ фальшивыхъ Катоновъ, какъ вы... Мы съ вами пока еще ничѣмъ не связаны, и знайте, что вы мнѣ ужасно надѣли. Я по горло насытился и вашими пафосомъ, и вашими...

У меня не хватаетъ словъ, да, наконецъ, они и не нужны, потому что Сусловскій вдругъ разстегиваетъ воротъ рубашки, какъ будто бы желая сказать:

— Рази! я не прошу пощады,—вотъ грудь моя...

Но я и не думаю разить. Я только довожу до общаго свѣдѣнiя, что собираюсь уходить изъ опасенiя наговорить еще чего-нибудь пану Сусловскому.

И, дѣйствительно, я ухожу, не прощаясь ни съ кѣмъ.

Свѣжій воздухъ охлаждаетъ мою разгоряченную голову.

Ночь чудесная; девять часовъ вечера.

Мнѣ необходимо пройтись, чтобъ окончательно успокоиться, и я бѣгу въ Бельведерскiя аллеи.

Огня въ виллѣ Елены темны. Очевидно, ея нѣтъ дома. Не знаю почему, это обстоятельство до крайности огорчаетъ меня...

Еслибъ я увидалъ хоть силуэтъ ея на шторѣ, я успокоился бы, а теперь мною овладѣваетъ новый припадокъ злобы...

Что я съ этимъ Остшинскимъ сдѣлаю при первой встрѣчѣ — и самъ не знаю...

Къ счастью, онъ не изъ такихъ, которые уклоняются отъ отвѣта.

Только, собственно говоря, за что я придерусь къ нему? Статья написана съ адскою ловкостью. Вѣдь, Остшинскiй противорѣчить мнѣнiю, что дѣдъ—никто иной, какъ переодѣтый художникъ, какъ будто бы защищаетъ Еву, и, виѣсть съ тѣмъ, очевидно старается скомпрометировать ее въ глазахъ Елены, мститъ мнѣ за Казю и, въ концѣ-концовъ, подвергаетъ меня посмѣянiю.

Хоть бы онъ, черти-бъ его взяли, не писалъ, что я тронуть умомъ! Свершилось... Въ глазахъ Елены я поставленъ въ безвыходно-смѣшное положенiе.

Она постоянно читаетъ *Летучiе Листки*.

Ай, ай! что за гадость и какой прiятный сюрпризъ для Евы! Какъ теперь, поди, Остшинскiй торжествуетъ! Нужно что-нибудь сдѣлать; но если я знаю что, то пусть на всю жизнь останусь репортеромъ *Летучихъ Листковъ*.

Мнѣ приходитъ въ голову посоветоваться съ Евой. Она се-

годня играетъ... Побѣгу въ театръ и увижусь съ ней послѣ окончанія пьесы.

Времени еще довольноно.

Черезъ полчаса я уже въ ея уборной.

Ева сейчасъ кончитъ, а пока я оглядываюсь по сторонамъ.

Наши театры, какъ извѣстно, не отличаются роскошью обстановки. Комната съ голыми оштукатуренными стѣнами, два газовыхъ рожка, зеркало, умывальникъ, нѣсколько стульевъ, въ углу кушетка (вѣроятно, частная собственность Евы)—вотъ и вся ея уборная... Передъ зеркаломъ множество туалетныхъ принадлежностей, недопитая чашка черного кофе, коробка съ румянами и бѣлилами, карандаши для бровей, нѣсколько паръ перчатокъ, еще сохранившихъ форму руки, посреди нихъ два парика; на боковой стѣнѣ рядъ платьевъ—бѣлыхъ, розовыхъ, темныхъ, легкихъ и тяжелыхъ; на полу стоятъ двѣ корзины съ разными разностями. Комната пропитана запахомъ орizes и пудры. Что за пестрота повсюду, какъ тутъ все разбросано, сколько красокъ, сколько отблесковъ, сколько тѣней и игры свѣта при колеблющемся пламени газовыхъ рожковъ!

Это картина своего рода, здѣсь есть характеръ... Въ концѣ-концовъ, здѣсь ничего нѣтъ, чего не было бы въ любой дамской уборной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть что-то, производящее впечатлѣнiе не простой уборной, а какого-то убѣжища, чувствуется влiенiе невидимаго очарованiя... Надъ этимъ безпорядкомъ, пестротой, между этими ободранными стѣнами носится дыханiе искусства.

Слышенъ взрывъ рукоплесканiй. А, конецъ! Черезъ стѣны до меня доходятъ крики: «Адами! Адами!» Проходитъ четверть часа, а тамъ все еще кричатъ.

Наконецъ, вбѣгаетъ Ева въ образѣ «Теодоры»...

На головѣ у ней корона, глаза подведены, щеки пылаютъ огнемъ. Распушенные ея волосы какъ морская волна спадаютъ на обнаженную шею и руки. Она взволнована и утомлена до такой степени, что говорить мнѣ еле слышнымъ голосомъ: «какъ поживаешь, Владекъ?» и, поспѣшно снявъ корону, кидается въ своемъ королевскомъ одѣянiи на кушетку. Очевидно, она не можетъ вымолвить ни слова, потому что смотритъ на меня молча, какъ измученная птица... Я сажусь около нея, гладу ей руку на лобъ и не думаю ни о чемъ, кромѣ нея...

Я вижу въ этихъ подведенныхъ глазахъ неостывшiй еще огонь увлеченiя, вижу на этомъ лбу печать искусства, вижу, какъ эта дѣвушка приноситъ въ жертву театральному Молоху кровь, здо-

ровье, жизнь, какъ грудь ея задыхается отъ недостатка воздуха— и меня охватываетъ такое сожалѣніе, такое сочувствіе, что я не знаю, какъ мнѣ дальше поступать...

Мы сидимъ нѣсколько минутъ не говоря ни слова, наконецъ, Ева указываетъ на нумеръ *Летучихъ Листковъ*, лежащій на туалетѣ, и шепчетъ:

— Какъ это непріятно, какъ непріятно!

Вдругъ она раздражается нервнымъ рыданіемъ и дрожить, какъ листъ.

Я хорошо знаю, что она рыдаетъ отъ утомленія, а не по поводу *Летучихъ Листковъ*, что эта статья такой пустякъ, о которомъ всѣ завтра забудутъ, Остшинскій не стоитъ одной слезы Евы, но, несмотря на все это, сердце мое начинаетъ сжиматься все сильнѣй и сильнѣй. Я схватываю ея руки и покрываю ихъ поцѣлуями, грѣю ихъ, прижимаю къ груди. Сердце мое начинаетъ отчаянно биться, со мной совершается что-то странное. Не сознавая самъ, для чего, я опускаюсь на колѣни передъ Евой, какое-то облако затемняетъ мнѣ глаза и вдругъ я безъ памяти обнимаю ее.

— Владежь, Владежь, сжался!—шепчетъ Ева.

Но я крѣпче прижимаю ее къ своей взволнованной груди, я не сознаю уже ничего, я потерялъ сознание... Я цѣлую ея лобъ, глаза, губы и могу выговорить только одно слово:

— Люблю тебя! люблю!...

Въ это время головка Евы закидывается назадъ, руки ея лихорадочно обнимаютъ мою шею и я слышу шепотъ:

— Я тебя давно люблю!...

XVII.

Если для меня на всемъ свѣтѣ есть болѣе дорогое созданіе, чѣмъ Ева, то я самый ужасный негодяй.

Говорятъ, что мы, артисты, дѣлаемъ все подъ впечатлѣніемъ минуты, но въ данномъ случаѣ это неправда: оказывается, что я давно любилъ Еву, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ такимъ осломъ, что не зналъ объ этомъ.

Одинъ Богъ знаетъ, что было со мной, когда я провожалъ ее въ этотъ вечеръ домой... Мы шли подъ руку, не говоря другъ другу ни слова... Только я прижималъ иногда къ груди руку Евы, а она— мою. Я чувствовалъ, что она любитъ меня всею душой...

Проводилъ я ее на лѣстницу и когда мы очутились въ ея ма-

ленькой гостиной, намъ стало такъ неловко, что мы не смѣли посмотрѣть въ глаза другъ другу. Только когда Ева закрыла лицо руками, я оторвалъ ей руку и тихо спросилъ: «Ева, ты моя? правда?» Она прижалась ко мнѣ.

— Да, да!...

Она была такъ прелестна, въ ея блестящихъ глазахъ виднѣлась такая истома, что я не могъ оторваться отъ нея.

Правда, и она не могла оторваться отъ меня, какъ будто бы хотѣла вознаградить себя за долгое молчаніе и затаенное чувство.

Возвратился я домой поздно. Святецкій не спалъ. Онъ рисовалъ при лампѣ для какого-то иллюстрированного журнала.

— Тутъ письмо къ тебѣ, — говоритъ онъ, не отрывая глазъ отъ работы.

Я беру письмо и нащупываю сквозь конвертъ кольцо. Отлично! Оно пригодится мнѣ завтра. Распечатываю и читаю слѣдующее:

«Думаю, что возвращеніе кольца доставитъ вамъ удовольствіе, потому что вы, видимо, и рассчитывали на это. Что касается меня, то я не имѣю желанія соперничать съ актрисами. Ж.»

По крайней мѣрѣ, коротко!

Письмо это дышетъ гнѣвомъ, и только однимъ гнѣвомъ.

Если какая-нибудь тѣнь очарованія окружала еще Казю въ моихъ глазахъ, то тѣнь эта разсѣялась безповоротно.

Странное дѣло: всѣ предполагаютъ, что главною причиною моего переодѣванія и дальнѣйшихъ похожденій была Ева. И, дѣйствительно, Ева будетъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ томъ, что свершится въ будущемъ.

Я вонкаю письмо, засовываю его въ карманъ и иду спать... Святецкій отрываетъ глаза отъ работы и смотритъ на меня въ ожиданіи, не скажу ли я чего-нибудь, но я молчу.

— Послѣ театра былъ здѣсь подлецъ Остшинскій, — говоритъ Святецкій.

XVIII.

На утро въ десять часовъ я хочу летѣть къ Евѣ, но нельзя: у меня гости.

Приходитъ баронъ Картофлеръ и заявляетъ о своемъ желаніи имѣть дупликатъ моихъ «Евреевъ». Даетъ мнѣ полторы тысячи рублей, я требую двѣ. Дѣло оканчивается по-моему.

Послѣ его ухода получаю отъ Танценберга предложеніе написать два портрета. Святецкій (онъ антисемитъ) называетъ меня

самого жидомъ, но желалъ бы я знать, кто пріобрѣтаетъ у насъ произведенія искусства, какъ не «финансы»? Если же «финансы» боятся трупищей Святецкаго, то ужъ это не моя вина.

Въ Евѣ я прихожу только въ часъ, отдаю ей кольцо и объявляю, что послѣ свадьбы мы уѣзжаемъ въ Римъ.

Ева соглашается съ радостью, и насколько мы вчера молчали, настолько сегодня разговорчивы.

Я говорю ей о сегодняшнихъ предложеніяхъ и мы радуемся вмѣстѣ. Портреты я закончу здѣсь, а евреевъ для Картофлера буду писать въ Римѣ. Потомъ мы возвратимся въ Варшаву, устроимъ мастерскую и будемъ жить, какъ въ раю.

Составляя всѣ эти проекты, я клянусь Евѣ, что годовщину вчерашняго дня мы будемъ праздновать всю нашу жизнь. Но она прячетъ голову на моей груди и проситъ, чтобъ я объ этомъ ничего не говорилъ. Потомъ она обвиваетъ мнѣ шею расшитыми рукавами своего утренняго капота и называетъ своимъ великимъ человѣкомъ. Она блѣднѣе, чѣмъ обыкновенно, но вся сіяетъ радостью.

О! какимъ я былъ осломъ, что, зная такую женщину, искалъ счастья въ другомъ мѣстѣ, въ сферѣ, которая была мнѣ чужда и въ которой я чувствовалъ себя чужимъ!

Какъ у Евы, однако, сильны актерскія привычки! Она тотчасъ же проникается своимъ положеніемъ и невольно до нѣкоторой степени играетъ роль молодой и счастливой невѣсты. Но я не ставлю это въ вину дорогому существу, которое столько лѣтъ провело на театральныхъ подмосткахъ.

Послѣ обѣда мы ѣдемъ къ Еленѣ Болчановской.

Съ минуты, когда Ева можетъ представить меня, какъ своего жениха, продѣлка съ дѣдомъ получаетъ самое невинное значеніе и не можетъ служить предметомъ недоразумѣнія между дамами. Елена, узнавъ объ этомъ, принимаетъ насъ съ распростертыми объятіями и совершенно счастлива счастіемъ Евы. Мы смѣемся, какъ школьники надъ «дидомъ», надъ тѣмъ, что «дидъ» долженъ былъ выслушивать о художникѣ Магурскомъ. Вчера я хотѣлъ убить Остшинскаго, сегодня мы удивляемся его остроумію.

Елена смѣется такъ, что ея прозрачные глаза наполняются слезами (кстати, сегодня она еще прелестнѣе). Когда, въ концѣ нашего посѣщенія, она наклоняетъ головку, я не могу оторвать отъ нея глазъ, да и Ева до такой степени подчиняется влиянію ея очарованія, что потомъ въ теченіе цѣлаго дня безсознательно подражаетъ этому взгляду и этому наклоненію головы.

Мы условливаемся, что по возвращеніи изъ-за границы я буду писать портретъ Елены, но раньше напишу портретъ Евы, если только съумѣю перенести на полотно ея тонкія черты и лицо—настолько выразительное, что каждое впечатлѣніе отражается на немъ, какъ облачко въ ясной водѣ.

Но я съумѣю, да и почему бы мнѣ не съумѣть?

XIX.

Вечеромъ *Летучіе Листки* разглашаютъ баснословные слухи о предложеніяхъ, которыя я получилъ.

Доходы мои исчисляются десятками тысячъ.

Можетъ быть, этимъ отчасти я могу объяснить полученіе письма, въ которомъ Базя говоритъ, что отослала свое кольцо подъ влияніемъ гнѣва и ревности; но если бы я пришелъ и мы вмѣстѣ упали бы къ ногамъ родителей, родители, можетъ быть, и простили бы насъ.

Довольно съ меня этихъ колѣнопреклоненій и этихъ прощеній! Я не отвѣчалъ ничего. Пусть къ ихъ ногамъ падаетъ, кто хочетъ, а Базя пусть выходитъ за Остшинскаго: мнѣ довольно моей Евы.

Однако, мое молчаніе приводитъ семью Сусловскихъ въ тревогу: нѣсколько дней спустя приходитъ тотъ же самый посланецъ съ письмомъ Базы, но на этотъ разъ уже къ Святецкому.

Святецкій показываетъ мнѣ письмо. Базя проситъ его придти на минуту, для совѣщанія по дѣлу, отъ котораго зависитъ все ея будущее, далѣе разсчитываетъ на его сердце, на его прямодушіе, которое она подмѣтила въ немъ съ перваго взгляда, и надѣется, что Святецкій не откажетъ просьбѣ несчастной женщины. Святецкій ругается, ворчитъ себѣ подъ носъ что-то о подлыхъ филистерахъ, о необходимости перевѣшать ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ будущимъ потомствомъ, но, все-таки, идетъ.

Я догадываюсь, что на меня хотятъ вліять черезъ него.

XX.

Святецкій, въ сущности, человѣкъ мягкосердечный, очевидно, совсѣмъ покоренъ.

Цѣлую недѣлю онъ ходитъ къ Сусловскимъ каждый день, а со вчерашняго дня обходитъ меня стороной и поглядываетъ изподлобья, словно волкъ.

Наконецъ, за чаемъ онъ сердито спрашиваетъ меня:

- Слушай, что ты намѣренъ сдѣлать съ этою дѣвушкой?
- Съ какою дѣвушкой?
- Съ Сусловской, что ли, или какъ ее тамъ...
- Ничего я не думаю дѣлать съ Сусловской или какъ ее тамъ...

Наступаетъ минута молчанія, потомъ Сусловскій снова говоритъ:

- Она по цѣлымъ днямъ реветъ, просто смотрѣть жалко... Что за добрая душа!
- Въ это время и въ голосѣ Святецкаго слышится волненіе, но онъ кричитъ, какъ носорогъ, и прибавляетъ:
- Порядочный человѣкъ такъ не поступаетъ.
- Святецкій, ты начинаешь напоминать мнѣ пана Сусловскаго!
- Можетъ быть... я предпочитаю напоминать Сусловскаго, чѣмъ оскорблять его дочь.

— Прошу тебя, отвяжись ты отъ меня.

— Хорошо, я могу даже вовсе не знать тебя.

На томъ наша бесѣда кончается и съ той минуты мы съ Святецкимъ не разговариваемъ.

Мы притворяемся, что не знаемъ другъ друга. Это тѣмъ забавнѣй, что живемъ мы съ нимъ вмѣстѣ, вмѣстѣ пьемъ чай и ни одному изъ насъ не приходитъ въ голову мысль выбраться изъ мастерской.

День моей свадьбы съ Евой приближается.

При помощи *Летучихъ Листковъ* вся Варшава знаетъ объ этомъ. Всѣ на насъ смотрятъ, въ особенности удивляются Евѣ. Богда мы были на выставкѣ, насъ окружили такъ, что мы едва могли протолкаться сквозь толпу.

Моя незнакомая доброжелательница снова присылаетъ мнѣ анонимное письмо, въ которомъ предостерегаетъ меня, что Ева не можетъ быть подходящею женой такого человѣка, какъ я...

«Не вѣрю тому, что говорятъ объ отношеніяхъ панны Адамы къ пану Остшиньскому (пишетъ моя доброжелательница), но вамъ, маэстро, нужна жена, которая посвятила бы себя всецѣло вашей славѣ и величію, а панна Адама сама артистка и всегда будетъ похищать у васъ лавры...»

Святецкій все ходитъ къ Сусловскимъ, но теперь уже, очевидно, въ качествѣ утѣшителя, потому что Сусловскіе должны знать о моихъ намѣреніяхъ.

Я выхлопоталъ Евѣ у театральной дирекціи неограниченный отпускъ. Ева начинаетъ причесываться, какъ сельская дѣвушка, одѣвается очень скромно и носить платья съ высокимъ лифомъ.

Все это очень идетъ къ ней. Сцена въ уборной ни разу не повторялась. Ева не позволяетъ! Самое большее, на что я имѣю право, это цѣловать ея руки. Это меня приводитъ въ страшное нетерпѣніе, но я утѣшаю себя мыслью, что когда-нибудь...

Любить она меня безъ памяти. Цѣлые дни мы проводимъ вмѣстѣ. Я началъ учить ее рисованію. Дѣло идетъ на ладъ, живопись ее необыкновенно интересуеть.

XXI.

Зевсъ громовержецъ, на что ты смотришь съ вершины Олимпа? Творятся вещи, о которыхъ не снилось ни одному мудрецу.

Наканунѣ моей свадьбы приходитъ Святецкій, толкаетъ меня локтемъ и, отворачивая въ сторону свою взъерошенную голову, угрюмо говоритъ:

— Владежъ... знаешь, я замышляю злодѣяніе.

— Наконецъ-то заговорилъ, — отвѣчаю я. — Какое злодѣяніе? Святецкій смотритъ въ землю и говоритъ какъ будто съ самимъ собою:

— Чтобы такой пьяница, какъ я, такой идіотъ безъ таланта, такой моральный и физическій банкротъ женился на дѣвушкѣ, подобной Казѣ, — это настоящее злодѣяніе!

Я ушамъ своимъ не вѣрю, но бросаюсь на шею Святецкаго, не обращая вниманія на то, что онъ меня отталкиваетъ.

Свадьба его черезъ два дня.

XXII.

Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ, мы съ Евой получаемъ великолѣпную карточку, приглашающую насъ на бракосочетаніе пана Остшиньскаго съ пани Еленой Турко, *primo voto* Болчановской.

Мы не можемъ ѣхать, потому что здоровье Евы не позволяетъ.

Ева цѣлый день рисуетъ и дѣлаетъ огромные успѣхи. Я получилъ медаль въ Пештѣ. Какой-то бродатскій богачъ купилъ мою картину. Кромѣ того, у меня завязались сношенія съ Гупилемъ..

XXIII.

Въ Веронѣ у насъ родился сынъ.

Ева говоритъ, что такого ребенка никогда не видала. Дѣйствительно, необыкновенный ребенокъ!...

XXIV.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мы въ Варшавѣ.

Я устроилъ великолѣпную мастерскую.

Остшинскихъ мы посѣщаемъ довольно часто.

Онъ продалъ *Летучіе Листки* и состоитъ теперь «президентомъ общества распространенія ячменной каши среди рабочихъ, не имѣющихъ занятія». Ничто не можетъ дать понятія о его великолѣпнн и объ окружающемъ его уваженіи. Меня онъ треплетъ по плечу и говорить: «ну, благодѣтель!» Онъ покровительствуетъ литературнымъ талантамъ и принимаетъ по середамъ.

Она прелестна, какъ мечта.

Дѣтей у нихъ нѣтъ.

XXV.

Помогите, умираю отъ смѣха!...

Пріѣхали изъ Парижа Святецкіе. Она играетъ роль жены артиста изъ золотой богемы; онъ носитъ шелковыя рубашки, чолку и бороду клинушкомъ... Я все понимаю, понимаю, что она могла справиться съ его привычками, характеромъ, но какъ справилась она съ его волосами, это останется для меня вѣчною загадкой.

Святецкій не пересталъ писать трупища, но пишетъ также и картины изъ сельской жизни. Онъ пользуется большимъ успѣхомъ. Портреты ему не удаются, — все выходитъ какой-то трупный цвѣтъ лица.

Спрашивалъ я его, по старой дружбѣ, счастливъ ли онъ съ женой. Отвѣчаетъ, что никогда и не мечталъ о подобномъ счастьѣ. Признаюсь, Базя обманула мои ожиданія въ благопріятномъ смыслѣ.

И я былъ бы вполне счастливъ, еслибъ нервы моей жены не были такъ разстроены. Я даже слышалъ однажды ночью, какъ бѣдняжка плакала. Я знаю, что это такое! Она тоскуетъ по театру. Молчитъ, но тоскуетъ...

Началъ рисовать портретъ пани Остшиньской. Ей-Богу, что это за женщина! Даже страхъ передъ Остшинскимъ не удержалъ бы меня... И еслибъ не моя любовь къ Евѣ, то, право, не знаю... Но я ужасно люблю Еву, ужасно!

В. Л.

НА ГРАНИЦЪ ЧЕЛОВѢКА.

(Естественно-историческій очеркъ).

I.

Молодые Зерновы должны были лѣто провести врознь. Она уѣзжала въ Италію повидаться съ больнымъ братомъ, да кстати разсѣяться; онъ, удерживаемый своими конторскими и газетными занятіями, оставался въ городѣ. Въ день отъѣзда оба были взволнованы, но не грустны,—каждый изъ нихъ былъ спокоенъ за другаго. Онъ въ сотый разъ повторялъ, чтобъ она побольше писала; она дѣлала разныя домашнія распоряженія и самое главное—относительно дачи.

— Непремѣнно переселись на дачу,—повторяла она.

Онъ утвердительно кивалъ головой.

— Выбери самую тихую, красивую, поэтическую!—полушутя, полусерьезно говорила она.

Но это было, въ то же время, и его желаніе.

— И непременно оканчивай поэму!—уже строгимъ тономъ приказывала она.

Онъ торжественно клялся, что поэма будетъ готова, и въ подтвержденіе клятвы цѣловалъ жену.

Наконецъ, они разстались, взволнованные, но съ веселыми лицами.

Когда дымъ паровоза растаялъ за лѣсомъ, Зерновъ отправился домой и рѣшилъ немедленно уѣхать за городъ искать дачу. Чувство энергіи овладѣло всѣмъ его существомъ и онъ быстро шелъ. Его поэма была первымъ трудомъ, которымъ онъ хотѣлъ, такъ сказать, дебютировать на большой сценѣ. Работая мелочи въ мѣстной газетѣ, онъ все негазетное прочитывалъ только въ тѣсномъ кружкѣ друзей, и всѣ предсказывали ему свѣтлое буду-

щее. Жена мечтала съ нимъ и воодушевляла его; самъ онъ такъ же вѣрилъ въ себя. Но теперь, послѣ того, какъ онъ въ послѣдній разъ пожалъ ея руку, протянутую изъ окна вагона, увѣренность его въ себѣ возросла въ той же мѣрѣ, какъ и любовь къ уѣхавшей.

Съ вокзала онъ не зашелъ домой, а прямо отправился въ контору аукціонернаго общества, гдѣ служилъ, взялъ тамъ отпущку на одинъ день и уѣхалъ за городъ.

Конечно, по-настоящему ему слѣдовало бы отправиться если не въ Неаполь, то, по крайней мѣрѣ, къ черкесамъ или лезгинамъ, — всѣ поэты должны видѣть черкесовъ, потому что на дачѣ можно увидать только мужиковъ, а написать поэмѣ «изъ мужиковъ» совсѣмъ неразумительно. Но Зерновъ былъ человѣкъ зависимый, очень расчетливый и могъ позволить себѣ только дешевую дачу въ трехъ верстахъ отъ города. И не дачу собственно надо было ему, а мирный уголокъ природы, гдѣ бы онъ могъ проводить вечеръ и ночь.

Онъ объѣздилъ всѣ окрестности и, наконецъ, отыскалъ все, чего хотѣлъ. Это было дикое мѣсто на крутомъ берегу рѣки, съ котораго открывался чудесный видъ; кругомъ тишина и полное безлюдье; дача, правда, представляла собою совершенную развалину; гдѣ давно никто не жилъ; но за то стоила она дешево, окрестности же ея могли привести въ восторгъ всякую поэтическую душу, не лишнюю, впрочемъ, здраваго смысла.

На другой день, послѣ занятій и обѣда, Зерновъ уже переселился на дешевое лоно природы. На скорую руку онъ разбѣстилъ свое имущество въ затхлыхъ комнатахъ, поспѣшилъ выйти за дверь и принялся бродить по окрестностямъ, съ интересомъ все осматривая.

Чудесные здѣсь были берега. Спускаясь крутыми стѣнами къ рѣкѣ, они во многихъ мѣстахъ прорѣзывались глубокими оврагами, узкими и мрачными, какъ огромныя трубы. Трубы эти проложила весенняя вода. Она же, бушующая здѣсь въ апрѣлѣ, произвела полнѣйшее замѣшательство въ неподвижныхъ рядахъ дубовъ и вленовъ; одни она повалила на-земь и заставила ихъ ползати среди кустовъ шиповника чуть живыми; другіе подъ ея напоромъ наклонились всею массой своихъ стволовъ и вѣтвей кънизу и заглядывали въ глубину темныхъ овраговъ; для третьихъ по отвѣсной стѣнѣ она устроила всякія террасы и они росли какъ бы въ воздухѣ. Мѣстами же, особенно сильнымъ напоромъ, она оторвала цѣлую площадь берега, сбросила его съ высоты внизъ

къ рѣкѣ вмѣстѣ съ лѣсомъ, но не тронула ни одного листа съ короны дубовъ, не изломала ни одной вѣтки, и они продолжали на новомъ мѣстѣ стоять и расти, какъ будто ничего не случилось.

Съ волненіемъ человѣка, привыкшаго къ голымъ стѣнамъ конторы, Зерновъ осматрѣлъ все это, нѣсколько разъ спускался по тропинкамъ овраговъ къ водѣ, карабкался по висячимъ садамъ, пока не усталъ. Тогда онъ сѣлъ на одномъ уступѣ и оглядѣлъ широкій горизонтъ луговой стороны. Вечеръ выдался тихій и теплый; рѣка застыла, какъ зеркало. Бросивъ вдругъ взглядъ на это необъятное зеркало, Зерновъ онѣмѣлъ отъ восторга: прямо подъ нимъ, въ бездонной глубинѣ рѣки, плыли тучки на синемъ фонѣ, возлѣ нихъ, но еще, казалось, глубже, видѣлся серпъ луны, возлѣ луны стояла баржа, а ближе къ берегу со дна рѣки поднимались скалы, на которыхъ у самой поверхности воды зеленѣлъ лѣсъ, только скалы и лѣсъ, и баржа опрокинута была тамъ внизъ вершинами. Тамъ же, подъ деревомъ на уступѣ, сидѣлъ какой-то прекрасный молодой человѣкъ въ сѣрой шляпѣ и съ радостью смотрѣлъ на Зернова, какъ бы приглашая его къ себѣ, туда, на дно бездны, гдѣ плаваютъ тучки и видѣтся блѣдный серпъ луны...

Долго и съ восторгомъ Зерновъ вглядывался въ этотъ волшебный міръ. Впрочемъ, черезъ нѣкоторое время въ немъ заговорилъ художникъ, восторгъ его исчезъ, осталось только желаніе ни одну мелочь не упустить изъ картины и схватить ее въ такомъ именно видѣ, въ какомъ она открылась ему, причемъ онъ уже обдумывалъ, въ какое мѣсто поэмы лучше помѣстить ее. Такъ онъ просидѣлъ до поздняго вечера и уже не обращалъ вниманія ни на что окружающее, весь отдавшись созерцанію тѣхъ внутреннихъ картинъ, которыя хранились въ немъ и которыя онъ долженъ написать, а когда возвращался съ берега въ комнаты, то былъ въ необыкновенно счастливомъ расположеніи духа.

Къ сожалѣнію, въ самомъ непродолжительномъ времени его восторженное настроеніе, вызванное лономъ природы, должно было прекратиться. Едва онъ потушилъ лампу и легъ въ постель, какъ почувствовалъ неопредѣленную тревогу во всемъ тѣлѣ; однако, обладая твердымъ характеромъ, сначала онъ не придалъ этому ни малѣйшаго значенія и продолжалъ спокойно лежать, припоминая всѣ прелести своей дачи. Но вдругъ на его лицо шлепнулось что-то холодное и скользкое; онъ въ ужасѣ вскочилъ съ постели, закричалъ благимъ матомъ и принялся шарить спички; когда, послѣ торопливыхъ поисковъ, лампа зажже-

на, онъ со страхомъ оглядѣлъ комнату и убѣдился, что вмѣстѣ съ нимъ дачу занимають нѣсколько лягушекъ. Съ ожесточеніемъ, понятнымъ для каждаго дачника, онъ выгналъ гадкихъ тварей и только тогда улегся на кровать, когда увѣрился, что достаточно гарантированъ отъ пресмыкающихся.

Но успокоиться ему не удалось въ эту ночь, ибо на лонѣ природы кишать многочисленныя кровопійцы. Пока онъ выгонялъ лягушекъ, свѣтъ лампы привлечь въ комнату тучи комаровъ, которые безжалостно, съ воемъ и плачемъ, напали на свѣжаго человѣка. Только закрывшись съ головой одѣяломъ, онъ могъ временно спастись. Но, лежа подъ одѣяломъ, онъ снова почувствовалъ неопредѣленную тревогу во всемъ тѣлѣ; сначала онъ ободрялъ себя и старался отвлечь свои мысли въ другую сторону, причемъ припоминалъ всѣ прелести дачной жизни, но, наконецъ, упалъ духомъ и сталъ раздражаться, тѣмъ болѣе, что неопредѣленная тревога скоро перешла въ очень опредѣленное представление о жгучихъ клопахъ и блохахъ. Нѣсколько разъ онъ вскакивалъ съ постели, бѣшено вытряхалъ одѣяло и простыни, но кровопійцы послѣ этихъ операцій, казалось, съ болѣею жадностью нападали на несчастнаго человѣка. Въ концѣ-концовъ, онъ изнемогъ, предался покорно на полную волю побѣдителей и лишь продолжалъ непрерывно вертѣться на кровати, какъ мельничный валъ. Состояніе его духа было такого рода, что онъ проклиналъ не только дачу, но и всѣ ея окрестности.

Уже подъ утро онъ въ изнеможеніи заснулъ тревожнымъ сномъ. Но и здѣсь новое несчастіе ожидало его. Когда поднялось солнце и заглянуло въ окна дачи, проснулись мухи и облѣпили его лицо; такимъ образомъ, онъ окончательно долженъ былъ отказаться отъ отдыха. Онъ торопливо одѣлся и бросился вонъ изъ душныхъ комнатъ.

Солнце только что поднялось надъ сосѣднимъ лѣсомъ и не успѣло еще осушить росы на травѣ. Надъ рѣкой клубились волны тумана, закрывая бѣлою пеленой овраги берега; но возвышенныя мѣста, гдѣ именно стояла дача, были уже открыты. Эти мѣста показались теперь Зернову въ высшей степени безобразными, какъ все, чѣмъ онъ вчера восхищался.

Въ самомъ дѣлѣ, прямо передъ нимъ, почти отъ самой двери его развалины начинались ямы и тянулись на далекое разстояніе отъ берега. Нѣкогда здѣсь, вѣроятно, добывали глину, но, давно заброшенные, эти ямы теперь безобразили всю мѣстность. Возлѣ нихъ росла рѣдкая и черная трава, желтая глина буграми по-

крывала все пространство; внутри нѣкоторыя ямы завалены были соромъ и навозомъ, другія оставались пустыми. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ чернѣли отверстія какихъ-то норъ.

Едва Зерновъ обратилъ на это вниманіе, какъ изъ одной норы, находящейся на днѣ ближайшей ямы, выползъ на брюхѣ какой-то субъектъ, приподнялся, выпрыгнулъ изъ ямы и сталъ спускаться по тропинкѣ къ рѣкѣ. Онъ былъ почти голый, если не считать нѣсколькихъ лоскутковъ за штаны и нѣсколькихъ лоскутковъ за рубаху. Не успѣлъ Зерновъ оправиться отъ изумленія, какъ изъ другой норы выползъ еще такой же субъектъ, и также голый. Тотъ, однако, не тотчасъ выпрыгнулъ изъ ямы, а сначала протеръ кулаками глаза и нѣсколько разъ запустилъ пятерни въ спутанную гриву, торчавшую у него на головѣ, но потомъ и онъ ушелъ внизъ къ рѣкѣ.

Зерновъ остолбенѣлъ и уже со страхомъ сталъ вглядываться въ другія ямы, гдѣ чернѣли норы, ожидая, что и оттуда вотъ сейчасъ поползутъ человѣкоподобныя субъекты, но, къ его счастью, никто больше не появлялся. Онъ простоялъ на одномъ мѣстѣ съ полчаса, затѣмъ возвратился въ комнаты, тщательно заперъ ихъ и отправился прямо въ городъ, бросивъ намѣреніе выкупаться и напиться чаю.

Состояніе его было близко къ столбняку. Безсонная ночь сдѣлала его какимъ-то разслабленнымъ,—онъ съ трудомъ и неохотой передвигалъ ноги. Въ головѣ же его образовался нелѣпный сумбуръ; блохи, лягушки, клопы, небо на днѣ рѣки, голые субъекты, норы въ ямахъ,—все это въ глупомъ безпорядкѣ наполняло его усталый мозгъ. Для него ясно было только одно ощущеніе: ужасъ при воспоминаніи о нанятомъ имъ лоно природы.

II.

Однако, послѣ нѣсколькихъ часовъ обычныхъ занятій, онъ пришелъ въ себя и пообедалъ уже въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. А послѣ обѣда проведенную ночь онъ сталъ разсматривать уже прямо съ комической стороны и собрался немедленно идти на свою дачу.

Только предварительно онъ зашелъ въ нѣсколько лавокъ и закупилъ въ большомъ количествѣ разныя смертоносныя и оборонительныя орудія: карточки мухоморъ, марлю, персидскій порошокъ и проч. То же самое въ эту минуту онъ посовѣтовалъ бы сдѣлать всякому, отправляющемуся на лоно природы, въ особен-

ности въ дальнія мѣста, по деревнямъ,—непремѣнно запастись орудіями для борьбы съ кровопійцами.

Дорога окончательно освѣтила его. Бодро онъ дошелъ до своей развалины и сейчасъ же принялся превращать обѣ комнаты въ укрѣпленный лагерь; окна забаррикадировалъ марлей, постель густо посыпалъ порошкомъ, отравилъ воду на блюдечкахъ; затѣмъ сдѣлалъ нѣсколько рекогносцировокъ подъ кровать и подъ стулья, гдѣ лягушки могли устроить засаду, и, только когда убѣдился въ удовлетворительномъ состояніи своихъ оборонительныхъ средствъ, вышелъ гулять.

Нѣтъ, не гулять. Съ самаго утра до этой послѣдней минуты, что онъ только ни дѣлалъ и о чемъ ни думалъ, его не покидала тревожная мысль о голыхъ субъектахъ, которыхъ онъ увидалъ въ это утро. Во-первыхъ, его тревожило это близкое сосѣдство невѣдомыхъ существъ; во-вторыхъ, въ немъ задѣто было въ сильной степени любопытство.

Сойдя съ крыльца, онъ прямо отправился къ ямамъ и надѣялся встрѣтить тамъ ихъ обитателей. Но кругомъ, насколько могъ охватить его взоръ, не видно было ни души. Тогда, не долго думая, онъ съ тревожнымъ любопытствомъ принялся изслѣдовать ямы, въ которыхъ виднѣлись норы.

Норы оказались довольно однообразнаго устройства, какъ, впрочемъ, всѣ человѣческія жилища. Однѣ изъ нихъ имѣли входъ пошире, другіе поуже, что, однако, не зависѣло отъ намѣренія хозяевъ ямъ, такъ какъ норы, очевидно, были выкопаны глинокопачами; но надъ входомъ нѣкоторыхъ норъ искусственно были устроены своего рода навѣсы изъ хвороста, что указывало на значительную культуру ихъ хозяевъ.

Зерновъ спустился въ одну изъ ямъ и заглянулъ въ нору, темнѣвшую на днѣ ея. Тамъ, въ углубленіи, онъ увидалъ только слежалое сѣно, служившее, очевидно, постелью. Больше ничего не было. Онъ хотѣлъ проникнуть въ самое логовище, но внезапно явившаяся брезгливость оттолкнула его отъ этого намѣренія, тѣмъ болѣе, что пришлось бы ползти на четверенькахъ.

Выпрыгнувъ изъ этой ямы, онъ спустился въ другую, на половину засыпанную привезеннымъ сюда соромъ; нора въ этой ямѣ находилась возлѣ сора и отчасти занавѣшивалась имъ. Отъ прежней она еще отличалась тѣмъ, что входъ въ нее былъ значительно шире и выше, такъ что если перегнуться пополамъ, то можно было свободно влѣзть въ нее. Зерновъ такъ и сдѣлалъ—перегнулся пополамъ и влѣзъ. На полу ея также лежала постель

изъ сѣна, причѣмъ въ томъ мѣстѣ, которое служило изголовьемъ, лежала оторванная пола отъ какой-то одежды. На сѣнѣ лежалъ обглоданный мосолъ; нѣсколько мословъ лежали также и возлѣ одной стѣны. Кромѣ этихъ хозяйственныхъ принадлежностей, въ глиняную стѣну былъ еще воткнутъ сучокъ отъ дерева, а на сучкѣ висѣли опорки. Больше ничего не было.

Зерновъ уже хотѣлъ пролѣзть дальше, чтобы посмотрѣть, отъ какой собственно одежды оторвана пола, лежавшая въ изголовьи, но вдругъ чувство стыда охватило все его существо. Очагъ каждаго человѣка долженъ быть святыней. А вотъ онъ проникъ въ чужой домъ, проникъ изъ празднаго любопытства, въ отсутствіе его хозяина, и осматриваетъ все до мельчайшихъ подробностей. Что бы онъ сдѣлалъ, если бы въ его, Зернова, квартиру проникъ какой-нибудь шелопай и сталъ бы рыться въ его вещахъ, въ бумагахъ, въ платьѣ? Зерновъ даже покраснѣлъ при этой мысли и поспѣшилъ выскочить изъ ямы. Въ другія норы онъ уже не осмѣлился заглянуть.

Онъ отправился домой и тамъ, въ сильной разсѣянности, принялся возиться около самовара и чая, но возился механически; мысли же его были въ тѣхъ норахъ, куда онъ только что лазилъ. Что это за люди тамъ обитаютъ? Онъ слышалъ о босякахъ, но эти, очевидно, еще ниже. Да о босякахъ что онъ знаетъ? Чуть не ежедневно видѣлъ онъ оборванцевъ, но проходилъ равнодушно мимо ихъ,—они не оставляли ни малѣйшаго слѣда въ его мысли. Никогда онъ не задумывался о подробностяхъ ихъ жизни,—они, эти оборванцы, проходили мимо него, не обращая на себя ни малѣйшаго вниманія, какъ похоронныя дроги, которыя каждый изъ насъ видитъ тихо двигающимися за городскую черту. «Кто-то умеръ», — думаемъ мы и проходимъ дальше. И лишь когда близкій намъ человѣкъ изъ живаго существа вдругъ дѣлается мертвымъ, когда душу нашу поражаетъ внезапно наступившая неподвижность глазъ, которые за минуту смотрѣли сознательно, толь когда мы спрашиваемъ: что это такое? Куда онъ ушелъ? развѣ мы больше не встрѣтимся? Гдѣ начало и конецъ бытія?

Продолжая возиться около самовара, Зерновъ поглядывалъ изъ огня и ожидалъ, не покажется ли кто-нибудь изъ *нихъ*. Ему даже досадно сдѣлалось, что они не появлялись. Однако, черезъ нѣкоторое время онъ увидалъ ихъ.

Незамѣтно приблизилась ночь. Съ низовьевъ рѣки показался большой серпъ луны. Свѣтъ его, вмѣстѣ со свѣтомъ выступив-

шихъ звѣздъ, залилъ скоро всѣ окрестности. Зерновъ вышелъ изъ дома и побрелъ по оврагу къ рѣкѣ. Вдругъ на одной изъ лужаекъ взглядъ его упалъ на странную группу; взглянувшись пристальнѣе, онъ убѣдился, что это *они*, его сосѣди.

Пользуясь теплою и свѣтлою ночью, они полегли на открытомъ воздухѣ, прямо въ травѣ, кто какъ попало. Одни полегли другъ подле друга рядомъ, нѣкоторые же уткнулись головами въ противоположныя стороны. Много ихъ тутъ было. Свѣтъ лунной ночи закрывалъ ихъ фосфорическою дымкой и прикрывалъ ихъ наготу; но было что-то характерное въ тѣхъ позахъ, въ какихъ они спали, — такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Зернову. Одни изъ нихъ лежали внизъ лицомъ, поджавъ подъ грудь обѣ руки; другіе валялись вверхъ лицомъ, разбросавъ руки и ноги въ разныя стороны. Но какъ тѣ, такъ и другіе, казалось, не легли добровольно, а были внезапно застигнуты какою-то силой, повалены на землю и умерли здѣсь, судорожно хватаясь кто за грудь, кто за ближайшіе предметы.

Долго стоялъ Зерновъ передъ свѣтлою лужайкой, но, наконецъ, у него стало рябитъ въ глазахъ, и онъ поспѣшилъ обратно въ комнаты; о прогулкѣ онъ забылъ. Что-то неприятное сосало его сердце, какая-то досада вдругъ стала раздражать его; но эти чувства онъ приписалъ своей скверной дачѣ, нагнавшей на него опять хандру. Очевидно, что здѣсь все скверно и неприятно. Это не дача, а какое-то отвратительное мѣсто; въ окна дуетъ, повсюду сырость, клопы, блохи, комары и еще Богъ знаетъ что!... Ночью даже жутко одному оставаться...

Дѣйствительно, закутываясь въ одѣяло, Зерновъ чувствовалъ, что ему жутко, и съ ужасомъ думалъ, какъ онъ проведетъ ночь до утра. Но, благодаря прошлой безсонной ночи, черезъ нѣсколько минутъ имъ овладѣлъ сонъ, и онъ проспалъ до поздняго утра безъ всякихъ неприятностей. Только уже утромъ, одѣваясь, онъ замѣтилъ, что у одного изъ его сапогъ крыса (не иначе, какъ крыса) съѣла значительную часть голенища. На нѣкоторое время на него опять напала хандра, но ясный день скоро разсѣялъ его мрачное настроеніе.

III.

И когда онъ шелъ послѣ обѣда на свою дачу, многочисленныя неприятности ея уже исчезли изъ его памяти; передъ нимъ мелькали только голые люди, вызвавшіе его удивленіе и любопытство. Онъ сильно заинтересованъ былъ ими и спѣшилъ удовлетворить

свою любознательность, но эта была та холодная, хотя и сильная любознательность, съ какою ученый смотритъ на открытый имъ новый видъ, положимъ, комара.

Къ сожалѣнью, въ этотъ и послѣдующіе дни его ученое или художественное любопытство удовлетворено было въ ничтожной степени; приходилъ онъ на дачу поздно и могъ видѣть только маленькую частичку того, какъ и въ какомъ порядкѣ голые люди поживали. За то въ ближайшее воскресенье ему удалось довольно подробно прослѣдить жизнь вновь открытаго имъ вида. Съ той поры онъ не пропускалъ ни одного праздника, безотлучно присутствуя на дачѣ.

Обыкновенно онъ садился гдѣ-нибудь на открытомъ мѣстѣ и слѣдилъ оттуда за всѣми движеніями голыхъ людей. Это не представляло неудобства, — голые люди совершали всѣ свои дѣла открыто, не стѣсняясь ни другъ друга, ни посторонняго глаза. Зерновъ предположилъ, что они — или совершенно дикая порода, не видѣвшая человѣка и относящаяся къ его появленію безъ страха, подобно нѣкоторымъ птицамъ необитаемыхъ острововъ, или они настолько одомашнены и лишены инстинкта самосохраненія, что не обращаютъ уже вниманія на людей, на подобіе коровъ или куръ. Какъ бы то ни было, но Зерновъ могъ безпрепятственно сидѣть недалеко отъ нихъ, не обращая на себя ни малѣйшаго вниманія съ ихъ стороны.

Утромъ они рано вставали и не дожидались солнечнаго восхода, къ чему ихъ принуждало сильное стучаніе зубовъ, вызванное свѣжимъ утромъ и росой; затѣмъ они немедленно отправлялись — одни рысцою, другіе галопомъ — подъ гору черезъ овраги и тамъ разсѣвались по берегу рѣки въ разныхъ направленіяхъ; нѣкоторые шли въ слободки, большая же часть уходила въ городъ, къ его пристанямъ и толкучкамъ.

Зерновъ, конечно, не могъ слѣдовать туда за ними и въ точности не зналъ, что они тамъ дѣлаютъ, предполагалъ только, что отправлялись они туда на утреннюю добычу пищи и питья. Впослѣдствіи, значительно позже, онъ убѣдился въ правильности своего заключенія. Впрочемъ, способовъ добычи пропитанія онъ никогда не узналъ въ точности, потому что способы эти разнообразны, отличаются случайностью и часто въ высшей степени рискованны и таинственны. Къ болѣе или менѣе правильнымъ занятіямъ можно отнести только похищеніе съ лотковъ булокъ и шобъ изъ ларей, но натурально, что и такія опредѣленные средства нерѣдко сопровождалась неожиданными осложненіями. Нѣко-

торая часть голыхъ людей занималась еще ловлей раковъ и мелкой рыбешки и собираніемъ травъ; наконецъ, аристократы среди голыхъ людей, обладавшіе панталонами и рубахой, служили на толкучкахъ и базарахъ посыльными. Однако, несмотря на это разнообразіе занятій, многимъ изъ обитателей норъ вовсе не удавалось по цѣлымъ днямъ схватить что-нибудь, что можно бы было съѣсть; такіе въ свои норы не возвращались, а продолжали изыскивать средства къ жизни до глубокой ночи.

Многимъ, однако, удавалось еще утромъ найти случай поѣсть, послѣ чего они немедленно возвращались одинъ по одному домой, къ своимъ оврагамъ. Это обыкновенно происходило часовъ въ девять-десять. Придя къ оврагамъ, они располагались на лужайкахъ отдыхать и лежали въ лѣнивой полудремотѣ на солнечномъ припекѣ. Когда впослѣдствіи по оврагамъ и откосамъ выросла высокая трава, то зелень ея сильно маскировала ихъ непринужденныя позы; но за то видъ множества тѣлъ, разбросанныхъ по травѣ, производилъ неприятное ощущеніе; въ одномъ мѣстѣ изъ травы виднѣлась косматая голова, изъ другаго мѣста торчала нога, а тамъ, изъ-подъ куста, высунулась половина туловища. На Зернова это нагоняло мрачное настроеніе, и, чтобы отдѣлаться отъ него, онъ старался разсмотрѣть тѣла дремавшихъ во всей ихъ цѣлости.

Лежанье на солнцѣ продолжалось часовъ до двухъ. Къ этому времени у большинства ваявшихся проявлялись нѣкоторыя потребности, подъ давленіемъ которыхъ они снова разбредались по разнымъ сторонамъ: одни—на водопой подъ гору, другіе—для добыванія пищи, третьи—ради развлеченія—въ кабаки.

Такимъ образомъ, къ тремъ часамъ около норъ уже никого не было, и обитатели ихъ не торопились возвращаться. Только въ сумерки они начинали мало-по-малу сходитьяся, и тотчасъ по приходѣ каждый располагался спать. Если погода была хорошая, всѣ ложились на открытомъ воздухѣ, въ травѣ и подъ кустами; въ противномъ случаѣ залѣзали въ норы. Въ это лѣто, съ самаго начала мокрое и холодное, голымъ людямъ очень часто приходилось прибѣгать къ норамъ.

Таковы наблюденія, сдѣланныя въ первое время Зерновымъ; какъ они ни поверхностны, но въ молодомъ наблюдателѣ они вызвали цѣлый рядъ недоумѣній и вопросовъ.

Прежде всего, онъ спрашивалъ, къ какому роду существъ надо отнести открытую имъ породу? Если это животныя, то почему же они не пользуются многими привилегіями послѣднихъ?

О дивных животных заботится природа, надѣляя ихъ многими дарами, о домашнихъ же животныхъ заботится человекъ. Между тѣмъ, голые люди безпомощны, и никто о нихъ не заботится, слѣдовательно, ихъ надо отнести къ разряду людей. Но если это точно люди, почему же они лишены всего, что характеризуетъ человека? Людямъ свойственно жить въ семьѣ и обществѣ и принадлежать къ опредѣленному отечеству. Однако, семьи у голыхъ людей не было, ни къ какому обществу они не принадлежали, ибо жили въ сорныхъ ямахъ за городомъ; если же не считать норъ дачами, то у нихъ не было и опредѣленнаго мѣстопробыванія. Что касается отечества, то несомнѣнно, что они числились гражданами только номинально, а иногда и вовсе не числились. Но если голые люди не имѣютъ семей, находятся внѣ общества и не принадлежать къ отечеству, то кто же они?

Зерновъ съ холодною тщательностью разсматривалъ эти вопросы.

IV.

Въ первое время всѣ голые люди въ глазахъ Зернова сливались въ одну общую массу, столь же однородную, какъ, напримеръ, стадо. Но мало-по-малу это стадо въ его представленіяхъ разбилось на нѣсколько группъ, довольно рѣзко разграниченныхъ другъ отъ друга; а потомъ группы раздѣлились на отдѣльныя особи, которыя хотя и слабо выдѣлялись, но для Зернова сдѣлались, въ концѣ-концовъ, замѣтными.

Своихъ сосѣдей онъ раздѣлилъ на три группы.

Во-первыхъ, мрачно-равнодушные.

Во-вторыхъ, безсознательные.

Въ-третьихъ, трудолюбиво-хозяйственные.

Всего меньше среди голыхъ людей было мрачно-равнодушныхъ. Зерновъ насчиталъ ихъ человекъ три-четыре, не больше. Внѣшній образъ жизни ихъ былъ одинаковъ со всѣми. Ихъ тѣло также было непокрыто; по сырымъ ночамъ они наравнѣ со всѣми залѣзали въ норы и съ утра они вмѣстѣ съ другими отправлялись за добычей. Но внутренніе мотивы ихъ поступковъ и отчасти самыя поступки рѣзко выдѣляли ихъ изъ стада. Мрачный видъ ихъ образинъ рельефно выступалъ на фонѣ прочихъ физиономій, временами въ нихъ проглядывала гордость; съ другими голыми людьми ихъ обращеніе всегда было полупрезрительное. Ясно видѣлось, что они сознавали, гдѣ они находятся, сознавали свою

жизнь и всю ея обстановку, но не хотѣли, сознательно не хотѣли переменить эту жизнь на другую, болѣе счастливую, ибо убѣдились въ нелѣпости всѣхъ своихъ хлопотъ и, какъ говорится, плюнули на все. Пускай жизнь идетъ такъ, какъ ей хочется, а они за хвостъ ее тянуть не стануть. Вѣроятно, прежде чѣмъ дойти до такой мысли, они много и долго боролись и, только послѣ отчаянныхъ усилій устроиться по-человѣчески, мрачно махнули на все рукой.

Кромѣ этихъ чертъ, ихъ отличалъ еще отъ другихъ злостный цинизмъ. Когда однажды передъ глазами Зернова у одного изъ нихъ отвалилась половина панталонъ, то онъ не потрудился прикрѣпить ее на надлежащее мѣсто, а только презрительно выругался и продолжалъ шествовать по направленію къ городу. Всѣ дневныя невзгоды они выносили съ стоическимъ равнодушіемъ. Въ то время, когда многіе во время голода и холода теряли послѣднюю энергію, въ отчаяніи ложились на траву внизъ лицомъ и старались забыться въ полудремотѣ, мрачные субъекты оставались невозмутимыми и только отъ времени до времени кричали нутромъ. Съ тѣмъ же равнодушіемъ они вели себя и въ тѣ дни, когда у большинства брюхо было набито хлѣбомъ и водкой,—повидимому, ни малѣйшая радость не озаряла ихъ лицъ и ничто не могло взволновать ихъ.

Большая часть голыхъ людей принадлежала къ безсознательнымъ. Зерновъ, по крайней мѣрѣ, никакъ не могъ открыть въ нихъ какого-нибудь поступка, заранѣе обдуманнаго. Приходя вечеромъ на мѣсто, они моментально хлопались въ траву или залѣзали въ норы и мертвыми лежали вплоть до утра. Днемъ они страшно много спали, спали бы еще больше, спали бы дни, недѣли, мѣсяцы, если бы ихъ не пробуждало какое-нибудь рѣзкое органическое ощущеніе голода, жажды, желанія опохмѣлиться послѣ перепою. Мучимые этими инстинктами, они просыпались внезапно и внезапно же скакали внизъ подъ откосъ, а оттуда къ пристанямъ, къ толкучкамъ, по трущобнымъ улицамъ. Но едва имъ тѣмъ или инымъ способомъ удавалось погасить дефицитъ брюха, они немедленно возвращались на мѣсто и вновь хлопались въ траву и мгновенно засыпали. Ъли и пили они затѣмъ, чтобы поскорѣ заснуть. Ни изъ чего нельзя было замѣтить, чтобы они сознавали себя, окружающее же едва мерцающая мысль ихъ отражала настолько, насколько нужно было, чтобы не броситься, вмѣсто толкучки, въ воду или чтобы не схватить, вмѣсто хлѣба, булыжникъ изъ мостовой. Побужденія отъ дѣйствій раздѣлялись у нихъ буквально одною минутой; посреди мертваго сна на солнеч-

номъ припекѣ часто кто-нибудь изъ нихъ вскакивалъ и слѣпо летѣлъ куда-то; это означало, что у него проснулась жажда или голодъ подводить ему желудокъ.

Это они, безсознательные, такъ взволновали Зернова въ первые дни его житья на дачѣ, повергнувъ его въ полнѣйшее недоумѣнiе, къ какому роду существъ отнести такихъ субъектовъ, въ душѣ которыхъ царить вѣчная ночь и сонъ. Впрочемъ, Зерновъ былъ увѣренъ, что непробудный сонъ—счастье для нихъ; если бы какая сила внезапно разбудила ихъ, они не вынесли бы пробужденiя.

Третья группа, названная Зерновымъ трудолюбиво-хозяйственною, внушала ему смѣхъ и печаль. Въ самомъ дѣлѣ, трудно даже вообразить себѣ хозяевъ, живущихъ за городомъ въ норахъ,—здѣсь непримиримое противорѣчiе. Можно быть хозяиномъ двора, избы, дома, фабрики, помѣстья, но невозможно быть хозяиномъ норы. И, во всякомъ случаѣ, для хозяина обязательно имѣть панталоны и рубаху—безъ этого хозяинъ немислимъ. Между тѣмъ, трудолюбивые голые люди на глазахъ у Зернова примирили это нелѣпное противорѣчiе.

Изъ всѣхъ своихъ товарищей это были самые дѣловитые и озабоченные люди. Не въ примѣръ прочимъ они очень мало лежали въ травѣ, брюхомъ къ солнцу. Ихъ дни проходили въ безпрерывныхъ хлопотахъ. Занимаясь подъ берегомъ ловлей раковъ и мелкой рыбешки, они терпѣливо просиживали надъ водой; но лишь только имъ удавалось изловить десятка два раковъ или горсть рыбешки, они торопливо уходили въ городъ и тамъ капитализировали пойманные дары природы. Въ свободное отъ этихъ трудовъ время каждый изъ нихъ занимался болѣе или менѣе серьезнымъ дѣломъ. Одинъ, порывшись въ норѣ, извлекалъ оттуда тряпки, мылъ ихъ въ водѣ, сушилъ на солнцѣ и пригрѣплялъ къ соответствующему мѣсту своей шкуры. Другой изъ нѣсколькихъ несоединимыхъ предметовъ старался составить одинъ, который, по его мнѣнiю, долженъ непременно называться шапкой.

Всѣ они были очень предусмотрительны и не лишены мыслей объ отдаленномъ будущемъ; такъ, когда на небѣ показывались тучи, они зарайѣе осматривали свои въ ямахъ и если находили ихъ недостаточно защищенными отъ собирающейся непогоды, то принимали нѣкоторыя мѣры. Въ самыхъ норахъ они поддерживали порядокъ и удобства—стлали постели изъ сѣна, похищаемого ими съ ближайшаго сѣновала, устраивали изголовья и пр. А на черный день они дѣлали пищевые запасы, благодаря чему

въ ихъ норахъ всегда можно было встрѣтить сухія горбушки хлѣба. Помимо всего этого, ихъ хлопотливая жизнь производила такое впечатлѣніе, будто они не прочь были обзавестись семействами.

По своему характеру это были смиренныя и робкія существа, но смѣтливныя и не безъ хитрости. Жизнь ихъ, какъ и у прочихъ голыхъ людей, давно исчезла, но они умѣли возстановлять подобіе ея, радуясь каждому обману, посредствомъ котораго они надували себя.

V.

Прошло довольно много времени, прежде нежели Зерновъ услышалъ слова изъ устъ голыхъ людей. Онъ такъ привыкъ видѣть ихъ безсловесными, что и не ожидалъ услышать съ ихъ стороны разговора. Всѣ немногосложныя движенія ихъ происходили передъ его глазами въ полнѣйшемъ молчаніи; повидимому, они совсѣмъ не умѣли говорить.

Наконецъ, однажды кто-то изъ валявшихся въ травѣ вдругъ выругался. Ругательство это было бессмысленное, бросившій его оборванецъ пустилъ его сквозь сонъ, пустилъ на вѣтеръ, ни къ кому не обращаясь, слѣдовательно, бессмысленно, пустилъ и тотчасъ же снова заснулъ. Но на Зернова эти бессмысленныя слова произвели дѣйствіе чуда; онъ даже приподнялся съ своего обычнаго мѣста на бугрѣ и старался отыскать глазами то мѣсто въ бурьянѣ, откуда раздались эти чудесные звуки.

Съ этой минуты онъ заинтересовался вопросомъ о словесности голыхъ людей и старался уловить малѣйшее слово, сказанное ими. Къ его огорченію, этого рода любопытство онъ могъ удовлетворить въ малой степени, потому что его голые сосѣди не объяснялись между собой; происходило это отчасти благодаря тому обстоятельству, что они приходили домой къ своимъ норамъ или спать, или дремать на солнечномъ припежѣ, — словомъ, находились въ томъ состояніи, которое мало способствуетъ разговорчивости.

На первыхъ порахъ выпало лишь нѣсколько случаевъ, когда Зерновъ не только слышалъ разговоръ, но и понималъ его содержаніе.

Однажды въ воскресенье онъ, по обыкновенію, усѣлся на излюбленномъ бугрѣ, откуда открывался далекій видъ, и медленно покуривалъ папироску, изрѣдка и почти безсознательно бросая

взгляды на голыхъ людей; въ этотъ часъ всѣ они были въ сборѣ. День выдался теплый и ясный; потоки горячихъ лучей лились на землю, а въ томъ числѣ и на голыхъ, изъ которыхъ одни спали, другіе лѣниво повертывались съ боку на бокъ. Между прочимъ, двое находились недалеко отъ Зернова. Одинъ изъ нихъ, большой, мрачный верзила, лежалъ съ закрытыми глазами, но, видимо, не спалъ; другой, маленькій мужиченко, сидѣлъ возлѣ него и переворачивалъ передъ солнцемъ женскую кофту, повидимому, недоумѣвая, что съ ней дѣлать. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вдругъ вздохнулъ и обратилъ свой недоумѣвающийъ взоръ къ товарищу.

— Вишь, кофту мнѣ подарила,—вдругъ сказалъ онъ.

— Она?—лѣниво спросилъ товарищъ, не открывая глазъ.

— Она. Кофту. На, говорить, тебѣ кофту, потому мужскаго у меня ничего нѣту... Возьми, говорить, и глазъ больше не кажи.

— Это она-то?

— Она.

Мрачный верзила помолчалъ и потомъ спросилъ прежнимъ лѣнивымъ тономъ:

— Ну, а ты что?

— Я ничего... Я къ ней съ лаской. Настасья, говорю, вѣдь, я тоже былъ мужъ твой... чай помнишь? Ежели, говорю, ты будешь жить со мной, я мѣсто найду, и приму человѣчій образъ опять. Не гони только меня. Долго я упрашивалъ.

— Ну, а она что?

— А она говорить: «м-морда, говорить, мнѣ твоя а-пр-ративѣла, не то чтобы жить съ тобой!»

— Такъ и сказала?—лѣниво переспросилъ товарищъ.

— Такъ прямо и сказала: «морда мнѣ, говорить, твоя а-пр-ративѣла».

— Ну, а ты что?

Но на этотъ вопросъ маленькій мужиченко не отвѣтилъ. Смотри на кофту, онъ задумался о чемъ-то. Потомъ, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ:

— Любишь я ее допрежь, Настасью-то. Когда мы шли изъ деревни сюда, мы думали—за счастьемъ идемъ. А оно вотъ что вышло! Она поступила на мѣсто, а я безъ мѣста ходилъ. А тутъ она скоро дружка нашла, и я съ ѣнтихъ поръ пропалъ...

— Дуракъ!—возразилъ на это мрачный верзила.

— Я?

— А то кто же!

Маленькій мужиченко былъ согласенъ съ этимъ отвѣтомъ, но, подумавъ немного, спросилъ:

— Почему?

— Да такъ...—нехотя отвѣтилъ верзила.

— Это ты насчетъ чтобы избить ее? Ну, нѣтъ! Богъ съ ней. Потому она при мѣстѣ, на куфнѣ, а я вродѣ какъ прохвость, — за что же ее бить? Хорошая она была ко мнѣ, ласковая. Вотъ даже и теперь кофту, вишь, дала.

— Что же ты будешь дѣлать съ ей, съ кофтой-то? — презрительно спросилъ верзила.

— Съ кофтой? Я перешью ее, — задумчиво сказалъ бывшій Настасьинъ мужъ.

— Дуракъ!

Лѣниво выговоривъ этотъ окончательный приговоръ, мрачней дѣтина повернулся на бокъ и, положивъ голову на одну руку, другою рукой прикрылъ лицо отъ солнца. А Настасьинъ мужъ опять сталъ разглядывать кофту на свѣтѣ, но, кажется, думалъ не о кофтѣ, хотя это былъ одинъ изъ самыхъ неутомимыхъ хозьявъ между голыми людьми.

Выслушавъ этотъ разговоръ, Зерновъ самъ задумался. Онъ вспомнилъ незамѣтно о своей женѣ; отъ нея что-то давно не было писемъ. Что она подѣлываетъ тамъ, на берегу Неаполитанскаго залива? Вѣроятно, уже соскучилась... А, быть можетъ, вовсе не соскучилась? «М-морда мнѣ твоя а-пр-ративѣла!» — вдругъ вспомнилъ онъ и переполошился; безъ всякой причины тоска явилась откуда-то.

Въ другой разъ онъ слышалъ разговоръ этихъ же субъектовъ, оба они примельгались ему и онъ могъ узнать ихъ изъ сотни другихъ.

Онъ также сидѣлъ на своемъ бугрѣ и безнадежно старался подобрать недостающую риему къ одному своему стихотворенію. Въ то время, какъ взоръ его блуждалъ по широкому ландшафту великой рѣки, мысль его ожесточенно гонялась за проклятою строфой, на которой застряло его стихотвореніе. Были мгновения, когда мелькало что-то прекрасное, но лишь только онъ хотѣлъ схватить этотъ звукъ, какъ послѣдній уже безслѣдно таялъ въ обширной области безсознательнаго. Наконецъ, эта охота за фантастическою риемой надоѣла ему и усиленъ воли онъ постарался развлечься.

Глаза его обратились на тѣ лужайки, гдѣ обыкновенно валялись голые люди. Тамъ теперь никого не было, ибо день скло-

нялся къ вечеру, а въ это время большинство охотилось за добычей. Только двое знакомыхъ подъ однимъ кустомъ валялись; они такъ разоспались, что забыли и о пищѣ. Мрачный верзила сильно храпѣлъ.

Но вдругъ храпъ его оборвался рѣзкимъ звукомъ, а самъ онъ вскочилъ съ земли и сталъ озираться по сторонамъ. На его лицѣ отразилось не то удивленіе, не то ужасъ. Между тѣмъ, Настасьинъ мужъ, разбуженный рѣзкимъ звукомъ, также поднялся съ земли и съ недоумѣніемъ хлопалъ глазами.

— Ты будиль, что ли, меня?—спросилъ онъ.

— Ничего не будиль...

— Чего же ты буркалами такъ ворочаешь?

— Сонъ я видѣлъ... Петрунька приснился,—возразилъ верзила; ужасъ его мало-по-малу прошелъ и на лицѣ появилось страданіе.

— Какой Петрунька?

— Развѣ ты не знавалъ моего Петруньки?—въ свою очередь спросилъ верзила.

— Нѣтъ, не знавалъ.

— Парнишка мой по шестому году... Эхъ! какъ саднить въ горлѣ! Кабы вышить теперь... — неожиданно кончилъ верзила мрачно.

Этотъ неожиданный оборотъ рѣчи былъ болѣе понятенъ для маленькаго мужичонки; онъ сочувственно взглянулъ на своего страдающаго товарища и, почесывая лохматую голову, задумался; видимо, онъ припоминалъ всѣ средства, путемъ которыхъ можно достать посудину съ успокоительною влагой. Но, обдумывая этотъ важный вопросъ, онъ механически продолжалъ спрашивать о Петрунькѣ.

— По шестому году, говоришь? Гдѣ-жь онъ?

— Видишь ли... Петрунька въ ту пору остался у меня одинъ,— всѣ перемерли ужъ... и хозяйка моя. Одни мы съ Петрунькой жили. Ему пошелъ шестой годъ, росъ безъ призора. Я таскалъ владъ на баржи, а онъ тутъ же по берегу бѣгалъ. Какъ только я кончалъ таскать, сейчасъ же разыскивалъ его, бралъ на руки, и онъ, бывало, охватить рученками шею мнѣ и прижметъ. Чувалъ, шельмецъ, что на всемъ свѣтѣ я одинъ у него. И онъ одинъ былъ у меня. И спали, и ходили мы съ нимъ виѣстъ. Вотъ разъ онъ бѣгалъ съ ребятами по берегу, когда я таскалъ владъ, забѣжалъ на баржу и упалъ въ воду. Булькнулъ, говорятъ, какъ камень. Утопъ, значить. Искали-искали, такъ и не нашли.

Верзила говорилъ все это съ лѣнливымъ равнодушіемъ, словно разсказывалъ о какомъ-то событіи, совсѣмъ не касавшемся его. Но вдругъ ужасъ опять появился на его лицѣ.

— И вотъ я сейчасъ его видѣлъ...—сказалъ онъ, озираясь по сторонамъ.

— Петруньку?—равнодушно спросилъ худой мужиченко, занятый совсѣмъ другимъ.

— Будто густой туманъ стоитъ надъ рѣкой... и вдругъ будто изъ этого самаго тумана, съ середины рѣки, я слышу голосъ Петруньки: «Тя-атка! вынь меня!» Я будто бросился къ берегу и протянулъ руки, и хочу кричать, и разглядѣть, гдѣ онъ, а туманъ мѣшаетъ, голосу у меня нѣтъ, ноги и руки мои окостенѣли. Собралъ я послѣднія силы и что есть мочи крикнулъ: «Я здѣсь, Петрунька!...» И тутъ проснулся. Безпримѣнно надо вышить,—саднить въ горлѣ.

— Саднить?—сочувственно спросилъ маленькій мужиченко.

— Просто сверлить!

— Ну, въ такомъ разѣ достанемъ. Айда!

Оба они поднялись изъ-подъ куста и рысцой побѣжали по тропинкѣ оврага внизъ.

Зерновъ проводилъ ихъ взглядомъ и былъ сильно взволнованъ. Передъ нимъ стояла потрясающая картина. Онъ старался возстановить образъ Петруньки, который утонулъ, и густой туманъ на серединѣ рѣки, гдѣ его видѣлъ отецъ. Но, въ то же самое время, въ неизвѣстномъ уголкѣ его головы назойливо звучали нелѣпыя риѣмующія слова: «взялъ—капралъ...», «ларецъ—скворецъ...» Онъ представлялъ себѣ, какъ отецъ прибѣжалъ на баржу и смотрѣлъ на то мѣсто въ водѣ, куда булькнулъ Петрунька, а въ головѣ продолжали раздаваться глупыя слова: «ларецъ—скворецъ...»

Не зная, какъ отдѣлаться отъ дурацкихъ, невѣдомо откуда взявшихся словъ, Зерновъ даже сплюнулъ и поспѣшилъ уйти въ комнаты. Но, уже раздраженный, онъ и въ комнатахъ увидалъ все вдругъ въ мрачномъ свѣтѣ. Главнымъ образомъ, ему бросилась въ глаза груда грязныхъ бумагъ, валявшихся на столѣ. Это были его прозаическія сочиненія и стихи, а внизу подъ нимъ лежала рукопись съ поэмой. Все за лѣто пожелтѣло и отсырѣло. Скверная дача отбила у него всякую охоту работать. Къ поэмѣ онъ даже не притрогивался. Ему сдѣлалось ясно, что Аполлона ему здѣсь не видать, какъ своихъ ушей... «Ларецъ—скворецъ...»—послышались опять гдѣ-то дурацкія слова.

— Завтра же уѣду!—сказалъ онъ въ раздраженіи.

Но завтра онъ не уѣхалъ, остановленный нѣкоторыми событіями въ жизни голыхъ людей, отчасти коснувшихся и его.

VI.

Событія! До сихъ поръ Зернову даже въ голову не приходило, что у голыхъ людей есть событія. Событія—признакъ жизни, но у нихъ развѣ жизнь? У нихъ быть, а не жизнь, да и быть ничтожный.

Однако, онъ скоро убѣдился во-очію, что событія у голыхъ людей есть.

Это было на другой день послѣ того, какъ онъ было рѣшилъ уѣхать съ дачи. По дорогѣ изъ города на дачу онъ былъ насквозь промоченъ дождемъ. Мелкій, но частый дождь сѣкъ его съ половины нуты до самаго мѣста, —сѣкъ до тѣхъ поръ, пока онъ, усталый, не вбѣжалъ подъ крышу своей развалины. Здѣсь онъ поторопился снять съ себя мокрое платье и разбросалъ его для просушки по стульямъ; грязныя же калоши совсѣмъ выбросилъ за дверь на крыльцо и забылъ о нихъ до утра.

Но утромъ калошъ на мѣстѣ уже не оказалось. «Кто-нибудь изъ нихъ утащилъ», —подумалъ Зерновъ и не сталъ искать. Правда, исчезновеніе калошъ удивило его, но не разсердило, все равно, какъ если бы кошка стащила у него со стола что-нибудь изъ сѣбстаного. Да и калоши были уже порядочно сбитыми, такъ что и жалѣть собственно не стоило. Онъ и не жалѣлъ, а просто констатировалъ фактъ ихъ пропажи.

Въ вечеру, возвращаясь изъ города на дачу, онъ даже совсѣмъ забылъ о нихъ. Но когда онъ уже подходилъ къ дому, его вдругъ остановилъ одинъ изъ голыхъ людей, —остановилъ издалека и не смѣло.

— Позвольте, баринъ, побезпокоить вашу милость?—спросилъ онъ и издалека, на почтительномъ разстояніи, вытянулъ шею по направленію къ Зернову, каковой позою онъ хотѣлъ, очевидно, выразить, что приблизиться онъ боится и недостойнъ.

Зерновъ остановился и на минуту оторопѣлъ. Ему не случилось непосредственно объясняться съ голыми людьми и теперь онъ вопросительно посмотрѣлъ на оборванца.

— Калошъ у васъ нѣту?—спросилъ послѣдній и пальцемъ указалъ на сапоги Зернова.

— Да, нѣтъ, ночью кто-то утащилъ,—возразилъ Зерновъ.— А что?

— Да такъ. Довольно даже подло въ эфтомъ разѣ!... Живеть

баринъ смирно и вдругъ калоши у него утащить! Подлая душа, больше ничего!—проговорилъ оборванецъ и глядѣлъ по сторонамъ; на его лицѣ показалась во время этихъ словъ гримаса, которою онъ, видимо, надѣялся выразить презрѣніе къ негодю, утащившему калоши.

— Вѣроятно, кто-нибудь изъ вашихъ?—спросилъ Зерновъ.

— Само собою, нашъ. Знаю я его довольно!

— Знаешь?

— А то какъ же. Очень даже хорошо знаю!—сказалъ оборванецъ съ презрительною гримасой.

— Зачѣмъ же онъ взялъ ихъ?

— Да такъ, шелъ мимо, видитъ—калоши, напримѣръ, зря лежать, и взялъ, подлець...

— Буда онъ ихъ дѣлъ?—спросилъ Зерновъ съ любопытствомъ.

— Калоши? Окончательно въ кабакъ ихъ снесъ!

Говоря это, оборванецъ показалъ на своемъ лицѣ, что ему очень грустно вспомнить о такомъ нелѣпномъ концѣ калошъ.

— Глупый человѣкъ! Лучше бы онъ носилъ ихъ. Вѣдь, онъ, чай, босой?

— Какъ есть босой, подлець!—подтвердилъ оборванецъ и посмотрѣлъ на свои голыя ноги.

Тутъ только Зерновъ замѣтилъ, что его собесѣдникъ навеселѣ, и началъ догадываться о фантастической личности «подлой души».

— Въ кабакъ-то зачѣмъ онъ снесъ ихъ?

— Видите ли, ваша милость, какъ онъ разсудилъ: «Ежели, говорить, я надѣну ихъ на ноги, то только ногамъ будетъ тепло; ежели же, говорить, я выпью на нихъ, то тепло пойдетъ по всѣмъ жиламъ».

При этихъ словахъ оборванецъ лугаво взглянулъ на Зернова, но, встрѣтивъ пристальный взоръ послѣдняго, снова сталъ осматриваться по сторонамъ, какъ будто сильно интересовался окрестностями.

— Извѣстно, глупо разсудилъ. А вы, ради Бога, больше не бросайте зря калоши, потому соблазнъ. И простите ужъ того человѣка,—не въ прокъ пошли калоши ваши ему!... Просимъ прощенья, ваша милость!...

Пробормотавъ это несвязное извиненіе, оборванецъ удалился за ближайшій кустъ.

Зерновъ также пошелъ своею дорогой къ дому, но былъ помпательно обезкураженъ всею этою сценой. «Какое побужденіе за-

ставило оборванца, утачившаго калоши, придти къ хозяину ихъ и почти открыто сознаться въ своемъ поступкѣ?—спрашивалъ себя Зерновъ и недоумѣвалъ.—Не можетъ быть, чтобы онъ пришелъ только посмѣяться надъ ротозѣемъ!...» При этой мысли Зернову стало совѣстно. Въ наружности и словахъ голаго человѣка онъ вдругъ теперь увидѣлъ что-то такое, о чемъ раньше не думалъ. И ему стало теперь совѣстно за себя, совѣстно за то, что до сихъ поръ на голыхъ людей онъ смотрѣлъ какъ на предметъ барскаго, бездѣльнаго любопытства.

Дѣйствительно, когда случай столкнулъ его съ ними, онъ посмотрѣлъ на нихъ только съ любопытствомъ. Для него они представлялись лишь оригинальнымъ явленіемъ, которое съ удовольствіемъ можно отъ скуки изучить. Правда, онъ очень заинтересовался ими и необыкновеннымъ бытомъ ихъ, но заинтересовался какъ предметомъ, не имѣющимъ никакой связи съ нимъ, Зерновымъ. Для него они были не люди, а картины съ оригинальными фигурами.

Да иначе Зерновъ и не могъ отнестись. Онъ былъ сынъ своего времени. Время же это вотъ какое: отвращеніе ко всѣмъ иллюзіямъ, смѣхъ надъ всѣмъ, чему еще недавно люди свято вѣрили, холодъ и душевная пустота. Несмотря на молодость, Зерновъ уже съ старческимъ холодомъ относился ко всему, что его лично не касалось. Литературой занимался онъ также какъ личнымъ дѣломъ, прочіе же люди нужны ему были только въ качествѣ театральнѣ публики, благодаря чему всякое его созданіе было пусто-пустымъ мѣстомъ, не занятымъ никакою мыслью, и красивымъ измышленіемъ, лишеннымъ цѣли.

И вотъ ничтожный случай съ калошами навелъ его на рядъ тяжелыхъ размышленій о самомъ себѣ. Отчего онъ не видитъ никакой кровной связи своей личности съ людьми вообще и съ такими надшими существами, какъ его голые сосѣди, въ особенности? И если эту связь снова нельзя соединить, то зачѣмъ онъ пользуется людьми, какъ картиной?... Но, быть можетъ, еще связи не порваны.

Черезъ нѣсколько дней послѣ случая съ калошами Зерновъ испыталъ еще болѣе горькое разочарованіе въ себѣ.

Въ этотъ день онъ всталъ позднѣе обыкновеннаго. Солнце было уже высоко. Голые люди давно убрались на утреннюю добычу. Только внизу оврага лежалъ одинъ изъ нихъ. Зерновъ не обратилъ бы на это вниманія, — валяется оборванецъ въ травѣ и спитъ, — дѣло обыкновенное, если бы двѣ вещи не показались

ему странными; во-первыхъ, голый человѣкъ не лежалъ мертвецки, какъ обыкновенно, а катался по травѣ; во-вторыхъ, катаясь, онъ сильно стоналъ, стоналъ какъ-то по-бабьи, съ тяжелыми охами и причитаніями. Видимо, онъ былъ чѣмъ-то болѣнъ, — болѣнъ, по всей вѣроятности, брюхомъ, — можетъ быть, съ перепоею, можетъ быть, объѣлся тухлой воблы. Онъ теръ себѣ животъ рукой, а когда это не помогало, катался по землѣ съ бабьимъ воемъ.

Зерновъ стоялъ на краю оврага и раздвоился на двѣ половины. Для него было ясно, что надо идти и помочь. Но органическое отвращеніе не позволяло ему сдѣлать шагъ внизъ; оборванецъ имѣлъ сверный видъ. Глаза у него были желтовато-мутные, противные бабьи стоны его вызывали только физическую боль, но не состраданіе. Какъ къ нему подойти? Онъ еще, пожалуй, выругаетъ непристойнымъ словомъ.

Зерновъ стоялъ на краю и раскалывался, съ мучительною болью, пополамъ. Нѣсколько разъ онъ порывался броситься внизъ и сдѣлать что-нибудь для голыша, но непреодолимая брезгливость приковывала его на мѣстѣ. Наконецъ, онъ понялъ, что у него нѣтъ силъ сойти внизъ, и отошелъ въ сторону, отвернулся отъ оврага, опечаленный и совершенно уничтоженный.

Съ этого дня голые люди перестали быть для него картиной; ихъ великолѣпное, типическое безобразіе не доставляло ему больше никакого удовольствія. Напротивъ, безобразіе сдѣлалось безобразіемъ, грязь — грязью, и въ ихъ паденіи онъ уже ничего не видѣлъ красиваго. вмѣстѣ съ этимъ и холодное любопытство его пропало.

Видѣть ихъ теперь ему сдѣлалось просто неприятно, тяжело, часто мучительно. Онъ пробовалъ къ нимъ отнестись съ участіемъ, съ простымъ человѣческимъ участіемъ, пробовалъ войти съ ними въ сношенія, поговорить, посовѣтовать, пожалѣть, но увидѣлъ, что это невозможно. Между собой и голыми людьми онъ не видѣлъ никакой точки соприкосновенія. Даже простаго разговора онъ не могъ представить себѣ. Что они ему скажутъ? И что онъ имъ скажетъ?

Но незамѣтно для себя онъ сталъ разбирать ихъ жизнь, въ то же время, разбирая по косточкамъ себя, незамѣтно для себя ставилъ свою личность и грязныя морды на одну доску.

Въ особенноти неотлучно преслѣдовалъ его вопросъ: чѣмъ эти люди живутъ? Какая сила заставляетъ ихъ жить и что ихъ удерживаетъ отъ смерти?

Повидимому, для нихъ подѣ луной все было кончено, для нихъ, кажется, не осталось ничего, что считается принадлежностью жизни, ни одного признака существованія. Они голы, босы, «не пимши», «не ѣмши», безъ домовъ, безъ семьи, внѣ общества, почти внѣ природы,—чѣмъ же они живы? Часто многіе изъ нихъ напивались; но давала ли имъ водка хотя бы минутное удовольствіе?—рѣшительно нѣтъ. Врачные субъекты послѣ выпивки приходили еще мрачнѣе, на большинство же водка не производила даже отрицательнаго дѣйствія; напившись, они торопились добѣжать до травы, хлопались подѣ первый попавшійся кустъ и засыпали мертвымъ сномъ. Чѣмъ же они жили, что ихъ удерживало отъ смерти?

Предлагая себѣ такіе вопросы, Зерновъ съ болью копался въ себѣ. Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ онъ-то живетъ? Его-то что удерживаетъ отъ смерти? Несмотря на молодость, въ сердцѣ его червоточина; онъ ни во что не вѣритъ, кромѣ жизненныхъ мелочей; онъ ничего не ждетъ, кромѣ завтрашняго дня; все выходящее изъ круга этихъ мелочей онъ считаетъ или глухимъ, или фальшивымъ. Съ людьми онъ ничѣмъ не связанъ. вмѣсто обязательныхъ идеаловъ, у него пустопорожнее мѣсто. Въ мечтахъ и въ жизни онъ одинъ и самъ не знаетъ, ради чего и кого онъ существуетъ. Онъ просто босякъ, только въ другомъ родѣ... Босяковъ, впрочемъ, много теперь; отъ нихъ никому житья нѣтъ; общія ихъ свойства—пустомысліе и наглость... До послѣдняго онъ не дошелъ, но во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ босякъ, которому нечѣмъ жить... Что же удерживаетъ его отъ смерти? Какая сила побуждаетъ его ожидать завтрашняго дня, не покончивъ съ нынѣшнимъ?

И Зерновъ, задавая себѣ подобные вопросы, не зналъ, что на нихъ отвѣтить. Онъ думалъ, что лучше всего на это отвѣтятъ его несчастные сосѣди; они голы, босы, «не пимши», «не ѣмши» и, конечно, лучше всего могутъ сказать, чѣмъ заманчива ихъ жизнь. Они упали на самое дно жизни и, навѣрное, самые компетентные судьи въ рѣшеніи того, что такое жизнь...

Но, проживъ на своей дачѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, онъ никакъ не могъ примѣтить, чтобы голые люди были компетентны въ философскихъ вопросахъ; напротивъ, они выражали своими фигурами очевидное нежеланіе заниматься рѣшеніемъ метафизическихъ задачъ. Они ничѣмъ не волновались. Кажется, не было такой вещи, которою бы они дорожили. Жизнь была для нихъ дешевле копѣйки. Къ разнымъ недочетамъ они относятся съ полнымъ хладнокровіемъ и равнодушіемъ. Равнодушіе и безжизнен-

ность отличали всѣ ихъ дѣйствія; застывшія ихъ фізіономіи не отражали ни малѣйшей игры ума и чувства.

Нѣсколько разъ Зерновъ присутствовалъ при ихъ дракахъ, но никогда не могъ замѣтить гнѣва, озлобленія, мстительности, воодушевленія дерущихся. Обыкновенно дѣло происходило такъ. По неизвѣстной для Зернова причинѣ вдругъ кто-нибудь изъ нихъ бацнетъ своего товарища по уху или по башкѣ; тотъ спустя нѣкоторое время отвѣтитъ обидчику тѣмъ же, т.-е. также бацнетъ его по башкѣ; вслѣдъ затѣмъ оба лѣниво ложатся на траву рядомъ и засыпаютъ. Если же иногда этотъ обмѣнъ оплеухами и продолжался нѣсколько долѣе, то совершался съ обѣихъ сторонъ также съ полнѣйшею лѣнностью.

Но однажды ему довелось быть свидѣтелемъ необычнаго возбужденія всѣхъ голыхъ людей. На одной изъ лужаекъ, на вытоптанномъ мѣстѣ, всѣ они собрались въ кружокъ и съ ажитированными лицами слѣдили за тѣмъ, что происходило внутри круга. Еще не понимая, въ чемъ дѣло, онъ уже издалека слышалъ громкіе возгласы:

— Орель!...

— Рѣшка!...

Когда Зерновъ подошелъ поближе, ему стали понятны возгласы: въ кругу играли въ орлянку — игру настолько же простую, насколько и азартную. Играли, впрочемъ, только нѣсколько челоуѣкъ; остальные были зрителями. Первые съ сосредоточенными фізіономіями метали, но были молчаливы. Шумъ производился не ими собственно, а зрителями. Зрители, казалось, больше волновались, чѣмъ сами игроки; когда монета банкомета летѣла вверхъ, они всѣ, какъ одинъ челоуѣкъ, поднимали головы къ небу; когда же она ударялась объ землю, они опускали голову, слѣдя за тѣмъ, какъ монета ляжетъ — орломъ или рѣшкой; самые же взволнованные вскакивали съ мѣста и гнались за монетой, если она, ударившись на ребро, ꙗвилась въ сторону, куда-нибудь въ траву. Денегъ или вещей у нихъ, очевидно, не было, и волновались они понуству, но, тѣмъ не менѣе, ихъ волненіе неизмѣримо превышало возбужденное состояніе самихъ игроковъ.

Игроки сосредоточенно молчали и по мѣрѣ того, какъ шла игра, становились только болѣе сосредоточенными. Счастье поминутно переходило то къ одному, то къ другому. Слѣпыя «орель» и «рѣшка» то и дѣло передавали судьбу въ разныя руки. Это длилось больше часа. Наконецъ, изъ строя игроковъ большая часть выбыла. Проигравшись до послѣдней копѣйки (на тѣмъ же ихъ

не было никакихъ вещей), они нѣкоторое время съ продолжающимися возбужденіемъ стояли въ кругу, слѣдя за игрой, но скоро, подъ вліяніемъ апатіи, сѣли на траву подлѣ зрителей и уже равнодушно смотрѣли въ кругъ.

Игроковъ осталось только двое. Это были знакомые Зернова—большой верзила съ угрюмою фізіономіей и маленькій, худой мужиченко; они, насколько можно, были вообще неразлучны.

Мрачный верзила и теперь оставался невозмутимымъ, лицо его было, какъ всегда, безстрастнымъ и холоднымъ, и только сосредоточенное вниманіе, съ какимъ онъ слѣдилъ за ходомъ игры, выдавало его возбужденіе. Счастіе, видимо, клонилось на его сторону; онъ всѣхъ обыгралъ и теперь доканчивалъ маленькаго мужиченку, своего товарища и бывшаго Настасьина мужа.

Но за то бывший Настасьинъ мужъ держалъ себя въ высшей степени безпокойно. Маленькое, обезьянье лицо его поминутно мѣняло выраженіе то страха, то радости. Онъ топтался на мѣстѣ, смѣялся, вздыхалъ, плепалъ монету объ полъ, плевалъ съ ожесточеніемъ на нее; а когда она катилась въ траву, онъ какъ-то по-ребячьи бѣжалъ за ней. Но ничто уже не могло спасти его отъ угрюмаго верзилы.

Наконецъ, верзила поднялъ съ земли послѣднія двѣ копейки, принадлежащія ему противнику. Мужиченко на минуту оторопѣлъ. Но затѣмъ, взволнованный и возбужденный, онъ показалъ на свои кубовые шаровары. Происхожденіе кубовыхъ шароваръ было очень простое: шелъ онъ сегодня мимо одного двора, гдѣ они на веревкѣ болтались съ прочимъ бѣльемъ, и взялъ ихъ,—взялъ собственно потому, что они зря болтались, между тѣмъ какъ его портки уже падали съ ногъ; взялъ и тотчасъ надѣлъ ихъ, и вотъ теперь эта предусмотрительность оказалась не лишнею.

— Мечи штаны!—сказалъ онъ съ судорожною улыбкой.

— Въ какую цѣну?—равнодушно возразилъ верзила.

— Цѣлковый!

— Ну, братъ, въ цѣлковый метать не стану.

— Ей-Богу, за этикіе штаны я, бывало, платилъ по цѣлковому!—убѣдительнымъ тономъ проговорилъ мужиченко.

Товарищъ, однако, не убѣдился этимъ сильнымъ доводомъ. Наконецъ, по обоюдному соглашенію, кубовые штаны пошли за семь гривенъ. Когда эта оцѣнка была окончена, верзила лѣниво сказалъ:

— Скидавай.

— Скидавать?—нерѣшительно повторилъ мужиченно и съ нѣкоторымъ конфузомъ оглянулъ присутствующихъ.

— Я, братъ, люблю на чистоту. Скидавай! — подтвердилъ верзила.

Послѣ минутной нерѣшительности мужиченно торопливо скинулъ штаны, свернулъ ихъ комочкомъ и положилъ въ середину круга, оставшись въ своихъ старыхъ порткахъ.

Прошло полчаса сосредоточенной игры, во время которой кубовые шаровары неподвижно лежали на серединѣ круга. Наконецъ, мужиченно поставилъ на конъ послѣднія пять копѣекъ и проигралъ. Верзила лѣниво поднялъ кубовые шаровары съ земли и перекинулъ ихъ черезъ плечо. Мужиченно судорожно улыбнулся, растерянно потоптался на мѣстѣ и предложилъ метать рубаху.

Рубаха его была столь же простаго происхожденія, какъ и кубовые штаны, только болѣе древняго, а потому, по обоюдному согласенію, была оцѣнена въ десять копѣекъ.

— Метать?—спросилъ верзила.

Бывшій Настасьинъ мужъ утвердительно кивнулъ головой.

— Скидавай!

— И рубаху?—переспросилъ мужиченно и оглянулъ по сторонамъ, стыдливо недоумѣвая; но, встрѣтивъ суровыя лица всѣхъ присутствующихъ, онъ торопливо скинулъ рубаху, свернулъ ее комочкомъ и положилъ на кругъ. На немъ осталось только нѣсколько тряпокъ, которыя онъ считалъ портками.

Напряженіе его дошло до послѣдней степени; болѣзненная судорога искажала его лицо. Поставивъ весь гривенникъ, содержащійся въ рубахѣ, онъ слѣдилъ за всѣми движеніями противника. Когда послѣдній метнулъ и монета ребромъ покатила въ сторону, мужиченно со всѣхъ ногъ бросился въ догонку ей и вдругъ радостно крикнулъ: рѣшка! Вслѣдъ затѣмъ онъ поднялъ рубаху, надѣлъ ее и неожиданно отошелъ въ сторону; но стоять у него не было силъ отъ нравственнаго потрясенія, и онъ сѣлъ на траву.

— Не хочешь больше?—спросилъ верзила.

— Ну тебя!—тяжело вздохнулъ бывшій Настасьинъ мужъ.

— Испужался?

— Даже и нисколько не испужался! А такъ, не хочу.

Этимъ игра кончилась.

Черезъ минуту, по приглашенію мрачнаго верзилы, присутствующіе двинулись въ кабакъ и пропили все, что онъ выигралъ.

Зерновъ все это время напряженно слѣдилъ за игрой, за лицами, за всѣмъ происходящимъ, причемъ переживалъ тѣ же чувства, какъ и присутствующіе; были минуты, когда онъ совсѣмъ забывался и готовъ былъ вмѣстѣ съ мужиченкой бѣжать за монетой, чтобы поскорѣе узнать—орелъ или рѣшка. Его сочувствіе поминутно мѣнялось, склоняясь то на ту, то на другую сторону, и только когда бывшій Настасьинъ мужъ снялъ рубаху, симпатія его окончательно склонилась на сторону этого ребенка.

Когда онъ послѣ окончанія игры уходилъ къ себѣ, мысли его были весьма странныя. «Нѣтъ, неправда!... Не обыденныя мелочи привлекательны, не пустяками живы люди... Наоборотъ, привлекательно все необыденное, не мелкое... Привлекательно все, что выходитъ изъ ряда пошлости, все необыкновенное, таинственное, великое, неизвѣстное,—все то, что вызываетъ взрывъ мысли и чувства...»

Впрочемъ, странныя мысли легко объяснить тою странною компаніей, въ которой онъ прожилъ цѣлое лѣто, причемъ мысли эти исключительно онъ относилъ къ самому себѣ. Быть можетъ, также многое зависѣло отъ дурной погоды, измучившей въ это лѣто всѣхъ дачниковъ.

УП.

Лѣто приближалось къ концу. Погода окончательно сдѣлалась дурною. Это съ особенною чувствительностью отразилось на голыхъ людяхъ. Холодный дождь, рѣзкій вѣтеръ, грязь сдѣлали скоро пребываніе ихъ въ норахъ невыносимымъ. Поры то и дѣло заливались у входа красною—отъ примѣси глины—водой.

Голые старались искать другихъ убѣжищъ,—лѣто съ его тепломъ и воздухомъ, все-таки, было лучшимъ временемъ для нихъ. Выгоняемые съ лужаекъ холоднымъ дождемъ, они пробовали прятаться подъ землей; но продолжающійся дождь грязными потоками врвался въ ямы и проникалъ въ самую середину норъ. Выгоняемые водой на подобіе сусликовъ, они выбѣгали оттуда и прятались въ дровахъ и бревнахъ, занявшихъ весь берегъ подъ горой, но сырость и холодъ забирались и подъ дрова.

Некуда имъ было дѣваться. Видъ ихъ сдѣлался жалкій. Всегда мокрые, они дрожали отъ холода; переднія и заднія лапы ихъ были синими. Комки грязи покрывали все ихъ тѣло.

Для нихъ такое сокращеніе лѣта было истиннымъ, невознаградимымъ несчастіемъ. Подъ открытымъ небомъ, въ чистой травѣ,

посреди кустовъ, согрѣваемые тепломъ солнцемъ, они отдыхали послѣ ночлежныхъ притоновъ и другихъ зимнихъ убѣжищъ. Скученные тамъ въ страшномъ воздухѣ, съѣдаемые насѣкомыми, вѣчно избышіе, они убѣгали оттуда при первыхъ лучахъ весеннего солнца, поселялись въ норахъ и вели здѣсь до глубокой осени ту привольную жизнь, которая уже описана. Норы, такимъ образомъ, служили имъ великолѣпными дачами.

И вотъ теперь лѣто пропало для нихъ, и жизнь на волѣ, въ норахъ, стала нестерпимою. Мало-по-малу они стали покидать лоно природы. Приходя на свою дачу, Зерновъ каждый вечеръ не досчитывался одного-двухъ изъ своихъ сосѣдей, физиономіи которыхъ примелькались ему. Одинъ по одному они разбредались неизвѣстно куда, навсегда пропадая для привыкшаго къ нимъ Зернова.

Скоро послѣдній совсѣмъ пересталъ видѣть знакомыя лица. Только двое изъ всего стада голыхъ продолжали жить въ норахъ. Несмотря на скверные дни, они упорно не хотѣли покидать своихъ лѣтнихъ жилищъ. Прячась то въ дровахъ, то по норамъ, они регулярно, въ извѣстные часы дня и ночи, появлялись въ любимыхъ своихъ мѣстахъ.

Это были хорошіе знакомые Зернова: большой угрюмый верзила, бывшій Петрунькинъ отецъ, и маленькій, ничтожный мужиченко, бывшій Настасьинъ мужъ. Теперь они почти не разлучались и жили, повидимому, очень дружелюбно. Вмѣстѣ они отыскивали убѣжища подъ дровами и рядомъ ложились тамъ спать. Когда же изъ-подъ дровъ ихъ выгналъ проливной дождь, падавшій въ продолженіе нѣсколькихъ дней, худой мужиченко приладилъ для житья одну изъ норъ.

Онъ былъ хозяйственный человѣкъ и потому вездѣ находилъ возможность приладиться. Въ данномъ случаѣ надъ одной изъ покинутыхъ норъ онъ воткнулъ вертикально нѣсколько палокъ, привязалъ къ нимъ помощью мочала нѣсколько палокъ горизонтально и прикрылъ всю эту постройку навозомъ, благодаря чему получился навѣсъ отъ дождя; возлѣ же входа въ нору, въ ямѣ, онъ произвелъ дренажъ, выбросавъ глину прямо лапами, вслѣдствіе чего лужа въ ямѣ не застаивалась и норы не затопляла. Въ самую же нору онъ натаскалъ соломы и сѣна, и хотя всѣ эти мѣры не предохранили двухъ товарищей отъ холода и сырости, но они могли спать спокойно.

Иногда они разводили подъ кустомъ огонекъ, грѣлись около него и, въ то же время, варили въ котелкѣ разныя вещи. Котелокъ

бывшій Настасьинъ мужъ добылъ на токулчкѣ съ опасностью для своей жизни, потому что торговка желѣзнымъ хламомъ погналась за нимъ и лишь благодаря сильному дождю ему удалось предохранить свою шею отъ жестокихъ побоевъ. Что касается тѣхъ вещей, которыя варились у пріятелей въ котелѣ, то добываніе ихъ не сопряжено было съ такими трудностями. Картошку очень удобно было выкапывать въ слободскихъ огородахъ, если перелѣзть черезъ штенъ съ достаточными предосторожностями. Хлѣбъ же доставался еще легче; бывшій Настасьинъ мужъ бралъ его съ лотковъ, не вызывая ни малѣйшаго огорченія въ продавцахъ. Нѣсколько разъ, кромѣ того, онъ угощалъ своего мрачнаго друга уткой или курицей; говоря принципиально, утку онъ могъ, конечно, добыть на охотѣ, тѣмъ болѣе, что въ это время начинался уже перелетъ птицъ; но относительно курицы трудно сдѣлать такую оговорку, такъ какъ въ городѣ и по окрестнымъ деревнямъ дикія куры не водились.

Впрочемъ, вопросами о средствахъ жизни пріятели совсѣмъ не занимались, всецѣло погруженные въ борьбу съ разбушевавшимися стихіями. Повидимому, они рѣшились жить здѣсь до послѣдней крайности; вѣроятно, городскія трупобы обоимъ были ненавистны.

Но не суждено было имъ прожить въ любимыхъ мѣстахъ такъ долго, какъ они хотѣли. Ихъ спугнули двое полицейскихъ, проходившіе однажды мимо этихъ мѣстъ.

Вышло ли это случайно или приказано было осмотрѣть всѣ загородныя мѣста, но только городовые, замѣтивъ двухъ босиковъ въ кустахъ, обратили на нихъ вниманіе и велѣли имъ вылѣзть оттуда. Если бы при этомъ не присутствовалъ Зерновъ, хорошо одѣтый баринъ, то, по всей вѣроятности, дѣло кончилось бы тѣмъ, что двое пріятелей были бы спугнуты временно изъ кустовъ, потому что возня со всякаго рода оборванцами полиціи вообще надоѣдаетъ, а въ такую проклятую погоду въ особенности. Но при видѣ барина стражи волей-неволей сочли своимъ долгомъ показать себя на высотѣ призванія и взяли двухъ голыхъ пріятелей.

Одинъ изъ городскихъ ткнулъ въ спину маленькаго мужиченку, другой занялся было мрачнымъ верзилкой. Бывшій Настасьинъ мужъ оробѣлъ и безпрекословно пошелъ впереди полицейскаго; но верзила вызвалъ пререканія.

— Не толкайся!—сказалъ онъ полицейскому, который приказывалъ ему идти.

— Ну, ну! нечего тутъ огрызаться! Иди, когда приказываютъ,—возразилъ полицейскій.

Верзила медленно и нехотя пошелъ впередъ, но оглядывался по

сторонамъ; на его лицѣ лежала обычная печать равнодушія; только въ глазахъ мелькнулъ огонекъ. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впереди своего стража, онъ вдругъ круто повернулся, бросился въ сторону, нѣсколькими отчаянными скачками перепрыгнулъ черезъ крутые овраги и пропалъ подъ горой. Полицейскій сначала оторопѣлъ отъ этой наглости, но по привычкѣ свистнулъ въ свистокъ и побѣжалъ вслѣдъ за бѣглецомъ.

Но бѣглець уже былъ далеко; онъ направлялся прямо къ рѣкѣ. Добѣжавъ до берега, онъ бросился вдоль него, прыгнулъ въ первую попавшуюся лодку и торопливыми усиліями сталъ отталкиваться отъ берега кускомъ доски.

Зерновъ съ волненіемъ слѣдилъ за нимъ и уже мысленно видѣлъ, какъ полицейскій вытаскиваетъ его изъ лодки. Дулъ сильный холодный вѣтеръ; рыжія волны рѣки, гоняясь другъ за другомъ, бѣшено бились о берега, а дальше, къ серединѣ рѣки, онѣ беспорядочно бросались въ разныя стороны, брызгали цѣлыми снопами пѣны вверхъ и ревѣли. Никакому смѣльчаку не пришла бы охота понасть въ середину этого водоворота. У босяка же не было даже веселья; вмѣсто нихъ онъ работалъ кускомъ доски. Но онъ справился съ лодкой, оттолкнулся, повернулъ носъ по вѣтру и закачался на рыжихъ валахъ. На лицѣ его было воодушевленіе и торжество.

Когда стражъ добѣжалъ до берега, лодка была уже далеко; вѣтеръ вертѣлъ ее въ разныя стороны, бросалъ на нее огромными волнами, кидалъ ее внизъ и вверхъ и, наконецъ, понесъ ее въ глубь водоворота. Тамъ скоро она и затерялась среди рыжихъ чудовищъ, метавшихся на рѣчномъ просторѣ.

— Пропадеть, вѣдь, собака!—сказалъ полицейскій, смотря съ конфузомъ и недоумѣніемъ то на рѣку, то на подошедшаго товарища съ бывшимъ Настасьинымъ мужемъ.

Но бѣглець, вѣроятно, предпочиталъ лучше погибнуть, чѣмъ потерять нѣсколько дней свободы. Впрочемъ, Зерновъ, наблюдавшій сверху все, что происходило внизу, долго еще слѣдилъ глазами за ныряющею лодкой; когда же она совсѣмъ скрылась, ему, все-таки, казалось, что онъ видитъ за гребнями волнъ черную точку.

VIII.

Но онъ вдругъ почувствовалъ, что ему холодно. Сырой и рѣзкій вѣтеръ пронизывалъ его насквозь; ноги и руки совершенно ооченьли у него, и мурашки пробѣгали по всему тѣлу. Незамѣтно для себя онъ простоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ приросшій, до тѣхъ

поръ, пока всё члены у него не одеревенѣли. Ясно, что онъ немного нездоровъ.

По дорогѣ въ комнаты онъ рѣшилъ, что завтра утромъ онъ покинетъ дачу, а сейчасъ разведетъ огонь, чтобы согрѣться.

Послѣднее сдѣлать было легко; кругомъ стараго дома валялись гнилыя доски, выдернутые изъ частокола колья, обрѣзки бревенъ. Стоило только набрать этого хлама, чтобы сдѣлать яркій костеръ.

Но онъ находился въ томъ состояніи, когда наименѣе пригодное кажется наиболѣе необходимымъ. Придя въ комнату, онъ смелъ въ одну кучу весь соръ, накопившійся въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, затолкалъ его въ печку и поджегъ. Это ему казалось необходимымъ.

Пока горѣлъ этотъ соръ, онъ затѣмъ собралъ съ оконъ, со стола и со стульевъ всю бумагу и съ этою огромною кучей усѣлся около горящей печки; и что было въ кучѣ, онъ постепенно бросалъ въ печку, внимательно, впрочемъ, разбирая каждую вещь.

Сначала ему пришлось долго возиться съ газетами; ихъ накопилось за лѣто достаточно; онѣ медленно горѣли; скверное время сдѣлало ихъ сырыми и мягкими; на огнѣ онѣ испускали протухлый запахъ. Чтобы всё ихъ сжечь, Зерновъ подкидывалъ ихъ въ печку по нѣскольку нумеровъ заразъ.

Вслѣдъ за газетами въ печку пошли рукописи, исписанныя сплошь прозой. Это были очерки, рассказы, наброски съ натуры, фантастическіе этюды, психологическіе опыты. Копились они въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и напечатанные могли бы занять цѣлый уголъ въ книжномъ магазинѣ, а если бы кто вполнѣ прочелъ ихъ, то могъ до верха засорить свою голову. Во избѣжаніе послѣдняго, Зерновъ постепенно подкидывалъ ихъ въ печку. Печку, въ концѣ-концовъ, они, дѣйствительно, засорили, и огонь въ ней потухъ, вслѣдствіе чего ему понадобилось взять трость и долго шевырять тяжелыя тетради, чтобы снова вспыхнуло пламя.

Послѣ мелкихъ тетрадей Зерновъ взялъ изъ кучи толстую рукопись, содержащую въ себѣ романъ, и нѣсколько мгновеній раздумывалъ, какъ сжечь такое чудовище въ пяти частяхъ. Если его цѣликомъ положить на огонь, то послѣдній сразу погаснетъ; въ виду этого Зерновъ сталъ рвать его по листамъ. Это было занятіе продолжительное, а въ состояніи Зернова—тяжелое, но другимъ способомъ нельзя было уничтожить чудовищную тетрадь; брошенная въ обращеніе, она могла бы проломить страшную дыру въ головѣ уважаемаго читателя, и, ярко представляя себѣ такое несчастье, Зерновъ терпѣливо отрывалъ по листу отъ нея.

Наконецъ, грузная рукопись стала прогорать. Послѣ нея топка пошла быстрѣе, потому что на полу валялись только отдѣльные листики съ небольшими стихотвореніями. Наскоро просматривая стихи, Зерновъ подбрасывалъ поодиночкѣ ихъ въ огонь; каждое изъ нихъ ярко вспыхивало и мгновенно сгорало, не оставляя послѣ себя даже пепла, который улеталъ въ трубу.

Печка прогорала. Въ комнатѣ стало темно. Изъ всего горючаго матеріала осталась только тетрадь съ поэмой. Зерновъ поднялъ ее съ полу и нѣкоторое время перелистывалъ. Не потому, что ему стало жалко жечь ее, но лишь затѣмъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на неповинную вещь. Нѣтъ, ему не жалко было ея... Только справедливость дѣлаетъ литературу дорогою для людей, только защита всего обездоленнаго и погибающаго составляетъ ея содержаніе. Слово имѣетъ свое сердце, и это сердце есть стремленіе къ истинѣ и борьба за все челоуѣчное... Здѣсь же холодныя рѣзмы, красивые образы, рассчитанные на то, чтобы возбудить нервы сытаго... Эта тетрадь—знатная развратница, общающаяся наслажденіе всѣмъ пресыщеннымъ и скучающимъ... Зерновъ перелистывалъ рукопись до конца и тихо положилъ ее на огонь. Огонь давно почти потухъ, и ему пришлось усиленно шевырять палкой въ тлѣющемъ пеплѣ, чтобы поджечь свою поэму; а когда она загорѣлась, онъ ворочалъ тростью листы ея до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что ея уже нѣтъ больше.

Печка протопилась. вмѣстѣ съ этимъ долженъ бы былъ кончиться и острый психозъ Зернова, но на полу осталось нѣсколько тетрадей чистой бумаги. Зерновъ взялъ одну пачку ея, подсѣлъ къ столу, зажегъ лампу и принялся писать,—не письмо, не стихи, не романъ, а статью о босякахъ. Сдѣлать это онъ считалъ необходимымъ передъ отъѣздомъ съ дачи, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ жили и голые люди.

Но онъ былъ такъ разстроенъ въ продолженіе лѣта вообще и въ послѣдніе дни въ особенности, что голова его походила на недавнюю печку, засоренную кучами тлѣющаго пепла, и, такъ же какъ въ печкѣ, онъ долженъ былъ усиленно рыться въ своей потрясенной головѣ, чтобы привести въ порядокъ статью.

Тысячи разнообразныхъ вещей лѣзли ему въ голову, и онъ произвольно выбиралъ изъ нихъ такія, которыя съ особенною настойчивостью мелькали передъ нимъ. Сначала его поразило то обстоятельство, что всѣ голые люди вышли изъ деревни; пораженный этимъ, онъ сталъ спѣшно писать о деревнѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ описалъ природу Туркестана и Мерва, послѣ Мерва

сейчасъ же онъ разсказалъ о толкучкѣ въ городѣ, а потомъ ему почему-то показалось необходимымъ на цѣлой страницѣ распространиться о смертности дѣтей, причеиъ онъ разсказалъ подробно объ одной бабѣ, которая умоляла, чтобы Богъ прибралъ ея дѣвченочкѣ. Потомъ въ статьѣ опять пошли—Туркестанъ, голые люди, сибирская тайга, волки, свободно гуляющіе на просторѣ, бывший Настасьинъ мужъ, ночлежный пріютъ... Все это безсвязно громоздилось другъ на друга и напоминало бредъ. Статья оканчивалась вопросомъ: «Неужели на такомъ безграничномъ пространствѣ для большинства мѣста нѣтъ?»

Когда черезъ нѣсколько дней редакторъ мѣстной газеты читалъ эту рукопись, то недоумѣвалъ, что сдѣлалось съ Зерновымъ? «Это не статья, а буреломъ!»

Зерновъ, по окончаніи статьи, на разсвѣтѣ вышелъ изъ дому и долго бродилъ въ сыромъ воздухѣ утра. Пылающая голова его страшно болѣла, въ то время какъ во всѣмъ тѣлѣ чувствовался ознобъ. Но онъ перемогался, хотя и зналъ, что онъ захватилъ какую-то болѣзнь. Наконецъ, когда взошло солнце, онъ сходилъ за извонникомъ, забралъ вещи и покинулъ дачу.

Въ городѣ онъ также перемогался половину дня. Побывавъ въ своей конторѣ, онъ зашелъ къ знакомому редактору для врученія рукописи, гулялъ въ скверѣ и только послѣ обѣда долженъ былъ слечь въ постель; слегъ—и провалялся цѣлый мѣсяць.

За это время успѣла пріѣхать молодая Зернова и была поражена всѣмъ, что увидала и узнала. Она теряла голову, не зная, что дѣлать и какъ поправить любимаго человѣка. Онъ поднялся съ постели, но уже сильно измѣнившимся во всѣхъ отношеніяхъ. Насчетъ этой переменны окружающіе высказывали различныя мнѣнія, среди которыхъ молодая женщина совершенно растерялась. Друзья совѣтовали ей увезти мужа въ Неаполь. Знакомый редакторъ настаивалъ помѣстить его на излеченіе въ больницу для душевно-больныхъ; докторъ совѣтовалъ обратить вниманіе, главнымъ образомъ, на желудокъ. Но самъ Зерновъ былъ иного мнѣнія. Въ откровенную минуту онъ разъ сказалъ женѣ, чтобы она не беспокоилась, что онъ ничѣмъ не болѣнъ; напротивъ, навсегда освободившись отъ босяка, какимъ онъ былъ, онъ выздоровѣлъ и только еще не знаетъ, какъ лучше употребить свое здоровье.

Каролинъ.

Соціологическіе очерки.

I.

Происхожденіе сотрудничества.—Первобытное общество.

Когда нѣсколько чуждыхъ другъ другу путешественниковъ, заброшенныхъ въ дикую страну, вступаютъ въ компанію для продолженія своего странствованія, когда дикари, живущіе въ одиночку и не связанные никакою общественною организаціей, поднимаются вмѣстѣ для того, чтобъ отразить нападеніе врага или изловить хищнаго звѣря, когда доль — дикая собака Индіи—собирается стаею въ нѣсколько десятковъ штукъ для борьбы съ леопардомъ или кабаномъ, тогда мы имѣемъ примѣры сотрудничества, которое возникаетъ спорадически и на время. Разрозненные индивиды соединяются въ одною, общемъ для нихъ, дѣлѣ. Люди въ такихъ случаяхъ разсуждаютъ, что соединеніе отдѣльныхъ силъ, вообще, лучшее средство для борьбы съ предстоящими трудностями, или же они дѣйствуютъ по аналогіи другихъ подобныхъ случаевъ,—аналогіи, почерпнутой какъ изъ своего, такъ и изъ чужаго опыта. На животныхъ, вѣроятно, вліяетъ только ихъ собственный опытъ, и еще болѣе, такъ же какъ и на людей, привычки и инстинкты. Но могутъ быть случаи, когда у индивида не существуетъ ни одинъ изъ этихъ стимуловъ и, тѣмъ не менѣе, одно присущее ему предрасположеніе къ общественности приведетъ его зачастую къ предпочтенію сотрудничества одиночной дѣятельности. Однако, это предрасположеніе само есть несомнѣнный результатъ вѣка существующей общественности, проявленіе того чувства общительности, которому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписано первообразное значеніе. Спрашивается, какой же стимулъ могъ привести индивида къ сотрудничеству, хотя бы спорадически проявлявшемуся, въ то время, когда индивидъ не владелъ еще въ этомъ отношеніи никакимъ опытомъ, не имѣя ни соотвѣтствующихъ привычекъ, ни инстинктовъ, и не питалъ въ своемъ характерѣ никакого чувства общительности? Какъ же слѣдуетъ представлять себѣ первое происхожденіе сотрудничества?

Нѣсколько индивидовъ, находясь почему-либо вмѣстѣ или по близости другъ къ другу и руководясь каждый только чувствомъ личнаго самосохраненія,

ненія, могли натолкнуться вмѣстѣ на общаго врага или на добычу и въ возникшей затѣмъ схваткѣ замѣтить, что совмѣстная борьба много успѣшнѣе борьбы въ одиночку. Этотъ опытъ невольно припомнится имъ въ слѣдующій разъ при стеченіи подобныхъ же обстоятельствъ и приведетъ къ своему повторенію. Такимъ образомъ, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ сотрудничество можетъ возникнуть изъ совокупнаго дѣйствія индивидуальныхъ стремленій, ведущихъ нѣсколькихъ индивидовъ къ одновременной, одиночной дѣятельности относительно одного и того же объекта. Но гдѣ искать помянутыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ? Допустимъ ли мы, что первое, хотя бы кратковременное соединеніе индивидуальныхъ силъ произошло на почвѣ случайнаго сближенія многихъ взрослыхъ субъектовъ, до того момента не имѣвшихъ ничего общаго? Вѣроятность такого сближенія гораздо слабѣе, нежели вѣроятность случаевъ другаго рода. Наиболѣе широкую возможность такого сочетанія индивидуальныхъ силъ, которое благопріятствовало происхожденію сотрудничества, природа открыла въ условіяхъ полового размноженія. Гораздо раньше, чѣмъ индивиды сходились для чего-нибудь другаго, возникали пары разнополыхъ индивидовъ для удовлетворенія половой потребности. Здѣсь не мѣсто пытаться вскрыть фізіологическій генезисъ полового сожитія. Половое сожитіе, пока оно ограничивается однимъ удовлетвореніемъ половой потребности, есть фактъ только біологическій; то же значеніе принадлежитъ собственной женщинѣ и самгѣ особенной заботливости о молодомъ поколѣніи, которое до возмужалости опекается матерью. Но уже въ животномъ царствѣ къ біологическому элементу въ половомъ сожительствѣ присоединяется элементъ соціологическій—сотрудничество самца и самки. Какъ возникло оно?—на такой вопросъ нѣтъ иного отвѣта, кромѣ приведеннаго уже выше. Самецъ и самка, находясь во время спаренія вмѣстѣ, могли наткнуться на общаго врага или на добычу и, движимые каждый чувствомъ собственнаго самосохраненія, одновременно сдѣлаться съ общимъ противникомъ, послѣ чего узнали всю выгоду сотрудничества; сознание этой выгоды привело къ его повторенію, повтореніе — къ образованію соотвѣтствующихъ привычекъ, а потомъ и инстинктовъ, причемъ новый опытъ все распространялъ и распространялъ тѣмъ же путемъ сотрудничество на новые случаи. Чѣмъ больше самецъ помогалъ самкѣ въ ея заботахъ и о собственной безопасности, и о безопасности и продовольствіи дѣтенышей, чѣмъ дольше онъ оставался при ней для этой цѣли, тѣмъ болѣе они оба, при прочихъ равныхъ условіяхъ, имѣли шансовъ съ наибольшимъ успѣхомъ продолжить и сохранить свой видъ въ потомствѣ. Потомство такихъ родителей выживало на счетъ потомства другихъ индивидовъ, менѣе склонныхъ или менѣе способныхъ къ сотрудничеству во время спаренія, и, унаследовавъ отъ своихъ родителей ихъ качества, осуществляло ихъ потомъ въ своей собственной половой дѣятельности.

Еще болѣе благопріятствовало образованію и развитію сотрудничества сожительство молодыхъ индивидовъ въ семьѣ. Потому ли, что родители

производить на свѣтъ заразъ по нѣсколько дѣтенышей (какъ у многихъ животныхъ), или потому, что ребенокъ многіе годы долженъ оставаться при матери, прежде чѣмъ будетъ предоставленъ самому себѣ (какъ у чело-вѣка), представители молодаго поколѣнія проводятъ свою юность въ сре-дѣ себѣ подобныхъ, имѣя постоянно случай къ сотрудничеству въ борьбѣ съ врагами, въ добываніи пищи и преодоленіи различныхъ препятствій. И здѣсь первое происхожденіе сотрудничества надо представлять себѣ какъ случайное, проистекающее изъ одновременно дѣйствующаго, общаго всѣмъ, чувства самосохраненія; и здѣсь это случайное путемъ повторенія переходить въ постоянное, поддерживаемое привычкой и инстинктомъ. При до-статочномъ развитіи сотрудничества въ семьѣ, индивиды уносятъ съ собою въ самостоятельную жизнь симпатію къ индивидамъ своего вида и нѣко-торое умѣнье и, пожалуй, склонность дѣйствовать въ извѣстныхъ случа-яхъ вмѣстѣ съ себѣ подобными. У нихъ остается болѣе или менѣе смуг-ное или ясное сознаніе о томъ, что отраженіе сильнаго врага, преслѣдо-ваніе крупной добычи и т. п. требуютъ сотрудничества. Все это дѣлаетъ ихъ готовыми къ общенію съ себѣ подобными, а, можетъ быть, и пред-располагаетъ ихъ къ нему, какъ скоро въ немъ встрѣчается надобность. Такимъ образомъ, условія первоначальной домашней жизни и воспитанія глладутъ первый зародышъ будущаго сотрудничества взрослыхъ индивидовъ. Когда возникаетъ подобная дѣятельность, хотя бы спорадически и на время, въ ней сказываются уже склонность и умѣнье, приобретенныя въ ранней юности въ семьѣ; нѣтъ необходимости отрицать безусловно возможность возникновенія сотрудничества внѣ всякой зависимости отъ условій пред-шествовавшей семейной жизни, но нѣтъ, кажется, и надобности пояснять болѣе, что такое возникновеніе должно было имѣть за себя относительно менѣе шансовъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, когда первобыт-нымъ индивидамъ, чуждымъ еще всякой общественной жизни, приходилось сходиться въ совмѣстной дѣятельности, спорадически и на время, въ нихъ говорила уже привычка, вынесенная изъ семьи.

Отраженіе врага, преслѣдованіе добычи, устройство общаго жилища, переселеніе съ мѣста на мѣсто, — вотъ тѣ элементарныя функціи, которыя въ домашней жизни молодыхъ индивидовъ способны соединять ихъ вмѣстѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что именно для выполненія этихъ функцій, начиная съ животныхъ и кончая чело-вѣкомъ, разрозненныя индивиды соединяютъ свои силы для спорадическаго сотрудничества, а равно на этихъ функціяхъ по преимуществу сосредоточивается дѣятельность первобытныхъ группъ, сложившихся въ прочныя, постоянныя общества. Отраженію врага принад-лежитъ среди перечисленныхъ функцій наиболѣе коренное значеніе. Силы дѣтеныша и ребенка могутъ быть еще слабы для того, чтобы слѣдовать за взрослыми на охоту; имъ можетъ недоставать еще нужной ловкости для того, чтобы принимать участіе въ заботахъ по устройству жилища, — да обыкновенно жилище оказывается достаточно благоустроеннымъ до появле-нія ихъ на свѣтъ; еще менѣе обыкновеннымъ событіемъ ранней юности

бываетъ переселеніе съ мѣста на мѣсто. Въ противоположность этому, одно чувство самосохраненія побуждаетъ дѣтеныша и ребенка, какъ только силы ихъ сколько-нибудь окрѣпли, принять участіе въ общей схваткѣ при нападѣнн на ихъ жилище какаго-либо хищника. Точно такъ же взрослые индивиды, живущіе разрозненно, соединяются вмѣстѣ преимущественно въ видахъ отраженія врага; соединенія въ видахъ общаго путешествія имѣютъ ту же основу, обезпечивая индивидамъ безопасность во время переселенія. И въ первоначальныхъ обществахъ ядромъ ихъ служить всегда соединеніе въ видахъ защиты отъ нападенія. «Изъ числа выгодъ, доставляемыхъ стадоу, та, которая является, по всей вѣроятности, самою первою и которая навсегда остается для многихъ животныхъ самою важною, есть сравнительная безопасность, доставляемая болѣе раннимъ открытіемъ враговъ» (Спенсеръ). У человѣка сожителство въ общихъ поселеніяхъ разсчитано на легчайшее отраженіе хищниковъ изъ среды животнаго и человѣческаго міра, а позднѣе наиболѣе прочная и распространенная государственная форма общежитія всецѣло вырастаетъ изъ военной организаци живущихъ вмѣстѣ индивидовъ. Наконецъ, въ высокой культурной средѣ спорадическіе союзы для сотрудничества, какъ, наприм., компаніи путешественниковъ, возникаютъ по преимуществу въ видахъ совмѣстной борьбы съ какими-либо опасностями или вообще препятствіями; они клонятся не столько къ общему приобрѣтенію какихъ-либо выгодъ, сколько къ борьбѣ съ невыгодами, и участіе въ выгодахъ является только результатомъ участія въ борьбѣ. Однимъ словомъ, отраженіе общаго врага, составляющее первообразъ всякой борьбы съ препятствіями, есть та функція, которая выступаетъ наиболѣе ярко какъ въ спорадическихъ соединеніяхъ индивидовъ, такъ и въ первоначальныхъ обществахъ; этой же функціи принадлежитъ первенствующее значеніе и въ домашней жизни молодаго поколѣнія. Изъ дому дѣтеныши приносятъ въ самостоятельную жизнь привычку соединяться съ подобными себѣ для отраженія общей опасности.

Повторяясь изо дня въ день, изъ года въ годъ, сотрудничество данной группы,—будетъ ли то семья, или группа взрослыхъ, возникшая случайно,—при продолжающихся къ тому благопріятныхъ условіяхъ становится если не въ томъ же, то въ одномъ изъ послѣдующихъ поколѣній—постояннымъ; въ такомъ случаѣ она соединяетъ индивидовъ до ихъ смерти, и новое поколѣніе рождается среди обстановки, созданной сотрудничествомъ ихъ родителей. Такъ наступаетъ новая фаза въ развитіи сотрудничества. Отдѣльные индивиды представляются намъ связанными, въ такомъ случаѣ, отношеніями, изъ которыхъ каждое есть постоянная возможность ихъ сотрудничества. Совокупность такихъ отношеній называютъ обществомъ. Общество создается, стало быть, сотрудничествомъ многихъ индивидовъ; оно есть первый крупный результатъ его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, условіе его дальнѣйшаго развитія.

Общеніе двухъ разнополыхъ индивидовъ, хотя само и даетъ поводъ къ ихъ сотрудничеству, покоится, однако, на ихъ половой связи и потому не

представляет общества. Но, съ другой стороны, сотрудничество самца и самки влияет въ томъ направленіи, что дѣлаетъ ихъ сожителство болѣе прочнымъ и болѣе продолжительнымъ, нежели этого требуетъ половая потребность; въ той мѣрѣ, въ какой сожителство самца и самки, мужчины и женщины поддерживается и продолжается ихъ сотрудничествомъ, въ этой мѣрѣ оно является если не обществомъ, то первымъ зародышемъ общества. Обществомъ его не слѣдуетъ называть еще и потому, что оно ограничивается определеннымъ періодомъ времени, — обыкновенно періодомъ, необходимымъ для вскормленія и возрощенія дѣтей. Подобное же намъ приходится сказать и объ общеніи молодого поколѣнія въ семьѣ подъ попеченіемъ матери или обоихъ родителей. Это общеніе покоится на физиологическихъ условіяхъ развитія молодого поколѣнія; но точно такъ же, какъ и половое сожитіе, оно даетъ поводъ къ сотрудничеству сожителямъ. Какъ скоро общеніе индивидовъ въ кругу такого сожителства начинаетъ поддерживаться именно ихъ сотрудничествомъ, въ немъ зарождается общество. Сотрудничество должно приобрести для этого постоянство, сдѣлаться непрерывнымъ или, точнѣе, постоянно возобновляющимся; оно удерживаетъ индивидовъ вмѣстѣ и послѣ того, какъ они перестаютъ нуждаться въ родительскомъ попеченіи. Если оно удержитъ ихъ вмѣстѣ на всю ихъ жизнь, если это его дѣйствіе распространится на послѣдующія поколѣнія и охватитъ, такимъ образомъ, большое количество индивидовъ, то общество слѣдуетъ считать возникшимъ. Общество есть соединеніе индивидовъ постоянное, распространяющееся на многія поколѣнія, отличающееся, притомъ, и многочисленностью входящихъ въ его составъ членовъ. Постоянный характеръ единенія есть существенная черта общества; многочисленный составъ его — обыкновенное его свойство.

До образованія общества прочное и возможно продолжительное половое сожитіе двухъ индивидовъ служило гарантіею наибольшей безопасности молодого поколѣнія въ ранней юности; тѣсное и возможно продолжительное единеніе дѣтенышей — гарантіею ихъ наибольшей безопасности въ молодости. Въ борьбѣ за существованіе выигрывали тѣ породы, которыя, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, проявляли у себя болѣе прочное и продолжительное половое (брачное) и семейное сожитіе; естественный подборъ способствовалъ поступательному развитію связей обоого рода. Съ образованіемъ общества эти связи теряютъ свое первоначальное значеніе. Польза, ими приносимая — обезпеченіе молодого поколѣнія отъ опасностей — въ значительной степени могла осуществляться теперь самимъ обществомъ; напротивъ, обособленіе индивидовъ въ семейныхъ группахъ служило помѣхой крѣпости и сплоченности общества. Когда еще не знали искусственныхъ жилищъ, тогда въ жизни кучею могла заключаться главная сила общества; когда, наконецъ, дошли до изобрѣтенія какимъ-либо жилищъ, служившихъ мѣстомъ общаго поселенія для всѣхъ членовъ даннаго общества, тогда выгоды, представляемыя такими жилищами въ борьбѣ съ хищниками и стихіями, были одни изъ главныхъ стимуловъ, приводившихъ индиви-

довъ къ сожителству большими группами. Но тѣсное сожителство безъ жилища или въ одну общему жилищѣ не совмѣщалось съ сохраненіемъ пространственныхъ границъ, которыя раздѣляли бы одну отъ другой отдѣльныя семьи, а тѣмъ самымъ подрывало обособленность полового и семейнаго общенія. Первоначальное стремленіе къ общественности идетъ въ разрѣзъ наклонностямъ къ брачному и семейному сожителству,—наклонностямъ, которыя могли быть выработаны сильно въ предшествовавшемъ періодѣ развитія. Этотъ антагонизмъ наблюдается уже въ животномъ царствѣ. Общество вездѣ, гдѣ оно пустило корни, повело къ ослабленію и даже истребленію первобытныхъ семейственныхъ наклонностей. Грубѣйшій способъ выработало царство насѣкомыхъ—пчелы и муравьи, въ обществахъ которыхъ большинство самокъ лишаются насильственно самой способности къ половому размноженію и, такимъ образомъ, въ зародышѣ уничтожается возможность образованія внутри общества какихъ-либо семейныхъ группъ; не «семейное начало» приводитъ муравьевъ и пчелъ къ обществу, какъ это часто говорятъ про ихъ общины, которыя, въ то же время, суть какъ бы многочисленныя семьи, но стремленіе превратить первоначальную семью въ общину, путемъ уничтоженія въ молодыхъ самкахъ способности къ размноженію, и вмѣстѣ съ этою способностью и потребности уйти изъ совмѣстной жизни съ маткою и сестрами для образованія своей собственной семьи. Матка пчелинаго или муравьиного роя есть единственная въ немъ плодущая самка, рой есть потомство одной матери, и, тѣмъ не менѣе, онъ не составляетъ только семьи въ естественномъ смыслѣ слова,—онъ есть семья, удержанная въ сборѣ долѣе, нежели то требуется естественными условіями размноженія вида, онъ, стало быть, не только продуктъ развитія чего-то, ранѣе его существующаго, но первый шагъ къ чему-то новому, неизвѣстному въ дообщественной жизни индивида. «Начало», создающее общественность, и у насѣкомыхъ то же, что у млекопитающихъ: вліяніе внѣшнихъ условій и очевидная выгодность совмѣстной жизни и дѣятельности въ борьбѣ за самосохраненіе и сохраненіе лица. Въ царствѣ млекопитающихъ неприменимо средство, выработанное въ царствѣ насѣкомыхъ, самки млекопитающихъ не такъ плодовиты, какъ самки насѣкомыхъ, и искусственное подавленіе въ нихъ способности къ размноженію повело бы только къ скорѣйшему вымиранію всего вида. У млекопитающихъ общественность могла образоваться только подъ условіемъ большой пощадности по отношенію къ способности индивидовъ къ размноженію; но самый процессъ размноженія долженъ былъ отрѣшиться отъ прежней изолированности. При этихъ условіяхъ первобытное общество принимаетъ форму стаднаго сожитія съ весьма ослабленными половыми и семейными связями: союзъ самца и самки, мужчины и женщины почти низводится до кратковременнаго соединенія ихъ для удовлетворенія половой потребности, а отъ семейнаго союза остается только особая близость матери къ дѣтямъ въ продолженіе ихъ младенчества. Многія животныя дошли до стадообразнаго состоянія; у однихъ породъ оно носитъ еще непостоянный характеръ, у другихъ—оно достигло

постоянства. Въ такомъ состояніи живутъ наиболѣе близкіе къ человѣку шлекопитающіе—обезьяны. Вѣроятнѣе всего, что именно въ стадообразномъ состояніи выработалась человѣческая порода; существенное достоинство человѣка—разговорная рѣчь—не могла бы развиться внѣ общества. Стало быть, справедливо, что человѣкъ—животное общественное. Если человѣческая порода выработалась изъ какой-либо животной породы, то произвести человѣка могла только порода, которая дошла до общества. Общество сопутствовало человѣчеству въ его пеленкахъ. Справедливо и то, что стадообразное состояніе есть первобытное состояніе людей, такъ какъ такое состояніе есть первая форма общества. Развитіе дообщественное принадлежитъ животному царству.

Въ первобытномъ человѣческомъ обществѣ отсутствуетъ всякое понятіе о степени родственной связи, отдѣльные индивиды именуется по ихъ физическимъ особенностямъ («высокій» и «хромой»), половое сожитіе «устанавливается насиліемъ и держится склонностью», неприкосновенность брачныхъ узъ зависитъ или отъ воли женщины, или отъ силы кулака, которыми мужчина устраняетъ своихъ соперниковъ; вѣрность и цѣломудріе неизвѣстны, опасность кровосмѣшенія не подозрѣвается, а отказъ женщины вступить въ связь съ мужчиною равносильнъ его оскорбленію. Отсутствие семейной жизни и крайняя непрочность брачныхъ узъ—вотъ типическія черты первобытнаго общества. Оно—общество простое, не сложенное изъ другихъ, болѣе мелкихъ группъ,—напротивъ, нивелирующее всё, болѣе мелкія подраздѣленія. Такое нивелированіе способствуетъ наибольшей сплоченности самого общества; оно отступаетъ только тамъ, гдѣ брачныя и семейныя узы и при новомъ порядкѣ вещей сохраняютъ свою пользу въ дѣлѣ сохраненія вида. Изъ двухъ мнѣній, изъ которыхъ по одному—индивидуальное обладаніе женщинами выработалось изъ «коммунальнаго» брака, гдѣ женщины данной общины считались принадлежащими всей общинѣ (Леббокъ), а по другому—«даже въ доисторическія времена безпорядочное половое сожитіе сдерживалось установленіемъ индивидуальныхъ связей, являвшихся слѣдствіемъ мужскихъ вусовъ и склонностей и поддерживавшихся противъ другихъ мужчинъ открытою силой» (Спенсеръ, Ковалевскій), справедливость остается за вторымъ, ибо первобытное человѣчество унаследовало отъ своихъ прародителей изъ животнаго міра наклонности къ возможно-продолжительному и прочному брачному и семейному сожитію (и вмѣстѣ съ ними—чувство равенности), которыя въ дообщественный періодъ одни служили залогомъ сохраненія вида, но только наклонности эти были ослаблены общественностью въ той мѣрѣ, въ какой это было необходимо для прочнаго развитія самой общественности. Къ полному уничтоженію ихъ общественность у человѣка вести не могла; общество не могло принять на себя всѣхъ функций, которыя исполнялись совмѣстною дѣятельностью самца и самки, оно не могло замѣнить малолѣтнимъ дѣтямъ ихъ мать. Такимъ образомъ, «у самыхъ низшихъ изъ существующихъ нынѣ расъ—у огнеземельцевъ, у австралийцевъ, у андаманезцевъ—мы постоянно находимъ болѣе или менѣе

продолжительныя и прочныя половыя отношенія», причежь, наприм., у андамезцевъ, «каждый изъ такихъ брачныхъ союзовъ оканчивается съ отнятіемъ ребенка отъ груди» (Спенсеръ), и повсюду малыя дѣти лѣпятся вокругъ своей матери, пользуясь ея преимущественными заботами. Новое ученіе объ отсутствіи семейной жизни, въ нашемъ смыслѣ этого слова, на первоначальной ступени развитія человѣка примиряется такимъ путемъ съ древнимъ вѣрованіемъ человѣка въ то, что наклонность къ семейной жизни есть его прирожденное свойство, и согласуется съ тѣмъ очевиднымъ фактомъ, что до нѣкоторой степени бракъ и семья составляютъ уже достояніе животнаго міра. Говоря словами Дарвина, беспорядочное половое развитіе знаменуетъ то состояніе, когда человѣкъ подвинулся впередъ въ развитіи своихъ интеллектуальныхъ способностей, но ретроградировалъ въ своихъ инстинктахъ, но нѣтъ надобности связывать это объясненіе съ какимъ-либо случайнымъ обстоятельствомъ, наприм., малымъ числомъ женщинъ, какъ это дѣлаетъ, наприм., Мэнъ. Нѣтъ надобности нитаться объяснить беспорядочное половое сожитіе, какъ случайное исключеніе или какъ результатъ нравственнаго паденія нѣкоторыхъ полудикихъ народностей. Въ такихъ объясненіяхъ не нуждается то, что носить всѣ признаки необходимой ступени всеобщаго развитія и что удобно объясняется какъ таковая; надо только помнить, что поступательное развитіе цѣлаго не всегда согласуется съ поступательнымъ развитіемъ частей. Въ интересахъ поступательнаго развитія цѣлаго—связей болѣе сильныхъ и обширныхъ, мелкимъ связямъ, хоти бы и существеннымъ по своему значенію, прихотится по временамъ ослабѣвать и отступать на задній планъ.

Повсемѣстное распространеніе «беспорядочнаго половаго сожитія», думается, не должно бы подлежать болѣе сомнѣнію. Приводить въ подробности относящіяся сюда факты русскому автору нѣтъ надобности послѣ того сопоставленія ихъ, которое уже нашло себѣ мѣсто въ замѣчательныхъ трудахъ Максима Ковалевскаго о первобытномъ правѣ и Николая Зибера о первобытной экономической культурѣ. Въ новое время беспорядочное половое сожитіе наблюдалось у нѣсколькихъ народцевъ въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, каковы бушмены и разныя негртыянскія племена въ Африкѣ, тикурь и эруляри въ Остѣ-Индіи, жители о-въ Андаманскихъ и Никобарскихъ въ Бенгальскомъ заливѣ, нѣкоторыхъ округовъ Новой Зеландіи и Южной Америки, краснокожіе Калифорніи и населеніе о-ва Шарлоты близъ Сѣверной Америки. Исторія свидѣтельствуетъ о существованіи беспорядочнаго половаго сожитія у славянскихъ племенъ, каковы чехи, по свидѣтельству Козьмы Пражскаго, радимичи, вятичи и сѣверяне, по свидѣтельству Нестора, далѣе — у племенъ, населявшихъ Перу до нашествія инковъ, у тирренцевъ въ древней Италіи, у племенъ, населявшихъ во времена Геродота Скиюю, Кавказъ и Ливію. Пѣсни указываютъ на тотъ же порядокъ половыхъ отношеній у древнихъ ирландцевъ, легенды—у китайцевъ до эпохи Руги и у грековъ до основанія Аѳинъ. Вторымъ доказательствомъ того же положенія служить широкое распространеніе обычаевъ, которые истол-

ковываются, наилучшимъ образомъ, какъ остатки или переживанія безпорядочнаго полового сожитія. Такова крайняя легкость брачныхъ узъ у многихъ дикарей и полудикарей, которая стоитъ какъ бы на границѣ между безпорядочнымъ половымъ сожитіемъ и бракомъ; впрочемъ, эту легкость можно разсматривать и какъ безпорядочное половое сожитіе, которое не дошло до возможной для него полноты. Но характеръ остатка принадлежитъ той свободѣ половыхъ отношеній, которая открыто признается за дѣвушками до выхода ихъ замужъ и упоминается какъ древними писателями, такъ и современными намъ наблюдателями Стараго и Новаго Свѣта. Переживаніе составляютъ игрища, бывшія въ большемъ распространеніи у русскихъ («безстыдна и скверна» въ ночь Св. Воскресенія, ночь на Ивана Купалу, ночь подъ Рождество и Крещеніе, красная горка, посидѣлки и вечерницы), отчасти сохранившіяся до сего времени въ видѣ простыхъ забавъ и символическихъ обрядовъ, подобныя же сходбища въ Граунбюнденѣ до XVI вѣка и обычай молодыхъ мужчинъ ходить ночевать къ незамужнимъ женщинамъ въ Вюртембергѣ, Баваріи, въ кантонахъ Швицъ и Ааргау. Таковы далѣе религиозныя празднества, соединенныя съ распущенностью нравовъ,—празднества, особенно часто упоминаемыя на страницахъ древней исторіи. Таково же безпрепятственное кровосмѣшеніе, извѣстное и по рассказамъ путешественниковъ, и изъ исторіи (Франція V в.), и изъ мнѳологіи (Индія), и изъ преданій (Геродотъ), и свое символическое выраженіе нашедшее, можетъ быть, въ побратимствѣ и посестримствѣ южныхъ славянъ. Особый видъ переживаній безпорядочнаго полового сожитія составляютъ тѣ формы, которыя выработались при установленіи прочнаго индивидуальнаго брака, какъ уступка порядку вещей стараго времени. Таково добровольное проституированіе женщинъ въ храмахъ (религиозный гетеризмъ), особенно распространенное въ древности, таковъ гостепримный гетеризмъ, достаточно распространенный и по сіе время, но по большей части уже въ видѣ простаго обряда; таковы исключительныя права, которыя предоставляются жрецамъ, начальникамъ и инымъ лицамъ по отношенію къ новобрачной. Всеобщее распространеніе «безпорядочнаго полового сожитія», повторяемъ, должно бы почитаться достаточно доказаннымъ. Другой вопросъ—слѣдуетъ ли истолковывать его, какъ необходимую стадію на пути *прогрессивнаго* развитія общественной жизни. Отвѣчать на этотъ вопросъ приходится болѣе на основаніи апіорныхъ, нежели апостеріорныхъ заключеній. Надо согласовать безпорядочное половое сожитіе съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что уже въ царствѣ животномъ дообщественная культура вырабатываетъ прочныя зачатки брачной и семейной жизни, которыя, какъ это представляется съ перваго взгляда, должны бы найти въ человѣческомъ мірѣ, на первыхъ же порахъ его существованія, еще болѣе широкое развитіе. На предшествующихъ страницахъ этого очерка была предложена попытка такого согласованія.

Безпорядочное половое сожитіе должно было бы возникнуть и тогда, если бы первобытное общество выросло изъ спорадическаго соединенія многихъ индивидовъ, первоначально разрозненныхъ. Тенденція обществности

и въ этомъ случаѣ должна была бы стать въ разрѣзъ съ наклонностями къ семейному и брачному сожителству, вынесенному изъ предшествующей, дообщественной жизни, точно такъ же, какъ въ предположенномъ нами случаѣ возникновенія общества изъ первоначальной семейной группы. Но надо ли приводить соображенія въ пользу того, что, по всей вѣроятности, наши формы общегитія ведутъ свое начало, если не исключительно, то по преимуществу, отъ группъ послѣдней категоріи? Нужно съ возможною яркостью представить себѣ всѣ опасности, которыя окружали человѣка въ первобытное время, для того, чтобы рѣшить, — если недостаточно для этого вышеприведеннаго соображенія о происхожденія языка, — куда слѣдуетъ примкнуть первое происхожденіе современной намъ общественной жизни. Индивиды, жившіе разрозненно, — будь то еще животные или люди, — конечно, имѣли возможность сойтись вмѣстѣ и создать сотрудничество; но другой вопросъ — каковы могли быть ихъ шансы на продолжительное сохраненіе своего собственнаго существованія въ разрозненномъ состояніи? Независимо отъ того, расселеніе возмужалыхъ представителей молодаго поколѣнія и ихъ разрозненное существованіе могло происходить лишь благодаря какому-либо стимулу, прямо дѣйствовавшему въ этомъ направленіи (напр., скудость средствъ пропитанія въ районѣ поселенія), а такой стимулъ постоянно парализовалъ бы всякіе зачатки совмѣстной дѣятельности индивидовъ. Врядъ ли такіе зачатки оставили по себѣ обширные слѣды. Ихъ могли оставить только *группы* индивидовъ, и, притомъ, тѣмъ больше, чѣмъ больше мѣстныя условія (обиліе пищи, здоровый климатъ, удобства поселенія) обезпечивали быстрое размноженіе. Простѣйшій способъ образованія группы состоялъ въ соединеніи пары разнополыхъ индивидовъ для полового сожитія. Чѣмъ долѣе индивиды оставались вмѣстѣ, чѣмъ болѣе заботились они оба о существованіи своего потомства, тѣмъ многочисленнѣе и сильнѣе оказывался первоначальный составъ группы. Лишь постепенно послѣдовательный рядъ семейныхъ группъ могъ преобразоваться въ общество. «Общественность можетъ зародиться только тамъ, гдѣ, вслѣдствіе нѣкотораго легкаго видоизмѣненія, у индивидовъ существуетъ меньше, чѣмъ обыкновенно, стремленіе къ широкому разсѣянію. Дѣтеныши тѣхъ же самыхъ родителей, живущіе вмѣстѣ естественнымъ образомъ во все продолженіе молодаго возраста, могутъ обнаружить склонность къ совмѣстной жизни въ продолженіе нѣсколько болѣе длиннаго періода, — могутъ обнаружить стремленіе къ разлученію только въ нѣсколько болѣе позднемъ возрастѣ. Если семья извлечетъ для себя выгоду изъ этого легкаго видоизмѣненія, то въ послѣдующихъ поколѣніяхъ разлученіе будетъ отсрочиваться все далѣе и далѣе, пока оно вовсе не прекратится» (Спенсеръ). Какъ скоро это случится, семейная группа превращается въ общественную. Эта послѣдняя имѣетъ тѣмъ болѣе шансовъ на продолжительное существованіе, чѣмъ болѣе при другихъ равныхъ условіяхъ порядокъ половыхъ отношеній благопріятствуетъ ея росту. Съ нарушеніемъ относительной крѣпости половыхъ соединеній обладаніе женскою половиною первобытнаго общества или состав-

ляло прерогативу старшихъ мужчинъ, или же распредѣлялось между всѣми представителями его мужской половины, размноженіе продолжалось, и къ обществу взрослыхъ примыкали постепенно новыя поколѣнія юныхъ. Участіе всѣхъ взрослыхъ мужчинъ группы или, по крайней мѣрѣ, многихъ изъ нихъ въ обладаніи ея женщинами, повидимому, болѣе содѣйствовало этому росту, нежели прерогативы одного, и вотъ почему, можетъ быть, стадообразное состояніе людей, отъ котораго ведется происхожденіе современнаго общества, характеризуется неизмѣнно, какъ такое, въ которомъ женщины доступны всѣмъ членамъ данной группы. Группы, сохранявшія упорно иной порядокъ половыхъ отношеній, должны были оказаться малочисленными и затерялись въ послѣдующей борьбѣ группъ, не оставивъ по себѣ ясныхъ слѣдовъ въ социальной исторіи человѣчества.

II.

Перениманіе и воспитаніе.

Какіе факторы направляютъ дѣятельность индивида въ томъ его состояніи, когда онъ вовсе не знаетъ еще сотрудничества, когда вся его дѣятельность состоитъ изъ ряда одиночныхъ дѣйствій? Въ этомъ состояніи индивидъ поставленъ лицомъ къ лицу къ окружающимъ его особямъ того же вида, далѣе—къ особямъ другихъ видовъ, наконецъ, къ физическимъ условіямъ существованія; вся психическая жизнь, вся работа сознанія, вся самопроизвольная дѣятельность индивида состоитъ въ борьбѣ его съ этою разнородною средой. Мы исходимъ изъ того воззрѣнія, что борьба есть такой же законъ психической жизни, какъ біологической. Какъ и въ біологической сферѣ, борьба принимаетъ здѣсь то форму непосредственнаго столкновенія, то форму соперничества. При столкновеніи индивидъ защищаетъ и охраняетъ себя отъ врага,—будь то существо чужаго или своего вида,—онъ оберегаетъ себя отъ вреднаго дѣйствія силъ природы, или же, наоборотъ, самъ нападаетъ на окружающій міръ съ цѣлью овладѣнія предметами, нужными для поддержанія его индивидуальнаго существованія. При соперничествѣ—формѣ, наиболѣе приложимой въ отношеніяхъ одного и того же вида,—борьба оставляетъ форму непосредственнаго столкновенія. Сильный индивидъ можетъ вовсе не встрѣчаться съ слабѣйшимъ, и, тѣмъ не менѣе, онъ выживаетъ на ихъ счетъ, потому что искуснѣе ихъ отражаетъ или избѣгаетъ врага, ловчѣе достаетъ себѣ нужную пищу и, такимъ образомъ, доставляетъ себѣ существованіе болѣе безопасное и сытое. Въ той мѣрѣ, въ какой это происходитъ именно на счетъ другихъ индивидовъ, здѣсь происходитъ борьба за существованіе въ формѣ соперничества. Приспособленіе есть путь, которымъ идетъ борьба. Въ этомъ процессѣ приспособленія надлежитъ различать двѣ стороны. Первая состоитъ въ томъ, что индивидъ приспособляетъ свои дѣйствія, а чрезъ то свои способности, всего самого себя, къ окружающей его средѣ. При всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, наиболѣе выигрываетъ тотъ индивидъ, который имѣетъ наследственную или

приобрѣтенную возможность пользоваться въ борьбѣ съ средою приѣмами, относительно цѣлесообразнѣйшими, — другими словами, выигрываетъ тотъ индивидъ, который по своимъ свойствамъ наиболѣе приспособленъ къ даннымъ условіямъ борьбы. Такой индивидъ проживетъ безопаснѣе и сытнѣе прочихъ, сохранитъ лучше нихъ свое здоровье и силы и оставитъ потомство, тоже наиболѣе приспособленное къ борьбѣ. Выживание сильнѣйшихъ на счетъ слабѣйшихъ составляетъ естественный результатъ всѣхъ видовъ борьбы за существованіе. Здѣсь надо условиться, что именно надлежитъ разумѣть подъ силою. Всякое физическое и психическое свойство, которое при данныхъ условіяхъ борьбы можетъ дать индивиду преимущество предъ другими, составляетъ его силу. Смотра по обстоятельствамъ, силу составляютъ какъ обыкновенная мускульная сила, зоркость, чуткость слуха и т. п., такъ еще болѣе — выносливость, ловкость, проворство, хорошая память, смѣтливость, находчивость, смѣлость и т. д., и т. д. Каждое изъ такихъ свойствъ предполагаетъ относительно утонченную первую организацію, относительно высшій уровень умственного развитія, относительное богатство индивида чувствами и идеями. Другая сторона приспособленія состоитъ въ постепенномъ приспособленіи среды къ нуждамъ индивида. Это приспособленіе есть результатъ того постоянного воздѣйствія, которое индивидъ оказываетъ на среду. Индивидъ за индивидомъ, поколѣніе за поколѣніемъ своею дѣятельностью ведутъ къ тому, что окружающая ихъ среда постепенно преобразуется и оказывается все болѣе и болѣе приспособленною къ условіямъ существованія даннаго вида. При всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ — при полномъ равенствѣ физическихъ и духовныхъ силъ и прошлаго опыта — положеніе того индивида будетъ благопріятнѣе, который окажется въ средѣ, наиболѣе приспособленной къ условіямъ его существованія; наиболѣе приспособленная среда содѣйствуетъ наибольшему выживанію индивидовъ. Среда, наиболѣе приспособленная къ извѣстнымъ формамъ индивидуальной дѣятельности, благопріятствуетъ наибольшему сохраненію этихъ формъ; новое поколѣніе, призванное жить въ такой средѣ, тѣмъ самымъ принуждается приспособить себя къ ней, т. е. идти по стопамъ своихъ предшественниковъ. Такимъ образомъ, среда, преобразованная дѣятельностью одного или многихъ поколѣній, способствуетъ къ поддержанію въ послѣдующихъ поколѣніяхъ того же образа дѣйствій. Тѣхъ же свойствъ, которыми отличались ихъ предшественники.

Первое указаніе на полезность или вредоносность извѣстнаго приѣма борьбы индивиду можетъ дать случай, а рядомъ съ нимъ — личная инициатива, самостоятельная переработка умомъ и воображеніемъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ предшествующаго опыта (изобрѣтательность). Воспоминаніе удерживаетъ индивида отъ повторенія невыгодныхъ дѣйствій и ведетъ его къ повторенію выгодныхъ. Съ воспоминаніемъ о совершенномъ при извѣстныхъ условіяхъ дѣйствіи, которое окончилось невыгодно, въ индивидѣ сочетается воспоминаніе о полученномъ такимъ способомъ печальномъ результатѣ, послѣ чего, при повтореніи тѣхъ же условій, индивидъ воздерживается отъ повторенія того же дѣйствія и ищетъ исхода въ иномъ способѣ. Напротивъ,

съ воспоминаніемъ о дѣйствіи, которое окончилось выгодно, въ индивидѣ ассоціируются воспоминанія о достигнутомъ такимъ путемъ благопріятномъ результатѣ, и при повтореніи тѣхъ же условій возникаетъ хотѣніе вновь поступить точно такъ же. Выгодное дѣйствіе имѣеть, стало быть, тенденцію повторяться. Вслѣдствіе повторенія, ассоціація становится привычною, — образуется привычка поступать при извѣстныхъ условіяхъ извѣстными образомъ, — и, наконецъ, наслѣдственной: способность и наклонность поступать такимъ образомъ передаются по наслѣдству. Что при этомъ развиваются соотвѣтствующимъ образомъ и, въ этомъ видѣ, передаются по наслѣдству извѣстные элементы нервной организаціи и физическаго строенія, — тѣ или другія душевныя и физическія свойства, — это, можетъ быть, и не требуетъ упоминанія.

Таковы факторы приспособленія, направляющіе одиночную дѣятельность индивида. Они сохраняютъ въ будущемъ опытность, пріобрѣтенную индивидомъ, и переносятъ ее въ его потомство. Работа разума замѣщается постепенно привычками и наслѣдственными склонностями, и такимъ образомъ освобождается для новаго приложенія; въ областяхъ, давно испытанныхъ, индивидъ живетъ по внушенію наслѣдственныхъ свойствъ и привычекъ, тогда какъ въ новыхъ, неиспытанныхъ областяхъ прокладываетъ себѣ путь работою своего разума. Въ этомъ — выгодная сторона привычекъ и наслѣдственности. Ихъ невыгодная сторона состоитъ въ томъ, что онѣ дѣйствуютъ далѣе границъ ихъ необходимости. Обстановка, въ которой сложился первоначальный образъ дѣйствія, можетъ въ чемъ-либо измѣниться, къ старымъ условіямъ могутъ, наприм., привзойти новыя, и, тѣмъ не менѣе, наклонность дѣйствовать старымъ способомъ погашается не сразу и продолжается даже во вредъ индивиду. Болѣе или менѣе быстрое измѣненіе дѣятельности въ болѣе или менѣе выгодномъ для индивида направленіи зависить въ такихъ случаяхъ отъ большаго или меньшаго присутствія въ индивидѣ способности приспособляться къ новымъ условіямъ существованія, т. - е. въ его способности усвоить новыя ассоціаціи и дать имъ ходъ вопреки прежнимъ ассоціаціямъ, привычкамъ и унаслѣдованнымъ склонностямъ. Такое приспособленіе къ новому порядку вещей произойдетъ медлениѣе, если этотъ порядокъ вызываетъ къ усиленному развитію физическихъ и душевныхъ свойствъ, еще не развитыхъ, быстрѣе — если дѣло идетъ лишь о новой комбинаціи свойствъ, достаточно развитыхъ въ прошедшемъ. Способность измѣнять комбинацію, однажды усвоенную, тоже можетъ быть различна въ различныхъ индивидахъ. Эта способность въ свою очередь служить важнымъ факторомъ въ развитіи индивидуальной дѣятельности, — факторомъ, который составляетъ коррективъ прочихъ ея факторовъ и тѣмъ обусловливаетъ поступательное движеніе ея впередъ. Такъ какъ въ мірѣ, окружающемъ индивида, нѣтъ безусловнаго покоя, и этотъ міръ постоянно измѣняется, то, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, выживутъ лучше тѣ индивиды, которые обладаютъ относительно болѣею подвижностью своей природы, т. - е. способностью быстро, смотря по надобности, отрѣшиться отъ старыхъ воспо-

минаний, привычекъ и склонностей, вообще — отъ старыхъ ассоціацій и образовать въ себѣ новыя ассоціаціи. Процессъ развитія индивидуальной дѣятельности представляетъ намъ процессъ борьбы новыхъ воспоминаній, привычекъ и склонностей съ старыми воспоминаніями, привычками и склонностями; это — та же борьба за существованіе. Изъ всей совокупности воспоминаній, привычекъ и склонностей; присущихъ индивиду, въ этой борьбѣ сильнѣе тѣ, которыя при данныхъ условіяхъ наиболѣе полезны индивиду, т. е. тѣ, которыя наиболѣе отвѣчаютъ (наиболѣе приспособлены) условіямъ борьбы, и они-то развиваются поступательно на счетъ остальныхъ.

Обратимся теперь къ тому случаю, когда дѣятельность индивида принимаетъ форму совмѣстной дѣятельности его съ другими индивидами, т. е. форму сотрудничества. Въ какой мѣрѣ, относительно этого случая, можно повторить что-либо изъ вышесказаннаго о факторахъ одиночной дѣятельности? Сотрудничество есть ничто иное, какъ соединеніе дѣятельности многихъ индивидовъ; для каждаго отдѣльнаго индивида, который входитъ въ такое соединеніе, сотрудничество представляетъ своеобразное усложненіе среды. Между индивидомъ и остальнымъ міромъ становится особая, одушевленная среда, образуемая группою другихъ индивидовъ, вмѣстѣ съ которыми онъ дѣйствуетъ. Назовемъ ее соціальною средой. Сотрудничать или дѣйствовать совмѣстно съ другими для индивида означаетъ воздѣйствовать на окружающій міръ чрезъ посредство другихъ индивидовъ. Эффектъ сотрудничества обыкновенно не равенъ суммѣ эффектовъ, которые могутъ быть получены при прочихъ равныхъ условіяхъ отъ составляющихъ его индивидуальныхъ дѣятельностей въ томъ случаѣ, если бы каждая изъ нихъ происходила отдѣльно. Результаты будутъ неоднаковы, нападетъ ли сотня индивидовъ на хищника общими силами, или же каждый изъ нихъ сдѣлаетъ свое нападеніе отдѣльно отъ другихъ. Въ разныхъ случаяхъ это различіе клонится то къ выгодѣ, то къ невыгодѣ индивидовъ и, такимъ образомъ, самое сотрудничество оказывается для нихъ или выгоднымъ, или невыгоднымъ. Совмѣстное сопротивленіе сильному врагу выгодно, если безъ особыхъ потерь приводитъ къ побѣдѣ; оно — невыгодно, если облегчаетъ ему возможность произвести большое опустошеніе въ рядахъ защищающихся. Совмѣстная охота выгодна, если доставляетъ добычу въ количествѣ, достаточномъ для насыщенія всѣхъ участниковъ; но она можетъ привести ихъ къ ссорѣ и истребленію другъ друга, если результаты ея окажутся скудными. Въ томъ обстоятельствѣ, что выгодный эффектъ сотрудничества можетъ превышать сумму тѣхъ выгодъ, которыя индивиды способны получить, дѣйствуя каждый отдѣльно, слѣдуетъ искать то основное свойство сотрудничества, которое придаетъ ему значеніе *особаго* средства въ борьбѣ индивидовъ за существованіе. Однородное значеніе принадлежит и обществу. Въ обществѣ выражается постоянство, прибрѣтенное сотрудничествомъ; въ обществѣ кроется постоянная возможность повторенія сотрудничества. Въ обществѣ индивидъ, къ нему принадлежащій, находитъ готовую помощь на случай повторенія той потребности своей, которая удовлетворима по преимуществу путемъ

сотрудничества; общество содержитъ въ себѣ также возможность быстрого соединенія индивидуальныхъ силъ на случай возникновенія какихъ-либо новыхъ потребностей, превосходящихъ силы одного индивида.

И такъ, сущность сотрудничества и общества состоитъ въ томъ, что и то, и другое составляетъ особое средство, особую форму въ общей борьбѣ индивида за его существованіе. Конечныя задачи человѣческой дѣятельности однѣ и тѣ же—какъ въ области одиночной дѣятельности, такъ и въ области сотрудничества. Когда индивидъ поставленъ лицомъ къ лицу къ разнородной и враждебной ему средѣ, онъ стремится сознать свои отношенія къ этой средѣ и поступать сообразно съ ними. То же самое въ области сотрудничества. Конечная задача дѣятельности остается здѣсь та же; лишь усложняется средство ея выполнения. Индивидъ регулируетъ свои отношенія къ внѣшнему міру чрезъ посредство социальной среды, чрезъ посредство ея онъ созналъ эти отношенія. Сотрудничество, взятое въ его цѣломъ, обнимаетъ собою всю совокупность интересовъ индивидуальной жизни. Общество не имѣетъ задачъ, отличныхъ по роду своему отъ интересовъ индивида, и съ точки зрѣнія телеологической, умѣстной въ политикѣ, справедливо сказать, что общество существуетъ *ради* индивида. Общеніе, соединеніе индивидуальныхъ силъ подъ однимъ цѣлымъ, есть не болѣе, какъ средство къ удовлетворенію индивидуальныхъ потребностей въ той мѣрѣ, въ которой индивиды, взятые въ одиночку, удовлетворить не въ состояніи. Нѣтъ такой индивидуальной потребности, удовлетвореніе которой не могло бы выиграть отъ приложенія къ ней той или другой формы сотрудничества. Въ наше время даже физиологическія отправления человѣка усовершенствовались къ выгодѣ индивида, потому что сотрудничество, въ формѣ науки и промышленности, указало къ тому лучшіе приемы и средства.

Повторяемъ: существенное отличіе сотрудничества или совмѣстной дѣятельности многихъ индивидовъ надо искать въ особенностяхъ ея эффекта. По строенію же своему сотрудничество есть ничто иное, какъ сочетаніе одиночныхъ дѣятельностей. Потому первоначальные факторы сотрудничества, а равно общества, изъ него вырастающаго, суть тѣ же факторы одиночной дѣятельности. Точно такъ же, какъ и тамъ, первое указаніе на полезность или вредоносность сотрудничества при наличности тѣхъ или другихъ условій можетъ дать случай, а потомъ—личная инициатива индивидовъ, самостоятельная переработка умомъ и воображеніемъ данныхъ, приобретенныхъ предшествующимъ опытомъ (изобрѣтательность). Точно такъ же, какъ и тамъ, ассоціація идей по воспоминанію воздерживаетъ индивидовъ отъ повторенія невыгодныхъ совмѣстныхъ дѣйствій и ведетъ ихъ къ повторенію выгодныхъ; точно такъ же, какъ и тамъ, это повтореніе образуетъ соотвѣтствующія привычки и наследственные склонности. Но развитіе этихъ привычекъ и склонностей предполагаетъ среду болѣе сложную, нежели развитіе привычекъ и склонностей въ области одиночной дѣятельности. Тамъ, для повторенія одиночной дѣятельности, необходимо повтореніе однихъ и тѣхъ же условій внѣшняго міра; здѣсь, помимо того, необходимо еще, чтобы

индивидъ, склоняющійся къ повторенію дѣйствій, характеризующихъ сотрудничество, нашелъ себѣ сочувствіе со стороны другихъ индивидовъ, вмѣстѣ съ которыми ему предстоитъ дѣйствовать. Чтобы актъ сотрудничества могъ повториться, мало хотѣнія одного индивида; надо, чтобы одинаковое хотѣніе возникло одновременно у всѣхъ участниковъ; а такъ какъ хотѣніе опредѣляется воспоминаніями, привычками и наследственными склонностями, то надо, чтобы при наступленіи данныхъ условій у всѣхъ участниковъ заговорили одновременно одинаковыя воспоминанія, привычки и склонности. Въ области одиночной дѣятельности при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ выживаетъ тотъ индивидъ, который, по своимъ свойствамъ, наиболѣе приспособленъ къ даннымъ условіямъ борьбы. Способность дѣйствовать совмѣстно съ другими составляетъ, при многихъ условіяхъ, наилучшее приспособленіе; но для того, чтобы эта способность была примѣнена къ дѣлу, требуется, чтобы индивидъ былъ не одинъ, но оказался бы въ средѣ индивидовъ, обладающихъ таковою же способностью, и тогда всѣ они, вмѣстѣ взятые, получаютъ возможность выжить на счетъ индивидовъ, обладающихъ тою же способностью въ низшей степени или вовсе ею не обладающихъ. Отсюда видно, что по отношенію къ сотрудничеству формула естественнаго подбора гласитъ такъ: въ борьбѣ за существованіе наиболѣе выживаютъ тѣ индивиды, которые наиболѣе приспособлены къ составленію группъ для сотрудничества, полезнаго при данныхъ условіяхъ; изъ многихъ группъ наиболѣе выживаютъ тѣ группы, члены которыхъ въ общей сложности наиболѣе приспособлены къ сотрудничеству, полезному при данныхъ условіяхъ. Возникновеніе сотрудничества не сразу устраняетъ одиночную дѣятельность индивидовъ; съ возникновеніемъ сотрудничества дѣятельность индивидовъ развѣтвляется. Съ одной стороны продолжаетъ существовать, а по временамъ и расти, дѣятельность одиночная, — хищническая въ той мѣрѣ, въ какой она направлена на непосредственное столкновеніе съ вѣншимъ міромъ; съ другой стороны развивается дѣятельность совмѣстно съ другими, устраняющая всякое хищническое чувство по отношенію къ этимъ другимъ, всякое непосредственное столкновеніе съ ними. Развитіе сотрудничества предполагаетъ въ индивидѣ борьбу воспоминаній, привычекъ и склонностей, благоприятныхъ сотрудничеству, съ воспоминаніями, привычками и склонностями, ей неблагоприятными. Далѣе это развитіе предполагаетъ борьбу воспоминаній, привычекъ и склонностей, благоприятныхъ наиболѣе полезному, при данныхъ условіяхъ, сотрудничеству, съ воспоминаніями, привычками и склонностями, которыя удерживаютъ индивида въ кругу прежнихъ формъ сотрудничества, потерявшихъ свою полезность. Внутри группъ развитіе сотрудничества предполагаетъ согласованный между собою ростъ полезныхъ воспоминаній, привычекъ и склонностей въ различныхъ индивидахъ, ибо сотрудничество многихъ индивидовъ, въ каждый данный моментъ, можетъ осуществляться лишь подъ условіемъ, что существуетъ надлежащее соотвѣтствіе въ воспоминаніяхъ, привычкахъ и склонностяхъ этихъ индивидовъ.

На первыхъ порахъ это соотвѣтствіе можетъ достигаться лишь путемъ равномернаго распредѣленія и развитія однихъ и тѣхъ же воспоминаній во всѣхъ индивидахъ, дѣйствующихъ вмѣстѣ. Но несомнѣнно, что при всей простотѣ и при всемъ однообразіи первоначальнаго сотрудничества такое равномерное развитіе возможно лишь въ предѣлахъ, достаточно ограничен-ныхъ; малѣйшая случайность изъ числа тѣхъ, которыя производятъ инди-видуальныя различія, всегда можетъ направить соціальное развитіе индивидовъ по разнымъ путямъ и тѣмъ способствовать ихъ отчужденію и разъединенію. До тѣхъ поръ, пока равномерное развитіе индивидовъ составля-етъ необходимое условіе сотрудничества, это послѣднее является еще шат-кимъ и случайнымъ. Господствующее явленіе состоитъ не въ равномерномъ, но въ неравномерномъ развитіи; и прогрессъ общественности обезпечивает-ся лишь тогда, когда образуются средства, благодаря которымъ сотрудни-чество и общественность могутъ упрочиваться, несмотря на неравномерное развитіе въ индивидахъ нужныхъ для того воспоминаній, привычекъ и склон-ностей,—средства, которыя имѣютъ способность противодѣйствовать этой неравномерности. Каковы же эти средства? Здѣсь мы покидаемъ совершен-но область одиночной дѣятельности и подходимъ къ факторамъ, которые составляютъ исключительную принадлежность соціальной области. образо-ваніе этихъ новыхъ факторовъ должно было произойти постепенно. «Какъ скоро общественность зародилась и какъ скоро выживание наилучше при-способленныхъ начало постоянно поддерживать и увеличивать ее, она бу-детъ увеличиваться въ дальнѣйшей степени унаслѣдованными дѣйствіями привычки. Всегдашнее ощущеніе вокругъ себя родственныхъ существъ, по-стоянно видимыхъ, слышимыхъ и обоняемыхъ, дойдетъ до того, что ста-нетъ господствующею частью сознанія,—частью настолько господствующею, что отсутствіе ея будетъ неизбѣжно вызывать чувство неудовлетворенности, безпокойства, тоски. У такого вида, для котораго стадность выгодна, же-ланіе быть вмѣстѣ будетъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, усиливаться вслѣд-ствіе привычки быть вмѣстѣ». За желаніемъ быть вмѣстѣ послѣдуетъ же-ланіе дѣйствовать вмѣстѣ и одинаково съ другими. «Члены стада, испуган-ные одновременно отдаленнымъ движущимся предметомъ, производя одно-временно же движенія и звуки, сопровождающіе испугъ, видятъ и слышатъ каждый, что эти движенія и звуки производятся остальными его товарища-ми въ то самое время, какъ и онъ производитъ ихъ, и въ то самое время, какъ въ немъ присутствуетъ чувство, побуждающее его къ этимъ движе-ніямъ и звукамъ. Частое повтореніе неизбѣжно устанавливаетъ прочную асоціацію между сознаніемъ страха и сознаніемъ этихъ наружныхъ знаковъ страха у другихъ, такъ что эти движенія и звуки не могутъ быть воспри-яты безъ того, чтобы не возбудить того чувства, которое обыкновенно соединилось съ ними, когда они воспринимались въ прежнихъ случаяхъ. Языкъ страха становится у стадной породы средствомъ возбужденія страха въ тѣхъ, которые сами не могутъ почему-либо замѣтить страшнаго пред-мета. Испуганные члены стада, будучи видимы и слышимы остальными,

возбуждаютъ въ этихъ остальныхъ то чувство, которое они сами обнаруживаютъ, послѣ чего остальные, побуждаемые чувствомъ, возбужденнымъ въ нихъ этимъ симпатическимъ путемъ, начинаютъ производить такіе же движенія и звуки. Процессъ, разъ начавшійся такимъ образомъ, долженъ, вслѣдствіе унаслѣдованія вліяній привычки и вслѣдствіе развитія его путемъ выживанія приспособленнѣйшихъ, сдѣлать быструю и полную симпатію этого простѣйшаго рода положительно органическою. Подъ конецъ одинъ крикъ тревоги, свойственный данному виду, будетъ самъ по себѣ возбуждать въ каждомъ изъ его членовъ чувство страха» (Спенсеръ). Подобнымъ же образомъ устанавливаются другія симпатическія чувствованія. Съ ихъ образованіемъ сотрудничество можетъ существовать и дѣлать успѣхи также тогда, когда индивиды обладаютъ различною воспримчивостію по отношенію къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя вызываютъ ихъ къ этой дѣятельности. Болѣе чуткіе или сообразительные, болѣе приспособленные къ тому, напримѣръ, чтобы ранѣе другихъ замѣтить приближающуюся опасность, издаютъ крикъ тревоги и тѣмъ возбуждаютъ къ дѣятельности менѣе чуткихъ и сообразительныхъ. Симпатическія чувства допускаютъ раздѣленіе занятій между индивидами одного и того общества; часть ихъ можетъ всецѣло отдаться отдыху, домашней работѣ и т. п., а другая часть, оставшаяся на сторонѣ, въ время предупредить своихъ товарищей о приближеніи врага, добычи и т. п. Кто подаетъ первый знакъ къ началу какого-либо дѣйствія, тотъ обыкновенно первый начинаетъ его; другіе же привыкаютъ повторять за нимъ то, что онъ дѣлаетъ. Такое повтореніе тѣмъ болѣе цѣлесообразно, что изъ поданнаго сигнала не всегда можно уразумѣть всю конкретную обстановку даннаго случая, и она разъясняется вполне только тѣми движеніями, которыя тотчасъ же вслѣдъ за сигналомъ производятъ подавшій его. Мало-по-малу устанавливается такой порядокъ, что одни изъ индивидовъ, въ большинствѣ случаевъ, подаютъ знакъ къ началу того или другаго общаго дѣйствія и сами начинаютъ его, а другіе лишь слѣдуютъ за ними, возбужденные и знакомы, и примѣромъ. У тѣхъ и у другихъ такой порядокъ входитъ въ привычку и образуетъ соотвѣтствующія склонности. Группа раздѣляется на ведущихъ и ведомыхъ. Ведущіе—болѣе активный элементъ группы, ведомые—болѣе пассивный. Виѣсть съ воспримчивостію у ведущихъ упражняется и прогрессируетъ изобрѣтательность; быстрѣе другихъ нападаютъ они на мысль о новыхъ приемахъ и формахъ сотрудничества. У ведомыхъ же, напротивъ, способность повторять дѣйствія ведущихъ, знакомыя по опыту прошлаго, понемногу преобразуется въ способность перенимать дѣйствія новыя. Такимъ образомъ вырабатывается новый факторъ, руководящій дѣятельностію индивида,—перениманіе. Въ той мѣрѣ, въ какой въ данной группѣ индивиды способны и склонны перенимать одинъ у другаго, въ этой мѣрѣ полная равномѣрность въ развитіи однихъ и тѣхъ же воспоминаній, привычекъ и склонностей во всѣхъ индивидахъ перестаетъ быть непремѣннымъ условіемъ ихъ совмѣстной дѣятельности. Одинъ слѣдуетъ примѣру другаго не потому, что въ немъ оди-

наково жива та асоціація ідей і чутствъ, которыя въ данномъ случаѣ руководятъ этимъ другихъ, но просто потому, что привыкъ до извѣстной степени повторять все, что бы этотъ послѣдній ни сдѣлалъ, даже если предпринимаемое дѣйствіе не находитъ себѣ полного отклика въ асоціаціяхъ, присущихъ уму перенимающаго. Напротивъ, самое перениманіе служитъ источникомъ новыхъ асоціацій; оно передаетъ перенимающему тѣ асоціаціи, которыя ранѣе того сложились въ умѣ вожака.

Какъ симпатическія чувства, такъ и перениманіе, — по крайней мѣрѣ, низшая форма его — подражаніе развиваются достаточно уже въ тѣхъ зародышахъ общества, которые представляютъ половой союзъ и семья. Въ однихъ случаяхъ самецъ можетъ руководить самкою, въ другихъ руководящая роль принадлежитъ самкѣ; юнцы находятъ въ своихъ обоихъ родителяхъ воплощенный запасъ прежней опытности и богатый источникъ для подражанія, а потомъ служатъ примѣромъ другъ другу, въ той мѣрѣ, въ какой превосходятъ другъ друга въ смѣлости или ловкости, силѣ или сообразительности или въ другихъ качествахъ, по обстоятельствамъ случая открывающихъ первенствующую роль ихъ обладателю. Въ общественной жизни распаденіе индивидовъ на ведущихъ и ведомыхъ повторяется въ каждомъ случаѣ ихъ сотрудничества; съ приобретениемъ сотрудничествомъ постоянства и оно получаетъ для данныхъ индивидовъ постоянный характеръ. Сотрудничество индивидовъ въ обществѣ есть дѣятельность ихъ въ извѣстной группировкѣ. Группировка опредѣляется, съ одной стороны, содержаниемъ данного сотрудничества и распределениемъ въ индивидахъ свойствъ, благоприятствующихъ или неблагоприятствующихъ этой дѣятельности. Постоянство группировки поддерживается привычками и наследственностью индивидуальныхъ свойствъ; оно, наоборотъ, сглаживается тѣмъ влияниемъ, которое чрезъ перениманіе оказывается ведущими на ведомыхъ. При дѣйствіи одной наследственности пропасть между ведущими и ведомыми должна была бы постепенно увеличиваться; но перениманіе составляетъ нивелирующий факторъ, который содѣйствуетъ тому, что ведомые усваиваютъ тѣ асоціаціи, которыя первоначально составляютъ исключительное достоинство ведущихъ. Помимо того, рѣзкость группировки, сложившейся въ силу обстоятельствъ, ослабляется силою новыхъ обстоятельствъ, — путемъ приспособленія къ новымъ задачамъ и условіямъ сотрудничества. Привычки приобретенныя и унаследованныя и тутъ сказываютъ свое тормозящее дѣйствіе. Индивиды ведущіе привыкаютъ играть свою передовую роль, тогда какъ ведомые привыкаютъ слѣдовать за своими вожаками. Всѣ отношенія складываются сообразно этому распределенію дѣятельности и, какъ во всемъ прочемъ, влияние сложившихся такимъ образомъ отношеній и привычекъ служитъ тормазомъ въ дальнѣйшемъ распределеніи той же дѣятельности. Отсюда, между прочимъ, одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ соціального развитія: индивиды, однажды и по достоинству занявшіе роль вожака, сохраняютъ ее долге, чѣмъ заслуживали бы того, въ виду своихъ личныхъ свойствъ, при новомъ направленіи соціальной дѣятельности. Такимъ образомъ, естествен-

ное преобладание родителей надъ дѣтми, старшихъ по возрасту надъ младшими, образовавшееся въ семьѣ, воспроизводится потомъ уже съ меньшими основаніями въ дальнѣйшемъ строѣ общественныхъ отношеній. Это-вліяніе половыхъ, семейныхъ и родовыхъ отношеній на общественныя придаетъ имъ особое соціологическое значеніе, несмотря на то, что ни половой союзъ, ни семья не составляютъ общества въ полномъ смыслѣ этого слова.

Сущность перениманія состоитъ въ томъ, что индивидъ, менѣе подготовленный къ сотрудничеству даннаго вида, т.-е. не обладающій всѣми нужными для того ассоціями, по своей собственной инициативѣ, подчиняясь своему собственному влеченію, повторяетъ дѣйствія, которыя совершаются индивидомъ лучше его подготовленнымъ, и такимъ путемъ усваиваетъ себѣ приемы новой для себя дѣятельности и лежащія въ ея основѣ ассоціи. Индивидамъ ведущимъ, болѣе другихъ способнымъ къ сотрудничеству даннаго вида, а потому болѣе другихъ къ ней расположеннымъ, можетъ доставлять лишь удовольствіе то обстоятельство, что эти другіе приступаютъ къ ней тогда же, когда и они сами ищутъ ея. Индивиды ведущіе привыкаютъ къ тому, что другіе присоединяются къ ихъ почину, и когда почему-либо окажутся индивиды, которые отстаютъ отъ общаго движенія, это обстоятельство причиняетъ ведущимъ неудовольствіе, которое въ нѣсколько меньшей степени должно раздѣляться и прочими ихъ товарищами, уже приступившими къ исполненію общаго дѣла. За неудовольствіемъ возникаетъ желаніе устранить его причину—побудить такъ или иначе отставшихъ послѣдовать примѣру прочихъ. Прежде всего, такое желаніе должно было возникать у взрослыхъ членовъ общины по отношенію къ малолѣткамъ и подросткамъ, менѣе другихъ искуснымъ въ этомъ дѣлѣ,—эти послѣдніе болѣе другихъ нуждались въ постороннемъ возбужденіи для того, чтобы приступить къ нему. Изъ этого источника развились та особая дѣятельность, зачатки которой мы встрѣчаемъ уже въ семьѣ животныхъ и которая состоитъ въ томъ, что взрослое поколѣніе старается передать поколѣнію подрастающему тѣ ассоціи, на которыхъ зиждется совмѣстная дѣятельность даннаго общества. Это — воспитаніе въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Вслѣдъ за малолѣтками и подростками объектомъ воспитательной дѣятельности становятся и взрослые, которые почему-либо отстаютъ отъ общаго движенія и тѣмъ возбуждаютъ неудовольствіе дѣйствующаго большинства общества. Подъ воспитаніемъ, употребляя это слово въ наиболѣе широкомъ смыслѣ, надо разумѣть совокупность всѣхъ тѣхъ приемовъ, которые индивиды употребляютъ для того, чтобы склонить другихъ индивидовъ мыслить и поступать такъ, какъ это представляется имъ наилучшимъ. Съ развитіемъ воспитательной дѣятельности преобразуется и дѣятельность перенимающая. Изъ способности непосредственнаго подражанія вырабатывается способность воспринимать указанія другихъ и слѣдовать этимъ указаніямъ. Эту обратную сторону воспитательной дѣятельности правильно разумѣть тоже подъ перениманіемъ. Въ наиболѣе широкомъ смыслѣ это

слово означает, стало быть, всякое слѣдованіе указаніямъ или примѣру другаго, какъ тогда, когда этотъ примѣръ подается съ желаніемъ вызвать слѣдованіе другихъ, такъ и тогда, когда содѣятелемъ примѣрнаго поступка вовсе не руководитъ такое желаніе.

Въ противоположность перениманію инициатива въ дѣлѣ воспитанія исходитъ отъ индивидовъ ведущихъ, но роль воспитанія совпадаетъ съ ролью перениманія: чрезъ его посредство индивиды, наименѣе подготовленные къ совмѣстной дѣятельности, усваиваютъ себѣ ея приемы и лежащія въ ея основѣ ассоціаціи. Въ сравненіи съ органическою наслѣдственностью перениманіе и воспитаніе открываютъ новые пути для передачи грядущимъ поколѣніямъ опытности прошедшихъ; этими новыми путями въ процессѣ развитія сотрудничества совершается то, что не можетъ быть совершено путемъ одной органической наслѣдственности. При органической наслѣдственности приобрѣтенныя ассоціаціи передаются отъ родителей къ дѣтямъ,—чтобы получить отъ кого-либо его прежнюю опытность, надо родиться отъ него; посредствомъ же перениманія и воспитанія прежняя опытность приобрѣтается отъ любого индивида, не связаннаго съ воспринимающимъ никакими узами родства и крови. При посредствѣ перениманія и воспитанія, сотрудничество многихъ индивидовъ можетъ существовать при такихъ условіяхъ, при которыхъ она была бы невозможна, если бы въ индивидахъ дѣйствовала только одна органическая наслѣдственность. Неодинаковый уровень индивидуальныхъ воспоминаній, привычекъ и склонностей, имѣющихъ отношеніе къ сотрудничеству, служилъ бы безусловнымъ препятствіемъ къ его существованію при дѣйствіи одной органической наслѣдственности; но распространеніе ассоціацій путемъ перениманія и воспитанія обезпечиваетъ существованіе общества и при неравенствѣ соціальнаго развитія его членовъ. Общественность есть такое психическое состояніе нѣсколькихъ или многихъ, сообщающихся другъ съ другомъ, индивидовъ, въ которомъ они, въ силу воспоминаній, привычекъ и склонностей, владѣютъ нѣкоторымъ количествомъ ассоціацій, ведущихъ ихъ къ сотрудничеству, и нѣкоторою способностью усвоить такія ассоціаціи другъ отъ друга путемъ перениманія или образовать ихъ другъ въ другѣ путемъ воспитанія.

Перениманіе и воспитаніе составляютъ вмѣстѣ тотъ процессъ, который называется историческою традиціей, историческою филиаціей, и въ которомъ справедливо усматриваютъ характеристическое явленіе соціальной жизни; ничего подобнаго не происходитъ въ области одиночной дѣятельности индивидовъ. Въ возможности традиціи или филиаціи кроется особое значеніе, особая сила сотрудничества. Хотя уже простое соединеніе единичныхъ силъ само по себѣ составляетъ обстоятельство, которое придаетъ сотрудничеству особую силу въ сравненіи съ одиночною дѣятельностью индивидовъ, но главнѣйшія выгоды сотрудничества обусловлены именно тѣмъ обстоятельствомъ, что при немъ дѣйствуетъ историческая традиція или филиація. Только благодаря этому обстоятельству человечество могло достигнуть своихъ настоящихъ успѣховъ. Процессъ развитія человѣческаго сознанія,

разсматриваемый самъ по себѣ, есть процессъ психологическій; разсмотрѣнный въ его исторіи, онъ есть процессъ социологическій. Безъ сотрудничества и безъ существенной принадлежности его—традиціи или флиаціи—человѣческому сознанию не имѣть бы и миллионной доли того психическаго богатства, которымъ оно владѣетъ нынѣ. Вотъ почему въ исторической традиціи или флиаціи усматриваютъ «главное» явленіе социологіи, въ перениманіи и воспитаніи—важнѣйшіе и, притомъ, специфическіе факторы социальнаго развитія. Но изъ того, что существуютъ особые факторы социальной жизни, которые помимо органической наследственности опредѣляютъ характеръ и судьбу единицъ, вовсе не слѣдуетъ, что существуютъ «спеціальныя» законы, которыми опредѣляется дѣйствіе этихъ факторовъ. По существу своему перениманіе и воспитаніе суть не болѣе, какъ новыя формы борьбы за существованіе. Остановимся сначала на перениманіи. Въ внѣобщественной сферѣ индивидъ дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы приспособить свои дѣйствія къ свойствамъ окружающаго его внѣшняго міра; перениманіе есть способъ приспособить свои дѣйствія и, стало быть, себя самого къ окружающимъ его индивидамъ, т.-е. къ социальной средѣ. Это приспособленіе происходитъ въ интересахъ существованія; отказаться отъ него значило бы устранить себя отъ совмѣстной дѣятельности съ другими, изъять себя изъ ихъ общества, лишитъ себя всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя доставляютъ индивиду сотрудничество и общество. Это приспособленіе къ другимъ есть средство въ борьбѣ индивида съ внѣшнею средой, съ физическимъ міромъ, ибо вводитъ его въ кругъ сотрудничества и тѣмъ самымъ увеличиваетъ его силы въ борьбѣ за существованіе; оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть борьба съ прочими индивидами изъ-за благъ, доставляемыхъ сотрудничествомъ и обществомъ, ибо открываетъ индивиду доступъ къ этимъ благамъ наравнѣ съ другими. Характеръ положенія нисколько не измѣняется отъ того, что для этихъ другихъ присоединеніе къ нимъ перенимающаго можетъ оказаться негоднымъ: изъ генезиса перениманія мы видѣли уже, что конечный источникъ его — чувство самосохраненія. Точно также и воспитаніе есть форма борьбы за существованіе. Въ внѣобщественной сферѣ индивидъ употребляетъ не меньшія усилія, чтобы приспособить къ своимъ нуждамъ силы природы. Кто приручаетъ дикаго звѣря, строитъ лодку, устраниваетъ электрическую машину, прорываетъ туннель, тотъ борется съ природой точно такъ же, какъ и тотъ, кто убиваетъ хищника, отводитъ теченіе рѣки, обезоруживаетъ молнію громоотводомъ или взрываетъ гору. Воспитаніе есть средство приспособить къ себѣ другихъ. Преслѣдуются ли воспитаніемъ грубыя эгоистическія цѣли или же, наоборотъ, самыя возвышенныя, сущность воспитанія остается одна и та же. Кто воспитываетъ, тотъ стремится передѣлать на свой ладъ природу воспитываемаго. Родитель, наставляющій своего ребенка въ правилахъ нравственности, педагогъ, передающій ему знанія, проповѣдникъ, громящій съ церковной кафедры нечестивыхъ, законодатель, угрожающій наказаніемъ за преступленіе, ораторъ, убѣждающій своихъ слушателей въ необходимости извѣстна-

го образа дѣйствій, писатель, внушающій своимъ читателямъ извѣстный образъ мыслей,—всѣ они стремятся къ тому, чтобы сдѣлать другихъ такими, какимъ, по ихъ мнѣнію, долженъ быть каждый членъ общества. Это приспособленіе другихъ происходитъ въ интересахъ существованія приспособляющихся. Генезисъ воспитанія показываетъ, что его первый источникъ лежитъ въ стремленіи индивида усилить число своихъ соратниковъ въ борьбѣ съ окружающимъ міромъ; воспитаніе всегда есть средство для того, чтобы сдѣлать общество такимъ, какимъ оно должно быть въ возрѣніи элемента воспитывающаго, въ крайнемъ случаѣ, чтобы сохранить его въ настоящемъ его видѣ, удержавъ по возможности отъ того, что, справедливо или нѣтъ, представляется паденіемъ или разрушеніемъ. Каждый связываетъ свое наибольшее благополучіе съ тѣмъ состояніемъ общества, которое онъ считаетъ наилучшимъ. Съ такимъ состояніемъ бѣдный труженикъ соединяетъ свое благоденствіе, идеальность—свое душевное спокойствіе, буржуа—свое довольство; даже парій общества, промышляющій наименѣе дозволенными въ немъ средствами, не отказываетъ себѣ въ мечтахъ о совершеннѣйшемъ, съ его точки зрѣнія, общественномъ порядкѣ. Отказаться отъ воспитательной дѣятельности для элемента, связывающаго свое благополучіе съ существующимъ строемъ, значило бы предоставить всѣмъ другимъ идти по ихъ собственному теченію и, можетъ быть, разрушить этотъ строй прежде времени; для элемента, пренебрегающаго современнымъ его строемъ и имѣющаго надежду, что общество когда-либо будетъ такимъ, какимъ оно должно быть, отказаться отъ воспитательной дѣятельности означало бы пожертвовать своими идеалами; наконецъ, для лицъ, отставшихъ отъ общаго развитія, такой отказъ былъ бы равнозначителенъ отказу отъ всякихъ способовъ отсрочить по возможности окончательное разрушеніе той среды, въ которой имъ только еще и дышется. Воспитательная дѣятельность есть борьба, и, притомъ; въ одной изъ наиболѣе ея непосредственныхъ формъ. Такое значеніе ея усвоено уже разговорнымъ языкомъ. Въ обычной рѣчи говорится, что педагоги «борются» съ дурными наклонностями дѣтей, что проповѣдники «громятъ» порокъ, что законодатель «искореняетъ» преступленія, что ораторъ и писатель «покоряютъ» толпу. Эти и другія подобныя имъ выраженія—гораздо болѣе нежели простыя фигуры. Не говоря о случаяхъ физическаго принужденія, убѣдить и склонить означаетъ воздѣйствіе достаточно непосредственнаго свойства. Убѣдить и склонить значить побороть въ другомъ душевныя влеченія, которыя противились нашимъ цѣлямъ, и возбудить въ немъ влеченія, намъ благоприятныя. Оба эти явленія предполагаютъ одно другое и понятія о нихъ суть коррелятивы. Влеченіе, недостаточно развитое для осуществленія нашихъ цѣлей, если не количественно, то качественно есть такое же зло, какъ и присутствіе въ другомъ влеченія, намъ прямо враждебнаго; усилить хорошее влеченіе и ослабить дурное одинаково означаетъ нарушить прежній строй ассоціацій и поставить на его мѣсто новый. Такимъ образомъ, воспитательная дѣятельность есть борьба, которую индивидъ ведетъ съ другими индивидами въ ви-

дахъ наилучшаго приспособленія ихъ къ тѣмъ формамъ общественной жизни, которыя представляются ему самому наиболѣе желательными.

Будучи борьбою, процессы перениманія и воспитанія развиваются сами по закону борьбы. Способность къ перениманію и способность къ воспитанію другихъ составляетъ въ индивидѣ силу, посредствомъ которой онъ приспособляется къ социальной средѣ и эту послѣднюю приспособляетъ къ себѣ. Эти способности, какъ и всякія другія, укрѣпляются упражненіемъ и передаются путемъ органическаго наслѣдованія; въ свою очередь онъ могутъ быть усилены или ослаблены путемъ перениманія и воспитанія. При всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ тотъ индивидъ, который обладаетъ наибольшою способностью перениманія, создаетъ для себя въ обществѣ наиболѣе полезное положеніе; тотъ индивидъ, который обладаетъ наибольшою воспитательною способностью, создаетъ вокругъ себя наибольшее число сотрудниковъ на томъ пути, по которому движется его существованіе. Обѣ способности не составляютъ противоположности, и ихъ поступательное развитіе совмѣщается въ одномъ и томъ же индивидѣ. Индивидъ въ обществѣ не богъ и не безусловное ничтожество; подчиняясь въ массѣ отношеній вліянію другихъ, онъ въ такой же массѣ иныхъ отношеній подчиняетъ другихъ своему вліянію. Самый процессъ воспитанія или приобрѣтенія вліянія есть, въ то же время, процессъ приспособленія себя къ объекту воспитанія: чтобы, напримѣръ, научить чему-либо ребенка, надо приблизиться къ его кругозору, заговорить понятнымъ для него языкомъ. Группа индивидовъ, преслѣдующихъ однѣ и тѣ же цѣли, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ, если члены ея, болѣе членовъ другихъ группъ, одарены способностью перениманія и воспитанія, понимая эти слова все въ томъ же наиболѣе широкомъ смыслѣ. Такъ, во взаимной борьбѣ общественныхъ классовъ, политическихъ и иныхъ партій, религиозныхъ, нравственныхъ, философскихъ и иныхъ ученій, въ борьбѣ разныхъ образовъ мыслей и образовъ дѣйствій, въ борьбѣ обычаевъ, приличій и модъ—значительная доля успѣха обуславливается развитіемъ въ индивидахъ, представляющихъ эти классы, партіи, ученія и т. д., способности воспитывать въ своемъ духѣ новыхъ гражданъ, привлекать къ себѣ адептовъ и способности вести свое дѣло наиболѣе согласно съ условіями данной общественной среды.

Перениманіе и воспитаніе представляютъ намъ развитіе, которое совершается внутри общества. Бокъ-о-бокъ съ первоначальнымъ процессомъ взаимодѣйствія индивида и физической среды совершается взаимодѣйствіе индивида и социальной среды. Его источникомъ служитъ тотъ фактъ, что въ каждый данный моментъ индивиды, составляющіе данную общественную группу, въ неравной степени обогащены ассоціаціями, которыя потребны для существованія сотрудничества. Это неравенство обуславливаетъ зависимость индивида другъ отъ друга; но всякая зависимость одного живаго организма отъ другаго есть борьба за существованіе (Дарвинъ). Гдѣ неравенство, тамъ зависимость, и отсюда — взаимодѣйствіе, взаимное приспособленіе, борьба за существованіе. Тенденція этого процесса въ данномъ

случаѣ — взаимное уравненіе, общее нивелированіе означало бы конецъ развитія. Въ дѣйствительности оно никогда не наступаетъ и наступить не можетъ, и социальное развитіе составляетъ необходимый атрибутъ общности.

III.

Развитіе сотрудничества.

Подведемъ итоги сказанному и сдѣлаемъ нѣсколько дальнѣйшихъ замѣчаній.

Когда вы поднимаете съ дороги камень, чтобы отогнать имъ докучливую собаку, или, гуляя по лѣсу, лакомитесь дикорастущею ягодой, тогда среди условій цивилизованной жизни ваши дѣйствія представляютъ примѣръ дѣятельности исключительно личной, происходящей безъ всякаго явнаго или скрытаго пособничества со стороны другихъ индивидовъ. Въ такомъ же положеніи находится и одинокій дикарь, который рыскаетъ въ поискахъ за пищей, или хищное животное, преслѣдующее свою добычу. Иной родъ дѣятельности представляетъ дѣятельность половая, когда индивидъ спаривается съ индивидомъ другого пола, руководимый инстинктомъ сохраненія вида. Таковы двѣ основныя формы дѣятельности, и у значительнаго числа животныхъ вся совокупность ихъ дѣятельности исчерпывается этими формами. Но у многихъ видовъ, включая сюда и человѣка, существуетъ еще третій родъ дѣятельности — сотрудничество. Когда дикая собака, завидѣвъ леопарда, собирается въ стаю, когда дикари толпою наваливаются на врага, когда плотники напрягаютъ свои соединенныя силы надъ подъемомъ тяжелаго бревна, тогда отдѣльные индивиды сотрудничаютъ другъ другу точно такъ же, какъ и тогда, когда ученые, министры, судьи постановляютъ общимъ совѣтомъ какое-либо рѣшеніе. Сотрудничество есть сочетаніе дѣйствій нѣсколькихъ или многихъ индивидовъ, направленныхъ къ произведенію одного общаго эффекта. Общій эффектъ составляетъ отличительную черту сотрудничества. Сотрудничества нѣтъ въ сборищѣ псовъ, столпившихся надъ падалью; но сотрудничество есть въ стаѣ доловъ, преслѣдующихъ леопарда. По строенію же своему, сотрудничество есть не болѣе, какъ клонящееся къ произведенію извѣстнаго общаго эффекта сочетанія отдѣльныхъ дѣйствій нѣсколькихъ или многихъ индивидовъ; въ этомъ сочетаніи каждый изъ сотрудниковъ совершаетъ нѣкоторыя дѣйствія, которыя онъ могъ бы совершить и въ одиночку, съ тою лишь разницей, что въ одиночку они не произвели бы того эффекта, который производятъ въ своемъ сочетаніи. Такимъ образомъ, сотрудничество есть форма, которая слагается, какъ изъ элементовъ, изъ личныхъ дѣйствій. При этомъ важно отмѣтить, что дѣйствія отдѣльныхъ индивидовъ, слагающіяся въ сотрудничество, не тождественны одному другому.

Два пильщика могутъ соединить свой трудъ надъ распиломъ куска дерева такъ, что будутъ работать каждый самъ по себѣ углубленіемъ

одного и того же разрёза, но въ такомъ случаѣ они должны будутъ раздѣлить свой трудъ во времени, и одинъ будетъ работать во время отдыха другаго. Если же два плотника, работая одновременно, поднимаютъ вмѣстѣ бревно, то они не могутъ оба приложить свои силы къ одной и той же точкѣ, и опытъ скоро научитъ ихъ, что дѣло пойдетъ успѣшно, если они возьмутся за тяжесть съ противоположныхъ концовъ ея. Два охотника мало помогли бы другъ другу, если бы старались лишь имитировать движенія другъ друга; ихъ совмѣстная охота при такомъ условіи не была бы сотрудничествомъ, но лишь воспроизведеніемъ сходныхъ дѣйствій, причемъ одинъ иѣшалъ бы другому. Такимъ образомъ, дѣйствія, которыя сочетаются въ сотрудничествѣ, не тождественны между собою; сотрудничество возможно лишь подъ условіемъ, что эти дѣйствія будутъ чѣмъ-либо различаться одно отъ другаго: или временемъ своего совершенія, или мѣстомъ дѣйствія, въ частности — точкою приложенія силъ къ данному объекту. При раздѣленіи во времени эти дѣйствія могутъ еще сохранить въ остальномъ полное подобіе: второй пищикъ будетъ пилить точно такъ же, какъ и первый; при раздѣленіи же въ пространствѣ безусловное тождество дѣйствій окажется невозможнымъ. Кто нападаетъ на звѣря спереди, тотъ не можетъ дѣлать для этого точь-въ-точь такія же положенія, какъ тотъ, кто нападаетъ на него сзади или сбоку. Зародышъ раздѣленія труда кроется въ строеніи наиболѣе примитивнаго сотрудничества. Обыкновенно раздѣленіемъ труда называютъ такіе случаи, гдѣ различіе въ образѣ дѣйствій сотрудниковъ, будучи достаточно рѣзко выражено, носить преднамѣренный характеръ. Но это различіе можетъ быть выражено очень слабо и вовсе не быть предметомъ сознательнаго регулированія, но, тѣмъ не менѣе, существовать какъ свойство, обусловленное самымъ существомъ сотрудничества.

Существо *соціальной* дѣятельности индивида, — будетъ ли то членъ примитивнаго общества дикарей или гражданинъ просвѣщеннѣйшей державы нашего времени, — состоитъ въ сотрудничествѣ. Животныхъ, живущихъ стадомъ, связываетъ отношеніе, которое раскрывается въ томъ, что въ минуту опасности они тѣснятся другъ къ другу, прикрывая другъ друга своимъ тѣломъ отъ врага. Первобытная община дикарей или полудикарей проявляетъ свое бытіе въ совокупномъ воздѣйствіи на врага или на добычу, то защищаясь, то нападая. Совокупное воздѣйствіе на тотъ или другой объектъ составляетъ существо всякаго пастушескаго, земледѣльческаго или иного промышленнаго союза. Сотрудничество связываетъ дѣятелей науки и искусства. Правительственный механизмъ составляется группою лицъ, объединенныхъ сотрудничествомъ. Въ границахъ сотрудничества существуетъ во всѣхъ этихъ случаяхъ та групповая или соціальная дѣятельность, которая противопоставляется дѣятельности личной или одиночной. Участіе въ сотрудничествѣ не отрѣшаетъ индивида отъ его личной дѣятельности; рабъ можетъ пользоваться въ свою личную пользу своимъ положеніемъ въ хозяйствѣ господина, чиновникъ — эксплуатировать для себя государственную службу. Но въ той мѣрѣ, въ какой рабъ содѣйствуетъ, все равно по ка-

нимъ мотивамъ, хозяйственнымъ стремленіямъ своего господина, онъ является его сотрудникомъ; и точно такъ же сотрудничаетъ своему начальству подчиненный чиновникъ, если онъ исполняетъ его указанія, хотя бы дѣлалъ это только изъ-за жалованья. Сотрудничество существуетъ и при различіи мотивовъ сотрудниковъ, лишь бы различные мотивы направляли ихъ дѣятельность къ одному общему эффекту. Соціальная дѣятельность примитивнаго общества представляется въ видѣ дѣятельности одной болѣе или менѣе компактной группы; и если исключить изъ нея все то, что слѣдуетъ отнести на счетъ дѣятельности одиночной или половой, то все остальное сводится на сотрудничество. Соціальная дѣятельность цивилизованнаго общества представляется въ видѣ дѣятельности многихъ группъ. Вопросъ о взаимномъ отношеніи этихъ группъ можетъ быть пока оставленъ какъ вопросъ относительно высшей ступени развитія; но внутри самыхъ группъ ихъ живое начало состоитъ въ сотрудничествѣ съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ раздѣленіемъ труда.

Участвуя въ сотрудничествѣ, въ качествѣ составной единицы, каждый индивидъ дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ только потому, что онъ сотрудничаетъ другимъ. Одинъ доль не бросится на леопарда, но поспѣшитъ скрыться отъ него; одинъ человекъ не станетъ утомлять себя надъ подъемомъ непосильной ему тяжести, но поищетъ другой путь для ея удаленія, напримеръ, попытается предварительно раздробить камень на части и т. п. И такъ, хотя сотрудничество есть не болѣе, какъ соединеніе личныхъ дѣйствій, однако, эти дѣйствія въ каждомъ данномъ случаѣ совершаются только потому, что входятъ въ составъ сотрудничества, что соединяются съ другими, соответствующими имъ дѣйствіями. Въ дѣятельности личной индивидъ приспособляется къ условіямъ окружающей его физической среды; въ сотрудничествѣ онъ приспособляется, сверхъ того, къ благоприятствующей ему дѣятельности другихъ индивидовъ—къ средѣ соціальной. Прибѣгая къ помощи фигуры, можно сказать, что на общемъ фонѣ личныхъ дѣйствій ткется узоръ изъ дѣйствій соціальныхъ, и каждый изъ ткачей въ своихъ движеніяхъ приспособляется къ движеніямъ другихъ ткачей, совокупность которыхъ составляетъ соціальную среду. Такимъ образомъ, развитіе сотрудничества представляется, прежде всего, какъ процессъ *приспособленія личной дѣятельности*, процессъ развитія этой послѣдней въ томъ направленіи, которое согласуется съ сотрудничествомъ. Такое приспособленіе совершается работою тѣхъ же орудій духовной природы индивида, которыя дѣйствуютъ въ другихъ сторонахъ его жизни. Умъ и воображеніе, въ частности—изобрѣтательная способность, воспоминаніе, навыки, прибрѣтенные и унаслѣдованные, дѣйствуютъ въ области сотрудничества и составляютъ ея основные факторы. Къ нимъ присоединяется дѣйствіе специальныхъ факторовъ, каковы перениманіе и воспитаніе, понимаемые въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этихъ двухъ терминовъ. Это—тоже функціи духовной природы индивида, но функціи, обусловленные сообществомъ его съ другими индивидами, выражающія собою то взаимодействіе, которое составляетъ при-

надлежность сотрудничества. Действующие под руководством всех этих факторов индивиды образуют определенную группировку, располагаясь в разнообразных взаимных соотношениях. Этими соотношениями определяются для индивида все блага и все страдания, которые обуславливаются его участием в сотрудничестве. Здесь—центральный пункт, к которому сходятся все практические вопросы социологии, почему эта сторона социальной жизни всегда наиболее интересовала ее исследователей. Строе-ние социальной среды есть предмет, к которому надо обратиться вслѣдъ за факторами сотрудничества.

Въ вышеизложенномъ процессъ личной дѣятельности является какъ образующій сотрудничество; обратная сторона того же процесса состоитъ въ преобразованіи личной дѣятельности подъ воздействиемъ сотрудничества. Индивидуальная жизнь течетъ подъ многообразнымъ воздействиемъ не менѣе многообразныхъ формъ сотрудничества. Языкъ, чувства, вѣрованія, знанія, нравы современнаго человѣчества составляютъ продуктъ этихъ формъ.

Таковы результаты разсмотрѣнія сотрудничества со стороны его строе-нія. Пойдемъ теперь далѣе. Разсмотрѣнное со стороны своего эффекта, сотрудничество представляется или какъ непосредственное воздействие на окружающую индивида естественную среду, или какъ воздействие на другія формы сотрудничества, причемъ конечный результатъ есть опять-таки воздействие на естественную среду, но только не непосредственную, а чрезъ посредство цѣпи сотрудничества. Распредѣленіе сотрудничества между этими двумя категоріями воздействия есть *организация социальной дѣятельности*. Взятое же во всемъ своемъ цѣломъ сотрудничество есть своеобразное средство борьбы индивида съ окружающей его средой. Отношеніе этого средства къ его эффекту и роль этого обстоятельства въ общемъ генезисѣ социальной жизни—таковъ предметъ особой проблемы социологии. Въ результатѣ развитіе сотрудничества представляется какъ *процессъ приспособленія физической среды*, процессъ развитія этой послѣдней въ направленіи, согласномъ съ сотрудничествомъ. И въ этой области приспособленія процессъ является двустороннимъ. Изложенное пока рисуетъ его со стороны вліянія сотрудничества на физическую среду; съ другой стороны, само собою понятно, что вся совокупность условий, представляемыхъ этою послѣдней, служить могущественнымъ факторомъ въ развитіи сотрудничества.

Особое значеніе получаетъ изложенная сторона предмета въ слѣдующемъ вопросѣ. Возможность сотрудничества обуславливается двумя обстоятельствами: возможностью совокупнаго воздействия сотруднико-въ на данный объектъ и возможностью ихъ сношенія. Далѣе предѣловъ этихъ двухъ возможностей не ипетъ и возможность сотрудничества; но не трудно замѣтить, что въ различныхъ формахъ социальной дѣятельности эти предѣлы представляются весьма различными. Въ примитивной борьбѣ съ хищникомъ борцы должны находиться на возможно близкомъ разстояніи другъ къ другу, ибо только при этомъ условіи они могутъ вмѣстѣ бить врага и сноситься меж-

ду собою. Сожительство, болѣе или менѣе тѣсное, составляетъ необходимое свойство примитивныхъ обществъ. Но современный воинъ можетъ помогать товарищу даже съ такого разстоянія, съ котораго онъ его едва различаетъ невооруженнымъ глазомъ, а цѣлый отрядъ содѣйствуетъ другому на разстояніи десятковъ и сотенъ верстъ. Разстояніе тысячъ верстъ не препятствуетъ, при современныхъ условіяхъ, сотрудничать въ любой отрасли промышленности, а въ области науки тому не служили бы препятствіемъ даже предѣлы земной поверхности, если бы нашлись какіе-либо способы сношенія земныхъ ученыхъ съ предполагаемыми учеными какой-либо другой планеты. Такимъ образомъ, чѣмъ сложнѣе форма сотрудничества, чѣмъ болѣе предшествующихъ стадій своего развитія предполагаетъ она, тѣмъ менѣе стѣсняется она разстояніемъ, которое раздѣляетъ индивидовъ въ пространствѣ. Это преодоленіе пространства достигается рядомъ приспособленій, которыя въ интересахъ сотрудничества происходятъ въ этомъ пространствѣ или физической средѣ. Огнестрѣльное оружіе даетъ возможность дѣйствовать на врага съ далекаго разстоянія, паровая машина—возможность выслать изъ одного пункта количество силы, способной разбиться на одновременное дѣйствіе во многихъ точкахъ. Прирученіе животныхъ, устройство путей сообщения, изобрѣтеніе локомотива, телеграфа и телефона открываютъ возможность сношеній на отдаленныхъ разстояніяхъ. Во всякомъ случаѣ, однако, съ увеличеніемъ разстоянія между сотрудниками уменьшается размѣръ возможнаго сотрудничества. Въ каждой отрасли сотрудничества есть такія формы, которыя возможны лишь подъ условіемъ близкаго разстоянія сотрудниковъ; лишь на такомъ разстояніи два охотника могутъ совокупными силами поднять добычу, два плотника втащить наверхъ бревно, два земледѣльца вспахать данную полосу земли, два медика консультировать надъ даннымъ больнымъ, два преподавателя прочесть общій курсъ, два ученые произвести одновременно извѣстное наблюденіе. Задачами каждой данной отрасли сотрудничества и свойствами ея матеріала опредѣляется относительное распространеніе въ ней формъ такого рода, но во всѣхъ случаяхъ *формы сотрудничества на близкомъ разстояніи составляютъ условіе существованія формъ сотрудничества на далекомъ разстояніи*. Крупнѣ въ Бельгіи и изобрѣтатель земледѣльческихъ орудій въ Америкѣ не могли бы содѣйствовать успѣхамъ русскаго оружія и земледѣлія, если бы въ Россіи не было сплоченныхъ отрядовъ войска и группъ сельскихъ работниковъ, и если бы въ самой Бельгіи или Америкѣ не было заводовъ, т.-е. извѣстнымъ образомъ сгруппированныхъ фабричныхъ работниковъ, которые выдѣлываютъ выписываемыя въ Россію орудія и машины. Нигдѣ отдаленность другъ отъ друга не служитъ столь малымъ препятствіемъ къ сотрудничеству, какъ въ мірѣ науки; иной ученый могъ бы безъ особаго ущерба для своей дѣятельности просуществовать всю жизнь свою безъ личныхъ свиданій съ своими сотоварищами. Однако, существованіе науки стало бы невозможнымъ, если бы не существовали мѣстами сплоченныя группы индивидовъ, печатающихъ и распространяющихъ произведенія ученой мысли, если бы не было другихъ

группъ, содѣйствующихъ передачѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе той части научныхъ знаній, передача которой только и можетъ совершаться съ успѣхомъ путемъ школьнаго обученія, если сами дѣятели науки были лишены разъ навсегда и безусловно возможности личнаго свиданія и обмѣна мыслей, и если, наконецъ, повсюду не существовали готовые и сплоченныя группы работниковъ, всегда готовыхъ осуществлять многочисленныя научныя изобрѣтенія и примѣнять къ практикѣ научныя открытія. Мы не касались пока того возбуждающаго къ дѣятельности вліянія, которое всегда имѣетъ близкое отношеніе къ сотрудникамъ по дѣлу и которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тѣснѣе и непосредственнѣе это отношеніе.

Приспособленіе индивида и приспособленіе естественной среды,—таковы два процесса, на которые мы пока разложили развитіе сотрудничества. Ихъ значеніе не исчерпывается сказаннымъ. Каждый актъ сотрудничества, требуя для своего существованія извѣстнаго приспособленія индивида и среды, оставляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ индивидѣ и средѣ нѣкоторый слѣдъ, который растетъ подъ вліяніемъ новыхъ актовъ сотрудничества. Дѣйствіе слѣдовъ этого рода состоитъ въ томъ, что они то облегчаютъ повтореніе сотрудничества, то прямо предрасполагаютъ индивидовъ къ этому послѣднему. Сотрудничество извѣстной группы индивидовъ слагается въ рядъ связанныхъ между собою актовъ, такъ что акты позднѣйшіе происходятъ подъ болѣе или менѣе посредственнымъ или непосредственнымъ вліяніемъ актовъ предшествующихъ. Разумѣется, это—не примитивная форма сотрудничества. Его генезисъ исходитъ отъ актовъ сотрудничества случайныхъ, возникавшихъ спорадически, разрозненныхъ другъ отъ друга. Самецъ и самка могли одновременно устремиться на хищника, покушавшагося вторгнуться въ ихъ логовище, то же могли сдѣлать ихъ подростки дѣтеныши, то же, наконецъ, могло произойти въ средѣ индивидовъ возмужалыхъ и зажившихъ, хотя и въ близкомъ соудствѣ, самостоятельною жизнью. Какъ скоро здѣсь не было еще вліянія прежняго опыта или преобразованной среды, сотрудничество представлялось случайнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Но какъ скоро началось хоть какое-нибудь воздѣйствіе этихъ факторовъ, какъ скоро хоть въ какой-нибудь мѣрѣ новые случаи сотрудничества обуславливались предшествующими случаями, такъ зародилась та преемственная связь между ними, при которой новый родъ дѣятельности получалъ характеръ устойчивый, постоянный. Этотъ характеръ сопутствуетъ ей всюду, гдѣ она хоть сколько-нибудь перешла за предѣлы наиболѣе примитивныя. Безъ преемственной связи между отдѣльными актами сотрудничества *развитіе*, ограничивается предѣломъ cadaго акта: съ установленіемъ этой связи устанавливается, въ ея предѣлахъ, развитіе социальной *дѣятельности*.

Эта преемственная связь предполагаетъ такія условія, которыя держатъ индивидовъ близко другъ отъ друга. Какъ мы видѣли, половое сожительство и сожительство молодаго поколѣнія подъ охраной родителей служатъ наиболѣе благоприятными къ тому условіями изъ числа примитивныхъ, и въ этомъ обстоятельствѣ скрывается достаточное основаніе для того, чтобы отъ семьи

вести генезисъ сотрудничества. Этотъ генезисъ мы начали съ того утверждения, что легче, чѣмъ въ какой-либо другой средѣ, на почвѣ полового и семейнаго сожительства могутъ образоваться первые поводы къ сотрудничеству, и болѣе чѣмъ какая-либо другая среда, половое и семейное сожительство держитъ индивидовъ, однажды сотрудничавшихъ другъ другу, близко другъ къ другу, и такимъ образомъ благопріятствуетъ повторенію сотрудничества. Какъ скоро члены семьи продолжаютъ сожительствовать и сотрудничать и послѣ прекращенія связи половой и семейной, тогда мы имѣемъ общество или союзъ, обусловленный именно сотрудничествомъ. Образование общества предполагаетъ въ индивидахъ нѣкоторый запасъ навыка къ сотрудничеству. Уже относительно птицъ и дикихъ собакъ основательнѣе предположить, что если они по временамъ собираются въ стаи для общаго передвиженія въ новое мѣсто поселенія или для общаго нападенія на врага, то руководятся при этомъ навыкомъ, который предварительно выработался въ группахъ болѣе тѣсныхъ, какова семья; если же при условіяхъ, гораздо болѣе цивилизованныхъ, общество сложится изъ группы путешественниковъ, занявшихъ неизвѣстную дотолѣ страну, или изъ толпы золотопромышленниковъ, привлеченныхъ къ одному мѣсту драгоценною рудой, то образование такого общества, конечно, зависитъ непосредственно отъ тѣхъ социальныхъ идей, привычекъ и инстинктовъ, которые приносятъ съ собою сошедшіеся индивиды. Тѣмъ болѣе образование обществъ болѣе постоянныхъ, простѣйшихъ, представителемъ которыхъ служитъ стадное сожитіе какъ высшихъ животныхъ, такъ и первобытнаго человѣчества, предполагаетъ достаточный запасъ соответствующихъ идей и навыковъ, приобретенныхъ или унаслѣдованныхъ заранѣе.

Въ заключеніе мы имѣемъ два способа для образованія общества: одинъ, по всему вѣроятію, болѣе примитивный—постепенное распространеніе семьи въ сожительство, обусловленное сотрудничествомъ; другой — произвольное соединеніе многихъ взрослыхъ индивидовъ въ видахъ сотрудничества. Продолжительность существованія общества находится въ прямой зависимости отъ способовъ, которыми оно располагаетъ для пополненія своего состава; при отсутствіи такихъ способовъ, со смертью большей части членовъ общества, неминуемо исчезло бы самое общество. Изъ всѣхъ средствъ пополненія болѣе могущественнымъ, а въ примитивныхъ условіяхъ жизни, надо думать, и единственнымъ, является половое сожительство индивидовъ, составляющихъ общество. Здѣсь мы наталкиваемся на новое и, притомъ, болѣе существенное соотношеніе, которое существуетъ между сотрудничествомъ и половой дѣятельностью индивидовъ. Индивиды продолжаютъ плодиться, оставаясь въ рамкахъ общества, и тѣмъ поддерживаютъ существованіе самого общества. Процессъ полового размноженія течетъ въ согласіи съ социальною дѣятельностью; развитіе сотрудничества является намъ какъ процессъ известнаго приспособленія половой дѣятельности, — процессъ развитія этой послѣдней въ томъ направленіи, которое согласуется съ развитіемъ сотрудничества. Половая дѣятельность приноситъ съ собою въ обще-

ство стремление къ обособленности спарившихся индивидовъ, нѣкоторое преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ, единоженство и единомужство. Всѣ эти черты, выработанныя въ жизни высшихъ животныхъ въ періодъ дообщественный, встрѣчаютъ себѣ нѣкоторое противодѣйствіе въ основныхъ тенденціяхъ соціальной жизни. Обособленность отдѣльныхъ паръ не согласуется съ сплоченностью, необходимою для существованія общества. Изъ этого противорѣчія соціальная жизнь выходитъ путемъ того своеобразнаго устройства половыхъ отношеній, которое существуетъ въ пчелиномъ ульѣ и муравьиномъ гнѣздѣ и которое именно свидѣтельствуетъ о томъ, что сожителство пчелъ и муравьевъ есть сожителство соціальное, или путемъ того временнаго ослабленія брачныхъ узъ, которое констатировано въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ, почти какъ необходимая ихъ принадлежность. На дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія необходимость сохранять общество при недостаткахъ въ средствахъ пропитанія привела къ насильственному истребленію дѣвочекъ, къ замѣнѣ убитыхъ женщинъ похищенными, къ полигаміи. Инстинктъ общественнаго самосохраненія при несовершенствѣ общественной организаціи отражается въ области половыхъ отношеній многоженствомъ, проституціей или прелюбодѣніемъ, вошедшимъ въ нравы, наконецъ, всевозможными, доведенными до уродства, извращеніями въ способахъ удовлетворенія половой потребности. Съ другой стороны, постоянство сожителства, свойственное обществу, влияло на половыя отношенія при другихъ благоприятныхъ къ тому условіяхъ въ смыслѣ упроченія брачныхъ узъ и выработало тотъ благородный типъ постояннаго и пожизненнаго брачнаго союза, на который цивилизованное человѣчество давно взираетъ какъ на идеаль и который вовсе неизвѣстенъ животнымъ, если и живущимъ въ единопбрачїи, то лишь въ единопбрачїи періодическомъ.

Сергій Муромцевъ.

Вольныя крестьянскія школы.

(О черкъ).

Почти повсюду въ Россіи, въ селахъ и деревняхъ, на ряду съ правильно-организованными, официальными земскими и казенными училищами можно встрѣтить вольныя крестьянскія школы или «домашнія школы грамотности», какъ принято называть ихъ въ педагогическомъ мірѣ. Обыкновенно школы эти учреждаются самими крестьянами, по собственному почину, вполне самостоятельно, безъ всякихъ стороннихъ вліяній и побужденій со стороны властей, земства, духовенства, помѣщиковъ и т. д.

Эти «вольныя», самородныя школы существуютъ въ народѣ съ давнихъ поръ; съ давнихъ поръ обученіе въ нихъ производилось такъ называемыми «мастерами», «грамотѣями», которые входили въ особыя условія съ родителями. Объ этихъ «мастерахъ»-учителяхъ упоминаетъ еще *Псковская судная грамота*, на нихъ жалуется новгородскій епископъ Геннадій, извѣстный противникъ «жидовской ереси», о нихъ говорится въ *Стоглавѣ* и т. д. Такимъ образомъ, «вольныя» крестьянскія школы имѣютъ свою исторію, прослѣдить которую было бы весьма полезно, интересно и поучительно, тѣмъ болѣе, что исторія эта до сихъ поръ остается совершенно неразработанною въ нашей литературѣ.

Несмотря, однако, на свое многовѣковое существованіе, «вольныя» крестьянскія школы до самаго послѣдняго времени совершенно игнорировались русскимъ образованнымъ обществомъ. Долгое время многіе совѣтъ и не подозревали о существованіи этого рода школъ; другіе, слыхавшіе кое-что объ этихъ школахъ, относились къ нимъ съ полнымъ пренебреженіемъ. Это пренебреженіе раздѣлялось и литературою. «Старая приходская система элементарнаго обученія,—говоритъ г. Владимірскій-Будановъ,—возбудила въ писателяхъ какую-то брезгливость; говоритъ въ серьезномъ тонѣ о дьячковскихъ школахъ считалось не только неумѣстнымъ, но даже постыднымъ».

Чернички, солдаты, дьячки и т. п. лица, силившіяся обучить грамотѣ крестьянскихъ ребятшекъ, не только не возбуждали ни въ комъ изъ образованнаго общества сочувствія къ своей дѣятельности, но, напротивъ,

почти повсюду встрѣчали прямо враждебное отношеніе къ себѣ. Особенно же враждебно относились къ этимъ доморожденнымъ труженикамъ народнаго просвѣщенія официальные представители нашего педагогическаго міра.

Официальные педагоги, вполне убѣжденные въ томъ, что «непатентованные» вольные учителя ничего, кромѣ вреда, не могутъ принести населенію, энергически старались всѣми способами пресѣчь ихъ дѣятельность. За содѣйствіемъ въ этихъ случаяхъ они обыкновенно обращались къ полиціи, которая и обязывала непатентованныхъ учителей-добровольцевъ подпиской прекратить обученіе крестьянскихъ ребятъ. Нарушителей такой подписки постигали наказанія, нерѣдко весьма суровыя. О томъ же, что съ прекращеніемъ дѣятельности этихъ учителей-самоучекъ въ той или другой мѣстности зачастую отнималась у населенія всякая возможность обучить ребятъ грамотѣ, никто не думалъ.

Только въ самое послѣднее время, какихъ-нибудь 7—8 лѣтъ тому назадъ, отношеніе общества къ самобытнымъ крестьянскимъ школамъ начинаетъ радикально измѣняться. Въ печати, хотя и изрѣдка, начинаютъ раздаваться голоса въ защиту вольныхъ мужицкихъ школъ. Земство начинаетъ внимательно приглядываться къ дѣятельности этихъ школъ и дѣлаетъ попытки помочь имъ въ этой дѣятельности. Начинаютъ признаваться кое-какія заслуги за дѣятельностью разныхъ «невѣжественныхъ унтеровъ и черничей».

Наконецъ, одинъ изъ лучшихъ и авторитетнѣйшихъ органовъ русской печати выступаетъ съ заявленіемъ, что вольная крестьянская школа, «если не въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи *такой же, быть можетъ, могучій факторъ въ дѣлѣ образованія народа, какъ и земская школа*», и что, поэтому, «оставаться при такихъ скудныхъ свѣдѣніяхъ о ней, какія теперь имѣются налицо, рѣшительно невозможно» *).

Это писалось въ 1884 году. Съ тѣхъ поръ хотя запасъ свѣдѣній о вольныхъ школахъ и выросъ, но бѣда въ томъ, что почти всѣ эти свѣдѣнія разбросаны по разнымъ земскимъ *Статистическимъ сборникамъ*, которые, какъ извѣстно, имѣютъ самое незначительное распространеніе и читателей которыхъ нужно считать чуть не единицами. Огромное большинство публики и не подозреваетъ, сколько глубоко-интереснаго и поучительнаго содержатъ въ себѣ эти толстые, неуклюжіе *Сборники*, испещренные безконечными таблицами и рядами всевозможныхъ цифръ.

Кромѣ земства, собираніемъ свѣдѣній о вольныхъ школахъ занялся одно время петербургскій комитетъ грамотности; собранныя имъ свѣдѣнія по этому вопросу были обработаны извѣстнымъ педагогомъ Н. Ѳ. Бунаковымъ въ формѣ статьи, которая напечатана въ *Русскомъ Начальномъ Учителѣ* за 1885 г.; впоследствии статья г. Бунакова вышла отдѣльною брошюрой: *О домашнихъ школахъ грамотности въ народѣ* (Сиб., 1885 г.); подроб-

*) *Вѣстникъ Европы* 1884 г., № 5.

нѣе о свѣдѣніяхъ, добытыхъ комитетомъ, мы скажемъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Одновременно съ пережѣною, обнаружившеюся въ нашемъ обществѣ по отношенію къ вольному народному обученію, происходитъ не менѣе рѣзкая и коренная пережѣна въ отношеніяхъ къ этому вопросу со стороны официального міра. Гоненія и преслѣдованія, которымъ еще въ недавнее время подвергались вольные «непатентованные» учителя, прекращаются, по крайней мѣрѣ, *de jure*. Въ 1882 году выходитъ извѣстный циркуляръ министра народнаго просвѣщенія барона Николаи, которымъ впервые признается за вольными учителями право на существованіе, право на педагогическую дѣятельность!

До министерскаго распоряженія 1882 г. о вольныхъ школахъ нельзя было говорить иначе, какъ въ общихъ выраженіяхъ, потому что всякое указаніе точныхъ опредѣленныхъ данныхъ могло вызвать разныя репрессивныя мѣры со стороны полиціи. Только съ 1882 г. вольная школа грамотности становится возможнымъ объектомъ наблюденія и гласнаго изученія. «Теперь, — какъ справедливо замѣтилъ по этому поводу *Вѣстникъ Европы*, — ничто не мѣшаетъ основательному изслѣдованію одной изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ сторонъ народной жизни».

Пользуясь земскими *Статистическими сборниками*, свѣдѣніями петербургскаго комитета грамотности, докладами и протоколами земскихъ управъ и отчетами различныхъ духовныхъ «братствъ», а также тѣми данными, которыя появлялись по этому вопросу въ періодической прессѣ, мы постараемся, насколько возможно, обрисовать существующія въ народѣ вольныя школы, выяснитъ причины ихъ возникновенія, познакомитъ съ главными типами этихъ школъ, съ составомъ вольныхъ учителей, съ программами и характеромъ ихъ преподаванія, съ условіями вознагражденія, получаемого этими учителями за свой трудъ, укажемъ районы наибольшаго распространенія самородныхъ школъ, а также тѣ препятствія, тормазы и затрудненія, которыя до сихъ поръ обставлена у насъ дѣятельность вольныхъ учителей.

Далѣе, путемъ сравненія съ современною земскою школою постараемся выяснитъ достоинства и недостатки вольной крестьянской школы, — посмотримъ, что представляютъ собою эти школы: «жалкій ли суррогатъ правильно-организованныхъ училищъ», — какъ думаютъ нѣкоторые, — или же дѣйствительно могучій факторъ въ дѣлѣ развитія грамотности въ народѣ? Посмотримъ, насколько соотвѣтствуютъ народнымъ потребностямъ и педагогическимъ условіямъ эти вольныя школы? Что сдѣлано земствомъ и учебнымъ начальствомъ для поддержанія этихъ школъ, и вообще заслуживаютъ ли онѣ поддержки, и если заслуживаютъ, то что именно могутъ и что должны сдѣлать для поддержанія ихъ правительство, земство и общество?

Но прежде чѣмъ говорить о современномъ состояніи «вольнаго» обученія, существующаго въ народѣ, необходимо ознакомитъ, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, съ исторією вольныхъ народныхъ школъ, самостоятельно возникающихъ среди крестьянства.

I.

Прошлое „вольных“ школъ.

Первые зачатки книжнаго обученія дѣтей встрѣчаются на Руси, какъ извѣстно, съ самаго введенія христіанской вѣры. Еще Владиміръ св., приказывая крестить народъ, строить церкви, въ то же время, притазывалъ обучать дѣтей грамотѣ. Училища въ его время были открыты въ Кіевѣ и — можно думать—въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ Владиміръ высказывалъ желаніе, чтобы во всякомъ приходѣ находилось училище, въ которомъ бы мѣстное духовенство обучало дѣтей грамотѣ.

Великій князь Ярославъ не только самъ занимался науками и приказывалъ составлять переводы греческихъ книгъ, но, постановляя по городамъ и селеніямъ церковно-служителей, опредѣлялъ имъ изъ своего имѣнія жалованье, для того, чтобы они ревностнѣе обучали дѣтей *). Посѣтивши въ 1030 году Новгородъ, Ярославъ основалъ въ немъ значительное, по своему времени, училище съ 300 учениковъ.

По свидѣтельству Погодина, книжное ученіе въ это время ставилось высоко на Руси и считалось однимъ изъ главныхъ средствъ для спасенія души. Самое служеніе книжному дѣлу, списываніе и распространеніе книгъ (преимущественно священныхъ) считалось дѣломъ богоугоднымъ, достойнымъ занятіемъ каждаго человѣка, ревновавшаго о распространеніи и пользѣ просвѣщенія и образованія. Многие князья въ этотъ періодъ покровительствовали книжному ученію и оказывали ревность къ его распространенію. Въ томъ же духѣ дѣйствовало и духовенство. Священники обязаны были заниматься при церквяхъ обученіемъ дѣтей.

Однако, было бы большою ошибкой утверждать, что ученіе въ древней Россіи было дѣломъ правительственнымъ съ одной стороны и церковнымъ—съ другой. На ряду со школами, заводимыми князьями, духовенствомъ и монастырями,—со школами, имѣвшими цѣлью, главнымъ образомъ, приготовленіе священниковъ и церковниковъ, — существовали чисто-народныя, мірскія школы, учителями въ которыхъ являлись люди свѣтскіе, по актамъ, «мастера» и даже «простые мужики».

Слѣдя за дѣятельностью князей въ области народнаго просвѣщенія, замѣчаемъ, что съ теченіемъ времени эта дѣятельность все слабѣетъ и слабѣетъ, «такъ что къ половинѣ XIII в. лѣтописи умолкаютъ и не говорятъ больше о дѣятельности князей на пользу установленія школъ». Между тѣмъ, и позже этой эпохи школы постепенно возрастаютъ, ученіе отнюдь не прерывается, появляются писатели въ разныхъ родахъ, появляются сочиненія съ различнымъ содержаніемъ и т. д. Слѣдовательно, «была сила, производившая всѣ эти явленія, помимо правительственнаго участія; но не одна церковь и не одни монастыри служили у насъ этою силой».

Замѣчательно, что ни въ церковномъ уставѣ Владиміра св. или Яро-

*) А. Ожолский: „Объ отношеніи государства къ народному образованію“. Спб., 1872 г., стр. 101.

слава В., ни въ одномъ изъ семи ярлыковъ, данныхъ ханами орды нашему духовенству, и ни въ одной изъ грамотъ, въ послѣдствіи жалованныхъ нашими князьями духовнымъ властямъ и монастырямъ,—нигдѣ не упоминается о школахъ или училищахъ, объ учителяхъ или ученикахъ, хотя въ каждомъ изъ названныхъ законоположеній подробно вычисляются всѣ лица, сколько-нибудь принадлежавшія къ составу церковнаго суда и управленія, отъ нищихъ и больныхъ до крестьянъ и мастеровъ. Очевидно, сюда не входили одни училища съ принадлежащими къ нимъ лицами, и не входили потому, что не составляли предмета церковнаго управленія, образуя собою чисто-свѣтскія, вполнѣ народныя, мірскія установленія, не имѣвшія права на привилегіи ханскія или на льготы княжескія и существовавшія и дѣйствовавшія по силѣ собственной, внутренней жизни *)).

Многія изъ произведеній того времени носятъ на себѣ вполнѣ опредѣленный, *мірской* характеръ, чуждый всего церковнаго, а тѣмъ болѣе монастырскаго. «Какъ могла,—спрашиваетъ Лешковъ,—исключительно церковная, духовная школа породить результаты, иногда исключительно свѣтскіе, частью съ примѣсью язычества, каковы: *Слово о полку Игоревѣ*, *Слово Даниила Заточника*, *Сказаніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго*, о *Калкской битвѣ* и другія сказанія, вошедшія и невошедшія въ лѣтопись? И могла ли школа монастыря возбудить вопросъ даже о томъ, кто былъ Кій, переводчикъ у Кіева, или князь города, и сообщить нашему первому лѣтописцу его точныя свѣдѣнія о древней Россіи, географическія и этнографическія, или его живыя черты для изображенія быта древнѣйшаго населенія, его повѣрій, обычаевъ, образа жизни и т. п.?»

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ и соображеній, покойный Лешковъ утверждалъ, что «образование въ Россіи искони вѣковъ было народнымъ, обще-народнымъ, доступнымъ для всѣхъ, по мѣрѣ способностей и средствъ воспользоваться его благодѣяніемъ». Каковы же были рамки тогдашняго образованія? Какія знанія выносили учащіеся изъ школы того времени?

Лавровскій **) утверждаетъ, что ученіе въ древней Россіи до монголовъ обнимало собою, сверхъ чтенія и письма, счисленія и пѣнія, всѣ предметы, входившіе въ составъ тогдашняго византійскаго образованія. Это мнѣніе раздѣляя и Лешковъ, указывая въ подтвержденіе на «массу и разнообразіе свѣдѣній, встрѣчаемыхъ въ *Изборникахъ*, начиная съ XI вѣка,—свѣдѣній, заимствованныхъ составителями изъ риторики, діалектики, философіи, психологіи, географіи, исторіи, богословія и т. п.».

Само собою понятно, что школъ съ такою широкою программой не могло, конечно, быть особенно много въ то время. Въ большинствѣ же случаевъ, обученіе въ древней Руси обыкновенно ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и пѣніемъ. Въ подтвержденіе этого И. Е. Забѣлинъ, между про-

*) В. Лешковъ: „Русскій народъ и государство“, стр. 418.

**) Авторъ серьезнаго историческаго изслѣдованія: *Разсужденіе о древне-русскихъ училищахъ*. Харьковъ, 1864 г.

чимъ, приводитъ отрывокъ изъ старинной пѣсни о Вас. Буслаевѣ, въ которой поется:

Грамота ему въ наукъ пошла,
Посадила его (мать) перомъ писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала его пѣнью учить,
Пѣньё Василью въ наукъ пошло...

Позднѣ же начали обучать «нумерацин». Не остается никакого сомнѣнія,—говоритъ г. Владимірскій-Будановъ,—что основная часть первоначальнаго обученія заключалась и въ XVII в. въ азбукѣ, часословѣ, псалтырѣ, письмѣ и пѣніи, а подъ конецъ и въ счисленіи. Но вопросъ состоитъ въ томъ, признавались ли эти предметы обученія конечными цѣлями его, или только средствами для приобрѣтенія знаній и нравственнаго развитія? Только въ послѣднемъ случаѣ элементарное образованіе заслуживаетъ имени образованія. И дѣйствительно, только невѣжественные преподаватели могли ограничиваться голою азбукой, а потомъ неосмысленнымъ чтеніемъ псалтыря и часослова (какъ это сдѣлалось обычнымъ послѣ, когда лучшія педагогическія силы уже отвлечены были къ среднимъ училищамъ). «Азбуковники» того времени показываютъ, что учитель XVII вѣка, подъ скромною формулою азбуки, преподавалъ массу разнообразныхъ, но самыхъ необходимыхъ свѣдѣній. Сверхъ того, педагогическая часть азбуковниковъ—нравственныя наставленія и религіозное образованіе, для котораго часословъ и псалтырь первоначально служили средствомъ, а не цѣлью,—даетъ истинное содержаніе элементарному образованію *).

Связь школы съ народомъ чувствуется во всѣхъ явленіяхъ древняго русскаго быта,—говоритъ Лешковъ.—«Житія русскихъ святыхъ изображаютъ угодниковъ, которые различались и мѣстомъ своего рожденія, и званіемъ родителей, и происхожденіемъ, но почти всѣ сходствовали въ томъ, что съ дѣтства имѣли случай и возможность выучиться читать св. писаніе и священныя книги. Повѣствуя о дѣтскомъ возрастѣ угодниковъ, принадлежавшихъ къ различнымъ областямъ Россіи и къ разнымъ классамъ населенія, житія напоминаютъ объ ученіи въ такихъ выраженіяхъ, которыя, видимо, установлены общимъ обычаемъ цѣлаго народа въ цѣлой Россіи. Напримѣръ, говоря о срокѣ, съ котораго начиналось ученіе, они умалчиваютъ о лѣтахъ дитяти, а выражаются такъ: «времени пристѣвшу», или «отроку, достигшу возраста», «вданъ бываетъ въ ученіе»; стало быть, всѣ понимали, какіе годы возраста имѣлъ въ виду повѣствователь. Говоря же о самомъ ученіи, житія постоянно и ясно представляютъ школу дѣломъ *народнымъ*, частнымъ, гдѣ ученики сходятся для ученія, по соглашенію своихъ родителей, съ учителями, въ дома этихъ учителей, священниковъ, причетниковъ и т. д.» **).

*) Владимірскій-Будановъ: „Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII в. до учрежденія министерствъ“. Спб., 1874 г., стр. 32.

***) В. Лешковъ: „Русскій народъ и государство“. Москва, 1858 г., стр. 418.

По нѣкоторымъ даннымъ можно думать даже, что мірское народное ученіе въ то время было господствующимъ и преобладало надъ церковнымъ, духовнымъ обученіемъ. Есть указанія, что даже священники того времени получали свое образованіе у «мастеровъ», за отсутствіемъ церковныхъ, болѣе или менѣе правильно организованныхъ школъ. Въ XXV главѣ *Столава* соборъ начинаетъ свой отвѣтъ съ показанія ставленниковъ: «мы-де учимся у своихъ мастеровъ, — говорятъ ставленники, — а *индѣ* учиться неидѣ, а мастера сами мало умѣютъ и силы въ Божественномъ писаніи не знаютъ».

Естественное развитіе русскаго народнаго просвѣщенія, какъ извѣстно, было остановлено монгольскимъ игомъ, которое, уничтоживъ свободу, разрушивъ матеріальное благосостояніе народа, прервало сношенія съ Византіей и сдѣлало невозможнымъ сближеніе съ Западомъ и тамошнею цивилизаціей. Монгольское иго, междоусобія, войны, крѣпостное право и другія неблагопріятныя условія заглушили дѣло народнаго развитія, вызвали грубость нравовъ и обычаевъ. Не только время монгольскаго ига, но и періодъ, непосредственно слѣдующій за нимъ, отличаются упадкомъ образованія, невѣжествомъ.

Уже въ половинѣ XIII стол. лѣтописи умалчиваютъ и не сообщаютъ ничего о дѣятельности князей на пользу народнаго образованія, учрежденія школъ. Впослѣдствіи не встрѣчается даже извѣстій объ образованности князей и вельможъ, — напротивъ, о нѣкоторыхъ даже талантливыхъ отзываются лѣтописцы, что они были не образованы. Такъ, о Дмитріи Донскомъ говорится, что онъ «не былъ книгамъ изученъ», о Василии Темномъ — что онъ былъ «ни книженъ, ни грамотенъ». Объ училищахъ въ это время нѣтъ никакихъ извѣстій *).

Съ XVII ст. встрѣчаемъ усилія государства доставить образованіе высшимъ классамъ; что же касается народа, то онъ оставался въ совершенномъ забвеніи. Между тѣмъ, потребность въ образованіи, какъ мы видѣли, постоянно таившаяся въ народной средѣ, продолжала жить и не глхла, несмотря на самыя неблагопріятныя условія общественной жизни. Отдѣльные передовые умы изъ народа отчетливо сознавали пользу и настоятельную необходимость грамотности и ратовали за обученіе крестьянскихъ дѣтей. Вотъ, наприимѣръ, что писалъ знаменитый современникъ Петра Великаго, крестьянинъ Посошковъ: «Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и оттого, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... Я чаю, не худо бы было такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго челоуѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ».

По словамъ Лешкова, въ началѣ XVIII в. частное и земское образованіе продолжали свое дѣло, распространяя грамотность и счетоводство въ народѣ, который платилъ въ это время по селамъ за выучку дѣтей гра-

*) А. Окольскій: «Объ отношеніяхъ государства къ народн. образованію», стр. 104.

мочь отъ 4 до 6 рублей, а за выучку ариметикѣ 3 рубля и дешевле. Во второй половинѣ XVII стол. сильный толчокъ дѣлу мірскаго народнаго образованія данъ былъ расколѣмъ.

Въ то время, когда значительная масса русскаго крестьянства коснѣла въ полномъ невѣжествѣ, мы уже находимъ въ расколѣ несомнѣнные признаки и проблески умственнаго развитія и просвѣщенія. Уже въ то время въ раскольническихъ скитахъ можно было встрѣтить школы, въ которыхъ обучались грамотѣ старообрядческія дѣти обоего пола; въ скитахъ были свои учителя и учительницы, даже свои библіотеки и цѣлыя канцеляріи, въ которыхъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ переписывались разныя старообрядческія книги, тетради, рукописи и т. д., составлялись стихи, сатиры, въ которыхъ осмѣивались тѣ или другіе пороки и смѣшныя стороны въ жизни старообрядчества, издавались аллегорическаго содержанія картины и проч.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что значительная часть крестьянства обязана именно расколу своею грамотностью. «*Благодаря относительной развитости крестьянства и вліянію раскола*,—говоритъ П. С. Ефименко,— грамотность здѣсь (въ Архангельской губерніи) значительно привилась и даетъ утѣшительную пропорцію: одинъ грамотный на 17 человекъ сельскихъ жителей губерніи» *). Оффиціальныи изслѣдователь раскола, г. Синицынъ, изучавшій расколъ въ Костромской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, говоритъ, что у раскольниковъ 1 грамотный приходится на 3 человека неграмотныхъ **). Въ нѣкоторыхъ районахъ, заселенныхъ старообрядцами (напримѣръ, въ Гуслицяхъ), грамотность составляетъ почти всеобщее состояніе. То же самое встрѣчаемъ мы и въ самыхъ глухихъ, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. Вотъ, напр., что сообщали недавно *Вятскія Губернскія Вѣдомости* изъ Пинюжанской волости, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи: «Почти всѣ (здѣшніе раскольники) умѣютъ читать и писать. На воспитаніе дѣтей и на ихъ образованіе обращается несравненно большее вниманіе, чѣмъ въ средѣ православной... Мальчикъ учится подъ руководствомъ отца, матери или наставника, какаго-нибудь почтеннаго, сѣдовласаго старика, который уже бросилъ землю, сдалъ ее общинѣ или домашнимъ и посвятилъ остатокъ своихъ силъ обученію дѣтей грамотѣ и закону. Главныя предметы обученія: часословъ, псалтырь и письмо. Въ послѣднее время стали учить «цифири» и книгамъ гражданской печати» ***).

Возникновеніе гуслицкихъ школъ относится къ временамъ глубокой старины. Задолго до открытія земскихъ учрежденій, на которыхъ теперь лежитъ попеченіе о народномъ образованіи, въ Гуслицяхъ существовалъ не одинъ десятокъ такъ называемыхъ самородныхъ школъ, которыя разбро-

*) П. С. Ефименко: «Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи». Архангельскъ, 1869 г.

**) *Кельсиевъ*: «Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ», выд. IV, стр. 166.

***) *Вятскія Губернскія Вѣдомости* 1883 г., № 6.

«Саны были по вѣсьмъ почти селеніямъ Гуслицъ. Основаніе этихъ «самородныхъ» разсадниковъ грамотности принадлежитъ исключительно старообрядцамъ, составляющимъ сплошное населеніе этого края *). Впослѣдствіи такое же вліяніе имѣло и сектанство, особенно рационалистическое, какъ, наприимѣръ, молоканство. Извѣстно, что грамотность среди молоканъ развита очень сильно. «Между ними рѣдко можно встрѣтить неграмотнаго. «Неграмотный — все одно, что безъ глазъ», — говорятъ они. Они любятъ читать не однѣ священныя книги, которыми они признають лишь библію, а и свѣтскія литературныя сочиненія» (*Совр. Извѣстія* 1886 г., № 168). У молоканъ, какъ и у старообрядцевъ, точно также были свои собственные доморощенные учителя, свои школы. Живя рядомъ, богъ-о-богъ съ православнымъ населеніемъ, сектанты не могли, разумѣется, не вліять на него въ большей или меньшей степени.

Но мы черезъ-чуръ забѣжали впередъ, поэтому въ слѣдующей главѣ намъ по необходимости придется еще разъ вернуться въ область давно минувшихъ лѣтъ, чтобы поближе взглянуть на тѣ условія, среди которыхъ приходилось существовать встарину самороднымъ крестьянскимъ школамъ, на ту глухую борьбу, которую приходилось вести имъ, отстаивая свое право на существованіе.

II.

Вольныя школы въ Малороссіи и причины ихъ исчезновенія.

И такъ, вольныя крестьянскія школы существовали за-долго до того времени, когда правительство рѣшило придти на помощь народу въ его стремленіи къ образованію. Въ то время, когда официально еще и не помышляли о просвѣщеніи народа, въ селахъ и деревняхъ уже работали въ безвѣстности и тишинѣ вольные грамотѣи, разные учителя-самоучки.

По странному стеченію обстоятельствъ, — говоритъ *Вѣстникъ Европы*, — первыя ограниченія самобытной «вольной» школы совпали съ первыми широкими мѣрами на пользу начального народнаго образованія. Одновременно съ учрежденіемъ земской школы начинаются ограниченія самодѣльной крестьянской школы, руководимой непатентованными учителями-самоучками. До тѣхъ поръ эта школа, эти учителя благополучно ускользали отъ всякаго правительственнаго надзора и контроля. Особенно же недовѣріе къ самобытной крестьянской школѣ возросло ко времени изданія *Положенія* 25 мая 1874 года. Съ тѣхъ поръ «право на существованіе признается исключительно за училищами, подходящими подъ дѣйствіе *Положенія*, а подходить подъ него только училища гораздо высшаго уровня, чѣмъ крестьянская школа стараго типа **).

Что съ учрежденіемъ земскихъ школъ и особенно съ изданіемъ *Поло-*

*) Подробнѣе объ этомъ см. нашу статью: *Запросы и проявленія умственной жизни въ расколѣ. Русская Мысль* 1884 г., вл. 1.

***) *Вѣстникъ Европы* 1884 г., № 5.

женія 1874 года усилились ограниченія самобытной крестьянской школы, это не подлежит сомнѣнію; но авторъ цитируемой нами статья неправъ, приурочивая начало этихъ ограниченій ко времени учрежденія земскихъ школъ. Въ дѣйствительности ограниченія вольной крестьянской школы начались *гораздо раньше* учрежденія земскихъ училищъ, а именно: начало этихъ ограниченій слѣдуетъ отнести къ концу прошлаго столѣтія. Уже въ то время эти «ограниченія» были настолько велики, что послужили главною причиною къ полному почти исчезновенію вольныхъ крестьянскихъ школъ въ нѣкоторыхъ областяхъ. Такъ было, напримѣръ, въ Черниговской губерніи.

По словамъ г. М. Сухомлинова, «въ Черниговской губерніи съ давняго времени заводимы были училища и — что весьма замѣчательно — многія изъ нихъ возникали безъ всякаго вліянія извнѣ, а по дѣйствительной потребности мѣстныхъ жителей» *). Какъ велико было число подобныхъ школъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. До учрежденія намѣстничества Черниговскій край входилъ въ составъ Малороссійской губерніи, раздѣлявшейся на девять «полковъ»; въ двухъ изъ этихъ полковъ — Черниговскомъ и Нѣжинскомъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ составъ Черниговской губерніи, — было въ половинѣ прошлаго столѣтія около 370 школъ **).

Каковы бы ни были эти школы, — замѣчаетъ г. Сухомлиновъ, — «вѣрно то, что онѣ пользовались расположеніемъ народа, и изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, которыя могли открыться по приказу, ни одно не приобрѣло бы такой популярности, какъ эти простыя, неорганизованныя властью, школы». Въ сожалѣнію, несмотря на очевидную пользу, приносимую этими народными школами, ихъ постигла самая печальная судьба: «число ихъ быстро уменьшается, и онѣ какъ бы вовсе исчезаютъ въ Малороссіи».

Невольно является вопросъ: отчего же завистло истребленіе этихъ первыхъ разсадниковъ образованія, созданныхъ самимъ народомъ? Одни объясняютъ это причинами педагогическими, другіе — социальными. Первые полагаютъ, что вся бѣда въ томъ, что учителя были плохи. И споконъ вѣка учительствомъ промышляли дьячки, особенно въ Малороссіи. «Званіе дьячка до того слилось въ понятіи народа съ учительствомъ, что самыя крутыя мѣры не въ состояніи были подорвать довѣрія къ дьячковскимъ школамъ».

Образованіе сельскаго духовенства встарину, дѣйствительно, стояло на низкой ступени развитія, какъ можно судить по отзывамъ его представителей. «Изъ духовныхъ лицъ, — писалъ мѣстный епископъ въ 1729 году, — иные *позабывши грамоту* отъ безчинія, другіе — отъ рѣдкаго служенія въ церкви; искатели священническихъ мѣстъ не только избѣгаютъ латинскихъ школъ, но не стараются и русскаго писанія читать и разумѣть, ваяясь въ лѣности и бесполезно изживая года своей жизни».

*) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1864 г., январь.

**) Въ Черниговскомъ полку считалось въ то время: 8 города, 12 мѣстечекъ, 131 село и 83 деревни; въ Нѣжинскомъ полку считалось: 3 города, 14 мѣстечекъ, 167 сель и 15 деревень.

Но, какъ бы ни были несостоятельны учителя этихъ вольныхъ народныхъ школъ, они выбирались самимъ народомъ и—дурно ли, хорошо ли вели свое дѣло—были въ ладу съ средою, въ которой жили и учили, и пользовались ея довѣрjemъ. Извѣстно, что въ Малороссiи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, прихожане сами избирали себѣ священниковъ и церковниковъ и упорно отстаивали права свои въ этомъ отношенiи передъ епархіальнымъ начальствомъ. При томъ же, если бы единственною причиною паденiя школъ было дурное преподаванiе, то онѣ замерли бы сами собою, а, между тѣмъ, ихъ начали преслѣдовать, и такъ настойчиво, какъ не преслѣдуются учрежденiя, умирающiя собственною смертью.

Въ виду этого, болѣе достовѣрнымъ и правдоподобнымъ является мнѣнiе тѣхъ лицъ, которыя паденiе вольныхъ народныхъ школъ приписываютъ переменамъ въ общественномъ быту Малороссiи и преимущественно введенiю крѣпостнаго права; но такъ какъ народныя школы не удержались и въ козацкихъ общинахъ, чуждыхъ крѣпостной зависимости, то приходятъ къ мысли, не слѣдуетъ ли «гасителей народного просвѣщенiя искать не въ средѣ духовенства, а въ какой-нибудь другой средѣ: и что, если ими окажутся тѣ, которые, со времени Екатерины, стали называться опекунами народного просвѣщенiя? Пусть подумаютъ о томъ тѣ, до кого дѣло касается».

По мнѣнiю г. Сухомлинова, «опека, которой хотѣли подчинить просвѣщенiе народа, едва ли не самая дѣйствительная причина насильственной смерти» вольныхъ народныхъ училищъ въ Черниговскомъ краѣ. Рѣшительныя мѣры, принятыя во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтiя къ учрежденiю официальныхъ училищъ, были, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣрами противъ самородныхъ школъ. Предписано было учить по такимъ-то книгамъ, въ такіе-то часы, подчиняться такимъ-то начальникамъ. Но исполненiю подобныхъ требованiй и предписанiй представились на первыхъ порахъ препятствiя непреодолимыя. Никто не хотѣлъ посылать дѣтей своихъ въ казенныя, официальные училища; власти прибѣгали къ угрозамъ, но, видя ихъ безуспѣшность, рѣшались на сдѣлку, шли на компромиссы: допускали совмѣстное обученiе и въ официальныхъ, и въ вольныхъ домашнихъ школахъ.

Новыя училища, раздѣлявшiяся на «главныя народныя» и «малыя народныя», начали открываться въ Малороссiи въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтiя. *Народными* они были только по имени, а отнюдь не по сочувствiю къ нимъ народа. Явное, открытое нерасположенiе народа къ этимъ новымъ училищамъ видно изъ многихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ учрежденiе и дальнѣйшее существованiе.

Вскорѣ по открытiи нѣжинскаго народнаго училища (1789 г.) смотритель его получилъ слѣдующій ордеръ: «Высочайшая воля есть, чтобы юношество обучаемо было по вновь изданнымъ книгамъ, и на тотъ конецъ заведены народныя училища съ немалымъ отъ казны содержанiемъ». Хотя взяты были дѣти отъ дьячковъ и приведены въ училище, но пробыли тамъ только одинъ день, а потомъ болѣе мѣсяца никто изъ нихъ не являлся.

Причиною тому дьячки, кои обучаютъ гражданскихъ дѣтей по старому методу; родители же почитаютъ въ томъ только науку, что дѣти ихъ въ церквахъ читать могутъ псалтирь... По полученіи сего, собравъ сорокъ пять дѣтей, сочинить имъ при себѣ именной списокъ и прибить его въ классѣ на стѣнѣ, чтобъ учитель могъ знать кого нѣтъ и *настаивать на посещеніи* у родителей и опекуновъ *при содѣйствіи полиціи*... Для ученія въ училищѣ (назначается) понедѣльникъ, вторникъ и среда.

Смотритель нѣжинской городской школы слѣдующимъ образомъ описываетъ вольныя народныя школы конца прошлаго столѣтія: «Дьячковскія школы я всѣ осматрѣлъ; въ оныхъ обучаютъ по старинному методу словенскому букварю, часослову, псалтырю и писать. У соборнаго дьячка 30 учениковъ; у пономаря той же церкви—7 учениковъ и 5 ученицъ; у преображенскаго дьячка—8 уч., у мѣщанина—16, у дьячихи—5 учениковъ и 6 ученицъ, у богоявленскаго дьячка—22, у воздвиженскаго дьячка—11, у старовѣрскаго мастера—6 учениковъ и 5 ученицъ». Всего—121, слѣдовательно *вдвое больше*, нежели учащихся въ официальномъ городскомъ училищѣ; да, сверхъ того, по показанію смотрителя, «обучаютъ еще монахи, монахини и различнаго состоянія люди».

Такимъ образомъ, вольное домашнее обученіе въ то время значительно преобладало сравнительно съ официальнымъ даже въ городахъ. Въ городѣ Ромнахъ въ официальной школѣ считалось 72 учащихся, а у вольныхъ, частныхъ наставниковъ 80 изъ всѣхъ сословій: дворянъ, купцовъ, козачковъ и проч. Сверхъ того, были школы при церквахъ. Обученіемъ дѣтей въ Ромнахъ занимались: два дьякона, одинъ корнетъ, одинъ козакъ, одна вдова козачка и другіе.

Относительно характера преподаванія въ тогдашнихъ вольныхъ школахъ находимъ слѣдующее свидѣтельство: «всѣ оныя содержатели (т. е. вольные учителя) учатъ стариннымъ обычаемъ, несходнымъ съ нашимъ методомъ, по книгамъ, называемымъ: граматки, часословы, псалтири, и писать, безъ всякаго порядка въ ученіи, раздѣленія учениковъ на сорта по знаніямъ и безъ малѣйшаго изъясненія уроковъ, отчего нѣкоторые изъ учениковъ ихъ, оканчивая псалтирь и продолжая писать, не разумѣютъ даже и тройныхъ складовъ, да и самыя ихъ учителя также искусны въ складахъ».

Но какъ ни плохи были эти школы съ точки зрѣнія педагога, тѣмъ не менѣе, онѣ совершенно удовлетворяли скромныя требованія тогдашняго населенія, которое съ живымъ участіемъ относилось къ дѣятельности *своихъ*, ими самими избранныхъ, учителей. «Переходъ отъ граматки къ часослову и отъ часослова къ псалтырю былъ настоящимъ праздникомъ и для наставниковъ, и для ихъ питомцевъ; учитель получалъ горшоцъ съ кашею, осыпанный сверху деньгами; ученикамъ дарили родители по пятаку или по гривнѣ мѣди. Обычай этотъ, извѣстный подъ именемъ «каши», уцѣлѣлъ кое-гдѣ и теперь, какъ уцѣлѣли и старинныя учебники и народныя наставники и наставницы».

Совершенно иначе относились къ вольнымъ школамъ училищныя и го-

родскія начальства: они видѣли въ нихъ опаснаго соперника новой методы обученія и потому начали открытую войну противъ самородныхъ, неорганизованныхъ школъ, всячески стараясь уничтожить ихъ или, по крайней мѣрѣ, ограничить по возможности ихъ дѣятельность. По этому поводу авторъ цитируемой нами статьи, М. И. Сухомлиновъ, высказываетъ слѣдующія соображенія: «зачѣмъ такое ревностное желаніе уничтожить неопаснаго врага — старинныя школы съ ихъ вѣковыми обычаями? Съ какою цѣлью составлялись великолѣпныя новыя программы, если общество не въ состояніи было ихъ выполнить? Нуженъ ли былъ дѣйствительный успѣхъ или только блестящая наружность: учебныя книги съ европейскими идеями *), училищные чиновники по цивилизованнымъ образцамъ и разнорѣчивые отчеты, удобные для перевода на иностранныя языки? Говорятъ, что при жалобахъ о неприсылкѣ дѣтей въ новыя школы лица вліятельныя совѣтовали не слишкомъ горевать объ этомъ, ибо школы заводятся не для насъ, а для Европы, т.-е. для поддержанія въ ней хорошаго о насъ мнѣнія».

Защитники и представители новаго типа школъ, доказывая превосходство его надъ старымъ, основывались на томъ, что по новому уставу введены были правильные методы и учебныя книги; опредѣлены учителя, приготовленные къ своему дѣлу; дана большая возможность обществу слѣдить за преподаваніемъ, учреждены публичныя испытанія, визитаціи и т. п. «Дѣйствительно, — говоритъ по этому поводу г. Сухомлиновъ, — между школою, объясняющею права и обязанности человѣка и гражданина, и школою, гдѣ едва научивались славянскою грамотѣ, большая разница. Но еще большая разница между хорошимъ уставомъ и его исполненіемъ на самомъ дѣлѣ. Если новыя школы встрѣчали такъ мало сочувствія, то преимущественно по той причинѣ, что общество дѣлило учебныя заведенія по результатамъ ихъ дѣятельности, но не задавало себѣ труда и не видѣло ни малѣйшей надобности ознакомиться съ ихъ уставами. Печальнѣе всего то, что школьники, учившіеся у дьячковъ, и воспитанники благоустроенныхъ училищъ часто вступали въ общество съ одинаково скудными познаніями».

По мѣрѣ того, какъ улучшались эти училища, мѣнялось и отношеніе къ нимъ населенія. «Чѣмъ удовлетворительнѣе становилось преподаваніе въ новыхъ училищахъ, тѣмъ пріятнѣе смотрѣло на нихъ населеніе», — говоритъ г. Сухомлиновъ. Такимъ образомъ, то, чего не могли достигнуть разныя полицейскія мѣры и репрессивные циркуляры, то сдѣлалось само собою, въ силу тѣхъ педагогическихъ улучшеній, которыя постепенно были введены въ систему преподаванія новыхъ правительственныхъ школъ и которыя мало-по-малу были, наконецъ, одѣнены населеніемъ. Репрессіи же и полицейскія стѣсненія были причиною того, что населеніе лишилось множества школъ, созданныхъ самимъ народомъ, — школъ, содержаніе которыхъ ничего не стоило казнѣ, но которыя, въ то же время, приносили несомнѣнную, сильную пользу.

*) Напомнимъ здѣсь кстати, что известная книга *О должностяхъ гражданина и человека* была весьма долго обязательною учебною книгой, наравнѣ съ катихизисомъ и арифметикою.

III.

Заслуги „мастеровъ-грамотѣвъ“.—Отношеніе народа къ ученію и школѣ.

Запросъ на грамотность въ массѣ сельскаго населенія съ особенною силой обнаруживается съ начала шестидесятыхъ годовъ, съ того момента, когда реформа 19 февраля сдѣлала десятки милліоновъ крестьянъ равноправными съ другими сословіями государства. «Жажда къ просвѣщенію пробудилась въ народѣ съ неслыханною силой,—писалъ г. Рачинскій въ 1862 году.—Производимая въ быту его реформа дала ему почувствовать, что онъ призывается отселѣ къ самостоятельной дѣятельности на общественномъ поприщѣ: и онъ самъ спѣшитъ страхнуть съ себя долгій сонъ невѣжества, хочетъ новыми просвѣтленными взорами взглянуть на Божій міръ и на свои общественныя отношенія» *).

Но не легко было удовлетворить эту пробудившуюся потребность. Дѣло народнаго образованія находилось въ то время въ самомъ жалкомъ положеніи, число народныхъ школъ было самое ничтожное. Земства еще не существовало, казна не имѣла возможности увеличить сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ число существовавшихъ народныхъ училищъ, церковно-приходскія школы по большей части числились только на бумагѣ. И вотъ, не видя помощи извнѣ, со стороны болѣе культурныхъ классовъ, народъ самъ началъ заводить свои собственныя доморощенныя школы, началъ отыскивать учителей для этихъ школъ своей же среды—изъ числа отставныхъ солдатъ, черничегъ, разныхъ захожихъ людей и т. п.

Какъ ни скромна дѣятельность этихъ грамотѣвъ, тѣмъ не менѣе, она не осталась безслѣдною и дала результаты довольно крупныя и, во всякомъ случаѣ, вполне очевидныя и бесспорныя: во многихъ мѣстахъ, благодаря исключительно вліянію вольныхъ доморощенныхъ учителей, народъ обучился грамотѣ. Укажемъ нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ это положеніе.

Такъ, напримѣръ, въ Рязанской губерніи, въ сѣверной и средней части ея, по свѣдѣніямъ губернской управы, мелкія вольныя школы существовали всегда, существуютъ и теперь. Ученье въ нихъ идетъ не всю зиму и не каждый годъ, тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ школамъ, сѣверная часть губерніи, по выраженію управы, «издавна грамотна» **).

Въ Антыковской волости, Путивльскаго уѣзда, Бурской губерніи, большая часть грамотныхъ обучена «нахожими» учителями. То же самое слѣдуетъ сказать о хуторахъ Пригородней волости, того же уѣзда. Учили солдаты, кантонисты, грамотные крестьяне, монахи, духовенство и т. д. Только въ послѣднія 10—15 лѣтъ земскія школы «начинаютъ понемногу завоевывать свое настоящее положеніе, и обученіе у грамотѣвъ начинаетъ постепенно уступать обученію въ школахъ, хотя за ними остается еще очень видная роль въ дѣлѣ созданія грамотности крестьянъ». «Слишкомъ мелкія селенія, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, состоятъ эта волость, не поз-

*) С. Рачинскій: „Замѣтки о сельскихъ школахъ“. Спб., 1863 г., стр. 122.

***) Н. Бунаковъ: „О домашнихъ школахъ грамотности въ народѣ“. Спб., 1895 г.

воляли устроить школу и потому все обученіе велось мѣстными грамотѣями и странствующими учителями.

Въ Корочанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, есть волость Новооскоченская, въ которой нѣтъ ни одной официальной школы, и, тѣмъ не менѣе, % грамотности въ этой волости выше сравнительно съ нѣкоторыми изъ волостей того же уѣзда, имѣющихъ школу. Это объясняется сильнымъ развитіемъ вольнаго обученія въ этой волости.

Въ Благодатенской волости, Рыльского уѣзда, Курской губерніи, «главный контингентъ грамотныхъ и учащихся даетъ не школа, а мѣстные грамотѣи, хотя вновь открытую Благодатенскую школу дѣти посѣщаютъ охотно »).

Въ селѣ Соколовѣ, Александровскаго уѣзда, Владимірской губ., при довольно высокомъ уровнѣ грамотности, только двое изъ 52-хъ (4%) учились въ земской школѣ, всѣ же остальные учились у мѣстныхъ крестьянъ-грамотѣевъ, а фабричные, будучи уже взрослыми, обучаются на фабрикахъ другъ отъ друга **).

Въ Опаринскомъ районѣ, того же Александровскаго уѣзда, изъ общаго числа грамотныхъ (254) лишь 43, т.-е. около 17% (16,9), учились въ земскихъ школахъ, остальные же 211 человекъ, т.-е. 83,1%, обучались грамотѣ внѣ официальной школы: у духовенства, дворовыхъ людей, дѣвужекъ-вѣжошекъ, солдатъ и, наконецъ, просто другъ отъ друга ***).

Въ селѣ Никольскомъ, Александровскаго уѣзда, всѣ грамотные обучались у мѣстныхъ грамотѣевъ-крестьянъ, нѣтъ ни одного, получившаго образованіе въ земской школѣ. Въ селѣ Мошинѣ, того же уѣзда, крестьяне раньше «обучались читать у дѣвухи Агаѣоновой, а писать—у дочери дякона» и только въ самое послѣднее время устроили школу пополамъ съ земствомъ ****).

Среди бочаровъ Рюминскаго прихода, того же уѣзда, грамотныхъ считается 51 человекъ. Изъ этого числа нѣтъ ни одного, получившаго образованіе въ земской школѣ *****); большая часть грамотныхъ обучалась у мѣстнаго священника. Теперь же обученіемъ крестьянъ грамотѣ занимается какая-то дворовая женщина и дворовый человекъ, Федоръ Никифоровъ *****).

Въ Юхновскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, считается 704 селенія, въ которыхъ живеть 112,323 души обоого пола. Изъ этого числа официаль-

*) Сборникъ статистич. свѣд. по Курской губ., вып. VI, стр. 322.

**) Ближайшія къ Соколову земскія школы отстоятъ на разстояніи пяти верстъ. По-нятно, что посылать туда дѣтей для соколовскихъ крестьянъ довольно затруднительно: приходится нанимать квартиру. Ученіе при далекомъ разстояніи происходитъ урывками; отъ этого «учать пять лѣтъ, а ничему не вучать. Въ школу пойдетъ—станъ забудеть, за станъ садеть—науку забудеть, притомъ же мальчикъ за зиму подмога, самъ себя на шпужахъ прокормить» (С. А. Харызоменовъ: „Промыслы Владимірской губ., вып. III).

***) Промыслы Владимірской губ., вып. II, стр. 141.

****) Промыслы Владим. губ., вып. III, стр. 252.

*****) Земскія школы удалены отъ Рюминскаго прихода на 10 и болѣе верстъ.

*****) Промыслы Владим. губ., вып. II, стр. 341.

ною школой пользуются лишь 249 селеній, въ которыхъ считается 42,148 душъ обоого пола. Число же селеній, которыя нанимаютъ вольныхъ учителей, доходить до 275 съ 47,714 жителями. Такимъ образомъ, официально школой пользуется 37,5% всего населенія уѣзда, а вольными школами—42,5%.

Авторъ *Очерка первоначальнаго образованія въ Уральскомъ Козачьемъ Войскѣ*, г. Бородинъ, указываетъ на «громадное, сравнительно, количество мастеровъ и мастерицъ въ Войскѣ и широкіе размѣры внѣшкольнаго распространенія грамотности» въ средѣ мѣстнаго населенія. «Частныя школы, мало отличающіяся отъ народныхъ (официальныхъ) школъ по преподаваемымъ въ нихъ предметамъ, хотя и есть въ Войскѣ, но онѣ составляютъ каплю въ морѣ въ сравненіи съ числомъ практикующихъ мастеровъ и мастерицъ, обучающихъ, главнымъ образомъ, церковному чтенію и письму, а иногда и пѣнію. Большая часть грамотныхъ козаковъ (изъ пожилыхъ) въ Войскѣ научилась грамотѣ именно у этихъ мастеровъ и мастерицъ» *).

Въ Уральскомъ Козачьемъ Войскѣ насчитывается до 200 «мастеровъ» и «мастерицъ»; они обучаютъ 2,284 чел. дѣтей войсковаго сословія обоого пола. Общее же число учащихся въ войсковыхъ школахъ равняется 2,583, слѣдовательно, «чуть не половина дѣтей и до сего времени, вмѣсто школъ, ходятъ учиться къ мастерамъ и мастерицамъ». Если при этомъ принять во вниманіе, что мастера и мастерицы учатъ не бесплатно, какъ въ войсковыхъ школахъ, то несомнѣнень будетъ тотъ выводъ, что родители, очевидно, предпочитаютъ ученье мастеровъ и мастерицъ школьному ученію,—по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются эти школы.

По словамъ г. Бородина, распредѣленіе войсковыхъ школъ по станицамъ и отношеніе числа школъ къ населенію не можетъ служить мѣриломъ для опредѣленія стремленія населенія къ грамотѣ: тамъ, гдѣ нѣтъ школы или школа пустуетъ (наприм., Кругло-Озерный п.), дѣти учатся у мастеровъ и мастерицъ, притомъ, въ такомъ большомъ количествѣ, что процентъ учащихся вообще, по отношенію къ населенію, даже выше многихъ другихъ станицъ. Но, съ другой стороны, не замѣчается зависимости такого рода, чтобы тамъ, гдѣ есть школа и въ ней учится много ребятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было бы мастеровъ и мастерицъ: школы нѣтъ въ четырехъ станицахъ, а мастера и мастерицы во всѣхъ станицахъ есть, притомъ, на ряду съ значительнымъ числомъ учениковъ въ школахъ, ихъ довольно много учится и внѣ школъ. Напримѣръ, въ войсковыхъ школахъ Илецкой станицы обучалось въ 1885 г. 215 душъ обоого пола, внѣ школъ—147; въ Студеновской—въ школахъ—77 человекъ, внѣ школъ, у мастеровъ и мастерицъ—188 и т. д.

Процентъ грамотныхъ среди населенія Уральского Войска весьма высокъ сравнительно съ другими мѣстностями Россіи, а именно: 22,5% (28,5% грамотныхъ мужчинъ и 16,5% грамотныхъ женщинъ). Такой высокой процентъ

*) Н. Бородинъ: „Очеркъ первоначальнаго образованія въ Уральскомъ Козачьемъ Войскѣ“, стр. 50.

мы находимъ лишь въ очень немногихъ уѣздахъ центральной Россіи: такъ, напримѣръ, въ уѣздахъ Московской губерніи, гдѣ грамотность вообще развита сильнѣе другихъ губ., % грамотныхъ къ населенію колеблется отъ 27,9% (Воломенскій уѣздъ) до 15% (Можайскій у.) и въ среднемъ равенъ 20,3.

Въ Ставропольскомъ уѣздѣ	12,9%
» Донскомъ Войскѣ	10 »
» Рязанскомъ уѣздѣ	9,9 »
» Самарскомъ »	6,8 »
» Воронежскомъ »	6,7 » и т. д.

Наконецъ, встрѣчаются уѣзды (Тамбовской и Курской губ.), въ которыхъ % грамотности нисходитъ до 3,7, такъ что въ этомъ отношеніи Уральское Войско стоитъ неизмѣримо выше большинства земледѣльческихъ уѣздовъ. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще ту особенность, что въ Уральскомъ Войскѣ процентъ грамотныхъ женщинъ не такъ сильно разнится съ процентомъ грамотныхъ мужчинъ, какъ это замѣчается почти повсюду. Въ Московской губерніи, наприм., грамотныхъ мужчинъ, по крайней мѣрѣ, въ 7 разъ болѣе, чѣмъ женщинъ; въ Воронежскомъ уѣздѣ ихъ въ 12 разъ болѣе, чѣмъ женщинъ, въ Уральскомъ же Войскѣ грамотныхъ мужчинъ всего въ 1,3 раза больше грамотныхъ женщинъ. Явленіе это слѣдуетъ приписать исключительно вліянію раскола, который съ давнихъ поръ и по настоящее время играетъ огромную роль въ жизни населенія Уральского Войска.

Высокимъ процентомъ грамотныхъ Уральское Войско, главнымъ образомъ, обязано дѣятельности «мастеровъ» и «мастерицъ». Войсковыя школы, изъ которыхъ первая появилась только въ 1857 году, до самаго послѣдняго времени совсѣмъ не пользовались довѣріемъ населенія, благодаря тому, что мѣстная администрація при учрежденіи школъ, ревнуя о народномъ просвѣщеніи, пыталась дѣйствовать путемъ насилія и принужденія *). Это надолго оттолкнуло населеніе отъ войсковыхъ школъ и заставило его крѣпко ухватиться за «мастеровъ» и «мастерицъ», которые искони работали на пользу народнаго просвѣщенія и благодаря которымъ во многихъ станицахъ (Благодарной, Каменной и др.) процентъ грамотныхъ является самымъ высокимъ (свыше 25%), хотя въ этихъ станицахъ нѣтъ и никогда не было ни одной войсковой школы.

Положимъ, нельзя не согласиться, что грамотность, даваемая «вольными учителями», такъ сказать, черезъ-чуръ элементарна. Однако, далѣе мы увидимъ, что и въ этомъ отношеніи замѣчаются нѣкоторыя существенныя улучшения, замѣчается несомнѣнный прогрессъ. Въ Тверскомъ уѣздѣ школы грамотности, «существуя съ 1882 г., дали возможность 300 воспитанникамъ выдержать экзаменъ на льготу **).

*) Подробности объ этомъ читатель можетъ найти въ очеркѣ г. Бородина.

**) *Русскія Вѣдомости* 1888 г., № 300. Многія изъ этихъ школъ несомнѣнно существовали и раньше 1882 г. (годъ изданія циркуляра барона Николая), но тогда ими никто не интересовался и земство не принимало никакого участія въ ихъ судьбѣ.

Фактъ существованія и возникновенія вольныхъ крестьянскихъ школъ служить лучшимъ доказательствомъ растущихъ, развивающихся потребностей народа въ образованіи и, въ то же время, примѣромъ непосредственныхъ, самостоятельныхъ заботъ крестьянъ о своемъ просвѣщеніи.

Здѣсь будетъ встать сдѣлать оговорку. Сознавая все болѣе необходимость грамотности для себя, для своего брата - мужика, крестьянинъ болѣею частью совершенно отрицаетъ пользу ученія для женщины. Исключеніе изъ этого правила представляютъ раскольники и сектанты.

«На что дѣвкѣ грамота?—обыкновенно говорятъ православные крестьяне.—Это совсѣмъ не бабье дѣло, ея дѣло—хозяйство; вотъ обучить мальчонку—это иная статья: ему и въ солдатахъ легче будетъ, да и по мужичеству нынѣ безъ грамоты плохо: нужда бываетъ въ городъ по дѣламъ, или на заработки, а то еще выберутъ въ податные и старосты,—мужикку приходится всякіе обороты дѣлать, а баба сидитъ дома».

Благодаря такому взгляду, крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, почти совсѣмъ не заботятся о томъ, чтобы обучать грамотѣ дѣвочекъ. Поэтому процентъ грамотныхъ женщинъ среди нихъ самый ничтожный. Въ Новоскольскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, на 1,000 населенія мужскаго пола приходится 135 грамотныхъ, а на 1,000 женщинъ—10 грамотныхъ *). Въ Курскомъ уѣздѣ на 1,000 мужчинъ приходится 105 грамотныхъ, а на тысячу женщинъ всего 9. Въ Богородскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, на 1,000 населенія мужскаго пола приходится 103 грамотныхъ, а изъ 1,000 женщинъ грамотныхъ только 5. Наконецъ, въ Томскомъ уѣздѣ, той же губерніи, на 1,000 женщинъ грамотныхъ приходится только 3 **).

Однако, и здѣсь мы не можемъ не сдѣлать нѣкоторой оговорки. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время почти повсюду замѣчается, что число ученицъ быстро растетъ какъ въ земскихъ, такъ и въ волостныхъ школахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появляются даже спеціальныя женскія школы. Такъ, въ одномъ изъ селъ Лашшевскаго уѣзда, Казанской губерніи, есть женская школа грамотности, въ которой учительницей состоитъ г-жа Чис-тосердова, изъ 3-го класса женской гимназіи.

Стремленія крестьянъ къ образованію проявлялись повсюду, когда во время земскихъ статистическихъ работъ изслѣдователь начиналъ разспрашивать сходы объ образованіи. На вопросы изслѣдователя о поводахъ къ открытію школъ, крестьяне говорили: «Необходимость побудила,—нынѣ безграмотному плохо», и эта короткая, но многозначительная фраза повторялась въ разныхъ мѣстахъ, какъ бы однимъ чело-вѣкомъ. Въ селеніяхъ, удаленныхъ отъ школы, очень часто приходилось слышать: «рады имѣть свою школу, да мочи нѣтъ». «Живемъ, какъ трава,—говорили крестьяне деревни Сергѣевки,—и очень желали бы завести свою школу, да средства наши плохи,—пообезсилѣлъ народъ!» ***).

*) Сборн. стат. свѣд. по Курск. губ., выпускъ X.

**) Сборн. стат. свѣд. по Курск. губ., выпускъ XII, стр. XCI.

***) Сборн. стат. свѣд. по Курск. губ., выпускъ IX, стр. 223.

Въ Курскомъ уѣздѣ, на вопросы земскихъ статистиковъ, «крестьяне всюду съ достоинствомъ и гордостью перечисляли своихъ грамотныхъ и учащихся, если таковые были въ семьѣ; съ другой стороны, въ случаѣ ихъ отсутствія, грустно и тоскливо давали отрицательный отвѣтъ» *). То же самое наблюдается и въ другихъ мѣстахъ. Вотъ, наприм., что писалъ изслѣдователь кузнечнаго промысла въ селѣ Опаринѣ, Александровскаго уѣзда, Владимірской губерніи:

«Наблюдателя поражаетъ та готовность, съ которою кузнецы рассказываютъ о своихъ дѣтяхъ, когда они поступили въ школу, какъ, сколько времени и чему научились;—та гордость, которою сіяютъ ихъ лица, когда они на перебой одинъ передъ другимъ объясняютъ, что ихъ сынъ получилъ «аттестатъ» объ окончаніи курса въ народной школѣ» **). Во многихъ мѣстахъ крестьяне настолько освоились со школой, что считаютъ ее чѣмъ-то вполне необходимымъ: пререканій изъ-за школы тамъ никогда не услышишь. Такое отношеніе къ школѣ можно наблюдать, наприм., среди крестьянъ Фатежскаго уѣзда, Курской губерніи.

Враги земской школы пытаются увѣрить, что возникновеніе вольныхъ, самородныхъ школъ объясняется предубѣжденіемъ, съ которымъ будто бы относится нашъ народъ къ земской школѣ, якобы совершенно неудовлетворяющей его. Мнѣніе это, довольно распространенное въ извѣстныхъ кругахъ, поражаетъ своею очевидною неаппетитностью: можно ли говорить о предубѣжденіи народа къ земскимъ школамъ, которыя почти повсюду переполнены учащимися?... Но подробности объ этомъ—въ слѣдующей главѣ.

IV.

Чѣмъ вызывается возникновеніе вольныхъ школъ?

Несмотря на всѣ усилія земства, несмотря на дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія, дѣло развитія начальныхъ народныхъ училищъ идетъ впередъ далеко не такъ быстро, чтобы могло удовлетворять все болѣе и болѣе растущую въ народѣ потребность въ обученіи. Множество селеній остается внѣ района дѣйствія земскихъ и министерскихъ училищъ, множество дѣтей не находятъ въ нихъ мѣста; есть, наконецъ, семьи и даже цѣлыя группы, — какъ, напримѣръ, старообрядцы и сектанты, — которыя не желаютъ помѣщать туда своихъ дѣтей, хотя и желаютъ, въ то же время, обучать ихъ грамотѣ.

Основываясь на мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ, слѣдуетъ признать, что главныя причины, вызывающія возникновеніе вольныхъ крестьянскихъ школъ, состоятъ, во-первыхъ, въ крайней недостаточности существующаго числа правильно-организованныхъ училищъ, вслѣдствіе чего многія селенія отстоятъ отъ училища на разстояніи 10 — 20 и болѣе верстъ;

*) Сборн. стат. свѣд. по Курск. губ., вып. I.

**). Промыслы Владимір. губ., выпускъ II, стр. 250.

во-вторыхъ, въ неравнобѣрномъ распредѣленіи этихъ училищъ, благодаря чему въ однѣхъ волостяхъ сосредоточено по 3, по 4 школы, а въ другихъ — ни одной; въ-третьихъ, въ переполненіи многихъ официальныхъ народныхъ школъ учащимися.

Въ любой губерніи можно указать цѣлыя волости, не имѣющія ни одной правильно-организованной школы. Между тѣмъ, населеніе многихъ изъ этихъ волостей достигаетъ 5 — 6 тысячъ человекъ. Въ Новооскольскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, встрѣчаются селенія, отстоящія отъ ближайшаго училища на 15, 18, 20 и даже 25 верстъ *).

Въ изслѣдованіи кустарныхъ промысловъ Александровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, приводится цѣлый рядъ селъ изъ числа «самыхъ богатыхъ и значительныхъ въ уѣздѣ», которыя не имѣютъ земскихъ школъ. Промышленное населеніе этихъ селъ не можетъ, конечно, помериться съ безграмотностью и потому постоянно прибѣгаетъ къ помощи разныхъ «вольныхъ учителей, вродѣ отставныхъ солдатъ, дворовыхъ женщинъ, «вѣкоушекъ» и т. д. **).

Въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, всѣхъ селеній считается 633, а число душъ обоого пола 82,352. Официальныхъ школъ въ уѣздѣ всего 25 ***) и, притомъ, размѣщены онѣ весьма неравнобѣрно: въ одной волости три школы, въ другой — четыре, а въ двухъ волостяхъ нѣтъ ни одной школы. По даннымъ подворной переписи, число селеній, пользующихся этими школами, не превышаетъ 154 селенія, съ населеніемъ въ 22,126 человекъ, что составляетъ 26% общаго числа жителей уѣзда. Слѣдовательно, на каждую официальную школу въ среднемъ приходится всего только по 6 селеній и по 885 душъ обоого пола. Затѣмъ 479 селеній съ 60,226 жителями, составляющими 74% *всего населенія уѣзда, лишены возможности пользоваться официальными школами.* Понятно, что такая масса населенія не можетъ остаться безъ ученія, и вотъ мы видимъ, что изъ числа этихъ селеній 108 нанимаютъ собственныхъ вольныхъ учителей. Число жителей въ этихъ 108 селеніяхъ равняется 20,066 человекъ, что составляетъ 24% всего населенія уѣзда ****).

Или возьмемъ, напримѣръ, Гжатскій уѣздъ, Смоленской губерніи. Официальныхъ школъ въ этомъ уѣздѣ считается 28, размѣщены онѣ въ 22 волостяхъ, причемъ въ пяти волостяхъ имѣется по двѣ школы, а *въ десяти нѣтъ ни одной.*

Населеніе уѣзда состоитъ изъ 108,972 душъ обоого пола; число же селеній въ уѣздѣ — 855. Такимъ образомъ, одна школа приходится на 4,040 жителей и одна на 35 селеній.

По даннымъ статистической переписи, дѣйствительное число селеній, хотя отчасти пользовавшихся официальной школой, простирается до 304,

*) Сборникъ статистич. свѣд. по Курской губ., выпускъ XI, стр. 177.

**) Промыслы Владимірской губ., выпускъ II, стр. 24.

***) Изъ нихъ: семь церковно-приходскихъ, 12 земскихъ и 6 министерскихъ.

****) Сборникъ статистич. свѣд. по Смоленской губ.

съ населеніемъ въ 39,312 душъ обоого пола, что составитъ 36% всего населенія. «Слѣдовательно, 551 селеніе, съ населеніемъ въ 69,660 душъ, или, иначе говоря, 64% населенія находятся въ условіяхъ, при которыхъ пользованіе оффиціальною школою, по тѣмъ или другимъ причинамъ, оказывается недоступнымъ».

Лишенные земской и казенной школы, крестьяне не мирятся, однако, съ такимъ положеніемъ дѣла и заводятъ свои собственныя, мужицкія школы. Статистическою переписью 1885 года констатировано, что изъ числа селеній (551), не пользующихся оффиціальною школою, въ 230 селеніяхъ крестьяне нанимаютъ своихъ учителей *). Число жителей этихъ селеній составляетъ 28,4% всего числа населенія Гжатскаго уѣзда.

Обыкновенно организованная школа оказываетъ свое вліяніе въ болъшей или меньшей степени на разстояніи 3—4 верстъ: чѣмъ ближе населеніе къ школѣ, тѣмъ сильнѣе это вліяніе, тѣмъ выше % грамотныхъ въ средѣ населенія и наоборотъ. Хотя за предѣлами 3—4-хъ верстнаго разстоянія отъ школы % грамотности часто вновь поднимается, но это уже не вліяніе школы, а результатъ дѣятельности вольныхъ учителей-грамотѣевъ.

Число вольныхъ школъ въ Московской губерніи «находится въ прямой зависимости отъ числа организованныхъ училищъ и отъ степени болъшаго или меньшаго удобства пользованія послѣдними». Чѣмъ болше въ уѣздѣ правильно-организованныхъ училищъ, тѣмъ меньше вольныхъ школъ, и наоборотъ. Въ районѣ до 3 верстъ отъ училища вольныхъ школъ всего 133, учащихся (въ 116 школахъ **) было 952; во второмъ районѣ (3—5 верстъ) вольныхъ школъ 171, учащихся (въ 163 школахъ) было 1,548; наконецъ, въ третьемъ, самомъ удаленномъ районѣ, вольныхъ школъ 233, число учащихся (въ 220 школахъ) было 2,029.

На основаніи этихъ данныхъ, статистическое изслѣдованіе дѣлаетъ выводъ, что вольныя школы въ настоящее время «не имѣютъ никакого другаго значенія, какъ только то, что ими восполняется недостатокъ въ числѣ организованныхъ училищъ».

Жалобы на переполненіе оффиціальныхъ народныхъ училищъ учениками слышатся съ разныхъ сторонъ, изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

Въ Московской губерніи весьма многія земскія и даже «министерскія» училища совершенно переполнены учащимися. «Отказы въ пріемъ дѣтей въ школы по случаю переполненія послѣднихъ не составляютъ какого-либо исключенія, присущаго одному только году; совершенно наоборотъ, они принадлежатъ къ числу явленій постоянныхъ, повторяющихся изъ года въ годъ, хотя и не въ одинаковыхъ размѣрахъ». Подобные отказы практикуются обыкновенно болѣе чѣмъ въ 100 школахъ; въ 1886—87 году такіе отказы были произведены въ 108 земскихъ школахъ, причемъ число дѣтей, которымъ было отказано въ пріемъ въ школу, равнялось 1,356 ***).

*) Сборникъ статистич. свѣд. по Смоленской губ., томъ III, стр. 25.

**) Въ 17 школахъ неизвѣстно число учащихся.

***) Статистическій Ежегодникъ Московскаго Губ. Земства 1888 г., статья Народное образованіе, стр. 18.

Въ Мариупольскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, *все земскія школы переполнены* учащимися; мѣстная управа насчитываетъ во всѣхъ 60 школахъ болѣе 1,500 учениковъ лишннихъ по размѣрамъ школьныхъ помѣщеній. Въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, «народныя школы были переполнены учащимися» еще три года тому назадъ.

Въ Фатежскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, «чрезмѣрное переполненіе училищъ» существуетъ въ шести волостяхъ уѣзда. Съ тѣмъ же фактомъ встрѣчаемся мы въ Путивльскомъ уѣздѣ, гдѣ на нѣкоторыя школы приходится по 108 учениковъ. Понятно, что въ такихъ случаяхъ школы принуждены бывать отказывать въ приѣмъ новыхъ учениковъ.

Отвергнутые школой, крестьяне въ этихъ случаяхъ обыкновенно обращаются къ учителямъ-самоучкамъ, разнымъ грамотѣямъ.

Въ Шестопаловской волости, Щигровскаго уѣзда, существующія три школы настолько переполнены учащимися, что въ послѣднее время начали отказывать въ приѣмъ постороннимъ. Дѣти крестьянъ деревни Александровки учились прежде въ Шестопаловской школѣ, но затѣмъ имъ было отказано за тѣсною школьнаго помѣщенія. Является «николаевскій солдатъ» и предлагаетъ крестьянамъ свои услуги учить дѣтей грамотѣ; крестьяне охотно отдаютъ ему своихъ дѣтей, плата по 50 коп. въ мѣсяць **).

Во Владимірской губерніи «школы грамотности существуютъ болѣею частью въ тѣхъ селахъ, гдѣ нѣтъ ни земскаго, ни церковно-приходскаго училища, и преимущественно въ деревняхъ, отстоящихъ отъ селъ на довольно большое разстояніе» ***).

Случаи, когда въ одномъ и томъ же селеніи на ряду съ организованнымъ училищемъ существуетъ и вольная школа, говоря вообще, довольно рѣдки. Такие факты встрѣчаются въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ официальная школа, вслѣдствіе тѣсноты или другихъ какихъ-нибудь причинъ, не въ состояніи удовлетворить потребности крестьянъ въ обученіи.

Въ селѣ Велико-Михайловкѣ, Новооскольскаго уѣзда, существуетъ такой сильный запросъ на грамоту, что рядомъ съ двухкласснымъ училищемъ и земскою школою существуетъ еще частная школа, и, кромѣ того, въ разныхъ отдаленныхъ закоулкахъ селенія дѣятельно занимаются обученіемъ дѣтей простые грамотѣи, берущіе по 2—3 рубля въ зиму ****).

Въ Карандаковскую земскую школу, Щигровскаго уѣзда, принимаютъ не болѣе 60 человекъ, остальнымъ отказываютъ въ приѣмъ. Благодаря этому, рядомъ съ официальною школою возникла частная, вольная—у дьячка, который беретъ по 60 коп. въ мѣсяць съ мальчика и учить по звуковому способу. Всѣхъ учениковъ въ 1884 году у него было 17 человекъ.

Въ Корочанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, вольное обученіе разви-

*) *Рус. Начальный Учитель* 1885 г., № 1.

**) *Сб. ст. св. по Курск. губ.*, выпускъ VIII, стр. 176.

***) *Отчетъ о дѣятельности владимірскаго правосл. братства св. Алекс. Невскаго* за 1886—87 годъ.

****) *Сборн. ст. св. по Курск. губ.*, выпускъ XI, стр. 178.

то и въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ есть школы (организованныя), такъ какъ послѣднія имѣются въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что способны удовлетворить далеко не все населеніе. Иногда въ одномъ и томъ же селеніи, если оно очень велико, одни ребята учатся въ школахъ, другіе — у грамотѣвъ *)).

Въ Липовской волости, Щигровскаго уѣзда, на ряду съ дѣятельностью трехъ официальныхъ школъ, ведется еще довольно усиленная дѣятельность грамотѣвъ. Такъ, въ селѣ Теплый-Колодезь дѣти учатся частью въ школахъ, а частью у отставнаго солдата Залетаева, который нанимаетъ хату и беретъ по 50 коп. въ мѣсяць. Тамъ же 4 мальчика учатся у сельскаго писаря, съ платой по 25 коп. въ мѣсяць и харчи по очереди **).

Но, главнымъ образомъ, дѣятельность вольныхъ учителей сосредоточивается въ селеніяхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ правильно-организованныхъ училищъ. Въ Фатежскомъ уѣздѣ, Курской губ., всѣ грамотѣи «оперируютъ въ тѣхъ селеніяхъ, разстояние коихъ отъ школы колеблется между 4—9 верстами».

Въ Ставропольскомъ уѣздѣ, Самарской губ., «въ большинствѣ случаевъ, дѣти, не имѣющія возможности за отдаленностью школы посѣщать ее, учатся въ своей деревнѣ у какихъ-нибудь случайныхъ солдатъ-самоучекъ, а дѣвочки—у келейницъ». Чѣмъ ближе школа къ селенію, тѣмъ меньше самоучекъ, а грамотѣвъ, обучающихъ дѣтей по найму, вовсе нѣтъ». За неизбѣннѣе подъ руками школы, «крестьяне предлагаютъ учить своихъ дѣтей грамотъ каждому встрѣчному грамотію» ***).

Въ Гжатскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, изъ числа 230 селеній, занимающихъ своихъ собственныхъ; вольныхъ учителей, 76% селеній находятся въ 5-ти и болѣе верстномъ разстояніи отъ официальныхъ школъ.

Въ деревнѣ Внезапной, Рыльскаго уѣзда, прежде крестьяне платили за содержаніе земской Кульбакинской школы по 20 коп. съ ревизской души, но по дальнему разстоянію совсѣмъ не пользовались этою школою. Теперь они отказались платить на школу и пригласили къ себѣ въ качествѣ вольнаго учителя отставнаго солдата. Деревни болѣе богатая, но удаленная отъ земскихъ школъ, переставая платить на эти школы, нерѣдко начинаютъ строить собственное училище, какъ только имъ позволятъ на это ихъ средства. Вообще, чѣмъ ниже экономическій уровень населенія, тѣмъ менѣе представляется возможности пользоваться услугами земскихъ и правительственныхъ школъ и тѣмъ болѣе значеніе пріобрѣтаютъ непатентованные факторы народнаго образованія: солдаты, дворовые люди, дѣвушки-вѣжоушки, разночинцы и т. п. ****).

Московская уѣздная земская управа собрала свѣдѣнія о количествѣ бѣднѣйшихъ учениковъ земскихъ школъ въ уѣздѣ. Оказалось, что въ 52 учи-

*) Сборн. стат. свѣдѣн. по Курской губ., вып. XIII, стр. 31.

**) Сборн. стат. свѣдѣн. по Курской губ., вып. VIII, стр. 178.

***) Сборн. стат. свѣдѣн. по Самарской губ., т. II, стр. 219.

****) С. А. Харизомовъ: „Промислы Владимирской губ.“, вып. III, стр. 111.

лищахъ, откуда были получены свѣдѣнія, на 3,710 всѣхъ учениковъ насчитывается 853 нуждающихся и что бѣднѣйшіе ученики существуютъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, во всѣхъ земскихъ училищахъ. Нужда состоитъ въ недостаткѣ одежды, а особенно обуви, а иногда пропитанія. Бѣдственное матеріальное положеніе, по отъѣзду почти всѣхъ учителей, имѣетъ большое вліяніе на неправильное посѣщеніе ими школы и на частые пропуски ими уроковъ *).

Въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ бѣдность населенія отражается еще болѣе неблагоприятнымъ образомъ на успѣхѣ занятій въ земскихъ школахъ. Въ одной земской школѣ Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи, числилось учениковъ болѣе 50, тогда какъ, по словамъ крестьянъ, въ продолженіе холодныхъ зимнихъ мѣсяцевъ посѣщали школу не болѣе 12 мальчиковъ. На вопросъ изслѣдователя о причинѣ этого крестьяне отвѣчали, что «у ребятъ нѣтъ теплой одѣжи» **).

Всѣхъ этихъ препятствій и неудобствъ почти не существуетъ для вольныхъ крестьянскихъ школъ; недостатокъ обуви и одежды нисколько не мѣшаетъ ученикамъ этихъ школъ продолжать занятія даже въ морозы, такъ какъ школы этого рода находятся всегда подъ рукою, въ томъ же самомъ селѣ или деревнѣ, въ которыхъ живутъ родители учениковъ.

Приведемъ еще два-три примѣра, чтобы нагляднѣе показать, какъ, въ сущности, недостаточны и даже безсильны въ настоящее время стремленія земства и казны придать дѣлу народнаго образованія тѣ размѣры, какіе требуются самою жизнью, вызываются настоятельно необходимостью.

Относительно Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, статистическое изслѣдованіе устанавливаетъ слѣдующій выводъ: «существующихъ (въ уѣздѣ) 29 школъ недостаточно уже потому, что только $\frac{2}{3}$ населенія приближены къ школѣ на разстояніе, позволяющее пользоваться ея услугами; чтобы все населеніе находилось въ предѣлахъ школьнаго района, необходимо устроить еще не менѣе 15 школъ» ***).

Въ Весьегонскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, въ настоящее время считается 45 училищъ, содержаніе которыхъ обходится земству въ 17,000 рублей, слѣдовательно, каждая школа стѣитъ земству около 380 рублей. Въ этихъ школахъ обучается 3,090 учениковъ, т.-е. на каждое училище приходится въ среднемъ по 70 учениковъ. По вычисленію князя Шаховскаго, для того, чтобы дать возможность обучаться въ школахъ *всѣмъ* дѣтямъ школьнаго возраста (считая съ 7—12 лѣтъ), необходимо имѣть 193 школы, что потребовало бы отъ земства ежегоднаго расхода въ 73,340 рублей ****). Само собою ясно, что подобный расходъ немыслимъ для уѣзднаго земства.

*) *Русскія Вѣдомости* 1888 г.

**) *Сборникъ статист. свѣд. по Курской губ.*, вып. VIII, стр. 176.

***) *Сборн. стат. свѣд. по Курской губ.*, вып. VII, стр. 854.

****) *О народномъ образованіи въ Весьегонскомъ уѣздѣ, Тверской губ.* Рыбинскъ, 1886 г.

Въ Тверскомъ уѣздѣ, несмотря на значительныя затраты на народное образованіе, достигающія до 19,028 рублей въ годъ, земскія школы, по вычисленію Вас. Ив. Покровскаго, могутъ вмѣстить лишь *одну четвертую часть* школьнаго населенія уѣзда.

Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ; Курской губерніи, всѣхъ дѣтей школьнаго возраста считается 9,443; для того, чтобы дать возможность всѣмъ дѣтямъ получить образованіе въ начальныхъ училищахъ, необходимо имѣть 157 училищъ (считая по 60 чел. на училище), въ томъ числѣ 80 мужскихъ и 77 женскихъ. Такимъ образомъ, существующее число школъ въ уѣздѣ (42) должно быть увеличено почти *въ четыре раза*, не говоря уже о томъ, что при этомъ значительно пришлось бы расширить и ихъ вмѣстимость, такъ какъ встрѣчающіяся теперь убогія конуры при церковныхъ сторожкахъ, называемыя школами, вмѣстить 60 человекъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ.

Отсюда ясно, конечно, что ни земство, ни казна рѣшительно не въ состояніи въ настоящее время увеличить число народныхъ училищъ въ томъ размѣрѣ, который могъ бы удовлетворить существующую въ народѣ потребность. Поэтому, въ силу роковой необходимости приходится съ самымъ глубокимъ вниманіемъ остановиться на тѣхъ школахъ, которыя создаетъ самъ народъ, по собственному почину, къ которымъ онъ привыкъ въ теченіе дѣла ряда вѣковъ и которыя по своей дешевизнѣ являются вполнѣ доступными и отнюдь не обременительными для скудныхъ средствъ крестьянина.

Задача и, въ то же время, священная обязанность интеллигенціи—прійти на помощь этимъ мужицкимъ школамъ, помочь народу въ его стремленіи устроить эти школы, расширить ихъ программу, улучшить преподаваніе,—словомъ, употребить со своей стороны всѣ усилія для того, чтобы эти вольныя крестьянскія школы дѣйствительно явились рассадниками просвѣщенія и развитія.

А. Пругавинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Что такое научная философия? *)

Х.

Когда двадцать лѣтъ тому назадъ вышло первое большое сочиненіе страсбургскаго профессора Эрнста Лааса *Kants Analogien der Erfahrung* и философская позиція этого мало еще извѣстнаго тогда ученаго опредѣлилась съ достаточною ясностью, Файингеръ привѣтствовалъ его какъ проницательнаго изслѣдователя философіи Канта, ясно намѣтившаго свою цѣль и идущаго къ ней твердо и неуклонно. Въ этой работѣ Лааса Файингеръ констатировалъ не одно только намѣреніе комментировать и опровергать Кантовы *Аналогию опыта*, но и попытку подорвать изъ этого центрального пункта всю трансцендентальную философію и заложить на ея развалинахъ фундаментъ новаго зданія. «И если вѣрный глазъ инженера,—говорить Файингеръ,—сказывается уже въ удачномъ выборѣ мѣста, гдѣ слѣдуетъ заложить мину для взорванія какой-нибудь громадной каменной глыбы, то надо признать, что настоящій трудъ Лааса попалъ именно въ этотъ важный пунктъ» **).

На томъ фундаментѣ, о которомъ говорилъ здѣсь Файингеръ, Лаасъ сталъ скорѣе возводить то новое зданіе *Позитивной философіи*, надъ которымъ онъ неустанно работалъ съ 1879 по 1884 годъ. *Idealismus und Positivismus* лааса, появившійся въ трехъ томахъ въ теченіе означеннаго выше срока и оконченный незадолго до смерти автора, представляетъ несомнѣнно одно изъ самыхъ выдающихся сочиненій во всей философской литературѣ послѣдняго времени и заслуживаетъ, конечно, самаго серьезнаго вниманія всѣхъ интересующихся философіей. Лаасъ, въ полной независимости отъ Ог. Конта, заново обосновываетъ позитивизмъ. Онъ создаетъ такой новый типъ его, который представляетъ собой расширеніе и углубленіе русла научно-философской мысли, работающей со временъ Юма и все болѣе и болѣе отодвигающей на задній планъ заносчивыя и обманчивыя идеалистическія системы, не перестающія еще дѣлать попытки восстанов-

*) *Русская Мысль* 1888 г., кн. XII.

**) *Philosophische Monatshefte*. XII Band, 2 Heft, S. 443.

ленія своего стародавняго вліянія на умы, но встрѣчающія такія препятствія, для преодоленія которыхъ недостаточно одного историческаго обаянія.

Обозрѣніе главныхъ пунктовъ *Позитивной философіи* Лааса даетъ намъ случай познакомиться еще съ однимъ рѣшеніемъ занимающаго насъ вопроса и, такимъ образомъ, еще болѣе расширить наблюденія наши въ области современной философской литературы и насколько возможно приблизиться къ тому общему рѣшенію нашей задачи, которое возможно установить въ настоящее время.

Вопросъ объ опредѣленіи и ясномъ отграниченіи научной или позитивной философіи отъ ненаучнаго или идеалистическаго міросозерцанія возникаетъ у Лааса на первыхъ же страницахъ его труда. Указавъ на пестроту, представляемую картиной развитія философіи, Лаасъ замѣчаетъ, что пестрота эта усиливается еще разнообразіемъ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя являются руководящими при группировкѣ различныхъ философскихъ направленій: такъ, наприм., тотъ строй воззрѣній, который Лаасъ подводитъ подъ наименованіе *идеализма*, съ точки зрѣнія логики является какъ *реализмъ*, съ точки зрѣнія теоріи познанія—какъ *априоризмъ* или *рационализмъ*, а съ точки зрѣнія онтологіи—какъ *спиритуализмъ*. Нелегко распознаться среди путаницы, вносимой этою номенклатурой съ ея далеко не для всѣхъ извѣстнымъ и понятнымъ происхожденіемъ. Можно замѣтить, однако же, что и во всѣхъ этихъ обыденныхъ классификаціяхъ указывается постоянно на *два главныхъ типа*, подъ которые подводятся всѣ философскія направленія. Такъ какъ начало всей этой пестроты наименованій восходитъ къ Платону, такъ какъ Платонъ является, притомъ же, и самымъ яркимъ выразителемъ идеалистическаго типа и имѣетъ противъ себя всѣ отгѣнки типа ему противоположнаго, то Лаасъ его и избираетъ представителемъ этого типа, и вокругъ него, какъ перваго его провозвѣстника, группируетъ всѣхъ послѣдующихъ его выразителей. Изучая вслѣдъ затѣмъ характеристическія черты этого философскаго типа, Лаасъ находитъ и въ группѣ его противниковъ столько общихъ чертъ, что считаетъ возможнымъ и ихъ всѣхъ свести къ одному *антиплатоновскому* или *позитивному типу*, къ которому и самъ примыкаетъ.

Пестрая картина, представляемая историческимъ ходомъ развитія философской мысли, чрезвычайно упрощается такою группировкой и является, какъ полагаетъ Лаасъ, надежда, что богатая историческія изысканія дадутъ, наконецъ, плодъ, и получитъ руководящее основаніе для всякаго жаждущаго свѣта въ этой области знанія. Отдавая справедливость личнымъ достоинствамъ и гению Платона, Лаасъ имѣетъ въ виду показать, что «высшность, гениальность и благородство души никакъ не могутъ считаться вѣрными признаками истины, что, напротивъ того, они чаще ослѣпляли людей, а не освѣщали имъ путь, чаще лишали ихъ трезваго взгляда, чѣмъ укрѣпляли умственно». Что же касается собственно *платоновскихъ* принциповъ и *платоновскаго* метода, то сомнительная сторона ихъ обнаруживала себя уже не разъ; ученіе Платона тѣмъ опаснѣе, чѣмъ привлекатель-

нѣе его изложеніе, чѣмъ обаятельнѣе является оно для ума, чѣмъ сильнѣе подкрѣпляетъ естественную его склонность къ духовному опьяненію.

Чары громкихъ словъ—вотъ бѣдствіе, противъ котораго направлены предостереженія Лааса. Трезвый мыслитель этотъ настаиваетъ на возможности высоко чтить идеалъ человечества, не подпадая, однако же, подъ гнетъ той философіи, на которой, какъ воображалъ Платонъ, только будто бы и возможно обосновать ихъ. Въ разрѣзъ такому воззрѣнію, Лаасъ утверждаетъ, что для выполненія своего назначенія методъ Платона совсѣмъ недостаточенъ. Въ общемъ характеръ Платона, по мнѣнію Лааса, есть характеръ романтическій, т. е. узкій, неплодотворный и нездоровый. Платона, вслѣдъ за Льюисомъ, можно, пожалуй, какъ думаетъ Лаасъ, назвать софистомъ; но, назвавъ его мистикомъ или романтикомъ, не придется уже принимать его подъ защиту по поводу обвиненія въ софистикѣ: всякая мистика, всякая романтика полны какъ наивныхъ, такъ и искусственныхъ, т. е. измышленныхъ, софизмовъ. Источникъ всѣхъ ихъ—сердце. Не забудемъ, что въ натурѣ Платона существовала не одна только діалектическая, но и поэтическая, и художественная жилка. Платонъ, какъ утверждаетъ Лаасъ, пользовался своею діалектическою способностью вовсе не безпристрастно, вовсе не ради ея самой, но подъ влияніемъ импульса совершенно опредѣленныхъ идей,—идей чисто-романтическихъ, характеризующихся объективною беспочвенностью, съ одной стороны, и субъективною, изъ сердца пристокающею необходимостью съ другой.

Стоить только,—замѣчаетъ Лаасъ,—осмотрѣться кругомъ, чтобы убѣдиться въ громадномъ влияніи на умы этой романтической философіи. Оно было и остается и широкимъ, и глубокимъ. Нѣкоторые изъ ея догматовъ проникаютъ наше мышленіе и нашъ языкъ; они образуютъ какъ бы подпочву обыденнаго міровоззрѣнія, а также и нѣкоторыхъ важнѣйшихъ учрежденій. Сравнивая въ этомъ отношеніи платоновскій типъ съ типомъ ему противоположнымъ, мы можемъ замѣтить, до какой степени громадно различіе между ними по отношенію интенсивности и охвата ихъ влиянія. Въ наше время даже еще замѣтно, что платоновскій типъ пережилъ нѣкогда періодъ полной побѣды. И, однако же, у платонизма есть хоть одна сторона, по отношенію къ которой онъ долженъ быть поставленъ ниже своего соперника: платонизму не выпало на долю установить и развить свои основоположные тезисы послѣдовательно, органически, научно, такъ чтобы въ наше время типъ этотъ могъ бы представиться въ болѣе роскошномъ и богатомъ ростѣ, чѣмъ первоначально. Участь его была совершенно иная: послѣ того, какъ нѣкоторыя стороны его, выродясь въ аскетическія и экстагическія проявленія, возымѣли частью тлетворное, частью безобразное влияніе на умы, другія были до такой степени очищены и стужены критикой, что въ настоящее время все, могущее въ платоновскомъ типѣ получить научное значеніе, производитъ своею туманностью и расплывчатостью весьма скудное впечатлѣніе сравнительно съ картиной, представленной типомъ противоположнымъ. Большая часть платониковъ держатся

лишь той или другой из сторонъ общей совокупности платоновскаго ученія, и рѣдко встрѣчается такой, который могъ бы возстановить всего Платона или двинуть доктрину его къ новому фазису развитія. Поэтому - то платонизирующая философія издавна обнаружила склонность удалиться отъ научныхъ преній въ полумракъ мистическихъ вѣрованій, которыя, переходя въ легенды и мѣфы, какъ у самого Платона, весьма затрудняютъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, гдѣ оканчиваются образы и игра фантазіи и гдѣ начинаются серьезная мысль и истина. Если же обратимся только къ тѣмъ представителямъ платонизма, которые по праву могутъ считаться философами, то хотя и встрѣтимъ въ нихъ основныя черты платоновскаго характера, но сейчасъ же замѣтимъ, что черты эти являются въ связи съ разнообразными измѣненіями и вѣяніями, съ приспособленіями ко времени, обстоятельствамъ, индивидуальностямъ, съ многоразличными уступками противоположной точкѣ зрѣнія, такъ что эта внѣшняя сторона дѣла производитъ впечатлѣніе и возбуждаетъ предположеніе, будто постоянный импульсъ и тенденція, шедшіе отъ Платона, хотя и обладали большою духовною силой, отстаивали, однако же, свои положенія противъ критики, и фактически, и логически, не безъ затрудненія. Вникая въ мотивы, руководившіе ученіемъ при противопоставленіи его воззрѣніямъ противоположнымъ, мы въ состояніи разглядѣть, скрываетъ ли оно въ себѣ здоровое научное зерно, или же силы его коренятся не въ объективныхъ фактахъ и оправдываемыхъ критикою задачахъ, а въ субъективныхъ и даже фантастическихъ хотѣніяхъ.

Такъ какъ такая геніальная и поэтическая личность, какъ Платонъ, по вліянію своему на весь длинный рядъ философовъ-идеалистовъ, имѣетъ громадное значеніе, то слѣдуетъ признать очень важнымъ раскрытіе тѣхъ причинъ, которыя побуждали Платона противоборствовать воззрѣніямъ, представителемъ которыхъ является по Платону же Протагоръ, и заботиться о созданіи ученія, могущаго совмѣстить самостоятельность и необоримость. Платону казалось, что однимъ изъ главныхъ затрудненій, оказавшихся для Протагора непреодолимыми, заключалось въ обманчивости чувствъ, какъ орудій воспріятія. Онъ считалъ послѣдствія этой обманчивости пагубными для достоинства науки и настаивалъ на необходимости подчинить ихъ какому-нибудь высшему неизмѣнчивому принципу; затѣмъ, онъ, разумѣется, отвергалъ годность воспріятія, какъ достовѣрнаго основанія для познанія, и проводилъ ту мысль, что объективно-существующія и соответствующія понятіямъ реальности никогда не могутъ подпасть воспріятію, хотя и играютъ въ процессѣ познанія первенствующую роль; и дажѣ, онъ утверждалъ, что такъ какъ наука имѣетъ своимъ предметомъ истину, истина же высказывается не въ страдательныхъ состояніяхъ воспріятія, а въ сужденіяхъ—продуктахъ категорій чисто-духовнаго характера, то сенсуалистическая теорія Протагора, какъ явно несостоятельная, должна быть отвергнута. Наконецъ, воспріятіе, по его убѣжденію, не могло представить достаточно прочной, объективной гарантіи истины, а потому онъ и искалъ для нея устой-

чивое объективное обоснованіе. Такое обоснованіе могла дать, по его воззрѣнію, *идея блага*, сама въ себѣ покоящаяся, не нуждающаяся въ дальнѣйшемъ обоснованіи, *абсолютная*. Утверждая на ней не только познаніе, но и бытіе, Платонъ думалъ положить такимъ образомъ предѣлъ всему произвольному, измѣнчивому и противорѣчивому, рассчитывая при этомъ на возможность окончательнаго и прочнаго установленія науки.

Чтобы имѣть возможность представить себѣ со всею ясностью воздѣйствіе Платоновой философіи какъ на его сторонниковъ, такъ и на противниковъ, Лаасъ считаетъ необходимымъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе различныхъ сторонъ или мотивовъ этой философіи. Особенность воздѣйствія Платоновой философіи на ея послѣдователей заключалась въ томъ, что не одинъ изъ нихъ не воспроизвелъ всѣхъ ея сторонъ во всей ихъ полнотѣ; по этой причинѣ является необходимость въ различеніи мотивовъ и ихъ сопоставленіи. Само собою разумѣется, что намъ возможно привести здѣсь только резюме того обширнаго и тщательно - обработаннаго анализа, который читатель можетъ найти въ первомъ томѣ Лаасова *Идеализма и позитивизма*.

Главныхъ мотивовъ (или сознательно-ясно, или въ формѣ смутныхъ побужденій), вліявшихъ на установленіе основныхъ положеній платонизма, Лаасъ считаетъ всего *пять*. *Первымъ* изъ нихъ Лаасъ выставляетъ чрезмѣрное переоцѣненіе математическихъ образцовъ и несообразное дѣйствительности подражаніе имъ, какъ строго сдѣланному (силлогистическому) веденію доказательствъ. Все, приложимое къ наглядно представляемому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постояннымъ и всегда однообразно обозначаемымъ понятіямъ математики, представляется приложимымъ и ко всякаго рода понятіямъ вообще. Почему, казалось бы, не допустить, что бытіе, взятое во всей его совокупности, не скрываетъ дѣлающую систему вѣчныхъ онтологическихъ истинъ, подобно тому, какъ пространство—систему истинъ математическихъ? Какое имѣемъ мы основаніе отвергать возможность разложенія всякаго рода понятій дедуктивнымъ путемъ на систематически разчлененные предикаты, содержащіеся въ этихъ понятіяхъ и изъ нихъ выводимые, подобно тому, какъ то имѣетъ мѣсто по отношенію понятій треугольника или круга? Таковы предположенія и цѣли, въ которыхъ влеклись умы не въ силу одной только индивидуальной склонности или личнаго предположенія философовъ. Инстинктивные стремленія ихъ несомнѣнно подкрѣплялись вліяніемъ состоянія наукъ во времена Платона. Ни одна наука той эпохи не могла посягать на сравненіе съ математикой по отношенію научной законченности. Притомъ же, не только тогда, но и теперь еще не рѣдко видятъ въ математикѣ образецъ всякой дедуктивной науки. Подъ этимъ обаяніемъ математики и сложилось мнѣніе, что истинною наукой можно считать только такую, которая можетъ усвоить себѣ приемы математики. Изъ предпосылки, заключающейся въ такомъ мнѣніи, вытекало само собою: 1) что дедукція и систематизація были неотлѣнно-обязательны; 2) что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для нихъ не оказывалось почвы, не могла быть

констатирована и истинная наука; 3) что онтологическія понятія подлежат такой же строгой систематизации, какъ и математическія, и, наконецъ, ко всему этому примыкало то наивное и роковое мнѣніе: 4) что такія «понятія» могутъ просто-на-просто быть заимствуемы изъ обыденной рѣчи, причемъ допускалась мысль о бесполезности изслѣдованія генезиса, многосмыслия и растяжимости заимствованныхъ обозначеній. Послѣдующее время дало подтвержденія въ широкомъ распространеніи того умонастроенія, которое обуславливало возникновеніе и развитіе этого мнѣнія. Въ заключеніе своей характеристики этой стороны платоновскаго типа Лаасъ находитъ, что, принимая во вниманіе ея позднѣйшую исторію, ее слѣдуетъ назвать *математизирующею* или *схоластическою*.

Въ математическому мотиву тѣсно примыкаетъ уже у Платона и еще тѣснѣе у нѣкоторыхъ его послѣдователей и тотъ, на который Лаасъ считаетъ нужнымъ обратить особенное вниманіе и который въ его изложеніи является какъ *второй* мотивъ платонизма, а именно: стремленіе къ сведенію всякаго научнаго познанія и всякаго нравственнаго дѣянія къ такимъ *абсолютнымъ* принципамъ или даже къ *единому* понятію или положенію, которыя не нуждались бы въ дальнѣйшемъ обоснованіи, да и не были бы способны къ нему. Послѣднимъ этимъ принципомъ у Платона является, какъ и было уже замѣчено выше, идея блага; она и есть тотъ «безусловный», «всеобщій принципъ», который почитается краеугольнымъ основаніемъ всей философіи. Пользуясь терминомъ самого Платона, Лаасъ называетъ этотъ мотивъ идеализма *стремленіемъ къ абсолюту*. Діаметральною противоположностью этому стремленію является самоограниченіе, самоотреченіе, резигнація вообще; самое же стремленіе, по замѣчанію Лааса, принимаетъ у различныхъ мыслителей различныя формы: поэтическій пошибъ у однихъ, мистико-сентиментальный складъ у другихъ, — соединеніе того и другаго у самого Платона.

Какъ *третью* характеристическую черту, отличающую платоновскій типъ, Лаасъ считаетъ убѣжденіе въ существованіи для нашей дѣятельности и для «бытія» вообще извѣстныхъ руководящихъ или *нормативныхъ законовъ*. Законы эти, согласно такому убѣжденію, имѣютъ свои корни не въ нашей чувственности, не въ фактахъ дѣйствительности, а въ иной области, — области, называемой, согласно платоновскому словоупотребленію, «духомъ», «разумомъ». Они потому уже должны представляться сверхчувственными и априорными, что именно они сообщаютъ всему чувственному бытію и всякому стремленію снабженнаго органами чувствъ существа форму и устойчивость, назначеніе и направленіе. Все дѣйствительное познается только при ихъ посредствѣ, все желаемое только благодаря имъ получаетъ санкцію. Эту сторону платонизма Лаасъ называетъ *рационалистическою* или *априористическою*.

Въ связь съ третьимъ мотивомъ Лаасъ вводитъ *четвертый* и *пятый*. *Четвертый* онъ формулируетъ такъ: наши воспріятія и чувствованія, какъ же какъ и образующіеся изъ нихъ продукты памяти, чувственнымъ побуж-

дений и страстей, являются такими психическими состояниями, которые въ послѣднемъ итогѣ обусловливаются извнѣ, чрезъ посредство организма, и должны считаться чисто-пассивными состояниями сознанія. Рядомъ съ ними необходимо признать «чистыя» проявленія нашей «высшей» самобытности, — проявленія, имѣющія свою исходную точку не внѣ этой самобытности, а внутри ея. Они, какъ то указалъ уже Платонъ, обозначаются уже въ актѣ сужденія; мы подмѣчаемъ ихъ и въ формированіи и упорядоченіи пассивно-усвоеннаго матеріала воспріятій, обнаруживаемъ во всѣхъ нашихъ «дѣйствіяхъ»; въ нихъ мы видимъ *активныя* движенія нашего я, вскрытіе присущей намъ самобудительности (спонтанейности), подтвержденіе нашей «свободы»; они и мыслятся поэтому какъ нѣчто специфически-отличное отъ чувственно-естественнаго механизма, они поэтому и противупоставляются ему. Высказанной этою формулировкой мысли Лаасъ придаетъ названіе *мотива самобудительности* (Spontanität-Motiv) и считаетъ его тѣмъ мотивомъ, который хотя и можетъ быть уже подмѣченъ у самого Платона, но который только въ позднѣйшее время достигъ своего полного развитія.

Тѣмъ за то полнѣе, сильнѣе и опредѣленнѣе обозначается у самого Платона *пятый* мотивъ. Лаасъ усматриваетъ его въ горячей вѣрѣ въ «духовный» принципъ, который «мыслить» и «познаетъ», ставитъ себѣ практическіе идеалы и вызываетъ къ жизни нашу дѣятельность, — принципъ, формы и законы котораго соизмѣримы познаваемому бытію, но самое бытіе котораго должно быть отнесено не къ этому міру воспріятій, гдѣ онъ временно проявляется, а къ міру сверхчувственному. Этотъ мотивъ Лаасъ называетъ *сверхчувственнымъ* или *трансцендентнымъ*.

XI.

Представивъ въ общихъ чертахъ характеристику мотивовъ, вскрываемыхъ Лаасомъ у всего математизированнаго, рационализированнаго, спиритуализированнаго и, вообще говоря, метафизицированного мышленія, мы можемъ обратиться теперь къ общему характеру этого самаго мышленія и представить хоть бѣглый абрисъ его основныхъ чертъ.

Уже ранѣе читатели могли замѣтить и отчасти оцѣнить значеніе, придаваемое Лаасомъ роли хотѣнія въ экономіи нашего мышленія. Возвращаясь не разъ къ этому вопросу въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія, Лаасъ пополняетъ приведенное выше указаніе и констатируетъ, что хотѣніе, потребность, интересъ обусловливаютъ то «безпокойство», которое испытывается всякимъ, кто замѣчаетъ отсутствіе предмета, могущаго доставить ему удовольствіе. Полученіе такого предмета и обладаніе имъ замѣняетъ безпокойство «удовлетвореніемъ», а когда идетъ рѣчь о сферѣ умственной дѣятельности — *объясненіемъ*, или, соотнositельно, *пониманіемъ*. Лаасъ припоминаетъ при этомъ, что уже Милль показалъ, какое громадное разнообразіе способовъ объясненія было и остается въ ходу у разныхъ наро-

довь и какъ часто «объясненіе» подѣ влияніемъ внушеній обыденной жизни, обыкновенно преодолевающихъ внушенія научнаго методическаго мышленія, замѣняютъ только одну тайну, еще кажущуюся странною, другою, переставшею уже казаться такою. Примѣры, могущіе иллюстрировать перипетіи разнаго рода объясненій, такъ обильны въ исторіи философіи и такъ общеизвѣстны, что долго останавливаться надъ ними нѣтъ никакой надобности. Всякому извѣстны объясненія, представляемыя, наприм., тѣми, которые искали и находили утоленіе своего безпокойства въ сведеніи всѣхъ явленій къ водѣ, воздуху, огню и т. д. Особенное вниманіе при этомъ слѣдуетъ обратить только на то обстоятельство, до какой степени твердо принималась та или иная «потребность» за совершенно достаточный мотивъ и какъ пестры, подчасъ противоположны были способы удовлетворенія этой потребности. Такъ, напримѣръ, общая причинная связь явленій, представляющая для стремящагося къ «объясненію», какъ *regressus in infinitum*, возбуждаетъ въ умѣ метафизика потребность завершения или замкнутія этой цѣпи. Лейбницъ находитъ, напримѣръ, что послѣднее звено должно непременно быть *«hors de suite des choses contingentes»*... *«autrement on n'auroit pas encore une raison suffisante, où l'on pût finir»*. Лаасъ замѣчаетъ по этому случаю, что едва ли одно хотѣніе покончить съ сознанною потребностью достаточно для того, чтобъ избѣгнуть причиняемаго ею безпокойства, и приводитъ при этомъ на память читателю, что Аристотель допускалъ вѣчное движеніе; Лейбницъ же считаетъ необходимымъ сослаться на свой «принципъ достаточнаго основанія».

Таковъ въ его основныхъ чертахъ характеръ «объясненія» въ исторіи метафизики, и въ *этомъ* его смыслѣ и значеніи и называетъ его Лаасъ «такъ называемымъ объясненіемъ» — *«Sogenannte Erklärung»*. Въ прямой зависимости отъ такого «объясненія» находится, конечно, и «познаніе» у всѣхъ метафизически настроенныхъ мыслителей. Всѣ они смѣшиваютъ обыкновенно «познаніе» (*Erkennen*) съ «объясненіемъ» (*Erklären*) и требуютъ и для познанія сведенія къ абсолютнымъ реальностямъ, къ разысканію основанія, принципа, сущности даваемыхъ опытомъ фактовъ и ихъ законовъ.

Ложные пути, которые принимала и принимаетъ мысль, гонящаяся за этими химерами, очень разнообразны. Влекомая указанными выше мотивами, она принимаетъ то ту, то другую изъ «фикцій» объясненія за высочайшее проявленіе истины и строитъ при ея помощи тѣ воздушные замки, которыми полна исторія метафизики. Было бы слишкомъ долго слѣдить за всею тою разрушительною работою, благодаря которой и Лаасъ въ свою очередь справедливо заслужилъ названіе *«Alleszermalmer»*, мы остановимся только на нѣкоторыхъ особенно важныхъ пунктахъ. Обратимъ, прежде всего, наше вниманіе на понятіе «субстанція». Терминъ этотъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу самыхъ ходкихъ изъ всего нашего мысленнаго инвентаря по отношенію къ вопросамъ онтологическимъ. Онъ иногда служитъ мостомъ для перехода въ трансцендентные регіоны; но, какъ замѣчаетъ Лаасъ,

только для тѣхъ, которые не думаютъ предварительно о многосмысленности этого выраженія, а также и о явныхъ слѣдахъ его эмпирическаго происхожденія, замѣчаемыхъ при разсмотрѣннн каждого, отдѣльно взятаго, его значенія.

«Субстанція»,—какъ мѣтко замѣчаетъ Лаасъ,—есть только рассчитанная на внушительность замѣна простаго термина «вещь», т. е. связанной въ конкретное единство и приуроченной къ одному и тому же мѣсту совокупности свойствъ и силъ. Изъ всей этой суммы, подъ внушеніемъ логическаго сужденія и вліятельныхъ интересовъ, обыкновенно выдѣляется нѣчто среди измѣненій постоянное, сосуществующее, въ противоположность посяждовательному, и получаетъ значеніе «субстанція». Такимъ образомъ, понятіе вещи, извѣстнаго конкретнаго единства, распалось на двѣ части: *субстанцію* и *антиденцію*. Затѣмъ оставалось еще сдѣлать шагъ къ присвоенію субстанціи новаго свойства—самостоятельности. Мало-по-малу самостоятельность эта получила то опредѣленіе значенія, которое она имѣетъ у Спинозы, стала тѣмъ, «*quod in se est et per se concipitur*». И вотъ, и въ наше время подъ субстанціей разумѣютъ то, что независимо отъ чего бы то ни было другаго остается неизмѣннымъ при всѣхъ окружающихъ его переменнахъ. Мы будемъ еще имѣть случай представить нѣкоторыя разъясненія взгляда Лааса на понятіе субстанціи, а теперь замѣтимъ только, что Лаасъ не считаетъ возможнымъ выжать изъ понятія субстанціи какія бы то ни было заключенія, годныя для перехода къ трансцендентному. Образование понятія субстанціи и пользованіе имъ очень натуральны; но не слѣдуетъ видѣть въ немъ какого-то откровенія и не увлекаться химерическою надеждой чрезъ его посредство проникнуть въ область «*an sich*».

Спиритуалисты, какъ извѣстно, не стѣснялись многосмысленностью и текучестью термина «субстанція», но пользовались выбкостью почвы, представляемою этимъ терминомъ, и старались возвести на ней свое причудливое мистико-метафизическое зданіе. Мы имѣли уже случай познакомить читателя съ глубокомысленнымъ и остроумнымъ разсужденіемъ Бэна, доказавшаго какъ нельзя лучше призрачность спиритуалистическихъ попопозновеній и преподавашаго благой совѣтъ «не пытаться извлекать солнечныя лучи изъ этого огурца». Замѣтимъ теперь, что тѣ, для которыхъ авторитетъ Бэна «не довлѣетъ», могутъ обратиться къ «параллелизмъ чистаго разума» Канта и такимъ образомъ освѣжить въ памяти старыя истины. Кантъ, впрочемъ, не въ одномъ только этомъ случаѣ, но и во многихъ другихъ, какъ неоднократно признаетъ Лаасъ, много сдѣлалъ для подготовленія почвы для позитивной философіи, и нѣкоторыя его положенія, какъ увидимъ дагѣе, были переработаны Лаасомъ и введены въ его изложеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако же, Лаасъ удѣляетъ не мало мѣста и полемикѣ съ этимъ великимъ философомъ, такъ много увлекавшимся тѣми мотивами платоновскаго характера, о которыхъ было говорено выше. Одно только раскрытіе этихъ *мотивовъ* и обуславливаемой ими *тенденціи* Кантовой мысли нерѣдко можетъ, по мнѣнію Лааса, обнаруживать узость и несостоя-

тельность многихъ аргументовъ автора *Критики чистаго разума*. И если оставить въ сторонѣ многосмысленность и измѣнчивость терминовъ, жоторыми пользовался Кантъ и которыя часто затрудняютъ отвѣтъ на вопросъ: не многосмысленны ли и измѣнчивы и соотвѣтствующія терминамъ этимъ понятія; если пренебречь всею этою стороною въ сочиненіяхъ Канта и только имѣть въ виду идею цѣлаго, то придется сказать, что эта идея и была проникнута тенденціей, заключающеюся въ подготовленіи почвы для метафизической вѣры, направленной къ міру сверхчувственному. Эта предвзятость (*Voreingehommenheit*), впрочемъ, не единственная у Канта; видную роль играетъ у него и другая—*идеалъ науки*. На этомъ пунктѣ Кантъ очень близко соприкасается съ своимъ предшественникомъ Платономъ: оба, какъ замѣчаетъ Лаасъ, устанавливали свои взгляды и считались съ дѣйствительнымъ значеніемъ данныхъ условий; оба не вырабатывали ихъ сообразно съ имѣвшимися въ нихъ распоряженіи объектами, а свободно творили, подгоняя потомъ подъ нихъ дѣйствительность. Тогда какъ мы, позитивисты, говоритъ Лаасъ, довольны и тѣмъ, что намъ удается понять, какимъ образомъ изъ данныхъ воспріятій и постепенно развивающихся потребностей могутъ образоваться извѣстныя познавательныя стремленія—Платонъ ставитъ собственное свое требованіе о томъ, что истинный объектъ науки долженъ обладать вѣчностью, неизмѣняемостью и постоянствомъ, дискредитируя, такимъ образомъ, значеніе данныхъ воспріятія, а Кантъ заявляетъ, что наука въ собственномъ смыслѣ должна быть аподиктической, апіорною, сознающею идею необходимости, выводящею познаніе изъ однихъ только возможностей, и утверждаетъ, что познаніе, не переходящее предѣлы эмпирической достовѣрности, не есть познаніе въ собственномъ смыслѣ. Въ связи съ этимъ взглядомъ на познаніе находится у Канта и понятіе о возможности иныхъ (нечеловѣческихъ) познаній. Предвзятость, служащая основою этого понятія, ведетъ уже прямо въ область мистики.

Мы ограничимся этими общими указаніями Лааса на значеніе Кантовой философіи и не станемъ излагать даже и вкратцѣ его обширныхъ критическихъ замѣчаній на главнѣйшія воззрѣнія недавно еще такъ увлекашаго нѣмецкіе умы мыслителя. У насъ, какъ извѣстно, «поворотъ къ Канту», оставившій такое яркое и еще свѣжее воспоминаніе въ философской литературѣ Германіи, прошелъ едва замѣтнымъ. Въ настоящее время представляется для насъ важнымъ не столько ознакомленіе съ критическою оцѣнкой мало-извѣстнаго у насъ Канта, сколько сосредоточеніе вниманія на той новой философіи, которая возникла частью на почвѣ, подготовленной Кантомъ, частью на развалинахъ его системы. Лаасъ принадлежитъ, конечно, къ числу самыхъ видныхъ и вліятельныхъ представителей этой новой философіи, и намъ пора теперь перейти къ очерку положительной стороны того строя, который она пріобрѣла въ его рукахъ.

Охарактеризованному въ предшествовавшихъ строкахъ міросозерцанію съ его мотивами, тенденціями и пріемами, вдохновляющимися и до сихъ поръ духомъ Платоновой философіи, противопоставляетъ Лаасъ то трезвое науч-

ное познание, которое только в новейшее время успело вступить на путь непрерывного развития и которому удалось мало-по-малу побороть вѣковѣчное влияние старой метафизики. Родоначальникомъ этого философскаго направления Лаасъ считаетъ Протагора и утверждаетъ, что, затѣмъ, только съ Юма возстановляется забытый живой родникъ здравого смысла, надъ расширеніемъ и углубленіемъ котораго работаетъ уже не первое поколѣніе мыслителей.

Отъ Юма собственно и ведетъ Лаасъ генезисъ своей доктрины, черезъ Дж. Ст. Милля, помимо От. Конта. Онъ смотритъ на основныя положенія его системы—законъ трехъ состояній и классификаціи наукъ,—какъ на такія, въ которыхъ хотя и проявился умъ, а отчасти вѣрная наблюдательность ихъ творца, но которыя, въ то же время, своею искусственною конструктивностью напоминаютъ построения ніюго иного, какъ Гегеля. Примыкая, такимъ образомъ, непосредственно къ Миллю, Лаасъ не желаетъ, однако же, раздѣлять всѣхъ его воззрѣній и соглашается съ Девонсомъ по нѣкоторымъ пунктамъ его критики Миллевой *Система логики*. Не считаетъ онъ непогрѣшимымъ и Юма, но все же находитъ у него такія научно-философскія положенія, которыя стали бы мы тщетно искать у другихъ мыслителей. По этой причинѣ Лаасъ и считаетъ Юма ближайшимъ провозвѣстникомъ современной позитивной философіи.

Твердо увѣренный, что всякая философія, не опирающаяся на теорію познанія, не можетъ рассчитывать на устойчивость, Лаасъ и кладетъ во главу угла обработку гносеологическихъ вопросовъ. Само собою разумѣется, что остріе его теоріи познанія обращено противъ «фантасмагорій» идеализма, но онъ не теряетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ вида и проявленій крайняго скептицизма, противъ которыхъ боролся уже и ранѣе. Считая главными представителями идеализма, какъ мы знаемъ уже, Платона и Канта, Лаасъ не теряетъ изъ вида того обстоятельства, что оба эти мыслители прежде всего направляли силы свои противъ «скептицизма», хотя каждый изъ нихъ имѣлъ объ этомъ общемъ врагѣ свое особое понятіе. Разумѣлся ли, однако, подъ скептицизмомъ крайній гераклитизмъ съ его идеею неудержимой измѣнчивости и текучести, исключавшею возможность существованія чего-либо субстанціального и абсолютнаго, или являлся скептицизмъ въ формѣ теоріи причинности Юма, исключавшей возможность метафизическаго перехода къ «вещи въ себѣ»,—все же для идеализма одинаково угрожала опасность потерять занятую еще элеатами позицію, защищавшую излюбленный ими тезисъ о недостаточности чувственнаго познанія и о бытіи рядомъ съ міромъ воспріятій иного высшаго міра сверхчувственныхъ объектовъ («идей» или «нуменовъ»). Эту-то философскую фантастику и имѣетъ въ виду Лаасъ. Задачею своей онъ ставитъ окончательное ея преодоленіе и устраненіе. Еще въ своихъ *Аналогахъ опыта* онъ развивалъ мысль о томъ, что мышленіе наше не можетъ простираться за предѣлы дѣйствительнаго міра и что невозможно рядомъ съ реальнымъ бытіемъ міра воспріятій допускать еще множество формъ инобытія. Такая возможность, доказывалъ тогда Лаасъ,

допустима только какъ контрастъ, полезный для характеристики бытія дѣйствительнаго, не болѣе. «Намъ извѣстно одно только мышленіе, какъ таковое,—говоритъ онъ,—именно то мышленіе, которое вращается въ области мыслемѣрныхъ данностей, а не въ области фантастическихъ образовъ, которое даже и тогда, когда обращается къ воображаемымъ формамъ, не теряетъ изъ вида нитей, ведущихъ къ міру дѣйствительному. Далѣе: намъ извѣстно одно только бытіе, какъ таковое, именно то бытіе, которое разстигается передъ субъектомъ и является въ столь многосторонней и интенсивной логической окраскѣ, что въ во многихъ случаяхъ трудно бываетъ рѣшить, нами ли самими свободно измышлены тѣ формы и методы, которые мы прилагаемъ къ дѣйствительности и такимъ образомъ интеллектуализируемъ это бытіе, или же дѣйствительность сама доставляетъ намъ ихъ непосредственно и мы только отвлекаемъ ихъ отъ нея. Во всякомъ случаѣ, эти формы и методы развиваются въ непрестанномъ общеніи съ дѣйствительностью. Такимъ образомъ, идея возможности бытія, обрѣтающаяся въ предѣлахъ бытія эмпирическаго, должна быть, во всякомъ случаѣ, рассматриваема какъ идея позднѣйшая, и ей можетъ быть предоставлено мѣсто лишь постольку, поскольку то требуется мышленіемъ о дѣйствительности и поскольку къ ней приложимъ принципъ тождества и другіе принципы, необходимые для нашей мысли и неустранимые изъ нея. И если мышленіе, сперва заинтересованное даннымъ бытіемъ, можетъ при дальнѣйшемъ ходѣ своемъ замѣтить, что попытки его для объясненія дѣйствительнаго бытія ведутъ къ такому мышленію, въ которомъ принципъ тождества не находитъ себѣ приложенія, въ которомъ дважды-два не составляютъ четырехъ и т. п., то оно или будетъ считать себя заблуждающимся, или бессильнымъ къ возстановленію мыслимости. Во всякомъ же случаѣ, прилагать къ области реального абсолютное противорѣчіе и бессмысліе было бы не такъ легко, какъ созидать математику на положеніяхъ вродѣ того, что сумма угловъ прямолинейнаго треугольника менѣе двухъ прямыхъ и т. д.»

Для внимательнаго читателя разумѣется уже само собою, что если Лаасъ такимъ образомъ обосновываетъ свое отрицаніе метафизическихъ фантазмагорій, то онъ неизбѣжно утверждаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что всѣ наши представленія, какъ бы они тонки и возвышенны ни были, могутъ существовать только какъ первоначальныя или закономѣрно выработанныя и преобразованныя воспріятія. Вопреки мнѣнію философовъ, воображающихъ, что всякое отвлеченное понятіе должно быть непремѣнно апіорное и мѣтить на объектъ трансцендентный, Лаасъ ищетъ реальные корни каждой изъ абстракцій высшаго порядка и всѣ ихъ низводитъ на одну общую почву.

Отстаивая свою позицію противъ напора идеалистовъ, желающихъ непременно видѣть въ «объективности» и «дѣйствительности» сенсуализма лишь нѣчто подпадающее внѣшнимъ чувствамъ, Лаасъ озабочивается защитой этой позиціи и съ другой стороны,—со стороны того скептицизма,

который ищет опору въ сенсуализмъ же, но, сбываясь съ пути, впадаетъ въ цѣлый рядъ внутреннихъ противорѣчій и ошибокъ *).

ХП.

И такъ, философін, чтобы стать научной, должно уметь избѣжать двухъ крайностей: бесплодныхъ мечтаній и столь же бесплодныхъ сомнѣній, и твердо держаться на той почвѣ, которая можетъ дать ей и устойчивость, и всѣ условія, необходимыя для успѣшнаго ея развитія.

Первое зерно той теоріи познанія, которое создало ей эту почву, Лаасъ усматриваетъ въ извѣстномъ тезисѣ Протагора о неразрывной связи субъекта и объекта. Этотъ тезисъ имѣетъ, по мнѣнію Лааса, громадное значеніе для установленія позитивной точки зрѣнія. И если Протагоръ — чему бы онъ тамъ помимо этого положенія ни училъ—остается въ нашихъ глазахъ первымъ провозвѣстникомъ научнаго типа въ философін, то нельзя отвергать, что его имя должно произноситься нами съ большею почтительностью, чѣмъ это было до сихъ поръ принято. Вслѣдъ за Протагоромъ выдвигаетъ Лаасъ значеніе коррелятивизма или соотнесенности субъекта и объекта на первый планъ. Субъектъ и объектъ, — говоритъ онъ, — суть нераздѣлимые близнецы; каждый изъ нихъ удерживается или падаетъ, смотря по тому, устойчивымъ или шаткимъ оказывается соотнесенный элементъ. Мы не можемъ мыслить воспринимающаго субъекта остающимся безъ воспріятій; мы утверждаемъ, что «сознаніе», «я» и другія названія, подъ которыми является передъ нами субъектъ, могутъ имѣть только указанный выше соотнесенный смыслъ и за предѣлами чувственнаго воспріятія не значать ровно ничего.

Коррелятивизмъ, по мнѣнію Лааса, нисколько не нуждается для своего фактическаго узаконенія (*sachliche Legitimation*) въ метафизической подпочвѣ. Можно установить только доступный для всякаго и подлежащій всеобщей проверкѣ фактъ, что объекты извѣстны намъ непосредственно, какъ содержаніе сознанія, *cui objecta sunt*, а субъекты — только какъ центры отношеній, какъ сборные пункты или какъ оборотная сторона воспринятаго содержанія, *quibus subjecta sunt*; и далѣе, что непосредственно извѣстные

*) Скентизмъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, и есть именно тотъ, который у насъ недавно еще хотѣли видѣть за характеристическій признакъ нашего національнаго ума. Скентизмъ этотъ, увѣрали насъ, мало похожъ на здоровое сомнѣніе Декарта или Канта; нашъ скентизмъ стремится будто бы поразить „самую идею достовѣрности истины“, стремится „подорвать самый интересъ къ познанію“ и имѣетъ своей формулой: „все одинаково возможно и все одинаково сомнительно“. Странное дѣло, однако же: нѣтъ никакой возможности указать хоть на одно лицо, въ которомъ такого рода скентизмъ нашелъ бы у насъ свое воплощеніе, а, между тѣмъ, на Западѣ онъ проводился не разъ систематически въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ и находилъ одобреніе въ журналахъ. Лаасъ борется съ несколькими изъ представителей этого скентизма, а у насъ они неизвѣстны даже и по имени. Что же это за удивительный русский скентизмъ! (Кромѣ *Idealismus und Positivismus*. III. S. 506 und 671, см. статью Лааса въ *Vierteljahrsschrift für Wiss. Ph.* VI. Jahrgang. Zweites Heft, S. 231—247).

намъ объекты и субъекты не могутъ быть принимаемы какъ существующіе «*an sich*», что они признаются существующими только при условіи взаимной связи, что они совместно возникаютъ, совместно пребываютъ и всегда остаются нераздѣлимыми.

Обосновываемая Лаасомъ на тезисѣ коррелятивизма теорія познанія хотя и повторяетъ старое положеніе, что природа есть «явленіе», но повтореніе это, какъ поясняетъ Лаасъ, не сопровождается заботою о раскрытіи «сущности» или «принципа», скрывающихся за явленіемъ и обнаруживающихся при его посредствѣ. Итъ, «явленіе» принимается не въ этомъ смыслѣ. Выраженіе «природа и есть явленіе» означаетъ только *относительность* понятія природы, т. е. выражаетъ лишь то, что природа мыслится какъ объектъ *по отношенію* къ воспринимающему субъекту, тогда какъ существованіе этого самаго субъекта, этого «я», въ свою очередь не допускается безъ соотносительнаго «не я», безъ содержанія, доставляемаго воспріятіями. Дѣйствительность мыслящаго ставится, такимъ образомъ, не выше дѣйствительности мыслимаго; объекты не считаются пребывающими внѣ сознанія, но и не предполагаются существующими «въ насъ»; утверждается только, что они существуютъ *по отношенію* къ намъ, какъ мы существуемъ *по отношенію* къ нимъ. «Не я» представляется при этомъ относительно «я» какъ совокупность возможныхъ ощущеній, хотя и различныхъ для каждой отдѣльной личности, но могущихъ мыслиться какъ *закономѣрное смѣнаніе въ одно общее цѣлое*. Это общее цѣлое представляетъ собою идеальную картину, которая должна быть поставлена выше всѣхъ случайныхъ отношеній и представляться объектомъ не единоличнаго сознанія, а *сознанія вообще*. Пользуясь этимъ кантовскимъ терминомъ и разъясняя его значеніе для позитивной философіи, Лаасъ говоритъ, что соответствующій «сознанію вообще» *объективный міръ* есть всеобщій объектъ представленія всѣхъ ощущающихъ существъ, какъ бы иногда ни являлся онъ неопредѣленнымъ, тусклымъ и измѣненнымъ въ воспріятіи отдѣльной индивидуальности.

Теперь, когда мы хоть въ общихъ чертахъ познакомили читателя съ идеей коррелятивизма, какъ ее выработалъ Лаасъ, и дополняющихъ ее понятій «сознанія вообще» и «объективнаго міра», мы можемъ перейти къ изложенію соображеній, которыя выставлены Лаасомъ по вопросу о переработкѣ того принципа, критику котораго мы представили ранѣе, именно: принципъ «объясненія» или соотносительно «пониманія».

По мнѣнію Лааса, позитивистъ долженъ изучать разнообразныя приемы «объясненія», представляемые исторіей человѣческой мысли, и стараться вскрыть руководящія всѣми ими *потребности*, какъ элементъ, присущій всѣмъ имъ. Онъ долженъ наблюдать смѣну однихъ потребностей другими и справедливо оцѣнивать тѣ объясненія, которыя при сравненіи съ предшествовавшими представляются болѣе цѣлесообразными и въ сравнительно высшей мѣрѣ служащими установленію простоты, послѣдовательности и систематичности въ области мысли, идущихъ рука объ руку съ устраненіемъ объясненій болѣе слабыхъ или же совсѣмъ вредныхъ. Во всякомъ случаѣ, на

всѣ эти объясненія онъ смотритъ какъ на отвлеченныя понятія, вспомо-
гательныя представленія, фикціи архитектурной фантазіи, субъективныя
вѣрованія; всѣ они обладаютъ для него цѣнностью] въ той именно мѣрѣ,
которая является соотносительно съ вызвавшей ихъ потребностью, — по-
требностью «объяснить» все непосредственно-данное какими-либо причи-
нами, всегда принимающими въ метафизической онтологіи трансцендентный
характеръ. Позитивистъ долженъ знать, какъ и почему всѣ эти трансцен-
дентныя фикціи, какими бы смѣлыми мотивами онѣ ни были вызваны,
имѣютъ безусловную цѣнность для тѣхъ, которые приписываютъ имъ ка-
кое-то абсолютное значеніе.

Онтологическія построенія, поясняетъ далѣе Лаасъ, начинаются иногда,
какъ, наприимѣръ, у Декарта и Гербарта, съ предположенія, что мышле-
ніе, переживъ длинный рядъ иллюзій, предразсудковъ и противорѣчій, мо-
жетъ подъ влияніемъ кореннаго сомнѣнія придти къ убѣжденію о необ-
ходимости избрать для себя чистый разумъ новою точкой отправленія. При
ближайшемъ же разсмотрѣніи, однако, эта новая точка отправленія ока-
зывается не болѣе, какъ стародавнимъ пошибомъ мышленія, попрежнему,
питающимся хотѣніями и потребностями. Такъ, у Декарта, наприим., вслѣдъ
за его принципиальнымъ сомнѣніемъ, тотчасъ же вѣстѣ съ «*cogito ergo
sum*» прорывается наружу всѣмъ индо-европейскимъ народамъ вѣдренная
многочисленнымъ влияніемъ языка схема субстанціи и акциденцій, — схема,
которая немедленно же приводитъ къ смѣшенію понятій эмпирическаго и
трансцендентнаго я и является источникомъ большой неурядицы. Каково
бы ни было происхожденіе потребности, которой отвѣчала эта схема, все
же она въ значительной степени владѣетъ умомъ Декарта и оказываетъ
значительное влияніе на все послѣдующее метафизическое мышленіе.

Вліяніе этой же схемы Лаасъ усматриваетъ и въ *атомистическомъ*
приемѣ «объясненія». Объясненіе это, — говоритъ Лаасъ, — первоначально
имѣло значеніе метафизической, «отъ разума» исходящей гипотезы (или
теоріи); теперь же проникательные современные физики вводятъ ее въ до-
стоинныя границы. Мы въ атомахъ признаемъ реальнымъ только то, что
могло бы представиться намъ, если бы мы вывели наши чувства изъ ихъ
зависимости отъ естественныхъ условій и въ неопредѣленной степени уси-
лили способность микроскопическаго увеличенія, свойственнаго нашему зрѣ-
нію. Но мы далеки отъ мысли видѣть въ атомахъ абсолютныя реальности,
«вещи въ себѣ», обладающія какою-то специфическою невѣроятностью.
Для насъ они только въ силу гипотезы представляютъ составную часть
воспринимаемаго міра и, какъ «вещи въ себѣ», считаются нами не болѣе,
какъ фикціи.

Атомистико-механическая гипотеза (или фикція), — рассуждаетъ далѣе
Лаасъ, — оказалась въ высокой степени состоятельной и полезною. Позитивистъ
можетъ только желать, чтобъ она развилась сколько возможно полнѣе и была
проведена настолько послѣдовательно, насколько то ока-
жется исполнимымъ. Онъ самъ изъявляетъ готовность заняться изслѣдо-

ваніемъ функціональной зависимости духовныхъ явленій и процессовъ отъ механическихъ, физическихъ, химическихъ, физиологическихъ условий. Въ такой же мѣрѣ можетъ онъ считать себя заинтересованнымъ и вопросомъ о сведеніи къ этой «фикции» всего происходящаго согласно закону сохранения силъ и ихъ эквивалентнаго соотношенія.

Желая открыть широкія перспективы для развитія механической теоріи, позитивистъ, по мнѣнію Лааса, долженъ, однако же, имѣть въ виду, чтобы развитіе это совершалось въ предѣлахъ возможнаго и допустимаго, чтобы оно не переходило извѣстныхъ границъ. Механическая теорія, какъ думаетъ Лаасъ, не должна бы, напримѣръ, стараться низвести наше сознание къ простому результату механическихъ процессовъ, а также не должна бы причинить ущербъ чувству нашей отвѣтственности и вмѣняемости. Если, принявъ все это во вниманіе,—говоритъ онъ далѣе,—мы поставимъ вопросъ о томъ, какое значеніе должны мы приписать гипотезѣ, которую мы желали бы видѣть распространенною до предѣловъ возможнаго и которой мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставимъ указанные выше границы, то мы можемъ сказать, что считаемъ ее, употребляя кантовскій терминъ, *руководительнымъ принципомъ*, и именно руководительнымъ принципомъ для объяснительнаго изложенія всѣхъ явленій объективнаго характера.

И современная эволюціонная теорія точно также не можетъ, по мысли Лааса, разсчитывать на иное значеніе, какъ только на значеніе *руководительнаго принципа*. И какъ далеко ни шли бы «объясненія», даваемые этою теоріей, все же-таки, должно остаться мѣсто для сознательной, свободной, обдуманной нравственной дѣятельности, справедливости и т. д.

Изъ этого не слѣдуетъ выводить, однакожъ, — прибавляетъ Лаасъ, — что мы разсчитываемъ на отклоненіе надежды на сведеніе всѣхъ человѣческихъ дѣйствій къ строго-последовательной механической теоріи, долженствующей «объяснить» ихъ. Мы не только не заботимся объ отклоненіи такой надежды,—говоритъ Лаасъ,—но еще и стремимся уяснить, въ какой степени дѣйствія наши могутъ быть понимаемы именно такимъ образомъ. Но пока мы, все же-таки, не можемъ не признать, что въ виду кореннаго различія между психическимъ и физическимъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, субъективнымъ и объективнымъ, наши намѣренія и наша совѣсть остаются внѣ опасности потерпѣть какой бы то ни было ущербъ.

Если мы примемъ во вниманіе, что механическая гипотеза получила начало изъ отрозненаго анализа *объективной* стороны сознанія (внѣшнихъ воспріятій), сопоставляемой и противупоставляемой явленіямъ стороны *субъективной* (чувствамъ, нашему «я», производнымъ представленіямъ и сознаннымъ хотѣніямъ), то мы, прежде всего, начинаемъ заботиться о томъ, чтобы никогда не явилась возможность выхода изъ этого противупоставленія и въ особенности же, чтобы этотъ выходъ не совершался въ силу исключительнаго предпочтенія одной стороны и ступшевыванія другой.

Лаасъ утверждаетъ въ виду вышесказаннаго, что выше всѣхъ фикцій,

гипотезъ и руководительныхъ принциповъ, какъ бы цѣнны и плодотворны — они ни были, должно для насъ быть все пережитое и переживаемое. Сколько бы ни скрывалось за нимъ результатовъ человеческой вдумчивости, все же, какъ таковое, оно должно остаться основнымъ фактомъ для всѣхъ грядущихъ размышлений; а — надо помнить — всякій сложный образъ неизбежно заключаетъ въ себѣ элементы абсолютно-первоначальные: частью объективные, внѣшніе, чуждые, частью же субъективнаго и индивидуальнаго характера.

Всереальныйшимъ, — разсуждаетъ далѣе Лаасъ, — остается для всякой отдѣльной личности, все же-таки, твердо установленная, сама по себѣ очевидная фактичность; въ зрѣломъ возрастѣ она, конечно, дается въ едва разложимомъ сплетеніи частныхъ фактовъ и ассоціированныхъ, а также и апперципированныхъ (дополненныхъ и объясненныхъ) воспоминаній, фантазій и категорій, — все это является впитаннымъ въ часть данную, частью мыслимую противоположность субъективныхъ и объективныхъ элементовъ — «я» и «не я».

Это понятіе реальности пытаются «объяснить» какъ метафизики, такъ и позитивисты. «Объясненіе» позитивистовъ всегда остается, однако же, *имманентнымъ*, а «объясненіе» метафизиковъ *трансцендентнымъ*. Объясненіе позитивистовъ всегда оперируетъ съ представленіями, коренящимися въ опытѣ; оно является не столько генеалогіей, сколько анализомъ и систематикой или іерархіей фактического матеріала. Позитивистъ изслѣдуетъ, прежде всего законѣрную зависимость фактовъ въ ихъ сосуществованіи и послѣдовательности и затѣмъ подчиняетъ ей каждое отдѣльное единичное и конкретное данное. Онъ «объясняетъ» каждое данное положеніе, выводъ его изъ положеній предшествовавшихъ согласно ранѣ установленнымъ законамъ. Онъ подводитъ спеціальныя законы подъ общіе и разлагаетъ сложныя совокупности на ихъ составныя элементы и т. п. Вездѣ старается онъ установить связь, никогда не стремясь перейти границы того, что явно или скрыто содержится въ данныхъ воспріятія. И онъ пользуется разсмотрѣнною выше схемой субстанціи. Онъ счелъ бы даже потребностью объясненія наиболѣе удовлетворенною, если бы ему удалось свести всѣ физическіе и психическіе факты къ простому и гармоничному ряду классифицированныхъ субстанцій, согласующихся съ установленными въ наукѣ законами и подчиняющихся математической обработкѣ. Но субстанціи позитивиста *не трансцендентны*, и посредствомъ своего способа объясненія, своихъ анализовъ и дедукцій онъ не помышляетъ о претвореніи изучаемыхъ имъ фактовъ въ *абсолютно-раціональные* или о преодолѣніи *фактического дуализма* посредствомъ *монизма*. Онъ можетъ и долженъ привлекать помощь «вспомогательныхъ» представленій, но ни въ какомъ случаѣ не долженъ ставить своею задачей стремленіе добратся до «бытія въ себѣ», до бытія, отвлеченнаго отъ сознанія, — чистой фикціи, какъ то и было уже объяснено выше.

Признавая, что «знать» значитъ не болѣе, какъ воспринимать, памя-

товать, сравнивать, измѣрять, анализировать, суммировать, заключать отъ подобнаго къ подобному, различать важное отъ неважнаго и т. п., Лаасъ предостерегаетъ отъ увлеченія тѣмъ предполагаемымъ высшимъ «познаніемъ», которое стремится *постигнуть* абсолютное бытіе, разыскиваетъ *основу, принципъ, сущность* лежащихъ въ области опыта вещей и ихъ законовъ. И если метафизики стануть восклицать по поводу узкихъ рамокъ такой философіи, то онъ напомнитъ имъ, что такая резигнація, какъ бы она ни была тягостна для романтически настроеннаго стремленія къ постиженію сущности вещей, входила уже въ ученіе Канта и не считалась имъ пагубною даже для его идеализма. *Noumenonum non datur scientia.*

Прослѣдивъ вмѣстѣ съ Лаасомъ за изложенными здѣсь различеніями, сопоставленіями и противупоставленіями и стараясь, такимъ образомъ, найти границу между *научною* и *ненаучною философіей* или, по терминологіи Лааса, между *позитивизмомъ* и *идеализмомъ*, мы, само собою разумѣется, постоянно вращались въ области *теоріи познанія*, которая одна только и можетъ вѣдать этотъ вопросъ. Достодолжное его выясненіе показало, что перехода отъ науки, изучающей факты познанія, къ мнимой наукѣ, притязающей изучать «бытіе въ себѣ», — бытіе, отторгнутое отъ сознанія, — нѣтъ и быть не можетъ. И такъ, изъ излюбленной философами-мечтателями триады: *теоріи познанія, метафизики* и *этики* — остается неразсмотрѣнною только *этика*, которую, какъ мы знаемъ уже, даже Риль выдѣляетъ въ особую область, только примыкающую къ наукѣ, но не сливающуюся съ нею. Лаасъ, на основаніи тѣхъ положеній, которыя онъ развилъ въ своей теоріи познанія, не находитъ никакого основанія для выдѣленія этики изъ области положительнаго знанія и считаетъ себя совершенно вправѣ разсматривать этику, какъ науку. Онъ утверждаетъ только, что для ея установленія необходимо и ее ввести въ опредѣленныя, ясно обозначенныя границы. Этика, по мнѣнію Лааса, станеть наукою только тогда, когда она поставитъ своею задачей раскрытіе психологическаго и историческаго происхожденія и обоснованія нравственнаго закона. И такъ какъ она, подобно всѣмъ положительнымъ наукамъ, не имѣетъ возможности высказываться о томъ, что лежитъ за предѣлами опыта и что констатируется опытомъ установленными законами, такъ какъ, притомъ же, она не можетъ претендовать на «познаніе» того абсолютнаго пункта безразличія, который будто бы и есть первооснова всякаго коррелятивнаго существованія, то она и должна признать, что тѣ же психологическіе мотивы, которые обыкновенно порождаютъ народныя вѣрованія съ ихъ легендами и догматами, играютъ значительную роль и при установленіи вульгарной морали. Она и должна изыскивать средства къ устраненію этихъ мотивовъ для личностей въ научномъ смыслѣ зрѣлыхъ. Въ этомъ направленіи она идетъ рука объ руку съ Платономъ, но она не станеть подобно ему утверждать, что этика нуждается въ метафизическомъ обоснованіи.

В. Лесевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова *).

I.

Переписка Н. А. Добролюбова съ отцомъ и матерью.

Вступительныя свѣдѣнія.—Обзоръ содержанія переписки; извлеченія изъ нея.

Сохраненіемъ писемъ Николая Александровича Добролюбова къ отцу, матери и другимъ роднымъ русская литература обязана сестрамъ его: Антонинѣ Александровнѣ Бостровой, Аннѣ Александровнѣ Рождественской и Катеринѣ Александровнѣ Стекловой, мужу Антонины Александровны (нынѣ покойному), Михайлу Алексѣевичу Кострову, и двоюродному брату Николая Александровича (нынѣ также покойному) Михайлу Ивановичу Благообразову. Тѣ письма, которыя получалъ отъ Николая Александровича дядя его (нынѣ также покойный), Василій Ивановичъ Добролюбовъ, до переѣзда своего въ Петербургъ, утратились; но сохранились тѣ, которыя получалъ онъ въ Петербургѣ отъ племянника изъ-за границы.

Николай Александровичъ былъ старшій сынъ священника нижегородской Никольской церкви Александра Ивановича и супруги его Зинаиды Васильевны Добролюбовыхъ.

Иларіонъ Галактіоновичъ Короленко (братъ писателя Владиміра Галактіоновича), живущій нынѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ и принявшій на себя трудъ участія въ пополненіи матеріаловъ для біографіи Николая Александровича, собранныхъ въ первое время по его смерти однимъ изъ его знакомыхъ и береженныхъ заботливою любовью А. Н. Пыпина и М. А. Антоновича, списалъ копію съ послужнаго списка Александра Ивановича. Важнѣйшія изъ свѣдѣній, представляемыхъ этимъ спискомъ, слѣдующія:

Александръ Ивановичъ былъ сынъ діакона одного изъ сельскихъ приходовъ нижегородской епархіи, кончилъ курсъ въ нижегородской семинаріи по первому разряду и былъ опредѣленъ учителемъ высшаго отдѣленія нижегородскаго духовнаго уѣзднаго училища въ 1832 году, рукоположенъ въ

*) Сообщено г. Андреевичъ.

іерейскій санъ 20 сентября 1834 года и опредѣленъ священникомъ въ нижегородскую Никольскую церковь; начиная съ 1835 года исполнялъ разные порученія епархіальнаго начальства; за успѣшное исполненіе ихъ получалъ выраженія благодарности; 3 марта 1841 былъ опредѣленъ законоучителемъ въ нижегородское училище дѣтей канцелярскихъ служителей; 22 іюня 1843 г. былъ назначенъ членомъ духовной консисторіи, съ увольненіемъ отъ должности учителя; «за [весьма усердное стараніе и дѣятельное смотрѣніе за построеніемъ при его приходской церкви] двухъ трехъэтажныхъ каменныхъ флигелей объявлена была ему 25 сентября 1844 года отъ епархіальнаго начальства «полная признательность и благодарность»; въ 1850 году былъ онъ награжденъ камилавкою.

Средства на постройку флигелей при церкви были собраны его просьбами у прихожанъ.

Въ воспоминаніяхъ, составленіемъ которыхъ занимается теперь Антонина Александровна, она говоритъ:

«Александръ Ивановичъ былъ на хорошемъ счету у преосвященнаго (*Іереміи*); уважая его, какъ дѣльнаго, умнаго человѣка, Іеремія предложилъ ему перейти на мѣсто протоіерея въ городъ Семеновъ; но Александръ Ивановичъ не могъ согласиться на предложеніе, такъ какъ его удерживали запутанныя дѣла по дому, постройка котораго вынудила его произвести нѣсколько займовъ. Прихожане, любившіе Александра Ивановича, упрости Іеремію оставить имъ его. Но разъ воля преосвященнаго встрѣтила себѣ отпоръ, то по своему характеру онъ не могъ не испытывать неудовольствія противъ Александра Ивановича, котораго и послѣ отказа старался склонить на согласіе. Поэтому Александръ Ивановичъ былъ всегда на-сторожѣ и опасаясь, что Іеремія вынудитъ, все-таки, его согласіе своею властью».

Изъ переписки, которую по смерти Александра Ивановича велъ съ Николаемъ Александровичемъ Борисъ Ефимовичъ Прутченко, занимавшій тогда должность предсѣдателя нижегородкой казенной палаты, видно, что Іеремія, желая отмстить Александру Ивановичу за несогласіе съ его волей, хотѣлъ уменьшить его доходъ отъ священнической должности. Никольская церковь имѣла одного священника, потому что приходъ ея былъ недостаточно великъ для того, чтобы могли имѣть отъ него средства къ жизни два священника; но Іеремія, чтобы сдѣлать вредъ Александру Ивановичу, рѣшилъ назначить къ ней втораго священника; такимъ образомъ, доходъ, который получалъ Александръ Ивановичъ, раздѣлили бы пополамъ между нимъ и его товарищемъ. Но прихожане своимъ протестомъ заставили Іеремію отказать отъ этого намѣренія.

Доходъ Александра Ивановича отъ священнической должности составлялъ, вѣроятно, около 500 руб. Такъ должно думать потому, что Василій Ивановичъ опредѣляетъ, приблизительно, въ 200 рублей долю его, нѣсколько меньшую половины.

Свой домъ Александръ Ивановичъ строилъ въ долгъ. Когда онъ умеръ, доходъ съ дома все еще поглощался срочными уплатами по долгамъ. Это

видно по подробнымъ отчетамъ, находящимся въ письмахъ Василя Ивановича къ Николаю Александровичу.

Сумма долговъ, лежавшихъ на домъ во время смерти Александра Ивановича, составляла 2,854 р. 43 к.

Домъ былъ каменный, двухъэтажный, на фундаментъ, съ подвалами, часть которыхъ имѣла отдѣлку жилыхъ комнатъ. При домъ находился деревянный флигель.

Въ годы, предшествовавшіе смерти Александра Ивановича, въ домъ жилъ князь В. А. Трубецкой, занимавшій тогда должность управляющаго нижегородскою удѣльною конторой. Во флигелѣ жили сами Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна.

Домъ и флигель были застрахованы въ 9,000 р.

О дѣйствительной стоимости дома Антонина Александровна въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ:

«Домъ отца, какъ слышала я отъ него, по постройкѣ обошелся ему болѣе 42—43 тысячъ на ассигнаціи, т. е. тысячъ 12 слишкомъ серебромъ. Домъ проданъ, лѣтъ 15—16 тому назадъ, за 14 тыс. р. сер. не ремонтированнымъ».

Переходя отъ отвѣтовъ на вопросы о матеріальномъ положеніи дѣтей Александра Ивановича по его смерти къ отвѣтамъ на вопросы о качествахъ здоровья и о характерѣ его и Зинаиды Васильевны, Антонина Александровна говоритъ:

«Александръ Ивановичъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія, средняго роста, довольно полный; но въ послѣднее время заботы по дому, столкновения съ Іереміей, опасенія преслѣдованія оказали на него свое вліяніе; а потеря жены, о которой онъ очень горевалъ и безъ слезъ не могъ говорить, значительно подорвала его здоровье. Онъ крѣпился, попрежнему исполнялъ всѣ свои обязанности, и не падалъ духомъ, хотя замѣтно худѣлъ и ослабѣвалъ физически.

«Такъ какъ по смерти отца я осталась дѣвочкою по четырнадцатому году, то мнѣ довольно трудно съ увѣренностью судить о характерѣ Александра Ивановича; но по отношеніямъ его съ Іереміемъ, которому не удалось настоять на переводѣ отца, по тому, какъ онъ переносилъ потерю жены, почти не проявляя своего горя внѣшнимъ образомъ ни въ раздраженіи, ни въ упадкѣ дѣятельности и духовныхъ силъ, можно думать, что онъ обладалъ сильнымъ характеромъ и способностью владѣть собою во время тяжелыхъ событій жизни.

«Онъ былъ предприимчивъ и очень дѣятеленъ, что доказывается его постройками собственнаго дома при небольшихъ средствахъ, церковныхъ домовъ и украшеніями и улучшеніями, произведенными въ церкви. Весь день онъ былъ постоянно занятъ службой въ церкви, требами, церковными, консисторскими и собственными дѣлами, которыя заставляли его засиживаться за 12 часовъ ночи.

«Въ приходѣ его любили, такъ какъ онъ былъ ласковъ со всѣми, добръ,

ровенъ въ обращеніи, сдержанъ даже въ минуты досады, исполнительенъ и являлся всюду съ готовностью по первому призыву.

«Мать Николая Александровича, Зинаида Васильевна, дочь протоіерея Никольской церкви, Василя Ѳедоровича Покровскаго, на мѣсто котораго поступилъ Александръ Ивановичъ, была также крѣпкаго сложенія, довольно высокая и видная женщина.

«Всѣ ея болѣзни: ревматизмъ, зубная боль и другія были прибрѣтены уже впоследствии.

«Она была также очень дѣятельна и неутомима. Имѣя большую семью, она содержала въ большой чистотѣ и порядкѣ какъ весь домъ, такъ и дѣтей, которыхъ также приучала къ труду, чистотѣ и порядку. Всѣхъ дѣтей она кормила сама, сама вела все хозяйство и работала на всю семью. Первоначальнымъ обученіемъ всѣхъ дѣтей она занималась также сама.

«Насколько образцовою матерью и хозяйкой была она, можно судить по тому, что, оставшись послѣ нея тринадцати лѣтъ, я знала всѣ домашнія женскія работы и вполне умѣла вести хозяйство.

«Безпрестанная неутомимая дѣятельность и заботы подорвали, наконецъ, ея здоровье, и на 38-мъ году жизни она умерла отъ простуды послѣ родовъ, 8 марта 1854 г.

«По смерти жены Александръ Ивановичъ предполагалъ пригласить на житье къ себѣ свою мать, Марью Ѳедоровну (жившую по смерти мужа съ своими дочерьми на родинѣ, верстъ за 200 отъ Нижняго), и написалъ объ этомъ какъ ей, такъ и Николаю Александровичу. Но извѣстіе отъ сына о смерти жены такъ повліяло на Марью Ѳедоровну, что съ нею произошелъ ударъ, и она не въ состояніи была переѣхать къ сыну. Хозяйкой осталась я.

«Александръ Ивановичъ умеръ отъ холеры; болѣзнь его продолжалась 10—12 часовъ. Еще наканунѣ смерти, 5 августа, служилъ онъ всенощную; а на другой день, въ 10 часовъ утра, онъ уже скончался, въ концѣ 42 года своей жизни».

Обремененный дѣлами, Александръ Ивановичъ не имѣлъ времени самъ быть учителемъ сына. Потому, когда мать научила мальчика, чему могла, отецъ пригласилъ давать уроки ему воспитанника семинаріи Михаила Алексѣевича Кострова. Ученикъ сильно полюбилъ учителя и навсегда сохранилъ любовь къ нему. Михаилъ Алексѣевичъ сдѣлался ближайшимъ другомъ Александра Ивановича и Зинаиды Васильевны. Когда Антонина Александровна достигла возраста вступленія въ бракъ, Михаилъ Алексѣевичъ женился на ней.

Въ своихъ воспоминаніяхъ, Антонина Александровна, отвѣчая на вопросы о ея покойномъ мужѣ, говоритъ:

«Семинаристомъ онъ жилъ на квартирѣ въ домѣ Фавсты Васильевны (старшей сестры Зинаиды Васильевны), и Александръ Ивановичъ, зная его, какъ хорошаго воспитанника семинаріи, не имѣющаго средствъ, и со-

чувствуя его бѣдности, доставилъ ему урокъ у себя, которымъ Михаилъ Алексѣевичъ и содержалъ себя во время своего ученія въ семинаріи».

По окончаніи семинарскаго курса, въ 1848 г., Михаилъ Алексѣевичъ былъ, какъ отличный ученикъ, посланъ въ московскую духовную академію. Кончивъ курсъ въ академіи, онъ возвратился въ Нижній и получилъ должность инспектора нижегородскаго духовнаго училища.

По смерти Александра Ивановича мѣсто его было, какъ это тогда называлось, зачислено за Антониной Александровной, т.-е. было оставлено вакантнымъ до ея замужства, съ тѣмъ, что будетъ тогда отдано человѣку, за котораго она выйдетъ, если онъ будетъ достойнымъ іерейскаго сана. Женившись на Антонинѣ Александровнѣ, Михаилъ Алексѣевичъ получилъ это мѣсто.

Онъ оставался священникомъ при Никольской церкви до самой своей смерти. Онъ скончался 19 іюня 1886 г.

Михаилъ Алексѣевичъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Николаѣ Александровичѣ, говоритъ:

«Когда ему стало восемь лѣтъ съ половиной, то приглашенъ былъ въ учителя— —къ нему я.— — Наше ученіе продолжалось около трехъ лѣтъ. Тогда— —онъ былъ представленъ въ духовное училище, изъ котораго черезъ годъ— —былъ переведенъ— —въ семинарію. Въ семинаріи онъ учился пять лѣтъ и шелъ все первымъ».

Въ семинарію онъ былъ переведенъ въ 1848 г., въ 1852 г. перешелъ въ богословскій классъ. Курсы въ классахъ семинарій (и духовныхъ академій) были въ тѣ времена двухлѣтніе. Николай Александровичъ долженъ былъ кончить семинарскій курсъ въ 1854 г. и тогда былъ бы, какъ отличный ученикъ, отправленъ на казенный счетъ въ московскую или казанскую духовную академію, курсы которыхъ начинались, какъ и въ нижегородской семинаріи, по четнымъ годамъ. Но ему хотѣлось ѣхать не въ духовную академію, а въ университетъ. Онъ еще до перехода въ богословскій классъ сталъ готовиться къ университетскому экзамену, усиленно занимаясь дома тѣми предметами, которые въ семинаріяхъ были преподаваемы въ объемѣ меньшемъ требуемаго для принятія въ университетъ. Увидѣвъ, что можетъ выдержать университетскій экзаменъ, онъ сталъ говорить отцу о своемъ желаніи ѣхать въ университетъ. Оно оказалось неудобно исполнимымъ. Михаилъ Алексѣевичъ говоритъ объ этомъ такъ:

«Семинарское образованіе не могло удовлетворять его, какъ онъ нерѣдко говорилъ и мнѣ объ этомъ; не надѣялся онъ удовлетвориться и въ духовной академіи, а непременно желалъ ѣхать въ какой-нибудь университетъ. Отецъ его не прочь былъ и самъ отпустить его туда; но затруднительное положеніе коньялька (ибо онъ былъ кругомъ въ долгу по выстройкѣ дома своего) было причиною, что рѣшено было отправить его въ петербургскую духовную академію».

Невозможность удѣлять изъ священническаго дохода столько денегъ на

содержаніе сына въ университетѣ, сколько было бы, по мнѣнію отца, необходимо ему тамъ, происходила отъ того, что Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна имѣли тогда, кромѣ старшаго сына, шестеро дѣтей.

Въ петербургской академіи курсы начинались по нечетнымъ годамъ. Къ приемному экзамену допускались и пробывшіе только одинъ годъ въ богословскомъ классѣ воспитанники тѣхъ семинарій, курсы которыхъ шли по четнымъ годамъ. Оставаться въ семинаріи было невыносимо-скучно для Николая Александровича. Потому-то онъ и просилъ отца отпустить его въ петербургскую академію. Это было выигрышемъ года времени сравнительно съ поступленіемъ въ казанскую или московскую академію.

Но для того, чтобы воспитанникъ семинарій, не кончившій курса, а пробывшій только годъ въ богословскомъ классѣ и не отправляемый семинарскимъ начальствомъ по такъ называемому «вызovu изъ академіи», а отправляющійся только по своему собственному желанію, могъ быть допущенъ къ приемному экзамену въ академіи, нужно было разрѣшеніе св. синода. А для того, чтобы оно было дано, надобно было ходатайство епархіальнаго преосвященнаго о немъ. Въ томъ, чтобы архіерей согласился ходатайствовать передъ св. синодомъ, и состояла вся сущность дѣла; разрѣшеніе св. синода было только формальностью: на подобныя ходатайства епархіальныхъ архіереевъ не бывало отказовъ.

Ходатайство преосвященнаго было отправлено въ св. синодъ 13 марта 1853 года, а Николай Александровичъ 15 марта писалъ въ своемъ дневникѣ:

«Свершились желанія. Давно задуманное и жданное исполнено:

«Мнѣ непремѣнно хотѣлось поступить въ университетъ. Папенька не хотѣлъ этого, потому что при его средствахъ это было невозможно. Но онъ не говорилъ мнѣ этого и представлялъ только невыгоды университетскаго воспитанія и превосходство академическаго. Тогда этого рода доказательствамъ меня невозможно было убѣдить: я былъ непоколебимо увѣренъ, что если могу гдѣ-нибудь учиться въ высшемъ заведеніи, то это только въ университетѣ. Но, между тѣмъ, я видѣлъ ясно, что для моего отца, дѣйствительно, очень трудно, почти невозможно было содержать меня въ университетѣ. Конечно, будь я порѣшительнѣе, я бы объявилъ, что хочу этого, и что проживу тамъ хоть на 50 цѣлковыхъ въ годъ, только бы учиться въ университетѣ. Но я не хотѣлъ и не могъ этого; рѣшительнаго объясненія не было, а во мнѣ кровь кипѣла, воображеніе работало, разсудокъ едва сдерживалъ порывы страсти. — —

«Жутко было мнѣ тогда. Но, наконецъ, папенька сказалъ, что мое желаніе выполнить невозможно, что тысячу рублей ассигнаціями въ годъ онъ мнѣ опредѣлить не можетъ, а меньше нельзя. Больше онъ ничего слушать не хотѣлъ, какъ ни увѣрялъ я его, что половины этой суммы для меня сдѣшкомъ достаточно. И какъ только сказали, что нельзя, я успокоился, потому что добиваться невозможнаго я никогда не стараюсь. — —

«Но, при всемъ томъ, я не могъ помириться съ мыслью—остаться еще на два года въ семинаріи, гдѣ ученіе было очень незавидное».

Чтобы сократить на годъ потерю времени въ семинаріи, онъ вздумалъ отправиться въ петербургскую академію.

«На это дѣло папенька согласился легче. Не было возраженій о трудности учиться, ни о возможности поступить туда; сказано было только нѣсколько словъ о моей молодости, но я представилъ, что молодому еще легче учиться, и дѣло было слажено. —

«По окончаніи дѣла мнѣ слѣдовало бы радоваться, а я очень равнодушенъ. Правду сказать, я и теперь еще не увѣренъ въ превосходствѣ академическаго образованія, и мысль поступить въ университетъ не оставлять меня. Впрочемъ, это по обстоятельствамъ. Главнымъ образомъ соблазняетъ меня авторство, а если мнѣ хочется въ Петербургъ, то не по желанію видѣть Сѣверную Пальмиру, не по расчетамъ на превосходство столичнаго образованія: все это на второмъ планѣ, это только средство. На первомъ же планѣ стоитъ удобство сообщенія съ журналистами и литераторами. Прежде я безотчетно увлекался этою мыслью, а теперь ужъ начинаю подумывать, что

„То кровь кипитъ, то силъ избытокъ...“

«Надежда на журналистовъ для меня очень плоха, потому что, не доучившись годъ въ семинаріи, я въ академіи долженъ буду заниматься очень сильно, и времени празднаго у меня не будетъ; и, притомъ, я не знаю новыхъ языковъ, слѣдовательно, переводное дѣло уже не по моей части, а иначе какъ начать?... Подумаешь, подумаешь, пишешь стихотвореніе:

„Мучать сомнѣнія душу тревожнуб...“

и потомъ опять какая-то апатія нападаетъ на душу, какъ будто это до меня и не касается. Одна надежда на премудрый Промыслъ поддерживаетъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ благодѣтельная увѣренность въ благости и неусыпной заботливости о насъ Божіей посѣтила меня, мнѣ кажется, что я даже несравненно легче снесу, если меня и прогонять назадъ въ Нижній изъ академіи. Этого я также имѣю причины опасаться, хотя и не теряю надежды сдать хоть кое-какъ пріемный экзаменъ. Много теперь нужно мнѣ трудиться, необычайная энергія требуется, чтобы поддержать себя, а, между тѣмъ, я какъ будто и не думаю объ этомъ, и едва-едва, потихоньку, принимаюсь готовиться».

Онъ «едва-едва принимался готовиться» къ академическому экзамену потому, что надъ мыслями о надобности готовиться лежало у него въ глубинѣ души твердое сознаніе совершенной ненадобности въ этомъ; при всей своей склонности къ самопорицанію онъ зналъ, что готовъ къ экзамену; онъ раздумывалъ о томъ, что, можетъ быть, его «прогонять» съ академическаго экзамена, а, между тѣмъ, зналъ, что выдержать его блистательно.

Пріемный экзаменъ въ петербургской академіи начинался около половины августа. Николай Александровичъ выѣхалъ изъ Нижняго въ началѣ августа (1853 г.). Онъ ѣхалъ въ дилижансѣ (желѣзной дороги изъ Нижняго въ Москву тогда еще не было). Изъ Москвы онъ написалъ отцу и матери письмо. Онъ веселымъ тономъ описываетъ свою поѣздку и впечатлѣ-

ніа, какія произвела на него Москва. Желѣзная дорога изъ Москвы въ Петербургъ была уже открыта. Николай Александровичъ ѣхалъ въ вагонѣ 3-го класса. Первое письмо его изъ Петербурга къ отцу и матери помѣчено 10-мъ числомъ августа. Описавъ поѣздку по желѣзной дорогѣ, онъ переходитъ къ разсказу о забавномъ приключеніи, которое произошло съ нимъ немедленно по пріѣздѣ. Нанимая извозчика везти его съ чемоданомъ въ духовную академію, онъ почелъ достаточнымъ назвать ее духовной академіей; везъ, везъ его извозчикъ и привезъ къ зданію, которое оказалось академіей художествъ. На слова его, что это не та академія, не духовная, извозчикъ отвѣчалъ, что никакой другой академіи извозчики не знаютъ. Николай Александровичъ объяснилъ ему, что духовная академія находится въ Невскомъ монастырѣ. И пришлось ѣхать обратно всю длинную проѣханную дорогу.

До окончанія экзамена, по выдержаніи котораго Николай Александровичъ былъ бы принятъ на казенное содержаніе, ему должно было жить на квартирѣ. Она была заранѣе прислана для него находившимися въ академіи нижегородцами. Случайнымъ выборомъ ея былъ открытъ Николаю Александровичу путь, вмѣсто духовной академіи, въ Педагогическій институтъ.

Вотъ его разсказъ отцу и матери *):

«Земляки еще заранѣе отыскали мнѣ комнатку недалеко отъ академіи, за три рубля сер. въ мѣсяцъ безъ стола — —. Я предложилъ хозяину доставлять мнѣ столъ; говорить: «не могу» — —. Я долженъ былъ согласиться платить рубль двадцать коп. ассигнаціями за каждый день за столъ... Конечно, это не совсѣмъ выгодно; но мое положеніе теперь таково, что мнѣ всякій спекуляторъ можетъ пользоваться. Теперь разскажу вамъ дѣло.

«Здѣсь случилось со мной весьма важное и, быть можетъ, счастливое обстоятельство. На моей квартирѣ нашелъ я поселившася въ одной комнатѣ со мною студента Педагогическаго института, одного изъ тѣхъ, которые въ предпрошломъ году поступили въ институтъ, не выдержавъ экзамена въ духовной академіи. Наверху жило въ томъ же домѣ два брата — одинъ — кончившій курсъ въ здѣшней академіи, другой — студентъ вятской семинаріи, сыновья тамошняго ректора. Младшій братъ пріѣхалъ было держать экзаменъ въ духовную академію, но братъ не совѣтовалъ ему, и онъ подаетъ прошеніе въ Педагогическій институтъ. Вчера къ студенту института пришелъ товарищъ, живущій на дачѣ, которую нанимаютъ для студентовъ каждое лѣто и на которую мой соквартирецъ не попалъ только потому, что пріѣхалъ изъ отпуска раньше срока. Этотъ товарищъ разсказывалъ: «Въ институтъ, братъ, слезы: на 56 вакансій явилось только 23 человека, и изъ числа ихъ только 20 могли быть допущены къ экзамену, потому что изъ трехъ остальныхъ одному 38 лѣтъ, другому 14, третій какой-то отчаянный (*пблѣумный*) **). Черезъ нѣсколько дней былъ еще экза-

*) Въ извлеченіяхъ изъ писемъ Николая Александровича пропуски, дѣлаемые нами, отмѣчаются, какъ и въ другихъ извлеченіяхъ, двумя чертами — —. Многоточія не отмѣтены пропускомъ; они принадлежатъ манерѣ Николая Александровича писать.

**) Курсивомъ въ скобкахъ отличенъ отъ текста нами пояснительныя вставки. Когда

мень, явидось пять человекъ, и всё пріяты почти безъ экзамена». — Я сказаъ, что если не примуть въ академію, то и я бы попытался; и студенты начали такія увѣренія (о легкости экзамена въ институтъ), что мнѣ даже не вѣрилось. Наконецъ, одинъ началъ совѣтовать, чтобъ я сходилъ на дняхъ въ институтъ, поѣзжаменовался тамъ (а то можно сдѣлать безъ всякихъ письменныхъ документовъ моихъ *) и потомъ быть спокойнымъ. Я сказаъ, что не вижу причины, для чего бы рѣшаться на такую мистификацію, и онъ объявилъ мнѣ вотъ что: «Теперь они (лица, составляющія институтское начальство, директоръ и конференція) въ отчаяніи и принимаютъ всякаго, а, между тѣмъ, хлопочуть по всѣмъ гимназіямъ и семинаріямъ (посылая приглашенія ѣхать въ институтъ); напримѣръ, одинъ профессоръ выписалъ шесть человекъ изъ одной смоленской семинаріи, гдѣ онъ самъ учился... Министръ объявилъ, что если къ 1 сентября не будетъ полного комплекта, то онъ закроетъ заведеніе; а, между тѣмъ, у васъ (въ академіи) къ тому времени только кончатся экзамены. Если васъ постигнетъ неудача, куда вы тогда дѣнетесь? А теперь, выдержавши экзаменъ (въ институтъ), вы можеже быть спокойны насчетъ академіи. Если же васъ примуть (въ академію), то придете только къ директору (института) и скажете: ваше превосходительство, я получилъ отъ родителей письмо, въ которомъ мнѣ ни подъ какимъ видомъ не совѣтуютъ поступать въ Педагогическій институтъ, — и онъ, не имѣя въ рукахъ вашихъ документовъ, не можетъ никакъ вступить за это»... Такой ходъ дѣла поставилъ меня въ страшное раздумье. Мнѣ бы такъ хотѣлось поступить въ институтъ, что, выдержавъ тамъ экзаменъ, я бы сталъ умышленно молчать на экзаменѣ академическомъ **), но, во всякомъ случаѣ, я не рѣшусь избрать окончательно мѣсто воспитанія безъ воли вашей, мои милые, дорогіе, безцѣнные папаша и мамаша, которыхъ теперь больше чѣмъ когда-нибудь люблю. Умоляю васъ, рѣшите мое недоумѣніе, выведите меня поскорѣе — если можно, нынѣ ***)) — изъ того мучительнаго состоянія, въ которомъ я нахожусь теперь... Пока еще можно воротиться мнѣ, а, между тѣмъ, кромѣ другихъ выгодъ, у меня останутся (защитыми) 35 цѣлковыхъ, которые, право, жалко отдать за неуклюжую шляпу и не совѣмъ тонкій смуртукъ академическій ****). Весь нынѣ-

курсивъ, то-есть соответствующее курсиву подчеркиванье словъ, встрѣчается въ письмахъ Николая Александровича, ни дѣлаемъ оговорку объ этомъ въ примѣчаніи.

*) Документы Николая Александровича находились у академическаго начальства, которому были представлены при подачѣ просьбы о допущеніи къ экзамену въ академію.

**) Молчать на экзаменѣ, чтобъ оказаться не выдержавшимъ его; но, все-таки, держа экзаменъ, — вѣроятно, для того, чтобъ отецъ имѣлъ оправданіе передъ архіереемъ, могъ сказать ему: мой сынъ вступилъ въ институтъ лишь потому, что не выдержалъ экзамена въ академіи.

***)) То-есть отвѣчайте мнѣ въ тотъ же день, какъ получите это письмо, если будетъ можно отвѣчать въ тотъ день, если это будетъ ночной день. Почта изъ Нижняго въ Москву ходила тогда только три, даже только два раза въ недѣлю.

****) Тѣ воспитанники семинаріи, которые пріѣзжали въ академію не на хвостный, а на свой счетъ, должны были, при поступленіи въ нее, выкопать деньги за выдаваемую имъ одежду академической формы. Приемлемые въ Педагогическій институтъ всѣ получили обмундировку безплатно.

пный день и въ такомъ волненіи, что, какъ видите, даже бумагу взялъ вверхъ ногами, начиная писать вамъ.

Когда улеглось волненіе, въ которомъ Николай Александровичъ отдалъ на рѣшеніе отца и матери вопросъ, держать ли ему экзаменъ въ Педагогическій институтъ, онъ увидѣлъ, что въ тревогѣ мыслей не рассчиталъ, можетъ ли отвѣтъ быть полученъ имъ своевременно. По тогдашнему ходу почты, отвѣтъ на письмо, отправленное изъ Петербурга въ Нижній 10 августа, не могъ быть полученъ въ Петербургъ ранѣе 19 августа, а вѣроятнѣе было, что оборотъ почты займетъ двумя днями больше этого кратчайшаго, возможнаго срока, и отвѣтъ придетъ только 21 августа. А начало послѣдняго круга приемныхъ экзаменовъ въ институтъ было назначено 17 августа. Дождаться отвѣта значило пропустить возможность поступленія въ институтъ. Оказывалось необходимымъ держать экзаменъ въ институтѣ, не дожидаясь отвѣта отца и матери, или отказаться отъ поступленія въ институтъ.

Педагогическій институтъ считался учрежденіемъ, одинаковымъ съ университетами. Преподаваніе въ немъ считалось университетскимъ. Многие — и, притомъ, принадлежавшіе къ наилучшимъ — профессора Петербургскаго университета были, съ тѣмъ вмѣстѣ, профессорами Педагогическаго института. Студенты Петербургскаго университета считали студентовъ института равными себѣ.

Поступить въ Педагогическій институтъ значило, по мнѣнію Николая Александровича, то же самое, что поступить въ университетъ. А ему такъ сильно хотѣлось поступить въ университетъ. И отецъ не согласился на это его желаніе только потому, что не имѣлъ денегъ на содержаніе его въ университетѣ. Теперь ему представлялся случай поступить на казенное содержаніе въ учрежденіе, равное университету. Онъ не могъ пропустить этого случая.

Онъ сходилъ въ институтъ за разрѣшеніемъ держать экзаменъ, а 17 числа пошелъ держать экзаменъ въ институтъ.

Начало экзамена въ духовную академію было назначено въ тотъ же самый день, 17 августа. Держа экзаменъ въ институтѣ, нельзя было держать экзаменъ въ академіи.

Николай Александровичъ выдержалъ всѣ экзамены въ институтѣ. Они кончились 20 августа, и 21 августа, утромъ, онъ былъ объявленъ принятымъ въ студенты института.

И только вечеромъ въ этотъ день, когда дѣло было ужъ кончено, пришло, какъ и слѣдовало тому быть по обыкновенному ходу оборота почты, письмо отца и матери, бывшее отвѣтомъ на вопросъ, начинать ли дѣло.

Это письмо не сохранилось. Но по послѣдующей перепискѣ видно, въ чемъ состоялъ отвѣтъ отца и матери. Онъ былъ такой, какииъ неизбѣжно слѣдовало ему быть по тѣмъ мыслямъ, которыя внушала отцу и матери Николай Александровичъ, объясняя имъ мотивы, склонившіе его къ желанію держать экзаменъ не въ духовную академію, а въ Педагогическій институтъ.

Отец и мать не могли сомнѣваться въ томъ, что его трусость напрасная. Пусть отецъ могъ считать себя не компетентнымъ судьей приготовленности сына къ академическому экзамену. Но развѣ стали бы ручаться семинарское начальство и архіерей, если бы не имѣли полной увѣренности, что воспитанникъ ихъ семинаріи, за котораго они ручаются, выдержитъ экзаменъ прекрасно?

Онъ поддался трусости, совершенно неосновательной, это было ясно отцу и матери. Онъ осрамить себя, ихъ, семинарское начальство, архіерея, если они не выведутъ его изъ ошибки, которой онъ поддался. Онъ самъ подсказалъ имъ отвѣтъ, который они должны дать ему. Содержаніе ихъ отвѣта видно съ полною ясностью по ссылкѣ на него въ одномъ изъ тѣхъ писемъ Николая Александровича, которыя будутъ цитированы дальше:

«Вы писали, что если я не поступлю въ академію, то осрамлю и себя, и васъ, и семинарію, что вы не думали, чтобъ я былъ такъ легковѣреть и проч. и проч.»

Иного отвѣта и не могло быть отъ разсудительныхъ людей, при той мотивировкѣ, какую далъ Николай Александровичъ своей просьбѣ о дозволеніи ему держать экзаменъ въ Педагогической институтъ. Но какъ сложилась въ его мысляхъ такая мотивировка?

Могъ ли онъ не сознавать, что хорошо подготовленъ къ академическому экзамену, выдержать его прекрасно? Онъ былъ скромнѣе въ мнѣніяхъ о себѣ. Но, все-таки, не могъ не знать, что его свѣдѣнія очень много превышаютъ размѣръ требованій академическаго экзамена. Или онъ имѣлъ трусливый характеръ? Напротивъ, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые неспособны испытывать робости. Съ чего-жъ ему вздумалось предполагать, что онъ не выдержитъ академическаго экзамена? Это было пріятное ему самообольщеніе. Прежде, оно служило ему, какъ мы видѣли, отрадой отъ мысли, что ему приходится ѣхать въ духовную академію, а не въ университетъ. Что-жъ, быть можетъ, онъ не выдержитъ экзамена въ академіи—вотъ и будетъ прекрасно! Правда, это будетъ стыдъ; но что за важность! онъ избавится отъ поступления въ академію. Теперь ему представлялась еще гораздо большая надобность успокоивать себя мыслью, что онъ не выдержалъ бы академическаго экзамена. Ему хотѣлось оправдать передъ собой то свое «преступленіе», что, выпросивъ у отца и матери позволеніе ѣхать въ духовную академію, онъ, по приѣздѣ въ Петербургъ, захотѣлъ держать экзаменъ не въ академію, а въ другое учебное заведеніе.

Въ данномъ случаѣ мученіе души мнимаго преступника можетъ казаться смѣшнымъ. Но впослѣдствіи времени бывали у Николая Александровича такія же напрасныя и гораздо болѣе тяжелыя мученія совѣсти по поводу фактовъ болѣе важныхъ, чѣмъ вопросъ о томъ, въ академію ли поступить, или въ Педагогическій институтъ. По достоинству преподаванія, по полезности преподаваемаго не было разницы между академіею и филологическимъ факультетомъ института, на который поступилъ Николай Александровичъ. Большая разница была въ жалованьѣ, получаемомъ на должностяхъ, да-

зваемыхъ воспитанникамъ института и академіи, непосредственно по окончаніи курса: хорошо кончившіе курсъ въ академіи были назначаемы учителями семинарій; жалованье учителю семинаріи было 900 р. асс.; хорошо кончившіе курсъ въ Педагогическомъ институтѣ были назначаемы старшими учителями гимназій; жалованье старшему учителю гимназій 400 р. сер., то-есть 1,400 р. асс., въ полтора раза больше семинарскаго. Но не объ этой разницѣ, дѣйствительно важной, думалъ тогда Николай Александровичъ, а лишь о томъ, что институтское преподаваніе лучше академическаго. Это было незнаніе. Вскорѣ по поступленіи въ институтъ Николай Александровичъ увидѣлъ, что онъ — та же самая семинарія.

Отецъ и мать были совершенно правы, отвѣчая упреками на просьбу сына о дозволеніи ему уклониться отъ академическаго экзамена, какъ слишкомъ труднаго для него. Но не были-ль упреки высказаны сурово? Мать не могла говорить сыну суровымъ тономъ, — такой у ней былъ характеръ, такая нѣжность была въ ея любви къ сыну. И еслибъ отецъ написалъ рѣзко, то несомнѣнно уступилъ бы ея просьбѣ изорвать суровое письмо, замѣнить рѣзкія выраженія мягкими. Но нельзя думать, чтобъ отецъ, при всемъ своемъ огорченіи, захотѣлъ написать сыну сурово; такое предположеніе опровергается характеромъ всѣхъ писемъ Александра Ивановича къ Николаю Александровичу, какія сохранились. Свои совѣты сыну онъ излагаетъ въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ, безъ малѣйшаго доктринерства; свои несогласія съ намѣреніями сына онъ высказываетъ не иначе, какъ обставляя ихъ оговорками: а, впрочемъ, поступай, какъ самъ разсудишь; намъ издали мудрено судить; тебѣ самому видѣе, какъ будетъ лучше.

Чтеніе переписки Александра Ивановичу съ сыномъ отнимаетъ всякую возможность сомнѣваться, что упреки его Николаю Александровичу за робость передъ академическимъ экзаменомъ были высказаны со всею деликатностью, какая была совмѣстна съ обязанностию родителей предостеречь сына отъ поступка, представлявшагося имъ, по его же собственному письму, легкомысленною, постыдною робостью.

Онъ не принялъ въ расчетъ, какую дурную мотивировку дало его намѣренію поступить въ Педагогическій институтъ смущеніе, наведенное на его душу мыслью, что онъ очень огорчитъ отца и мать этимъ своимъ желаніемъ. Потому, получивъ ихъ отвѣтъ, онъ придалъ ихъ упрекамъ вовсе не то значеніе, какое имѣли слова ихъ.

Отецъ и мать были огорчены тѣмъ, что сынъ струсилъ академическаго экзамена; онъ понялъ ихъ огорченіе въ томъ смыслѣ, что они осуждаютъ его за предпочтеніе, отдаваемое имъ институтскому курсу надъ академическимъ, что поэтому извѣстіе о его поступленіи въ институтъ повергнетъ ихъ въ глубокую печаль; ему даже казалось, что имъ трудно будетъ простить такое ужасное нарушеніе ихъ воли, требовавшей отъ него поступленія въ академію.

Вотъ письмо, которымъ онъ отвѣчалъ на ихъ рѣшеніе вопроса о выборѣ между институтомъ и академіей:

1858, августа 28. С.-Петербург.

«Простите меня, мой милые, родные мои, папаша и мамаша, которыхъ такъ много люблю и почитаю я въ глубинѣ души моей!... Простите моему легкомыслию и неопытности! Я не устоялъ въ своемъ послѣднемъ намѣреніи (*ждать ихъ рѣшенія*), и письмо ваше пришло слишкомъ поздно—къ вечеру того дня, въ который поутру объявленъ я студентомъ главнаго Педагогическаго института. Не оправдалъ я надеждъ и ожиданій вашихъ и—горе непослушному сыну!... Тоска, какой никогда не бывало, надърываетъ меня эти два дня, и только Богу известно, сколько слезъ, сколько мукъ бесплоднаго раскаянія стоило мнѣ послѣднее письмо ваше! Какъ въ горячкѣ метался я оба дня, дожидаясь почты, и еслибъ можно, самъ полетѣлъ бы къ вамъ, чтобъ у ногъ вашихъ вымолить прощенье. Не стану теперь оправдываться, не стану ничего рассказывать вамъ, потому что я слишкомъ возмущенъ *); но съ полнымъ сознаниемъ своей вины прибѣгаю къ вамъ съ мольбой о прощеніи и благословеніи... Оно только можетъ возвратить мнѣ потерянное спокойствіе, котораго нигдѣ я не нахожу теперь. Какъ ни хорошъ Педагогическій институтъ и какъ ни хорошо принять я въ немъ, но я лучше бы желалъ быть послѣднимъ въ академіи, — именно потому только, что вы это одобряете... Не считайте же меня ослушникомъ, непокорнымъ сыномъ... Клянусь, еслибъ я зналъ, что вы такъ сильно вооружитесь противъ института, не поступилъ бы я туда ни за какія блага въ мірѣ. Всѣми преимуществами, всею будущностью своею пожертвовалъ бы я, чтобы только исполнить волю вашу, волю любящихъ родителей, которыхъ счастье для меня дороже моего, котораго я еще не понимаю. Но я ошибся, я обманулся, и жестоко наказываюсь за опрометчивость! Горе мнѣ, несчастному своевольнику, безъ благословенія родителей! Я чувствую, что не найду счастья съ одною своею неопытностью и глупостью...

«Неужели же оставите вы меня, столь много любившіе меня, такъ много желавшіе мнѣ всего добраго? Неужели по произволу **) пустите вы меня за мою вину передъ вами? Простите—умоляю васъ. Простите и требуйте чего хотите, чтобъ испытать мое послушаніе. Скажите слово—и я уволюсь тотъ же часъ изъ института, ворочусь въ семинарію, и потомъ пойду, куда вы хотите, хоть въ казанскую академію. Лучше вытерпѣть всѣ пытки горькаго униженія и пошлыхъ насмѣшекъ, лучше испытать всѣ муки раздраженнаго самолюбія, разбитыхъ надеждъ и несбывшихся мечтаній, чѣмъ нести на себѣ тяжесть гнѣва родительскаго. Я вполне испыталъ это въ послѣдніе дни послѣ полученія вашего письма. Избавьте же меня отъ этого состоянія, простите, простите меня. Я знаю, вы меня любите... Не смѣю подписаться тѣмъ, чѣмъ недавно я сдѣлался ***), чтобы не раздра-

*) Возмущенъ печалью или раскаяніемъ.

**) На произволъ мой, на волю судьбы.

***) Семьяристы, поступавшіе въ какое-нибудь высшее учебное заведеніе, имѣли обычай въ первое время по поступленіи подписываться „студентъ“ такого-то учрежденія.

жить васъ... Но все еще надѣюсь, что вы позволите мнѣ назваться сыномъ вашимъ.

Н. Добролюбовъ.

«Съ слѣдующею почтой, поуспокоившись, я буду обстоятельно писать къ вамъ. Но горько смущаетъ меня, тяжело налегаетъ на сердце странная мысль, какъ будетъ принято это письмо мое. Еще разъ—ради Господа Бога, ради всего святаго и дорогаго для васъ—простите моей неопытности, не лишите меня вашей любви и благословенія, безъ которыхъ нѣтъ въ мѣрѣ счастья, не оставьте вашими совѣтами, безъ которыхъ я пропаду здѣсь. Ради Бога, ради Христа—укреплю любовь вашу. Иначе—я не знаю, что будетъ со мною...»

Онъ хотѣлъ написать отцу и матери «болѣе обстоятельно», когда «поуспокоится», и надѣялся, что успокоится къ времени слѣдующей почты; но вмѣсто одной почты прошло пять, вмѣсто двухъ или трехъ дней двѣ недѣли, а онъ все еще оставался неспособнымъ привести въ порядокъ свои мысли, совершенно разстроеннымъ порицаніемъ, полученнымъ отъ отца и матери, все еще не могъ собраться съ духомъ, чтобы написать обѣщанное «обстоятельное» объясненіе своего ужаснаго преступленія.

Но оказалось, что отцу и матери вовсе не нужно было никакихъ обстоятельныхъ разъясненій, чтобы найти преступленіе сына извинительнымъ, потому что никакого преступленія въ его предпочтеніи институту передъ академіей они и не воображали находить. Онъ поступилъ въ Педагогическій институтъ—имъ было совершенно достаточно узнать это, чтобы огорченіе ихъ прошло.

Въ чемъ состояло оно? Въ томъ, что онъ струсился академическаго экзамена. Къ этому экзамену онъ былъ превосходно подготовленъ, казалось всемімъ: отцу, семинарскому начальству, архіерею (близко знавшему его лично)—и вотъ, онъ думаетъ, что не выдержитъ экзамена въ академію. Какъ же можно было отцу и матери надѣяться, что онъ выдержитъ экзаменъ въ институтъ? Они знали: тамъ требуется подготовка по программѣ гимназическаго курса, большая часть котораго не входитъ въ составъ семинарскаго. По общему и совершенно справедливому мнѣнію воспитанниковъ и преподавателей семинарій, экзаменъ въ Педагогическій институтъ былъ для семинариста гораздо труднѣе академическаго. Увѣренія сына, что институтскій экзаменъ обращенъ въ пустую формальность, не могли не возбуждать въ людяхъ, болѣе знающихъ жизнь, тѣмъ онъ, грустныхъ мыслей о его неопытности. Институтскій экзаменъ, какъ бы ни была велика снисходительность экзаменуемыхъ и наблюдающихъ за экзаменуемыми, все-таки, долженъ былъ оставаться для семинариста труднѣе академическаго. Что-жъ будетъ, если ихъ сынъ, не надѣющийся выдержать экзамена въ академію, пойдетъ держать экзаменъ въ институтъ?—должны были думать отецъ и мать.

Описанія оказались напрасны: сынъ не осрамился, какъ заставлялъ ожидать, а выдержалъ экзаменъ въ институтъ.

Отецъ и мать написали ему, что вовсе не сердятся, напротивъ—радуются.

Письмо ихъ не сохранилось. Но содержаніе его само собою понятно изъ того, что прежде они вовсе не порицали желанія сына поступить въ университетъ, а только не имѣли денегъ на содержаніе его въ университетъ; ѣхать въ академію, а не въ университетъ, пришлось ему исключительно потому, что воспитанники академіи жили на казенномъ содержаніи. Теперь онъ поступилъ на казенное содержаніе въ высшее учебное учрежденіе, считающееся одинаковымъ съ университетами, дающее кончающимъ въ немъ курсъ должности лучше даваемыхъ духовными академіями, — какою-жь причину имѣли отецъ и мать быть недовольными? Напротивъ, имъ было приятно, что сынъ поступилъ въ учебное заведеніе, которое нравится ему болѣе, чѣмъ академія, и лучше академія обезпечиваетъ кончающихъ курсъ. Они были рады.

Увидѣвъ это, онъ удивился, былъ въ восторгѣ и написалъ имъ письмо не на одномъ, какъ обыкновенно, а на нѣсколькихъ листахъ. Вотъ начало этого письма:

1852. Сентября 6. Петерб.

«Такъ вы на меня не сердитесь, такъ вы благословили меня! И даже ни одного упрека за своевольство. Какъ я теперь веселъ, спокоенъ и счастливъ, этого невозможно высказать... Теперь я буду писать вамъ, милые мои папаша и мамаша, много, много, все буду писать вамъ. Вотъ, если хотите, съ начала исторія. Когда сказали мнѣ, что можно поступить въ Педагогическій институтъ, я не могъ не впасть въ сильное раздумье. Я соображалъ и припоминалъ, я молился, и послѣ долгаго, мучительнаго размышленія — только съ самимъ собой и ни съ кѣмъ больше — рѣшился я на этотъ важный шагъ, опредѣляющій судьбу моей будущности. Я припомнилъ, что и вы говорили мнѣ о поступленіи въ институтъ при неудачѣ въ академіи, или даже послѣ ученья въ академіи, я соображалъ и совѣты и отзывы нѣкоторыхъ знакомыхъ, вошелъ въ свои собственные наклонности, и послѣ всего этого приступилъ къ дѣлу. Отправивши письмо къ вамъ, я не рассчитывалъ, что отвѣтъ придетъ очень поздно, и потому писалъ, что безъ вашего согласія не рѣшусь ни на что. Но потомъ увидѣлъ я, что если до этого ни на что не рѣшаться, то ничего и не сдѣлаешь. Поэтому вечеромъ 12 числа отправился я къ инспектору института, Александру Никитичу Тихомандритскому, спросилъ его, можно ли держать экзаменъ безъ документовъ моихъ, которые представлю послѣ, объяснилъ обстоятельно все дѣло и получилъ позволеніе явиться на экзаменъ 17 числа. Въ этотъ же самый день былъ назначенъ первый экзаменъ въ академіи. (Поэтому я вечеромъ 16-го писалъ Журавскому *) записку, что зубная боль препятствуетъ мнѣ быть на экзаменѣ. Онъ тотчасъ пришелъ осведомиться, потому что квартира моя была почти возлѣ академіи. Я легъ и очень болѣзненно отвѣчалъ ему, что къ несчастью и проч.). На другой день пошелъ

*) Воспитаннику нижегородской семинаріи, отправленному въ петербургскую академію на казенный счетъ, и потому немедленно послѣ приѣзда помѣщенному жить въ академіи. Онъ и Николай Александровичъ ѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ.

я въ институтъ вѣстѣ съ сыномъ вятскаго ректора. Пришедши туда, я, прежде всего, долженъ былъ написать сочиненіе *О моемъ призваніи къ педагогическому званію*; и какъ написать что-нибудь дѣльное нельзя было на такую пошлую тему, то я и написалъ тутъ всякаго вздору — и то, что я хорошо учился, и то, что я имѣю иногда страшную охоту поучить кого-нибудь, и то, что мнѣ 17 лѣтъ, и то, что прежде мнѣ самому хочется поучиться у своихъ знаменитыхъ (*будущихъ*) наставниковъ. Знаменитый наставникъ посмотрѣлъ сочиненіе, посмѣялся, показалъ другимъ и рѣшилъ, что оно написано очень хорошо. На экзаменѣ (*изустный, послѣ письменнаго*) я вышелъ, прежде всего, къ Лоренцу. Онъ прогналъ меня по всеобщей исторіи и заключилъ: вы отнюдь хорошо знаете исторію. Это меня ободрило, и съ веселымъ духомъ держалъ я экзаменъ по другимъ предметамъ; а послѣ экзамена подошелъ я къ инспектору и спросилъ его: «Александръ Никитичъ, позвольте узнать, могу ли я надѣяться поступить въ институтъ? Иначе я могу еще теперь обратиться въ академію». Онъ, вмѣсто отвѣта, развернулъ списокъ и, показавъ мнѣ мои баллы, довольно высокіе, сказалъ: «Помилюйте, а это что же?» Затѣмъ, 20 числа, былъ другой экзаменъ».

По окончаніи его, инспекторъ поздравилъ Добролюбова съ поступленіемъ въ институтъ. На другой день, 21 числа, экзаменовавшіеся были позваны въ конференцію института.

«Позвали насъ въ конференцію, и директоръ прочиталъ: «принимаются такіе-то безусловно». Такихъ нашлось человекъ 12, меня не было. «Безъ благословленія родителей нѣтъ счастья», — подумалъ я; но директоръ началъ снова: «затѣмъ слѣдуютъ тѣ, которые хотя оказались хорошими, даже очень хорошими по всѣмъ предметамъ, но слабы или въ нѣмецкомъ, или во французскомъ языкѣ и потому» (тутъ — можете представить — онъ остановился и закашлялъ; я задрожалъ) «могутъ быть приняты только съ условіемъ, что они къ первымъ зимнимъ праздникамъ окажутъ свои успѣхи въ этихъ языкахъ». Въ этотъ разрядъ попала большая часть семинаристовъ, и я — первый. Такимъ образомъ, я былъ уже принятъ, когда, пришедши домой, получилъ ваше письмо, которое въ одинъ мигъ повергло меня въ такое отчаяніе. Вы, кажется, недовольны слишкомъ сильнымъ (*взволнованнымъ, страстнымъ*) тономъ моего письма (*отъ 23 августа, которое приведено выше*), въ которомъ я ничего путемъ не объяснилъ вамъ; но я тогда рѣшительно не могъ писать иначе: такъ быстръ и такъ тяжелъ былъ этотъ переходъ отъ полного счастья къ безнадежной горести. Хорошо еще, еслибъ я могъ кому-нибудь сказать мое горе; но вы знаете мой характеръ. Получилъ я письмо при товарищахъ; слезы навернулись у меня на глазахъ, когда я прочелъ его, но я только свистнулъ и очень равнодушно положилъ его въ карманъ. За то послѣ я плакалъ цѣлый вечеръ. Въ одну изъ самыхъ горькихъ минутъ написалъ я вамъ мое письмо, которымъ, быть можетъ, даже напугалъ васъ. Простите, но вспомните — вѣдь, вы писали, что если я не поступлю въ академію, то осрамлю и себя, и васъ, и семинарію, что вы не думали, чтобы я былъ такъ легковѣренъ и проч. и

проч. Биле отъ чего придти въ отчаяніе. Я даже не ожидалъ отъ васъ и теперь такого всепрощенія. Но за то я теперь совершенно счастливъ».

Послѣ этого Николай Александровичъ рассказываетъ, что, по его просьбѣ, оберъ-прокуроръ синода сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ академическое правленіе выдало ему его документы для представленія въ институтъ.

«28 числа я получилъ изъ академическаго правленія свои документы, представилъ директору и въ тотъ же день поселился въ институтъ, гдѣ и пребываю до сихъ поръ въ добромъ здоровьѣ и совершенномъ счастіи.

«Теперь я отвѣтилъ на большую часть вашихъ вопросовъ. Остается еще сказать о томъ, лучше ли я нахожу для себя институтъ, чѣмъ академію? Вы можете такъ спрашивать, не видавши института, и чтобы вполнѣ предполагать превосходство перваго, надобно самому присмотрѣться къ обоимъ. Разумѣется, у кого какой вкусъ — —. Другимъ нравится и духовная академія; но что касается до меня, то вы, конечно, припомните, что я поѣхалъ въ духовную академію только отъ крайности. Давнишняя моя мысль и желаніе было поступить въ университетъ; но когда сказали мнѣ *) , что это невозможно, я старался найти хоть какое-нибудь средство освободиться отъ вліянія **) и это средство я нашелъ въ петербургской академіи. Но и при этомъ у меня всегда оставалась мысль не только поступить на статскую службу, но даже учиться въ свѣтскомъ заведеніи. Мысль эта глубоко вкоренилась во мнѣ, и ничуть не была пустою мечтой, какъ увѣрялъ одинъ человекъ ***). Я ужъ умѣлъ наблюдать за своими склонностями, умѣлъ сообразить кое-что и давно понялъ, что я совсѣмъ несклоненъ и неспособенъ не только къ жизни духовной, но и къ наукѣ духовной ****). И припомните, слышали-ль вы отъ меня хоть разъ хоть одно слово о преимуществѣ духовной академіи передъ университетомъ? Кажется, никогда. Я покорился судьбѣ, хвалилъ академію петербургскую на счетъ другихъ академій духовныхъ, но никогда не возвышалъ ее надъ свѣтскими заведеніями... И что же могъ я чувствовать, когда, пріѣхавши сюда, вдругъ увидѣлъ возможность осуществить давнишнія мечты, когда я опять нашелъ то, что считалъ уже невозвратно потеряннымъ? Я не могъ не броситься на

*) Когда сказалъ ему отецъ.

**) Въ этомъ мѣстѣ письма уничтожено нѣсколько словъ, вѣроятно, Александромъ Ивановичемъ, безъ сомнѣнія, изъ предосторожности (онъ показывалъ и читалъ письма сына знакомымъ; могъ спросить ихъ у него и архіереи). Вычеркнуты слова были, очевидно, собственныя имена; одно изъ нихъ, несомнѣнно, „Палсій“, ректоръ нижегородской семинаріи; къ этому имени было прибавлено, по всей вѣроятности, другое: „Ерема“, какъ называли архіерея Іеремію.

***) Какой-то знакомый, быть можетъ, тотъ Леонидъ Ивановичъ, который, какъ упоминается въ письмѣ Николая Александровича отъ 6 августа, убѣждалъ его поступить въ монахи, когда будетъ въ академіи. Поступленіе въ монашество было для студентовъ духовныхъ академій путемъ къ архіерейству.‡

****) Не по недостатку религіозности (онъ былъ тогда человекъ вѣрующій), а потому, что формы преподаванія въ духовныхъ заведеніяхъ казались ему очень неудовлетворительныя, формы быта духовенства тяжелы, и, что всего важнѣе, ему хотѣлось посвятить себя литературѣ.

эту мысль—поступить въ институтъ, не могъ упустить благоприятный случай, тѣмъ болѣе, что экзаменъ институтскій былъ легче академическаго *) и что перейти изъ академіи въ институтъ, какъ вы писали, можно не черезъ годъ, а только черезъ два **). Для чего же бесполезно тратить ихъ? Притомъ, въ институтскомъ начальствѣ, товарищахъ и проч. я нашелъ совсѣмъ другое, чѣмъ въ академическихъ».

Онъ сравниваетъ то, что видѣлъ въ академіи, съ тѣмъ, что увидѣлъ въ институтѣ; показываетъ, что все въ институтѣ лучше академическаго, и продолжаетъ:

«Какъ же еще не лучше въ институтѣ противъ академіи? Именно вы сказали правду—Промыселъ привелъ меня сюда, и я вижу въ этомъ вознагражденіе за то терпѣнье, за ту кротость, съ которой я покорился судьбѣ, и перенесъ отказъ вашъ или, лучше, рѣшеніе необходимости касательно поступленія въ университетъ. А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, припомните: вы, папаша, нѣсколько разъ спрашивали, видя меня за исторіей, за словесностью, за математикой: «Да что ты все этимъ занимаешься? Развѣ это тамъ важно, равнѣ это тамъ требуютъ?» Подъ «тамъ» вы разумѣли академію; а я почему-то готовился съ этихъ именно предметовъ, совсѣмъ не имѣя ея въ виду, и вотъ это мнѣ пригодилося. Да и то сказать: меня въ академіи постоянно убивала бы мысль, что я поступилъ туда не самъ собою, а по разнымъ протекціямъ—преосвященнаго, Волкова, графа Толстаго, который просилъ за меня Макарія, какъ мнѣ здѣсь сказали. Между тѣмъ, здѣсь я поступилъ именно самъ собою, а не по чужой милости, или, лучше, по одной милости Божіей, которую постараюсь заслуживать всегда, сколько можно слабому человѣку. По нѣкоторымъ вашимъ отзывамъ обо мнѣ и о моемъ характерѣ, я думаю, что вы достаточно знаете меня и потому поймете, что послѣднее обстоятельство для меня тоже не послѣдней важности.

«Вы еще спрашиваете меня, все ли у меня цѣло, есть ли деньги? Да куда же я дѣну 35-то цѣлковыхъ? Вѣдь, я не вносилъ ихъ въ академію. Велики всѣ также въ совершенной сохранности. Прощайте. Сынъ вашъ С. Г. П. И. (студентъ Главною Педагогическаго института) Н. Добролюбовъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Это еще отголосокъ того настроенія мыслей, которое давало Николаю Александровичу впечатленіе передъ самимъ собою въ намѣреніи держать экзаменъ въ институтъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ самъ приводитъ примѣръ трудности институтскаго экзамена для семинаристовъ: сынъ ятскаго ректора не выдержалъ этого экзамена.

**) Совѣтъ поступить въ академію и перейти черезъ годъ въ институтъ былъ данъ отцомъ, вѣроятно, въ письмѣ, порицавшемъ намѣреніе сына не поступать въ академію. Перейти въ институтъ черезъ годъ нельзя было потому, что курсы классовъ („отдѣлений“) института были тогда двухлѣтніе, соответственно тому и пріёмъ въ институтъ происходилъ лишь разъ въ два года (по нечетнымъ годамъ).

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

XXXI.

Хотѣлось мнѣ для этого *Очерка* освѣжить въ памяти главные черты 1888 года. Принялся я за работу съ нѣскольکو предвзятою мыслью, подъ впечатлѣніемъ теоріи «свѣтлыхъ явленій» и «бодрящихъ впечатлѣній», которую какъ я ни усиливался, но не могъ разрѣшить ни вопроса о малоземели, ни переселенческаго вопроса, ни вопроса о наймѣ рабочихъ.

Но по мѣрѣ того, какъ я просматривалъ газеты и журналы, моя предвзятость отодвигалась куда-то дальше, затемнялась другими впечатлѣніями и изъ раскинутыхъ тамъ и здѣсь отдѣльныхъ фразъ, намековъ, а порою и довольно цѣльныхъ разсужденій, возникъ рядъ другихъ вопросовъ, а предвзятость уже и совсѣмъ улетучилась.

Иначе, впрочемъ, и не могло быть. Въ самомъ дѣлѣ, что за причина, что интеллигентъ, о чемъ бы онъ ни писалъ: о переселеніи, о наймѣ рабочихъ, о школахъ, о земствѣ, — никакъ не можетъ удержаться только на этихъ вопросахъ, и непременно въ видѣ освѣщенія или для идейности и обобщенія вставить мысли и о себѣ? И всегда въ этихъ мысляхъ слышится скорбная нотка, что-то наболѣвшее, тревожащее и, очевидно, мѣшающее думать настолько свободно, чтобы въ думахъ о постороннихъ дѣлахъ этой нотки бы не звучало.

Слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ «знаменіе времени», или явленіе, у котораго можетъ даже наступить ближайшее лучшее будущее, такъ что интеллигенція увидитъ скоро и на своей улицѣ праздникъ, или же это — только безнадежно-отчаянное скорбное чувство, прорывающееся наружу совершенно произвольно, вродѣ того, какъ страдающій зубною болью невольно говорить о ней, рѣшить я не берусь. У насъ пророчествовать мудрено. Но фактъ о скорбной ноткѣ несомнѣненъ, да и странно было бы сомнѣваться въ немъ!

Скорбная нотка звучитъ, однако, не повсюду одинаково или съ одинаковою силой. Иногда ее какъ будто и совсѣмъ не слышно, иногда она точно переходитъ въ веселый смѣхъ, но смѣхъ неискренній, иногда звучитъ чѣмъ-то сердитымъ, озлобленнымъ и безнадежнымъ, а бываетъ и такъ, что лю-

дн, чувствуящие сильную зубную боль, начинают доказывать, что лучшее средство против зубной боли увѣрять, что зубной боли совсѣмъ нѣтъ, и тогда всѣ будутъ думать и чувствовать, какъ вполне здоровые.

У насъ есть группа людей, имѣющая въ печати и своихъ довольно вліятельныхъ и многочисленныхъ представителей, въ душѣ которыхъ скорбная нотка звучитъ, можетъ быть, и не сильнѣе, чѣмъ у другихъ, но она имѣетъ особенный личный оттѣнокъ. Она, такъ сказать, не общественно-личная, а *лично* - общественная. И потому, что она именно такая, а не другая, возникаютъ и совсѣмъ особенныя умственные отношенія этой группы людей и писателей какъ къ своей собственной скорбной ноткѣ, такъ и ко всѣмъ ея послѣдствіямъ. Вотъ эти-то совсѣмъ особенныя отношенія и совершенно особенный приемъ, съ которымъ писатели этой группы трактуютъ наши общественныя злобы дня, и принудили меня измѣнить свой первоначальный планъ. Я не стану называть ни статей, ни именъ авторовъ, чтобы избѣгнуть полемики, всегда и неизбѣжно (при именахъ) принимающей болѣе или менѣе острый личный характеръ и потому скучной, неприятной и совершенно безплодной. Дѣло не въ именахъ и лицахъ, а въ понятіяхъ. Вопросъ въ томъ, насколько личная точка зрѣнія и вся общественная нравственность, изъ нея вытекающая, приводятъ къ правильнымъ заключеніямъ и въ какой степени удовлетворительно или неудовлетворительно могли бы разрѣшиться наши современныя задачи, если бы мировоззрѣніе этой группы было господствующимъ, — конечно, при данныхъ обстоятельствахъ.

Группа писателей съ личною скорбною ноткой требуетъ, повидимому, очень простой вещи: чтобы каждое отдѣльное я было преисполнено общественной вергіи и проникнуто чувствомъ личнаго и гражданскаго долга, и чтобы общество выступило въ качествѣ основной силы, двигающей колесницу русскаго прогресса. Это, пожалуй, даже и не идеализмъ, а простая мечта о журавлѣ въ небѣ. Весь вопросъ русской жизни и русской исторіи только въ томъ и заключается, чтобы создать мало-мальски гражданскую личность, а сторонники этой теоріи хотятъ прямо начать съ этой еще несуществующей личности, только пытающейся дѣлать свои первые гражданскіе шаги. Если бы не было извѣстно, что писатели этой группы люди искренно убѣжденные и честные, то можно бы подумать, что они шутятъ дурными шутки, лишь маскируясь либеральными словами. Развѣ не тѣхъ же совершенствъ требовалъ отъ личности и общества Катковъ, развѣ не того же требуетъ *Гражданинъ*? А такъ какъ подобныхъ совершенствъ Россіи, пока, создать у себя не удалось, то они порицаютъ освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, земство и вообще всѣ учрежденія, которыя даютъ хотя малѣйшій просторъ личности и обществу. Время ли теперь предъявлять подобныя требованія личности и обществу и дѣлать ихъ отвѣтственными въ томъ, что лежитъ въ ихъ возможностяхъ? Личность ли и общество должны быть творцами возлагаемаго на нихъ обновленія, или же обновленіе должно явиться само собою, какъ простое и неизбѣжное слѣдствіе извѣстной перемены понятій, руководящихъ общественныхъ идей и перемены вѣншихъ

условій, соотвѣтственно измѣнившимся понятіямъ? Можно ли создать энергію общественной дѣятельности и чувство долга тѣмъ, что мы будемъ твердить о нихъ людямъ и обществу каждый день съ утра до вечера, и не будемъ ли мы похожи на тѣхъ скучныхъ, сухихъ и бездушныхъ гувернантокъ, которыхъ такъ не любятъ дѣти за ихъ вѣчную воркотню и надоедливыя нравоученія? Даже школьною педагогіей эта система оставлена давно, а мы хотимъ примѣнять ее къ общественной педагогіи. Не въ этомъ ли желаніи примѣнить оставленную школьную систему къ воспитанію общества и лежить корень всѣхъ умственныхъ ошибокъ той группы писателей, которая думаетъ воздѣйствовать на общество средствами, и въ дѣтской школѣ не обнаружившими воздѣйствующей силы? И какъ же къ взрослымъ примѣнять то, что не годится даже и для дѣтей?

Очень характерною иллюстраціей этого стараго педагогическаго способа мышленія служить своеобразное толкованіе причинъ «русскаго пессимизма», будто бы развѣдающаго теперь общество. Пессимизмъ тутъ, конечно, не причемъ, потому что какіе же мы пессимисты? Что у насъ писали и пишутъ о Гартманѣ и Шепенгауерѣ — совершенно справедливо, но только изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ. Пессимизмъ предполагаетъ цѣлое мировоззрѣніе, и называть людей, чѣмъ-либо недовольныхъ, пессимистами можно развѣ въ шутку. Очень можетъ быть, что у насъ найдутся и настоящіе пессимисты, но, вѣдь, у насъ завелись, какъ говорятъ, и буддисты. Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что русское общество впало въ буддизмъ? Зачѣмъ же тутъ понадобился пессимизмъ? Пессимизмъ въ этомъ случаѣ не больше, какъ тактическій маневръ, это оружіе, которымъ группа публицистовъ-педагоговъ пытается поразить своихъ противниковъ и уронить ихъ въ мнѣніи «общества». Это не больше, какъ застраиваніе или доказательство *ad absurdum*, чтобы показать, до какихъ крайнихъ послѣдствій могутъ довести общество противники, которыхъ поразить требуется.‡

Доказательство «*ad absurdum*» не ограничивается только «пессимизмомъ», педагоги-публицисты начинаютъ грозить обществу повальнымъ самоубійствомъ (право такъ!): «хроника самоубійствъ все растетъ и растетъ», говорятъ они, что же будетъ дальше, если не принять мѣръ противъ слѣтелей пессимизма? Но не пугайтесь, читатель: и «пессимизмъ», и «самоубійство» въ настоящемъ случаѣ не больше, какъ благодарная тема, и знаете ли для кого? Ужъ никакъ не для тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ ней съ побѣдоноснымъ видомъ для пораженія своихъ противниковъ.

Въ русской жизни самоубійства наблюдаются не сегодня и не вчера. Усиливается ли это явленіе и усилилось ли оно въ 1888 году, достоверно неизвѣстно, потому что у насъ нѣтъ точной статистики самоубійствъ. Но тѣ, кому нужны самоубійства, какъ «матеріалъ», утверждаютъ (тѣмъ болѣе, что можно обойтись и безъ доказательствъ), что самоубійства увеличиваются и что только въ одномъ Петербургѣ за послѣдніе три мѣсца случилось 125 самоубійствъ.

Самоубійство—явленіе очень старое. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ

жирь, существуют повсюду и вездѣ и самоубійства, и, слѣдовательно, существовали и попытки объяснить это явленіе. Обыкновенно причины самоубійствъ оставались неизвѣстными, поэтому еще Вольтеръ, тоже интересовавшійся вопросомъ, очень жалѣлъ, что самоубійцы не имѣютъ привычки оставлять записокъ. Русскіе самоубійцы кончали съ собою точно также безмолвно, просто, но теперь молчаливый способъ часто нарушается и, если не въ большинствѣ случаевъ, то, по крайней мѣрѣ, очень нерѣдко, самоубійцы объясняютъ свои мотивы.

Человѣкъ, напримѣръ, кончаетъ съ собою потому, что не могъ вынести нужды, а добывать средства для жизни преступленіями не хотѣлъ. Служащее лицо лишаетъ себя жизни потому, что сдѣлало растрату. Молодая женщина умираетъ потому, что у нея «нѣтъ дѣтей». Дѣвушки и юноши видаются подѣ поѣзда изъ-за безнадежной любви, невозможности выйти замужъ, отказа любящей женщины и т. д.

Кромѣ этихъ чисто-личныхъ мотивовъ (вообще довольно разнообразныхъ), есть мотивы социальныя или общественныя, формулой которыхъ служить: «тяжело жить». Молодой человѣкъ съ блестящимъ будущимъ и богатый (имѣетъ 40 т. доходу въ годъ) пускаетъ себя пулю въ лобъ потому, что ему жизнь «надоѣла». Другіе умираютъ потому, что жизнь «сложилась не такъ, какъ слѣдуетъ, пережѣвать же ее «не стоитъ», что «жизнь съ философской точки не имѣетъ смысла» или «не оправдываетъ возлагавшихся на нее надеждъ»; были и такіе самоубійцы, которые умирали потому, что не могли приносить людямъ той пользы, которую они желали бы приносить; одинъ мировой судья лишилъ себя жизни потому, что никакая будто бы общественная дѣятельность не можетъ быть у насъ плодотворною.

Какое же объясненіе дѣлается всѣмъ этимъ и подобнымъ имъ фактамъ? Первый вопросъ, который ставятъ себѣ публицисты-педагоги: неужели же наша жизнь до того тяжела и безотрадна и до того она не даетъ простора для дѣятельности, что и вправду дѣлаетъ безцѣльнымъ и бесполезнымъ существованіе каждаго изъ насъ?—и затѣмъ даютъ на него такой отвѣтъ.

Рисовать жизнь мрачными красками у насъ теперь въ модѣ и сдѣлалось почти обязательнымъ. Надежды и иллюзіи у насъ теперь не въ почетѣ. Даже тѣ, которые въ 60-е годы предавались необузданно самымъ несбыточнымъ мечтамъ, теперь смѣются надъ всякими иллюзіями и надеждами и противопоставляютъ дѣйствительности самыя мрачныя явленія. Что наша жизнь неприглядна, этого не отрицаютъ публицисты - педагоги. Но, вѣдь, не такъ же она ужасна, говорятъ они, чтобы смерть предпочитать жизни? Чтобы судить дѣйствительность, нельзя ограничиваться одною ея внѣшнею стороною. Напримѣръ, подѣ блестящею внѣшностью 60-хъ годовъ скрывалось много пустоты и увлеченія внѣшнимъ блескомъ и трескомъ. Когда же понадобились люди для прочнаго водворенія принциповъ 60-хъ годовъ, ихъ оказалось не много. Четверть вѣка, которые мы прожили со времени освобожденія крестьянъ, прошли не безслѣдно. Внѣшнія условія могутъ вліять только на внѣшнія формы жизни, а не на ея содер-

жаніе. Оно творится людьми и въ теперешнее время; есть не мало людейъ умѣющихъ жить и работать для блага людей (все это говорятъ публицисты-педагоги).

До сихъ поръ публицисты-педагоги разсуждаютъ довольно правильно. Не берусь рѣшить, насколько нынче въ модѣ рисовать жизнь мрачными красками и бываетъ ли такая мода. Но что надежды и иллюзіи теперь не въ почетѣ, это несомнѣнно, и причина этого заключается, конечно, не въ модѣ, а въ какихъ-нибудь дѣйствительныхъ фактахъ, иначе было бы необъяснимо, почему люди отказались ни съ того, ни съ сего отъ надеждъ и иллюзіи. Что въ 60-хъ годахъ было меньше людей, подготовленныхъ для практическихъ дѣлъ, это несомнѣнно; что въ теперешнее время есть не мало людей, готовыхъ жить и работать для общаго блага, тоже несомнѣнно.

Но всѣ эти справедливыя разсужденія еще не объясняютъ причины самоубійствъ. Откуда же берется недовольство собою и безцѣльностью и бессмысленностью собственной жизни, которое приводитъ къ рѣшенію выйти въ тиражъ? Педагоги-публицисты разубаваютъ этотъ гордіевъ узелъ совершенно какъ Александръ Македонскій. Они утверждаютъ, что въ обществѣ распространено пессимистическое настроеніе, и это-то настроеніе является однимъ изъ тѣхъ пагубныхъ заблужденій, которыя порою эпидемически охватываютъ цѣлыя общества, что въ распространеніи заблужденія повинны тѣ, кто фактически является учителями и руководителями общества, кто взялъ на себя выработку идеаловъ массы. Въмѣсто того, чтобы содѣйствовать выработкѣ идеаловъ и облегчать потуги общественной мысли, эти ужасные люди всѣ робкія попытки въ этомъ направленіи встрѣчаютъ презрительнымъ смѣхомъ и ироніей. Ну, конечно, это нехорошо; но едва ли хорошо и то, что педагоги-публицисты говорятъ настолько неясно, что не поймешь, какіе именно идеалы встрѣчаютъ смѣхъ и иронію. Это тѣмъ болѣе нужно бы знать, что, по ихъ увѣренію, постоянство и настойчивость тѣхъ, кто поступаетъ такъ съ идеалами, не предлагая никакихъ своихъ, дѣйствительно могутъ не одну начинающуюся жизнь заставить придти въ отчаяніе и покончить съ собою. Если это такъ, то, вѣдь, это преступленіе, которое нельзя оставлять или обходить и ограничиваться какими-то неясными и двусмысленными намеками. Чьи проповѣди, какіе идеалы наводятъ на мысль о самоубійствѣ, кто эти мрачные проповѣдники нирваны, отъ словъ которыхъ у людей пропадаетъ охота жить? Если же это не такъ, если это только полемическій приѣмъ или риторическая фигура преувеличенія, то такую реторику изъ публицистики нужно изгнать. Страстность чувства и страстность мысли обязательны для всякаго публициста, но ему еще обязательнѣе умѣнье (умъ) отставать то, что онъ хочетъ отставать, а не портить неумѣльностью своего собственнаго дѣла. Съ подобными-то неумѣльностями теперь и приходится чаще всего встрѣчаться.

Впрочемъ, это неизбѣжное положеніе всѣхъ защитниковъ, какой бы то ни было непослѣдовательности. А къ такимъ именно непослѣдовательностямъ и принадлежитъ то понужательство, которымъ нѣкоторые публицисты

моралистической школы думают наэлектризовывать общество, т.-е. какъ разъ ту часть русской интеллигенціи, которую не проберешь никакимъ электричествомъ, а тѣмъ болѣе кисло-сладкою моралью.

И такъ, самоубійства происходятъ у насъ оттого, что есть писатели, которые не только не облегчаютъ потугъ общественной мысли, но еще и убиваютъ эти попытки въ самомъ зародышѣ противупоставленіемъ имъ мрачной дѣйствительности. Вслѣдствіе этого является отчаяніе и желаніе покончить съ собою. Но, вѣдь, если есть на свѣтѣ такія мрачныя слова, отъ которыхъ люди лишаютъ себя жизни, то должны быть и веселыя слова, отъ которыхъ хотѣлось бы жить. Скажите такое слово, можетъ быть, мертвые и воскреснуть. Если же у васъ нѣтъ веселыхъ словъ и вы только ~~мрачно~~ и сердитесь, точно укусуная вдова, зачѣмъ вы пишете? Нѣтъ, нужно думать, что на свѣтѣ дѣла дѣлаются не по рецептамъ газетныхъ и журнальныхъ статей и что самоубійства совершаются по какой-нибудь другой причинѣ и подъ другими влияніями.

Что самоубійства производятъ не журнальныя статьи, это, пожалуй, склоненъ допустить и цитируемый мною авторъ. Подумавъ немного, онъ нашелъ «другой корень». Этотъ другой корень лежитъ (!), по его мнѣнію, «въ оторванности нашей интеллигенціи отъ жизни». Формула эта вполне вѣрна (хотя и не полна), но авторъ наполнилъ ее такимъ содержаніемъ, что получился новый абсурдъ.

Абсурдъ получился оттого, что и всѣ правильныя мысли притянуты авторомъ за волосы, чтобы отгнать его излюбленную мысль, будто самоубійства и пассивность въ виду неблагоприятныхъ условій общественной жизни происходятъ отъ парализующихъ энергію газетныхъ и журнальныхъ влияній.

Вполнѣ правильно, что жизнь каждаго нашего интеллигента ограничена самою узкою сферой: редація, контора, школа, приемная, камера — вотъ узкія рамки дѣятельности каждаго (говоритъ авторъ). Молодежь растетъ въ подобныхъ же условіяхъ и, заключенная въ узкое кольцо, не имѣетъ никакого соприкосновенія съ «дѣйствительностью». Если бы эти мысли были развиты послѣдовательно (хотя послѣдняя—о молодежи—уже притягивается за волосы), то получился бы и выводъ вполнѣ правильный. Но какъ цѣль всѣхъ рассужденій заключалась въ томъ, чтобы привлечь къ отвѣтственности писателей, которые находятъ поученіе общества занятіемъ бездѣльными и пустыми, то дѣлается логическое сальтомортале и получается выводъ совершенно неожиданный.

Рассужденіе ведется слѣдующимъ образомъ: такъ какъ интеллигенты сидятъ только въ редакціяхъ и конторахъ и на міръ Божій смотрятъ изъ форточекъ (рѣчь идетъ, вѣроятно, только о Петербургѣ), то о всей остальной многообъемлющей жизни приходится узнавать изъ рассказовъ, изъ книгъ и чаще изъ газетъ. Вслѣдствіе этого является необыкновенное легковѣріе къ самымъ невѣроятнымъ сообщеніямъ и объясненіямъ фактовъ дѣйствительности, отсюда возникаетъ привычка подтасовывать факты подъ пр---

взятые взгляды, а недостатокъ соприсосновенія съ дѣйствительностью ведетъ къ отсутствію привычки бороться съ неблагоприятными условіями.

Молодежь точно также узнаетъ о жизни изъ пятыхъ рукъ, вѣрить всему, что ей говорятъ другіе, и потому поддается всякому настроенію, и, еще не вступивши въ жизнь, уходитъ съ ея поля, рѣшивъ, что жизнь безцѣльна, что сама она, молодежь, никому не нужна и ни на что не годна.

Если все это такъ, если общество состоитъ только изъ людей, смотрящихъ на міръ Божій изъ форточекъ, не имѣетъ о жизни ровно никакого понятія и вѣрить всякой газетной статьѣ, а молодежь и того хуже, то становится совсѣмъ непонятною теорія понуканья. Бого и для чего понукать, когда люди ничего не понимаютъ и ни о чемъ не могутъ судить сами? Такихъ головотяповъ сколько ни понукай, ничего толкового отъ нихъ не дождешься. Изумительная характеристика общества! И, въ то же время, отъ этого общества требуютъ, чтобы оно обновило всю русскую жизнь. Но остается неразъясненнымъ еще и вотъ какой вопросъ. Отчего общество головотяповъ накидывается такъ легковѣрно только на извѣстныя журнальныя и газетныя статьи и имъ подчиняется, а прекрасныя и основательныя поученія другіхъ авторовъ не обнаруживаютъ на общество своего воздѣйствія и они бесплодно кричатъ изъ своей форточки въ пустое пространство.

Но авторъ, очевидно, этого вопроса себѣ не задаетъ, а съ «энергіей, заслуживающей лучшей участи», пищитъ, какъ комаръ, нескончаемо одно и то же: «умѣрьте долбленіе на тему о безотрадности дѣйствительности, обратите вниманіе молодыхъ силъ на особенную важность энергіи именно въ виду плохихъ условій дѣйствительности и на возможность борьбы съ ними, поставьте рядомъ съ вѣчными припѣвочъ: «плохо, плохо и ничего хорошаго не будетъ» — тезисъ: «будетъ хорошо, если мы сами этого захотимъ», наше общество не въ такомъ положеніи, чтобы надъ нимъ гнѣть отходную; нужно беречь молодыя силы, нужно поддерживать и ободрять эти силы, нужно возбуждать и подкрѣплять въ нихъ вѣру и надежду на лучшее...»

Какія, однако, все это жалкія слова, совершенно чуждыя той самой дѣйствительности, которою берутся поучать; какое скучное нытье и причитанье, лишненное всякой энергіи чувства, мысли и содержанія! Если наше общество переживаетъ дѣйствительно моментъ упадка общественно - нравственныхъ силъ, а у молодежи нѣтъ вѣры въ себя и въ свое собственное будущее, такъ что оно прямо со школьной скамейки идетъ на самоубійство, то одними лирическими возгласами и моральными понуканьями ни въ кого не вложишь ни ума, ни вѣры.

Не моральная гальванизация поднимаетъ силы и сообщаетъ энергію, а возбужденное сознаніе и согласно работающая общественная мысль. Сознаніе же есть знаніе, а знаніе можно проводить только двумя основными и существенными способами. Обществу сообщается точное, ясное и полное представленіе объ его положеніи и причинахъ этого положенія, и рядомъ съ этимъ вводятся фактическія и идейныя знанія, выясняющія дѣли, къ которымъ общество должно стремиться.

Въ этихъ просвѣтительныхъ задачахъ печати полемика играетъ роль очень подчиненную. Она не способствуетъ прямоу и непосредственному воздѣйствію на сознание. Poleмика есть собственно публичное единоборство отдѣльныхъ представителей партій, безъ которой, а тѣмъ болѣе въ личной формѣ, дѣло можетъ легко и обойтись. Личная форма имѣетъ смыслъ тогда, когда нужно сбить кого-нибудь съ его руководящей передовой позиціи и ослабить или убить авторитетъ, существующій по недоразумѣнію.

Подобная полемика ведется теперь противъ гр. Л. Н. Толстаго и его послѣдователей. Poleмика эта создается боязнью, что неясное и мистическое ученіе гр. Л. Н. Толстаго, дѣйствующее почти исключительно на чувство, а не на сознание (и поэтому-то и обнаруживающее такое вліяніе), можетъ породить недоразумѣнія и, вмѣсто того, чтобы приближать общество къ его ближайшимъ задачамъ, будетъ отъ нихъ удалять. Формулы ученія гр. Толстаго слишкомъ неточны и открываютъ настолько широкій просторъ всякимъ личнымъ толкованіямъ, что послѣдователи могутъ съ одинаково благожелательными чувствами отказаться и отъ всякой цивилизаціи и науки и засѣсть за книги Ману, могутъ отказаться и отъ всякаго непротивленія злу, какія бы оно антиобщественныя формы ни принимало, могутъ, проникнувшись формулой «своего хлѣба», уйти въ кулацкіе идеалы и отказаться за себя и за своихъ дѣтей отъ задачъ интеллигенціи. Понятно, что тѣ, кто боялся за послѣдствія двойственныхъ толкованій, прямо возстали противъ формулъ гр. Толстаго и указали на выводы, которые изъ нихъ могутъ быть дѣлаемы. И только послѣ этого сторонники гр. Толстаго, т. е. тѣ, кому хотѣлось понимать слова своего учителя въ томъ ихъ лучшемъ смыслѣ, какой они сами въ нихъ влагали, внесли въ эти формулы свои поправки и дополненія. Такъ, формула «не противься злу насиліемъ», признанная неудачною даже крайними послѣдователями, была подвергнута такому эксперименту, что совершенно утратила свой первоначальный видъ. Вотъ экспериментъ, которому была подвергнута эта формула. «Формула Льва Николаевича «не противься злу насиліемъ» вооружается не противъ противленія вообще злу, а противъ насилія. Насиліе — зло, зло для меня и другихъ, и отъ зла должно удерживать себя и другихъ. И вотъ, вмѣсто слова «зло» подставляя слово «насиліе», получается такая формула: «удерживай себя и другихъ отъ насилія». Но и эта измѣненная формула едва ли помогаетъ дѣлу. Формула «своимъ хлѣбомъ» хотя принадлежитъ не гр. Толстому, но вполне отвѣчаетъ его ученію о физическомъ трудѣ. Она направлена противъ интеллигенціи и отрицаетъ интеллигентный трудъ въ смыслѣ «жалованья», «мѣсты», «писанья». Съ этою формулою могутъ уживаться въ самомъ тѣсномъ союзѣ и кулачество, и эксплуатація, и все, что хотите.

Вотъ главная причина полемики съ ученіемъ гр. Толстаго и съ его послѣдователями. Poleмика эта стремится ослабить или совсѣмъ уничтожить авторитетное вліяніе гр. Толстаго, потому что ученіе его, возбуждая, по видимому, хорошія чувства, уводитъ умъ въ темный лабиринтъ, въ кото-

рошь онъ путается безъ выхода. Говорять, что въ настоящее время спячки общественной мысли влияние гр. Толстаго хорошо уже тѣмъ, что, возбуждая чувство, онъ шевелитъ и мысль, вызываетъ идею. Но развѣ мы находимся въ первомъ днѣ творенія и какія бы мысли и идеи ни вызывались въ обществѣ, это совершенно безразлично? Нужна ли намъ теорія о непротивленіи злу даже въ ея исправленной формулѣ, нужна ли намъ теорія или идеаль «своего хлѣба», эти истинные журавли въ небѣ и еще третій подобный журавль: «будетъ хорошо, если мы сами этого захотимъ», — или же нужно что-нибудь другое?

Легко сказать: «захотимъ!» Научите же, какъ захотѣть! Съ волшебною палочкой въ рукахъ, конечно, можно «захотѣть» и богатства, и ума, и счастья, и гениальности. Дайте намъ эту палочку въ руки, и мы всего не только захотимъ, но и все получимъ. И зачѣмъ же вы, такіе добрые и участливые, не дали своей волшебной палочки тѣмъ несчастнымъ юношамъ и дѣвицамъ, которые изъ-за безнадежной любви кидались подъ поѣзда? Нѣтъ у васъ этой волшебной палочки, вотъ почему. И, сами зная, что у васъ этой палочки нѣтъ, вы, все-таки, твердите: «будетъ хорошо, если мы сами этого захотимъ», а въ самоубійствахъ обвиняете печать. Вѣдь, это настолько же умно, насколько умно утверждать, что дождь идетъ потому, что въ углу стоитъ палка. Нѣтъ, дождь идетъ не потому.

А, между тѣмъ, въ причинахъ, вызывающихъ самоубійства, есть одинъ «соціальный моментъ», который было полезно выяснитъ. Конечно, эта работа потрудиѣ, чѣмъ сказать, что самоубійства производятъ журнальныя статьи, рисующія дѣйствительность мрачными красками. Но за то же общество о причинахъ дождя получить болѣе точное понятіе и не станеть слушать тѣхъ, кто учить его глупостямъ.

О самоубійствахъ пока извѣстно только одно, что они вызываются извѣстными психическими предрасположеніями и составляютъ явленіе чистоличное. Природа этихъ психическихъ предрасположеній еще настолько не разслѣдована и причины ихъ настолько еще не поддаются современному знанію, что психіатрія передъ ними такъ же бессильна, какъ и передъ наклонностью къ сумасшествію и преступности.

Главную роль въ самоубійствахъ играетъ слишкомъ сильный аффектъ, производимый иногда, повидимому, ничтожными причинами. Искра, кажется, причина небольшая, а какой эффектъ производитъ она, если ее бросить въ кучу пороха! Не такъ давно былъ случай, что молодая, едва вышедшая замужъ, женщина сдѣлала попытку на самоубійство потому, что мужъ отказалъ ей въ ложѣ въ театрѣ. И всѣ самоубійства по личнымъ, острымъ причинамъ всегда въ этомъ родѣ. Это всегда отчаяніе, всегда крайне нарушенное душевное равновѣсіе, всегда однопредметная страстность, заслоняющая все, кромѣ тѣхъ мучительныхъ ощущений, которыми страдаетъ человѣкъ, которыя рисуются ему вѣчными и отъ которыхъ онъ стремится освободиться. Но, кромѣ страстности и остроты личнаго чувства, требуется еще и отсутствіе чувства страха передъ будущимъ. Люди, вѣрующіе въ за-

гробную жизнь и проницанные искреннимъ религіознымъ чувствомъ, не лишаютъ себя жизни.

Вромѣ моментальнаго, взрывающаго личнаго чувства съ моментальнымъ острымъ концомъ, бываютъ душевныя состоянія, повидимому, спокойныя, когда самоубійство свершается съ внѣшнимъ хладнокровіемъ. Вотъ, напримѣръ, лицо, завѣдывающее отдѣльной частью, запутавшееся въ денежныхъ и другихъ дѣлахъ, гордое, самолюбивое, привыкшее къ почету и внѣшнему уваженію, не переноситъ мысли объ униженіи, которое его ожидаетъ, и стрѣляется. Всѣми подробностями самоубійства, хотя о причинахъ его онъ не оставилъ никакой записки, этотъ человѣкъ вполне ясно показалъ, насколько его горделивая душа хотѣла сохранить о себѣ и за гробомъ внѣшнее общественное мнѣніе и не поступиться своимъ достоинствомъ. Вставъ утромъ, онъ надѣлъ чистое бѣлье, надѣлъ фракъ, сѣлъ за письменный столъ, написалъ, что нужно, о своихъ дѣлахъ и, сидя въ томъ же креслѣ, пустилъ себѣ пулю въ сердце. Гордый и самолюбивый человѣкъ и умеръ съ тѣмъ же внѣшнимъ приличіемъ, съ какимъ онъ держалъ себя при жизни. Въ этомъ и подобныхъ ему самоубійствахъ, когда замѣшано чувство достоинства, нѣтъ, повидимому, остраго момента, но жгучее чувство боязни общественнаго мнѣнія, чувство стыда, принадлежащее къ головнымъ чувствамъ, производитъ настолько постоянно усиливающееся впечатлѣніе на весь чувствующій организмъ, что создаетъ, наконецъ, такой же невыносимый острый моментъ, въ какой кончаютъ съ собою и острые самоубійцы. Здѣсь чувство личности дѣйствуетъ сильнѣе всѣхъ другихъ мотивовъ и совершенно покоряетъ себѣ человѣка, какъ и всякая страсть.

Болѣе или менѣе уравновѣшеннымъ людямъ могутъ быть совсѣмъ непостижимы подобныя душевныя состоянія. Какимъ чувствомъ вы, здоровый человѣкъ, воспримете душевное состояніе гимназиста, стрѣляющагося потому, что онъ не выдержалъ экзамена на аттестатъ зрѣлости? Какъ вы поймете юнкера, который застрѣлился потому, что его знанія и заслуженность были оцѣнены ниже, чѣмъ онъ ихъ самъ цѣнилъ, и его не произвели въ офицеры? Какъ вы поймете даму, избившую другую даму зонтикомъ и принявшую карболовую кислоту, когда объ этомъ было напечатано въ газетѣ?... Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ крайне приподнятымъ личнымъ чувствомъ и безгранично разрастающимся я, не уравновѣшеннымъ другими чувствами и незнакомымъ съ дисциплиной мысли. Тутъ не дисциплинирующая мысль создаетъ рефлексъ движенія, а переходитъ въ него; возбужденное чувство, не знающее никого умственного промежутка, или же умъ, сбитый чувствомъ и вообще ему послушный, подтасовываетъ представленія, согласныя съ чувствомъ. Причина лежитъ всегда въ слишкомъ сжатой, тѣсной психической области, въ которой все вращается около личнаго я, слишкомъ собою поглощеннаго и мало уравновѣшеннаго другими интересами.

Подобное же разросшееся непомѣрно я наблюдается и въ другой категоріи самоубійствъ, хотя умственные мотивы ихъ совсѣмъ, повидимому,

изъ иной области. Въ этомъ случаѣ между самоубійствами и сумасшествіемъ является довольно тѣсная аналогія. Чтобы сойти съ ума, нужно имѣть исполнѣ подготовленный для того физическій организмъ, а какое обстоятельство или причина дадутъ ему послѣдній толчокъ, зависитъ отъ множества случайностей. Но не эта случайность составляетъ дѣйствительную причину сумасшествія, оно даетъ ему только цвѣтъ, окраску, форму. Въ общественно-религіозные моменты преобладали всегда религіозныя формы помѣшательства, во времена войнъ—формы воинственныхыя, во времена политическихъ движеній—формы политическія. Въ корнѣ же лежитъ все то же я съ его разстроенымъ, нервнымъ аппаратомъ.

Въ статьѣ, противъ невѣрныхъ мыслей которой я пишу, говорится, что увеличеніе числа самоубійствъ падаетъ, главнымъ образомъ, именно на категорию съ общественною окраской. Если это удостовѣреніе можетъ быть подкрѣплено очными доказательствами, то придется признать, что въ настоящее время напряженность общественной мысли преобладаетъ передъ личными побужденіями, и на это явленіе взглянуть какъ на признакъ времени. Придется только пожалѣть, что самоубійцы этой категоріи дадутъ очень недостаточныя объясненія причинъ, заставлявшихъ ихъ лишиться себя жизни. Такія объясненія, какъ «тяжело жить, больше не могу», «жизнь надоѣла», «жизнь безцѣльна», «не имѣетъ смысла», «не оправдываетъ возлагавшихся на нее надежды», говорятъ еще очень мало. Почти столько же неясны и такія причины, какъ «презрѣніе къ собственной бесполезности» или «разочарованіе въ собственной профессіи», «невозможность оказывать помощь бѣднягамъ». Конечно, всѣмъ этимъ несчастнымъ, измученнымъ и наболѣвшимъ людямъ не до того, чтобы приписывать себя и рассказывать свою внутреннюю жизнь. Но если бы они могли раскрывать ее, то съ несомнѣнною точностью установились бы тѣ факты нашихъ внутреннихъ отношеній, которые до такой степени напрягаютъ мысль и возбуждаютъ чувствительность, что менѣе стойкіе и крѣпкіе организмы выносить ихъ оказываются неспособными.

Это одна сторона дѣла, внѣшняя, которой бы выяснилось, что именно въ нашихъ формахъ жизни, во взаимныхъ отношеніяхъ и въ возможностяхъ для дѣятельности становится иногда такъ рѣзко и грубо поперекъ дороги. Но есть тутъ и другая сторона — внутренняя, психическая. Въ этой-то внутренней психической сторонѣ и отношеніи ея къ внѣшней и заключается весь вопросъ.

Если самоубійца говорить, что онъ кончаетъ съ собою потому, что «жизнь надоѣла», тутъ чувствуется намекъ на какое-то излишество самой жизни, точно много ея самой, много въ ней чего-то однороднаго и томительнаго. Бывали и бываютъ старики, столько жившіе и настолько притупившіеся, что ни что ихъ больше не радуешь и не огорчаетъ. Для нихъ существуетъ лишь смѣна дней и вѣчное повтореніе одного и того же. Жизнь имъ буйвально надоѣдаетъ и они очень легко съ нею расстаются.

Но вотъ говорить, что «жизнь надоѣла», и пускаетъ себѣ пулю въ лобъ молодой человѣкъ съ положеніемъ и имѣющей 40 тыс. руб. въ годъ дохо-

ду. Чѣмъ же успѣла жизнь надоѣсть ему такъ рано? Не пускайся въ гадательныя предположенія, приходится сказать, что «надоѣло»—ничего не объясняетъ. Могло быть физическое пресыщеніе, злоупотребленіе молодыми силами и истощеніе, за которыми слѣдуетъ всегда равнодушіе къ жизни. Могли быть, конечно, причины и нравственныя, но и о нихъ можно лишь догадываться, не зная ничего навѣрное. Во всякомъ случаѣ, причина самоубійства кроется въ какихъ-то неудовлетворяющихъ условіяхъ жизни, оставшихся неизвѣстными.

«Тяжело жить, больше не могу»—говорить уже яснѣе. Здѣсь слышится стонъ или вопль страдающаго человѣка и причины его страданій поясняются отдѣльными фразами другихъ несчастныхъ, такъ что составляется довольно полное и опредѣленное представленіе о коллективномъ самоубійцѣ. Вотъ эти дополнителныя и поясняющія фразы: жизнь безцѣльна, она не имѣетъ смысла, она не оправдываетъ возлагавшихся на нее надежды, она порождаетъ презрѣніе къ собственной бесполезности, она не даетъ возможности дѣлать то, что человѣкъ думалъ свершать, и т. д.

Только напрасно авторъ статьи усматриваетъ въ этихъ духовныхъ завѣщаніяхъ отчаяніе, упадокъ духа, безнадежность и вообще что-то вродѣ протраціи. Нѣтъ, не она тутъ чувствуется. Тутъ чувствуется мажорная, горделивая нотка, скорѣе высомѣрное отношеніе къ жизни, въ рамкахъ которой человѣкъ не уложился. Здѣсь выступаетъ скорѣе приподнятое, чѣмъ подавленное я,—я съ широкими горизонтами, съ мечтами о подвигѣ, — и этого я «мрачными картинами» не испугаешь, потому что только «мрачныя явленія» его и создали и вложили въ него мечту о подвигѣ, о дѣлѣ, которое бы оно хотѣло свершить. Не въ собственныхъ силахъ сомнѣвается здѣсь человѣкъ, онъ отворачивается отъ бессмысленной жизни, не отвѣчающей его идеалу, не оправдывающей возлагавшихся на нее надежды. Даже въ презрѣніи къ собственной бесполезности видится приподнятое я, желающее видѣть въ жизни храмъ, а не мастерскую. Подобныя горделивыя натуры, если, къ тому же, онѣ, отличаются еще страстностью и воображеніемъ, легко увлекаются идеализаціей себя, мечтами о подвигахъ, и не такъ просто укладываются въ рамки той дѣйствительности, которую онѣ подчасъ бываютъ окружены и изъ которой не усматриваютъ никакого выхода. Разумѣется, самоубійство—не выходъ, но дѣло въ томъ, что разладъ душевныхъ требованій, подчасъ не Богъ вѣсть какихъ идеальныхъ, съ условіями текущей жизни и съ умственной средой, въ которую судьба иногда насильно погружаетъ человѣка, бываетъ такъ непримиримъ, что на вопросъ, что дѣлать, не прискивается никакого отвѣта.

Душа человѣка создается такими сложными и многообразными внѣшними и внутренними воздѣйствіями, въ ней столько самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ теченій, такъ подчасъ смутны и неясны ея стремленія, желанія, порывы, столько въ каждомъ отдѣльномъ я своего собственнаго, личнаго, что ни съ какими прямолинейнымъ разрѣшеніемъ

подходить къ человѣческой душѣ не позволяется и для ея гордіевыхъ узловъ еще не родился Александръ Македонскій.

Вотъ, напримѣръ, дѣвушка обращается къ писателю съ просьбой указать ей, что читать, «назвать хоть нѣсколько сочиненій, способныхъ помочь ей выйти изъ ужасно тяжелаго состоянія апатіи, въ которомъ она находится, способныхъ хотя немного освѣтить смыслъ жизни, дать хоть какіе-нибудь идеалы»... «Вругомъ все пусто, мертво, дѣло лишь на словахъ и отношеніе къ нему странное,—пишетъ она.—Болѣе внимательный взглядъ на жизнь этихъ людей вызываетъ вопросы: чѣмъ они живутъ? въ чемъ смыслъ ихъ жизни? стоитъ ли жить такъ? (слышите: стоитъ ли?)—и беретъ сомнѣніе, есть ли гдѣ-нибудь иные люди...» Какіе дѣйствительно тяжелые, мучительные и, очевидно, неразрѣшимые для человѣка вопросы!

Говорятъ, что обращенія къ писателямъ съ просьбой—что читать? что дѣлать?—очень обыкновенны. Что же это доказываетъ? Доказываетъ только то, что у насъ еще очень много людей, нуждающихся въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ и не находящихъ въ жизни указаній или возможностей для ихъ разрѣшенія. Для тѣхъ, кто спрашиваетъ, что читать и что дѣлать (и объ этомъ спрашиваютъ уже тридцать лѣтъ), очевидно, не нашлось ни дѣла, ни указаній, какъ жить.

И у подобнаго ищущаго и неудовлетвореннаго душевнаго требованія есть законъ, о существованіи котораго нужно же, наконецъ, догадаться. Законъ этотъ подчиняетъ себѣ каждого съ первыхъ же шаговъ жизни. Воздѣйствіе его начинается еще въ дѣтской, въ семьѣ, затѣмъ оно переходитъ въ школу, изъ школы сопровождается въ жизнь и своимъ противоположеніемъ дѣйствительности вноситъ въ душу разладъ. Однимъ удается найти примиреніе, другіе найти его не умѣютъ, и каждый затѣмъ разрѣшаетъ свою жизненную задачу по-своему.

И родители, и воспитатели твердятъ каждому, еще ребенкомъ, что онъ долженъ быть хорошъ, добръ, что людей нужно любить, дѣлать для нихъ добро, что нужно помогать бѣднымъ, скорбѣть съ несчастнымъ. Объ этомъ говоритъ намъ и няня въ дѣтской, когда учить молиться Богу, и мать, и священникъ, и Евангеліе, которое мы читаемъ. Каждому подсказываетъ то же и его собственная душа, собственная потребность въ ласкѣ, любви и справедливости.

Дальше, когда наступитъ пора мысли, когда человѣкъ начнетъ проникать въ тайны жизни, раскрывать ея горизонты, отыскивать общіе руководящіе законы, разрѣшать вопросъ, «что дѣлать», создавать себѣ тагъ называемые идеалы, когда онъ во всемъ и повсюду будетъ искать разрѣшеній загадки жизни, когда онъ начнетъ читать,—опять передъ нимъ возникнетъ, но уже въ большемъ размѣрѣ, все тотъ же вопросъ о любви, правдѣ и справедливости. Его не разрѣшилъ и древній міръ съ его великими умами, его не разрѣшаетъ и новый міръ усиліями подобныхъ же великихъ умовъ.

И все, что бы человѣкъ ни читалъ у великихъ поэтовъ и мыслителей,

все, что онъ найдетъ въ современной поэзіи, романѣ, повѣсти, въ статьяхъ журнала, — все это одна и та же неотвязчивая мысль о любви и правдѣ, о жизни по-божески. На этомъ вѣчномъ, нескончаемомъ указаніи зна божескую правду, которая должна быть задачей и цѣлью нашей жизни, тростеть всякая душа, проникаясь ея ощущеніями и получая привычку къ этимъ ощущеніямъ.

Но не однимъ чувствомъ любви проникается дѣтская душа подъ воздействием нравственныхъ вліяній. Рядомъ съ ними воображеніе питается подвигами мучениковъ, героевъ, великихъ людей. И въ книгахъ, и на словахъ ребенку рассказываютъ біографіи знаменитыхъ ученыхъ, изобрѣтателей, путешественниковъ, борцовъ за независимость народовъ, твердятъ ему объ образцахъ преданности и самопожертвованія и увлекаютъ дѣтское воображеніе мечтами о подобныхъ подвигахъ и желаніемъ подражать великимъ людямъ и друзьямъ человѣчества.

Воспитаніе дѣлаетъ все, что оно можетъ, чтобы поднять резонансъ души и заставить его звучать лучшими человѣческими чувствами, и, въ то же время, оно не даетъ почти ничего разуму, не даетъ знаній, которыя бы шли въ уровень съ приподнятыми чувствами и вполне имъ отвѣчали. Ни латинская грамматика, ни греческій языкъ, ни географія не отвѣчаютъ на запросы приподнятаго чувства и воображенія ищущихъ совѣмъ не того, что дастъ имъ гимназическая наука. Дальнѣйшая наука разрѣшаетъ вопросы накопившагося чувства нисколько не лучше. А жизнь... да, вѣдь, для того, чтобы исправлять жизнь, чтобы бороться со зломъ, насаждать правду и любовь и являть примѣры самопожертвованія и благородства, воспитаніе и поднимало дѣтскую душу, пропитывая ее примѣрами подвиговъ и человѣческаго величія. Воспитаніе только и старалось о томъ, чтобы выдвинуть человѣка въ герои, приподнять дѣтское я, и безъ того, обыкновенно, достаточно большое. И вотъ это я, вступая въ жизнь съ готовностью на подвиги самопожертвованія и искупленія, сразу охватывалось фактами такой дѣйствительности, которые входили въ молодую душу рѣжущимъ стальнымъ, холоднымъ клиномъ и производили диссонансъ, съ которымъ душа не могла ни справиться, ни примириться, ни сродиться. Вотъ откуда этотъ вѣчный, нескончаемый кличъ о томъ, что читать, что дѣлать. И въ самомъ дѣлѣ, что читать, что дѣлать?

Практическіе умы эти вопросы одолеваютъ легче, люди же теоретическіе, идейные и, въ особенности, съ приподнятымъ личнымъ чувствомъ, у которыхъ центръ тяжести ихъ душевнаго существованія кроется въ нравственномъ чувствѣ, равновѣсія или совѣмъ не находятъ и въ такомъ случаѣ при извѣстныхъ предрасположеніяхъ могутъ придти къ острому концу, или же остаются на всю жизнь подавленными, неудовлетворенными, несчастными, или же, наконецъ, становятся озлобленными на настоящее, а то, пожалуй, и на то прошлое, которое ихъ создало, на идеяхъ, чувствахъ и стремленіяхъ котораго они выросли. Въ теперешнее время вы встрѣтите не мало людей, которые въ шестидесятыхъ годахъ жили самыми яркими чув-

ствами и свѣтлыми надеждами, а теперь не могутъ говорить объ этомъ времени безъ злобнаго чувства и безъ негодованія. Но они умалчиваютъ о своемъ я, и во всемъ оказываются виноватыми время и его идеи. Такъ ли?

Дѣтское чувство и молодое воображеніе пріучаютъ развиваться и расти только на красивыхъ и яркихъ сторонахъ героизма, высокихъ подвиговъ, рыцарскихъ чувствъ и самопожертвованія. Всѣ разнообразныя виды благородства переживаются обыкновенно въ видѣ ощущеній, стремленій, желаній сердца, а великіе подвиги свершаются только въ воображеніи. Тотъ самый ребенокъ, которому такъ тщательно внушаютъ идеи безкорыстія и самопожертвованія, не подѣлится ни съ кѣмъ даже пряникомъ. Что значитъ въ дѣйствительности подвиги самопожертвованія и героизма, какой затраты силъ—и какихъ силъ!—они требуютъ, привычку къ какимъ нравственнымъ и физическимъ страданіямъ они должны создать, этого обыкновенно будущіе герои даже и не предполагаютъ. А не предполагаютъ они потому, что, въ сущности, ихъ не воспитываютъ въ чувствахъ и ощущеніяхъ благородства и самопожертвованія. Ихъ воспитываютъ только въ понятіяхъ, въ головныхъ ощущеніяхъ. О благородныхъ подвигахъ они слышатъ лишь на словахъ, а сердца ихъ ими не трогаютъ: Дѣтямъ или твердятъ: будь честенъ, правдивъ, благороденъ, и подгоняютъ ихъ на нравственное поведеніе самолюбіемъ и наказаніемъ, или же стараются устыдить фразами вроде: «фи, какъ это не хорошо». И, въ то же время, ни разу во всю дѣтскую жизнь не согрѣютъ дѣтскаго сердца ощущеніемъ дѣйствительнаго великодушія, правды, благородства и любви. Головные чувства, осуществляемые только въ головномъ представленіи подвиговъ, а не самыя чувства и не практика подвиговъ,— вотъ область, въ которой формируется обыкновенно дѣтскій нравственный организмъ.

Будетъ ли ребенокъ воспримчивъ чувствомъ или же только заучать понятія о добрѣ и благородствѣ—въ томъ и другомъ случаѣ характеръ, способный на истинное самопожертвованіе и подвижничество, у него не сформируется. Подобныя характеры создаются не фантазіей, не жизнью только въ представленіи красивыхъ сторонъ подвиговъ и своего собственнаго я въ видѣ центральной фигуры. Первые же препятствія и практическіе уроки сломятъ такой организмъ, не приготовленный къ борьбѣ, подавятъ его не сформировавшуюся энергію и не установившуюся мысль, пытавшуюся только воображеніемъ и безпредметными ощущеніями и стремленіями.

Центральное я, въ которомъ такъ усиленно насъ растутъ, и мечты о личномъ счастьи, которыя развиваются тоже изъ этого способа воспитанія, совсѣмъ вынимаютъ изъ-подъ ногъ почву дѣйствительности. Это усиленное я имѣетъ привычку требовать себѣ всего въ слишкомъ большихъ количествахъ, иногда далеко не соотвѣтственно своимъ правамъ и силамъ, а на личное счастье имѣетъ слишкомъ своеобразный взглядъ. Личное счастье не есть что-либо готовое и блестящее вроде свадебнаго подарка или готоваго храма, въ который достаточно только войти, чтобы погрузиться въ наполняющее его блаженство. Такое счастье фабрикуется лишь въ нашемъ во-

ображеніи и въ готовомъ видѣ его на свѣтѣ нѣтъ. Счастья нѣтъ предвзятого и заранѣе задуманнаго. Оно создается всею жизнью и составляетъ ея итоги, т. е. все то, что мы получимъ отъ жизни. Иванъ Гусь подвелъ итогъ своему счастью на кострѣ, а Вашингтонъ оцѣнилъ свое счастье только на смертномъ одрѣ въ томъ всеобщемъ почтеніи и удивленіи, которыя его окружали. Вотъ какое разное бываетъ счастье.

Счастье создается изъ отдѣльныхъ удовлетвореній нашихъ стремленій и желаній; оно какъ цвѣты разсѣяно по пути жизни, которые мы встрѣчаемъ и собираемъ. Но какъ каждый идетъ своею дорогой, то и цвѣты онъ собираетъ только тѣ, которые растутъ на его дорогѣ. Поэтому у каждаго свое счастье, о которомъ онъ вполнѣ узнаетъ только въ концѣ своего пути. Кто ищетъ много счастья — ничего не найдетъ. Путемъ своей жизни Иванъ Гусь пришелъ къ костру, а Вашингтонъ — къ безмятежности и спокойствію, окруженный ореоломъ славы и всеобщаго благоговѣйнаго почтенія. И, зная, что наше счастье есть то, что мы сами соберемъ на пути своей жизни, каждому не трудно опредѣлить хотя приблизительно ожидающее его счастье.

Не такъ, однако, поступали тѣ, кто входилъ въ жизнь съ мечтами о счастья, какъ о блаженствѣ, которое должно снизойти съ облаковъ. Не такъ поступали и тѣ, кто вступалъ въ жизнь съ мечтами о великихъ подвигахъ, способныхъ что-то обновить или создать. Розовыя мечты, приуроченныя къ преувеличенному я, для красиваго и блестящаго счастья котораго все должно служить, оказались лишь плодами воображенія. И это было тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ ярче разрисовывала фантазія блестящую картину счастья, лежащаго впереди. Никакая мысль о страданіи, лишеніяхъ, трудностяхъ не смущала молодого порыва. Само слово счастье не ширилось съ мыслью о страданіи. И развѣ въ страданіи и лишеніяхъ можетъ быть счастье? Развѣ счастье можетъ быть страданіемъ? И вотъ, когда на томъ самомъ пути, на который выступилъ человекъ, счастье оказалось только въ страданіяхъ и лишеніяхъ, когда яркія картины воображенія смѣнились совсѣмъ непохожей на нихъ дѣйствительностью, — сорвалось слово проклятія своей собственной молодости и все, что было въ ней свѣтлаго и чистаго, всѣ ея лучшія идеи, желанія и стремленія были обозваны безуміемъ. Другіе же, для мечтательныхъ подвиговъ которыхъ арена жизни оказалась мало пригодной, приходили еще и къ худшему результату.

У Спенсера есть превосходное опредѣленіе граціи. Грація, — говоритъ онъ, — есть экономія силъ. Именно этой-то граціи, этой экономіи силъ у насъ ни въ чемъ и никогда не замѣчалось. Каждое наше отдѣльное я отдавало всегда страстно своимъ мыслямъ, желаніямъ, чувствамъ, мечтамъ и затрачивало на нихъ гораздо больше энергіи, чѣмъ было нужно. Всѣ свои душевныя силы это страстное я отдавало одному дѣйствію, одному какому-либо душевному состоянію или порыву. Весь запасъ ихъ уходилъ на одно. Силъ ли неоставало на урновѣшенную работу чувствъ и идей, или этихъ чувствъ и идей было мало, такъ что на нихъ неизбѣжно сосредоточивались

всѣ силы, вся энергія, для результатовъ было безразлично, потому что всегда получалась какая-нибудь преувеличенность, что - нибудь окрашенное болѣе яркими красками, чѣмъ какія требовались по существу работы или дѣйствія. Самымъ простымъ, естественнымъ чувствамъ придавалась возвышенность и самыя простыя дѣла возводились въ подвиги, а приподнятое я создавало само себѣ удовлетвореніе въ признаніи собственного героизма и въ ощущеніи производимаго имъ сіянія.

Эта односторонность, сосредоточенныя на себѣ все силы, происходила только оттого, что истинное общественное я являлось у насъ лишь въ видѣ передовыхъ силъ, а въ общемъ, въ массѣ, стояло только личное я, знавшее лишь личныя побужденія, жившее личными чувствами, личными мечтами, личными стремленіями, на которыя и уходили всѣ силы. Почувствовавъ себя, это я и не могло не протираться впередъ на первое мѣсто, потому что ничѣмъ другимъ оно и не могло заявить о своемъ личномъ достоинствѣ.

Въ сущности, это было не аристократическое движеніе мысли, а первое пробужденіе сознанія собственного я, — то сознаніе своего личного достоинства, которое явилось реакціей обезличеннаго дореформеннаго я. Это былъ первый шагъ къ общественности, первый моментъ нашего общественнаго пробужденія, — моментъ, изъ котораго мы и до сихъ поръ еще не вышли.

Неудовлетвореніе, которое почувствовало личное я, должно было неизбежно явиться. И въ самомъ дѣлѣ, устремившись создать себѣ положеніе и личное достоинство, я могло искать этого только въ личномъ удовлетвореніи, и вотъ оно направилось за личнымъ счастьемъ, котораго, однако, не нашло потому, что счастья этого тамъ никогда и не было, гдѣ его искали. Почувствовавъ свой ростъ и желая занять свое мѣсто, это личное я опять забыло, что рядомъ съ нимъ стоитъ такое же я, которое ищетъ того же. Наконецъ, дѣлая первый шагъ къ общественности и чувствуя только себя, одинокое и выдѣлившее себя изъ другихъ, я и должно было искать опоры лишь въ своихъ силахъ, въ своемъ собственномъ сосредоточеніи. Отсюда преувеличеніе собственного я и преувеличенное представленіе подвига.

А, между тѣмъ, только подвигомъ и могла пока твориться русская общественная жизнь, только имъ она и могла двигаться впередъ. И, въ то же время, подвигъ заключался какъ разъ не въ томъ, въ чемъ его видѣло преувеличенное я. Отъ этого и подвигъ не получался, а получилось лишь разочарованіе въ общественныхъ силахъ, безнадежность и упадокъ духа и энергіи. На пути къ подвигу оказалось такое же разочарованіе, какое оказалось и на пути къ счастью, ибо путь къ счастью есть только путь подвига. У нихъ одна дорога и одни и тѣ же цвѣты растутъ на ихъ общемъ пути.

Великіе подвиги возможны только въ великія времена, а великіе времени зависятъ отъ величія его задачъ. Недавнее наше реформенное время было однимъ изъ подобныхъ великихъ временъ. Задачи его разрѣшили коллективныя умственные усилія, созданныя и коллективный подвигъ. Въ наступившее теперешнее время возможна тоже только коллективная работа, въ

которой каждое отдѣльное я какъ бы исчезаетъ въ общемъ результатѣ. И работа эта хотя и незамѣтна для глазъ, но такъ или иначе свершается. Свершается незамѣтное движеніе для улучшенія формъ жизни и также незамѣтно готовится лучшее содержаніе для этихъ будущихъ улучшенныхъ формъ. Личный подвигъ возможенъ только для втораго случая, въ той области поведенія, гдѣ личное я, не умѣющее найти себѣ точки опоры, проситъ научить его, что читать и что дѣлать.

Въ этой области нѣтъ мѣста ни для широкихъ мечтаній, ни для блестящихъ подвиговъ величія, которые выдѣляли бы я въ центральную фигуру, стоящую на высотѣ, окруженную сіяніемъ и возбуждающую удивленіе и поклоненіе, если и не толпы, то хотя извѣстной группы людей. Но подвигъ, все-таки, остается подвигомъ. Подвигъ будетъ въ томъ, что для кажущагося простаго, обыденнаго и домашняго дѣла требуется имѣть силы, проникнуться идеей блага, справедливости и любви, требуются люди не съ личнымъ я, мечтающимъ о личномъ счастьи и личномъ удовлетвореніи, а люди съ общественнымъ я, для котораго и личное счастье, и подвигъ есть трудъ на пользу общественную, направляемый общественною идеей. Уйти въ деревню, чтобы жить «своимъ хлѣбомъ», еще не значитъ свершить общественный подвигъ,—подобный хлѣбный подвигъ свершается и всякій кулакъ. Въ еврейскихъ мѣстечкахъ (евреи, какъ извѣстно, любятъ лечиться) стали теперь заводиться вольные доктора, «служащіе» деревнѣ и народу. «Интеллигентъ», выдавленный жизнью изъ «мѣста» въ городѣ, пошелъ на «мѣсто» въ деревнѣ. Но развѣ это подвигъ? Если это «подвигъ», то такой же подвигъ свершается и всякій, кто живетъ «вольнымъ трудомъ» и создаетъ себѣ «свой хлѣбъ». Тутъ только купля и продажа, тутъ лишь экономическое дѣйствіе. Подвигъ заключается въ идейномъ поведеніи, въ чувствахъ, воодушевляющихъ на задачи «высшаго порядка», которыя руководятъ всѣмъ поведеніемъ и даютъ ему общественный, человѣческій смыслъ.

И едва ли для этого нужны шумъ и блескъ, едва ли для этого нужно подниматься на цыпочки, едва ли человекъ, который знаетъ, что счастье и подвигъ составляютъ лишь то, что мы собираемъ на собственномъ общественномъ пути, станеть искать и ожидать отъ своей жизни чего-нибудь другаго, кромѣ того, что онъ только можетъ найти на этомъ пути.

Въ Одессѣ умерла не такъ давно въ больницѣ совсѣмъ еще молодая фельдшерница Зинаида Александрова. Умерла она всего 23-хъ лѣтъ, заразившись сапомъ на бактериологической станціи. Это была скромная, хорошая женщина, посвятившая свою жизнь скромному, хорошему дѣлу.

Родилась Александрова въ бѣдной землянкѣ, отъ бѣдныхъ родителей. Уже шести лѣтъ она просила настойчиво свою мать отдать ее въ школу. Кончивъ народное училище, она стала думать о самостоятельномъ трудѣ и о «разумной жизни». Мать дальнѣйшаго образованія давать ей не хотѣла, тогда энергичная дѣвочка принялась учиться сама, и при выборѣ «дѣла» остановилась на «Красномъ Крестѣ» и званіи фельдшерницы. Но чтобы поступить въ расадникъ сестеръ «Краснаго Креста», нужно было знать боль-

ше, чѣмъ даетъ народная школа. Самообразование помогало мало. На счастье дѣвушки, нашелся для нея хорошей бесплатный учитель (такой ужъ путь этого счастья, что часто находится рука, которая поддержитъ и проведетъ) и, выдержавъ экзамень, она поступила въ разсудникъ.

Экзамень и приготовленіе къ нему были рѣшающимъ моментомъ въ жизни Александровой. Насколько энергично и настойчиво она стремилась къ своей цѣли, настолько же неотвязчиво тревожила ее мысль: «а что же тогда, когда я не выдержу экзамена?» И въ ней шевельнулась мысль о самоубійствѣ. Когда экзамень сошелъ хорошо и когда она была принята въ разсудникъ, она объявила своимъ домашнимъ, что если бы случилось иначе, то ее едва ли бы увидѣли больше. На восклицаніе брата: «что ты, Богъ съ тобой!» дѣвушка отвѣтила дрожащимъ голосомъ: «А то со мной, что совѣсть моя не позволила бы мнѣ тянуть эту канитель: если я не годна для жизни, то должна сама себя выбросить за бортъ, потому что безъ смысла и пользы жить невыносимо...»

Наши Александры Македонскіе печати разрѣшили бы этотъ вопросъ, конечно, просто. Какъ вообще въ самоубійствахъ виноваты журнальныя статьи, такъ въ настоящемъ случаѣ виноваты несомнѣнно недостатокъ чувства жизни и упадокъ энергій. Такъ! Но дѣло вотъ еще въ чемъ. Передъ нами дѣвушка необыкновенно добрая, сочувствующая всякому страданію и желающая помогать именно страждущимъ. Этотъ инстинктъ ея сердца и направилъ ее въ сестры милосердія и въ фельдшерницы. Если бы дѣвушка покончила съ собою, то съ моральной точки зрѣнія поступокъ ея заслуживалъ бы, конечно, порицанія. Вѣдь, не всѣ же пути жизни передъ нею закрылись. Она могла бы быть телеграфисткой, могла служить въ конторѣ, сидѣть въ кондитерской, могла остаться въ семьѣ попечительною дочерью и помощницею своей матери, могла выйти замужъ и быть доброю женою и воспитательницею своихъ дѣтей. Выходовъ въ жизни много. Но вопросъ въ томъ, что только одинъ путь отвѣчалъ ея инстинктамъ, движенію мысли, стремленіямъ сердца и другихъ подобныхъ же путей, между которыми оказывался бы возможнымъ выборъ, никакихъ не открывалось. Жизнь завязывалась въ очень тѣсный узелъ, и при видѣ этого узла можетъ возникнуть вопросъ не о томъ, что Александрова такъ легко склонилась къ мысли о самоубійствѣ, а о томъ, что при недостаткѣ выходовъ къ жизни возникаетъ легко мысль о самоубійствѣ.

Александрова была истинною сестрой милосердія, не только доброю, внимательною, но и геройски самоотверженною. Она радовалась, когда ее назначали въ заразную палату, и, точно наслаждаясь опасностями, которыя въ ея собственныхъ глазахъ придавали цѣну ея сердоболію, рассказывала при вступленіи въ заразное отдѣленіе, что пока она только въ дифтеритномъ, а потомъ пройдетъ тифозное и рожистое, въ которомъ придется ухаживать за больными сибирскою язвой, садомъ и проч. Вступивъ въ тифозное отдѣленіе, она писала: «Мнѣ такъ нравится работать въ тифозной палатѣ, что я непременно пробуду здѣсь мѣсяцевъ четыре или пять; нравится потому,

что бывают очень рѣдкіе случаи смерти и сравнительно скоро выздоравливаютъ больные. Эти больные почти не требуютъ леченія, а только ухода, такъ что на обязанности сестры лежить отъ малаго до большаго знать, что дѣлается съ больнымъ». Видите, какъ просто. Ни малѣйшаго подчеркиванья, ни малѣйшаго желанія рисоваться; человекъ дѣлаетъ свое дѣло, проникнутый святымъ чувствомъ помощи страждущимъ, помогаетъ имъ — и только.

Вотъ еще характерное мѣсто изъ одного ея письма къ брату: «... Мнѣ очень бываетъ грустно и больно за тебя, что ты такъ много страдаешь, и мнѣ кажется, что я даже не вправѣ быть счастливой, когда ты несчастенъ. Не будетъ у меня счастья (она выходила замужъ), когда я буду видѣть, что мои близкіе страдаютъ. Совершенно счастливой я чувствовала бы себя тогда, когда бы все человечество не страдало; а такъ какъ это невозможно, то пусть хоть мои близкіе не страдаютъ». И здѣсь опять все просто, какъ была проста и вся ея жизнь. Просто она ходила за больными, просто ихъ перевязывала, просто давала лѣкарство, просто слѣдила за всѣми пережѣнами у больныхъ и выздоравливающихъ, все дѣлала она просто.

Такъ же просто, но отдавая всѣ свои силы, она работала на бактериологической станціи и въ будни, и въ праздники, готовя субстраты, и радовалась, что скоро будутъ прививать сибирскую язву и чахотку людямъ, также просто и не подозрѣвая того, что она во время одной работы заразилась сапомъ и умерла въ разцвѣтѣ своихъ молодыхъ силъ 23 лѣтъ. «Девять дней провела она въ страшныхъ мукахъ, и въ тѣ минуты, когда утихала ея мучительная боль, она не выражала отчаянія, что разстается съ жизнью, хотя знала, что, кромѣ смерти, ей нѣтъ другаго исхода, она безпокоилась только о томъ, что ея болѣзнь и смерть причиняютъ страданія ея близкимъ».

Ну, вотъ и вся жизнь, всѣ дѣла этого истинно общественно-нравственнаго человека. Думалъ онъ такъ, какъ слѣдуетъ думать каждому, и поступалъ такъ, какъ при подобномъ думаньи только и можно поступать.

На этомъ я и кончу, не возвращаясь больше, въ видѣ заключенія, къ тенденціознымъ и полемическимъ объясненіямъ причинъ самоубійствъ, которыхъ нельзя было оставить безъ возраженій. Нѣтъ во всемъ этомъ ни пессимистическаго общественнаго настроенія, ни разочарованія въ дѣйствительности, а ужъ тѣмъ болѣе нѣтъ и тѣни «пагубныхъ заблужденій, которыя порою эпидемически охватываютъ цѣлыя общества». Никакими дѣйствительными фактами эти соображенія не подтверждаются и разлетаются, какъ картонный домъ, даже при самомъ легкомъ анализѣ. Вообще къ такимъ сложнымъ явленіямъ, какъ нашъ современный общественно-психическій моментъ, нельзя подходить только съ мечомъ Александра Македонскаго или же во всѣхъ злосчастіяхъ Россіи обвинять лишь своихъ противниковъ по печати. Этимъ способомъ мало ли до чего можно договориться.

Н. Ш.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Миеология и этнографія.

I.

Давно уже въ нашей литературѣ была высказана мысль о необходимости измѣнить приемы истолкованія миеовъ, установленные Марсомъ Мюллеромъ, Кунемъ и другими, разстаться съ тою исходною точкой зрѣнія, отъ которой отправляются миеологи при изученіи матеріала, представляемаго миеами,—словомъ, создать новый методъ, такъ какъ примѣненіе прежняго метода по временамъ оказывается настолько нелѣпымъ, что производить на непредубѣжденныхъ людей смѣхотворное впечатлѣніе. Мысль эта была высказана въ статьѣ А. Н. Веселовскаго *Сравнительная миеология и ея методъ*. Это было нѣчто вродѣ призыва, обращеннаго къ миеологамъ, причемъ авторъ не ограничился требованіемъ пересмотра метода и основныхъ вопросовъ миеологии, но далъ и нѣкоторыя указанія относительно новаго метода и новой постановки вопросовъ. «Только собирательное изученіе повѣрій и обрядовъ,—говорилъ тогда А. Н. Веселовскій,—подарить насъ современемъ наукой миеологии, какъ подобное же изученіе сказокъ и легендъ создастъ науку народно-повѣствовательной литературы» *). Первую часть своей программы А. Н. Веселовскій мотивируетъ далѣе слѣдующимъ образомъ: «Обряды, привязанные къ извѣстнымъ отношеніямъ пастушескаго или земледѣльческаго быта, всегда были общимъ достояніемъ народа, выражая присущую ему потребность—идеализировать обиходную сторону своей трудовой жизни. О нихъ невозможно предположить, чтобы они были переняты отъ кого-нибудь; они такъ крѣпко приросли къ самому быту, что могли быть заимствованы только вмѣстѣ съ нимъ; но быть не заимствуется, а создается,—и мы принуждены искать начало нашихъ обрядовъ при началѣ цивилизации, когда обряды были вмѣстѣ и религіей, выражали практическую сторону миеа. И такъ, отъ обряда, обрядовой пѣсни, заговора—долженъ отправиться изслѣдователь, желающій возсоздать общія черты древнѣйшей миеологии, причемъ все равно, вздумаетъ ли онъ ограничиться одною на-

*) *Вѣстникъ Европы* 1878 г., октябрь, стр. 641.

родною особью или распространить свое обозрѣніе на вѣрованія цѣлой расы. Только придя къ нѣкоторымъ цѣльнымъ выводамъ, на основаніи указанныхъ матеріаловъ, можетъ онъ обратиться къ другимъ родамъ народной поэзіи, наприм., сказкамъ, отыскивая въ нихъ тѣ же мотивы, слѣды той же мифологической системы» *).

Около 15-ти лѣтъ прошло съ того времени, какъ были напечатаны эти строки, а, между тѣмъ, поворота въ области мифологіи не замѣчается. Все еще признается догматомъ, что въ мифахъ рѣчь идетъ о явленіяхъ вышней природы и преимущественно небесныхъ. Вотъ почему и донинѣ повторяются старыя положенія; что въ мифахъ олицетворены въ человѣческихъ образахъ божественныя силы природы **), что «старинныя религіозныя игрища и богослужебныя обряды возникли изъ подражанія тѣмъ дѣйствіямъ, какія первобытныя племена созерцали на небѣ» ***).

Громадные успѣхи сдѣлало въ послѣдніе годы сравнительно-историческое изученіе народныхъ сказаній, и можно сказать, что вторая часть приведенной выше программы А. Н. Веселовскаго, а именно—«созданіе науки народно-повѣствовательной литературы» посредствомъ сравнительнаго изученія сказокъ и легендъ, почти осуществлена и, притомъ, въ значительной мѣрѣ трудами рукъ виновника этой программы. Но результаты, къ которымъ пришли историки литературы, если и способствовали сокрушенію зданія, сооруженнаго мифологами старой школы, все-таки, не дали, какъ мы увидимъ ниже на одномъ частномъ примѣрѣ, новаго метода для объясненія мифовъ, и поскольку мифологія остается мифологіей, она продолжаетъ оперировать прежними средствами. Такъ называемая теорія «небесныхъ, облачныхъ коровъ» хотя и распатана въ значительной мѣрѣ, но до настоящаго времени ничѣмъ другимъ равносильнымъ, въ сущности, не замѣнена.

Упомянувъ объ этой теоріи, мы не можемъ не сдѣлать здѣсь о ней замѣчанія по существу. Замѣчаніе это, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужитъ введеніемъ въ предметъ нашей статьи.

Мифологи старой школы прекрасно знали, что «для племенъ пастушескихъ,—а такими были всѣ племена въ отдаленную эпоху доисторическаго существованія,—богатство заключалось въ стадахъ и ими измѣрялось ****), а, между тѣмъ, они повсюду, гдѣ въ мифахъ шла рѣчь о быкахъ, дойныхъ коровахъ и молокѣ, подразумѣвали облака, тучи, дождь. Уже А. Н. Веселовскій, въ цитированной выше статьѣ по поводу этого приѣма истолкованія мифовъ, указалъ на то, что облачные мифы несомнѣнно играли большую роль «при началѣ разныхъ мифологій», но что они были не единственные и что рядомъ съ облачными мифами несомнѣнно существовали циклы мифовъ о животныхъ, о растеніяхъ и т. д. *****). Мы идемъ далѣе и утверждаемъ,

*) Ibid., 651.

**) *Аванасевъ*: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“. 1865 г., 1, стр. 89.

***) Idem, III, стр. 482.

****) *Аванасевъ*, I, стр. 58.

*****) *Вѣстникъ Европы* 1873 г., октябрь, стр. 655 и 656.

что при данныхъ условіяхъ жизни, т.-е. при господствѣ пастушескаго быта, гораздо менѣе могла идти рѣчь о небесныхъ и гораздо болѣе о земныхъ коровахъ и быкахъ. Въ справедливости этого положенія легко убѣдиться, между прочимъ, изъ слѣдующихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о психической дѣятельности пастушескихъ народовъ и о наиболѣе любимыхъ предметахъ ихъ размышленій и бесѣдъ. У нѣкоторыхъ африканскихъ пастушескихъ народовъ, — говоритъ Ратцель, — по крайней мѣрѣ, 99%, всѣхъ ихъ разговоровъ вертится около скота, его происхожденія, привычекъ, достоинствъ и недостатковъ. Такъ, напримѣръ, гереры, которые не нашли нужнымъ установить въ своемъ языкѣ слова для обозначенія небесной лазури и зеленой травы, имѣютъ слова для точнѣйшаго обозначенія всякаго оттѣнка, всякаго отличія въ окраскѣ овецъ и козъ. На такую же черту въ языкѣ динковъ указалъ и Швейнфуртъ. Если мимо этихъ первобытныхъ людей прогоняютъ чужое стадо, то среди нихъ поднимается горячій споръ о цвѣтахъ каждой штуки скота, причѣмъ вопросъ этотъ обсуждается съ самою основательною ученостью. Такое же вниманіе удѣляется росту животныхъ, ихъ рогамъ, тому, какъ идутъ искривленія, и если затеряна штука скота, то ищущій ее пастухъ изобразить ее по цвѣту, походкѣ, величинѣ и формѣ роговъ и по многимъ другимъ мелкимъ признакамъ такъ, что свѣдущій человѣкъ найдетъ ее среди тысячи штукъ. Когда эти народы предаются увеселеніямъ и пляскѣ, то опять-таки они не занимаются ничѣмъ инымъ, какъ подражаніемъ манеръ скота. Подуприподнятыми руками они копируютъ искривленные рога, — туловище качается то въ одну, то въ другую сторону, какъ это дѣлаютъ бараны во время ходьбы, и всѣ радуются, когда кому-либо изъ пляшущихъ удастся воспроизвести своими движеніями славнаго быка такъ, чтобы всѣ его узнали по первому взгляду *). Такъ какъ молоко составляетъ основу питанія пастушескихъ народовъ, то все, что относится къ молоку и доенію, разсматривается какъ нѣчто святое, и относительно этой процедуры установленъ рядъ обычаевъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго **).

Намъ кажется, что эти данныя, доставляемыя сравнительною этнографіей, наиболѣе убѣдительнымъ образомъ показываютъ, что въ мифахъ пастушескихъ народовъ играютъ роль не небесные быки и коровы, а земные, и что вообще при разъясненіи народной мысли, заключающейся въ мифическихъ сказаніяхъ и въ религиозныхъ обрядахъ, слѣдуетъ призвать на очную ставку данныя сравнительной этнографіи. Тогда и самые мифы и сохранившіяся до нынѣ обрядовыя дѣйствія послужатъ обильнымъ источникомъ для ознакомленія съ такими чертами народной жизни, о которыхъ прямыхъ данныхъ не сохранилось. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что нѣкоторыя явленія внѣшней природы были предметомъ думъ первобытнаго человѣка и олицетворены въ мифахъ, но уже изъ только что сказаннаго о бытѣ пасту-

*) *Ratzel*: «Völkerkunde». 1885, I, S. 206, 206.

**) *Idem*, I, S. 207.

эпических народов несомненно вытекаетъ, что явленія земной жизни не входятъ въ мифическія сказанія лишь въ видѣ прибавочныхъ чертъ, какъ это допускается и мифологами прежней школы, а находятъ полное выраженіе въ народныхъ сказаніяхъ, празднествахъ и обрядахъ.

Въ нижеслѣдующемъ мы представимъ нѣсколько примѣровъ примѣненія только что указаннаго метода истолкованія мифовъ. Примѣры выбраны случайно и ими, конечно, далеко не исчерпываются тѣ матеріалы, которые могутъ быть представлены мифами для ознакомленія съ народнымъ бытомъ въ наиболѣе раннюю стадію его развитія.

II.

Въ нашихъ работахъ по этнографіи и исторіи культуры намъ не разъ приходилось касаться значенія мифической личности Гермеса. Онъ является излюбленнымъ героемъ греческихъ народныхъ сказаній и художественныхъ произведеній. Обращаясь къ мифологамъ за разъясненіемъ, что такое или кто такой Гермесъ, мы находимъ, что наиболѣе существенныя черты, разъясняющія его дѣйствительное значеніе въ народной жизни Греціи, отодвинуты на задній планъ, а выдвигаются мифологами такія черты, которыя едва ли имѣлись въ виду слагателями греческихъ мифовъ, — скажемъ болѣе, — которыя предполагаютъ въ греческомъ народѣ такую наблюдательность по отношенію къ явленіямъ природы, какую и теперь можно встрѣтить лишь среди набившихъ руку мифологовъ. Гермесъ, объясняетъ Преллеръ, это извѣстное состояніе свѣта и воздуха и является то въ видѣ помрачающихъ облаковъ и тумановъ, за которыми слѣдуетъ оплодотворяющій дождь, то въ видѣ ночной темноты, которая похищаетъ дневной свѣтъ, то, наоборотъ, въ формѣ игры утреннихъ сумерекъ, при которыхъ тускнутъ небесныя свѣтила. Такія-то наблюденія дѣлали, по мнѣнію Преллера, первобытные греки, и эти наблюденія привели ихъ умъ и фантазію къ созданію мифовъ объ оплодотворяющей и вѣчно работающей силѣ, производящей самымъ незамѣтнымъ образомъ явленія чрезвычайнаго свойства *). Сказаніе о похищеніи Гермесомъ стада Аполлона, игравшее большую роль въ поэтическихъ произведеніяхъ грековъ, наиболѣе правильно, по мнѣнію Преллера, можетъ быть истолковано постоянною игрой свѣта и мрака, происходящею каждое утро и каждый вечеръ и представляющеюся непостижимымъ чудомъ для первобытнаго ума. Это—объясненіе сущности сказанія. А вотъ объясненіе подробностей. Гермесъ, съ наступленіемъ сумерекъ, уходитъ изъ своей пещеры, уводитъ овецъ, пасущихся на лучезарной небесной горѣ, скрываетъ ихъ на западной окраинѣ Греціи, въ Пилосской пещерѣ (эта пещера, прибавляетъ Преллеръ, всегда напоминала грекамъ мракъ и подземныя врата), для того, чтобы съ наступленіемъ утра снова удалиться въ свою пещеру, подобно воздуху, подобно тонкому туману. При первомъ появленіи

*) *Preller: Griechische Mythologie. 1872, I, S. 308.*

утренних лучей Аполлонъ отправляется въ путь, чтобы найти и забрать овецъ *). Словомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ природы, правильно повторяющимся.

На нашъ взглядъ, это объясненіе и многія другія были бы очень красивы и, пожалуй, весьма поэтичны, если бы они дѣйствительно соответствовали смыслу народныхъ сказаній, а не были бы натянутыми комментаріями, созданными по извѣстному шаблону, по которому всѣ мифическія явленія совершаются на небѣ, а не на землѣ, какъ это требуютъ народныя сказанія о Гермесѣ. Хуже всего то, что этихъ объясненій значенія Гермеса никоимъ образомъ нельзя примирить ни съ качествами, приписываемыми Гермесу, ни съ содержаніемъ разныхъ народныхъ сказаній, героемъ которыхъ является Гермесъ. Преллера нисколько не удивляетъ, что Гермесъ является оплодотворяющею силой, что онъ хитеръ, изобрѣтателенъ, вслѣдствіе чего его считали покровителемъ воровъ и купцовъ, поэтовъ и мыслителей **). Эти эпитеты и качества, по мнѣнію Преллера, какъ разъ подходятъ къ воздуху, претерпѣвающему различныя превращенія. Не смущаетъ его и то, что на Гермесѣ, по народнымъ сказаніямъ, лежитъ забота о домашнемъ скотѣ и даже о дикихъ животныхъ ***). Это, конечно, воздухъ. Жертвоприношеніе Гермесу въ случаяхъ смерти и сооруженіе на могилахъ извѣстныхъ знаковъ, носившихъ названіе гермовъ ****), опять-таки, повидимому, не противорѣчитъ истолкованію значенія Гермеса, хотя немиеологу весьма трудно было бы приурочить Гермеса въ видѣ воздуха къ смерти и надгробнымъ памятникамъ. Еще труднѣе было бы немиеологамъ приурочить обоготвореніе воздуха греческимъ юношествомъ въ гимназіяхъ и устройство празднествъ и состязаній въ честь его *****). Какой смыслъ можетъ имѣть покровительство Гермеса въ воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденіяхъ?

Мы нагромодили сомнѣнія и вопросы и теперь намъ приходится разобратъ эту путаницу, расбѣять тотъ туманъ, съ помощью котораго миеологи заслоняютъ истинный смыслъ греческихъ народныхъ сказаній о Гермесѣ и ему подобныхъ герояхъ въ сказаніяхъ другихъ народовъ. Все это, по нашему мнѣнію, весьма легко сдѣлать, если вспомнимъ, что явленія, описываемыя въ народныхъ сказаніяхъ о Гермесѣ, происходятъ на землѣ, а не на небѣ.

Если рассмотримъ всю совокупность греческихъ народныхъ сказаній о Гермесѣ, то увидимъ, что въ Гермесѣ дѣйствительно олицетворены различныя бытовыя явленія, совершавшіяся на мѣстахъ, обставленныхъ гермами, точно также какъ въ сказаніяхъ объ Аресѣ и Марсѣ сгруппированы всевозможныя явленія военной жизни, а въ сказаніяхъ объ Афродитѣ и Ве-

*) Idem, I, S. 316, 317.

***) См., между прочимъ, *Preller*, I, S. 308, 327.

****) Idem, S. 322.

*****) Idem, S. 330.

*****) Idem, S. 336, 337.

нерѣ—различныя явленія половой жизни. Сказанія о Гермесѣ, съ одной стороны, могутъ быть объяснены извѣстными намъ данными сравнительной этнографіи, а съ другой—подкрѣпляютъ и дополняютъ эти данныя. Эти мнимыя миры о явленіяхъ, будто бы происходившихъ въ воздухѣ, являются на самомъ дѣлѣ свидѣтельскими показаніями о томъ, что происходило въ раннюю пору жизни человѣческихъ общинъ и о чемъ исторія повѣствуетъ въ весьма микроскопическихъ дозахъ.

Изъ сравнительной этнографіи мы знаемъ, что за предѣлами первобытныхъ поселеній, между владѣніями различныхъ племенъ, существуютъ большія или меньшія пространства земли, играющія роль нейтральныхъ полосъ. Эти-то мѣста являются то въ видѣ пастбищъ для скота, то въ видѣ кладбищъ, то въ видѣ площадей для торговли и народныхъ собраній, то въ видѣ мѣстъ для игры и забавы. Здѣсь-то возникаютъ храмы, гимназій, устраиваются торговые ряды, ремесленныя заведенія; здѣсь же встрѣчаются представители разныхъ племенъ, совѣщаются, мирятся, воюють. Эти нейтральныя мѣста, эти поля съ большимъ или меньшимъ протяженіемъ, перемежающіяся лѣсами, являются на первобытныхъ ступеняхъ культуры свидѣтелями выдающихся событій междуплеменной жизни: и увода скота, и похищенія женъ у сосѣдняго племени, и опаживанія извѣстнаго поселенія для огражденія его отъ вторженія заразы, и междуплеменныхъ собраній для торговыхъ или политическихъ цѣлей, для совершенія религіозныхъ обрядовъ, для увеселенія и т. п. Въ народныхъ сказаніяхъ о Гермесѣ идетъ рѣчь именно объ этихъ бытовыхъ явленіяхъ, происходящихъ на пограничныхъ мѣстахъ, на нейтральныхъ полосахъ, на обширныхъ площадяхъ, на кладбищахъ, въ лѣсныхъ чащахъ, на холмахъ, на большихъ дорогахъ,—словомъ, тамъ, гдѣ у грековъ возводились гермы. Вотъ почему о Гермесѣ разсказывается, какъ о похитителѣ стадъ, какъ о покровителѣ пастбищъ, скотоводства *), охоты **). Вотъ почему ему приписываются воровскія способности и, въ то же время, живость, хитрость, краснорѣчіе ***). Въдѣ, на этомъ полѣ, какъ мы уже сказали, совершаются торговыя сдѣлки, происходятъ междуплеменные совѣщанія. Вотъ почему символомъ Гермеса часто является жезлъ герольда, призывающаго народныя собранія и возвѣщающаго ихъ рѣшенія, заостренные камни, ставящіеся на могилахъ вдоль дорогъ, или деревянные столбы, на которыхъ изображался *fallus*, какъ виновникъ браковъ посредствомъ умычки, или змѣеобразная палка, имѣющая тотъ же смыслъ, или четырехугольные столбы, или, наконецъ, гермы съ овномъ или козломъ ****). Вотъ почему, въ случаѣ смерти, приносились жертвы Гермесу; ему же были посвящены поминальные дни *****).

Послѣ этого объясненія греческихъ сказаній о Гермесѣ окажутся менѣ

*) *Preller*, I. S. 310, 312, 313, 314, 318, 321.

***) *Idem*, S. 326.

****) *Idem*, S. 327, 328.

*****) *Idem*, I. S. 324, 325, 334, 340.

*****) *Idem*, I. S. 330.

поэтическими, но за то болѣе вѣрными. Многіе останутся, конечно, миеажи, т. е. наблюдавшіяся людьми обычныя явленія жизни приписаны народною фантазіей дѣятельности одного лица, но явленія эти почерпнуты изъ жизни людской, земной, а не атмосферической. Народное сказаніе о Гермесѣ передаетъ, напримѣръ, что онъ былъ рожденъ на свѣтъ рано утромъ, къ полдню онъ изобрѣлъ игру на струнномъ инструментѣ (онъ натянулъ нити на раковинѣ черепахи), а вечеромъ онъ отправился для того, чтобы похитить стада Аполлона. Онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы воровство осталось незамѣченнымъ, онъ старался уничтожить всякіе слѣды, но встрѣченный имъ по пути старикъ, имя которому «Болтунъ», все разгласилъ. Дѣло окончилось тѣмъ, что Аполлонъ примирился съ Гермесомъ, благодаря его струнной игрѣ, вслѣдствіе чего Аполлонъ предоставилъ ему навсегда функцію пастуха, и тогда Гермесъ изобрѣлъ для этой цѣли новый музыкальный инструментъ—пастушескую свирѣль *).

Кажется, тутъ все ясно, — и состоянія воздуха не зачѣмъ припу тывать: явленія, совершавшіяся въ раннюю пору жизни человѣчества на пограничныхъ мѣстахъ, приписаны дѣяніямъ одной личности и составляютъ биографическія черты этой личности. На пограничныхъ полосахъ, какъ мы уже говорили, происходили увеселенія — «игрища между селы» и, разумѣется, когда-то были изобрѣтены первые музыкальные инструменты; не разъ, конечно, вводили и скоть, который пасся на близъ лежащихъ лугахъ; употребляли всевозможныя средства для сокрытія слѣдовъ кражи; выборъ пастуха, обязаннаго блюсти за неприкосновенностью скота, устранялъ возможность кражи скота; дружба пастуховъ съ представителемъ музыкальнаго искусства, Аполлономъ, выражающаяся въ томъ, что они вѣчно наигрываютъ на свирѣли, сама собою понятна. Слѣдуетъ имѣть также въ виду, что и въ жизни Аполлона олицетворялись явленія пастушеской и скотоводческой жизни **). Это обстоятельство и должно было новести къ установленію связи между Аполлономъ и Гермесомъ въ народныхъ сказаніяхъ.

Нужно ли распространяться о томъ, что римскій Меркурій, которому усвоены всѣ символы Гермеса, и римскій Терминусъ, который также символизируется въ гермахъ ***), составляютъ олицетворенія того же разряда явленій—въ большей или меньшей мѣрѣ: въ Меркуріѣ на первый планъ выдвигаются явленія первобытной торговли и промысловъ, въ Терминусѣ—пограничныя черты.

Въ русской миеологии существуютъ два миеическихкія лица, олицетворяющихъ указанныя до сихъ поръ явленія: это—Велесъ, Волосъ, и затѣмъ Георгій, Егорій, Юрій. Прежде всего, о Велесѣ. Въ Несторовой лѣтописи онъ прямо называется скотымъ богомъ, точно также въ договорѣ Святослава съ греками ****). Въ христіанскую эпоху Велесъ или Волосъ былъ

*) *Preller*, I, S. 313, 316.

**) См., между прочимъ, *Preller*: „Griech. Myth.“ I, S. 205, 215.

***) *Preller*: „Römische Mythologie“. 1858, S. 228, 229, 297, 298.

****) *Ипатьевская лѣтоп.*, 48.

превращенъ въ святаго Власія и до сихъ поръ во всей Россіи поселяне молятъ святаго Власія о обереженіи домашняго скота и въ день, посвященный его памяти (11 февраля), пригоняють коровъ къ церкви, служатъ молебенъ, окропляютъ ихъ святою водою и даютъ имъ ѣсть нарочно приготовленныя пышки съ молочною кашей, чтобы коровы были съ хорошимъ удоємъ; тогда же приносятъ въ храмъ коровье масло и кладутъ въ даръ передъ образомъ св. Власія. На иконахъ, изображающихъ этого святаго, рисуются внизу коровы и овцы. Къ нему обращаются съ такою мольбой: «Святой Власій! будь счастливъ на гладкихъ телушекъ, на толстыхъ бычковъ; чтобы со двора шли—играли, а съ поля шли—скакали». Для предохраненія домашняго скота отъ несчастій, въ коровникахъ и хлѣвахъ ставятъ образъ св. Власія *). Аванасьевъ, согласно съ усвоеннымъ имъ методомъ истолкованія мѣровъ и мѣическихъ лицъ, утверждаетъ, что «въ качествѣ скотьяго бога Волосъ завѣдывалъ небесными, мѣическими, стадами, былъ ихъ владыкою и пастыремъ; но потомъ, съ утратою народомъ сознательнаго отношенія къ своимъ стариннымъ представленіямъ, ему приписано было покровительство и охраненіе обыкновенныхъ, земныхъ, стадъ **). А, между тѣмъ, судя по даннымъ, сгруппированнымъ самимъ Аванасьевымъ, дѣло выходитъ какъ разъ наоборотъ. Изъ словаря Даля мы узнаемъ, что въ Рязанской губерніи слово «велесъ» означаетъ повелителя, указчика ***). Это, слѣдовательно, тотъ же гермъ, т.-е. предметъ, обозначающій нейтральное мѣсто. Недаромъ въ Россіи существуютъ много мѣстностей съ названіемъ Велесово или Волосово. Въ Новгородѣ существовала Волосова улица. Волосовъ Никольскій монастырь, Владимірскаго уѣзда, по преданію, построенъ на мѣстѣ древняго языческаго капища Волоса ****). Недаромъ и во время процессіи опахиванія для предохраненія отъ скотскаго падежа, отъ коровьей смерти, носятъ икону св. Власія. Въ заключеніи, причитываемомъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ по этому случаю, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такія слова, обращенныя къ коровьей смерти:

„Не ходи въ наше село;
Чуръ нашихъ коровушекъ,
Чуръ нашихъ буренушекъ“ *****)).

Какъ слово «чуръ», обозначающее пограничный знакъ, такъ и обрядъ «опахиванія» села отъ окружающей его мѣстности указываетъ на то, что въ лицѣ Велеса или Власія мы имѣемъ дѣло съ олицетвореніемъ тѣхъ явленій, которыя совершались за чертою села. Такъ какъ на этихъ мѣстахъ преимущественно пасли скотъ, то въ Велесѣ олицетворенъ былъ охраня-

*) Терещенко: „Вѣтъ русскаго народа“, т. V, стр. 86 и 87. Аванасьевъ, т. I, стр. 695 и 696.

***) Аванасьевъ, т. I, стр. 695.

****) Далъ: „Толковный словарь“. 1880 г., т. I, стр. 178.

*****) Семеновъ: „Географическо-статистическій словарь“, т. I, стр. 582. Аванасьевъ, т. I, стр. 696.

*****) Аванасьевъ, т. I, стр. 696 и 697.

тель, пастырь стадъ, который впослѣдствіи перенесенъ былъ съ земли на небо,—сталъ скотнымъ богомъ.

Мы уже сказали, что Егорій въ свою очередь является олицетвореніемъ тѣхъ явленій, которыя совершались на пограничныхъ мѣстахъ. Разбору сказаній о святомъ Георгіи и обрядовъ, сопровождающихъ празднованіе этого святаго, въ нашей литературѣ посвящено два замѣчательныхъ изслѣдованія—А. И. Кирпичникова и А. Н. Веселовскаго, появившихся нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ изслѣдованіи о св. Георгіи—*Въ легендѣ, тѣстѣ и обрядѣ* А. Н. Веселовскій значительно отстѣпаетъ отъ предначертанной имъ для миеологовъ программы, сущность которой мы привели выше. Обрядъ уже не стоитъ у него на первомъ планѣ,—онъ не считаетъ уже обряды тѣмъ-то основнымъ. Напротивъ, онъ предполагаетъ и въ области обряда «взаимодѣйствіе своего и чуждаго преданія». Онъ допускаетъ поэтому, что и на «народное чествованіе св. Егорія могли быть перенесены изъ готовой обрядности многія черты по аналогіи и календарной смежности». Сообразно съ этимъ А. Н. Веселовскій нѣсколько иначе опредѣляетъ теперь задачу миеологовъ и историковъ литературы. «Если бы мы попытались,—говоритъ онъ,—охарактеризовать приемъ, пока *единственно возможный* въ этой области, намъ пришлось бы ограничиться двумя словами: выдѣленіе и сравненіе; выдѣленіе изъ массы матеріала, съ виду односторонняго, тѣхъ элементовъ, которые привнесены извнѣ и лишь внѣшнимъ образомъ приурочены къ народной основѣ; сравненіе съ аналогическими фактами и процессами, въ нихъ происходящими, въ другихъ народныхъ особяхъ». Только подобное отношеніе къ дѣлу можетъ оградить насъ, по его мнѣнію, «отъ миеологіи «дѣланной», отъ широкихъ обобщеній, въ которыя въ безмятежномъ безразличіи укладывается всякій бытовой или обрядовой фактъ, записанный въ народѣ, и свое и чужое не считается родствомъ, а вопросъ объ историческомъ генезисѣ каждаго явленія порознь не поднимается, чтобы не нарушить спокойствія системы» *).

Съ своей стороны мы остаемся при убѣжденіи, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ обряды вмѣстѣ съ бытомъ не заимствуются, а создаются, что исходною точкою миеологовъ долженъ служить, слѣдовательно, обрядъ и что только на основаніи данныхъ, добытыхъ изъ изученія обрядовъ, можно придти къ заключенію о томъ, насколько «чуждое» въ области народныхъ сказаній оказало воздѣйствіе на «свое». Допустимъ, впрочемъ, что бывають случаи заимствованія обрядовъ вмѣстѣ съ миеическими сказаніями. Можно ли тогда ограничиться однимъ выдѣленіемъ и сравненіемъ? Намъ кажется, что нѣтъ. Прослѣдивъ странствованіе миеа, переходъ обряда отъ одного народа къ другому и приурочивъ его къ извѣстному мѣсту и времени, мы, все-таки, въ концѣ-концовъ, обязаны истолковать его съ помощью этнографическихъ или историческихъ данныхъ. Это есть тотъ конечный ре-

*) *Веселовскій*: „Розысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ“. 1880 г., стр. 150 и 151.

зультатъ, къ которому должна стремиться сравнительная мифологія. Разъ известныя заимствованныя мифическія сказанія, а въ особенности обряды, получили прочное распространеніе въ средѣ какого-либо народа, то это свидѣтельствуетъ о томъ, что чуждыя сѣмена попали на воспріимчивую почву, что въ заимствовавшемъ народѣ были зачатки даннаго обычая, что умъ и чувство его были предрасположены воспринять новую форму народнаго сказанія или обряда. Такимъ образомъ, заимствованное сказаніе или обычай можетъ въ такой же мѣрѣ служить для разъясненія мировоззрѣнія того народа, который заимствовалъ, какъ и того, у котораго сдѣлано заимствованіе. А такъ какъ, повторяемъ, конечною цѣлью сравнительной мифологіи является выясненіе основъ мифовъ и обрядовъ, тѣхъ психическихъ процессовъ, благодаря которымъ складываются мифы и вырабатываются обрядовыя дѣйствія, того взаимодѣйствія человѣческой мысли и внѣшнихъ впечатлѣній, которыя отразились въ мифѣ, то нельзя ограничиться лишь отысканіемъ путей, по которымъ шли мифы отъ одного народа къ другому, а необходимо заняться, вмѣстѣ съ тѣмъ, истолкованіемъ мифовъ съ помощью данныхъ сравнительной этнографіи и археологіи. Насколько такія розысканія смысла мифическихъ сказаній являются неизбѣжнымъ дополненіемъ розысканій о странствованіи мифовъ, мы постараемся показать на мифахъ и обрядахъ, относящихся къ тому же Георгію.

Такой же эпитетъ, какой приданъ въ лѣтописи Волосу придается въ настоящее время въ Онѣгѣ святому Георгію. Его называютъ конскимъ богомъ*). «Егорій да Власъ всему богатству глазъ»,—говорять бѣлоруссы, указывая этимъ на покровительство Егорія стадамъ**).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Костромской губерніи къ Егорію обращаются съ слѣдующими словами:

„Егорій ты нашъ храбрый,
Ты спаси нашу скотину
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ
.
Отъ волка отъ хищнаго
Отъ медвѣды лютаго“ ***).

Сообразно съ этимъ скотъ и пастухи пользуются особымъ вниманіемъ въ день святаго Георгія. Въ Онѣгѣ въ этотъ день приводятъ лошадей къ церкви: священники служатъ у церкви молебны святому Георгію и кропятъ лошадей священной водой. Лошади въ этотъ день пользуются самымъ лучшимъ кормомъ и до вечера гуляютъ на подскотинѣ. Малоруссы также совершаютъ первый выгонъ скота въ поля на Юрьевъ день освященною вербой; подговяя ея скотину, приговариваютъ: «иди собѣ съ богомъ!» Служать на поляхъ молебны, составляютъ пирушки, дарятъ пастуховъ хлѣбомъ, яи-

*) *Ефименко*. „Записки русск. геогр. общ.“ 1869 г., II, стр. 96.

***) *Idem*, I. с.

***) *Idem*, стр. 98.

цами и разными жаркими, просить их беречь скоть, который, кромѣ того, поручаютъ особенному покровительству святаго Георгія. Въ Бѣлоруссiи пастухи въ день святаго Егорія получаютъ отъ хозяевъ пироги, яйца и разные печенія. Великороссы въ свою очередь, слѣдуя поговоркѣ: «выгоняй скоть на Юрьеву росу», рано утромъ въ Егорьевъ день выгоняютъ, всею деревней, скотину освященною вербой въ поле; собираются всѣмъ міромъ, служатъ молебны въ поляхъ, угощаютъ пастуховъ водкою, пирогами и ячницею и надѣляютъ ихъ холстомъ и деньгами; при этомъ, конечно, и сами угощаются. Литовцы въ Юрьевъ день совершаютъ жертвы изъ домашнихъ животныхъ; бѣдные же покупаютъ восковыя фигурки различныхъ животныхъ (коней, коровъ, овецъ, козъ, свиней и т. д.), продаваемыя отъ костеловъ. Престьяне носятъ ихъ около костела, молятся, а потомъ кладутъ на престоль *)).

Мы сгруппировали до сихъ поръ данныя о святомъ Георгіи, какъ о покровителѣ стадъ. Но этимъ не ограничиваются его функціи. Въ Велико-россiи, Малороссiи, Сербiи, Иллирии, Герцеговинѣ и Болгаріи Юрьевъ день былъ временемъ разнаго рода сдѣлокъ, торговъ и временемъ перехода поселянъ отъ одного владѣльца къ другому. До сихъ поръ въ Великороссiи сохранился у поселянъ обычай съ Юрьева дня начинать всѣ торговыя сдѣлки и назначать сроки. Работники нанимаются съ Юрьева дня. Невѣсты молятъ св. Егорія о дарованіи жениховъ и ходятъ въ этотъ день разубранными: «наряжается,—говорятъ,—словно баба на Юрiя» **); у чеховъ и нѣмцевъ въ этотъ день дѣвушки привораживаютъ себѣ молодцовъ; въ Греціи преимущественно играютъ свадьбы ***).

Не трудно видѣть, что Егорій соединяетъ въ себѣ всѣ тѣ же черты, на которыя мы указали выше, говоря о Гермесѣ и Меркуріѣ, т. е. въ немъ олицетворены тѣ же бытовыя явленія. Нейтральная полоса, мѣсто для пастбища, иначе говоря—выгонъ, площадь для ярмарки, торговли, заключенія сдѣлокъ, для общественныхъ собраній и заключенія брачныхъ союзовъ съ помощью увоза, умычки и покупки и, наконецъ, мѣсто погребенія—кладбище. Ясно послѣ этого, что эпитеты, приданные св. Георгію въ одномъ похвальномъ словѣ VII в., вполне сооветствовали ему. Св. Георгій называется тамъ, между прочимъ, «путникомъ наставникъ», «плавающимъ кормчій», «иже въ поустынехъ скитающихся пастырь», «паствамъ стражъ», «миру утвержденіе» ****). Не даромъ и у осетинъ св. Уастырджі—Георгій является покровителемъ дорогъ и путешественниковъ, спасаетъ охотниковъ отъ козней лѣснаго духа и сопутствуетъ каждому, что-нибудь предпринимающему *****). Съ точки зрѣнія того общаго вывода, къ которому мы пришли,

*) Idem, стр. 98, 101 и 105.

***) Idem, стр. 98.

****) Idem, стр. 8.

*****) *Веселовскій*: „Розысканiя“, стр. 24.

*****) *Дубровинъ*: „Исторiя войны и владчества русскихъ на Кавказѣ“. I, стр. 291—293. *Веселовскій*, *ibid.*, стр. 55.

недоумѣнія, вызываемыя различными вариантами въ мнѣческихъ сказаніяхъ о св. Егоріи совершенно устраняются. Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что въ однихъ сказаніяхъ Георгій является воиномъ, а въ другихъ—купцомъ *). Такимъ онъ долженъ быть согласно съ тѣми явленіями, которыя происходили на нейтральной полосѣ. Ничего удивительнаго нѣтъ и въ томъ, что въ одной легендѣ о св. Георгіи «благочестивая мысль» чуда со змѣею забыта и замѣнена мотивомъ увоза дѣвушки **).

Съ измѣненіемъ формъ заключенія междуплеменныхъ браковъ должно было измѣниться и содержаніе мифовъ, поскольку они касались брачной жизни. Какъ извѣстно, половая жизнь женщины у самыхъ различныхъ народовъ символизировалась въ видѣ общенія съ змѣею. Въ бытовыхъ фактахъ похищенія женщинъ сосѣдними племенами другъ у друга и находятъ себѣ полное объясненіе различныя сказанія о борьбѣ со змѣею, объ освобожденіи и увозѣ дѣвушекъ. Жестокия явленія первобытной общественности, приводившія сначала къ кровавымъ столкновеніямъ вродѣ Троянской войны и истребленію цѣлыхъ племенъ, а затѣмъ къ необходимости выдавать женщинъ въ чужую общину или, по крайней мѣрѣ, не мстить за похищеніе ихъ для сохраненія спокойствія,—всѣ эти явленія, повторяемъ, нашли отраженіе въ народныхъ сказаніяхъ о св. Георгіи. Что и у насъ происходила междуплеменная борьба изъ-за похищенія и увоза женщинъ, свидѣтельствуютъ какъ бытовые факты, такъ и извѣстныя сказанія о Явѣ Усмошвецѣ и Никитѣ Кожемякѣ. По основательной гипотезѣ г. Голубовскаго, эти сказанія могутъ быть приурочены къ змѣеву валу, воздвигнутому въ видѣ межи между русскою и печенѣжскою территоріями ***). Вообще же, всѣ тѣ бытовые явленія, которыя служатъ основой легендъ о св. Егоріи, существуютъ у насъ съ XI в. вплоть до настоящаго времени, существовали, слѣдовательно, и раньше. И игрища «межу селы», и торги, и ярмарки на выгонахъ, и кладбища за чертою села или около церкви, къ которымъ примыкають площади,—все это было и сохранилось донынѣ, съ тѣмъ отличіемъ, что поселенія съ теченіемъ времени охватили эти площади кольцомъ или, иначе говоря, что отдѣленные другъ отъ друга большою площадью поселенія слились. Для характеристики бытовыхъ явленій, совершавшихся за чертою села: на площадяхъ, погостахъ, и дававшихъ пищу для мифовъ, намъ кажется, не лишены значенія слѣдующія слова изъ плача вдовы надъ умершимъ мужемъ, записаннаго г. Барсовымъ. Приближаясь къ погосту (гостибищу, какъ онъ называется въ причитаніяхъ), она вопить:

„Пришло три пути широкихъ—три дороженьки:
Ужъ какъ первый путь—широкая дороженька
Во улочки она да во рядовыя,
Во лавочки она да во торговыя;
Какъ другая путь—широкая дороженька—

*) Киричниковъ: „Св. Георгій и Егорій Храбрый“. 1879 г., стр. 13.

**) Веселовскій, стр. 107; см. также стр. 122.

***) Голубовскій: „Печенѣги, торки и половцы“. 1884 г., стр. 244 и 245.

Во церковь эту Божью посвященную;
И как третья путь—широкая дороженька—
На эту на могилу умершую“ *).

Къ разряду мнѣическихъ олицетвореній тѣхъ явленій, которыя происходили на пограничныхъ полосахъ, а, слѣдовательно, и на русскихъ «гостибищахъ», слѣдуетъ, повидимому, причислить и Чурилу Пленковича. Въ былинахъ о Чурилѣ три толпы одна за другою являются къ князю Владимиру съ челобитьемъ на Чурилинныхъ людей—это охотники, рыбаки и сокольники-кречетники. Одни жалуются на то, что

„Ни единой рыбки изловить не могли.
Появились люди невѣдомые,
Шелковы неводи замечивали
.
Бѣлую рыбку повншугали,
Щуку, карасей повывловили.
.
Насъ самихъ избили, изранили“.

Другіе жалуются на то, что, благодаря тѣмъ же невѣдомымъ людямъ,
„Ни единой птички не высмотрѣли“.

Третьи—на то, что «никакого звѣря не наѣзживали». Въ нѣкоторыхъ вариантахъ тѣхъ же былинъ съ жалобою на Чурилинныхъ людей являются и купцы торговые, и мужики посадскіе. Чурилины люди,

„Вѣды по городу уродствуютъ,
Лукъ и чеснокъ повнщипали,
Бѣлую капусту повнломали,
Красныхъ-то дѣвокъ ко сору-де привели,
Молодыхъ молодыхъ прибезчестили,
Старыхъ-то старуку да обезвѣчили“ **).

Это все тѣ же бытовья явленія, свойственныя пограничной территоріи, съ которыми мы уже ознакомились. Самое названіе мнѣическаго героя—Чурило—пограничный знакъ, межа ***) вполне соотвѣтствуетъ тѣмъ подвигамъ, которые приписываются ему и его людямъ. Мнѣ кажется поэтому излишнимъ стремленіе замѣнить это названіе немнѣическимъ именемъ Кирилла ****). Не можемъ не указать въ заключеніе еще на одну черту, сближающую Чурилу съ Гермесомъ,—это именно то, что онъ становится въ былинахъ «повозщикомъ», герольдомъ.

Въ виду указаннаго обилія данныхъ о пограничной нейтральной полосѣ въ мнѣическихъ сказаніяхъ, слѣдуетъ думать, что донынѣ сохранились и вещественные слѣды этихъ общераспространенныхъ явленій первобытной жизни.

На одесскомъ археологическомъ съѣздѣ впервые было заявлено г-жею

*) Барсовъ: „Причитанія Сѣвернаго Края“. 1872 г., I, стр. 26, см. также 26 и 27.

**) См., между прочимъ, Веселовскій: „Южно-русскія былинны“. III — XI, 1884 г., стр. 88.

***) См. наши *Очерки сравнительной этнографіи и культуры*. 1887 г., стр. 144.

****) Веселовскій, *ibid.*, стр. 81.

Мельникъ о существованіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Россіи мегалитическихъ сооружений, извѣстныхъ подъ именемъ кромлеховъ, то-есть большихъ или меньшихъ круговъ, окруженныхъ камнями. Кромлехи эти замѣчены на окраинахъ селъ, расположенныхъ у береговъ рѣкъ. Изъ этихъ круговъ существуетъ выходъ, обращенный къ рѣкѣ *). Такихъ кромлеховъ въ различныхъ европейскихъ странахъ насчитываютъ множество, причемъ вопросъ о назначеніи ихъ давно уже возбуждаетъ любопытство археологовъ. Предположеніе, что это надгробные памятники, устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что подъ сооруженными камнями, образующими кругъ, не оказывается могильниковъ **). То же явленіе констатировано изслѣдователемъ русскихъ кромлеховъ. Самое расположеніе ихъ на скальномъ грунтѣ исключаетъ возможность погребенія людей подъ этими памятниками отдаленной древности.

Уже Лѣббокъ приблизился къ разрѣшенію вопроса о назначеніи кромлеховъ, цитируя изъ книги Бытія слова Лавана, обращенныя къ Якову: «Вотъ куча камней, и вотъ памятникъ, которые я соорудилъ между мною и тобою. Да будетъ эта куча и этотъ памятникъ свидѣтелями, что я не перейду къ тебѣ за эту кучу и ты не перейдешь ко мнѣ за эту кучу и этотъ памятникъ для причиненія зла» ***). Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ нейтральною полосой, переходъ за которую означалъ вторженіе въ предѣлы сосѣдняго племени (о томъ, что Лаванъ и Яковъ были представителями двухъ племенъ, нечего, конечно, распространяться).

Переходя къ изслѣдованнымъ въ Россіи кромлехамъ, нельзя не отмѣтить указанной уже выше черты, что они расположены у береговъ рѣкъ или источниковъ, или на возвышенностяхъ, какъ это замѣчено и во многихъ европейскихъ странахъ, между прочимъ, во Франціи ****). Эта черта кромлеховъ въ свою очередь служитъ подтвержденіемъ нашей гипотезы. Тамъ, гдѣ природныхъ границъ въ видѣ рѣки или горы не было, вся территория, расположенная между двумя или нѣсколькими поселеніями, могла служить для нихъ мѣстомъ общенія, нейтральнымъ мѣстомъ. При существованіи же природной границы необходимо было сооруженіе искусственныхъ знаковъ, въ предѣлахъ которыхъ дозволялось общеніе и переходъ за которые былъ бы равносильенъ посягательству на чужую территорию. Природная граница рѣзко отдѣляла поселенія, рѣшительно не допуская взаимныхъ сношеній между сосѣдними поселеніями. Въ виду этого и нужно было создать искусственныя обозначенія нейтральнаго мѣста, въ предѣлахъ котораго допускались сношенія между представителями сосѣднихъ племенъ. Вотъ чѣмъ объясняется та черта кромлеховъ, расположенныхъ у рѣкъ, что они устроены фронтомъ именно къ рѣкамъ.

*) *Труды VI археологич. съезда съ Одессы*, I, стр. 109, 110, 111, 113, 114, 117.

**) См., между прочимъ, *Libbcock*: „Die vorgeschichtliche Zeit“ (нѣмецк. перев.), I, стр. 112.

***) Кн. Бытія, XXXI, 51, 52.

****) *Труды археологическаго съезда*, I, стр. 117.

III.

Все изложенное до сихъ поръ ясно свидѣтельствуешь, насколько намъ кажется, съ одной стороны, о тѣхъ услугахъ, которыя могутъ оказать этнографическія данныя при разъясненіи мифовъ, а съ другой стороны—какую службу мифология могла бы сослужить этнографіи, еслибы она поменьше обращала свое вниманіе на небесныя явленія и сосредоточила бы его на земныхъ дѣлахъ и интересахъ. Нагляднымъ доказательствомъ въ этомъ смыслѣ являются и мифы о такъ называемыхъ «дѣвахъ судьбы». Къ нимъ мы и перейдемъ.

«Облачныя дѣвы,—говорить Аванасевъ,—какъ хранительницы живой воды, надѣляющей мудростью и предвѣдніемъ, какъ спутницы бога грозовыхъ бурь, призванныя, съ одной стороны, приносить на землю младенческія души, а съ другой — увлекать души усопшихъ въ загробное царство, явились въ народныхъ представленіяхъ устроительницами судьбы человѣческой. Согласно съ этимъ, древнія племена присвоивали имъ эпитеты, обозначавшіе ихъ вѣщій характеръ и вліяніе на рожденіе, смерть и вообще на всю жизнь челоѣка. Такіе эпитеты впоследствии стали употребляться, какъ имена нарицательныя, и мало-по-малу приняты были за прозванія особеннаго разряда божественныхъ существъ. Тѣмъ не менѣе, преданія и донынѣ удерживаютъ многія черты первоначальнаго сродства ихъ съ облачными и грозowymi нимфами. У славянъ дѣвы эти назывались рожаницами, такъ какъ онѣ присутствуютъ при рожденіи младенцевъ и опредѣляютъ ихъ судьбу при самомъ появленіи на Божій свѣтъ *)». Эти рожаницы сопоставляются затѣмъ съ литовскою Вернеей, съ сербскими вилами и, по примѣру Гримма, съ греческими мойрами, римскими парками, романскими феями и германскими норнами. Все это прекрасно. Но дѣйствительно ли всѣ эти дѣвы или, вѣрнѣе, женщины, опредѣляющія судьбу ребенка, суть облачныя существа и не взяты ли онѣ изъ живой дѣятельности, изъ явленій, сопровождающихъ роды и появленіе на свѣтъ ребенка, изъ бытовой обстановки, окружающей этотъ актъ?

Прежде о вилахъ. «Обитая въ облачномъ небѣ,—говоритъ Аванасевъ,—вилы-рожаницы обладали живою водою райскихъ ключей, черпали изъ нихъ напитокъ мудрости и становились въ разрядъ вѣщихъ жентъ, опредѣляющихъ грядущія судьбы. Самое названіе вила указываетъ въ ней пряжу (отъ слова вить), т. е. дѣву, прядущую нить жизни, и, вмѣстѣ, повитуху (повивальную бабу), присутствующую и помогающую при родахъ **). Нечего говорить, конечно, о мойрахъ, изъ которыхъ одна, Клото, прядеть жизненную нить, другая, Лахезисъ, бросаетъ жребій, рѣшающій направленіе и исходъ грядущихъ событій, а третья, Атропосъ, перерѣзываетъ выпряденную нить и прекращаетъ біеніе жизни ***). Здѣсь же слѣдуетъ отмѣ-

*) Аванасевъ: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“. 1868 г., III, стр. 318.

**) Аванасевъ, III, стр. 342.

***) Аванасевъ, III, стр. 348. Preller: „Griech. Myth.“, I, S. 434.

тить, однако, что, придавая мойраамъ значеніе божественныхъ духовныхъ силъ, Преллеръ при этомъ, все-таки, указываетъ, что районъ ихъ дѣятельности ограничивается обыкновенно колыбелью и гробомъ — рожденіемъ и смертью, причеиъ въ качествѣ богинь, покровительствующихъ родамъ, онѣ очень близко стоятъ къ силамъ женской природы, способствующимъ разрѣшенію отъ бремени *). Чтобы покончить съ мойрами, скажемъ, что у грековъ онѣ изображались въ видѣ сѣдловатыхъ женщинъ **), которыя поютъ пѣсни при наступленіи родовъ.

Облачными дѣвами признаются и парки, но уже самое происхожденіе ихъ наименованія отъ *partus* ***) лучше всего свидѣтельствуетъ о связи этихъ дѣвъ съ родами.

Фей и норны даютъ миеологамъ больше всего матеріала для приуроченія ихъ къ явленіямъ внѣшней природы, хотя и въ повѣствованіяхъ объ этихъ мнѣческихъ лицахъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, проглядываетъ тѣсная связь ихъ съ актомъ появленія на свѣтъ ребенка. Фей (*tria fata*), «странствуя по свѣту, являются къ родильницѣ, предсказываютъ судьбу новорожденнаго, прикладываютъ къ своей груди и оказываютъ ему нѣжную заботливость, какъ попечительныя матери (*matres, matronae*), почему французы называютъ ихъ повивальными бабками — *obstetrices, ventrières*; двѣ фаты напутствуютъ ребенка въ жизнь добрыми пожеланіями, а третья даетъ зловѣщее предсказаніе... Фей живутъ въ ущельяхъ скалъ и въ лѣсахъ, воелѣ озеръ и источниковъ; въ славномъ лѣсу у ключа de Berenton народное воображеніе видѣло *dames faées*, облеченныхъ въ бѣлыя одежды: онѣ надѣляли дѣтей дарами счастья, и только одна изъ нихъ, недобрая и завистливая, дарила бѣдствіями ****). «Эти скалы, лѣса и источники, — прибавляетъ Леанасевъ, — первоначально усматривались на небѣ — въ темныхъ грядкахъ дождевыхъ облаковъ» *****). Наконецъ, норны «суть дѣвы вѣщія, опредѣляющія каждому человеку продолжительность и всѣ обстоятельства его жизни... Приближаясь къ колыбели новорожденнаго, норны прорицаютъ ему судьбу и собственными руками прядутъ его жизненную нить» *****).

Изъ сгруппированныхъ здѣсь данныхъ даже въ той формѣ, въ какой онѣ излагаются миеологами, нельзя не видѣть, что облачность всѣхъ упомянутыхъ здѣсь дѣвъ весьма сомнительна, хотя онѣ и обитаютъ въ пещерахъ и у источниковъ. Тѣмъ не менѣе, безъ помощи этнографическихъ данныхъ трудно возсоздать бытовую основу этихъ мнѣческихъ лицъ, тѣ явленія жизни, олицетвореніемъ которыхъ они служатъ. Обратимся поэтому къ этнографіи — и вотъ что мы узнаемъ.

Въ раннюю пору жизни челоѳическихъ обществъ разрѣшеніе женщинъ

*) *Preller*: „Griech. Myth.“, I, S. 434.

**) *Idem*, S. 437.

***) *Preller*: „Röm. Myth.“, S. 564.

****) *Grimm*: „Deutsche Mythologie“. 1854 г., I, S. 388.

*****) *Леанасевъ*, III, стр. 347 и 348.

*****) *Леанасевъ*, III, стр. 350. См. также *Grimm*: „Mythol.“, I, S. 379.

отъ бремени происходить вдали отъ человѣческихъ поселеній: въ пещерахъ, преимущественно же у источниковъ. Въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени роженца вмѣстѣ съ появившимся на свѣтъ существомъ остаются въ уединеніи, но при этомъ ихъ навѣщаютъ женщины-сосѣдки, приносятъ имъ пищу, ухаживаютъ за ребенкомъ. Заканчивается эта исторія тѣмъ, что по истеченіи извѣстнаго промежутка времени одна изъ навѣщающихъ роженцу женщинъ принимаетъ на себя заботу о томъ, чтобы новорожденный былъ воспринятъ въ члены данной общины посредствомъ дарованія ему имени или посредствомъ другаго однороднаго торжества. Совершается это, однако, лишь въ томъ случаѣ, если новорожденный не обреченъ на смерть, — судьба, которой подвергается на первобытныхъ ступеняхъ культуры значительное количество дѣтей.

Намъ кажется, указанныя здѣсь бытовые явленія, сопровождающія роды и воспринятіе ребенка, составляютъ вполне достаточную основу для тѣхъ мифовъ, о которыхъ шла до сихъ поръ рѣчь, и для разъясненія тѣхъ чертъ, которыя приписаны народною фантазіей мойражъ, феямъ, норнамъ и т. д. Народная фантазія восприняла эти черты изъ явленій людской жизни, а не внѣшней природы. Она индивидуализировала эти черты и, такимъ образомъ, создала мифы. Стоитъ только сопоставить дѣйствія тѣхъ женщинъ, которыя окружаютъ роженца и новорожденнаго съ дѣяніями многочисленныхъ женщинъ, и мы увидимъ, что основа мифовъ о дѣвахъ судьбы лежитъ въ указанныхъ только что бытовыхъ явленіяхъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ мы это сдѣлаемъ, приведемъ нѣсколько фактическихъ данныхъ въ подтвержденіе только что изображенной нами обстановки родовъ. Такими данными являются факты изъ жизни современныхъ первобытныхъ народовъ, рассказы объ обычаяхъ, существовавшихъ въ архаическомъ періодѣ жизни человѣчества, и, наконецъ, многочисленные остатки этихъ обычаевъ, встречаемые и въ настоящее время въ различныхъ слояхъ современныхъ цивилизованныхъ обществъ. Мы отнюдь не намѣрены исчерпать здѣсь всей этой массы данныхъ, тѣмъ болѣе, что они сгруппированы въ двухъ сочиненіяхъ покойнаго Пlossа *О дѣтяхъ* и *О женщинахъ*. Достаточно будетъ, если мы воспользуемся только нѣкоторыми.

У маорисовъ, въ Новой Зеландіи, женщины удаляются для родовъ въ рошу, расположенную у берега ручья *). У сиксовъ, команховъ и многихъ другихъ племенъ Сѣверной Америки женщины при наступленіи родовъ удаляются изъ своего поселенія и устраиваются въ уединенномъ мѣстѣ, преимущественно возлѣ текучей воды. Случается, что ихъ сопровождаютъ туда одна или двѣ женщины **). У москитосовъ, въ Средней Америкѣ, женщины при наступленіи родовъ устраиваютъ себѣ лачугу въ лѣсной глуши, куда во все время ихъ пребыванія женщины доставляютъ имъ пищу и ухаживаютъ за ними и ребенкомъ ***). У бечуановъ, въ Африкѣ, женщина уда-

*) Ploss: „Das Weib“. 1885, I, S. 53.

***) Idem, II, S. 54.

***) Idem, II, S. 64.

ляется отъ общенія съ остальными жителями поселенія, за нею ухаживаютъ только женщины *). У тодасовъ, въ Индїи, для роженницъ устраиваютъ лачугу въ лѣсу: тамъ онѣ живутъ въ полномъ уединенїи, поддерживая сношенія только съ нѣкоторыми женщинами, которыя оказываютъ имъ помощь при родахъ и уходѣ за ребенкомъ **). У альфуровъ женщины при наступленїи родовъ отыскиваютъ себѣ удобное мѣсто въ лѣсу, обыкновенно по близости отъ воды. Тамъ устраиваютъ изъ столбовъ и листьевъ что-то вроде лачугъ, старая женщина оказываетъ помощь въ качествѣ повитухи ***). У гиляковъ, по свидѣтельству д-ра Н. Л. Зеланда, существуетъ обычай выводить женщину, готовящуюся родить, изъ избы въ отдѣльно стоящїй шалашъ, гдѣ она живетъ дней десять. Такъ какъ время года при этомъ отнюдь не принимается въ расчетъ, то мать и новорожденный принуждены производить эти мытарства даже въ трескучїй морозъ и въ пугу (метель). Единственнымъ средствомъ согрѣванія служитъ горящїй въ шалашѣ небольшой костеръ, да одежда матери. Бываютъ случаи, что дитя замерзаетъ. У арагонъ, тунгусскаго племени, кочующихъ въ верховьяхъ рѣкъ, составляющихъ системы Витимскую и Нерчинскую, по свидѣтельству врача Ангермана, женщинамъ ни подѣ какимъ видошъ не позволено родить въ юртѣ, но отводятъ ее шаговъ на сто отъ юрты въ рѣкѣ, раскладываютъ небольшой костеръ и, несмотря ни на какое время года, ни на погоду, оставляютъ на произволъ судьбы ****).

У хавсуровъ, пшавовъ и гушанъ беременная женщина, чувствуя приближеніе родовъ, обыкновенно проситъ своихъ подругъ построить ей сачехи—шалашъ, воздвигаемый въ одной верстѣ отъ деревни. Переселившись въ этотъ шалашъ, родильница остается тамъ все время, пока не разрѣшится отъ бремени, что весьма часто сопровождается ужасными мученїями. На другой день послѣ родовъ больной приносятъ хлѣба *****).

Мы останавливались до сихъ поръ, главнымъ образомъ, на фактахъ, указывающихъ на обстановку родовъ, съ тою цѣлью, чтобы показать, что эта обстановка соответствуетъ той, о которой идетъ рѣчь въ мѣахъ о дѣвахъ судьбы, т.-е. въ раннемъ періодѣ жизни человечества роды обыкновенно происходили въ уединенномъ мѣстѣ, куда имѣли доступъ лишь нѣсколько женщинъ, которыя и являются прототипами дѣвъ или, вѣрнѣе, женщинъ судьбы. Что и у другихъ народовъ требовалось обособленіе женщинъ во время родовъ и въ теченіе извѣстнаго времени послѣ родовъ, указываетъ цѣлый рядъ данныхъ о томъ, что женщины и новорожденный въ теченіе извѣстнаго времени считаются нечистыми и только по очищенїи ихъ возможно съ ними общеніе *****). Это несомнѣнно остатокъ того времени, когда жен-

*) Ploss: „Das Kind“, 1882, I, S. 59.

**) Ploss: „Das Weib“, II, S. 57.

***) Idem, II, S. 58.

****) Погорский: „Физическое воспитаніе дѣтей“. 1884 г., стр. 53.

*****) Idem, стр. 51.

*****) См., между прочимъ, Ploss: „Das Weib“, S. 60—70.

щинъ при наступленіи родовъ удаляли не только въ бани, какъ это дѣлается сплошь и рядомъ въ настоящее время въ русскихъ деревняхъ, но и въ болѣе отдаленныя помѣщенія, расположенныя внѣ черты села. Теперь мы обратимся къ даннымъ, которыя покажутъ намъ, что тѣ женщины, которыя въ болѣе или меньшемъ числѣ находились въ общеніи съ роженицей, въ гораздо болѣе ибѣ играли роль въ жизни ребенка, чѣмъ въ жизни матери, т. е. что эти женщины видѣли свое назначеніе въ уходѣ за ребенкомъ, были повитухами въ собственномъ смыслѣ, а не акушерками. Въ этомъ отношеніи весьма характерны данныя изъ жизни русскихъ крестьянъ, сохранившихъ донинѣ многіе обычаи въ самой первобытной формѣ. По словамъ священника Лебедева, женщина въ Тверской губерніи иногда уходитъ для родовъ въ теплый хлѣвъ, гдѣ овцы, и родить одна. По разрѣшеніи отъ бремени она приходитъ съ младенцемъ въ домъ и ложится на печь. Тогда только посылаютъ за бабкой, которая, пришедши, повиваетъ младенца *). Въ Пинежскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, по свидѣтельству священника Таратина, родильницы ходятъ до послѣдняго часа, не давая домашнимъ замѣтить своихъ болѣзней, и для сего иногда скрываются въ скотскій дворъ, гдѣ и разрѣшаются отъ бремени. Когда родить, мужъ идетъ за бабкой (до родинъ бабки рѣдко приходятъ) и заталиваетъ баню, куда потомъ ведутъ родильницу съ младенцемъ **).

Да и самыя наименованія женщинъ, которыя оказывали помощь роженицамъ, указываютъ на главныя функціи ихъ. Повитуха—повиваетъ ребенка, «hevamte»—подымаетъ ребенка. Поднятіе ребенка, какъ уже указалъ Гриммъ, вызывалось тѣмъ, что его клали на землю и только послѣ того, когда было рѣшено не бросать ребенка на произволъ судьбы, его подымаютъ.

Обычай класть на землю существуетъ у готтентотовъ. И тамъ это дѣлается женщинами, которыя присутствуютъ при родахъ. Когда рѣшено оставить ребенка въ живыхъ, его подымаютъ. Такой же обычай существовалъ у индійцевъ Южной Америки. Римское «Nudi positio infantum» имѣло тотъ же смыслъ, да и въ настоящее время въ Швейцаріи ребенка кладутъ сейчасъ же послѣ родовъ подъ скамью и затѣмъ повивальная бабка подымаетъ его по приказанію отца ***).

Если мы дальше обратимъ вниманіе на то, что одною изъ задачъ повивальной бабки было *отрѣзываніе и перевязываніе пуповины*, что еще въ настоящее время какъ самому отрѣзку пуповины, такъ и въ особенности узлу народнымъ суевѣріемъ придается особое значеніе ****); если мы припомнимъ далѣе, что, между прочимъ, въ Греціи и древней Германіи пѣніе присутствовавшихъ при родахъ женщинъ считалось средствомъ, облег-

*) *Лебедевъ*: „Бытъ крестьянъ Тверской губерніи“. *Этногр. сборн.*, I, стр. 173. *Покровский*: „Физическое воспитаніе дѣтей“. 1884 г., стр. 41.

**) *Ефименко*: „Матеріалы по этногр. русск. населенія Архангельской губерніи“, I, стр. 135.

***) *Ploss*: „Das Kind“, I, S. 62.

****) *Idem*, I, S. 17. *Das Weib*, II, S. 280, 281, 294 и др.

чающимъ роды *)), то мы будемъ имѣть передъ собою во всѣхъ деталяхъ ту бытовую обстановку, изъ которой выросли мнѣя о дѣвахъ судьбы и которая служила матеріаломъ для этихъ мнѣевъ. Недаромъ поэтому дѣвы судьбы живутъ въ ущельяхъ, въ лѣсахъ, возлѣ озеръ и источниковъ. Мы знаемъ, что это обстановка родовъ на первобытныхъ ступеняхъ культуры. Недаромъ дѣвы судьбы прядутъ нить жизни,—онѣ перевязываютъ пуповину. Уже Аванасевъ указываетъ, что, между прочимъ, слово, которымъ сербы означаютъ дѣву судьбы, «вила», образовалось отъ глагола вить, вью, плести, скручивать **). Но отсюда же происходитъ и слово «повитуха». Недаромъ дальше фей называютъ «матронами». Приведенныя выше данныя объясняютъ также, почему изъ трехъ дѣвъ одной приписывалось преимущественно значеніе рѣшительницы судьбы новорожденнаго. Мы видѣли, что для того, чтобы новорожденный оставался въ живыхъ, одна изъ женщинъ, присутствовавшихъ при родахъ, должна была поднять его. Изъ массы данныхъ о дѣтоубійствѣ и выбрасываніи на произволъ судьбы новорожденныхъ мы можемъ, конечно, умозаключить, что далеко не всякому новорожденному доставался удѣлъ быть поднятымъ. Такимъ образомъ, и эпитетъ рѣшительницы судьбы ребенка вполне соответствовалъ дѣйствительности. Не соответствие бытовой обстановки съ данными, заключающимися въ мнѣяхъ, можно развѣ найти въ томъ, что въ мнѣяхъ, въ большинствѣ случаевъ, играютъ роль три женщины, между тѣмъ какъ въ жизни ихъ могло быть и больше, и меньше. Но и въ мнѣяхъ число норнъ, паркъ и т. п. не всегда ограничивается тремя,—встрѣчается и больше ***).

Любопытна еще одна подробность. Въ Пинежскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, послѣ крестинъ непременно бываетъ обѣдъ или ужинъ, на которомъ необходимое и главное блюдо составляетъ пшенная каша ****). Точно также у скандинавовъ первую ѣдой, которую вкушала мать послѣ разрѣшенія отъ бремени, была каша, называвшаяся *þögnagrytur* (*þögnengrütze*). По всему вѣроятію,—говоритъ Аванасевъ,—первоначально это было жертвенное приношеніе норнамъ за ихъ милостивую помощь въ родахъ *****). Изъ всего изложеннаго до сихъ поръ ясно, что эта каша отнюдь не была жертвоприношеніемъ небеснымъ существамъ, а что она преподносилась роженицѣ подругами ея, женщинами, присутствовавшими при родахъ, норнами. Оттого эта каша и называлась *þögnengrütze*. Мы знаемъ уже, что при той обстановкѣ, при которой происходили роды въ первобытныя времена, такія преподношенія не были излишни. Въ этомъ насъ могутъ убѣдить, между прочимъ, факты изъ русской жизни. Въ Нижегородской губерніи роды происходятъ въ банѣ. При роженицѣ нѣтъ никого, кромѣ повитухи. И вотъ во время пребыванія родильницы въ банѣ сосѣдки носятъ ей, по разсказу священ-

*) *Ploss*: „Das Weib“, II, S. 147, 163.

***) *Аванасевъ*, III, стр. 153.

****) *Grimm*: „Deutsche Mythologie“, I, S. 381, 388.

*****) *Ефименко*, *ibid.*, I, стр. 135.

*****) *Аванасевъ*, III, стр. 420.

ника Кардатова, зубки, приносы. Каждая сосѣдка тащить, что только есть у нея: блины, яичницу, пирогъ, молоко, кашу. Бабка разставляет на лавкѣ возлѣ роженницы принесенные зубки и затѣмъ приступаютъ къ ѣдѣ *). И въ Германіи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, еще и въ настоящее время у крестьянъ роженницѣ преподносятъ супъ и вообще съѣдобное **). Мало того, во многихъ мѣстахъ обычаемъ требуется, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ разрѣшенія отъ родовъ повитуха сама изготовляла пищу для роженницы. Не трудно видѣть, что всѣ эти обычаи суть остатки того отдаленнаго времени, когда роженница въ своемъ уединеніи рѣшительно не могла обойтись безъ приношеній со стороны приходившихъ женщинъ или безъ помощи повитухи въ дѣлѣ снабженія себя пищею. Такъ какъ намъ пришлось говорить о «кашѣ», то не можемъ не коснуться мнѣовъ, имѣющихъ отношеніе къ ней, опять-таки съ цѣлью выяснитъ непригодность шаблоннаго способа истолкованія мнѣовъ.

IV.

Въ Великороссіи на Васильевъ день варятъ кашу. «Когда нужно затирать кашу, все семейство садится за столъ, а старшая женщина причитаетъ, размѣшивая кашу: «Сѣяли, росли гречиху во все лѣто; уродилась наша греча и крушна, и румяна; звали, позывали гречу въ Царьградъ побывать, на княжій пиръ пировать; поѣхала греча въ Царьградъ со князьями, со боярами, съ честнымъ овсомъ, золотымъ ячменемъ; ждали гречу, дожидали у каменныхъ вратъ; встрѣчали гречу князья и бояре, сажали гречу за дубовый столъ пиръ пировать; пріѣхала греча къ намъ гостевать» ***). Это привѣтствіе кашѣ напоминаетъ извѣстный рассказъ, распространенный въ народѣ о Крупеничкѣ: «Была у короля дочь, красоты неописанной, по имени Крупеничка; сдѣлали набѣгъ на Русскую землю злые татары, полонили Крупеничку, увезли далеко отъ родины и предали тяжелой работѣ. Освободила ее изъ неволи вѣщая старушка; она превратила дѣвицу въ гречневое зернушко, принесла его на Русь и бросила на родную землю; зерно обернулось королевой, а изъ шелухи его выросла греча». По другому рассказу, «старушка, принеся гречневое зерно на Русь, скоронила его въ землю; сѣмя дало ростокъ и породило былинку о семидесяти семи зернахъ; повѣяли буйные вѣтры и разнесли эти зерна на семьдесятъ семь полей; съ той поры и расплодился гречиха по святой Руси» ****).

Приводя этотъ рассказъ, г. Аванасевъ, несмотря на вполне ясное заключеніе его, говорить слѣдующее: «Въ этомъ преданіи заключается мнѣ о прекрасной богинѣ весенняго плодородія, которую захватываютъ демони-

*) Покровский, стр. 46.

**) Ploss: „Das Kind“, I, S. 71, 246—249.

***) Потебня: „О мнѣовскомъ значеніи вѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. 1865 г., стр. 57.

****) Аванасевъ, II, стр. 493 и 494.

ческія полчища и держатъ въ тяжкой неволѣ во все время зимы; съ возвратомъ весны она освобождается отъ ихъ власти, прилетаетъ изъ дальнихъ странъ грозовымъ облакомъ и, разсыпаясь на землю благодатнымъ сѣменемъ дождя, возрождается въ густой зелени яровыхъ хлѣбовъ *)). Г. Потенія въ свою очередь утверждаетъ, что вареніе каши «символически изображаетъ дождь, который сыпается на землю подобно сѣмому зерну». А, между тѣмъ, въ этихъ, притянутыхъ за волосы, объясненіяхъ нѣтъ никакой надобности. Мы уже указали мелькомъ на вполне ясное заключеніе народнаго разсказа о Крупеничкѣ: въ немъ мы находимъ прямое заявленіе, что въ разсказѣ идетъ рѣчь о судьбахъ гречихи, о томъ, какъ и гдѣ ее добыли и какъ она расплодилась на Русской землѣ. Та же тема разрабатывается въ приведенномъ выше прѣвѣтствіи нашѣ. Зачѣмъ же принимать эти мнѣя о гречихѣ за иносказанія, зачѣмъ извращать ясный смыслъ этихъ разсказовъ? Вѣдь, если сопоставить ихъ съ добытыми наукою данными о томъ, откуда пришла къ намъ гречиха, то мы увидимъ, что эти разсказы не противорѣчатъ научнымъ даннымъ и даже бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на странствованія гречневаго зерна. Несмотря на названіе этого зерна, которое указываетъ на Грецію, какъ на страну, откуда мы получили его, Генъ держится того мнѣнія, что Грецію нужно понимать въ болѣе общемъ смыслѣ—въ смыслѣ юга, такъ какъ въ Европѣ оно носило названіе турецкаго хлѣба—*turcicum frumentum* **). Вотъ почему и въ нашемъ прѣвѣтствіи нашѣ говорится, что греча поѣхала въ Царьградъ. Хотя въ народныхъ русскихъ разсказахъ словомъ татары обозначаются всякіе враги, но въ разсказѣ о Крупеничкѣ упоминаніе о татарахъ очевидно соответствуетъ историческому факту. Гречневое зерно въ нѣкоторыхъ странахъ и у нѣкоторыхъ народовъ носило названіе татарскаго хлѣба (*tatarokorn*—татарка). Генъ видитъ въ этомъ обозначеніи указаніе на то, что восточная Европа получила это зерно отъ татаръ, подразумѣвая подъ ними какъ племена монгольской расы, такъ и волжскихъ и крымскихъ татаръ ***). Упоминаніе о татарахъ въ разсказѣ о Крупеничкѣ могло бы служить подтвержденіемъ этой гипотезы, если бы этому не противорѣчило упоминаніе о Царьградѣ въ прѣвѣтствіи нашѣ. Мы, впрочемъ, не беремъ примирять двухъ вариантовъ о происхожденіи гречихи, но съ помощью сопоставленія ихъ съ научно-историческими изысканіями о происхожденіи гречихи мы хотѣли показать здѣсь, что въ приведенныхъ народныхъ сказаніяхъ, во всякомъ случаѣ, рѣчь идетъ не о чемъ иномъ, какъ о гречихѣ, что героемъ мифовъ является не дождь, а гречневое зерно, олицетворенное то въ видѣ дочери короля, то въ видѣ особы, сопровождаемой князьями и боярами, которые въ свою очередь являются олицетвореніемъ «честнаго овса» и «золотаго ячменя». И, въ самомъ дѣлѣ, отчего дождь можетъ сдѣлаться героемъ мифа и быть олицетвореннымъ въ той или другой формѣ, а гречневое зерно не можетъ? Мифологи старой

*) *Асанасевъ*, II, стр. 494.

**) *Нельн*: „Kulturpflanzen und Haustierte“. 1874, S. 440, 441.

***) *Нельн*, *ibid.*, S. 441.

школы могут отвѣтить на это: оттого, что дождь явленіе небесное, а гречневое зерно—явленіе земное. Этотъ отвѣтъ могъ бы устранить всякое возраженіе, если бы мы вмѣстѣ съ мифологами признавали, что первобытный человѣкъ относился со вниманіемъ лишь къ небеснымъ явленіямъ, а земными пренебрегалъ. Но мы знаемъ уже, что если небесныя явленія обращали на себя вниманіе первобытныхъ людей и служили предметомъ мифическихъ сказаній, то съ неменьшимъ и, пожалуй, съ большимъ вниманіемъ относились они къ явленіямъ земной жизни и разрабатывали ихъ въ мифахъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что появленіе новаго хлѣбнаго зерна, новой статьи въ предметахъ питанія и въ особенности такой, которая быстро распространялась и получила преобладающее значеніе, должно было занимать воображеніе народа и отразиться въ народныхъ разсказахъ, въ скрижаляхъ народной мудрости и народнаго знанія о земныхъ и небесныхъ вещахъ.

Съуженіе народнаго кругозора, выражающагося въ мифахъ, извѣстнымъ разрядомъ явленій и предметовъ есть, какъ уже указалъ А. Н. Веселовскій, результатъ предвзятой теоріи, ни на чемъ не основанной и ничѣмъ не подтверждаемой, и ведетъ къ вопіющимъ натяжкамъ и курьезнымъ выводамъ, препятствуя, въ то же время, дѣйствительному уясненію содержанія народной мысли и представленій о народномъ бытѣ. Положеніе это мы старались подтвердить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлали попытку представить наглядно тотъ путь, которымъ слѣдуетъ идти при истолкованіи мифовъ.

М. Нулишеръ.

Литература и жизнь.

(Критическія замѣтки).

Чѣмъ привѣтствовать новый годъ? Съ какими надеждами вступаетъ въ него русское общество? Быть можетъ, въ прежніе годы на такіе вопросы и легко было отвѣчать, а теперь это дѣло трудное, потому что надеждъ и упованій много, опасеній и тревогъ еще болѣе. Отвѣтовъ будетъ столько, сколько направленій и настроеній. Одни пожелаютъ въ наступившемъ году уничтоженія земскихъ учрежденій, которымъ только что исполнилось четверть вѣка, а для другихъ великимъ утѣшеніемъ служить надежда на сохраненіе и укрѣпленіе нашего самоуправленія. Одни чувствуютъ потребность исключительно въ личномъ покаяніи и самосовершенствованіи, другіе продолжаютъ волноваться и мучиться общественными вопросами. Незаконченное горе и начатыя радости переходятъ на новый годъ вмѣстѣ съ поблѣднѣвшими воспоминаніями и полупогасшими чувствами. Люди пожилые скажутъ, не безъ печали провожая еще одинъ годъ жизни:

„О, милый гость, святое *крежде*—
Зачѣмъ въ мою тѣснѣннѣя грудь?“

А молодежь передъ лицомъ грядущаго года запоетъ дружнымъ хоромъ:

„Впередъ, безъ страха и сомнѣнія,
На подвигъ доблестный, друзья!“

Запоетъ ли?—слышатся скептическіе голоса.—Посмотрите, какая современная молодежь умѣренная и аккуратная, какъ мало въ ней идеальныхъ увлеченій и какъ много холодной, практической разсудительности. Нѣтъ,—говорятъ люди пожилые и старые,—въ наше время не то было, мы твердо помнили и горячимъ сердцемъ чувствовали слова поэта:

„Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку“.

И, прислушиваясь къ этимъ голосамъ, я, человекъ кончающаго свой жизненный путь поколѣнія, испытываю тревогу. Правда, старики любятъ возвеличивать свое время и дѣлаютъ это невольно, вполне добросовѣстно. Воспоминанія молодости встаютъ у нихъ ясныя, восторженные; ихъ не ко-

снулся житейскій опытъ, они не пострадали отъ «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ», тогда какъ такими наблюденіями и замѣтами отравлена послѣдующая жизнь. Это соображеніе необходимо имѣть въ виду. Человѣкъ сильный, молодой склоненъ быть болѣе великодушнымъ. Онъ многое проститъ, а то и вовсе не замѣтитъ, потому что его неудержимо манитъ будущее; иное дѣло—человѣкъ пожившій. Но обвиненія молодежи такъ часты и настойчивы и, кромѣ того, идутъ съ столь различныхъ сторонъ, что приведеннаго объясненія недостаточно, имъ не успокоивается мысль, зло какое-то существуетъ. Что-жъ это за зло? Виновата ли и въ чемъ именно нынѣшнее молодое поколѣніе?

Прежде всего необходима одна очень значительная оговорка: слѣдуетъ раздѣлить вопросъ о женской и мужской молодежи. Безъ всякой лести, и неумѣстной, и противной, надо признать, что нынѣшняя дѣвушка во многомъ выше дѣвушки прежнихъ поколѣній, что у насъ до послѣдняго времени быстро возростала численно образованная, серьезная, честная, любящая все доброе женская молодежь. Что будетъ дальше—это уже, во всякомъ случаѣ, не вина русской женщины, которая дѣломъ, долгимъ опытомъ доказала, что она стремится къ научному знанію и плодотворной общественной дѣятельности.

Я съужу еще болѣе вопросъ и стану говорить лишь о студентахъ университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Нѣкто г. Еленевъ напечаталъ брошюрку *Студенческіе беспорядки*. Въ ней говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Оказывается, что студенты восьмидесятыхъ годовъ, по своей умственной зрѣлости, нисколько не подвинулись впередъ сравнительно съ своими предшественниками шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, несмотря на установленныя съ тѣхъ поръ испытанія зрѣлости въ гимназіяхъ и прибавку 8-го класса». Дальше въ брошюрѣ мы находимъ такую мысль: «Силъ, растлѣвающихъ нашу молодежь и сбивающихъ ее съ толку, множество, а силъ, направляющихъ ее къ добру и правдѣ, не видно ни откуда». Намъ въ данномъ случаѣ не интересуется вопросъ о студенческихъ беспорядкахъ, которые всегда были случайными и прискорбными явленіями, не интересуется насъ и восторгъ автора передъ *самодержавно-чужанскою системою* извѣстнаго попечителя московскаго учебнаго округа, графа Строганова. Для меня важенъ фактъ, что человѣкъ чужаго для насъ лагера, осуждая современную учащуюся молодежь, признаетъ за нею самые благородные и великодушные порывы и говорить, что молодежи этой *не откуда было почерпнуть зрѣлости мнѣній и твердости убѣжденій*. Въ этихъ словахъ заключается значительная доля правды. Въ самомъ дѣлѣ, не оказываетъ ли на молодежь поистинѣ развращающаго вліянія измѣна лучшимъ убѣжденіямъ молодости или малодушное подлаживаніе подъ смѣняющіяся условія жизни со стороны людей зрѣлыхъ и видныхъ? Много ли у насъ людей, всю жизнь честно и стойко шедшихъ по общественной дорогѣ? Книге говорить: «Что такое, въ сущности, вопросъ преподаванія? Во-

прось правственного руководства». А сколько изъ нашихъ ученыхъ мужей созрѣло до такого руководства?

Изъ сказаннаго отнюдь не слѣдуетъ, чтобы вся вина за шаткость идеаловъ, за слабый интересъ къ наукѣ и къ общественному благу падала на старыя поколѣнія, на окружающія условія: вѣдь, тогда немыслимъ былъ бы ни одинъ шагъ впередъ, ни одно благотворное преобразование. Какъ ни слаба у насъ культурная традиція, она все же существуетъ. Съ Ломоносова и Новикова русская интеллигенція прошла длинный и скорбный путь, накопила не мало умственного и нравственного богатства, открытаго для каждаго. Молодость должна черпать изъ этого богатства, студенческіе годы должны быть отданы научному труду и восторженной мечтѣ. Только черствое сердце и узкій умъ могутъ требовать, чтобы юноша изо дня въ день сидѣлъ надъ учебниками и сдавалъ репетиціи за репетиціями. Принудить студента выучить то-то и то-то—дѣло не мудреное. До извѣстной степени это требованіе и необходимо, и разумно, но только до извѣстной степени. Несравненно важнѣе и безконечно труднѣе—пробудить или укрѣпить въ молодой человѣкѣ пытлиую мысль и вооружить его приемами самостоятельной умственной работы. И этого мало: большая часть молодежи, проходящей черезъ высшія учебныя заведенія, посвятитъ себя потомъ не наукѣ, не теоретическому знанію; такъ укажите же на неразрывную и плодотворную связь общеевропейской науки и русской жизни, разъясните пути и средства, какими образованный человѣкъ можетъ и долженъ служить родинѣ. А у насъ въ модѣ теперь зубреніе учебника выдавать за усвоеніе науки, съ одной стороны, а, съ другой стороны, не менѣе въ модѣ наглое хихиканье надъ доктринами и направленіемъ. Вотъ что говорилъ о наукѣ,—европейской, конечно, а не какой-то исключительно русской,—одинъ изъ умнѣйшихъ нашихъ писателей, одинъ изъ вождей стараго славянофильства: «Человѣкъ не имѣетъ права отступаться отъ требованій науки. Онъ можетъ съ утомленія закрыть глаза, насильно на себя наложить забвеніе, и послѣдующій за этимъ миръ есть гробъ повлеченный, изъ котораго не выйдетъ никогда ни жизни, ни живаго *)». А вотъ что дѣлаютъ въ Англіи для того, чтобы живое вліяло на живое **: «какъ только въ Англіи убѣждаются въ способностяхъ какого-нибудь государственнаго дѣятеля, его нерѣдко стараются назначить *лордомъ-ректоромъ* одного изъ университетовъ или призываютъ къ другому такому же посту, занимая который онъ могъ бы непосредственно вліять на молодыя поколѣнія. Этотъ союзъ политики и науки—замѣчательная черта въ англійской жизни. Дѣятельность политическихъ лордовъ-ректоровъ имѣетъ особенное значеніе въ образовательномъ дѣлѣ страны, соединяя прошлое ея политики съ настоящимъ».

Безъ такого соединенія нѣтъ традицій, нѣтъ прошлаго; въ историческомъ смыслѣ слова, и поколѣнія за поколѣніями, какъ перекачи-поле, про-

*) А. С. Хомяковъ въ письмѣ къ Ю. Ф. Самарину.

**) Беру эту цитату изъ консервативныхъ (но умныхъ) *С.-Петербургскихъ Видомостей*.

носятся временемъ по исторической сценѣ. Скажемъ же поэтому учащейся молодежи, которая скоро должна смѣнить нась, въ видѣ добраго напутствования для новаго года:

„Не легка твоя будетъ дорога,
Но иди, — не погибнетъ твой трудъ!
Знамя чести и истины строгой
Только крѣпкіе въ бурю несутъ.
Безконечное мнѣніе движеніе,
Царство разума, правды святой—
Вотъ прямое твое назначеніе,
Добрый подвигъ на почвѣ родной!“

Пусть не впадаетъ молодежь въ малодушную разочарованность и въ практическую разсудительность: для меланхолии нѣтъ основаній, а житейскій опытъ введетъ въ границы великодушныя стремленія. Припомните, что жизненные цѣли надо ставить выше, какъ можно выше, чтобы теченіе, попережъ котораго придется вамъ плыть, не отнесло васъ далеко ниже... Оглянитесь вокругъ: вы увидите много честной работы, много честно поработавшихъ людей. Напоминать о такихъ людяхъ составляетъ долгъ публициста, и я счастливъ, что имѣю поводъ сказать въ своихъ январскихъ замѣткахъ о нѣсколькихъ общественныхъ дѣятеляхъ, которые много и долго потрудились для русскаго общества, которые не зарыли въ землю своихъ талантовъ.

У меня въ рукахъ январская книжка *Отечественныхъ Записокъ* 1839 г. Издатель этого учено-литературнаго журнала, А. А. Браевскій, благополучно здравствуетъ до нашихъ дней и въ теченіе полулѣтѣа служилъ русскоѣ литературѣ и русскому просвѣщенію, усердно и плодотворно служить ему и въ настоящее время. Первая книжка возобновленнаго журнала, игравшаго такую важную роль въ исторіи нашего умственнаго развитія, составляетъ теперь библиографическую рѣдкость, и читатели не посѣтуютъ на меня за то, что я познакомлю ихъ съ составомъ и содержаніемъ этой книжки. Она открывается *Современною хроникой Россіи*: «Спокойно устремимъ на прекрасное будущее, — говоритъ редакціонная хроника, — взоръ, полный душевнаго довѣрія, и съ отраднымъ самодовольствіемъ будемъ замѣчать, на радость нашихъ потомковъ, отечественные успѣхи вѣка, въ которомъ жили отцы ихъ и дѣды». Кончается хроника поистинѣ кандиловскими вопросомъ: «не все ли было сдѣлано и постоянно дѣлается для славы нашей, для огражденія нашихъ выгодъ и пользы, для усиленія нашего благосостоянія и для увеличенія нашихъ наслажденій?»

За критикою слѣдуютъ науки. Первое мѣсто здѣсь занимаетъ статья Э. И. Губера: *О философіи*. И эта статья проникнута восторженнымъ патриотизмомъ. Авторъ замѣчаетъ въ Россіи «быстрые, почти невозможные успѣхи по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія». Исключеніе составляетъ, — говоритъ Губеръ, — только философія, въ которой, однако, «заключается ключъ ко всѣмъ наукамъ вообще». Не безъ остроумія замѣчаетъ авторъ,

что «темное словопреніе, напыщенные фразы наших доморощенныхъ философовъ живо напоминаютъ собою таблицу умноженія восторженной вѣдѣмы въ Гётевскомъ *Фаустѣ*». Это, пожалуй, не лишено мѣткости и для нынѣшнихъ нашихъ метафизиковъ.

Второе мѣсто въ отдѣлѣ наукъ занимаетъ статья о кадастрѣ, за нею слѣдуютъ историческій документъ и историческая статья. *Словесность* открывается стихотвореніемъ Дельвига, рядомъ съ которымъ напечатаны *Въ альбомѣ* Пушкина («Долго сихъ листовъ завѣтныхъ не касался я перомъ»), *Отрывки изъ поэмы* гр. Ростопчиной, *Италія* Бенедиктова, *Измѣна суженой* Кольцова, *Дума* Лермонтова, *Отрады недума* Туманскаго. Въ знаменитой *Думѣ* пропущены двѣ строчки, вошедшія въ царствованіе Императора Александра II въ новое изданіе сочиненій великаго поэта. Напечатано:

„Къ добру и злу постыдно равнодушн,
Въ началѣ поприща мы встанемъ безъ борьбы“.

Пропущено:

„Передъ опасностью позорно малодушн,
И передъ властію презрѣнныя рабн“.

Странный контрастъ составляетъ великолѣпная и мрачная лермонтовская *Дума* съ ликующимъ тономъ указанныхъ нами статей...

Проза *словесности* состоитъ изъ повѣстей и разсказовъ князя Одоевскаго, Марлинскаго, графа Сологуба и переводной повѣсти (Сервантеса). Интересныя по времени свѣдѣнія находятся въ отдѣлѣ *художества, домоводства, сельскаго хозяйства и промышленности вообще*. Въ критикѣ напечатана статья о переводѣ *Фауста* (Губера). *Современная библиографическая хроника* обозрѣваетъ русскую, германскую, англійскую и французскую литературу въ 1838 году. Затѣмъ слѣдуетъ *смѣсь*.

Читатель видитъ, что *Отечественныя Записки* полвѣка тому назадъ составлялись интересно, что нельзя не помянуть добрымъ словомъ общественнаго дѣятеля, ихъ создавшаго. Добрымъ словомъ необходимо помянуть также полувѣковую дѣятельность одного изъ талантливейшихъ лирическихъ поэтовъ нашихъ—Фета.

Читаю я также старую книжку: *Стихотворенія А. Фета*. Москва, 1850 г. (цензурное разрѣшеніе В. Н. Лешкова, извѣстнаго профессора, помѣчено 14 декабря 1847 года; отчего такой долгій срокъ отдѣляетъ разрѣшеніе книги отъ ея напечатанія?). Эти стихотворенія, —говоритъ поэтъ, —собраны и сгруппированы Аполлономъ Григорьевымъ *). Фетъ уже тогда былъ мастеромъ стиха. Вотъ одно изъ стихотвореній, озаглавленныхъ общимъ именемъ *Сны*:

„На двойномъ стеклѣ узоры
Начертилъ морозъ,
Шумный день свои дозоры
И гостей унесъ;

*) Предисловіе къ третьему выпуску *Вечернихъ омы* (М., 1888 г.).

Смокнулъ яркій говоръ сплетней,
 Скучный голосъ дня: —
 Благодатный и пріятный
 Все кругомъ меня.
 Предъ горящими дровами
 Сидимъ—тамъ тепло.
 Мѣсяцъ быстрыми лучами
 Провизалъ стекло.
 Ты хитрила, ты скрывала,
 Ты была умна;
 Ты давно не отдыхала,
 Ты утомлена.
 Но люблю я утомленье
 Это созерцать:
 *)
 Въ торжествѣ усюкоеныя
 Свѣтлой красоты,
 Безъ улыбки, безъ движенія,
 Мнѣ понятна ты^а.

Конецъ этого стихотворенія впоследствии измѣненъ поэтомъ **): послѣ *ты утомлена* слѣдуютъ прямо четыре заключительныхъ стиха:

„Положъ гнѣзнаго волненія,
 Сладостной мечты,
 Буду ждать усюкоеныя
 Чистой красоты^а.

Отъ этой перемены впечатлѣніе получается болѣе сильное и гармоничное. Въ первой редакціи не совсѣтъ понятно, почему поэтъ любитъ *созерцать утомленье*, вызванное яркимъ говоромъ сплетней и притворствомъ. Неуловимая прелесть стиха сочетается здѣсь съ прелестью содержанія, съ противоположеніемъ негнѣной суетлови свѣтскаго дня и поэтической простоты и правды наступившихъ потомъ отношеній. Въ упомянутомъ уже нами предисловіи самъ А. А. Фетъ говоритъ, что онъ уходилъ отъ жизненной тяготы, пробивалъ будничныи ледъ, «чтобы хотя на мгновеніе вдохнуть чистымъ и свободнымъ воздухомъ поэзіи». Онъ является въ своихъ произведеніяхъ не пророкомъ, не проповѣдникомъ; въ его стихахъ вѣсть тихая греза, снится свѣтлая любовь, и спасибо ему за тѣ сладкія мгновенія, какія Фетъ вызываетъ въ непредубѣжденномъ читателѣ. Добрѣе и лучше становишься, перечитавши его стихотворенія, а это ли не заслуга писателя-художника?

Правда, подрядъ прочитать всѣ стихотворенія Фета дѣло не легкое: слишкомъ много любви, слишкомъ много любви. Нѣкоторая монотонность чувствуется въ произведеніяхъ поэта, который про себя сказалъ:

„... не знаю самъ, что буду
 Пѣть, но только пѣся зрѣть^а.

*) Двѣ строчки пропущены въ подлинникѣ.

***) Стихотворенія А. А. Фета, изд. К. Сомдатенкова. М., 1868 г., часть первая.

Но кто же читает сплошь лирическаго поэта? У Фета можно было бы выбрать много превосходныхъ стихотвореній, поистинѣ перловъ нашей лирической поэзіи; къ числу ихъ принадлежитъ *Узникъ*, извѣстный—по крайней мѣрѣ, въ былые годы—каждому школьнику. «Плѣнительные сны лелѣя на яву»,—говорить муза Фета,—

„Своей божественною властью
Я къ наслажденію високому зову
И къ человѣческому счастью“.

Въ какомъ счастьи? Его содержаніе не богато въ стихотвореніяхъ Фета. Кромѣ женской любви, поэтъ въ теплыхъ выраженіяхъ говоритъ о роднѣ (*Отвѣтъ Тургеневу, Тургеневу*). Особенникомъ стоитъ у него стихотвореніе, посвященное *Е. П. К—у*. Я приведу его, чтобы указать чуть ли не единственный примѣръ, когда въ произведеніяхъ Фета прозвучала симпатичная общественная нотка:

„Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой
И, тихо наклонясь усталой головой,
Напрасно смотришь ты съ язвительной улыбкой
На благородный подвигъ твой.“

Судьба тебя тоской несправдливой истерзала,
Въ измученной груди волшебный голосъ живъ;
Въ немъ слышенъ жаръ любви, въ немъ жажда идеала
И сердца смѣлаго порывъ.“

Такъ, навсегда простясь съ родимой скалою,
Затерянный въ нескахъ разсѣчатыхъ стѣней,
Встрѣчаетъ кутяниковъ, томлящихся отъ аномъ,
Изъ камня брызнувшій ручей“.

Но, главнымъ образомъ, Фетъ воспѣвалъ «шепотъ, робкое дыханье»,— на разный ладъ воспѣвалъ полвѣка. Въ стихотвореніи, написанномъ въ 1887 году, поэтъ говоритъ:

„Если радуешь утро тебя,
Если въ пышную вѣршию прилѣту,—
Хоть на время, на мигъ полюбя,—
Подари эту розу поету!“

Что подблаещь съ поэтомъ, съ нашимъ Анакреономъ! Мѣнялись общественные устои, падало крѣпостное право, возникло самоуправленіе, независимая печать, но для поэзіи Фета все это прошло безслѣдно. Некрасовскій гражданинъ такъ упрекаетъ поэта:

„Съ твоимъ талантомъ стыдно спать;
Еще стыднѣй въ годину гора
Красу долины, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать...“

Въ интересахъ безпристрастія, я подавляю въ себѣ личную симпатію къ требованію гражданина и говорю, что не слѣдуетъ впадать въ односторонность, не надо въ борьбѣ, хотя бы страстной и опасной, забывать вѣчныхъ (въ человѣческомъ смыслѣ) упований и грезъ, въ числѣ которыхъ

любовь играла всегда такую важную роль. Спасибо поэту за то, что он не отдал своей музы на служение темным силам, что он остался веренъ себѣ, своему чистому служенію искусству въ пѣсняхъ о горѣ и радостяхъ любви. Ну, а теперь о любви довольно. Пора напомнить о людяхъ, которые долго и честно поработали для русскаго общества въ другомъ направленіи, которые путемъ знанія и мысли старались развить у насъ сознание права и законности. Въ январѣ наступившаго года исполнилось двадцать лѣтъ изданію московскаго юридическаго общества—*Юридическому Вѣстнику*. Первыми редакторами этого изданія, первоначально называвшагося *Юридическою Газетою*, были Н. В. Калачовъ и С. С. Шайкевичъ. Долгое время во главѣ его стояли Лешковъ и А. М. Фальковский. С. М. Муромцевъ редактируетъ *Юридическій Вѣстникъ* въ течение десяти уже лѣтъ. При немъ опредѣлилась фizioномія этого изданія, его безкорыстнымъ и неустаннымъ трудомъ упрочена репутація *Юридическаго Вѣстника*, какъ научнаго органа юриспруденціи, какъ журнала, чутко отзывающагося на юридическіе запросы текущей жизни. Съ 1879 по 1889 годъ *Юридическій Вѣстникъ* далъ много интереснѣйшихъ статей, какъ теоретическихъ, такъ и посвященныхъ практическимъ вопросамъ. Онъ неуклонно стремился къ тому, чтобы связать университетскую науку съ судебною практикой, чтобы пополнять доктрину указаніями опыта и направлять этотъ опытъ свѣтомъ обще-европейской юридической мысли. Въ журналѣ помѣщались изслѣдованія и замѣтки по всѣмъ предметамъ, которые входятъ или должны входить въ составъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ. Редакція вѣрно понимаетъ ту неразрывную связь, которая существуетъ между всѣми отраслями общественныхъ наукъ, и не замыкается ни въ какія догматическія рамки. *Юридическій Вѣстникъ* поэтому читается съ живымъ интересомъ и пользою не только юристами-теоретиками и практиками, но и каждымъ образованнымъ человекомъ, которому понятны и дороги вопросы справедливости и разумнаго общественнаго устройства. Двигая впередъ теоретическую и историческую разработку права, русскаго и иностраннаго, журналъ московскаго юридическаго общества содѣйствуетъ, въ то же время, пониманію и разрѣшенію насущныхъ потребностей нашей жизни, какъ юридическихъ, такъ и экономическихъ. Отъ души желаемъ дорогому собрату дальнѣйшихъ успѣховъ и широкаго распространенія. И такъ, есть чему и у кого поучиться,—повторю я, обращаясь къ молодежи,—не оскудѣла Русская земля и умомъ, и трудомъ, и безкорыстною преданностью истинѣ и правдѣ. И въ области науки, и въ области искусства, и въ области общественной жизни не перестаютъ горѣть путеводные маяки. Если вамъ кажется слабымъ свѣтъ этихъ маяковъ,—запасайтесь знаніемъ, которое больше, чѣмъ у нашего поколѣнія, развивайте въ себѣ высшую энергію и сильнѣйшую любовь къ мысли и дѣлу, а не опускайте рукъ, не отводите глазъ отъ этого огня, который, быть можетъ, и тускло мерцаетъ, но указываетъ вѣрный путь. Вслушайтесь и вдумайтесь въ призывы съ нашей стороны. Помните нашъ

девизъ: *Suaviter in modo, fortiter in re*. Мы почти ничего не ждемъ уже для себя. Вся наша мысль, все наше сердце отданы на то, чтобы вамъ, молодому поколѣнію, жилось въ послѣдствіи легче и лучше нашего. Мы не рассчитываемъ увидать землю обѣтованную, но это не мѣшаетъ намъ идти впередъ, пролагать путь тѣмъ, которымъ суждено ступить на эту землю. Исторію создаютъ усилія ряда поколѣній и торжество выпадаетъ не на каждое изъ нихъ. Бываютъ эпохи восторженнаго возбужденія, общенациональнаго творчества, когда испанскіе замыслы кипятъ и воплощаются въ жизни. Наше время проходитъ, какъ предразсвѣтныя сумерки. Многимъ изъ насъ не придется увидѣть розовой полоски зари, а заря, все-таки, займется и охватитъ небосклонъ...

Недавно одинъ изъ читателей *Русской Мысли*, возобновляя свою подписку, упрекнулъ автора этихъ критическихъ замѣтокъ въ излишнемъ... *джентльментствѣ*. Не могу раскаяться въ этомъ свойствѣ моихъ замѣтокъ. Наоборотъ, искренне радъ, что оно отмѣчено. Пусть будетъ занятнѣе другой способъ бесѣды съ читателемъ, пусть мои приемы изложенія не доставятъ мнѣ популярности. Не отказался бы я, разумѣется, отъ послѣдней, но не желаю пріобрѣтать ее цѣною угожденія такимъ требованіямъ и вкусамъ, которымъ не сочувствую. Передъ русскимъ обществомъ въ настоящій историческій моментъ возникаютъ великія и трудныя задачи. На обязанности публициста лежитъ будить серьезную мысль, развивать и укрѣплять въ русскомъ человѣкѣ чувство собственного достоинства, выяснять ему обязанности и права по отношенію къ цѣлому. Тотъ полемическій задоръ, та рѣзкость выраженій, которые многимъ нравятся, мнѣ не по душѣ. Я признаю справедливою мысль *«que le mot soit vilain quant vilaine est la chose»*, — только я предпочитаю говорить, по мѣрѣ возможности, о томъ, что должно возбуждать симпатію и уваженіе, а въ противникѣ желаю видѣть *человѣка*, хочу идти на встрѣчу его мнѣнію, понять его и горячо поспорить съ нимъ, въ случаѣ несогласія, но не оскорбить его лично. Наша жизнь страдаетъ, между прочимъ, именно слабымъ развитіемъ *джентльментства*, то-есть необузданнымъ разгуломъ личнаго самолюбія и личныхъ желаній, отсутствіемъ общественной дисциплины, — иными словами, недостаткомъ подчиненія собственного *я* тому *направленію*, которому должно служить сознательно и честно. Разные разгильдяи нашей печати тупо издѣваются надъ *направленствомъ* (и слово-то глупое) и хвастаютъ своею *независимостью* въ этомъ отношеніи; но въ такой независимости отсутствуютъ общественный смыслъ и подлинное личное достоинство. Эти господа воображаютъ, что неловко и стыдно считать себя нравственно связаннымъ съ людьми единомыслящими и принимать въ своихъ поступкахъ и словахъ во вниманіе интересы группъ или направленія. Ну, и пусть ихъ воображаютъ! Мы дѣлаемъ свое дѣло съ увѣреннымъ спокойствіемъ, потому что насъ занимаетъ не величина собственныхъ силъ, а правда и красота тѣхъ цѣлей, къ которымъ мы идемъ, прямота и честность тѣхъ средствъ, какими мы пользуемся. Иной разъ намъ приходится промолчать о нѣкото-

рыхъ явленіяхъ въ чужомъ или своемъ лагерѣ; но мы не понимаемъ, какъ можно считать достоинствомъ, если человекъ,—а тѣмъ болѣе газета или журналъ,—болтаютъ безъ удержу обо всемъ и выдаютъ эту болѣзненную неудержимость своего языка за безпристрастіе. Впрочемъ, въ нашей печати творится много неладнаго. Такъ, недавно *Наблюдателю* съ гнѣвною серьезностью заявилъ, что не говорить о немъ на страницахъ *Русской Мысли* значитъ совершать... *шантажъ*. Увы, эта нелѣпость напечатана въ названномъ петербургскомъ журналѣ. Если очень ужъ хочется *Наблюдателю*, мы когда-нибудь объяснимъ ему, почему намъ нѣтъ надобности бесѣдовать о немъ съ нашими читателями.

Кончаю на этотъ разъ свои замѣтки слѣдующимъ пожеланіемъ. *Вѣстникъ Европы* (январь, «Внутреннее Обзоріе») говоритъ слѣдующее: «Четверть вѣка въ жизни народа и государства—это, въ одно и то же время, очень мало и очень много. Очень мало потому, что народная жизнь измѣняется медленно и туго; очень много потому, что настроенія и теченія въ верхнихъ слояхъ общества слѣдуютъ одно за другимъ съ большою быстротой. Популярное сегодня становится завтра предметомъ равнодушія, послѣзавтра — предметомъ ожесточенныхъ нападеній». Пусть же эти теченія и настроенія ибнѣняются и ускоряются лишь на благо русскаго народа, устраняя препятствія для его историческаго роста, создавая условія для разцвѣта его духовной самодѣтельности.

Т.

1888 годъ въ политическомъ отношеніи.

Западно-европейская печать, въ особенности германская, проводила истекшій годъ миролюбивыми соображеніями относительно ближайшаго будущаго. Нѣмецкія оффиціозныя газеты выражаютъ увѣренность, что наступившій годъ не вызоветъ международныхъ столкновеній, что у европейскихъ народовъ не отыщется благодѣяніе мира. Но этотъ вооруженный миръ изъ году въ годъ становится все болѣе и болѣе тягостнымъ и все менѣе и менѣе напоминаетъ дѣйствительное благодѣяніе глубокой увѣренности въ безопасности завтрашняго дня,—въ томъ, что производительный трудъ народа не расточается милитаризмомъ и обезпеченъ отъ гибельныхъ послѣдствій войны, хотя бы и побѣдоносной. Средне-европейскій союзъ, попрежнему, крѣпокъ, попрежнему, направленъ противъ Франціи и нашего отечества, являясь для Германіи сильнымъ оплотомъ ея военнаго преобладанія и политическаго могущества въ Европѣ. Международныя отношенія въ прошломъ году вслѣдствіе этого не улучшились, дѣйствительные интересы просвѣщенія, политической свободы и экономическаго благосостоянія приносились и приносятся въ жертву милитаризму и различнымъ честолюбивымъ затѣямъ. Внутренняя жизнь западно-европейскихъ народовъ находится подъ вѣчнымъ гнетомъ военныхъ расходовъ и солдатчины и подъ вѣчнымъ страхомъ кроваваго нарушенія мира. Нѣтъ надобности объяснять, какими пагубными во всѣхъ отношеніяхъ результатами сопровождается такой порядокъ вещей, и можно лишь порадоваться, что здравый смыслъ политически-развитаго западно-европейскаго общества удерживаетъ правительства великихъ державъ отъ многихъ рискованныхъ шаговъ и парализируетъ отчасти дѣятельность современной дипломатіи. На Германіи, которой принадлежитъ прискорбная инициатива превращенія культурнаго государства въ военный лагерь, всего яснѣе сказывается и вліяніе милитаризма. Четырехъ-мѣсячное царствованіе Фридриха III только слегка всколыхнуло нѣмецкую жизнь и не пошатнуло, и не могло такъ скоро пошатнуть, той твердыни милитаризма и бюрократизма, которая давно уже сооружалась и довершена искусствомъ и волею князя Бисмарка. Отставка прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ Путткаммера, отъявленнаго представителя реакціи, не сопровожда-

лась, вслѣдствіе кончины императора Фридриха III, измѣненіемъ правительственной системы, и лично по отношенію къ этому министру немилость смѣнена благоволеніемъ: императоръ Вильгельмъ II пожаловалъ Путткамеру высшій прусскій орденъ. Стремленіе все подчинить государственному величію, все обратить въ орудіе и средства для достиженія военнаго и бюрократическаго могущества обнаруживается во всѣхъ дѣйствіяхъ имперскаго и прусскаго правительства. Общество, которое пугаютъ войною возмездія со стороны Франціи и воистинными, будто бы, замыслами Россіи, невольно поддается непрерывному и тяжелому давленію. Заботы о широкомъ развитіи общественной самодѣятельности отступаютъ на задній планъ, уменьшается та идеалистическая потребность въ свободѣ мысли и политической дѣятельности, которая характеризовала Германію недавняго еще прошлаго. Необходимо отдать справедливость германскому народу: высшія стремленія цивилизованной жизни тормазятся у него почти непреодолимыми препятствіями, роковымъ послѣдствіемъ несправедливаго мира, которымъ поругано достоинство другаго великаго народа и нанесенъ тяжелый ударъ государственнымъ интересамъ этого народа. Король прусскій въ началѣ войны съ Наполеономъ III торжественно объявилъ, что сражается именно съ послѣднимъ, а не съ французскимъ народомъ. Тѣмъ не менѣе, несчастная для Франціи война окончилась насильственнымъ отторженіемъ Эльзаса и Лотарингіи. Теперь уже можно сказать, что предсказаніе графа Мольтке оправдалось: Германія вынуждена полвѣка стоять подъ ружьемъ, оберегая отнятое, если новая и смертельная война не разразится раньше. Германскій народъ, поднятый первоначально на защиту отечества, а потомъ опьяненный неслыханными побѣдами, повѣрилъ своему правительству, что насиліе можетъ замѣнить справедливость въ основаніи государственной жизни, и теперь поставленъ въ истиннѣ трагическое положеніе: возратить отнятыя у Франціи области не позволяетъ чувство національной гордости, а необходимость вѣчно вооружаться, чтобы отразить возможное нападеніе Франціи, влечетъ за собою усиленіе милитаризма и неразлучной съ нимъ реакціи. Законодательная дѣятельность германскаго парламента по большей части состоитъ въ разрѣшеніи правительству новыхъ и новыхъ военныхъ расходовъ и въ установленіи для покрытія ихъ все новыхъ и новыхъ налоговъ, преимущественно косвенныхъ, чтѣ и само по себѣ является очень печальнымъ признакомъ. Въ парламентѣ не перестаютъ раздаваться краснорѣчивые голоса, которые громятъ правительственную политику и разоблачаютъ тѣ хитрыя тенета, въ которыя улавливается германскій народъ; но большинство рейхстага, какъ и большинство населенія, пославшее депутатовъ въ парламентъ, поддерживаетъ нынѣшнюю систему, хотя искреннихъ и убѣжденныхъ сторонниковъ ея не особенно много въ рядахъ этого большинства. Можно смѣло сказать, вопреки довольно распространенному мнѣнію, что германскій народъ лучше своего нынѣшняго правительства, что онъ вполне заслуживаетъ иного. Несчастная случайность—смерть императора Фридриха III—помѣшала новому историческому доказательству этой

ности. Всякому должно быть ясно, что разъ сложившаяся организація, разъ установившаяся система будетъ въ теченіе долгаго времени, въ мѣру своей крѣпости, оказывать благодѣтельное или вредное вліяніе на ростъ общественныхъ силъ, на самодѣятельность и отдѣльныхъ лицъ, и общественныхъ группъ. Если такая система, какова, напримѣръ, система, возведенная и неуклонно проводимая княземъ Бисмаркомъ, поставила себѣ прямою задачей порабощеніе общества и личности государству, то никакая проповѣдь индивидуальной морали, личнаго самосовершенствованія по угламъ и у домашняго очага, не въ состояніи устранить зла и создать общественно-необходимыхъ условій для плодотворнаго развитія личной мысли и личнаго труда. Великая заслуга нѣкоторыхъ группъ оппозиціоннаго меньшинства въ германскомъ парламентѣ, главнымъ образомъ, въ томъ и заключалась, что эта оппозиція не даетъ заснуть политической мысли и заглохнуть политическому самоуправленію нѣмецкаго народа. Князь Бисмаркъ съ свойственною ему проникательностью понялъ, напримѣръ, что бороться съ социаль-демократическою партіей слѣдуетъ путемъ экономическихъ преобразованій въ интересахъ народныхъ массъ; но имперскій канцлеръ желаетъ при этомъ сосредоточить въ рукахъ государства новую страшную силу, подчинить руководительству центральной власти страхованіе рабочихъ и другія учрежденія, въ основѣ которыхъ несомнѣнно лежитъ благодѣтельная мысль. Вотъ противъ такого-то усиленія бюрократіи и возстаютъ вполнѣ основательно вожди нѣмецкихъ либеральныхъ партій.

Въ общемъ истекшій годъ не былъ благопріятенъ для германскаго народа, не разрѣшилъ для него ни одного затрудненія, не уменьшилъ ни одной лежащей на немъ тяготы. Труденъ былъ 1888 годъ и для Австро-Венгріи. Всѣ международные вопросы, въ которыхъ заинтересована Габсбургская монархія, всѣ ея внутреннія распри остаются неразрѣшенными. Событія на Балканскомъ полуостровѣ принимаютъ несовсѣмъ благопріятное для мадьяръ и нѣмцевъ теченіе. Въ Сербіи Миланъ вынужденъ былъ пойти на широкія уступки общественному мнѣнію. Новая конституція, выработанная особою комиссіей, принята великою скупщиною безъ преній, громаднымъ большинствомъ (494 голоса противъ 73). Сербскій народъ и народное представительство получили по новой конституціи обширныя права, и король Миланъ имѣлъ право сказать депутатамъ скупщины: «Возвращайтесь по своимъ домамъ и говорите всѣмъ и каждому, что король расстался со скупщиною слѣдующими словами: *слава свободнымъ законамъ Сербіи и слава сербскому народу!*» Принятіе новой конституціи сопровождалось амнистіей политическимъ преступникамъ, что является со стороны короля Милана не только дѣломъ гуманности, но и ловкимъ политическимъ шагомъ. Если не помѣшаютъ какія-либо несчастныя случайности, то передъ Сербіей открывается теперь счастливая будущность. Радикальная партія, побѣдившая на выборахъ въ великую скупщину, совсѣмъ не намѣрена подчиняться австрофильской политикѣ Милана и въ общемъ расположена къ Россіи. Надо надѣяться, что русская дипломатія не оттолкнетъ

новыми ошибками сербскій народъ отъ нашего отечества и докажетъ, что симпатіи къ Россіи и дружественныя отношенія къ намъ нисколько не препятствуютъ самостоятельному и свободному развитію Сербіи, отнюдь не могутъ знаменоватъ торжества реакціи въ королевствѣ, какъ объ этомъ на всѣ лады твердятъ наши нѣмецкіе и мадьярскіе недоброжелатели. Нѣкоторые вожди славянъ до сихъ поръ находятъ необходимымъ отречься отъ союза съ Россіей, даже отъ дружественныхъ чувствъ къ ней. При обсужденіи въ дислейтанской палатѣ депутатовъ новаго закона, увеличивающаго боевыя силы Австріи, вождь старо-чеховъ, знаменитый Владиславъ Ригеръ, высказываясь за правительственное предложеніе, рѣшительно выступилъ противъ притязаній навязать славянскимъ племенамъ русскій языкъ и обратить ихъ всѣхъ въ православіе, чего требуютъ нѣкоторые изъ вліятельныхъ нашихъ публицистовъ. Ригеръ высказалъ въ своей рѣчи убѣжденіе, что развитіе чешскаго народа возможно только въ Австріи, и эти слова вызвали рукоплесканія правой стороны парламента. Но произнесенная въ томъ же засѣданіи рѣчь одного изъ главныхъ руководителей нѣмецкаго оппозиціоннаго меньшинства, знаменитаго Пленера, является новымъ доказательствомъ того, какая вражда раздѣляетъ населяющіе Австро-Венгрію народы, съ какимъ ожесточеніемъ большинство австрійскихъ нѣмцевъ возстаетъ противъ уравнинія политическихъ правъ чеховъ съ правами, которыми пользуются издавна нѣмцы. Пленеръ указывалъ на несогласное противорѣчіе иностранной и внутренней политики Австро-Венгрии: союзъ съ Германіей и угнетеніе, по мнѣнію Пленера, нѣмцевъ; союзъ съ Италіей и дружба съ непримиримыми врагами современной Италіи—клерикалами; союзъ съ Германіей и Италіей заключенъ,—продолжаетъ Пленеръ,—противъ Россіи, а внутри Габсбургской монархіи господствуетъ славизирующая политика. Австрійскіе нѣмцы,—воскликаетъ ораторъ оппозиціи,—преисполнены величайшимъ недовольствомъ противъ нынѣшняго управленія. Вождь младо-чеховъ, Грегръ, въ свою очередь не пощадилъ крѣпкихъ выраженій противъ Пруссіи и Германіи. Онъ очень встати напомнилъ о прусской лояльности: въ войну 1866 г. прусская прокламація приглашала *славное Богемское королевство* отпасть отъ Австро-Венгрии. Главный органъ старо-чешской партіи, *Politik*, молитъ Бога о томъ, чтобы Онъ предохранилъ династію и австрійскіе народы отъ возвращенія къ власти нѣмецкой партіи, которое знаменовало бы собою угнетеніе славянъ внутри Австро-Венгрии и вызывающую иностранную политику.

Съ тревожными задачами перешла въ новый годъ и Великобританія. Ирландскій вопросъ продолжаетъ грозно раздѣлять англійскія политическія партіи. Со стороны какъ друзей, такъ и враговъ ирландскаго самоуправленія дѣлаются напряженныя усилія, чтобы сломить сопротивленіе, чтобы снять съ очереди этотъ вопросъ, устранить опасность для существованія Англіи, какъ мировой державы. Мюнхенская *Allgemeine Zeitung* вѣрно замѣтила, что на Ирландіи оправдывается поговорка: «за всякую вину наступаетъ на землѣ отомщеніе». Въ теченіе столѣтій несчастный *Зеленый*

островъ попирали англичанами, и теперь они пожинаютъ тѣ плоды, которые посѣяла ихъ несправедливость. Наступилъ поворотъ въ англійской политикѣ, но пришелъ онъ поздно. Ирландцевъ теперь уже не могутъ удовлетворить тѣ уступки, которыя были бы съ радостью приняты ими двадцать, даже десять лѣтъ тому назадъ. Національная вражда, подъ влияніемъ несправедливыхъ притѣсненій консервативнаго англійскаго кабинета, достигла большого ожесточенія, и ирландцы стремятся въ настоящее время къ такой политической самостоятельности, которая не мирится съ гордостью англичанъ-побѣдителей. Французская революція пробудила было политическія мечты среди ирландцевъ, но движеніе было подавлено, и на рубежѣ нашего вѣка многострадалная страна теряетъ остатки своей автономіи. Въ 1829 году, благодаря энергическимъ усиліямъ *великаго агитатора* — О'Коннелла, падаетъ одно изъ грубѣйшихъ нарушеній справедливости, и ирландскіе католики получаютъ доступъ въ великобританскій парламентъ. Много тяжелыхъ годовъ, много бѣдствій пришлось послѣ того, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, пережить ирландскому народу; но онъ стойко и мужественно боролся за свои поруганныя права и не испытывалъ недостатка въ даровитыхъ, энергичныхъ и преданныхъ національному дѣлу вождяхъ. Нужда, голодъ, притѣсненія заставляли ирландцевъ переселяться въ Америку, но и тамъ они не забывали своей далекой родины. Мало-по-малу ирландскіе переселенцы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ образовали собою большую силу и выступили на помощь своимъ братьямъ, боровшимся съ англійскимъ правительствомъ за самоуправленіе, за кусокъ земли, обрабатываемый ирландцемъ-земледѣльцемъ. Въ 1868 году Гладстонъ вноситъ въ парламентъ предложеніе отмѣнить господство государственной (англиканской) церкви въ Ирландіи. Въ слѣдующемъ году великій государственный человѣкъ, какъ первый министръ, проводитъ свой законопроектъ черезъ обѣ палаты англійскаго парламента. Въ семидесятыхъ годахъ начинается въ Ирландіи усиленное движеніе къ самоуправленію (*Home-Rull*); это движеніе приобретаетъ особенно роковое для старыхъ англійскихъ партій значеніе, когда вождемъ ирландцевъ становится знаменитый Парнелль. Справедливое дѣло ирландскаго народа пробуждаетъ все большія и большія симпатіи въ англійской демократіи, но едва ли наступившій годъ увидитъ благополучное разрѣшеніе этого вопроса, столь существеннаго для Англій, столь важнаго для всего цивилизованнаго міра, въ которомъ живетъ потребность въ справедливости и свободѣ.

Отношенія между Италіей и Франціей остаются, попрежнему, неудовлетворительными. Соперничество въ Африкѣ, раздутое не безъ искуснаго поощренія со стороны германскаго имперскаго канцлера, потеряло, — по крайней мѣрѣ, въ настоящій моментъ, — острую форму, но перешло въ упорную хроническую болѣзнь, которая можетъ принести много бѣдъ обѣимъ странамъ. Въ прошломъ году мы отмѣчали успѣхи какъ итальянскаго, такъ и французскаго законодательства. Въ Италіи преобразовано, расширено и укрѣплено мѣстное самоуправленіе; во Франціи получило значительное развитіе

Фабричное законодательство и подготовленъ рядъ мѣръ для улучшения положенія рабочихъ классовъ. Фабричное законодательство, благодѣтельный ходъ котораго приостановился у насъ, дѣлаетъ успѣхи во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Такъ, голландское правительство внесло въ ноябрь прошлаго года, во вторую палату народныхъ представителей, законопроектъ, ограничивающій дѣтскій и женскій трудъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ Швеци дѣятельно разрабатывается вопросъ о страхованіи рабочихъ.

Наиболѣе острый кризисъ и въ самое неблагоприятное время приходится переживать Франціи. Всѣ реакціонныя партіи, въ совокупности своей все еще сильныя, настойчиво и яростно стремятся къ тому, чтобы опрокинуть республику. Бонапартисты никогда не брезгали средствами для достиженія своихъ цѣлей, но съ ними въ этомъ отношеніи не безъ успѣха соперничаютъ современные французскіе монархисты. Всѣ они поддерживаютъ Буланже, надѣясь повернуть въ послѣдствіи его побѣду надъ парламентскою республикой въ свою пользу. Одинъ изъ главныхъ вождей бонапартистовъ, извѣстный своимъ выдержаннымъ нахальствомъ, Кассаньякъ, пишетъ по поводу кандидатуры генерала Буланже на депутатскихъ выборахъ въ Парижѣ: «Я не желаю требовать отъ г. Буланже гарантій и, получивъ ихъ, принадлежать ему; но мнѣ не возбранено пользоваться генераломъ противъ парламентскаго управленія, которое я презираю и ненавижу больше всего на свѣтѣ и лучшимъ украшеніемъ котораго является г. Флоке». Республиканцы поняли, разумѣется, опасность, и хотя частные выборы въ Парижѣ не есть послѣднее слово страны, приняли энергическія мѣры къ тому, чтобы устранить недоразумѣнія и раздоры между различными республиканскими фракціями и противопоставить кандидатурѣ Буланже, за котораго стоятъ бонапартисты и роялисты, единственнаго республиканскаго кандидата. Выборъ палъ на президента сенскаго генеральнаго совѣта, Жака. Къ кандидатурѣ этой, однако, отнеслись враждебно органы буржуазныхъ слоевъ республиканской партіи. Самъ Жакъ заявлялъ въ своихъ обращеніяхъ къ избирателямъ, что онъ принадлежитъ къ одной изъ крайнихъ республиканскихъ партій, но настаиваетъ на томъ, что въ данномъ случаѣ является кандидатомъ всѣхъ республиканцевъ, возстающихъ противъ стремленія къ диктатурѣ и къ уничтоженію парламентской республики.

Въ числѣ крупныхъ успѣховъ западно-европейскаго законодательства слѣдуетъ отмѣтить билль о преобразованіи мѣстнаго самоуправленія, принятый англійскимъ парламентомъ. Старый аристократическій порядокъ вещей, который опирался на крупное землевладѣніе, потерпѣлъ непоправимый ударъ и въ основу мѣстнаго самоуправленія теперь положено въ Англии широкое демократическое начало, въ соотвѣтствіи съ живыми потребностями великаго народа. Поучительно, что билль этотъ проведенъ консервативнымъ министерствомъ. Англійскіе государственные люди, принадлежащіе къ консервативной партіи, понимаютъ, что прежде и больше всего надо сохранять или охранять государство, создавая новые пути для правильнаго удовлетворенія назрѣвшихъ новыхъ нуждъ.

Въ то время, какъ большія и малыя западно-европейскія государства вооружаются съ головы до ногъ, расточая свои интеллектуальныя и физическія силы, отрадно указать на непрерывное и возрастающее теченіе противуположнаго характера. Въ Италіи, шовинисты которой не прочь вступить, при союзѣ съ Германіей, въ борьбу съ Франціей, крѣпнеть движеніе общественнаго мнѣнія въ пользу сохраненія мира. Въ концѣ прошлаго года миланская газета *Secolo* напечатала воззваніе центрального комитета *Лиги свободы и мира*. Въ этотъ комитетъ входятъ многіе люди, сражавшіеся за освобожденіе Италіи. Президентъ комитета, полковникъ Миссори—бывшій гарибальдеецъ. Онъ спасъ жизнь знаменитому борцу за освобожденіе итальянскаго народа отъ мелкихъ и крупныхъ деспотовъ при Милоццо. Манифестъ горячо протестуетъ противъ войны, называя ее братоубійственной, и говорить, что Италія должна устранить поводы къ враждѣ съ французскою республикой и стремиться къ тому, чтобы согласовать политическіе интересы съ нравственными предписаніями. Лига призываетъ всѣхъ гражданъ, и мужчинъ, и женщинъ, къ дѣятельной пропагандѣ международнаго мира, къ борьбѣ противъ милитаризма, подрывающаго народныя силы. Въ декабрѣ происходило въ Парижѣ знаменательное собраніе друзей мира,—государственныхъ людей, профессоровъ, представителей промышленности. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ Праттъ, президентъ международной лиги мира (*International arbitration and peace association*). Праттъ, въ рѣчи, вызвавшей единодушныя рукоплесканія, говорилъ не какъ англичанинъ, а какъ европеецъ, заинтересованный въ сохраненіи основнаго условія цивилизаціи—мира. Ораторъ горячо восхвалялъ Францію, содѣйствіе которой необходимо для Европы во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о справедливости въ общественныхъ и международныхъ отношеніяхъ. На собраніи, послѣ рѣчей Пасси, Маріона и другихъ выдающихся людей, былъ избранъ комитетъ для выработки программы и устава общества, имѣющаго цѣлью достигнуть рѣшенія международныхъ столкновеній путемъ третейскаго суда.

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ на президентскихъ выборахъ побѣду довольно неожиданно одержалъ соперникъ отслуживающаго свой срокъ Кливленда, генералъ Гаррисонъ. Съ вступленіемъ его въ вашингтонскій *Бѣлый домъ* можно предвидѣть болѣе дѣятельную международную политику великой заатлантической республики, если постъ министра иностранныхъ дѣлъ займетъ знаменитый Блэнь, противникъ Великобританіи. Покуда слѣдуетъ отмѣтить, что сенатъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, по поводу Панамскаго канала, счелъ нужнымъ составить постановленіе въ духѣ ученія Монроэ: америка для американцевъ. Постановленіе имѣетъ цѣлью дружеское предупрежденіе по отношенію къ Франціи, что Штаты не допустятъ политическаго господства европейской державы въ вопросѣ, столь важномъ для Новаго Свѣта.

Въ сосѣдней съ Соединенными Штатами республикѣ, въ Мексикѣ, происходило въ прошломъ году революціонное движеніе, возбужденное католическимъ духовенствомъ и направленное противъ президента республики, Пор-

фирія Діаца. Движеніе было подавлено. Порфирій Діаць принадлежитъ къ числу наиболѣ замѣчательныхъ американскихъ государственныхъ людей. Онъ родился въ 1830 году. Его отецъ—небогатый крестьянинъ—испанскаго, а мать туземнаго (индѣйскаго) происхожденія. Послѣ обученія въ плохой мѣстной школѣ, Діаць занимался юридическими науками, потомъ выступилъ на адвокатское поприще. Въ это время онъ познакомился съ знаменитымъ Бенито Хуаресомъ, который былъ воплощеніемъ стремленія мексиканцевъ къ независимости и политической свободѣ. Знакомство съ такимъ человекомъ не могло не произвести глубокаго и плодотворнаго вліянія на пылкаго и даровитаго юношу. Въ войнѣ, которую вели мексиканцы противъ имперіи, насильственно навязанной имъ войсками Наполеона III, Порфирій Діаць игралъ самую выдающуюся роль. Съверо-Американскіе Соединенные Штаты заставили Наполеона отозвать свои войска изъ Мексики. Императоръ Максимилианъ былъ разбитъ, захваченъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ республиканцами. Въ 1876 году Діаць становится президентомъ республики и ознаменовываетъ свое управленіе рядомъ мѣръ, направленныхъ для успокоенія страны, развитія ея политическихъ учреждений и экономического благосостоянія. Въ 1880 году Порфирія Діаца смѣнилъ Гонзалесъ, а въ 1884 году Діаць былъ вновь выбранъ президентомъ. Съ перваго декабря истекшаго года Порфирій Діаць вступилъ въ третій избирательный періодъ президентомъ республики.

Въ другихъ государствахъ Америки и въ другихъ частяхъ свѣта не произошло въ прошломъ году событій, которыя составили бы переворотъ въ хорошую или дурную сторону въ жизни народовъ. Нельзя не замѣтить успѣховъ европейской цивилизаціи въ борьбѣ съ невольничествомъ въ Африкѣ и усиленія реакціонныхъ теченій въ самой Европѣ, которымъ противопоставляются, однако, оживленные усилія убѣжденныхъ сторонниковъ идей и учреждений, составляющихъ славу современнаго просвѣщенія. Католическая церковь настойчиво ведетъ пропаганду въ пользу возстановленія безвозвратно потерянной свѣтской власти папъ и продолжаетъ пользоваться громаднымъ вліяніемъ среди тѣхъ слоевъ западно-европейскаго общества, которые хранятъ еще средневѣковые предрасудки. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—и въ очень важныхъ—до сихъ поръ *mundus vult decipi*, но не утрачена ни одна изъ надеждъ на побѣдоносный исходъ борьбы за обще-европейскій миръ и за справедливость въ международныхъ и внутреннихъ отношеніяхъ. Иной разъ выступленіе на историческую сцену народныхъ массъ, какъ рѣшителя законодательныхъ вопросовъ, въ виду недостаточной подготовленности этихъ массъ, сопровождается печальными послѣдствіями. Такъ, въ Швейцаріи нѣсколько гуманыхъ законовъ, выработанныхъ лучшими людьми страны, отвергнуты непосредственнымъ народнымъ голосованіемъ. Но представительная демократія, какъ мы неоднократно указывали, дѣлаетъ въ Западной Европѣ замѣтные успѣхи. Сознательная потребность въ глубокомъ мирѣ для честнаго труда овладѣваетъ народами все въ большей и большей степени.

Въ январѣ наступившаго года минуло двѣсти лѣтъ со дня рожденія одного изъ величайшихъ мыслителей, одного изъ писателей, наиболѣе силь- и плодотворно повліявшихъ на политическую исторію Западной Европы— *Монтескьё*. Сорель *) замѣчаетъ, что конституціонное правленіе перенесено въ Англійю на европейскій материкъ знаменитою книгой Монтескьё— *Духъ законовъ*—и распространилось по Европѣ, благодаря теоретической работѣ французской мысли и путемъ подражанія французскимъ учрежденіямъ. Въ этомъ мнѣніи заключается значительная доля преувеличенія. Не было и не можетъ быть такого великаго государственнаго человѣка, нѣтъ такого геніальнаго политическаго мыслителя, который не являлся бы истолкователемъ и выразителемъ назрѣвшихъ или, по крайней мѣрѣ, возникшихъ уже жизненныхъ потребностей. Для безсмертной славы Монтескьё совершенно достаточно того, что его ученіе о необходимости раздѣленія законодательной, судебной и исполнительной властей дѣйствительно играло великую роль въ дальнѣйшихъ политическихъ ученіяхъ Европы, въ свою очередь могущественно вліявшихъ на практическій ходъ европейской жизни; Монтескьё справедливо можетъ быть причисленъ къ числу истинно благодѣтельныхъ геніевъ, которые освѣщаютъ историческій путь и создаютъ новыя условія для совершенствованія человѣка въ государствахъ.

В. Г.

*) *Albert Sorel: „Montesquieu“, 168 (Les grands écrivains français).*

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Двадцатипятилѣтіе земскихъ учреждений.—Вопросъ о врачебной части на фабрикахъ въ московскомъ земствѣ.—Привлеченіе земли въ Москвѣ къ земскому губернскому сбору.—Воспоминаніе о графѣ Лорисъ-Меликовѣ и его системѣ.—Докладъ о книгѣ Фадѣева.—Подписка на 4% заемъ.—Погашеніе временныхъ кредитныхъ билетовъ на 30 м. р.—
Финансовое положеніе и курсъ.—Дѣло дворянъ Минусскихъ.

«Признавъ за благо призвать къ ближайшему участию въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, мѣстное ихъ населеніе, посредствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ, мы повелѣли...» Таковы были начальныя слова манифеста 1 января 1864 года объ установленіи земскихъ учреждений. Двадцатипятилѣтіе, конечно, представляетъ въ жизни народа періодъ слишкомъ краткій для того, чтобы счастливое его истеченіе праздновать юбилеями. Въ исторіи нашей, даже послѣ-петровскаго времени, бывали періоды, длившіеся болѣе 25-ти лѣтъ, въ которыхъ Россія не дѣлала ни одного шага впередъ въ развитіи новыхъ учреждений. Но послѣдніе три десятка лѣтъ составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе весьма яркое, наиболѣе яркое послѣ самаго періода преобразованій Петра I.

Измѣненія, произведенныя въ учрежденіяхъ за эту послѣднюю четверть вѣка, такъ широко охватили русскую жизнь, что мы съ ними встрѣчаемся ежедневно, во всѣхъ нашихъ правительственныхъ и гражданскихъ отправленіяхъ, и позволительно сказать, что мы сами, обновленная Россія,—Россія, познакомившаяся на дѣлѣ съ началами самоуправленія, гласности, равенства передъ закономъ, съ всесловною основой общественнаго устройства, съ нѣкоторою самостоятельностью личнаго заявленія, судебного и общественнаго приговора на глазахъ всемогущаго, попрежнему, государства,—произошли и воспитались именно въ періодъ этихъ трехъ десятковъ лѣтъ. И такъ, вспоминая о минувшемъ 25-тилѣтніи земскихъ учреждений, мы, все-таки, имѣемъ нѣкоторый поводъ къ празднованію, такъ какъ мысль наша останавливается при этомъ на внесеніи въ русскую жизнь начала новаго или, если угодно, обновленія начала давняго, начала старорусскаго, сказавшагося позднѣе въ преданіяхъ московской земщины.

Первымъ было открыто самарское губернское земское собраніе—28 фев-

раля 1865 года; въ томъ же году открыты были губернскія земскія собранія еще въ 19 губерніяхъ; въ теченіе перваго трехлѣтія земскія учрежденія дѣйствовали только въ 30 губерніяхъ, а съ 1870 года—въ 34 губерніяхъ.

Слова манифеста, которыя приведены выше, весьма кратко выражали мотивы и назначеніе реформы столь большого значенія. Они далеко не обнимали собой тѣхъ соображеній о важности отводившейся земскимъ учрежденіямъ роли, какія были въ виду самого правительства. Подготовительныя работы для этого преобразованія производились одновременно съ выработкою крестьянской реформы; въ 1860 году уже былъ составленъ комиссіею о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, которой труды изданы, проектъ устройства уѣздныхъ учреждений. Комиссія эта состояла подъ предсѣдательствомъ графа П. А. Валуева, о которомъ мы также обязаны вспомнить, когда говоримъ о созданіи земскихъ учреждений. Проектъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ внесенъ былъ этою комиссіею въ государственный совѣтъ въ 1863 г. И вотъ, въ объяснительной запискѣ къ проекту говорилось о необходимости примѣненія децентрализационнаго принципа въ области дѣлъ хозяйственныхъ, земское управленіе называлось особымъ органомъ одной и той же государственной власти, отъ нея получающимъ всѣ права и полномочія; высказывалось положительно, что земскимъ учрежденіямъ должна быть предоставлена «дѣйствительная и самостоятельная власть въ завѣдываніи дѣлами, мѣстнаго хозяйства».

Это были соображенія вполне вѣрныя, и если, сверхъ явной логической необходимости, требовалось бы подкрѣпить ихъ примѣрами, то легко было сослаться на полную самостоятельность приходскихъ, окружныхъ и провинціальныхъ органовъ самоуправленія въ Англіи, великое воспитательное значеніе которыхъ для подготовки самоуправленія государственнаго такъ основательно было выяснено Гнейстомъ и повторялось, съ его словъ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* покойнымъ Катковымъ. Можно было указывать и на примѣръ урегулированія дѣйствительно-государственнаго земскаго самоуправленія въ Пруссіи великимъ ея министромъ Штейномъ.

Но графъ П. А. Валуевъ, несмотря на нѣкоторыя симпатичныя черты характера, несмотря и на починъ того плодотворнаго дѣла, о которомъ мы теперь вспоминаемъ, все-таки, не былъ Штейномъ. Если позволительна по этому поводу игра словъ, онъ не былъ тѣмъ «камнемъ», на которомъ могла утвердиться какая-либо общественная самостоятельность, хотя бы заключенная въ самые скромные предѣлы, но безповоротно данная. Онъ былъ весьма типичнымъ представителемъ практики дарованія одною рукой и подтягиванія—другою. Уже въ самыхъ соображеніяхъ состоявшей подъ его предсѣдательствомъ комиссіи, на ряду съ признаніемъ самостоятельности земства и значенія его, какъ органа «той же государственной власти», проводилась мысль, что «земскія учрежденія, имѣя характеръ мѣстный и общественный, не могутъ входить въ рядъ правительственныхъ, губернскихъ или уѣздныхъ инстанцій», а общимъ законамъ должны подчиняться «какъ от-

дѣльными общества, такъ и частныя лица». Такое низведеніе земства на ступень какого-нибудь филантропическаго частнаго общества выразилось и въ лишеніи его собственныхъ исполнительныхъ органовъ, а принципиально было затѣмъ высказано въ положеніи комитета министровъ 1869 г. (по вопросу о бесплатной почтовой пересылкѣ) въ такомъ смыслѣ, что «земскія учрежденія, ни по составу своему, ни по основнымъ началамъ, не суть власти правительственныя».

Земскія учрежденія, въ первое трехлѣтіе своего существованія, были приняты съ нѣкоторымъ энтузіазмомъ. Что было въ уѣздахъ опытнаго, заслуженнаго, уважаемаго—явилось на земскую службу, и служба эта велась первоначально съ истинно-юношескимъ увлеченіемъ и юношескою чистотою людьми, въ самомъ дѣлѣ, «лучшими» (старинное русское выборное выраженіе). Но сами устроители этихъ юныхъ учреждений въ петербургскихъ административныхъ сферахъ вовсе не раздѣляли такого настроенія, наоборотъ, совершенно непонятно почему, болѣе всего опасались именно земскаго увлеченія. Уже въ 1866 г. явился извѣстный законъ 21 ноября, который нанесъ земской дѣятельности наиболѣе существенный изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ ударовъ, ограничивъ право земства по обложенію торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Отсюда произошла та аномалія, что, за исключеніемъ питейныхъ заведеній, торговля и промышленность явились обложенными въ пользу земства незначительными суммами. Принявъ отъ правительства учрежденія хозяйственныя и благотворительныя, которыя оно обязано было содержать, земство принуждено было всю тягость обложенія обратить на землю. При этомъ крестьянскія земли, среди которыхъ отношеніе усадебной земли оказалось гораздо выше, чѣмъ у помѣщиковъ, были обложены совершенно непомерно,—обложены такъ, что казенные сборы, съ прибавкой новыхъ земскихъ и общественныхъ, во многихъ мѣстахъ превзошли всю доходность отъ земли, потребовали доплатъ изъ средствъ, добываемыхъ промыслами.

Сверхъ того законодательнаго ограниченія, въ которомъ отразилось именно опасеніе, не слишкомъ ли многое предоставлено было земству, проявилось въ самомъ же началѣ и нѣкоторое административное нетерпѣніе въ отношеніи къ новымъ учрежденіямъ. Уже въ 1867 году распущено было петербургское земское собраніе, закрыты губернскія и уѣздныя земскія учрежденія и вообще приостановлено дѣйствіе *Положенія* 1864 года. Затѣмъ въ разныхъ губерніяхъ мѣстныя административныя власти стали проявлять по отношенію къ земству какую-то особую ревность, нѣкоторое огульное и раздражительное недовѣріе. Явилось даже какъ бы противорѣчіе въ законодательномъ отношеніи къ земству и въ отношеніи къ нему властей мѣстныхъ, какъ бы завидовавшихъ и неблагопріятствовавшихъ властей. Такъ, власть законодательная, еще въ 1871 г., чрезъ 7 лѣтъ по основаніи земства, передавала на его обсужденіе важный государственный вопросъ о преобразованіи подушныхъ сборовъ въ налоги подоходные, а между тѣмъ, мѣстныя административно-земскія отношенія свидѣтельствовали уже многими при-

мѣрами о полномъ отрицаніи губернскими администраторами всякой самостоятельности земства.

Законодательству пришлось даже охранить земское право ходатайствованія, что и выразилось въ законѣ 1874 г., установившемъ, что ходатайства земства могутъ быть отклоняемы только комитетомъ министровъ.

Въ общей совокупности, впрочемъ, дѣятельность какъ административная, такъ и законодательная развивались по отношенію къ земству въ смыслѣ ограничительномъ. Не будемъ далѣе приводить годовъ разныхъ послѣдовавшихъ распоряженій этого рода. Упомянемъ только объ общемъ ихъ направленіи. Ограниченіе земской гласности цензурою губернаторовъ облегчило продѣлки личныхъ кружковъ, захватывавшихъ мѣстами и эксплуатировавшихъ земскую власть въ пользу своихъ интересовъ, безъ возможности какого-либо противъ нихъ протеста. Борьба съ земствомъ по завѣдыванію учреждавшимися имъ школами внесла охлаждающій элементъ и въ то дѣло развитія народнаго образованія, которому земство посвятило самыя горячія свои заботы. Наконецъ, подъ вліяніемъ происшествій, не состоявшихъ ни въ малѣйшей связи съ дѣятельностью земства, губернаторамъ было предоставлено право требовать удаленія лицъ, служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, а нерѣдки бывали и примѣры неофициальныхъ, но обязательныхъ внушеній, въ силу которыхъ то или другое лицо устранялось отъ самаго избранія.

Каковъ могъ быть результатъ такой по преимуществу ограничительной преокупации по отношенію къ учрежденіямъ, которыя, по мысли самой же создавшей ихъ власти, должны были пользоваться самостоятельностью? Однимъ результатомъ было то, что земская работа не принесла странѣ всей той пользы, какую могла принести при иныхъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ, при отношеніяхъ къ земству, болѣе согласованныхъ съ самою цѣлью его учрежденія. Другимъ результатомъ явилось разочарованіе, охлажденіе и, наконецъ, выбитіе изъ земской дѣятельности многихъ «лучшихъ» людей и вступленіе на ихъ мѣста, въ тѣхъ или другихъ уѣздахъ и губерніяхъ, людей совершенно иного пошиба, готовыхъ со всѣмъ мириться, лишь бы имѣть возможность устраивать личныя свои дѣла.

Проявлялись ли, въ самомъ дѣлѣ, среди земства такія стремленія, которыя бы могли объяснить эту чрезмѣрную въ отношеніяхъ къ нему опасность, это преобладаніе заботъ свойства ограничительнаго? Съ другой стороны, дѣйствительно ли въ земствѣ случаи пріобрѣтенія власти сплоченными кружками корыстолюбцевъ и обдѣлываніе ими своихъ дѣлъ, съ небреженіемъ къ земскому хозяйству, были явленіями не исключительными, а, наоборотъ, преобладавшими? То и другое утверждали враги земства. Иные притворялись возмущенными захватомъ «самодержавнаго» земства, того самаго земства, у котораго губернаторы смѣняли служащихъ, опротестовывали постановленія, оспаривали даже право собирать свѣдѣнія о народномъ хозяйствѣ съ статистическою цѣлью. Они же заботливо вели списокъ всѣмъ извѣстіямъ о какихъ-либо беспорядкахъ въ земскомъ хозяй-

ствѣ, неправильныхъ выборахъ, растратахъ и т. п., и, хотя нѣкоторые изъ этихъ извѣстій представляли недоказанныя личныя обвиненія, выступили съ такимъ запасомъ и придавали имъ видъ подлинной картины всего земскаго дѣла.

Между тѣмъ, если сужденіе основывать не на мелкихъ, а на крупныхъ фактахъ, то нѣсколько придирчивое отношеніе къ земству въ прошломъ не можетъ объясняться какими-либо стремленіями его къ захватамъ, къ выходу за предѣлы его сферы, къ чему-либо похожему, хотя бы очень издалека, на приписываемое ему «самодержавіе». Подобное объясненіе падаетъ въ виду факта, что самыя крупныя ограниченія, какимъ подвергалось земство, исходили не отъ того центрального органа власти, который призванъ къ охраненію всего вообще установленнаго порядка. Наиболѣе существенными ограниченіями для земской дѣятельности явились законъ 21 ноября 1866 г. объ обложеніи, истекшій изъ инициативы вѣдомства финансоваго, затѣмъ — усилія учебнаго вѣдомства относительно лишенія земскихъ учрежденій вліянія на училищное дѣло и, наконецъ, ревность губернскаго управленія, проявлявшаяся во множествѣ такихъ опротестованій, которыя потомъ сенатомъ отмѣнялись. Ни финансовое, ни учебное вѣдомство не призваны ограждать Россію отъ земскаго «самодержавія», а губернаторы стоятъ въ слишкомъ близкихъ, личныхъ отношеніяхъ къ земству и въ отношеніяхъ этихъ представляются стороною, такъ что на основаніи ихъ дѣйствій еще никакъ нельзя утверждать мнѣнія о стремленіи земства выходить изъ начертаннаго ему круга и покушаться на захватъ власти.

Съ другой стороны, то центральное вѣдомство, которое прямо призвано и къ охраненію порядка, и къ надзору, направленному противъ могущихъ случиться и среди земства злоупотребленій, не усматривало, повидимому, во всей дѣятельности земства ничего похожего на тѣ стремленія, какія ему приписывалъ Катковъ, и на бывавшіе случаи небреженія или злоупотребленій смотрѣло какъ на исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ представленномъ покойному Государю 19 февраля 1880 г. очеркѣ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ за 25-лѣтіе, министръ такъ отзывался о земствѣ: «Пользуясь указанною въ законѣ самостоятельностью, земскія учрежденія повсемѣстно содѣйствуютъ губернскому и уѣздному управленію въ достиженіи общей цѣли внутреннаго благосостоянія и благоустройства...» «На всѣ эти предметы (перечислены предметы дѣятельности земства) земскими учрежденіями обращено надлежащее вниманіе и, сравнительно съ тѣми средствами, какими располагаетъ земство, труды и усилія его въ разныхъ мѣстностяхъ оказываются производительными». Далѣе министръ указывалъ на развитіе земской дѣятельности по народному образованію, на значительные успѣхи, достигнутые земствомъ по улучшенію и устройству врачебной части и призрѣнія, на увеличеніе продовольственныхъ капиталовъ, на успѣшное переложеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя, «что въ значительной мѣрѣ дополнило заботы правительства объ облегченіи податныхъ условій, особенно по дорожной и подводной повинностямъ».

Это свидѣтельство о заслугахъ земства, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ мнѣнія, какое постоянно высказывалось всею безпристрастною нашею печатью, которая никогда не скрывала и частныхъ случаевъ дурнаго или небрежнаго веденія земскаго дѣла. Но здѣсь съ засвидѣтельствованіемъ о неоспоримыхъ заслугахъ земства выступали уже не «либеральные доктринеры», представители «шатанія мыслей» и «союзники крамолы». Здѣсь свидѣтельствовалъ въ пользу земства передъ Верховною властью министръ внутреннихъ дѣлъ, и, притомъ, не графъ Лорисъ-Меликовъ, а покойный Л. С. Маковъ, человекъ воспитавшійся въ чисто-бюрократическихъ преданіяхъ.

Какія бы новыя условія ни представились для земской дѣятельности въ ближайшемъ будущемъ, оно имѣетъ право не безъ гордости оглянуться на свое прошлое, и каждый безпристрастный человекъ, даже нисколько не предрасположенный къ самымъ идеямъ общественной самостоятельности и самоуправленія, повторить объ этомъ прошломъ земскихъ учреждений то, что, на основаніи приводимыхъ цифръ, долженъ былъ признать Маковъ, а именно, что сравнительно со средствами, какими располагаетъ земство, труды и усилія его оказываются производительными.

Средства эти земствомъ значительно увеличены въ теченіе его дѣятельности, а именно подняты съ первоначальныхъ 14 до 43 милл. рублей. Правда, самая высота земскаго обложенія даетъ противникамъ его поводъ къ нареканіямъ. Но если принять во вниманіе, что почти половина (42%) этихъ средствъ требуется на покрытіе обязательныхъ расходовъ, то станетъ видно, что въ нихъ-то и лежитъ главная причина высоты земскаго обложенія. Самая тягость земскихъ сборовъ, однако же, возросла въ гораздо меньшей степени, чѣмъ та, какую бы представляло отношеніе 43 къ 14, такъ какъ цифра 43 милл. р. относится къ большому числу губерній и включаетъ въ себѣ проценты съ составленныхъ земствомъ специальныхъ капиталовъ и разные другіе доходы, кромѣ самыхъ сборовъ. Авторъ весьма толковыхъ статей о земскомъ бюджетѣ, помѣщенныхъ въ *Новостяхъ*, исчисляетъ, что собственно сборы земскіе возросли на 85 процентовъ, стало быть, еще не удвоились, между тѣмъ какъ за тотъ же періодъ расходы на губернскія земскія повинности въ губерніяхъ дореформенныхъ возросли съ 2¹/₂ до 7¹/₂ милл. р., т. е. на 200 процентовъ. Изъ 43 милл. р. общаго расхода (на 1885 г.) на необязательные расходы остаются 25 милл. р. Извѣстно, что въ первомъ трехлѣтїи расходы обязательные превышали иные; съ развитіемъ земской дѣятельности отношеніе это измѣнилось, но и обязательные расходы росли, такъ что, несмотря на возвышеніе цифры сборовъ, все-таки, составляютъ 42 процента всего земскаго бюджета.

Падаетъ онъ, попрежнему, главнымъ образомъ, на землю, а именно 28 м. р. взимаются съ земель и только 7 м. р. съ промышленности и торговли, причеиъ еще значительная часть этой послѣдней суммы собирается съ питейной продажи, такъ что собственно всякая остальная тор-

говля и промышленность участвуют въ земскомъ бюджетѣ несоразмѣрно мало. Весь расходъ на содержаніе управъ, со всѣми ихъ служащими, составляетъ 3 м. 873 т. р., т.-е. 9%, общаго итога, и изъ этой суммы на содержаніе самыхъ членовъ 394 земскихъ управъ идетъ менѣе 1 м. 700 т. р., т.-е. въ среднемъ менѣе 4½ т. р. на управу. Противникамъ земства и хвалителямъ бюрократическаго начала не легко было бы подыскать въ бюджетѣ государственномъ столь скромное отношеніе расхода на личный составъ къ общему итогу. Въ только что упомянутыхъ статьяхъ находится любопытное свѣдѣніе, что, по проекту объ учрежденіи губернскихъ и уѣздныхъ присутствій, на содержаніе ихъ членовъ полагается на 65 т. рублей болѣе, чѣмъ сколько расходуетъ нынѣ на членовъ своихъ управъ земство, тѣмъ самымъ проектъ признаетъ, что расходъ этотъ не могъ быть меньше.

Въ происходившей передъ праздниками сессіи губернскихъ земскихъ собраній не рѣшился еще вопросъ о предполагаемомъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ознаменованіи 25-тилѣтія земскихъ учрежденій какимъ-либо полезнымъ дѣломъ. Московское собраніе постановило въ память этого событія устроить колонію для сиротъ. Вслѣдствіе неопредѣленнаго отзыва по этому предмету губернатора, собраніе рѣшило не считать этотъ отзывъ опростованіемъ своего постановленія. Въ собраніи однимъ изъ гласныхъ обращено было вниманіе на дрянную выходку, какую позволили себѣ *Московскія Вѣдомости*. Предсѣдатель губернской управы съ достоинствомъ положилъ конецъ этому инциденту при общемъ одобреніи собранія.

Интересныя свѣдѣнія о положеніи больничнаго дѣла на фабрикахъ Московской губерніи доложены были собранію по дѣлу о предполагавшемся сліяніи фабрично-медицинской части съ земскою врачебною. Предположеніе это встрѣтило затрудненіе со стороны губернской администраціи и министерства, которыя признаютъ, что съ фабриками, гдѣ устроены удовлетворительныя больницы, земство должно вступать въ добровольныя соглашенія, облагать же сборомъ для содержанія земскихъ больницъ вблизи фабрикъ слѣдуетъ тѣ лишь фабрики, гдѣ медицинская часть поставлена неудовлетворительно. Между тѣмъ, земство находило, что частныя соглашенія съ владѣльцами фабрикъ и заводовъ, по своей неустойчивости, не могутъ служить основаніемъ для правильнаго устройства фабричной медицины, которое возможно именно только при объединеніи ея съ земскимъ врачебнымъ дѣломъ и сосредоточеніи медицинскаго дѣла въ рукахъ земства. Земство во все и не предполагало облагать сборомъ на устройство больницъ тѣхъ фабрикантовъ, у которыхъ врачебная часть устроена хорошо, а, наоборотъ, готово было еще оказывать матеріальное содѣйствіе тѣмъ изъ нихъ, которые согласились бы допускать въ больницахъ при фабрикахъ подаваніе врачебной помощи и иному населенію, кромѣ фабричнаго. Собраніе и теперь рѣшило представить министерству, что прошлогоднее ходатайство московскаго земства заключаетъ въ себѣ гораздо вѣрнѣйшее средство для

устройства въ губерніи врачебной помощи рабочимъ, чѣмъ свободныя соглашенія съ фабрикантами. При этомъ изъ доклада управы и преній выяснилось, что фабриканты Московской губерніи, которые такъ сильно жаловались на фабричную инспекцію, заносили ходатайство объ обузданіи ея даже въ свой нижегородскій докладъ министру финансовъ о пользахъ и нуждахъ русской промышленности и торговли и постоянно требуютъ увеличенія пожертвованій государства въ свою пользу въ видѣ возвышенія пошлинъ, сами же, за нѣкоторыми исключеніями, не исполняютъ закона, который ихъ обязываетъ имѣть при фабрикахъ 1 кровать на 100 рабочихъ. На 232 фабричныхъ заведеніяхъ въ Московской губерніи, имѣющихъ болѣе 100 рабочихъ и обязанныхъ содержать лечебницы, насчитывается только 1,171 кровать на 128,594 чел. фабричныхъ рабочихъ, т.-е. по 1 кровати на 110, а не на 100 чел., какъ того требуетъ законъ. Но и такая пропорція достигается лишь тѣмъ, что нѣкоторыя фабрики содержатъ кроватей болѣе, чѣмъ велитъ законъ, а на ряду съ ними имѣются многія такія заведенія, которыя совсѣмъ не содержатъ кроватей, т.-е. не хотятъ знать законъ.

Изъ упомянутого числа 232 фабрикъ только 72 удовлетворяютъ требованіямъ закона и даже идутъ дальше ихъ, содержа, въ совокупности, по 1 кровати на 71 рабочаго; затѣмъ 47 фабрикъ имѣютъ по 1 кровати не на 100, а лишь на 169 рабочихъ, и, наконецъ, 123 фабрики, т.-е. большая половина всего числа, совсѣмъ не имѣютъ кроватей. Далѣе, врачей, состоящихъ при самыхъ фабрикахъ и живущихъ на нихъ, имѣется всего 12, остальные же фабрики только посѣщаются посторонними врачами, причемъ большинство фабрикъ посѣщается врачами уѣздными, что совершенно неправильно, такъ какъ на уѣздныхъ врачахъ лежитъ обязанность наблюдать за исполненіемъ узаконеній по врачебной части въ уѣздахъ, а, принимая на себя леченіе на фабрикахъ и получая отъ владѣльцевъ ихъ вознагражденіе, уѣздные врачи тѣмъ самымъ упраздняютъ всякій контроль за исполненіемъ фабрикантами предписаній закона. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ обстоятельстве и заключается объясненіе того факта, что половина фабрикантовъ преспокойно игнорируетъ законъ и никакихъ лечебницъ не содержитъ. Такъ, въ Богородскомъ уѣздѣ 20 фабрикъ находятся на попеченіи одного уѣзднаго врача.

Въ высшей степени желательно, чтобы министерство обратило вниманіе на это возмутительное небреженіе «кормильцевъ» къ здоровью рабочаго населенія и къ требованіямъ закона, а также на косвенное содѣйствіе уѣздныхъ врачей къ поддержанію такого порядка, на который они, ранѣе земства, обязаны бы были указать медицинскому департаменту. Исходъ изъ этого положенія дѣлать одинъ: ни на фабрикантовъ, ни на служебную медицину въ этомъ случаѣ полагаться невозможно и остается только согласиться на предлагаемое земствомъ объединеніе врачебнаго дѣла въ его рукахъ, съ предоставленіемъ земству устанавливать спеціальныя для этого сборы не свыше 3 рублей на рабочаго, причеиъ земство не имѣетъ ника-

ного интереса облагать имъ фабрикантовъ, содержащихъ удовлетворительныя лечебницы, и замѣнять эти лечебницы устройствомъ новыхъ, что соединено съ большими затратами.

Болѣе спорною представляется мысль о привлеченіи недвижимыхъ имуществъ въ Москвѣ къ окладному губернскому земскому сбору, предложенная гласнымъ А. А. Оленинымъ по утвержденію губернской смѣты на 1889 годъ. Въ настоящее время земство взимаетъ въ Москвѣ только неокладной сборъ съ торговыхъ документовъ, а владельцы земли, фабрикъ и торгово-промышленныхъ заведеній ничего въ пользу земства не платятъ. При возникшихъ по этому поводу преніяхъ явилось возраженіе, что если московскіе домовладельцы ничего не платятъ въ пользу губернскаго земства, то ничего отъ него и не получаютъ, а когда земство обложить ихъ, то справедливо будетъ требовать, чтобъ изъ губернскихъ средствъ содержались для населенія Москвы школы, лечебницы и т. д. На это отвѣчали, что городъ Москва извлекаетъ большую пользу изъ дѣятельности земства, такъ какъ всѣ земскія шоссе сосредоточиваются въ Москвѣ и земскіе врачи и ветеринары также работаютъ отчасти для столицы.

Справедливость требуетъ признать, что эти послѣдніе доводы довольно слабы. Для губернскаго земства, конечно, составляетъ большой разсчетъ обложить въ свою пользу недвижимыя имущества въ Москвѣ; но вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ относительно одной Москвы. Къ губернскому земскому обложенію придется, въ такомъ случаѣ, привлечь недвижимыя имущества во всѣхъ городахъ губерніи. Можно даже сказать, что, оставляя въ сторонѣ формальное право земства, обложеніе имуществъ въ уѣзныхъ городахъ будетъ справедливѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Тѣ города, дѣйствительно, содержатся своими уѣздами, живутъ ими, между тѣмъ какъ Москва скорѣе же сама кормитъ населеніе своего уѣзда, а въ значительной степени является источникомъ заработковъ для населенія всей губерніи. Земство и теперь взимаетъ съ Москвы по неокладному сбору 250,000 р., а когда къ этому прибавятся исчисляемые 300,000 р. неокладнаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ, то окажется, что большую часть всего своего дохода губернское земство будетъ собирать съ Москвы, между тѣмъ какъ само не можетъ сдѣлать для Москвы и десятой части того, что дѣлаетъ для губерніи. Сама цѣль такого распространенія окладнаго сбора на Москву не вполне убѣдительна. На 300,000 р. окладнаго сбора, возложеннаго на Москву, представляется возможность уменьшить сборъ съ земель и другихъ недвижимыхъ имуществъ въ цѣлой губерніи съ $1\frac{1}{2}$ к. до $\frac{3}{4}$ к. съ рубля дохода, между тѣмъ какъ въ Москвѣ городскіе обязательные расходы по содержанію полиціи и т. д. относительно выше, чѣмъ въ земствѣ, и, сверхъ того, на домовладельцевъ падаютъ еще расходы по устройству мостовыхъ, исполненію разныхъ санитарныхъ требованій, дежурству дворниковъ и т. д., неизвѣстные въ уѣздахъ.

Но въ принципѣ несомнѣнно, что земля и другія имущества въ Москвѣ могутъ подлежать губернскому земскому обложенію, какъ ему подлежатъ тор-

ГОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ. Москва, по отношенію къ земству, составляетъ отдѣльный уѣздъ, уѣздное земское обложеніе въ ней представляется городскими сборами, и затѣмъ губернскому обложенію она можетъ подлежать наравнѣ съ другими уѣздами. Въ самомъ законѣ 21 ноября 1866 года, указавшемъ предѣлы земскому обложенію, недвижимыя имущества въ городахъ первыя упомянуты, какъ предметъ для земскаго обложенія, причеиъ не сдѣлано никакой оговорки объ освобожденіи ихъ отъ сбора губернскаго. И такъ, право земства привлечь недвижимыя имущества столицы къ платежу губернскаго сбора представляется безспорнымъ и вопросы заключаются только въ «удобствѣ» (opportunité). Если бы не было никакихъ сомнѣній и въ этомъ послѣднемъ отношеніи, то дѣло это было бы сдѣлано давно. Между тѣмъ, авторъ предложенія жаловался, что онъ вносилъ его нѣсколько разъ, и теперь онъ уже настаиваетъ на рѣшеніи вопроса. Собраніе поручило управѣ представить въ будущей сессіи докладъ о взиманіи съ населенія Москвы и всѣхъ другихъ городовъ губерніи окладнаго губернскаго земскаго сбора.

Въ прошломъ мѣсяцѣ, 12 числа, скончался въ Ниццѣ графъ Михаилъ Гариэловичъ Лорисъ-Меликовъ. Надъ могилой этого государственнаго дѣятеля, окруженнаго нѣкогда безпримѣрною у насъ популярностью, шумѣвшаго, въ 16-ти мѣсячный періодъ своего управленія, такъ сказать, оживить нашу жизнь, а умершаго на чужбинѣ, не слыхавъ послѣдніе свои годы почти ничего, кромѣ обвиненій,—надъ этою могилой умѣстнѣе всего произнести христіанское—миръ человѣку благоволенія. Въ этихъ словахъ—лучшая для него эпитафія, потому что въ нихъ же, въ сущности, заключалась и вся его программа во время его управленія. «Благоволеніе», т.-е. добрая воля,—такова была нравственная черта его дѣятельности, какъ министра. Но таково же было и практическое средство, какииъ онъ хотѣлъ рѣшить свою задачу: миръ, умиротвореніе черезъ благоволеніе. Вся программа его, въ сущности, и ограничивалась упомянутымъ чувствомъ и соединеннымъ съ нимъ общимъ сознаниемъ, что внести миръ въ умы, съ одной стороны, возбужденные, съ другой—встревоженные, возможно было посредствомъ разныхъ облегченій. Можно указывать въ его образѣ дѣйствій недостатокъ болѣе определенныхъ частныхъ взглядовъ, готовыхъ практическихъ мѣръ, но нельзя не отказать ему въ полной искренности общаго убѣжденія, ни оспаривать первостепенную важность этого убѣжденія, какъ основы для цѣлой политической программы.

Точныхъ, вполне выработанныхъ понятій о томъ, какия мѣры и въ какой именно постепенности могли быть приняты, покойный и не могъ имѣть. Хорошо нынѣшнимъ порицателямъ его въ печати упрекать его за это; имъ легко имѣть вполне точную программу, такъ какъ вся она заключается у нихъ въ краткой и вполне безплодной формулѣ—не дѣлать ничего, жить, какъ жили дѣды. Легко ограничиваться программой совершенно отрицательной, но для дѣла созидательнаго требуется несравненно больше. Лорисъ-Меликовъ пренежею своею дѣятельностью не былъ подготовленъ къ быстрой

выработкѣ цѣлой системы практическихъ мѣръ, строго согласованныхъ и на-мѣченныхъ въ порядкѣ систематическомъ. Это былъ человекъ военный, одинъ изъ тѣхъ блестящихъ офицеровъ, вышедшихъ изъ гвардіи и состоящихъ адъютантами, каковымъ у насъ въ прежнее время весьма нерѣдко доставались важныя должности по гражданскому управленію. Конечно, онъ имѣлъ качества и заслуги, которыя ставили его неизмѣримо выше большинства губернаторовъ и директоровъ изъ «блестящихъ» военныхъ. Онъ участвовалъ во многихъ боевыхъ дѣлахъ, былъ еще въ 1855 году комендантомъ Карса, въ послѣдствіи возвращеннаго туркамъ, былъ затѣмъ командиромъ корпуса, въ минувшую войну, командующимъ арміей, которая дѣйствовала въ Арменіи и Малой Азіи.

Первый его походъ былъ неудаченъ. Подвигаясь быстро впередъ двумя отрядами, раздѣленными хребтомъ горъ, ген. Лорисъ-Меликовъ съ главными силами уперся въ крѣпость Зиванъ, которую тщетно пробовалъ взять штурмомъ, между тѣмъ какъ другой, южный отрядъ, миновавъ Карсъ, подвигался уже къ Эрзеруму, потерявъ связь съ главными силами. Пользуясь такимъ положеніемъ дѣлъ, Мухтаръ-паша внезапно перешелъ къ наступленію, что принудило оба наши отряда возвратиться къ первоначальному операціонному базису, причѣмъ южный отрядъ (Тергукасова) долженъ былъ сдѣлать далекій обходъ къ озеру Ванъ. Мухтаръ быстро слѣдовалъ за нашими войсками и военныя дѣйствія перенеслись уже на нашу границу. Однако, по прибытіи подкрѣпленій изъ Россіи, Лорисъ-Меликовъ вновь перешелъ къ наступленію, одержалъ блестящую побѣду надъ Мухтаромъ при Аладжинскихъ высотахъ и, быстро его преслѣдуя, обложилъ Карсъ, въ то время, какъ передовой нашъ отрядъ продолжалъ гнать Мухтара до самаго Эрзерума. Судьба войны въ Малой Азіи была затѣмъ рѣшена побѣдоноснымъ штурмомъ Карса—единственнымъ большимъ штурмомъ въ минувшей войнѣ, который увѣнчался успѣхомъ (извѣстно, что Плевна была взята вслѣдствіе выхода турокъ). Блестящій успѣхъ взятія штурмомъ Карса, чрезвычайно сильной крѣпости, которая считалась въ то время приведенною въ неприступное положеніе, вызвалъ сплетню, будто бы Карсъ былъ взятъ подкупомъ. Но нелѣпость этой сплетни удостовѣряется какъ значительностью нашихъ потерь во время штурма, такъ и взятіемъ въ плѣнъ въ Карсъ всего 17,000 турокъ. Очевидно, что крѣпость, представлявшая собою цѣлый укрѣпленный лагерь, съ нѣсколькими отдѣльными фортами, не могла быть защищена 20-ти тысячнымъ гарнизономъ, какой въ ней находился, такъ что для подкупа не было вовсе нужды, не говоря уже о невѣроятности, вообще, подобныхъ соглашеній, обыкновенно выдумываемыхъ побѣжденными.

Недоброжелатели покойнаго старались въ послѣдствіи умалить также и заслугу его по такъ называемому «прекращенію чумы» въ Ветлянкѣ, куда Лорисъ-Меликовъ былъ посланъ въ началѣ 1879 года. Говорятъ, что все это дѣло было раздуто, никакой чумы не было и т. п. Но если бы чума въ Ветлянкѣ была даже выдумана, какъ она затѣмъ была выдумана въ Петербургѣ, то выдумана она была, во всякомъ случаѣ, не Лорисъ-Меликовымъ,

который потому и былъ посланъ въ Ветлянку съ чрезвычайными полномочіями, что эпидемію, несомнѣнно тамъ свирѣпствовавшую, признали чумою врачи. Допустимъ даже, что врачи ошиблись въ наименованіи болѣзни въ Ветлянкѣ, какъ они ошиблись въ Петербургѣ; во всякомъ случаѣ, благодаря энергическимъ мѣрамъ покойнаго: изолированію зараженныхъ мѣстностей, усиленію врачебныхъ средствъ, улучшенію санитарныхъ условий быта рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ—эпидемія прекратилась. Замѣтимъ при этомъ, что Лорисъ-Меликовъ не ограничился распоряженіями издали, но самъ поѣхалъ въ Ветлянку, въ то время, когда тамъ была сильная зараза, всѣми признававшаяся за чуму. По прекращеніи новыхъ заболѣваній, онъ самъ представилъ объ отиѣнѣ своей временной власти.

Въ Харьковъ покойный былъ назначенъ въ апрѣлѣ 1879 г. генералъ-губернаторомъ, съ спеціальною дѣлюю — принятія мѣръ къ охраненію порядка и къ прекращенію революціонной пропаганды. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ его управленія не произошло въ предѣлахъ генералъ-губернаторства ни одной преступной попытки, а, между тѣмъ, генералъ-губернаторъ своею гуманностью и доступностью приобрѣлъ сочувствіе всего населенія. Такимъ образомъ, основная мысль гр. Лорисъ-Меликова объ успокоеніи умовъ посредствомъ нѣкоторыхъ облегченій въ слишкомъ напряженномъ положеніи дѣлъ, причеиъ, разумѣется, шло своимъ порядкомъ дѣятельное раскрытіе преступленій или замысловъ о нарушеніи безопасности и спокойствія, проявилась еще при его дѣятельности въ Харьковѣ. Мысль эту можно было выразить еще и иначе: исходною ея точкой представлялось соображеніе, что не было никакой нужды стѣснять всѣхъ мирныхъ и спокойныхъ гражданъ для отвращенія или раскрытія преступленій единичныхъ людей и что, наоборотъ, отиѣна общихъ ограниченій и исключительныхъ мѣръ, умиротворяя общество, можетъ только отнять у пропаганды всякую почву для дѣйствія.

Мы только напоминаемъ здѣсь о взглядѣ, который служилъ основаніемъ политической системы гр. Лорисъ-Меликова, оставляя такой взглядъ совершенно внѣ оцѣнки въ настоящее время, такъ какъ для того періода, очевидно, еще не наступила пора объективной, исторической критики. Какъ бы то ни было, но новое и болѣе высокое положеніе гр. Лорисъ-Меликовъ вскорѣ получилъ именно потому, что онъ казался человѣкомъ наиболѣе способнымъ положить конецъ тогдашнимъ покушеніямъ, а также и тайной дѣятельности революціонеровъ. Учрежденіе въ Петербургѣ, вслѣдъ за взрывомъ, чрезвычайной власти генералъ-губернатора, въ лицѣ генерала Гурго, которому было предоставлено право принимать мѣры, не взирая на чье-либо личное положеніе, отражало въ себѣ отчасти ту мысль, будто зло имѣло, въ самомъ дѣлѣ, широкое распространеніе, а не представлялось горстью людей, не имѣвшихъ никакихъ связей въ обществѣ. Этимъ, тогдашнимъ воззрѣніемъ объяснялось принятіе такихъ мѣръ предосторожности, которыя теперь представляются намъ крайне странными, какъ-то: отобраніе у жителей Петербурга оружія съ выдачею даже военнымъ особымъ свидѣтельствъ на

держаніе его на дому, съ запрещеніемъ оружейникамъ продавать огнестрѣльное оружіе и патроны иначе, какъ лицамъ, предъявившимъ эти свидѣтельства, держаніе войскъ на-готовѣ въ манежахъ, какъ будто мыслимъ былъ бунтъ населенія, и т. п. Новое покушеніе на жизнь шефа жандармовъ, ген. Дрентельна, явившееся несмотря на принятые военныя мѣры, могло служить доказательствомъ, что дѣятельность революціонеровъ не имѣла ничего общаго съ предположеніями о какой-то распространенной «интригѣ», уличномъ бунтѣ и т. п.

Когда Лорисъ-Меликовъ явился въ Петербургъ съ докладомъ о положеніи вѣрненнаго ему края, то успокоительный его взглядъ на общее положеніе дѣла, убѣжденіе его, что какъ ни опасны могутъ быть сами по себѣ замышляемая горстью революціонеровъ убійства, но непосредственно раскрывать и отвращать ихъ могли только спеціальныя усилія полиціи, а не мѣры, примѣнимыя ко всему обществу, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ примѣненіи къ обществу необходимы мѣры успокоительныя, которыя дѣйствуютъ только постепенно, то взглядъ этотъ произвелъ благоприятное впечатлѣніе. Во взглядѣ этомъ, какъ бы ни судили о немъ нынѣ, была, все-таки, идея, заключалось основаніе для цѣлой системы дѣйствія, между тѣмъ какъ мѣры, принимавшіяся генералами Дрентельномъ и Гурко, свидѣтельствовали, что эти лица бродили въ потьмахъ, дѣйствовали на удачу, не отдавая себѣ отчета, съ какими собственно противникомъ они имѣли дѣло—съ горстью отчаянныхъ и крайне-опасныхъ людей, или съ мнимымъ широко-распространеннымъ въ обществѣ, притомъ же чуть ли не на всѣхъ его ступеняхъ, заговоромъ?

Лорисъ-Меликовъ не возвратился въ свое генераль-губернаторство. Проектъ о диктатурѣ осуществился въ видѣ учрежденія верховной комиссіи министровъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго. Послѣдовавшая затѣмъ отставка III отдѣленія, назначеніе гр. Лорисъ-Меликова министромъ внутреннихъ дѣлъ, назначеніе сенаторскихъ ревизій, раскрытіе расхищенія башкирскихъ земель, пересмотръ списковъ лицъ, подвергшихся административной ссылкѣ, и возвращеніе многихъ изъ нихъ, предложеніе о реформѣ мѣстнаго управленія, облегченіе въ цензурной практикѣ, внесеніе вообще въ дѣло управленія стремленія опереться на содѣйствіе живыхъ силъ общества, предполагавшихся здоровыми, приблизить ихъ къ центральному управленію, наконецъ, принятіе земскаго начала за основной принципъ для дальнѣйшихъ реформъ—памятны еще всѣмъ.

Хотя система Лорисъ-Меликова и не успѣла, въ краткое его управленіе, выразиться въ цѣломъ рядѣ положительныхъ мѣропріятій и узаконеній, но духъ ея, общее ея направленіе, тѣмъ не менѣе, были вполне опредѣлены. Нѣкоторое отраженіе общаго ея смысла можно найти въ книгѣ покойнаго Фадѣева—*Письма о современномъ состояніи Россіи*, напечатанной за границею съ дозволенія нашего правительства и допущенной въ Россію, въ силу испрошеннаго Лорисъ-Меликовымъ высочайшаго повелѣнія. Многимъ, быть можетъ, неизвѣстно, что генераль Фадѣевъ, прежній товарищъ Ло-

рисъ-Меликова по службѣ на Кавказѣ, былъ ближайшимъ помощникомъ его, именно по уясненію того преобразовательнаго пути, на который рѣшено было вступить. Въ этомъ отношеніи и въ смыслѣ историческомъ, намъ кажется, весьма важно установить сочувственное отношеніе всесильнаго въ то время государственнаго дѣятеля ко взглядамъ, которые были формулированы Фадѣевымъ. Въ докладѣ своемъ покойному Государю о книгѣ Фадѣева Лорисъ-Меликовъ излагалъ сущность этихъ взглядовъ. Главное наше зло, — такъ докладывалъ министръ о взглядахъ, изложенныхъ Фадѣевымъ, — заключается въ томъ, что въ послѣднія два десятилѣтія въ Россіи образовался какъ бы промежутокъ между правительствомъ и подданными, дающій мѣсто и просторъ всякимъ противуобщественнымъ явленіямъ. Такой промежутокъ явился послѣдствіемъ великой мѣры освобожденія крѣпостныхъ, лишившихъ дворянство его сословной связи и прежняго значенія — опорной силы государства, незамѣнимой никакою иною силой. Бюрократія, какъ орудіе исключительно механическое, могла легко осуществлять виды высшей власти при нравственной поддержкѣ преобладавшей общественной силы; нынѣ же она проводитъ до почвы только форму, а не духъ мѣропріятій, вслѣдствіе чего правительство оказывается недостаточно вооруженнымъ противъ общественныхъ явленій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ... Только земство можетъ стать для власти такою же несокрушимой опорой, какою было недавно дворянство, а какъ громадное большинство русскихъ людей искренно вѣруетъ въ царскую власть, то земство, непосредственно погруженное въ этомъ большинствѣ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ силу самую благонадежную.

Просьба Фадѣева о дозволеніи ему написать его книгу за границею была доложена покойному Государю, и состоялось повелѣніе, чтобы дѣло это было рассмотрѣно Лорисъ-Меликовымъ вмѣстѣ съ министрами военнымъ и иностранныхъ дѣлъ. Испросивъ также и мнѣнія тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ (Макова), предсѣдатель верховной комиссіи такъ докладывалъ о рѣшеніи, къ какому пришли министры: «Хотя нѣкоторое расширение свободы мысли и слова, очевидно, вызывается современными потребностями, но должно имѣть въ виду, что гласное обсужденіе мнѣній, высказанныхъ Фадѣевымъ, возбудитъ, можетъ быть, въ обществѣ ожиданіе какихъ-либо новыхъ мѣропріятій со стороны правительства, и потому оно окажется своевременнымъ въ такомъ лишь случаѣ, если взгляды автора будутъ признаны не стоящими явно въ разрѣзъ съ видами правительства. Мы (т.-е. предсѣдатель верховной комиссіи и министры) не считаемъ себя вправѣ взвѣшивать подобный вопросъ и повергаемъ его на воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Основные мысли сочиненія можно (продолжаетъ докладъ) сжать въ три положенія: 1) возстановленіе и развитіе коренныхъ преданій Царствующаго Дома, какъ конечная цѣль; 2) обсужденіе настоятельныхъ вопросовъ общенароднаго хозяйства, въ связи съ соотвѣтствующими имъ мѣрами земскаго и мѣстнаго устройства, на основаніи истекшаго опыта при спросѣ земства, какъ начало; 3) сплоченіе

охранительныхъ общественныхъ силъ въ связанное цѣлое, замѣщающее прежнюю опорную силу государства новою силой, какъ средство».

Вотъ каковы были тѣ, лишь слегка намѣченные, но вполне опредѣленные въ смыслѣ направленія, взгляды, которыхъ обнародованіе предсѣдатель верховной комиссіи и министры считали возможнымъ лишь въ такомъ случаѣ, если тѣ взгляды будутъ признаны не стоящими явно въ разрѣзъ съ видами правительства. Такимъ образомъ, послѣдовавшее соизволеніе на напечатаніе книги и на допущеніе ея въ Россіи было вмѣстѣ и признаніемъ только что приведеннаго положенія. Такъ какъ о положительныхъ видахъ Лорисъ-Меликова, въ кратковременное его управленіе, не имѣется доселѣ въ нашей печати вѣрныхъ свѣдѣній, то наша справка имѣетъ значеніе весьма важнаго историческаго документа, въ какомъ качествѣ она и приводится.

Не время еще нынѣ, повторяемъ, для объективной оцѣнки того, что тогда было сдѣлано, и тѣхъ стремленій, того нравственнаго оживленія, которыя составляли главную суть системы, не успѣвшей еще проявиться въ положительныхъ дѣйствіяхъ. Одно только возможно и даже необходимо отмѣтить съ полною опредѣленностью уже теперь, а именно, что та преобразовательная и общественно-признанная идея, которой тогда явился представителемъ Лорисъ-Меликовъ, вовсе не была какою-то личною и произвольною его выдумкой, направленною къ «упраздненію правительства». Это было нечто иное, какъ возвращеніе къ началу царствованія Государя Александра II-го; это была та самая идея, изъ которой истекли освобожденіе крестьянъ, общественное самоуправленіе въ земскихъ учрежденіяхъ и самостоятельность судебной власти отъ бюрократіи — въ новомъ судопроизводствѣ. Это была та же идея, которая при началѣ царствованія Императора Александра I внушила ему учрежденіе министерствъ и государственнаго совѣта, отмѣну тайной канцеляріи, надежды на содѣйствіе лучшихъ силъ общества. И въ то время, какъ и въ шестидесятые годы, какъ и въ 1880 году, эта идея вносила въ общество оживленіе, ставила передъ нимъ яркую цѣль и вызывала къ дружной работѣ для ея достиженія.

Страшное событіе 1 марта нанесло ударъ и этимъ начинаніямъ. Необходимо признать, что злодѣяніе это явилось вполне независимо отъ какой бы то ни было кратковременной системы управленія. Ему предшествовали нѣсколько преступныхъ покушеній, совершенныхъ при системѣ противоположной, и каждое изъ нихъ могло произвести ту же катастрофу, которая поразила Россію 1 марта 1881 года. Безпристрастный изслѣдователь въ будущемъ долженъ будетъ признать, что не могла система, рассчитанная на результаты нравственныя, на сколько-нибудь продолжительное леченіе, на дѣйствіе, такъ сказать, гигиеническое, исцѣлить въ нѣсколько мѣсяцевъ недугъ, проявившійся съ 1866 года, то-есть въ теченіе 15 лѣтъ.

Какъ бы то ни было, но бывають въ исторіи факты, столь сильно поражающіе всѣхъ, производящіе такое сильное нравственное потрясеніе, что отъ него рушатся всѣ начинанія, на пути которыхъ такіе факты становятся роковымъ образомъ, хотя бы и безъ всякой связи съ тѣми начина-

ніями. Конечно, логически одно вовсе не слѣдовало изъ другаго, но фактически было почти невозможно, чтобы послѣ такого несчастія могла продолжаться и самая система Лорисъ-Меликова. Нестерпимый припадокъ боли заставляетъ иногда бросить лѣкарство, хотя и направленное къ ея исцѣленію, но еще не успѣвшее произвести своего дѣйствія.

Вотъ почему надо признать, что нынѣ еще преждевременно также и проносить надъ системой графа Лорисъ-Меликова такія сужденія, какія были высказаны въ *Новомъ Времени* и другихъ газетахъ, будто событія доказали, что покойный ошибался. Но даже если онъ и ошибался, то, во всякомъ случаѣ, напрасно видѣть доказательство его ошибки въ злодѣяніи 1 марта, такъ какъ иначе пришлось бы допустить, что предшествовавшія нѣсколько покушеній доказывали ошибочность той системы, которая существовала до управленія графа Лорисъ-Меликова и была ей противоположна. Прибавимъ, что нѣкоторыя изъ его начинаній и даже предположеній продолжались и послѣ того, какъ онъ самъ сошелъ со сцены.

Такъ, пересмотръ списковъ лицъ, сосланныхъ по обвиненіямъ свойства политическаго, и возвращеніе значительнаго ихъ числа продолжались и въ управленіе преемниковъ Лорисъ-Меликова въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, графовъ Н. П. Игнатъева и Д. А. Толстаго; при нынѣшнемъ уже управленіи возвращенъ изъ ссылки писатель Н. Г. Чернышевскій, о которомъ вспоминала печать при управленіи Лорисъ-Меликова. Третье отдѣленіе возстановлено не было, и государственная полиція осталась въ вѣдомствѣ внутреннихъ дѣлъ. Мысль о необходимости преобразованія мѣстнаго управленія повела къ назначенію кахановской комиссін, а затѣмъ, независимо отъ различія въ направленіи, представляется и въ нынѣ обсуждаемыхъ законодательнымъ учрежденіемъ проектахъ. Мысль объ обращеніи къ содѣйствію силъ общественныхъ, при обсужденіи законовъ, выразилась при графѣ Игнатъевѣ въ вызовѣ такъ называемыхъ «свѣдущихъ людей» для обсужденія законодательныхъ предположеній свойства хозяйственнаго. Эта мысль—о «спросѣ земства» въ обсужденіи вопросовъ общенароднаго хозяйства (см. выше пунктъ 2-й въ заключеніи доклада)—готова была проявиться, въ управленіе графа Н. П. Игнатъева, и въ иной, еще болѣе широкой и осязательной формѣ. Наконецъ, самыя заботы въ новѣйшее время о возвышеніи значенія дворянства развѣ не представляютъ того же убѣжденія въ необходимости «сплаченія охранительныхъ общественныхъ силъ», хотя и въ иной средѣ? И развѣ въ самыхъ разсужденіяхъ огульно осуждающей нынѣ Лорисъ-Меликова части печати—о необходимости расширить роль дворянства, какъ вѣрной опоры правительственной власти, не отражается та же мысль, что «промежутокъ» между бюрократією и народомъ долженъ быть заполненъ живою, общественною силой? Въ виду указанныхъ нами примѣровъ, сами порицатели Лорисъ-Меликова и тѣ, помнящіе его добрымъ якобы словомъ, которые произносятъ огульное сужденіе, что ошибался онъ, должны были бы признать, что ошибался онъ, во всякомъ случаѣ, не во всемъ.

Объявленный въ концѣ ноября 4%, заемъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Общая сумма подписки достигла почти 360½ милл. руб. зол. нарицательнаго капитала. Такъ какъ новый заемъ предназначенъ, прежде всего, на выкупъ 5% займа 1877 года, то подписчики на новый заемъ, предъявившіе въ обмѣнъ билеты стараго займа, получили все количество новыхъ облигацій, какое имъ было потребовано. Затѣмъ разверстка остальной суммы новаго займа между подписавшимися была произведена по категориямъ: подписавшіеся на 625 руб. зол. и менѣе, получили все требуемое количество, подписавшіеся на сумму до 12,500 руб. зол. получили облигацій на 625 руб. и на 25% остальной суммы, подписавшіеся на большія суммы получили облигацій на 625 р. зол. и на 25% съ остальныхъ (изъ 12,500 р.) 11,875 руб. зол., а затѣмъ на 15% той суммы ихъ требованія, которая оставалась за вычетомъ 12,500 руб.

Успѣхъ займа—фактъ благопріятный самъ по себѣ. Благопріятнымъ представляется и то обстоятельство, что парижскіе банки, взявшіеся за его помѣщеніе, исполнили это дѣло съ замѣчательною энергіей, въ которой, сверхъ собственнаго ихъ интереса, позволительно видѣть еще и желаніе угодить Россіи. Притомъ, дѣло не обошлось безъ борьбы: берлинская биржа оказывала противодѣйствіе сильнымъ предложеніемъ русскихъ фондовъ вообще, что временно понижало ихъ цѣну, а въ самомъ Парижѣ нѣкоторые банки, не участвовавшіе въ синдикатѣ «учетной конторы», «Лионскаго кредита» и т. д., составленномъ для выпуска нашего займа, бросили на рынокъ, наканунѣ подписки, большія количества французской ренты. Синдикатъ, однако, одержалъ полную побѣду, и побѣда эта была тѣмъ болѣе блестяща, что нормальный спросъ въ Парижѣ на наши бумаги вовсе не великъ, о чемъ свидѣтельствуетъ хотя бы то обстоятельство, что 5% русскіе фонды стояли на парижской биржѣ ниже пари, въ то самое время, когда на новый 4% заемъ, предлагавшійся по 86 за 100, синдикатъ устроилъ подписку, которая столь значительно превысила самую сумму займа, причемъ на облигаціи явилась даже премія въ 2 франка.

Но въ блескѣ этой побѣды нѣсколькихъ крупныхъ парижскихъ домовъ въ пользу новаго нашего займа отчасти блѣднѣлъ успѣхъ его самого. Если остановиться на одномъ безотносительномъ фактѣ, что на заемъ, по которому требовались 125 милл. рублей зол. нарицательнаго капитала, было подписано 360½ милл. руб., то-есть болѣе чѣмъ вдвое, то успѣхъ великъ. Положимъ, фактически все равно, какой высоты достигаетъ подписка на заемъ, лишь бы онъ былъ покрытъ: вдвое ли, втрое ли было предложено,—все равно, получились только тѣ 86% изъ 125 милл. руб. зол., которые требовались. Тѣмъ не менѣе, всегда при реализаціи займа обращаютъ вниманіе на то, въ какой мѣрѣ онъ имѣлъ успѣхъ, какъ новое обращеніе государства къ кредиту было встрѣчено на международномъ и внутреннемъ рынкахъ,—въ размѣрѣ, какого достигло излишнее предложеніе, видятъ степень довѣрія финансоваго міра къ государству, къ его экономической со-

стоятельности, къ его финансовой системѣ и даже къ политическому его положенію, которое можетъ значительно вліять на два первыя условія.

Въ какой же мѣрѣ почти трикратное покрытіе нашего новаго займа можетъ служить благопріятнымъ свидѣтельствомъ въ этомъ смыслѣ? На 1 миллионъ облигацій займа предложенъ былъ, въ облигаціяхъ прежняго, конвертируемаго займа, и въ наличныхъ деньгахъ, капиталъ достаточный для оплаты 2.883,779 облигацій; но изъ этого количества восемь девятихъ были подписаны въ одномъ Парижѣ, а лишь одна девятая—во всѣхъ остальныхъ городахъ, русскихъ и иностранныхъ. Но такъ какъ мы не можемъ думать, что одинъ Парижъ вѣрить экономической состоятельности Россіи и порядку въ финансовомъ ея управленіи болѣе, чѣмъ вся остальная Европа, включая и самую Россію, то, очевидно, и результату нынѣшней подписки мы не можемъ придавать особенно большаго значенія въ смыслѣ такого именно свидѣтельства. Самая обстановка дѣла заставляетъ насъ видѣть въ результатѣ подписки свидѣтельство скорѣе о могуществѣ и ловкости нѣсколькихъ парижскихъ банковъ, чѣмъ о всеобщемъ довѣрїи къ экономической силѣ и финансовому благоустройству Россіи. Ясно, что въ Россіи куплено займа немного потому, что размѣръ 4, ⁰/₁₀₀ дохода съ капитала считается у насъ низкимъ, такъ что подписка въ Россіи почти и ограничилась однимъ обѣмномъ прежнихъ облигацій на новыя; въ Англіи на фонды наши вообще нѣтъ спроса, а главный для нихъ рынокъ въ Германіи, Берлинъ, былъ настроенъ неприязненно. Нашему финансовому управленію были нужны 107 милл. р. зол.—оно ихъ получить, и въ этомъ успѣхъ безспорный, практическій; на какихъ условіяхъ—другой вопросъ, о которомъ мы говорили въ прошлый разъ. Но тотъ нравственный успѣхъ, какой дается огромнымъ превышеніемъ спроса на заемъ передъ его предложеніемъ, являясь въ настоящемъ случаѣ успѣхомъ на одной только парижской биржѣ, относится болѣе къ нѣсколькимъ банкирамъ, чѣмъ къ нашему кредиту.

А, между тѣмъ, у насъ нѣтъ въ настоящую минуту недостатка въ благопріятныхъ экономическихъ и финансовыхъ показателяхъ. Роспись на 1889 годъ, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующемъ обзорѣ, сведена съ небольшимъ излишкомъ въ доходахъ передъ расходами. Въ прошломъ же мѣсяцѣ выкуплено все количество кредитныхъ билетовъ, вновь выпущенныхъ въ обращеніе подъ обезпеченіе золота. Такихъ билетовъ было выпущено въ сентябрѣ на 30 милл. р.; весь этотъ излишекъ нынѣ погашенъ: въ послѣдніе дни ноября уничтожено кредитныхъ билетовъ на 15 милл. р., а 14 декабря—еще на 15 милл. р. Въсѣтъ съ тѣмъ, перечислено и отнесенное къ обезпеченію ихъ количество золота: 15 милл. р. зол., принадлежащія государственному банку—въ оборотныя средства банка, а другіе 15 милл. р., принадлежащія государственному казначейству,—на особый текущій счетъ казначейства въ томъ же банкѣ. Мы съ сожалѣніемъ видѣли возвращеніе къ этому средству—подкрѣпленію кассы. Новые выпуски были названы временными, но срока для ихъ погашенія назначено не было, а

потому мы и замѣтили осенью, что если къ 1 марта, когда торговля вообще окончательно рассчитывается съ банкомъ по векселямъ, выставленнымъ по хлѣбной операціи, остался бы хотя одинъ рубль изъ новыхъ временныхъ выпусковъ непогашеннымъ, то это значило бы, что на рубль окончательно возвышено у насъ бумажно-денежное обращеніе. Поэтому мы обязаны признать теперь, что сумма этого обращенія не возросла, что новые выпуски погашены ранѣе, чѣмъ мы предполагали, и, стало быть, представлялись дѣйствительно временными. Тѣмъ не менѣе, то неограниченное полномочіе, какое дано финансовому управленію указомъ 8 прошлаго іюля относительно временныхъ выпусковъ, по усмотрѣнію, новыхъ кредитныхъ билетовъ подъ обезпеченіе золота, мы продолжаемъ считать средствомъ болѣе опаснымъ, чѣмъ полезнымъ.

Въ назначеніи суммъ, вырученныхъ отъ новаго займа, какъ извѣстно, заключается, сверхъ конверсіи займа 1877 года, и уплата послѣднихъ 50 милл. руб. кред., должныхъ казначействомъ банку, за прежніе «временные» же выпуски кредитныхъ билетовъ. Такъ какъ 1 января истекло определенное указомъ 1881 г. восьмилѣтіе для расчета по этимъ выпускамъ и ихъ погашенія, то умѣстно остановиться, въ краткихъ словахъ, на общемъ результатѣ этой операціи. Казначейство въ теченіе этихъ 8 лѣтъ уплатило банку за означенные выпуски 417 милл. р., частью въ специальныхъ, предназначенныхъ на этотъ предметъ рентахъ, частью изъ другихъ займовъ. Но сколько упомянутыя ренты были дѣйствительно реализованы и насколько другіе займы были усилены съ этою цѣлью (какъ и нынѣшній), операція эта увеличила пассивъ нашъ—въ процентныхъ долгахъ. Активъ же операціи представляется въ уничтоженіи суммы кредитныхъ билетовъ менѣе, чѣмъ на 150³/₄ милл. р. (змѣсто 417 милл. р., осталось въ обращеніи временныхъ выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ на 266¹/₄ милл. р.), въ усиленіи кассы банка, которое затѣмъ выразилось въ авансахъ, выданныхъ послѣднимъ дворянскому банку подъ облигаціи послѣдняго. Словомъ, въ конечномъ результатѣ всей операціи, предпринятой для упроченія нашего кредита и уменьшенія колебаній курса, явилось гораздо большее увеличеніе процентнаго долга, чѣмъ сокращеніе долга безпроцентнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько означенныя средства были добыты изъ займовъ иностранныхъ (какъ изъ нынѣшняго 4-хъ процентнаго), настолько же расширилась и почва для самыхъ колебаній курса.

Кромѣ свѣденія росписи съ излишкомъ дохода, имѣлось еще налицо дальнѣйшее повышеніе курса, который наканунѣ праздниковъ показывался въ 46 р. 65 к. кред. за 100 марокъ и въ 37 р. 50 к. за 100 франковъ. Съ февраля, когда франкъ почти равнялся 50 копѣйкамъ, нынѣшняя его цѣна 37¹/₂ коп. представляетъ большой успѣхъ. Положимъ, и въ предстоящемъ февралѣ можетъ произойти пониженіе рубля, когда прекратятся расчеты по вывозу хлѣба, но, все-таки, нельзя ожидать пониженія въ прежнемъ размѣрѣ. При этомъ, для сравненія, надо имѣть въ виду два обстоятельства: во-первыхъ, исключительное паденіе курса въ февралѣ было

вызвано въ значительной степени обстоятельствами политическими, и улучшение курса въ слѣдующіе мѣсяцы зависѣло въ такой же степени отъ упроченія увѣренности въ мирѣ,—стало быть, еще не составляетъ симптома финансового. Во-вторыхъ, экономическое положеніе Россіи въ самомъ дѣлѣ улучшилось двумя урожайными годами, шедшими подрядъ. Это также — фактъ, не зависѣвшій отъ финансовыхъ мѣръ. Наконецъ, во вторичному урожаю въ Россіи въ нынѣшнемъ году присоединился неурожай въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, вслѣдствіе чего отпускъ хлѣба былъ особенно великъ. Разсчитываютъ, что перевѣсъ общей суммы отпуска нашихъ товаровъ надъ ввозомъ въ сложности годовъ 1887 и 1888 составилъ около 600 рублей. За 1887 г. перевѣсъ былъ въ 235 милл. р., а за 10 мѣсяцевъ 1888 г., о которыхъ были собраны свѣдѣнія, 338 милл. р. Положимъ, почти весь этотъ огромный избытокъ былъ намъ уплаченъ нашими же бумагами, но за то онъ долженъ былъ повліять на цѣну нашей счетной единицы. Что касается золота, то хотя и его въ настоящее время уже болѣе привозится въ Россію, чѣмъ изъ нея вывозится, но такъ какъ оно въ обращеніи у насъ находится не можетъ, то переплата по излишку нашего отпуска передъ ввозомъ производится въ золотѣ лишь настолько, насколько въ немъ нуждается еще министерство финансовъ, за уплатою изъ таможенныхъ поступленій—процентовъ по внѣшнимъ займамъ.

И такъ, хотя имѣются налицо нѣсколько благопріятныхъ финансовыхъ показателей, но нельзя не замѣтить, что произведены они, главнымъ образомъ, обстоятельствами случайными и могущими не повторяться или не продержаться. Достаточно одного неурожая, чтобы уменьшились и излишекъ нашъ по торговому балансу, и цифра, которой достигъ питейный доходъ, дозволявшій свести роспись безъ дефицита. Достаточно тревожныхъ политическихъ слуховъ, какіе обыкновенно появляются передъ весною, чтобы курсъ опять пошелъ назадъ. Значительное сокращеніе расходовъ одно представляло бы, зависящее отъ насъ самихъ, прочное условіе для поправленія дѣла. Но такъ какъ, въ виду общихъ во всей Европѣ вооруженій, и по инымъ причинамъ, расходы значительно сократиться не могутъ, то главную надежду въ поправленіи финансовъ, по необходимости, остается возлагать на силу природы и на миролюбивую политику.

Что же касается возвышенія доходовъ, то, такъ какъ ближайшимъ послѣдствіемъ послѣдняго поднятія виннаго акциза было нѣкоторое ослабленіе въ поступленіи питейнаго дохода, нельзя, стало быть, считать возможнымъ новое возвышеніе акциза въ настоящее время. А, между тѣмъ, увеличеніе общей суммы доходовъ, главнымъ образомъ, зависитъ именно отъ возрастанія дохода съ питей, которое, затѣмъ, и можетъ зависѣть только отъ урожая, т. е. отъ случая. Иныхъ же неслишкомъ обременительныхъ новыхъ налоговъ придумать нынѣ нелегко, послѣ того, какъ уже спички обложены. Да если бы они и нашлись, то ихъ слѣдовало бы обратить на отмѣну или преобразование нѣкоторыхъ прежнихъ, наприм., на отмѣну страхового сбора, въ высшей степени анти-экономическаго, и на упрощеніе сбо-

ра гербового, который, благодаря своимъ постепеннымъ распространениямъ и разъяснениямъ, сдѣлался весьма стѣснительнѣе. Такъ, для исчисления суммъ пошлинъ при наслѣдованіи недвижимыхъ имуществъ и суммъ гербовыхъ сборовъ съ имуществъ, переходящихъ изъ одного владѣнія въ другое, требуется нынѣ брать наивысшую изъ оцѣнокъ имущества. А оцѣнокъ имущества имѣется *восемь*, именно: оцѣнка десятины земли по табели 1883 г., оцѣнка по взиманію земскаго сбора, оцѣнка по взиманію сбора на содержаніе мировыхъ судебныхъ установленій (въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ земства), оцѣнка для взиманія городскихъ сборовъ, цѣна, показанная въ актѣ о послѣднемъ приобрѣтеніи имущества, страховая оцѣнка, наконецъ, зологовая оцѣнка, сдѣланная при приѣмѣ имущества въ залогъ въ кредитномъ учрежденіи. Представленіе всѣхъ этихъ свѣдѣній,—особенно если актъ продажи совершается не въ томъ городѣ, гдѣ имущество оцѣнено, заложено и застраховано,—сопряжено съ большими хлопотами и затрудняетъ совершеніе купчей у нотаріуса. Нельзя также не обратить вниманія на нѣкоторую мелочную притѣснительность, соединенную по оплатѣ гербовымъ сборомъ частныхъ счетовъ. Гербовый сборъ съ частныхъ счетовъ даетъ весьма мало, а, между тѣмъ, взиманіе его сопряжено съ разными неудобствами и въ конечномъ результатѣ приводитъ къ двумъ фактамъ: что торговцы и покупатели и вообще частныя лица по возможности избѣгаютъ самаго писанія счетовъ, а мѣры надзора за наклеиваніемъ гербовыхъ марокъ на лавочные и другіе счета принимаютъ, по необходимости, какъ бы инвизиціонный характеръ. Можно, наприм., сослаться на приказъ по петербургской полиціи, въ которомъ высказано было предостереженіе, что въ магазинахъ, гдѣ обнаружится подаваніе счетовъ безъ гербовыхъ марокъ, поставлены будутъ полицейскіе чины для надзора за этимъ дѣломъ.

Въ *Кіевлянинѣ* недавно помѣщены свѣдѣнія о дѣлѣ, которое бросаетъ яркій свѣтъ на совершенно безграничное усмотрѣніе бывшей въ юго-западномъ краѣ генераль-губернаторской власти въ дѣлахъ о приобрѣтеніи земли. Въ 1884 г. дворянка Ирина Микульская, жена землевладѣльца Сотера Микульскаго, а по происхожденію—русская крестьянка православнаго исповѣданія, просила генераль-губернатора Дрентельна о выдачѣ ей свидѣтельства на покупку имѣнія ея мужа. По закону, она, какъ лицо русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія, имѣла полное право на полученіе такого свидѣтельства. Переходя отъ буквы закона къ самой его цѣли, нельзя не признать, что и съ этой, уже не юридической, но политической точки зрѣнія, слѣдовало согласиться на переходъ имущества отъ Микульскаго къ его женѣ, такъ какъ если у супруговъ есть дѣти, то, въ силу православнаго исповѣданія матери, и они должны быть православными,—стало быть, нѣтъ повода препятствовать тому, чтобы имѣніе сохранилось въ ихъ рукахъ; если же супруги бездѣтны, то, въ такомъ случаѣ, переходъ имѣнія отъ мужа къ женѣ—русской по происхожденію, все-таки, болѣе соответствовалъ цѣли закона, чѣмъ даже оставленіе имѣнія во владѣніи мужа. Въ

обоихъ же случаяхъ, здѣсь не представлялось никакого расширенія польскаго землевладѣнія въ краѣ, а остался бы, въ томъ или другомъ видѣ, лишь существующій фактъ.

Но, «по наведенію справокъ», оказалось, что «хотя» г-жа Микульская по происхожденію—«мѣстная крестьянка» (отчего же не «русская крестьянка», когда мѣстное крестьянство—русское?), православнаго исповѣданія, и даже неграмотная (о грамотности законъ 10 декабря, какъ извѣстно, не упоминаетъ), но «по языку и условіямъ домашняго быта» до того усвоила польскую національность, что ее нельзя считать русскою, и потому въ ходатайствѣ ей было отказано. Вслѣдствіе того, супруги Микульскіе обратились къ третейскому суду, которому жена представила вексель своего мужа въ 3 т. р. и сохранныю росписку въ 4 т. р., выданные ей и обезпеченныя имѣніемъ послѣдняго. Третейскій судъ призналъ имѣніе собственностью Микульской и опредѣленіе это, явленное у нотариуса, было утверждено окружнымъ судомъ, съ выдачею исполнительнаго листа. Тогда генералъ-губернаторъ началъ дѣло въ кievскомъ окружномъ судѣ объ уничтоженіи передачи имѣнія отъ мужа къ женѣ, и противъ показаній Микульскихъ о происхожденіи и исповѣданіи жены разъяснилъ суду, что въ соображеніе принимается не вѣроисповѣданіе, а національность, и что г-жу Микульскую, въ виду условій ея домашняго быта, нельзя уже считать лицомъ русскаго происхожденія. Киевскій судъ рѣшилъ дѣло въ пользу генералъ-губернатора, а судебная палата, куда Микульскіе обратились съ апелляціею, утвердила рѣшеніе суда объ отиѣнѣ перехода имѣнія къ г-жѣ Микульской.

И вотъ такое-то дѣло приводится теперь какъ фактическое доказательство необходимости генералъ-губернаторской власти. Между тѣмъ, оно самымъ нагляднымъ образомъ доказываетъ необходимость совсѣмъ иную—необходимость положить конецъ вполнѣ произвольному хозяйству генералъ-губернаторскихъ канцелярій въ выдачѣ свидѣтельствъ на право пріобрѣтать имѣнія въ западномъ краѣ,—операци, которая получила чисто-концессионный характеръ. Сверхъ того, то же дѣло свидѣтельствуетъ скорѣе противъ пользы генералъ-губернаторской власти для правильнаго теченія всѣхъ дѣлъ вообще, чѣмъ наоборотъ. Если генералъ-губернаторъ можетъ даже судъ убѣдить такимъ толкованіемъ закона, что «домашнія условія быта», о которыхъ въ законѣ ничего не сказано, должны быть поставлены выше «русскаго происхожденія», о которомъ законъ прямо упоминаетъ, какъ объ условіи частнаго права, то польза подобной власти представляется уже сомнительною во всѣхъ отношеніяхъ. Положимъ, власть эта «сильная», въ чемъ и указываютъ ея достоинство, но въ подобныхъ примѣрахъ не оказывается ли, что она ужъ слишкомъ сильна?

Рѣшеніе вопросовъ о правѣ, на основаніи полицейскихъ справокъ объ «условіяхъ домашняго быта», вводитъ въ судопроизводство гражданское одинъ изъ приемовъ судопроизводства уголовнаго—дознаніе и, притомъ, дознаніе не судебного слѣдователя, а лишь административной власти. Происхожденіе лица можетъ быть твердымъ основаніемъ для его права или ограниченія

его права, если законъ право это дѣлаетъ зависящимъ отъ происхожденія. Но «условія домашняго быта» основаніемъ права служить не могутъ, во-первыхъ, по своей неопредѣленности и, во-вторыхъ, своей измѣчивости.

Доводъ, будто въ этомъ дѣлѣ былъ совершенъ обходъ закона, не имѣетъ основанія,—обходъ, дѣйствительно, былъ, но не закона, а ничѣмъ не стѣсненнаго усмотрѣнія генерала Дрентельна. Если бы посредствомъ предъявленія третейскому суду денежныхъ обязательствъ, или инымъ какииъ-либо путемъ, имѣніе перешло во владѣніе лица польскаго происхожденія, тогда только можно было, независимо отъ формальной законности самаго способа этой передачи, говорить объ обходѣ закона, который допускаетъ переходъ земли въ томъ краѣ лишь къ лицамъ русскаго или нѣмецкаго происхожденія, но не польскаго. Но такъ какъ г-жа Минувльская несомнѣнно русскаго происхожденія, то какой бы законный способъ передачи ей имѣніе не былъ употребленъ супругами, здѣсь, все-таки, не было бы обхода законовъ 10 и 2 декабря, а былъ бы налицо лишь обходъ неправильнаго распоряженія администраціи и пользованіе другимъ, согласнымъ съ законами путемъ, когда первый законный путь былъ прегражденъ распоряженіемъ администраціи. Впрочемъ, какое бы ни извлекали изъ этого дѣла заключеніе по отношенію къ пользѣ или бесполезности дискредитиціи власти въ совершенно спокойное время, одно несомнѣнно: пора обратить вниманіе на неограниченное хозяйство мѣстныхъ канцелярій въ дѣлѣ выдачи канцессій на пріобрѣтеніе имѣній. Если ужъ нельзя точнѣе изложить относящіяся сюда законы для уничтоженія полнаго произвола, то, несомнѣнно, лучше сосредоточить выдачу упомянутыхъ свидѣтельствъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Всѣ нужныя справки о лицахъ оно можетъ вытребовать съ мѣста, но пусть бы, по крайней мѣрѣ, самыя рѣшенія принимались въ Петербургѣ, внѣ сферы мѣстнаго кумовства и мѣстныхъ чиновничьихъ аппетитовъ и погони чиновничьихъ родственниковъ за имѣніями, которыя, при существующихъ ограниченіяхъ, не находятъ покупателей.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

„Большой театр“: *Борис Годунов*, опера Мусоргскаго. — „Московское музыкальное общество“: *Новая симфонія* П. И. Чайковскаго. Н. И.—на. — „Малый театр“: *Послѣдняя воля*, ком. Вл. И. Немировича-Данченко. — *Въ Шиллономъ замкѣ*, трагедія А. Ф. Фодотова. Ам.

Начиная нашу лѣтопись текущей музыкальной жизни Москвы, мы не будемъ излагать напередъ программы, которой мы намѣрены держаться, — она выяснится сама собою изъ нашихъ отчетовъ, — не будемъ, для начала, входить въ разсмотрѣніе общихъ причинъ, влияющихъ на положеніе и ходъ музыкальнаго дѣла и ограничимся лишь бѣглымъ обзоромъ истекшей половины сезона, позволивъ себѣ остановиться только на нѣкоторыхъ наиболее выдающихся явленіяхъ за самое послѣднее время.

Среди музыкальныхъ учреждений Москвы Большому театру нужно отвести первое мѣсто по обилію средствъ всякаго рода, находящихся въ его распоряженіи, и по тому интересу, который онъ возбуждаетъ въ публикѣ. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе того, что было бы возможно сдѣлать съ этими средствами, мы отмѣтимъ только фактъ оживленной дѣятельности нашей сцены, — дѣятельности, какой давно не бывало и которая уже отозвалась на публикѣ, посѣщающей Большой театръ гораздо усерднѣе, нежели во всѣ ближайшіе предшествующіе сезоны. Итоги этой дѣятельности выражаются въ слѣдующемъ: возобновлена *Юдица* Сѣрова и поставлены вновь: *Марія Бурнудская* П. И. Бларамберга, *Гарольдъ* Э. Ф. Направника и *Борисъ Годуновъ* покойнаго М. П. Мусоргскаго. Если принять во вниманіе, что возобновленіе *Юдицы* вполне равняется постановкѣ новой оперы, то въ итогъ окажется, что въ четыре мѣсяца разучены и поставлены четыре большихъ оперы, что, при сложности самыхъ произведеній, должно было потребовать массы труда и представляетъ результатъ чрезвычайно утѣшительный, — по крайней мѣрѣ, въ количественномъ отношеніи.

Остановимся на послѣдней новинкѣ — *Борисъ Годуновъ* и постараемся сжато охарактеризовать ея значеніе для публики и для нашей музыкально-драматической литературы.

Авторъ *Бориса Годунова*, М. П. Мусоргскій, былъ очень талантливымъ

натурой; попавъ сравнительно поздно и безъ всякой специальной подготовки на поприще композитора, онъ успѣлъ въ относительно короткое время своей дѣятельности создать себѣ репутацію виднаго таланта и, конечно, сдѣлалъ бы очень многое, если бы преждевременная смерть не остановила его почти въ началѣ композиторской карьеры. М. П. Мусоргскаго нельзя разсматривать какъ отдѣльное, самостоятельное явленіе,—онъ весь принадлежитъ не только своему времени, но и воздѣйствію ближайшей, окружавшей его среды,—кружка, гдѣ онъ черпалъ свои взгляды на искусство, пробѣрялъ сдѣланное имъ и пользовался совѣтами и указаніями людей болѣе него опытныхъ и умѣлыхъ въ музыкальномъ дѣлѣ. Самый кружокъ сложился подъ влияніемъ недавно минувшаго, короткаго, но за то блестящаго періода русской жизни, когда русское общество, какъ бы выйдя изъ состоянія дремотнаго оцѣпенѣнія, бодро и смѣло ринулось впередъ, когда у него явились новые интересы, новые вопросы, новые идеалы; это незабвенное время отозвалось на всѣхъ проявленіяхъ русскаго сознанія, создало цѣлыя группы дѣятелей, существованія которыхъ дотолѣ никто не подозревалъ. Музыка не осталась въ сторонѣ отъ общаго движенія,—напротивъ, въ ней закипѣла такая жизнь, оказалось такое обиліе средствъ и силъ, что въ необычайно короткое время возникла цѣлая музыкальная литература тамъ, гдѣ до того высился одинокимъ колоссомъ М. И. Глинка. Явились и различныя направленія, болѣе или менѣе рѣзко выраженные. Между прочимъ, въ Петербургѣ образовался кружокъ музыкантовъ, состоявшій изъ М. А. Балакирева, Ц. А. Кюи, Н. А. Римскаго-Корсакова, покойнаго А. П. Бородина и друг. Къ этому кружку принадлежалъ и М. П. Мусоргскій. Кружокъ этихъ лицъ былъ связанъ тѣсною дружбой способствовавшею тому, что, несмотря на все индивидуальное различіе его членовъ, на разность ихъ специальныхъ профессиональныхъ занятій, у нихъ выработались общіе взгляды, общіе принципы искусства. Въ средѣ русскихъ музыкантовъ они представляли собой радикальную партію, стремившуюся къ реформамъ въ области музыки, къ созданію новыхъ формъ искусства. Чего-либо вполне опредѣленнаго въ этихъ стремленіяхъ не было, все ограничивалось исканіемъ оцѣпѣвшихъ путей—занятіе, въ сущности, довольно бесплодное при отсутствіи солидной специальной подготовки. Благодаря журнальной дѣятельности Сѣрова, Вагнеръ съ его туманными теоріями музыкальной драмы былъ тогда у насъ очень популяренъ, быть можетъ, популярнѣе, нежели гдѣ-либо. Кружокъ петербургскихъ музыкантовъ, о которомъ мы говоримъ, заинтересовался Вагнеромъ, но отнесся къ нему совершенно оригинально. Вагнеръ былъ гениально одаренною музыкальною натурой, развитіе которой совершалось на пути практической композиторской дѣятельности, такъ называемой школьной подготовки у него было мало; реформаторскія стремленія явились у него результатомъ многолѣтней работы, выяснившей для него самую цѣльность и самостоятельность его артистической природы, не укладывавшейся ни въ какія готовые рамки, хотя онъ дѣлалъ не мало опытовъ достигнуть этого. Ваг-

нерь былъ крѣпкимъ, хотя и грубоватымъ самородкомъ; огромная бессознательная творческая сила, залегшая въ немъ, не давала ему покоя, онъ стремился къ реформамъ не въ силу выработанныхъ разсудочныхъ положеній, а подъ давленіемъ своей собственной художественной индивидуальности, заставлявшей разсудокъ отыскивать болѣе или менѣе подходящія объясненія ея бессознательныхъ стремленій. Такимъ объясненіемъ явилась теорія музыкальной драмы, которой ни самъ Вагнеръ и ни кто другой на Западѣ не слѣдовалъ. Теперь, когда поклоненіе Вагнеру достигло въ Западной Европѣ едва ли не болѣе высокой степени, нежели при жизни его, никто не вспоминаетъ уже о теоріяхъ Вагнера и поклоняются только его музыкѣ. Петербургскій кружокъ отнесся къ Вагнеру иначе: музыкантомъ онъ былъ признанъ совершенно бездарнымъ, а теорія его получила полное одобреніе, только нужно было освободить ее отъ романтической подкладки, которою она сильно отзывалась, и замѣнить ее русскимъ реализмомъ. М. П. Мусоргскій былъ тѣмъ членомъ кружка, который всего усерднѣе занялся опытами опредѣленія границъ реального, доступнаго музыкѣ. Плодами этихъ опытовъ явились нѣсколько романсовъ и, наконецъ, опера *Борисъ Годуновъ*. Въ русской музыкальной литературѣ уже существовалъ тогда *Каменный юстъ* Даргомыжскаго — обращеніе русскаго примѣненія теорій Вагнера, гораздо болѣе къ нимъ близкій, нежели любая опера самого Вагнера, который путь указывалъ, но самъ по немъ ходить остерегался и, отрицая условныя вокальныя оперныя формы, преспокойно замѣнялъ ихъ формами и приѣмами, выработанными инструментальною музыкой. Русскіе композиторы отнеслись къ своей задачѣ прямолинейнѣе; еще Даргомыжскій не могъ вполне отрѣшиться отъ привычекъ музыканта, слишкомъ крѣпко въ немъ засѣвшихъ, но Мусоргскій былъ отъ нихъ свободенъ: музыкальнаго прошлаго у него не было, забывать ему ничего не приходилось, ибо онъ ничего и не зналъ, и потому его *Борисъ* вышелъ чѣмъ-то не столько оригинальнымъ, сколько безпримѣрнымъ, это—какое-то сплошное отрицаніе музыки, изложенное въ звуковыхъ формахъ. Ни Вагнеръ, ни Даргомыжскій, отрицая условныя формы, не отрицали гармоніи,—напротивъ, пользовались ею, какъ однимъ изъ могущественныхъ средствъ выраженія. При всей смѣлости и богатствѣ гармоніи у перваго и интересной пивантности у втораго, она объяснима логически и музыкально; сдѣлать что-либо подобное съ *Борисомъ* довольно трудно, потому что его гармонія переполнена непонятными странностями, хотя между ними встрѣчаются дѣйствительно талантливыя мѣста, но преобладающею ея чертой, все-таки, остается вычурность, рѣдко чѣмъ-либо мотивированная въ достаточной степени. Эту вычурность можно объяснить развѣ только отсутствіемъ гармонической техники у автора, сознаніемъ этого недостатка и попыткой скрыть его небывалостью сочетаній, подобно тому, какъ иногда бываетъ съ людьми, чувствующими угловатость своихъ манеръ въ обществѣ и умысленно ее преувеличивающими, чтобы заставить думать, что они могли бы быть не менѣе другихъ элегантны, да только сами не хотятъ этого. Относительно формъ—то же самое. Толь-

ко тамъ, гдѣ авторъ стѣсненъ заимствованною народною пѣсней или подражаніемъ ей, является законченная, закругленная форма, а въ другихъ мѣстахъ она тщательно избѣгается; даже такая невинная вещь, какъ полонезъ, замѣчательно курьезный въ гармоническомъ отношеніи, и тотъ не обыченъ въ своемъ построеніи, причѣмъ простой танцевальный ритмъ дѣлается несимметричнымъ посредствомъ вставки лишнихъ тактовъ. Музыкальная форма въ определенномъ смыслѣ слова въ оперѣ совершенно отсутствуетъ; ничего вродѣ законченной цѣльной сцены, картины въ оперѣ не существуетъ, — она вся состоитъ изъ ряда эпизодическихъ картинокъ, распадающихся въ свою очередь на мелкія, слабо связанные между собою детальныя эпизоды, лишенные слитности.

При всемъ этомъ покойный Мусоргскій былъ, все-таки, очень талантливымъ по природѣ человѣкомъ. У него было мелодическое изобрѣтеніе и несомнѣнное чутье драматическаго эффекта. Въ самомъ началѣ оперы въ прологѣ является очень красивая народная тема, но она не получаетъ развитія и послѣ повторенія полутономъ выше сжѣняется совершенно излишнимъ хоромъ калікъ переходящихъ, связаннымъ съ ней чисто-механически. Во второй картинѣ удаченъ колокольный звонъ въ оркестрѣ, надобѣдающій, впрочемъ, однообразіемъ своихъ повтореній; народная пѣсня *Слава* гармонизована очень слабо, а попытки ея тематической разработки совсѣмъ неудачны; небольшой монологъ Бориса не интересенъ. Слѣдующія двѣ картины перваго акта лучшія въ оперѣ, но первая изъ нихъ (сцена въ кельѣ Пшмена), и самая лучшая, пропускается, а исполняется только вторая, сцена въ корчмѣ. Въ ней лучше всего пѣсни; хотя въ общемъ сцена связана плохо, но довольно удачно выдержана общая реальная окраска данного сценическаго положенія. Второй актъ сравнительно слабъ за исключеніемъ монолога Бориса, имѣвшаго большой успѣхъ въ превосходномъ исполненіи г. Корсова. Въ третьемъ дѣйствіи есть удачныя мѣста въ дуэтѣ Рангони съ Мариной и въ сценѣ у фонтана. Первая картина 4-го акта эффектна развѣ только сценически, а вторая, заключеніе оперы, опять пропускается. Всѣ перечисленные нами мѣста свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ талантѣ Мусоргскаго, но спасти оперу они не могутъ, потому что составляютъ лишь сравнительно небольшую часть цѣлаго, и, притомъ, ихъ относительныя достоинства далеко не выкупаютъ общаго неприятнаго впечатлѣнія неоприятности письма, часто умысленной. Поставленъ *Борисъ* очень хорошо, исполняется также удовлетворительно. Г. Корсовъ въ заглавной партіи былъ просто великолѣпенъ, онъ принадлежитъ къ числу немногихъ русскихъ артистовъ, знающихъ сцену и умѣющихъ отдѣлать роль до полной художественной законченности; у немногихъ также такая превосходная дикція, какъ у него. Г-жа Климентова очень хорошая исполнительница Марины и дѣлаетъ изъ своей партіи все возможное. Г. Борисовъ въ Рангони вполнѣ удовлетворителенъ или даже просто хорошъ. Г. Донской очень старательно поетъ партію Самозванца, но она ему не особенно удается, въ немъ просто мало огня, увлеченія и вѣшной красоты приѣмовъ. Остальные участвующіе бо-

лѣе или менѣе удовлетворительны въ своихъ небольшихъ партіяхъ. Въ общемъ ансамбль получается недурной. Хоръ и оркестръ хороши, по обыкновенію. Судя по первому представленію, опера едва ли долго продержится, потому что наша вообще сдержанная публика выказывала замѣтную враждебность, нзрѣдка смѣнявшуюся выраженіями одобренія, относившагося, кажется, скорѣе къ исполнителямъ, нежели къ самому сочиненію.

Музыкальное общество продолжало свою дѣятельность попрежнему, концерты его были интересны и по программѣ, и по исполненію; мы остановились только на новой симфоніи П. И. Чайковскаго, исполнявшейся въ одною изъ нихъ и повторенной на слѣдующій день въ общедоступномъ концертѣ.

Едва ли можно указать композитора, который былъ бы менѣе обязанъ прессѣ своими успѣхами и популярностью, нежели г. Чайковскій. Съ первыхъ шаговъ его на композиторскомъ поприщѣ русская музыкальная критика отнеслась къ нему чрезвычайно высокомѣрно; если въ г. Чайковскомъ допускалось присутствіе нѣкотораго таланта, то этотъ талантъ изображался погрязшимъ въ тинѣ консерваторской рутины, т. е., переводя это на болѣе опредѣленный языкъ, въ умѣнны владѣть формами и техническими средствами своего искусства, что съ точки зрѣнія музыкальныхъ критиковъ извѣстнаго направленія составляетъ едва ли не величайшее художественное преступленіе. Какъ ни стара басня о проповѣди безхвостой лисы, но она не утратила, да никогда и не утратитъ, своего значенія, и человѣчество не будетъ чувствовать недостатка въ проповѣдникахъ подобнаго рода, отличающихся отъ хитрой лисы тѣмъ, что они большею частою дѣлаютъ это просто по невѣднію, безъ всякаго злаго умысла. Отношенія нашей музыкальной критики къ г. Чайковскому, за немногими исключеніями, мало измѣнились и послѣ 23 лѣтъ его композиторской карьеры. Въ началѣ она едва допускала въ немъ проблески таланта, потомъ снизошла до признанія его въ извѣстной мѣрѣ, но... обыкновенно за такимъ признаніемъ слѣдуетъ столько этихъ «но», что все, кажется, должно бы утонуть въ ихъ морѣ— и самъ г. Чайковскій, и талантъ его, и его сочиненія. Если бы мнѣнія текущей прессы имѣли, дѣйствительно, рѣшающее значеніе, то иного результата нельзя бы и ожидать, но на самомъ дѣлѣ это не такъ и большинство сужденій и приговоровъ музыкальной критики еще недолговѣчнѣе тѣхъ листовъ печати, на столбцахъ которыхъ они появляются. На ряду съ мнѣніями прессы возникла и выросла неотразимая и непреоборимая сила общественнаго мнѣнія, мнѣніе *естль*, одно только и могущее постановить окончательный приговоръ, на который апелляція есть только въ судѣ исторіи. Пока присяжные судьи прессы строго казнили или снисходительно поощряли г. Чайковскаго, симпатія публики къ нему росли, крѣпли и широкою волной разливались по всемъ угламъ цивилизованнаго міра. Въ настоящее время П. И. Чайковскій есть едва ли не единственный изъ живущихъ композиторовъ, могущій съ запасомъ своихъ сочиненій и дирижерскою палочкой въ рукѣ являться въ любомъ мѣстѣ Европы и встрѣчать всюду восторженный,

полный глубокого уважения приемъ, а наша музыкальная критика, ни на что не смотря, продолжаетъ поощрять, наезывать и поучать, хотя пора бы ей догадаться, что у такого художника можно только учиться, но отнюдь не учить его.

Новая, пятая симфонія E-moll П. И. Чайковскаго состоитъ изъ обычныхъ четырехъ частей, только скерцо замѣнено вальсомъ. Первой частью симфоніи предшествуетъ интродукція, въ которой излагается главная тема, появляющаяся во всѣхъ частяхъ, съ переменной минорнаго строя на мажорный, оканчивающій симфонію. Первое allegro начинается характерною, красивою темой, имѣющею отдаленное сродство съ первой въ мелодическомъ, но совершенно иной въ ритмическомъ отношеніи. Проведеніе первой темы приводитъ обычнымъ порядкомъ ко второй въ строй минорной доминанты. Эта тема, элегическаго настроенія, чрезвычайно изящна и красива, за ней слѣдуетъ третья, такъ называемая заключительная партія въ строй D-dur. Послѣ разработки первая часть allegro повторяется, но вторая тема является вмѣсто H-moll въ cis - moll, заключительная партія—въ E-dur. Довольно значительное дополненіе возвращается къ первоначальному E-moll, въ которомъ первая часть и оканчивается.

Вторая часть симфоніи andante cantabile, по необычайной красотѣ мелодіи, можетъ стать на ряду съ лучшими произведеніями П. И. Чайковскаго, столь богатаго вообще мелодическимъ изобрѣтеніемъ. Превосходно выдержанъ весь мечтательно-страстный колоритъ этой части, возвышающейся мѣстами до моментовъ сильнѣйшаго возбужденія и переходящихъ необыкновенно красивою и сильною модуляціей, основанною на кварсектаккордахъ, въ болѣе спокойное, затихающее настроеніе. Во второй половинѣ andante является тема интродукціи, имѣющей здѣсь какъ бы угрожающій характеръ, которая приводитъ къ повторенію главной темы andante, являющейся здѣсь въ сильнѣйшемъ изложеніи; передъ концомъ опять появляется тема интродукціи въ сжатомъ видѣ, потомъ все затихаетъ и оканчивается едва слышнымъ pianissimo. Вся эта часть такъ прекрасна, проникнута такимъ искреннимъ, глубокимъ чувствомъ, что сама по себѣ составляетъ *chef d'oeuvre*.

Третья часть, вальсъ, сродни тѣмъ прелестнымъ вальсамъ, какіе встрѣчались уже ранѣе у г. Чайковскаго въ его струнной серенадѣ и въ сюитѣ; онъ представляетъ какъ бы моментъ успокоенія послѣ страстнаго одушевленія предыдущей части. Въ вальсѣ масса превосходныхъ гармоническихъ деталей, топкихъ, изящныхъ, какъ, напримѣръ, восходящая гамма скрипокъ противъ темы, идущей въ духовыхъ инструментахъ. Тріо вальса построено на быстрой фигурѣ, въ которой двухдольный складъ смѣняется иногда трехдольнымъ, придавая этимъ особенную ритмическую пикантность. Въ концѣ опять является тема интродукціи, но уже съ отгѣнкомъ спокойнаго, примиряющаго характера.

Послѣдняя часть начинается темой интродукціи, но уже не въ минорѣ, какъ при первомъ своемъ появленіи, а въ мажорѣ. Изъ этой темы развивается allegro финала опять въ E-moll. Вся эта часть сдѣлана рукой пер-

вокласснаго мастера, и хотя темы ея уступают темамъ предшествующихъ частей, но она представляетъ такое богатство разработки, такую художественную законченность въ дѣломъ, что ее можно назвать лучшей изъ всѣхъ частей симфоніи.

Въ дѣломъ новая симфонія есть произведеніе таланта вполне зрѣлаго, совершенно свободно и легко распоряжающагося всѣми средствами своего искусства. Въ отношеніи художественной стройности, ясности и безукоризненности формы она занимаетъ если не первое, то одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ ряду сочиненій П. И. Чайковскаго.

Н. Н—инъ.

Нашъ театральнѣй годъ не кончается первымъ января. Это время есть самый разгаръ сезона, а потому теперь и нельзя подводить какихъ-либо итоговъ. Теперь - то именно и слѣдуютъ одна за другою самыя крупныя сценическія новинки, приурочиваемыя къ бенефисамъ заслуженныхъ артистовъ. Въ началѣ декабря былъ данъ бенефисъ г. Музилю, въ концѣ декабря—прощальный бенефисъ г. Вильде, выслужившему пенсію за двадцать пять лѣтъ службы театру и оставившему сцену. Въ бенефисъ г. Музиля шла четырехъ-актная комедія Вл. Ив. Немировича-Данченко *Послѣдняя воля* и имѣла большой успѣхъ, благодаря, главнымъ образомъ, превосходному ея исполненію лучшими артистами московской сцены. Говоря это, мы вовсе не хотимъ умалить достоинство пьесы г. Немировича-Данченко. Для того, чтобы самыя выдающіеся артисты могли развернуть и показать всѣ свои силы, необходимо, чтобы авторъ пьесы далъ имъ къ тому подходящія положенія. И въ этомъ-то заключается главное достоинство комедіи *Послѣдняя воля*. Она очень сценична и замѣчательно удобна для актеровъ: въ ней каждый исполнитель имѣетъ свой показной моментъ, такую сцену, въ которой онъ на одномъ себѣ сосредоточиваетъ все вниманіе публики. Наши драматурги давно знаютъ этотъ приемъ выдвиганія актеровъ, давно его практикуютъ и часто имъ злоупотребляютъ, т.-е. вытаскиваютъ артиста на середину сцены и заставляютъ его продѣлывать «вызывныя» штучки. Въ большинствѣ случаевъ, это плохо удается; правда, актеру иногда похлопаютъ, а штучка, все-таки, видна и рѣжетъ глазъ, какъ заплатка, пришитая бѣлыми нитками. Мы видали даже такія пьесы, которыя сплошь сшиты изъ подобныхъ лоскутовъ. И что всего страннѣе, авторы—лоскутныхъ дѣлъ мастера—именно за это-то и пользуются репутаціей «знатоковъ сцены». Въ комедіи г. Немировича-Данченко эти показные моменты не имѣютъ вида заплатъ и не пришиты къ пьесѣ; они вытекаютъ изъ самаго существа дѣла, слиты съ нимъ и отъ него неотдѣлимы. Авторъ никого не вытягиваетъ, какъ фантоша на веревочкѣ. Всѣ его дѣйствующія лица живутъ настоящею жизнью; двигаются, какъ то подобаешь живымъ людямъ, и разговоры разговариваютъ настоящіе. Это составляетъ очень большое достоинство пьесы и даетъ возможность артистамъ увлекать зрителя изображеніемъ подобія дѣйствительной жизни, весь-

ма близкаго къ самой дѣйствительности. Благодаря этому, публика слѣдитъ за разыгрывающимся передъ нею съ большимъ интересомъ, не обращая вниманія на незначительность фабулы и не ставя въ вину автору нѣкоторыхъ несообразности его пьесы. А фабула комедіи г. Немировича-Данченко весьма незначительна и несообразности въ ней есть довольно крупныя. Все дѣло въ томъ, будетъ утверждено или не будетъ утверждено духовное завѣщаніе одного деревенскаго барина, Бориса Николаевича Вешневодскаго. Этимъ завѣщаніемъ, выраженіемъ своей *послѣдней воли*, недавно умершій помѣщикъ передаетъ благопріобрѣтенное имѣніе своему незаконному сыну и его матери, дѣвицѣ Пелагеѣ Аванасьевнѣ, дочери своего умершаго управляющаго. Роль этой Поли играетъ г-жа Ермолова. Вешневодскій уже нѣсколько лѣтъ, — кажется, пять или шесть, — живетъ врознь съ женою. Молодая, легкомысленная Юлія Павловна (г-жа Федотова) стосковалась въ еревнѣ съ очень хорошимъ и очень ученымъ мужемъ, сидѣвшимъ вѣчно за книгами, влюбилась въ гвардейца Лазаря Тулупьева и уѣхала съ нимъ въ Петербургъ. Чтoby избавить жену отъ униженія жить на чужой счетъ, Вешневодскій далъ ей пятьдесятъ тысячъ рублей, а умирая, завѣщалъ ей только часть движимости пополамъ съ братомъ своимъ, Леонтіемъ Николаевичемъ Вешневодскимъ (г. Рыбаковъ). Исполнителемъ своей *послѣдней воли* онъ назначилъ своего друга, земскаго врача Торопца (г. Ленскій), который когда-то былъ влюбленъ въ Юлію Павловну и «развивалъ» ее во дни юности. По смерти Бориса Николаевича, Поля осталась въ домѣ на положеніи хозяйки, какъ то было при его жизни; имѣніемъ управляетъ отставной офицеръ Хлыстиковъ (г. Музиль), супругъ типичной офицерши Ольги Фроловны (г-жа Никулина). Оба они были преданы покойному барину, любятъ сироту Полю и желаютъ ей всякихъ благъ. Все это очень правдоподобно, жизненно и современно; но вотъ въ чемъ оказывается нѣкоторая несодѣяность или, вѣрнѣе, натяжка автора: душеприкащикъ, врачъ Торопецъ, преданный другъ покойнаго, крестный отецъ его сына, единственный защитникъ и покровитель бѣдняжки Поли, держитъ неизвѣстно почему и зачѣмъ домашнее духовное завѣщаніе Бориса Николаевича въ карманѣ и не представляетъ его къ утвержденію не только послѣ смерти завѣщателя, но и въ продолженіе трехъ актовъ комедіи. Предъяви онъ это завѣщаніе въ судъ немного раньше до открытія занавѣса, тогда не было бы пьесы, или сложилась бы совсѣмъ иная исторія; предъяви онъ его въ первомъ актѣ, тогда пьесу пришлось бы закончить вторымъ актомъ; предъяви во второмъ, пьеса кончилась бы третьимъ актомъ. И вотъ авторъ не выпускаетъ милѣйшаго доктора въ городъ вопреки всякихъ самыхъ резонныхъ и даже самыхъ настоятельныхъ соображеній, единственно ради того, чтобы показать намъ Юлію Павловну во всей ея типичности. Это вполне удается г. Немировичу-Данченко, и зритель невольно прощаетъ ему указанную нами несообразность за то, что типъ вышелъ цѣльнымъ и интереснымъ. Но, прежде чѣмъ перейти къ этому типу, мы коротко покончимъ съ фабулой пьесы. Юлія Павловна не признаетъ *послѣдней воли* мужа, добивается

уничтоженія завѣщанія, будетъ судомъ домогаться его уничтоженія; она даже покушается выманить завѣщаніе у доктора, для чего отчаянно кокетничаетъ съ нимъ и увлекаетъ его до рѣзкой и непристойной выходки. Старшій братъ Вешневодскаго, Леонтій Николаевичъ, судиться не желаетъ, но не соглашается и отказаться отъ наслѣдства, передать его Пелагеѣ Аванасьевнѣ, согласно *послѣдней волѣ* покойнаго. Въ концѣ-концовъ, т. е. въ четвертомъ дѣйствіи, оказывается, что, по закону, это завѣщаніе никуда не годится, и Поля съ сыномъ остались бы нищими, если бы не явился въ качествѣ *deus ex machina* г. Южинъ въ роли полковника Тулупьева. Онъ стосковался по Юліи Павловнѣ, примчался изъ Петербурга и предлагаетъ ей стать его законною женой. Все устроивается прелестно: Юлія Павловна разыгрываетъ предестинную сцену съ Тулупьевымъ, отказывается отъ наслѣдства, убѣждаетъ и Леонтія Николаевича сдѣлать то же въ пользу сына Бориса Николаевича; Поля упрашиваетъ стараго холостяка поселиться на житье въ домѣ умершаго брата, быть въ немъ хозяиномъ; докторъ убѣждаетъ старика усыновить незаконнаго сына Поли и тѣмъ дать ему честное имя Вешневодскихъ... Всѣ на сценѣ растроганы, даже публика слегка растрогана и вызываетъ исполнителей и автора. И, сказать по правдѣ, есть за что: рѣдко, очень рѣдко видали мы даже на сценѣ нашего Малаго театра такое дружное, безукоризненно-образцовое исполненіе, какимъ довелось намъ наслаждаться на этотъ разъ. Но упалъ занавѣсъ, сгладилось впечатлѣніе, производимое игрою артистовъ, и въ умѣ зрителя встаютъ совершенно законные вопросы: что же хотѣлъ авторъ сказать своею комедіей? Въ чемъ заключается мораль пьесы? Какую мысль желалъ выяснитъ г. Немировичъ-Данченко?... Центральною фигурой онъ взялъ вдову Вешневодскаго, женщину добрую, въ душѣ недурную, неглупую, но баловницу до мозга костей, — такую баловницу, для опредѣленія которой у насъ нѣтъ даже подходящаго слова въ русскому языкѣ, а есть только французское выраженіе «une mondaine». Но хотя русскаго названія для такихъ барынь не существуетъ, тѣмъ не менѣе, въ столицахъ встрѣчаются этого сорта полусвѣтскія баловницы, — не женщины такъ называемаго «полу-свѣта», — нѣтъ, а такія женщины, которыя бросали мужей ради веселой жизни. Все ихъ внутреннее содержаніе опредѣляется двумя словами: баловство и легкомысліе, плоды такого образованія, въ основу котораго положены прописная пансіонская мораль, хорошія манеры, французскій языкъ и свѣтская бойкость. Юлія Павловна употребляетъ всѣ средства, не разбирая, позволительны ли они или не позволительны, для того, чтобы отнять у сироты Поли и ея ребенка состояніе, имъ принадлежащее по нравственному праву; она готова всѣхъ обмануть, подкупить, пожалуй даже украсть духовное завѣщаніе, пустить однихъ по-міру, другихъ обобрать нравственно, потому только, что она промотала свое состояніе и ей нужны деньги, — чтобы «имѣть успѣхъ» въ обществѣ, т. е. наряжаться, кататься въ коляскѣ, сидѣть въ ложѣ бель-этажа и обращать на себя вниманіе шалопаевъ, которыхъ она глубоко презираетъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, она искренно терзается тѣмъ, что не можетъ за-

платить полковнику Тулупьеву за выкупленные имъ ея векселя. Это для нея—«долгъ чести», и чтобы расплатиться съ этимъ «долгомъ чести», она «готова чорту душу продать», готова совершить какое угодно преступленіе и злое дѣло, при полномъ убѣжденіи въ своей правотѣ и незлобivosti. И молодая вдовушка въ самомъ дѣлѣ не виновата и не зла, карать ее рука не поднимется, но и жалѣть ее нѣтъ основанія. Виновато во всемъ то прекрасное воспитаніе, которое основною своею задачей ставитъ охраненіе «женственности» во всей ея неприкосновенности отъ тлетворнаго вліянія общечеловѣческихъ знаній и мысли. И надо отдать справедливость автору, его Юлія Павловна является типическою представительницею тѣхъ женщинъ, которыхъ распускаетъ по бѣгу свѣту подобное воспитаніе, претендующее дать намъ хорошихъ женъ и нашимъ дѣтямъ хорошихъ матерей. И что же оказывается? Юлія Павловна дѣйствительно можетъ быть хорошею женою полковника Тулупьева. Такому человѣку и не надо лучшей жены. Заключая съ нею брачный союзъ (въ концѣ пьесы), блестящій полковникъ въ аксельбантахъ спрашиваетъ ее, сколько разъ она безъ него цѣловалась съ докторомъ, и поясняетъ, что «любить ее слѣдуетъ съ хлыстомъ въ рукѣ»!... Юлія Павловна восторженно цѣлуетъ хлыстоѣдственную руку прелестнаго жениха. Мы думаемъ, что этимъ достаточно познакомили читателя съ личностями Юліи Павловны Вешневодской и Лазаря Тулупьева, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтили и на вопросъ: что хотѣлъ авторъ сказать своею пьесой? Для такихъ господъ, которые находятъ возможнымъ и приятнымъ любить женъ «съ хлыстомъ въ рукахъ», сущій кладъ дамы одинаковой съ Юліею Павловной умственной и нравственной негодности, прикрытой извѣстною, условною свѣтскостію, дающею имъ «успѣхъ» на гуляньяхъ, катаньяхъ и всякихъ собраніяхъ, устроенныхъ для развлечения скучающей пошлости. Емуже нужна жена для такого «свѣтскаго» обихода, тотъ можетъ уживаться и быть счастливымъ съ баловницею—шопдаине и «соль супружества» перетряхать ударами хлыста для поддержанія «женственности» въ милой подругѣ жизни и для обузданія ея «женственныхъ» порывовъ цѣловаться съ пріятелями мужа, всегда готовыми отдать нѣжный долгъ обворожительной «женственности». Но, кромѣ Тулупьевыхъ, военныхъ, гражданскихъ и иныхъ вѣдомствъ любителей женственности, есть на Руси другой сортъ людей, тоже желающихъ имѣть добрыхъ и милыхъ женъ, и, притомъ, такихъ людей, у которыхъ и въ заводѣ нѣтъ хлыстовъ для женщинъ,—людей, которымъ нравственное чувство не позволяетъ хлестать женъ, наковы бы эти жены ни были; и такихъ людей,—мы смѣемъ думать,—на Руси много-много больше, чѣмъ петербургскихъ хлыстуновъ. Вотъ съ ними-то, съ такими людьми, какъ Борисъ Вешневодскій, и происходитъ слишкомъ часто то самое, что изобразилъ въ своей комедіи г. Немировичъ-Данченко. «Прекрасно» воспитанная супруга отъ скуки сбѣгаетъ съ какимъ-нибудь франтомъ, чтобы имѣть «успѣхъ», не стѣсняясь тѣмъ, что изъ нея баловство будутъ хлыстомъ выколачивать, какъ моль изъ подушки. Брошенный мужъ, съ тоски одиночества, обзаводится незаконною

семьей... и въ результатѣ получается несчастнѣйшій сумбуръ, никогда почти не разрѣшающійся такъ счастливо для обѣихъ сторонъ, какъ это сдѣлажь авторъ комедіи *Послѣдняя воля*. Такой благополучный конецъ нельзя назвать невозможнымъ, и, все-таки, мы считаемъ его весьма мало правдоподобнымъ въ дѣйствительной жизни и потому мало пригоднымъ для сценическаго произведенія. Мы отнюдь не хотимъ сказать этимъ, что порокъ непременно долженъ быть наказанъ по шаблону и по прописямъ; но не можемъ и съ тѣмъ согласиться, чтобы въ жизни или на сценѣ могли торжествовать легкомысліе и баловство. Не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, для полковника Тулупьева и для Юліи Павловны вся послѣдующая жизнь быть тѣмъ дуэтомъ поцѣлуевъ, какой намъ показалъ авторъ въ послѣднемъ дѣйствіи. Или, быть можетъ, г. Немировичъ-Данченко предполагаетъ написать къ слѣдующему сезону дополнительную комедію, соблаздившись недавнимъ примѣромъ князя Сумбатова? Но примѣръ этотъ къ данному случаю не подходитъ, у князя Сумбатова обѣ пьесы закончены сами по себѣ, а *Послѣдняя воля* въ указанномъ нами отношеніи осталась незаконченною. Да и во всякомъ случаѣ мы не считаемъ удачною мысль писать комедіи билогіями или трилогіями... Въ пьесѣ очень типиченъ Леонтій Николаевичъ Вешневодскій, разорившійся помѣщикъ, одинъ изъ послѣднихъ представителей добродушнаго російскаго барства, у котораго изъ наслѣдія отцовъ осталась только развалившаяся усадьба, а «изъ золотыхъ вещей—только золотое сердце, да и то потертое». Такъ же хороши супруги Хлыстиговы и Поля, мать незаконнаго ребенка Бориса Вешневодскаго. Менѣе всѣхъ удалась автору личность земскаго врача, оставляющая въ зрителѣ довольно неопредѣленное впечатлѣніе. Что авторъ хотѣлъ изобразить человѣка хорошаго, въ томъ сомнѣнія быть не можетъ. Но мы, признаемся, не совсѣмъ ясно понимаемъ его отношенія къ Юліи Павловнѣ и въ особенности того звѣроподобія, съ какимъ этотъ хорошій человѣкъ выдвигается на молодую женщину, грозя ей самымъ гнуснымъ насиліемъ. Вправду онъ озвѣрѣлъ, доведенный до изступленія ея кокетствомъ, или продѣлываетъ комедію для того, чтобы показать во-очію баловницѣ, къ чему можетъ привести ея слишкомъ задорная игра? Въ томъ и другомъ случаѣ сцена оказывается грубою, несоотвѣтствующею характеру дѣйствующаго лица, а что всего хуже—непонятною зрителю. Указанные нами недостатки не мѣшаютъ *Послѣдней волѣ* имѣть большой успѣхъ на московской сценѣ и не помѣшаютъ,—мы въ томъ увѣрены,—съ такимъ же успѣхомъ обойти провинціальныя сцены, на которыхъ найдутся исполнительницы хотя бы на одну изъ женскихъ ролей пьесы; на мужскія же роли, насколько намъ извѣстны провинціальныя труппы, всегда имѣются въ нихъ подходящіе артисты.

Прошедшій годъ закончился постановкою на сценѣ Малаго театра пятиактной трагедіи А. Ф. Фодотова: *Въ Шильонскомъ замкѣ*. Дѣйствіе происходитъ въ 1530 году, т. е. въ то время, когда Франсуа де-Бониваръ, поэтъ и политикъ, пріоръ одного изъ богатыхъ женевскихъ приходоу, былъ засажень герцогомъ Савойскимъ на цѣнь въ подземелье Шильонскаго зам-

ка. Въ этомъ страшномъ заключеніи Бониваръ томился шесть лѣтъ и прославленъ поэтами подъ именемъ *Шильонскаго узника*. Первымъ, кажется, воспѣлъ его Байронъ въ поэмѣ *Prisoner of Chillon*. 29 марта 1536 года возставшіе противъ Савойи швейцарцы Бернского кантона, вмѣстѣ съ женевами, взяли приступомъ Шильонскій замокъ и освободили смѣлаго борца за политическую и религіозную свободу Швейцаріи. Бониваръ умеръ въ 1570 г., семидесяти четырехъ лѣтъ. Изъ оставленныхъ имъ произведеній изданы: въ 1831 году *Les Chroniques de Genève* и въ 1845 году—*De l'ancienne et nouvelle police de Genève*. Въ основу своей трагедіи г. Фодотовъ взялъ исторію заключенія Бонивара въ Шильонъ. Бониваръ и есть, конечно, главное дѣйствующее лицо; но не онъ герой разыгрывающейся въ герцогскомъ замкѣ трагедіи. Онъ только ея свидѣтель и отчасти жертва, такъ какъ самый фактъ заключенія его въ подземелье связанъ авторомъ съ любовною интригой пьесы. Исторически это, быть можетъ, и невѣрно, но не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго. Мы знаемъ, что и до заключенія въ Шильонъ Бониваръ уже былъ въ рукахъ герцога Савойскаго въ 1519 году и содержался два года плѣнникомъ въ другихъ замкахъ, а потомъ былъ отпущенъ на свободу по требованію папы. Историческая невѣрность состоитъ въ томъ, что заключеніе Бонивара сокращено въ пьесѣ съ шести лѣтъ до нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что необходимо было по расположенію дѣйствія, развертывающагося въ трагедіи. Брошѣ вышеприведенныхъ, очень короткихъ и отрывочныхъ свѣдѣній, мы знаемъ весьма немногое, что бы могло служить къ опредѣленію характера швейцарскаго патріота. Нѣкоторыя изслѣдованія въ значительной мѣрѣ подрываютъ чистоту славы, созданной ему поэтами. Но это, конечно, ни къ чему не обязываетъ другихъ поэтовъ и драматурговъ. Не такая крупная историческая личность Бониваръ, чтобы драматургъ или романистъ должны были воспроизводить его образъ со всею историческою точностью. Для нихъ Бониваръ можетъ и, пожалуй, даже долженъ навсегда оставаться шильонскимъ узникомъ, носителемъ высокой идеи, страдальцемъ за свободу своего народа и за свободу духа. Такимъ его и представляетъ г. Фодотовъ въ своей трагедіи. Одного мы не видимъ въ этой трагедіи—это той силы, которая дала возможность Бонивару стать вожакомъ народа, имѣющимъ власть поднимать и укрощать возстанія. Здѣсь, въ трагедіи, Бониваръ—мечтатель и поэтъ, поклонникъ красоты, чуть-чуть не миннезенгеръ, добрякъ, почти простакъ, а ужъ никакъ не вождь народный. Онъ «часто голодеетъ», но «сытъ Горациемъ, Гомеромъ, всей мудростью былыхъ и нашихъ дней»... Идеалистъ и фантазеръ, онъ носится умомъ и сердцемъ въ высотахъ недостижимыхъ для практическаго политика, и зритель остается въ недоумѣніи: что же такое Бониваръ на самомъ дѣлѣ? Мы говоримъ о Бониварѣ трагедіи—что онъ?—дѣйствительно агитаторъ, проповѣдникъ и вождь, только притворяющійся передъ герцогомъ, чтобы увернуться отъ наслія деспота, или же онъ все время искривленъ и только пѣвецъ свободы, а не боецъ за нее, достаточно сильный для того, чтобы потягаться съ духовною и свѣт-

скою властью «цесарей земли»? Эта неясность значительно вредит впечатлѣнію, производимому трагедіей г. Фодотова. Сама же трагедія разыгрывается вокруг Бонивара, лишь случайно захватывает невольнаго свидѣтеля и такъ же случайно превращаетъ его въ жертву людскихъ страстей. А попадаетъ Бониваръ въ такое положеніе по винѣ собственнаго легкомыслія, непонятнаго и мало правдоподобнаго въ политикѣ начала XVI вѣка, въ борцѣ за свободу, уже испытавшемъ, каковы тюрьмы герцога Савойскаго, и хорошо знаемъ, какъ папы и «цесари земли» расправляются съ непокорными ихъ власти. Совѣтъ иною представляется намъ фигура герцога Барла III, мастерски написанная авторомъ и превосходно воспроизведенная г. Южинимъ. Это настоящій сынъ своего вѣка, истинный представитель «цесарей земли» XVI столѣтія, не знавшій ни предѣловъ, ни удержа своимъ страстямъ и прихотямъ. Женатый на прелестной женщинѣ, герцогинѣ Маргаритѣ (г-жа Лешковская), герцогъ Карлъ увлекается своею кузиной, Іоганной, принцессой Париской. Жену онъ любитъ, и ее нельзя не любить; передъ ея нѣжнымъ, чистымъ, идеальнымъ существомъ нельзя не преклоняться, и обаяніе ея испытываютъ на себѣ всѣ, даже пріоръ Бониваръ. Но, въ то же время, Карлъ влюбленъ въ кузину Іоганну (г-жа Ермолова), привлекающую его къ себѣ страстною энергичностью своей натуры, своею безумною любовью къ нему. Въ разгаръ этой семейной драмы Бониваръ (г. Ленскій) добровольно является въ Шильонъ, временную резиденцію герцога. Карлъ хочетъ задержать его вопреки данному имъ слову, но отпускаетъ съ охраннымъ листомъ по настоянію Маргариты, а потихоньку отъ нея прикажываетъ управляющему замкомъ догнать пріора, отнять охранный листъ и плѣнникомъ вернуть въ замокъ. Страсть герцога къ Іоганнѣ и Іоганны къ герцогу ни для кого не тайна; о ней знаетъ герцогиня Маргарита и, больная физически, невыносимо страдаетъ нравственно отъ измѣны любимаго мужа. Между двумя женщинами происходитъ глухая, ожесточенная борьба изъ-за любви герцога. Обѣ видятъ въ немъ не только красавца, но и безукоризненнаго рыцаря, героя чести и охранителя права. Чуткая и впечатлительная душа Маргариты порою возмущается тѣмъ, что въ словахъ и поступкахъ мужа ей кажется несогласнымъ съ правдою и истиннымъ благородствомъ души. Маргарита вступается за нарушенное право; но Маргарита молода, ей всего 17 лѣтъ, любитъ мужа и не видитъ, понять не можетъ своимъ полудѣтскимъ умомъ, что, въ сущности, кроется подъ блестящею внѣшностью ея героя, изукрашеннаго ея юною фантазіей всѣми доблестями, какими женское сердце такъ охотно и такъ наивно надѣляется любимаго человѣка. Принцесса Іоганна вдвое старше Маргариты и знаетъ, конечно, что Карлъ далеко не совершенство, но—

... „Любовь туманитъ очи,

Пьетъ кровь изъ сердца, душу жметъ... Она—

Она недугъ ужаснѣй всѣхъ недуговъ“...

И, ослѣпленная такимъ страшнымъ недугомъ, Іоганна рѣшается отравить оперницу, жену герцога. Бониваръ, живущій въ замкѣ на свободѣ, по на-

стоянію Маргариты, угадывает виновницу смерти своей покровительницы и уличает Иоганну. Чтобы избавиться отъ опаснаго свидѣтеля, Иоганна приказываетъ запереть Бонивара въ подземелье и заковать въ цѣпи; сколько времени проходитъ со времени заключенія Бонивара, того изъ пьесы не видно, но изъ содержанія можно сдѣлать выводъ, что очень немного, такъ какъ принцесса Иоганна не успѣла уѣхать изъ замка, а въ четвертомъ актѣ уже не можетъ уѣхать потому, что возставшіе швейцарцы держатъ Шильонъ въ тѣсной осадѣ. Сцена представляетъ подземелье, гдѣ Бониваръ прикованъ цѣпью къ столбу. Иоганна приходитъ къ узнику и открываетъ ему всѣ терзанья своей изстрадавшейся души. Любви нѣтъ, ея любовь умерла, разсѣялся туманъ страсти, и передъ Иоганной вѣчнымъ укоромъ стоитъ ея преступленіе. Убийца не можетъ ни забыть, ни молиться, ей одно осталось — покончить самоубійствомъ. Въ подземелье прислалъ ее герцогъ просить Бонивара спасти его, замокъ и войско отъ наступающихъ швейцарцевъ. Не дождавшись возвращенія Иоганны, герцогъ приходитъ самъ и предлагаетъ Бонивару свободу, обѣщаетъ свободу возставшимъ кантонамъ, если Бониваръ уговоритъ швейцарцевъ уйти отъ замка. «Не вѣрь злодѣю! — восклицаетъ Иоганна. — Онъ жетъ!»... Иоганна высказываетъ всю ненависть свою, все свое презрѣніе къ любимому когда-то человѣку, оказавшемуся не героемъ, а мелочнымъ, двудушнымъ и трусливымъ лжецомъ. Вдали слышны пушечные выстрѣлы. Ни просьбами, ни угрозами герцогу не удается склонить Бонивара идти наверхъ и уговорить швейцарцевъ снять осаду. Въ пятomъ дѣйствіи швейцарцы врываются въ осажденный замокъ, освобождаютъ Бонивара и, по его настоянію, отпускаютъ на свободу плѣннаго герцога. Принцесса Иоганна бросается со стѣны въ озеро. Съ пѣснями, прославляющими родину и свободу, побѣдившіе швейцарцы толпами входятъ въ замокъ.

Въ первыхъ трехъ актахъ дѣйствіе развивается быстро, широко и завлекательно; характеры и положенія очерчиваются ярко и красиво, кромѣ характера Бонивара, о чемъ мы сказали выше. Но это не портитъ общаго впечатлѣнія, такъ какъ зритель, увлеченный развертывающеюся передъ нимъ блестящею картиной, ожидаетъ, что авторъ покажетъ ему и женевскаго патріота во весь его ростъ. Ожиданіе это не сбывается. Длинный и, пожалуй, красивый монологъ Бонивара въ подземельѣ ничего не прибавляетъ къ обрисовкѣ характера этого мечтателя. Мало того, этотъ монологъ, превосходно исполненный г. Ленскимъ, производитъ даже расхолаживающее дѣйствіе нѣкоторою своею слащавостью, особливо когда Бониваръ начинаетъ распространяться о сборѣ вишенъ, о дѣткахъ, которыя «кричатъ, бѣгутъ, какъ воробы веселые щебечутъ»... Мы не знаемъ, возможны ли въ дѣйствительности подобныя полу-галлюцинаціи заключенныхъ, и о возможности ихъ спорить не будемъ; но не все то пригодно для сцены, что возможно въ дѣйствительности. И эта часть рѣчи Бонивара, прерываемая звономъ упавшей цѣпи, очевидно, рассчитанная на извѣстный эффектъ, вызываетъ впечатлѣніе совершенно обратное тому, которое предпо-

загаль авторь. Въ трагедіи звучать мелодраматическія ноты, трагедія, такъ сказать, обрывается на этихъ «вишенкахъ»; непрощенный громъ цѣпей заставляеть зрителя вздрогнуть и опомниться, разгоняеть иллюзію и возбуждаетъ невольную улыбку какъ разъ тамъ, гдѣ она всего менѣе желательна въ интересахъ пьесы. Всего опаснѣе то обстоятельство, что игра впечатлѣній, созданныхъ въ сознаніи зрителя иллюзіей и оборванныхъ не по волѣ автора, никогда уже не восстанавливается въ своей прежней послѣдовательности. Въ четвертомъ актѣ трагедія, собственно говоря, кончена; пятый актъ вѣрнѣе было бы назвать эпилогомъ, а еще правильнѣе было бы его и совсѣмъ не писать и закончить пьесу въ четвертомъ дѣйствіи. Уже въ концѣ этого дѣйствія раздаются пушечные выстрѣлы, и все пятое представляетъ собою баталическую картину осады замка и взятія его швейцарцами. Къ сущности трагедіи относятся только укору Іоганны въ трусости герцога Карла, предпочитающаго позоръ плѣна и милости, оказанной ему вождями народа, самоубійству. Сама же Іоганна, какъ мы уже сказали, бросается со стѣны въ озеро. Все это можно было включить въ четвертый актъ, и вышло бы, пожалуй, лучше, или, во всякомъ случаѣ, короче и безъ ненужныхъ вводныхъ сценъ, только задерживающихъ дѣйствіе. Вообще, картины сраженій и осадъ крѣпостей всегда плохо удаются въ драмахъ, съ которыми онѣ совсѣмъ не вяжутся. Тутъ важны результаты сраженій, а не воспроизведеніе битвъ и приступовъ во всей ихъ реальности, недостижимой на сценѣ. Никакая ссылка на Шекспира не разубѣдитъ насъ въ этомъ мнѣніи уже потому, что—то Шекспиръ и писаны его трагедіи триста лѣтъ назадъ; мы же говоримъ не о Шекспирѣ и повторяемъ, трагедія г. Федотова выиграла бы много, если бы авторъ закончилъ ее въ четвертомъ дѣйствіи.

Съ внѣшней стороны, съ декоративной, костюмной и всякой аксессуарной, *Шимонскій замокъ* обставленъ поразительно: что ни декорация—то чудная картина. Игра артистовъ—верхъ совершенства. Въ особенности же насъ порадовала молодая артистка, начинающая свою сценическую карьеру, г-жа Лешковская. Она рѣшительными и вѣрными шагами стремится занять первое мѣсто послѣ г-жъ Федотовой и Ермоловой. На нашихъ глазахъ развивается большой талантъ, растетъ крупная сила, которой нужно только дать возможность окрѣпнуть, а, главное, самое главное—охранить ее отъ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, которымъ иногда грозитъ закулисный міръ молодымъ выдающимся талантамъ.

Ан.

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Московскій переулокъ, 21*) принимаетъ объяв-
для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала ил-
сылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ
вѣяхъ:

1) За страницу, занимаемую объявленіемъ, взимается 15 рублей за одинъ разъ. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается 10 рублей. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналъ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь

1889 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Философія и педагогика.—Исторія и исторія литературы.—Языковѣдѣніе и этнографія.—Политическая экономія.—Медицина.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Дѣтскія книги и учебники.—Справочныя книги и календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», декабрь 1888 г.—«Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь—декабрь 1888 г.—«Русскій Архивъ», май—декабрь 1888 г. III. Матеріалы журнальной статистики.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Паутина“. Н. И. Наумова. — Стихотворенія“ М. Абрамовича. — „Стихотворенія“ А. Владимірова и Л. Сперанди.—„Марина Мншекъ“. А. Львова.

Паутина. Разсказъ изъ жизни присковаго люда въ Сибири. Н. И. Наумова. Спб., 1888 г. Цѣна 50 коп. Авторъ описываетъ лишь то, что самолично видѣлъ и слышалъ, безъ всякихъ прикрасъ. Въ его разсказѣ нѣтъ ни романтической завязки, ни главныхъ дѣйствующихъ лицъ, ни даже повѣствованія о какомъ-либо событіи, выдающемся изъ ряда обыденнаго житья-бытья присковыхъ рабочихъ, занимающихся на золотые приски въ сибирской тайгѣ. Г. Наумовъ, случайно, въ качествѣ административнаго чиновника, заѣхалъ по дѣлу въ большое село, лежащее на трактѣ, по которому присковые рабочіе возвращаются изъ тайги по домамъ. Тутъ-то и ждетъ рабочихъ *паутина*, разставленная крестьянами села Т...; въ эту паутину попадаютъ рабочіе, какъ мухи, и гибнуть въ ней физически и нравственно. Немногимъ изъ нихъ удается проскользнуть благополучно сквозь эту паутину. Всѣ они идутъ съ заработанными на прискахъ деньгами, иные съ очень большими кушами, въ нѣсколько сотенъ рублей; идутъ они наголодавшіеся, измученные тяжелою работою и удручающею тоскливостью присковой жизни. Село Т. ждетъ ихъ, какъ дорогихъ гостей; это первый населенный пунктъ, гдѣ можно отдохнуть отъ работы и длиннаго, труднаго пути, гдѣ можно запастись одеждою, превратившеюся на прискахъ въ лохмотья, гдѣ и повеселиться можно, какъ чьей душевнѣкъ хочется. Тихое и обыденно-сеучное село съ приходомъ рабочихъ все сплошь превращается въ какую-то ярмарку, въ притонъ гульбы, пьянства, разврата и грабежа. Каждый домъ дѣлается постояннымъ дворомъ, кабаки и лавки отворены настежь, и нѣтъ возможности разобрать, гдѣ кабакъ, гдѣ лавка: гостей вездѣ спиваютъ, опиваютъ всякимъ дурманомъ и обираютъ. Оборванцы рабочіе наряжаются въ плизъ, шелкъ и бархатъ; заработавшіе порядочныя денги тотчасъ же обзаваются „сударками“, наряжаютъ ихъ въ яркія платья и шали, гуляютъ, обнявшись съ ними, по селу,

катаются на тройкахъ съ бубенцами. По селу стоишь стоишь отъ дикаго разгула. Сѣдобородые старики-домохозяева, отцы семейства, говорящіе благочестивыя рѣчи, поощряютъ всяческія безобразія, сами наводятъ на нихъ болѣ скромныхъ рабочихъ, становятся ихъ униженными слугами, продаютъ все, за что только можетъ заплатить деньги ополоумѣвшій гулякъ. Вынесшіе болѣ крупныя деньги рабочіе собираютъ вокругъ себя толпу прихлебателей, величающихъ ихъ „князьями“, а ихъ случайныхъ подругъ „княгинями“. „Князья“, въ сопровожденіи своей свиты, неистовствуютъ по селу. И все это продолжается до тѣхъ поръ, пока обыватели не оберутъ своихъ дорогихъ гостей буквально до нитки, такъ какъ, пропивши всѣ деньги, рабочіе спускаютъ за безцѣнокъ накупленные ими щегольскія одежды и превращаются въ такихъ же оборванцевъ, какими пришли съ принсковъ. Но грабежъ и на этомъ не кончается. Одни изъ пропойць бредутъ дальше, побываясь Христовымъ именемъ, а многіе остаются въ селѣ ждать принсковыхъ агентовъ-нанимателей, снова идутъ къ нимъ въ кабалу, получаютъ задатки, которые уходятъ туда же, куда ушли и заработанныя деньги, и затѣмъ уже совершенно нищими отправляются обратно на каторжный трудъ въ тайгу. Эту *паутину* завелъ одинъ ловкій мужикъ-паукъ, открывшій много лѣтъ назадъ кабакъ въ маленькомъ поселкѣ въ семь-восемь дворовъ, лежавшемъ на пути отъ тайги. *Паутина* заплелась, окрѣпла и быстро разрослась въ большое село Т. съ каменною церковью, воздвигнутою усердіемъ перво-паука, съ двухэтажными домами, съ магазинами, лавками, ренсковыми погребами и кабаками безъ числа. Нашелся было умный и энергическій человекъ, волостной старшина, задумавшій прекратить этотъ страшный, открытый грабежъ. Обыватели села Т. его чуть не убили, ополчились на него колями, а потомъ доносами. Приѣзжали чиновники разслѣдовать дѣло, и... село Т., по-прежнему, лежитъ такою же вѣрною паутиной на пути принсковаго люда, опутываетъ рабочій людъ и губитъ его физически и нравственно. А энергическій старшина Клокачевъ, „выбранный всею волостью на второе трехлѣтіе, не былъ утвержденъ въ этой должности, вслѣдствіе неодобрительнаго отзыва о немъ его ближайшаго начальства“,—рассказываетъ г. Наумовъ.—„И все, вѣдь, это, сударь, на виду у начальства дѣялось съископи,—говорилъ ему Клокачевъ,—и дѣется, и могли бы этотъ разбой сократить, да не хотятъ, видать. — Почему ты думаешь, что не хотятъ?—спросилъ г. Наумовъ.—Не выгодно, что ли. Богъ ихъ знаетъ, не намъ судить о вышней власти,—уклончиво отвѣтилъ старшина.— Почему невыгодно и кому, именно, невыгодно?—допытывался спрашивавшій.— Наше дѣло темное, мужичье, сударь,—также уклончиво сказалъ Клокачевъ.— Полагаемъ же про себя, что коли здѣшній мужикъ насчетъ грабежу въ благодати живеть, то, можетъ, эта благодать-то и не въ одинъ его карманъ плыветь, а вторительное дѣло—отъ этого шорядка и золотопромышленникамъ выгода“... *Паутина* помогаетъ имъ держать въ кабалѣ „не одну тысячу рабочаго люда“... Въ высшей степени любопытны рассказы автора объ этомъ „рабочемъ людѣ“, которому „своя жизнь—копѣйка, а чужая—дешевле рѣпы“. Дикій и необузданный въ разгулѣ, часто звѣроподобный, онъ, въ то же время, кротокъ, какъ ребенокъ, жалостливъ и нѣженъ, правдивъ и вѣренъ данному слову, способенъ на удивительныя дѣла милосердія и на самоотверженіе, доходящее до героизма. Въ рассказахъ г. Наумова приведено много такихъ случаевъ, глубоко трогających читателя и возбуждающихъ въ немъ высокое чувство любви къ униженному и оскорбленному брату, гибну-

щему въ *наутилъ*, вѣрно держащейся на неурядицѣ дореформеннаго строя Сибири.

Стихотвореніе М. Абрамовича. Спб.; 1889 г. Цѣна 1 р. 50 к. Въ этомъ сборникѣ лишь подъ очень немногими стихотвореніями выставлены года ихъ написанія. Самый ранній годъ — 1880, затѣмъ 1881, 1883. Большинство же произведеній г. Абрамовича не помѣчены никакимъ годомъ. Это лишаетъ насъ возможности судить, развивался ли талантъ автора, насколько росла его мысль и какое съ годами принимала направленіе. А талантъ у г. Абрамовича, несомнѣнно, есть: стихотворенія его звучны, иныя очень поэтичны, иныя проникнуты гуманною идеей. Между ними есть превосходныя, какъ, напримѣръ, конецъ стихотворенія *Гроза* (стр. 49 и 50); мы пропускаемъ первые тридцать два стиха и приводимъ лишь послѣднія восемь:

„Знакомый гулъ! — За мигомъ страсти
Тревожный, долгій сонъ во снѣд!...
Какъ ты снѣнешь, бесвязанный ропотъ,
Какъ жалокъ ты, бессильный бредъ!...
Однѣ лишь звѣзды такъ же мирны
И безмятежны, и ясны, —
Что имъ, спокойнымъ, эти бури!
Что имъ, не спящимъ, эти сны!“

Очень хорошо, только слишкомъ звучитъ Лермонтовымъ. Впрочемъ, такихъ, счужи навѣянныхъ стиховъ немного, и не въ этомъ совершенно невольномъ и бессознательномъ подражаніи главный недостатокъ стихотвореній г. Абрамовича. Недостатокъ ихъ въ томъ заключается, что среди прекрасныхъ строкъ нерѣдко проскальзываютъ крайне неудачныя выраженія, въ такомъ родѣ:

„...Блѣдной радугой сверкнулъ
Мой стихъ средь тучъ *вселенской муки*“...

или такое начало одного сонета:

„То новый-ль сонъ опять? Или я отъ сна проснулся?“

Этотъ *Илья*, который *отъ сна проснулся*, рѣшительно испортилъ очень недурное стихотвореніе. Еще болѣе жаль и досадно за превосходное стихотвореніе *Иеремія*; въ немъ встрѣчаются такіе стихи:

„Все-жъ крѣпокъ тотъ, кто въ *латахъ* вѣры
Идетъ“...
„О, какъ мрачна была столица!...
О, какъ истерзанъ былъ Сіонъ!...
Салымъ — грабителямъ *станица*,
Потокомъ крови стала Кедронъ“...
„И ломъ враговъ разбилъ *затворы*,
Дворцовъ твердими сокрушилъ,
Низринулъ башни, снялъ *притворы*,
Ворота въ глубь земли *одавилъ*,
И мечъ срубилъ солдата въ битвѣ“... и т. д.

Тутъ все натянуто и неумѣстно — и „латы“ вѣры, и „станица“, и „затворы“ — „притворы“, и ворота, которыя ломъ „вдавилъ въ глубь земли“, и то, что „мечъ срубилъ солдата“ — во времена пророка Иереміи и плѣненія Вавилонскаго. А, между тѣмъ, нѣкоторыя части этого стихотворенія звучны и сильны.

Стихотворенія А. Владимірова и Л. Сперанди. Одесса, 1888 г. Цѣна 1 руб. Мы подумали, что эти господа писали свои стихотворенія вдвоемъ, и очень намъ было любопытно ознакомиться съ произведеніями

ми, явившимся плодомъ совмѣстныхъ усилій двухъ поэтовъ. Мы ошиблись; каждый изъ нихъ писалъ особливо, — г. Владиміровъ насочинялъ пятьдесятъ три стихотворенія, г. Сперанди — десять, и кто сочинялъ хуже — рѣшить невозможно. Г. Владиміровъ пишетъ:

„Въ царство волшебнаго сна
Духъ мой былъ ночью унесенъ;
Снились мнѣ: роза, весна
Звуки таинственныхъ вѣсень“...

Удареній не поставлено, и остается неизвѣстнымъ, какъ читаетъ самъ авторъ: „унесенъ“ или „пѣсенъ“? У него, впрочемъ, сходять за рѣшмы: „до земли“ и „везли“, „родную“ и „отходную“. Г. Владиміровъ такъ оплакиваетъ засохшую сосну:

„Далекія звѣзды мердали,
Дрожали, слезились,
Полны неспритворной печали.
И жизнь изъ сосны отлетѣла;
И волны катились,
Рыдая, брызъ мертваго тѣла“...

Это близъ сосноваго-то „мертваго тѣла“! Какъ же тутъ не зарыдать — отъ смѣха?

Въ числѣ стихотвореній г. Сперанди есть одно произведеніе, написанное прозой, — *Осенняя ночь*. Начинается оно такъ: „Когда солнечный шаръ, потерявшій горячія краски подъ вуалью осеннихъ тумановъ, потихонку испустится въ волны свинцоваго моря; когда блѣдныя отблески розовыхъ зорь расплывутся на сѣренькомъ небѣ“... и т. д. Ужъ не воображаетъ ли г. Сперанди, что это похоже на „Стихотвореніе въ прозѣ“? Это просто ни на что не похожее, такъ же точно, какъ и всѣ стихи обовхъ сочинителей.

Марина Мнишекъ. Историческая поэма въ пяти частяхъ. Сочиненіе Александры Львовой. (Дешеваѣ библіотека). Изданіе А. С. Суворина. Спб. Цѣна 15 коп., въ папкѣ 23 коп. Насъ крайне удивляетъ, какъ попало это „сочиненіе“ Александры Львовой въ *Дешевую Библіотеку* и зачѣмъ понадобилось г. Суворину издавать такую „поэму“. По содержанію, это — произвольное перевираніе исторіи; по формѣ — плохая проза, изрубленная въ дрянные стихи съ невозможными рѣсмами; въ общемъ — чепуха, которая могла бы быть очень забавной, если бы занимала нѣсколько страничекъ, а не была бы растянута на четыре тысячи стиховъ, въ такомъ родѣ:

„Въ разгарѣ баль... Отъ тренья шпоры
Бросаютъ искры; звонъ и хоры
Веселой музыки и смѣхъ
Электризировали всѣхъ...
И вотъ подъ шумъ разгульно-дикій,
Подъ глѣзъ, подъ хлопанье ладошъ,
Подъ одобрительныя улыбки,
Въ мазуркѣ мчитъ молодежь...“

Вотъ какъ объясняется Марина съ Лже-Димитріемъ въ саду, въ за-мѣну Пушкинской сцены у фонтана:

„Царевичъ, вы передо мной?
О, встаньте, я прошу васъ: встаньте!
Ужели я всему виной?“
Онъ руку взять ея. — „Перестаньте!
Мои ли руки вамъ нужны?...“

Дуэль между самозванцемъ и польскимъ княземъ:

„...Засверкали
 Въ одно мгновеніе двѣ стали:
 Какъ молніей скрещенныхъ ангажъ
 Мелькали острія другъ шпагъ.
 Марина вскрикнула, упала,
 Потомъ очнулась, убажала.
 Ужь Дмитрій въ щеку раненъ въ кровь,
 Себя не помнитъ онъ отъ злости,
 Со всѣхъ сторонъ обѣжались гости“.

Князь Корецкій „зываетъ“, „Марина въ сторонѣ рыдаетъ“... Публика хохочетъ и больше читать не хочетъ,—довольно съ нее!...

ФИЛОСОФІЯ И ПЕДАГОГИКА.

„Ethik“, von D-r Harald Höffding.—„Педагогическія письма“.

Ethik. Eine Darstellung der ethischen Prinzipien und deren Anwendung auf besondere Lebensverhältnisse, von D-r Harald Höffding. Unter Mitwirkung des Verfassers aus dem Dänischen übersetzt von F. Bendixen. Leipzig, 1888. *Этики* Гёффдинга, подобно его *Психологии* (см. рецензію въ *Русской Мысли* 1888 г., кн. 1), не отличаая научною оригинальностью, представляетъ популярную, ясно и легко написанную книгу, обнаруживающую въ авторѣ живое пониманіе практической дѣятельности, чуждое фальшиваго романтизма. Въ основныхъ принципахъ *Этики* врядъ ли можно встрѣтить хоть одно важное положеніе, котораго нельзя было бы найти у Ст. Милля и другихъ утилитаристовъ; но они по своему развиты и систематизированы. Подобно Миллю, Гёффдингъ считаетъ возможнымъ основать научную теорію нравственности лишь на изученіи человѣческой природы, независимо отъ метафизики и религіознаго авторитета; подобно Миллю, онъ видитъ въ удовольствіи и страданіи тѣ коренныя начала, на которыхъ покоится какъ человѣческая дѣятельность, такъ и ея нравственная оцѣнка; подобно Миллю, верховнымъ критеріемъ добра и зла онъ считаетъ Бентамовскій принципъ наибольшаго счастья наибольшаго числа людей, измѣняя только его названіе (Prinzip der Wohlfahrt); наконецъ, въ вопросѣ о согласности нравственной оцѣнки и отвѣтственности съ детерминизмомъ воли онъ вполне сходится съ Миллемъ. Но по вопросу о томъ, что подлежить этической оцѣнкѣ, внутренніе мотивы поступковъ или сами внѣшніе дѣйствія со всею совокупностью ихъ результатовъ, Гёффдингъ нѣсколько расходится со взглядами Милля, связывая, притомъ, этотъ вопросъ съ самымъ опредѣленіемъ высшаго критеріума нравственности. Тутъ мы касаемся сравнительно наиболѣе оригинальной стороны теоріи Гёффдинга, на которую стоить обратить нѣкоторое вниманіе. Для полной оцѣнки дѣйствія,—говоритъ Гёффдингъ,—нужно было бы знать всѣ его составныя моменты, отъ самаго зарожденія въ мотивахъ до всей совокупности его результатовъ. Но этики обращали не одинаковое вниманіе на всѣ эти стадіи въ исторіи поступка: одни въ своей оцѣнкѣ исходятъ отъ внутренней стороны дѣйствія, мотивовъ и настроенія, его вызвавшихъ; другіе, напротивъ, подвергаютъ оцѣнкѣ лишь самое дѣйствіе и его результаты, причемъ мотивы имѣютъ для нихъ второстепенное значеніе, только какъ тенденціи къ совершенію извѣстнаго рода поступковъ. Гёффдингъ находитъ, что этой противуположности,—крайними представителями которой онъ считаетъ Канта и Бентама,—придаютъ слиш-

комъ большое значеніе, и что она можетъ быть примирена, если обратить вниманіе на другую, глубже лежащую противоположность, именно на то соотношеніе, которое существуетъ между субъективнымъ характеромъ нравственнаго настроенія (Grundlage) и объективною мѣркой, которою оцѣняются дѣйствія (Inhalt). Всякая оцѣнка дѣйствій предполагаетъ субъектъ, способный чувствовать удовольствіе и страданіе, но значеніе оцѣнки и, слѣдовательно, различіе этическихъ точекъ зрѣнія опредѣляется тѣмъ кругомъ, въ границахъ котораго принимаются въ соображеніе эти удовольствія и страданія, и который можетъ расширяться отъ чувствованія въ каждую данную минуту, отдѣльно взятую до всей совокупности жизненныхъ условій всѣхъ сознающихъ существъ.

Простѣйшее, логически мыслимое отношеніе къ удовольствію и страданію заключается въ томъ, что они оцѣняются въ предѣлахъ лишь данной минуты, безъ всякой связи съ остальнымъ строемъ жизни индивидуума; цѣль человѣческой дѣятельности, при такой точкѣ зрѣнія, заключается въ преслѣдованіи возможно бѣльшаго наслажденія въ каждый отдѣльный моментъ жизни (Souveränität des Augenblicks); удовольствіе и добро, страданіе и зло здѣсь абсолютно совпадаютъ. Исторически такая точка зрѣнія была представлена *Аристиковомъ* Биренскимъ; Гёффдингъ считаетъ ее вполнѣ законной и логически неопровержимой; но провести ее послѣдовательно психологически невозможно; воспоминанія и ожиданія связываютъ отдѣльные моменты жизни въ одно цѣлое и совершенно измѣняютъ значеніе чувствованій отдѣльной минуты. Является болѣе широкая точка зрѣнія: такъ распределить удовольствіе и страданіе, чтобы достигнуть наибольшей гармоніи всѣхъ частей индивидуальной жизни, хотя бы внѣ всякой связи съ жизнью *другихъ* индивидуумовъ. Субъективная сторона дѣятельности предполагаетъ здѣсь значительное расширеніе нравственнаго и умственнаго кругозора; является понятіе о *достоинствѣ* жизни индивидуума *въ ея цѣломъ*, которое и дѣлаетъ психологически обязательною соответствующую ему объективную мѣрку оцѣнки — гармонію личной жизни. Но и эта точка зрѣнія — *Souveränität des Individuums* — неуязвимая логически, такъ какъ ничѣмъ нельзя доказать обязательность жертвованія своимъ благомъ благомъ другихъ, скоро оказывается практически невыполнимою. Индивидуумъ есть членъ рода, и всю свою жизнь, потребностями, симпатіями и антипатіями связанъ съ жизнью рода; какъ чувство самосохраненія, такъ и инстинкты симпатіи, начиная съ самыхъ простѣйшихъ (семейныхъ), заставляютъ индивидуума сообразовать свои удовольствія и страданія съ жизнью другихъ людей, нерѣдко жертвуя первыми послѣдней. Являются постепенно чувства *дома* и *справедливости*; кругъ лицъ, съ интересами которыхъ индивидуумъ считаетъ себя обязаннымъ согласоваться, постепенно расширяется, отъ семьи, общества, національности до всего челоѣчества; верховною цѣлью челоѣческой дѣятельности ставится уже возможно бѣльшее благосостояніе и развитіе возможно бѣльшаго числа сознающихъ существъ. Субъективный характеръ настроенія, соответствующій этой объективной мѣркѣ, только при которомъ она возможна и обязательна, состоитъ въ *всеобщей, безкорыстной симпатіи*. Но, ставя высшею цѣлью челоѣческой дѣятельности возможно бѣльшее общее благо, мы не должны забывать, что *логической обязательности* этой высшей мѣрки мы доказать не въ состояніи; въ своихъ предѣлахъ точки зрѣнія суверенитета минуты и суверенитета индивидуума логически неуязвимы, разъ онѣ послѣдовательно проведены. Но психологически онѣ возможны лишь при опредѣленныхъ

субъективныхъ условіяхъ, точно также какъ и точка зрѣнія общаго блага. Такимъ образомъ, существуетъ полный параллелизмъ между различными стадіями субъективнаго характера и различными объективными мѣрками нравственной оцѣнки, и, притомъ, такъ, что субъективная сторона нравственной дѣятельности — совѣсть, которая должна регулироваться тою или другою объективною мѣркой, сама составляетъ то основаніе, на которомъ только и можетъ состояться признаніе обязательности этой объективной мѣрки. Гёффдингъ считаетъ главною ошибкою Бентама то, что тотъ не видѣлъ, какъ субъективный принципъ обуславливаетъ собою объективный, тогда какъ его принципъ общаго блага можетъ быть убѣдительнымъ лишь для тѣхъ людей, которые способны практически расширить свой нравственный кругозоръ до универсальной безкорыстной симпатіи.

Такимъ образомъ, на каждой ступени этического развитія высшимъ авторитетомъ становится субъективная сторона — *совѣсть*; но это такой авторитетъ, который можетъ неограниченно совершенствоваться. Съ своей стороны, объективный принципъ, мѣрка нравственности, не только дѣлаетъ возможнымъ согласованіе между совѣстями отдѣльныхъ индивидуумовъ, стоящихъ на *одной и той же* нравственной точкѣ зрѣнія, но и совершенствуетъ совѣсть индивидуума, давая ей средства самосужденія и самосправленія. Въ виду *такою* отношенія между субъективною и объективною стороною нравственной оцѣнки, различіе между оцѣнкой *дѣйствіи* и ихъ *мотивовъ* отступаетъ на задній планъ и оказывается лишь различіемъ моментовъ въ послѣдовательномъ нравственномъ развитіи. Оцѣнка внѣшняго дѣйствія и его результатовъ, расширяясь постепенно, охватываетъ, наконецъ, оцѣнку мотивовъ, настроенія (*Gesinnung*) и характера дѣйствующаго лица. Развитие въ нравственной области состоитъ въ томъ, что оцѣнка принимаетъ все болѣе и болѣе *внутренній* характеръ (*Innerlichkeit*); въ этомъ заключается и постепенное *обобщеніе* оцѣнки (такъ какъ осужденіе извѣстныхъ мотивовъ, наприм., эгоизма, злобы, означаетъ осужденіе всей совокупности разнообразнѣйшихъ дѣйствій, вытекающихъ изъ нихъ), и, слѣдовательно, постепенное *упрощеніе* нравственнаго закона.

Таковы основные принципы *Этики* Гёффдинга. Какъ мы замѣтили выше, его критерій нравственности, общее благополучіе (*Prinzip der Wohlfahrt*), совпадаетъ съ Бентамовско-Миллевскимъ. Но Гёффдингъ, во избѣжаніе недоразумѣній, которымъ, по его мнѣнію, часто подвергается утилитаризмъ у своихъ противниковъ, считаетъ нужнымъ подчеркнуть два обстоятельства при опредѣленіи принципа утилитаризма. Во-первыхъ, терминъ „благополучіе“ обнимаетъ удовлетвореніе человѣческихъ потребностей во всей ихъ широтѣ. Поэтому этика не можетъ *высодитъ* изъ различенія между внѣшними и внутренними, высшими и низшими благами, такъ какъ это различеніе уже есть нѣкоторая *оцѣнка*, и можетъ быть сдѣлано лишь тогда, когда уже *данъ* принципъ оцѣнки. Это особенно важно замѣтить въ виду романтическихъ возраженій, съ которыми такъ часто приходилось встрѣчаться утилитарной этикѣ (вспомнимъ, напр., главу о „Возраженіяхъ противъ принципа пользы“ въ Миллевскомъ *Utilitarianism*). Во-вторыхъ, подъ наибольшимъ благомъ нѣтъ необходимости понимать простую сумму благъ, безъ всякаго отношенія къ тому измѣненію, которое претерпѣваютъ отдѣльныя блага, становясь въ связь съ другими; точно также подъ наибольшимъ количествомъ людей не слѣдуетъ понимать простую арифметическую группу лицъ, игнорируя тѣ связи, ко-

торы соединяютъ ихъ другъ съ другомъ, и этимъ измѣняютъ дѣйность удовольствій и страданій, причиняемыхъ однимъ другими.

Вторая половина книги Гёффдинга разсматриваетъ спеціальныя вопросы прикладной этики, индивидуальной и социальной. Въ послѣдней Гёффдингъ подробно касается всѣхъ нравственныхъ правъ и обязанностей человѣка по отношенію къ семьѣ, „свободному культурному обществу“ и государству. Практическій взглядъ на дѣло, здравый смыслъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, широта умственного кругозора автора придаютъ интересъ этой части изслѣдованія, хотя большимъ теоретическимъ значеніемъ она и не обладаетъ.

Педагогическія письма. (Изъ писемъ къ 15-ти лѣтнему юношѣ). Кіевъ. Ц. 1 р. Это письма изъ Кіева взрослому и очень серьезному родственнику (повидимому, дяди) къ 15-ти лѣтнему юношѣ, уѣхавшему съ матерью и какимъ-то уважаемымъ молодымъ наставникомъ, по всей вѣроятности, въ Петербургъ и поступившему тамъ въ корпусъ, повидимому, пажескій, потому что о немъ упоминается (стр. 43), а въ другомъ мѣстѣ говорится, что юноша „принадлежитъ къ старинной титулованной русской семьѣ“ (стр. 71). Несмотря на нахождение юноши въ корпусъ, несмотря на присмотръ за нимъ любящей и прекрасной матери (мать, впрочемъ, онъ не всегда слушается), его не оставляетъ также и молодой наставникъ, отличающійся „высокими душевными качествами“, а равнымъ образомъ не забываетъ и кіевскій родственникъ. Онъ пишетъ ему разные совѣты и правоученія: о Богѣ и религіи, о начальствѣ и послушаніи, о любви дѣтей къ родителямъ, о вредѣ и неблаговидности занимать деньги, о чести, разумѣ, чувствахъ разумной гордости (*fièreté*) и неразумной (*orgueil*), о трудѣ, славѣ, почестяхъ, гражданскомъ долгѣ, чувствѣ законности (очень развитомъ у англичанъ и совсѣмъ утраченномъ беззаконниками-французами), о вредѣ общенія съ дурными товарищами, о логикѣ, музыкѣ, чувствахъ обонанія, зрѣнія, вкуса, слуха и т. д., и т. д. Словомъ, рѣшительно обо всемъ. Хорошо, у кого есть въ Кіевѣ такіе дяди.

Авторъ, очевидно, человѣкъ не суетный: славы не пожелалъ и имени своего на книжкѣ не выставилъ. Напрасно, потому что все въ его письмахъ резонно, разсудительно, обстоятельно, прилично, патріотично и порою даже выпренне хорошо. Одинъ только въ нихъ есть недостатокъ, что очень они ужъ скучны, а потомъ отличаются еще такимъ замѣчательнымъ свойствомъ, что какъ только ихъ прочтешь, такъ и забудешь. Мы прочитали полкнижки, потомъ гость отялекъ насъ отъ чтенія, а когда вечеромъ мы хотѣли возобновить его, то оказалось, что все прочитаемое утромъ забыто. Мы отнесли бы это на счетъ своей памяти, но отчего же мы помнимъ другія книги, помнимъ по многу лѣтъ не только что въ нихъ говорится, но даже гдѣ говорится. Должно быть, это ужъ больше отъ свойства самихъ книгъ и мыслей зависить. Дѣло въ томъ, что въ педагогическихъ письмахъ есть и хорошія мысли, но очень ужъ онѣ обыкновенны: наприм., стоитъ ли доказывать, что умъ и знаніе выше физической силы, богатства и родового происхожденія (стр. 68), что слѣдуетъ работать и не терять энергіи и бодрости духа при случайныхъ неудачахъ (стр. 83), что слѣдуетъ быть честнымъ и т. п.? Есть въ письмахъ и плохія мысли, но тоже не настолько онѣ плохи, чтобы не встрѣчались въ обиходѣ и врѣзывались отрицательными своими качествами въ память. Мы, наприм., совершенно не согласны, что слѣдуетъ предостерегать юношество „противъ людской сираведливости“, говоря имъ, что она „едва ли когда-либо восторжествуетъ на нашемъ свѣ-

тѣ" (стр. 84), что съ людьми нахальными слѣдуетъ быть „сдержанно-вѣжливымъ“, и что это есть будто бы „самое изящное и самое вѣрное орудіе“ противъ нихъ (стр. 63), что въ женщинѣ „перевѣсъ сердца надъ умомъ, надъ логикой, а иногда даже надъ здравымъ смысломъ не только простителенъ, но, пожалуй, даже симпатиченъ“ и „желателенъ“ (стр. 105), что себязлюбіе рѣзко отличается отъ эгоизма и что оно будто бы санкціонировано даже евангельскимъ ученіемъ (стр. 123) и т. п.; но все это, повторяемъ, не такія мысли, чтобы не встрѣчались въ житейскомъ обиходѣ и поражали своею отрицательною новизной. Если бы еще авторъ излагалъ свои правоченія какъ-нибудь оригинально и увлекательно или иллюстрировалъ ихъ какими-нибудь яркими примѣрами; то, можетъ быть, они лучше запечатлѣвались бы въ читателѣ, а то и изложеніе у него самое метафизическое и снотворное.

Цѣна книжки, имѣющей только 155 стр. малаго формата (въ $\frac{1}{16}$ долю листа), дорога, по нашему мнѣнію.

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“. М. И. Сухомлинова.— „Очеркъ исторіи Польша“. М. Бобржинскаго.

Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. М. И. Сухомлинова. Томъ I. Спб., 1889 г. Ц 3 р. Изд. А. С. Суворина. Въ первомъ томѣ *Исслѣдованій и статей* г. Сухомлинова помѣщены чрезвычайно интересные *Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I*. Скромное названіе *матеріаловъ* не соответствуетъ живо и съ глубокимъ знаніемъ дѣла написанной книгѣ, въ которой находятся, какъ приложенія, и дѣйствительные матеріалы по знаменитому дѣлу пострадавшихъ въ годы реакціи профессоровъ Германа, Раунаха, Галича и Арсеньева. Въ концѣ тома напечатана статья о Радичевѣ.

Очень любопытны тѣ соображенія, по которымъ разныя высокопоставленныя лица осуждали *вольнодумныхъ* профессоровъ, высказывавшихъ такія, напримѣръ, мысли: „Двѣ главныя части статистики: народъ и правительство, о благосостояніи коихъ она и должна говорить, но спрашивается: которая же предшествуетъ? Часть управляемая всегда предшествуетъ управляющей“ (*Германъ*); „Государь не можетъ быть судьей, ибо судья есть лицо, судящее по законамъ, ему даннымъ“ (онъ же); „очищенія различныя предписаны (Зороастромъ) и установлены тѣмъ же почти образомъ, какъ у израильтянъ“ (Раунахъ) и т. п. По этому дѣлу государственный контролеръ баронъ Кампенгаузенъ писалъ, что считаетъ „несогласнымъ съ правилами, признаваемыми у насъ главнымъ основаніемъ воспитанія, допускать въ учебныхъ нашихъ заведеніяхъ такой науки (философіи), которая заключаетъ въ себѣ одно роскошное и бесполезное умствованіе, болѣе или менѣе противное духу вѣры и откровенія, и которая нерѣдко многихъ изъ своихъ слушателей (особливо не довольно вникшихъ во всѣ ея тайнства) обращаетъ въ атеистовъ и матеріалистовъ“. Равнымъ образомъ Кампенгаузенъ находить „преждевременнымъ и потому мало полезнымъ, а часто вреднымъ, особливо въ положеніи нашемъ, толковать юношамъ теорію права естественнаго, государственнаго и политической экономіи во всемъ его пространствѣ, сколько бы полезно не могло быть впоследствии времени и въ зрѣлыхъ лѣтахъ чтеніе лучшихъ сочиненій по снмъ наукамъ“.

Академикъ Сухомлиновъ яркими красками описываетъ быстрый расцвѣтъ нашего университетскаго образованія въ либеральныя годы царствованія Александра I и глубокой упадокъ этого преподаванія въ отмѣченную реакціоннымъ характеромъ вторую половину царствованія этого императора. Не менѣе интересны и важны тѣ главы въ книгѣ почетнаго ученаго, которыя отведены учрежденію и усиленію у насъ цензуры. „Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, — говоритъ г. Сухомлиновъ, — не только въ обществѣ не замѣчалось особеннаго сочувствія къ цензурѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ на нее смотрѣли какъ на мѣру стѣснительную, не вполне достигающую цѣли и необходимую только для предупрежденія другаго, горшаго зла“. Въ официальномъ проектѣ доклада объ учрежденіи цензуры находились, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова: „Разумная свобода книгопечатанія общааетъ слѣдствія благія и прочныя; злоупотребленіе же ея приноситъ вредъ только случайный и скоропреходящій“.

Обширный первый томъ *Изсѣдованій и статей* академика Сухомлинова (671 страница) читается съ неослабвающимъ интересомъ и включаетъ много новыхъ и важныхъ данныхъ.

Очеркъ исторіи Польши. (Dziejje Polski). М. Бобржинскаго. Переводъ съ третьяго польскаго изданія, подъ редакціею проф. Н. И. Карѣва: Томъ I. Спб., 1888 г. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли перевести на русскій языкъ одно изъ лучшихъ и наиболѣе безпристрастныхъ изсѣдованій по исторіи Польши, какимъ является въ дѣйствительности названный очеркъ краковскаго профессора М. Бобржинскаго. Проф. Карѣвъ въ своемъ предисловіи къ переводу съ достаточною ясностью выставилъ ту, вначалѣ неблагоприятную судьбу, какую имѣла книга на родинѣ автора, вызвавъ взглядъ на него какъ на „опаснаго новатора, не уважающаго національныхъ традицій“. Остается желать, чтобы у насъ книга встрѣтила справедливый и безпристрастный приемъ и тѣмъ дала нашему обществу лишній случай подумать *спокойно* объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ, — намъ это легче сдѣлать, чѣмъ самой Польшѣ.

Обращаясь къ содержанію книги, мы видимъ, что первый томъ обнимаетъ исторію „первоначальной Польши“ и Польши среднихъ вѣковъ (до конца XV в.), причемъ, на ряду съ изложеніемъ политической исторіи страны, отдается немалое, въ общемъ, мѣсто и вопросамъ внутренняго быта, съ указаніемъ всѣхъ важнѣйшихъ литературныхъ изсѣдованій по польской исторіи и съ опредѣленіемъ того научнаго метода, какой авторъ считаетъ наиболѣе пригоднымъ для современнаго ученаго изсѣдователя. Что касается перевода, то, въ общемъ, онъ кажется намъ легко понимаемымъ и достаточно литературнымъ. Но намъ бы хотѣлось приложить къ переводамъ съ *славянскихъ* языковъ на русскій болѣе строгую, чѣмъ обыкновенно, мѣрку, хотя бы просто изъ уваженія къ литературной мощи и силѣ русскаго языка, среди другихъ славянскихъ языковъ. Съ точки зрѣнія такой мѣрки, можно указать такіа, наприм., едва ли желательныя мѣста въ русскомъ переводѣ. На стр. 288, наприм., сказано: „Малая Польша обнимаетъ *племенную дѣльницу зрботовъ*“; на стр. 216: „характеръ *можно-владческаго* управленія“; на стр. 203: „она (королева) просила и *сдѣлала порученіе (!)*, чтобы были освобождены всѣ заключенные...“; на стр. 121: „ради этой задачи (удержанія Поморья), *общественная свобода*, хотя бы даже и свобода церквей: *могли* еще безъ вреда *воздержаться* въ своихъ стремленіяхъ“. Если въ червухъ двухъ фразахъ можно было обойтись отлично безъ *дѣльни-*

мы и рѣзущаго русское ухо слова *можно-владческий*, то двѣ послѣднія, какъ и многія другія, довольно-таки плохо составлены по-русски, хотя, конечно вполне понятны, чего нельзя сказать о первыхъ. А вотъ еще одинъ примѣръ нѣкоторой неясности смысла фразы, благодаря чему неполнѣе понятна дѣлается и мысль автора. На стр. 29, наприм., Бобржинскій говоритъ о трудахъ нѣмцевъ и русскихъ въ польской исторіи, придавая имъ—что и справедливо—весьма важное значеніе. Заключительная фраза объ этомъ значеніи звучитъ, однако, въ переводѣ какъ бы пропіею, едва ли имѣвшею мѣсто въ текстѣ. А именно проф. Бобржинскій въ переводѣ заключаетъ: „такимъ образомъ, они *распоряжались* у насъ *недурно*: Соловьевъ, Костомаровъ, Беръ писали исторію упадка Рѣчи Посполитой, Реппель, Фойхтъ... занимались нашею средневѣковою исторіей“... Заключение, въ переводѣ, не совсѣмъ-то вяжется съ цѣлымъ.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЭТНОГРАФІЯ.

„Очеркъ разнітія флексіи *genetivi singularis* въ именныхъ латинскихъ основахъ а, е, о. Холодняка.—„Рѣчи противъ Катлины“. М. Туалія Пичерона.—„Пособіе для первоначальнаго обученія греческому языку“. Присѣлова.—„Эскизы преданій и быта ивородцевъ Глазовскаго уѣзда“. И. Перечурина.

Очеркъ развитія флексіи *genetivi singularis* въ именныхъ латинскихъ основахъ а, е, о. Холодняка. Спб., 1888 г. Эта книга представляетъ диссертацию, написанную авторомъ для полученія магистерской степени. Сообразно своему назначенію, она отличается ученымъ характеромъ. Съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ авторъ собралъ всѣ свидѣтельства древнихъ, касающіяся разбираемаго имъ вопроса (стр. 1—60), а также эпиграфическія данныя (стр. 61—74), и на основаніи собраннаго матеріала построилъ свою теорію о происхожденіи и развитіи флексіи родительнаго падежа такъ называем. 1, 2 и 5 склоненій. Въ концѣ книги (стр. 110—151) помѣщены примѣчанія, поясняющія текстъ. При всемъ уваженіи къ автору, мы не можемъ удержаться отъ удивленія, какимъ образомъ онъ могъ ставить на ряду свидѣтельства авторитетныхъ источниковъ (какъ, напримѣръ, Варрона) и ученыхъ средневѣковыхъ (какъ, напримѣръ, Беды), и вообще для чего онъ занялъ 60 стр. такими свидѣтельствами древнихъ грамматиковъ, изъ которыхъ видно только то, что род. п. въ 1-мъ склоненіи оканчивался на *ae*, во 2-мъ на *i* и т. д.? Что касается выводовъ его, то намъ показались весьма странными нѣкоторые лингвистическія его соображенія, какъ, напримѣръ, слѣдующее. Авторъ думаетъ, что нѣкогда отъ основъ на *e* именит. *едим.* ч. оканчивался на *e* аналогично съ именит. на *a* отъ основъ на *a*. Это положеніе онъ доказываетъ такими, наприм., „фактами“, что *Cumaе, Fidenae, Volae* суть ничто иное, какъ *Cume, Fidene, Vole* (ср. *Κύμη, Fidena, Vola*). Но не гораздо ли проще предполагать, что въ этихъ словахъ форма множ. числа существовала рядомъ съ формой единств. совершенно такъ же, какъ у грековъ названіе города Платен имѣло обѣ формы или, какъ мы говоримъ, „лагерь“ и „лагери“, „парк“ и „парки“?

Въ упрекъ автору можно поставить также и то, что онъ почти исключительно оперируетъ на почвѣ латинскаго языка, очень мало общаясь къ сравненію съ италійскими нарѣчіями или другими индо-европейскими языками; а, между тѣмъ, только такое сравненіе могло бы дать болѣе или менѣе прочное основаніе для его гипотезъ.

М. Туллий Цицеронъ. Рѣчи противъ Катилины. Перевелъ съ латинскаго В. Алексѣевъ. Спб., 1838 г. Цѣна 35 коп. Разбираемая книжка состоитъ изъ введенія (стр. 3—32), перевода четырехъ рѣчей противъ Катилины (стр. 33—86) и примѣчаній къ нимъ (стр. 87—99). Переводъ исполненъ весьма правильно и хорошимъ русскимъ языкомъ, хотя, конечно, его нечего и сравнивать съ могучимъ Цицероновымъ словомъ. Въ введеніи авторъ изображаетъ картину положенія Италіи въ эпоху, непосредственно предшествовавшую заговору Катилины, даеъ характеристику этого послѣдняго и исторію его заговора и, наконецъ, сообщаетъ историко-литературныя свѣдѣнія о рѣчахъ Цицерона противъ него. Все это написано очень живо и ясно. Особенно интересны заключительныя слова автора къ характеристикѣ Катилины: онъ относится къ нему чрезвычайно благосклонно. „По своему уму, — говоритъ авторъ, — онъ могъ бы стоять во главѣ государства, но зависть аристократіи, какъ и теперь, загоразивала дорогу даровитой личности, рѣзко выдѣлявшейся среди бездарностей: онъ хотѣлъ добиться консульства путемъ мирнымъ, а не путемъ насилія и крови, — его оттолкнули, и въ его душѣ родилась та неумолимая ненависть къ людямъ, не цѣнявшимъ ни ума, ни дарованій, которая впоследствии погубила его. Историки Катилины не поняли его истиннаго характера, — не поняли, сколько благородной рѣшимости было въ немъ, когда онъ предпочелъ умереть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели быть рабомъ знати“ (стр. 28). Примѣчанія касаются, главнымъ образомъ, исторіи и древностей.

Пособіе для первоначальнаго обученія греческому языку. Курсъ третьяго класса. Прибѣлкова. Тифлисъ, 1838 г. Цѣна 45 коп. Эта небольшая книжка заключаетъ въ себѣ фразы греческія и русскія въ систематическомъ порядкѣ, статью на греческомъ языкѣ, содержащую изложеніе анабазиса, русскія фразы для повторенія всего курса и слова къ каждому № отдѣльно. Каждый отдѣлъ систематическихъ фразъ начинается небольшою греческою басней, за которой слѣдуетъ по нѣсколькимъ №№ фразъ съ греческаго и съ русскаго. Насколько пригодна эта книжка въ практическомъ отношеніи, трудно сказать: тутъ многое зависитъ отъ личности преподавателя и состава класса. Но, какъ намъ кажется, въ ней есть существенныя недостатки, которые значительно умаляютъ ея достоинство. Такъ, прежде всего, бросается въ глаза малое количество фразъ: на третье склоненіе, напримѣръ, помѣщено всего только по 4 упражненія съ греческаго и съ русскаго, а, между тѣмъ, знаніе подобныхъ элементарныхъ вещей пріобрѣтается, главнымъ образомъ, посредствомъ навыка, не говоря уже о томъ, что книгу съ такимъ небольшимъ числомъ фразъ невозможно перевести въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ. Далѣе, фразы до крайности однообразны: взявши какой-нибудь сюжетъ для фразы (напримѣръ, о томъ, какъ человѣкъ, лошадь и осель шли вмѣстѣ по дорогѣ), авторъ варьируетъ его на всѣ лады. Правда, во всѣхъ учебникахъ такого рода фразы не отличаются умомъ, но подобное повтореніе одного и того же наведетъ скуку и на учениковъ, и на преподавателя. Авторъ, вопреки принятому обыкновенію, съ первой страницы знакомитъ учениковъ съ разными глагольными формами (имперфектами, аористами), перевода ихъ въ словарѣ: это, конечно, имѣетъ свою хорошую сторону, но, въ то же время, не даетъ ученикамъ сосредоточиться на изучаемомъ ими въ данную минуту отдѣлѣ грамматики. Но, что всего хуже и чего никакъ нельзя допускать въ учебникѣ, это то, что авторъ самъ дѣлаетъ ошиб-

ки въ греческихъ фразахъ: онъ неоднократно употребляетъ, наприм., относительное мѣстоименіе тамъ, гдѣ слѣдовало бы поставить вопросительное (*δι' ἧν αἰτίαν* стр. 20, 21 и др.); нигдѣ, повидимому, не ставитъ *ὑ παρὰγωγισμῶν* и допускаетъ другія непростительныя ошибки (*ἐφ' ἧς* стр. 11, не существующія формы *δεῖδόμεν* и *ἔδειδε* стр. 22 и пр.).

Вообще говоря, книгу нельзя назвать удобной въ практическомъ отношеніи.

Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Эскизы 1-й. Древняя религія вотяковъ по ея слѣдамъ въ современныхъ преданіяхъ. Сост. И. Первухинъ. Вятка, 1888 г. Брошюра г. Первухина составила изъ ряда корреспонденцій въ мѣстныя губернскія вѣдомости; свѣдѣнія, собранныя авторомъ, основываются на личныхъ наблюденіяхъ и на письменныхъ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ ему учителями мѣстныхъ школъ. Въ результатѣ многихъ поисковъ и разспросовъ на мѣстѣ у автора получилось самое связанное и самое детальное изображеніе пантеона вотяковъ, какое мы теперь имѣемъ. Нельзя не привѣтствовать этотъ цѣнный вкладъ г. Первухина въ нашу литературу о миеологии инородцевъ. Можно только посоветовать автору—быть нѣсколько осторожнѣе при реконструкціи предполагаемыхъ имъ первоначальныхъ вѣрованій. Такъ, онъ сперва догадывается, что жервы богу Квазю приносились на елѣ; затѣмъ выводитъ, что все, что приносилось на елѣ, приносилось Квазю; а такъ какъ къ елѣ привѣщивались, между прочимъ, куклы, то авторъ заключаетъ, что и онѣ предназначались для Квazia, а не для поминовенія предковъ, какъ утверждаютъ сами вотяки; отсюда, далѣе, дѣлается предположеніе, что Квазю приносились въ древности человѣческія жертвы, и другое предположеніе, что онѣ приносились посредствомъ повѣшенія на елѣ. Въ результатѣ Квазъ оказывается „не только богомъ атмосферы, но и богомъ властителемъ надъ жизнью, болѣзнями и смертью“. Не приводимъ многочисленныхъ случаевъ, гдѣ догадки автора кажутся намъ весьма вѣроятными. Далѣе предстоитъ г. Первухину, вѣроятно, описаніе вотяцкихъ обрядовъ и праздниковъ, относительно которыхъ должны сохраниться болѣе отчетливыя данныя, судя по сообщеніямъ предъидущихъ изслѣдователей; нечего и говорить, что мы съ большимъ интересомъ ждемъ продолженія его работы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„A history of political“, by Ingram.

A history of political economy, by Ingram. 1888. Идеи новѣйшихъ представителей экономической науки въ Германіи оказали сильное вліяніе на работу Ингрэма, опредѣляя характеръ его изслѣдованій, а также достоинства и недостатки его книги. Твердо держась взглядовъ, впервые формулированныхъ писателями исторической школы, авторъ ставитъ экономическія теоріи въ связь, съ одной стороны, съ фактами экономической жизни той эпохи, къ которой относятся излагаемыя ученія, съ другой — съ общими философскими воззрѣніями даннаго періода исторіи. Оцѣнивая значеніе той или другой теоріи, онъ беретъ за критерій потребности, взгляды и условія того времени, къ которому принадлежитъ изучаемое имъ сочиненіе, и въ результатѣ получается картина послѣдовательной смѣны экономическихъ ученій, органически связанныхъ другъ съ другомъ, обусловленныхъ всею совокупностью исто-

рической обстановки и находящихся в современных имъ условияхъ свое объясненіе и смыслъ существованія. Въ такомъ способѣ изложенія исторіи политической экономіи заключается крупное достоинство работы англійскаго экономиста. Къ недостаткамъ ей нужно причислить неправильную оцѣнку теорій классической школы, критика которой составляетъ по нашему мнѣнію, одну изъ слабыхъ сторонъ книги. Другой ея крупной проблѣй заключается въ отсутствіи главы о писателяхъ - социалистахъ. Сень-Симону, Фурье, Прудону, Лассалю, Марксу, Энгельсу, Марло и Родбертусу посвящено всего нѣсколько строкъ, въ которыхъ авторъ ограничивается признаніемъ ихъ вліянія на Вагнера и Шефле. Пренеудовлетворительности критической оцѣнки классиковъ и склонности Ингрэма преувеличивать заслуги исторической школы, невниманіе къ трудамъ такихъ писателей, какъ Марксъ и Родбертусъ, вызываетъ осознанное сожалѣніе и, безъ сомнѣнія, значительно умаляетъ достоинства книги.

Работа Ингрэма распадается на слѣдующіе отдѣлы: древнія времена, средніе вѣка, новое время, историческая школа. Главное вниманіе обращено на послѣдніе два отдѣла, такъ какъ условія государственной и общественной жизни мало способствовали развитію и разцвѣту экономической науки. Господство феодализма также не могло явиться въ средніе вѣка благоприятною почвой для широкой и разнообразной экономической дѣятельности, которая въ свою очередь вызвала бы теоретическую разработку и научную литературу. Впервые политическая экономія дѣлаетъ крупный шагъ впередъ въ новое время, одно изъ наиболѣе раннихъ созданий котораго составляетъ меркантильная система. О меркантилистахъ, со словъ Адама Смита, Милля и другихъ писателей того же направленія, распространилось самое неправильное представленіе, разрушить которое удалось, къ великой ея чести, только исторической школѣ. Какъ представитель послѣдней, Ингрэмъ не изображаетъ писателей меркантилизма людьми, излагавшими, что деньги составляютъ сущность богатства и конечную цѣль человѣческихъ стремленій, но ясно и просто объясняетъ историческія условія, которыя заставляли писателей XVI—XVII вв. придавать особенное значеніе драгоценнымъ металламъ, преувеличивать преимущества вышней торговли передъ внутренней, присвоивать слишкомъ большую цѣну густотѣ населенія и требовать отъ государства дѣятельнаго и всесторонняго вмѣшательства. Въ сжатомъ, но живо изложенномъ очеркѣ читатель найдетъ вѣрную оцѣнку меркантилизма и краткую характеристику выдающихся представителей этого направленія въ Англии, Франціи, Германіи и Италіи.

Слѣдующій отдѣлъ въ книгѣ Ингрэма посвященъ писателямъ XVIII столѣтія, которыхъ авторъ излагаетъ по отдѣльнымъ странамъ, но подъ однимъ общимъ заглавіемъ: „До Адама Смита“. Это заглавіе выражаетъ совершенно правильный взглядъ англійскаго экономиста на тѣсную связь, существовавшую между творцомъ *Богатства народовъ* и его предшественниками, особенно физиократической школы. Авторъ считаетъ фактически невѣрнымъ представленіе о Смитѣ, какъ о создателѣ политической экономіи, и, подчеркивая вліяніе, оказанное физиократами на великаго шотландца, протестуетъ противъ дѣленія исторіи экономическихъ теорій на три самостоятельныхъ фазы: меркантильную, физиократическую и смитовскую. Прежде чѣмъ перейти къ писателю, съ именемъ котораго, несмотря на всѣ преувеличенія, связаны едва ли не наибольшія заслуги передъ экономической наукой, уважемъ на тѣ страницы въ кни-

тѣ Ингрэма, которыя посвящены итальянскимъ экономистамъ прошлаго вѣка. Менѣ другихъ извѣстныя, они заслуживаютъ, однако, серьезнаго вниманія и представляютъ глубокой интересъ, о которомъ можно судить по очерку англійскаго историка. Гобби, Форнари, Лоріа и др. успѣли уже въ значительной мѣрѣ разработать исторію политической экономіи въ Италіи, и краткое изложеніе Ингрэма даетъ понятіе о научномъ значеніи этихъ работъ.

Мы указывали въ началѣ нашей рецензіи на несправедливое отношеніе Ингрэма къ писателямъ такъ называемой классической школы. Наибольше безпристрастную оцѣнку получаетъ въ книгѣ англійскій экономистъ Адамъ Смитъ, но все же научное значеніе этого писателя, намъ кажется, недостаточно выяснено именно въ вопросахъ теоретической экономіи. Рядомъ съ совершенно справедливымъ замѣчаніемъ, что Смита нельзя упрекнуть въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ дедуктивному методу, съ которымъ онъ всегда соединяетъ индукцію, Ингрэмъ преувеличиваетъ роль, которую играютъ въ *Богатство народовъ* „априорныя положенія частью теологическія, частью метафизическія, касающіяся воображаемаго гармоническаго и благодѣтельнаго, естественнаго порядка вещей“ — таинственное *jus naturae* прошлаго столѣтія. Въ своей защитѣ невѣщательства Адамъ Смитъ исходитъ изъ того положенія, что выгоды отдѣльнаго лица по законамъ экономическаго развитія дѣйствительно совпадаютъ съ интересами общества. Какъ бы ни былъ несправедливъ этотъ взглядъ, его нельзя назвать метафизическимъ, и доказательствомъ того, что телеологія въ этомъ случаѣ играла у Смита совершенно второстепенную роль, служатъ извѣстія, которыя онъ допускаетъ и оправдываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда гармоніи интересовъ частныхъ съ общественными, по его мнѣнію, не существуетъ.

Но если замѣчанія Ингрэма о Смитѣ страдаютъ односторонностью, то сужденія его о Рикардо представляются намъ совершенно неудачными. Какихъ бы возраженій ни заслуживали взгляды писателя, съ именемъ котораго связано развитіе теоріи ренты, о немъ уже, конечно, нельзя сказать вмѣстѣ съ Ингрэмомъ, что у него не было способности къ соціологическимъ изслѣдованіямъ и что „природа скорѣе прочла его въ математики второстепеннаго порядка, чѣмъ въ соціальныя философы“. Не останавливаясь на болѣе подробномъ разборѣ критики, которой Ингрэмъ подвергаетъ Рикардо, укажемъ, для характеристики сужденій англійскаго экономиста о писателяхъ классической школы, на совершенно неправильное, по нашему мнѣнію, объясненіе взгляда, котораго держится Кэрнсъ, на методъ политической экономіи. Ингрэмъ истолковываетъ мысль автора *Logical Method of Political Economy* въ томъ смыслѣ, что „выводы политической экономіи ничего не утверждаютъ относительно явленій и не могутъ быть провѣрены путемъ сопоставленія съ этими явленіями“. Выходитъ, что политическая экономія по Кэрнсу ничего не объясняетъ и никакого отношенія къ дѣйствительной жизни не имѣетъ. Но не такова, конечно, мысль Кэрнса. Въ отрывкѣ, на которомъ основываетъ свое сужденіе Ингрэмъ, бывшій лондонскій профессоръ утверждаетъ только, что несопадненіе вывода съ дѣйствительными фактами не служитъ еще его опроверженіемъ, указывая лишь на то, что необходимо провѣрить послыки и правильность разсужденія, и если разногласіе не исчезнетъ, искать неизвѣстныхъ факторовъ, видоизмѣняющихъ или парализующихъ дѣйствіе извѣстныхъ причинъ. Въ этой работѣ Кэрнсъ отводитъ видное мѣсто индукціи, которая играетъ, по его мнѣнію, значительную роль въ экономическихъ изслѣдованіяхъ.

Было бы несправедливо утверждать, однако, что отдѣлъ, посвященный классической экономіи, не интересенъ или не заслуживаетъ вниманія въ изслѣдованіи Ингрэма. Сжатость, полнота и живость изложенія составляютъ неотъемлемое достоинство этого отдѣла, какъ и всей книги. Особенно интересенъ очеркъ экономическихъ идей Джона Стюарта Милля, котораго авторъ характеризуетъ съ необыкновенною мѣткостью и силой и влеченіе котораго къ социализму, во вторую половину его научной дѣятельности, обрисовано особенно удачно. То же самое можно сказать и о Мальтусѣ, теорія котораго изложена съ полнымъ безпристрастіемъ и подобающею оцѣнкой.

Последній отдѣлъ Ингрэмъ посвящаетъ исторической школѣ. Въ подробномъ и прекрасно составленномъ очеркѣ авторъ знакомитъ съ сущностью историческаго метода и вкратцѣ излагаетъ взгляды новѣйшихъ экономистовъ Германіи, Италіи, Франціи, Америки и Англіи.

М Е Д И Ц И Н А.

„Грязелеченіе и примѣненіе его къ мѣстнымъ бугорковымъ процессамъ и сифилису“. А. Г. Корецкаго.—„Руководство по фармакологіи и рецептурѣ“. Д-ра Cloetta.—„Штоманни и левкомаини“. А. К. Яодичискаго.—„Частная патологія и терапия женскихъ болѣзней“. Д-ра Кр. Славянскаго.—„Основы анатоміи человѣка“. Ад. Пампа.

Грязелеченіе и примѣненіе его къ мѣстнымъ бугорковымъ процессамъ и сифилису. А. Г. Корецкаго. Изд. Риккера. Спб., 1888 г. Цѣна 1 р. Эта живо написанная книжка излагаетъ наблюденія и изслѣдованія, произведенныя преимущественно самимъ авторомъ въ теченіе трехъ лѣтнихъ сезоновъ на Майнакскихъ лечебныхъ грязяхъ. Грязелеченіе является специально русскимъ терапевтическимъ приемомъ (недаромъ говорятъ, что грязь для русскихъ—пятая стихія). Майнакскія грязи расположены въ 2½ верстахъ отъ Евпаторіи; слава ихъ пока еще уступаетъ славѣ Савскихъ грязей, но быстро растетъ за послѣдніе годы. Въ третьей главѣ авторъ описываетъ нѣсколько случаевъ замѣчательнаго дѣйствія грязей на туберкулезныя заболѣванія костей и суставовъ и на поздніе періоды сифилиса. Вторая глава посвящена объективнымъ методамъ изслѣдованія по вопросу о дѣйствіи грязевыхъ ваннъ. Интересно, что авторъ книги—по специальности хирургъ и обратился къ грязелеченію вслѣдствіе того specialнаго интереса, который, какъ оказалось, представляется грязелеченіемъ именно для хирурга. Главному содержанию книги предпосланъ очеркъ положенія Майнакскаго курорта, интересный въ бытовомъ отношеніи и, кажется, вполне примѣнимый ко всѣмъ другимъ русскимъ курортамъ. Стремленіе „содрать“ съ пріѣзжихъ возможно больше мотивируется въ Евпаторіи слѣдующимъ соображеніемъ: „за что же свое упускать? Вѣдь, не мы нуждаемся въ пріѣзжихъ, а они въ насъ, коли ежегодно ихъ все болѣе и болѣе наѣзжаетъ; не даромъ же мы цѣлую зиму ждемъ лѣта, какъ манны небесной, неужели теперь звать?“

Полагаемъ, что книжка д-ра Корецкаго заинтересуетъ лицъ, обрацающихъ вниманіе на леченіе грязями.

Руководство по фармакологіи и рецептурѣ, д-ра A. Cloetta, вновь обработанное д-мъ W. Filehne. Перевелъ съ 4-го нѣмецкаго изданія д-ръ А. Цедербаумъ. Изданіе Риккера. Спб., 1888 г. Цѣна 2 р. 50 к. Обращаемъ вниманіе учащихся на это руководство, составленное весьма цѣлесообразно. Во введеніи къ первой части даны над-

лежащія общія понятія о развитіи фармакологіи, о дѣйствии и объ употребленіи лѣкарствъ. Лѣкарственные средства раздѣлены на двѣнадцать группъ, и передъ частнымъ описаніемъ каждой группы помѣщены общіе обзоры, относящіеся ко всей данной группѣ. Всѣ важнѣйшія лѣкарственные средства, пущенныя въ оборотъ практической медицины за послѣднее время (изъ нихъ многія еще не официальны по нашей фармакопее), нашли себѣ мѣсто въ руководствѣ Cloetta. Дозировка составлена внимательно (съ раздѣленіемъ малыхъ и большихъ дозъ) и приурочена переводчикомъ къ указаніямъ российской фармакопеи. Весьма важнымъ на нашъ взглядъ представляется то обстоятельство, что авторъ въ надлежащихъ мѣстахъ останавливается на приемахъ леченія острыхъ и хроническихъ отравленій лѣкарствами. Говоря о симптоматическомъ леченіи, авторъ напоминаетъ, что „многія патологическія явленія суть средства защиты, исходящія отъ самого же организма“ (стр. 24), и что врачу часто приходится лишь нѣсколько руководить этими естественными средствами защиты.

Вторая часть руководства излагаетъ рецептуру; жаль, что всѣ примѣрные рецепты написаны только по десятичной системѣ: нюрнбергскій вѣсъ еще долго не выйдетъ изъ русской практики, и двойная форма примѣрныхъ рецептовъ была бы не лишнею.

Къ руководству приложены таблицы растворимости и высшихъ приѣмовъ и два алфавитные указателя (по болѣзнямъ и по лѣкарствамъ).

Низкая цѣна (въ книгѣ 28 печатныхъ листовъ) облегчаетъ руководству Cloetta то распространеніе, котораго книга заслуживаетъ по содержанию; мы не удивляемся, что на нѣмецкомъ языкѣ руководство въ теченіе шести лѣтъ выдержало четыре изданія.

Птоманины и левкоманины, методы ихъ изслѣдованія и отношеніе къ патологіи. Составилъ А. К. Ягодзинскій. Изданіе Риккера. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 80 к. Вопросу о птоманинахъ, повидимому, предстоитъ крупное будущее: бактериологія, заповнившая теперь вниманіе патологовъ, привлекая въ микроскопическимъ занятіямъ массу практическихъ врачей, встрѣчаетъ себѣ серьезнаго соперника въ ученіи о птоманинахъ и левкоманинахъ, — въ ученіи, требующемъ знакомства съ химическими методами изслѣдованія.

Птоманины — это тѣла, весьма сходныя съ алкалоидами и образующіяся подъ вліаніемъ микроорганизмовъ въ тѣлахъ животныхъ и въ иныхъ бѣлковыхъ средахъ, способныхъ разлагаться. Названіе птоманиновъ (отъ слова падалъ) предложено итальянцемъ Сельми, особенно много поработавшимъ надъ изученіемъ птоманиновъ.

Левкоманины (названіе дано французомъ Готье) — это тѣ ядовитыя тѣла, которыя образуются въ живомъ организмѣ безъ участія постороннихъ микробовъ; они также обладаютъ свойствами алкалоидовъ.

Книга г. Ягодзинскаго представляетъ собою основательный сводъ довольно уже обширной литературы по изслѣдованію птоманиновъ и левкоманиновъ. Краткое предисловіе къ книгѣ написано профессоромъ Анрепомъ, который сдѣлалъ нѣсколько цѣнныхъ вкладовъ въ изученіе, особенно по вопросу о рыбномъ ядѣ. Первая половина сочиненія отведена птоманинамъ: подробно изложена исторія вопроса, методика, рассмотрѣны отдѣльные виды птоманиновъ (изъ гнилаго мяса, изъ гнилой рыбы, изъ сыра, изъ клея, изъ человѣческихъ труповъ и др.) и далѣ общій обзоръ этихъ веществъ съ попыткою ихъ классификаціи. Предметъ второй половины очерка составляютъ левкоманины; здѣсь, между прочимъ, описаны левкоманины мочи, кала, слюны, пота, выдыханія, а также спе-

цѣльные яды, вырабатываемые разными животными (змѣями, рыбами, пчелами и др.). Книга заканчивается подробнымъ хронологическимъ указателемъ литературы.

Книга г. Ягодзинскаго окажется полезною не только русскимъ врачамъ, изъ которыхъ многіе еще очень мало знакомы съ животными алкалоидами, но и всей образованной публикѣ, интересующейся успѣхами біологическихъ знаній.

Частная патологія и терапія женскихъ болѣзней. Руководство для врачей и студентовъ. Д-ра Кронида Славянскаго, профессора военно-медицинской академіи. Томъ I. Изданіе Риккера. Спб., 1888 г. Цѣна 5 р. 60 к. Учебная русская литература по гинекологіи не богата и бѣднѣе даже, чѣмъ литература по акушерству. Второе изданіе руководства Горвица вышло уже пять лѣтъ назадъ; книга проф. Снегирева *Маточныя кровотеченія* едва ли затрогиваетъ и половину вопросовъ гинекологіи; переводныя сочиненія не вполнѣ удовлетворяютъ потребности русскихъ студентовъ. Поэтому нельзя не приветствовать появленія руководства проф. Славянскаго, хотя, въ то же время, нельзя не пожалѣть о томъ, что это изящно изданное руководство едва ли будетъ доступно для массы студенчества по своей цѣнѣ (оправдываемой изяществомъ изданія); за то многіе врачи, начинающіе практику, конечно, запасутся первымъ томомъ.

Первый томъ представляетъ совершенно самостоятельно цѣлое: въ немъ изложены болѣзни влагалища и матки. Изложеніе ясное, хотя довольно сжатое; усвоеніе текста значительно облегчается обиліемъ хорошо выполненныхъ рисунковъ (около 300). Въ текстѣ много указаній на литературу послѣдняго времени (по 1888 годъ включительно). Практическая гинекологія такъ быстро идетъ впередъ, что терапевтической отдѣлъ совершенно мѣняетъ свою фізіономію въ теченіе какого-нибудь десятилѣтія (сопшемся на примѣръ операціи полного удаленія матки).

Возможныя причины болѣзней влагалища и матки перечисляются въ руководствѣ г. Славянскаго съ достаточною полнотой. Обращаемъ вниманіе на отношеніе автора къ такъ называемымъ брачнымъ путешествіямъ: онъ находитъ эти путешествія вовсе не гигиеничными (стр. 102) и видитъ въ нихъ частую причину вагинитовъ.

Основы анатоміи человѣка. Ад. Панша. Переводъ подъ редакціею и съ прибавленіями проф. А. И. Таренецкаго. Три выпуска. Изд. Риккера. Спб., 1888 г. Цѣна 6 р. 60 к. Тысячи студентовъ во всѣхъ странахъ учились и учатся анатоміи по руководству Гиртля. Хотя руководство Гиртля не можетъ быть названо курсомъ научной анатоміи, но, во всякомъ случаѣ, не книга Панша вытѣснитъ Гиртля изъ студенческихъ бібліотекъ. При значительно болѣе краткомъ изложеніи Паншъ не имѣетъ многихъ достоинствъ Гиртля, хотя въ числу сравнительныхъ отрицательныхъ достоинствъ новаго руководства можно отнести отсутствіе анекдотовъ, при помощи которыхъ Гиртль хотѣлъ сдѣлать болѣе занимательнымъ для студентовъ изученіе анатоміи, снискавшей себѣ давно незаслуженное названіе „сухаго предмета“. Сухое анатомія является лишь въ изложеніи тѣхъ преподавателей, которые не могутъ подняться надъ уровнемъ отрывочныхъ описаній частей мертваго человѣческаго тѣла и не могутъ одухотворить эти описанія изученіемъ общихъ законовъ постройки организма.

Рисунки мышцъ выполнены недурно; къ сожалѣнію, нельзя сказать того же объ изображеніи внутренностей. Въ руководствѣ приложены осо-

бый перечень латинскихъ названій, который съ успѣхомъ можетъ составляться самими учащимися.

Переводъ небезукоризненъ; укажемъ на такія выраженія, какъ „тѣлесный кругъ кровообращенія“, „вена адигосъ“ (стр. 481), „локалізація мозга“ (стр. 527). Редакторъ перевода приложилъ отъ себя довольно обширныя дополненія чисто-описательнаго характера; изъ числа этихъ дополненій несомнѣнно полезнымъ окажется дополненіе о фасціяхъ; фасціямъ часто въ преподаваніи анатоміи отводятъ слишкомъ мало мѣста, несмотря на крайнюю важность точнаго знанія фасцій при практическомъ приложеніи анатоміи.

Если бы не высокая цѣна, руководство Панша можно было бы рекомендовать для фельдшерскихъ школъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

„Осадки юго-запада Россіи“. А. Клоссовскаго. — „Теплота, рассматриваемая какъ родъ движенія“. Дж. Тиндалла.

Осадки юго-запада Россіи, ихъ распредѣленіе и предсказаніе. А. Клоссовскаго, профессора Новороссійскаго университета. Одесса, 1888 г. Работа проф. Клоссовскаго имѣетъ далеко не одинъ только мѣстный интересъ, какой можно ей приписать, если судить по заглавію. Въ ней рассматриваются многіе важные вопросы современной метеорологіи; имѣющіе право на вниманіе всѣхъ лицъ, которые желаютъ имѣть понятіе о научномъ изслѣдованіи погоды. Главнымъ матеріаломъ для г. Клоссовскаго послужили наблюденія, сдѣланныя въ 1887 г. на станціяхъ метеорологической сѣти юго-западной Россіи. Мысль объ учрежденіи этой сѣти возникла весной 1885 г. на сѣздѣ земскихъ статистиковъ Херсонской губерніи и съ весны 1886 г. сѣтъ стала дѣйствовать въ предѣлахъ Херсонской губерніи, а затѣмъ къ ней применили наблюдатели другихъ восьми губерній.

Для того, чтобы метеорологическія наблюденія могли приносить повседневную практическую пользу, представляется положительно необходимымъ устройство въ Россіи нѣсколькихъ метеорологическихъ сѣтей (по примѣру херсонской); дѣятельность этихъ окружныхъ сѣтей отнюдь не можетъ мѣшать функціямъ с.-петербургской главной физической обсерваторіи. Телеграммы главной обсерваторіи, по предсказанію погоды, слишкомъ запаздываютъ для юга Россіи, да, кромѣ того, условія на югѣ совершенно иныя, чѣмъ на сѣверѣ, и для вѣроятныхъ соображеній необходимы мѣстныя оптическія наблюденія. Для Херсонской губерніи оказываются имѣющими особую практическую важность циклоны „южной системы“ (какъ ихъ называетъ профес. Клоссовскій), проходящіе изъ Венгріи черезъ Полѣсье къ среднему теченію Волги; вдоль обычнаго пути этихъ циклоновъ лежитъ та полоса Россіи, которая отличается значительнымъ количествомъ осадковъ, грозы и градобитій.

Въ книгѣ г. Клоссовскаго приведены мѣсячныя цифры осадковъ по 158 пунктамъ юго-западной сѣти. Къ книгѣ приложено нѣсколько чертежей и картъ и, кромѣ того, интересныя инструкціи для систематическаго наблюденія надъ облаками и надъ ударами молніи.

Теплота, рассматриваемая какъ родъ движенія. Публичныя лекціи Джона Тиндалла. Переводъ съ 7-го англійскаго изданія подъ редакцію и съ примѣчаніями профессора Харьковскаго университета А. П. Шимкова. Второе изданіе. Москва, 1888 г. Ц. 3 р.

75 коп. Первое изданіе перевода этой книги на русское языкѣ вышло 24 года тому назадъ и быстро разошлось, такъ что въ послѣднее время эта книга стала библиографическою рѣдкостью. Говорить о достоинствахъ этого сочиненія не приходится: имя Тиндала, какъ физика-популяризатора, достаточно извѣстно читающей публикѣ. Мы укажемъ только на тѣ добавленія, которыми отличается второе изданіе отъ перваго. Второе изданіе значительно (на $\frac{1}{3}$) больше перваго: въ первомъ—12 лекцій, во второмъ—18. Во второмъ изданіи авторъ болѣе подробно останавливается на явленіяхъ развитія теплоты при химическихъ реакціяхъ, при магнито-электрической индукціи, на отношеніи теплоты мускуловъ къ мускульной работѣ. Изъ дополненій укажемъ еще на XIV, XV и XVI лекціи. Въ первой говорится о поглощеніи тепловыхъ лучей летучими жидкостями, во второй—объ открытіи темныхъ солнечныхъ лучей, опытахъ Гершеля и Миллера, о преобразованіи лучей, обращенія теплового изобразенія въ свѣтовое, флюоресценціи и калоресценціи. Въ шестнадцатой лекціи говорится о дѣйствіи короткихъ эфирныхъ волнъ на газообразное вещество, объ облакахъ, образуемыхъ актиническимъ разложеньемъ, о цвѣтахъ, производимыхъ малыми частицами, о поляризаціи свѣта туманныхъ веществами и о строеніи неба и поляризаціи его свѣта. Лекція восемнадцатая посвящена очень интересному, хотя и краткому, описанію научныхъ работъ д-ра Юлія-Роберта Майера и всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ эти работы. Мы не можемъ прибавить другихъ дополненій,—уже изъ того, что мы сказали, видно, насколько второе изданіе расширено сравнительно съ первымъ. Что касается внѣшности новаго изданія, то и въ этомъ отношеніи оно значительно превосходить первое.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Историческое обозрѣніе пятидесятилѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ“. — „Очеркъ мукомольнаго производства въ Приволжскѣ и въ районѣ ливенской, орловско-грязской и московско-курской жел. дорогъ“. А. А. Клопова. — „Руководство къ устройству русскихъ гѣсовъ“. А. Рудскою. — „Пшеница“. Е. Рислера.

Историческое обозрѣніе пятидесятилѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ. 1837—1887 г. Спб., 1888 г. Въ пяти частяхъ. Цѣна 10 р. Баронъ Гакстгаузенъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о положеніи Россіи называлъ важнѣйшимъ для Россіи событіемъ послѣ реформъ Петра I учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ. 1 января 1888 г. истекло пятидесятилѣтіе дѣятельности этого министерства. Нѣсколькими днями ранѣе (26 декабря) праздновался юбилей министерства (въ день обнародованія указа о министерствѣ), и къ этому сроку была издана краткая записка о министерствѣ. Теперь мы имѣемъ передъ собою большое пятитомное официальное изданіе, обозрѣвающее съ значительно болѣею подробностью различныя стороны дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ.

Конечно, изданіе это по своей цѣнѣ будетъ доступно лишь немногимъ, но всѣ общественныя учрежденія, имѣющія отношеніе къ государственнымъ имуществамъ, къ крестьянскому вопросу и къ сельскому хозяйству, съ пользою для себя приобрѣтутъ это изданіе, въ которомъ можно почерпнуть разнообразныя цѣнныя историческія справки.

Первая часть разсматриваетъ общую администрацію министерства и заключается спискомъ высшихъ чиновъ. Вторая часть посвящена

крестьянскому вопросу: попечительству надъ бывшими государственными крестьянами и поземельному устройству этихъ крестьянъ. Въ третьей части описываются судьбы казенныхъ оброчныхъ статей и государственныхъ лѣсовъ. Четвертая часть рассматриваетъ тѣ мѣры, при помощи которыхъ министерство содѣйствовало и содѣйствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства въ Россіи (здѣсь же приложенъ и обзоръ прежней дѣятельности по коннозаводству). Въ пятой части изложена дѣятельность горнаго департамента. Въ *Обозрѣніи*, кромѣ текста, помѣщено не мало интересныхъ таблицъ, списокъ всѣхъ печатныхъ изданій министерства и приложенъ портретъ графа Киселева.

Очеркъ мукомольнаго (крупчатнаго) производства въ Приволжьѣ и въ районѣ ливенской, орловско-грязеской и московско-курской желѣзныхъ дорогъ. А. А. Клопова. Спб., 1888 г. Г. Клоповъ продолжаетъ собраніе матеріаловъ по статистикѣ сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Россіи. Настоящій очеркъ посвященъ важному вопросу о внутреннемъ сбытѣ пшеничнаго зерна въ центральной и юго-восточной Россіи.

Въ верхневолжскомъ районѣ, по изслѣдованію г. Клопова, мукомольное дѣло за послѣдніе годы сократилось, въ нижневолжскомъ районѣ, напротивъ, подвигалось впередъ большими шагами. Въ ливенскомъ районѣ опять - таки замѣчается сокращеніе мукомольнаго производства: здѣсь послѣ 1884 г. остановились 7 мельницъ съ производствомъ около 1 милліона пудовъ. Подъ Ельцомъ производство нѣсколько увеличилось.

Къ первымъ двумъ главамъ приложены интересныя таблички, показывающія, куда идетъ мука съ различныхъ мукомольныхъ пунктовъ (на картѣ изображеніе вышло бы еще нагляднѣе). Въ приложеніи къ очерку помѣщены собранныя на мѣстахъ табличныя свѣдѣнія о производительности и объ обстановкѣ мельницъ въ различныхъ мѣстностяхъ.

Брошюра г. Клопова издана департаментомъ земледѣлія.

Руководство къ устройству русскихъ лѣсовъ. Составилъ А. Рудзскій, профессоръ Лѣснаго института. Спб., 1888 г. Цѣна 5 руб. Въ предисловіи къ своему руководству проф. Рудзскій говоритъ, что онъ долго воздерживался отъ изданія въ свѣтъ своего труда, между прочимъ, потому, что опасался умялить самостоятельную работы студентовъ. Мы не можемъ понять такого опасенія: никакое руководство, какъ бы оно ни было хорошо, не можетъ замѣнить собою самостоятельныхъ занятій со стороны лицъ, изучающихъ какую-нибудь отрасль знаній.

Для учащихся руководство г. Рудзскаго, вѣроятно, окажется полезнымъ, но лѣснаціе, состоящіе уже на государственной службѣ, найдутъ тамъ для себя мало новаго: обширныя дополненія, составленныя по казеннымъ (отчасти по удѣльнымъ) инструкціямъ, должны быть и безъ того извѣстны казеннымъ лѣсничимъ. Многие частныя хозяева-лѣсовладѣльцы найдутъ для себя поучительное чтеніе въ книгѣ Рудзскаго, если только тормазомъ къ распространенію книги не явится ея сравнительно высокая цѣна.

Первая часть руководства излагаетъ приготовительныя работы къ устройству лѣса, вторая часть, значительно болѣешая по объему, описываетъ самое составленіе плана для веденія лѣсныхъ хозяйствъ. Книга издана изящно, хотя встрѣчаются мелкіе недосмотры: такъ, во второй части по оглавленію значатся двѣ шестыхъ главы. Въ главѣ о „невѣсомыхъ полезностяхъ лѣса“ авторъ зачѣмъ-то упоминаетъ (стр. 89) о возможности „на извѣстной ступени мышленія“ предпочитать пару сапогъ Пушкину. Къ числу „невѣсомыхъ полезностей“ отнесены (стр. 93)

„защитныя дѣйствія лѣсовъ, предохраняющихъ мѣстность отъ обваловъ и смыванія“. Намъ кажется, что такое влияние лѣсовъ безъ затрудненія могло бы быть причислено къ „вѣсомымъ“ полезностямъ,—проще сказать къ такимъ, которыя могутъ быть оцѣнены деньгами.

Пшеница. Сочиненіе Е. Рислера, директора агрономическаго института въ Парижѣ. Переводъ А. Р. Ферхмина. Съ 22 рисунками въ текстѣ. Изд. Девриена. Спб., 1888 г. Цѣна 75 коп. Нельзя не подивиться, что при томъ колоссальномъ значеніи, какое принадлежитъ въ Россіи воздѣлыванію хлѣбовъ, литература наша по этому предмету отличается крайнею скудостью. За недостаткомъ оригинальныхъ сочиненій, конечно, пріятно видѣть и переводы хорошихъ книгъ, къ которымъ слѣдуетъ причислить произведеніе Рислера, излагающее культуру пшеницы. Не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе производитъ второе заглавіе книги: „правила, которыхъ слѣдуетъ придерживаться, если желаютъ уменьшить стоимость производства пшеницы“; у насъ подобныя заголовки встрѣчаются на изданіяхъ Нивольскаго рынка, но во Франціи, должно быть, господствуютъ въ этомъ отношеніи иные обычаи; имя Эжена Рислера, во всякомъ случаѣ, стоитъ выше всякихъ подозрѣній въ спекулятивной цѣли изданія.

И для агрономовъ, и для хозяевъ, и для цѣлей общаго образованія книга Рислера окажется полезною. Отмѣтимъ сочувственное отношеніе автора къ сырымъ фосфоритамъ, основанное на опытахъ Грандо и Дюпона. Фосфоритный зеленый песчаникъ (который теперь разрабатывается и у насъ въ Рязанской губерніи) при хорошемъ размолѣ дѣйствуетъ, по мнѣнію Рислера, не хуже суперфосфатовъ. Рислеръ рекомендуетъ употреблять подъ пшеницу фосфориты въ смѣшеніи съ навозомъ (15—20 килограммовъ фосфоритной муки на 1 кубическій метръ навоза).

Напрасно переводъ не снабженъ хотя бы краткими примѣчаніями о русскихъ условіяхъ культуры пшеницы; такія примѣчанія были бы особенно полезны въ главѣ пятой, гдѣ описываются разновидности пшеницы. Многія указанія автора едва ли будутъ имѣть значеніе для нашихъ хозяевъ: напримѣръ, какую пользу извлекутъ русскіе воздѣлыватели пшеницы изъ сообщенія о томъ, что анализъ за умѣренную плату можетъ быть произведенъ на ближайшей агрономической станціи или въ парижскихъ лабораторіяхъ (стр. 35.) Сельско-хозяйственныя французскія пословицы, приводимыя Рислеромъ, конечно, любопытны и для насъ, но на ряду съ ними интересно было бы видѣть и русскія пословицы по тому же предмету. Переводъ г. Ферхмина не дурень, хотя небезукоризненъ. Такъ, на стр. 21 упоминается „образование азотныхъ соединений (нитрификація)“, надо было сказать „азотнокислыхъ“. Фосфорнокислая известь зачѣмъ-то превращена въ „известковый фосфатъ“ (стр. 35). На стр. 43 встрѣчается не совсѣмъ понятное выраженіе: „или сѣны почвы обладаютъ средними физическими свойствами“. Исполненіе полтипажей оставляетъ желать лучшаго. Невысокая цѣна книжки—шагъ впередъ для изданія г. Девриена.

ДѢТСКІЯ КНИГИ И УЧЕБНИКИ.

„Цвѣты“. А. К. Розельонъ-Сошальской—„Очеркъ зоологіи“. Поля Бера.

„Цвѣты“. Разсказы для дѣтей. А. К. Розельонъ - Сошальской. Изданіе второе, Е. М. Гаршина. Спб., 1888 г. Цѣна 1 р. 50 коп. Первое изданіе дѣтскихъ разсказовъ г-жи Ровельонъ-Сошальской, сдѣ-

Жанное въ прошломъ году, уже все разошлось, такъ что явилась необходимость во второмъ изданіи. Уже это одно можетъ говорить въ пользу достоинства рассказовъ. Но это только внѣшнее, такъ сказать, свидѣтельство, внѣшній успѣхъ, который выпадаетъ иногда, и совершенно незаслуженно, на долю нѣкоторыхъ книжекъ, а рассказы имѣютъ, несомнѣнно, и внутреннее достоинство. Поэтому мы и привѣтствуемъ второе ихъ изданіе.

Темы этихъ прекрасныхъ и поэтическихъ рассказовъ очень разнообразны: то они ни на шагъ не отходятъ отъ дѣйствительности (*Хохотунья, Журочка*), то въ нихъ преобладаетъ элементъ фантастическій, такъ что они принимаютъ характеръ легендъ и сказокъ (*Геній труда, Два брата, Ворсянка и василекъ* и др.), то, какъ по большей части бываетъ, были перемѣшиваются съ небылицами (*Заколдованная царевна*). Рассказывать что-нибудь дѣтямъ, особенно сказки, и легко, и трудно: плохо рассказывать—легко, хорошо—трудно. Для этого надо обладать несомнѣннымъ талантомъ, умѣнемъ приспособиться къ дѣтскому пониманію и искусствомъ фантастическій элементъ такъ переплестать съ дѣйствительностью, что онъ какъ-то совершенно незамѣтно для слушателей сливается съ нею и придаетъ ей какую-то особую прелесть, или, наоборотъ, самъ облекается въ ихъ глазахъ въ живую плоть и кровь. Всѣмъ этимъ и обладаетъ г-жа Розельонъ-Сошальская. Всѣ рассказы ея необыкновенно просты, нѣтъ въ нихъ вычурности, натянутой морали, но, въ то же время, во всѣхъ нихъ есть гуманное чувство и какая-нибудь хорошая мысль, которая не вноситъ разлада въ дѣтскую душу и оставляетъ въ ней хорошее впечатлѣніе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи одинъ только рассказъ погрѣшаетъ и составляетъ исключеніе: это *Страничка изъ дѣтской недѣли*. Мы просто исключили бы изъ книжки этотъ рассказъ не потому, что онъ слишкомъ грустенъ или невѣривъ дѣйствительности (напротивъ, онъ, вѣрно, съ дѣйствительнаго случая - то и свисанъ), а потому, что онъ провозводитъ безыскондную грусть и даетъ дѣтямъ совершенно ненужное представленіе о людской черствости и эгоизмѣ. Несомнѣнно, что тетки любятъ племянниковъ меньше собственныхъ дѣтей, но не менѣе также несомнѣнно и то, что не всѣ тетки такъ жестоко поступаютъ съ племянниками, какъ выведенная въ рассказѣ. Частный случай никогда обобщать не слѣдуетъ.

Не всѣ рассказы г-жи Розельонъ-Сошальской одинаковы въ литературномъ отношеніи: *Заколдованная царевна, Два брата, Геній труда* и *Торжественный приемъ у царицы цыптовъ* — очень хороши, другіе: *Лампа, Клемя, Хохотунья* — уступаютъ имъ, хотя тоже читаются дѣтьми съ интересомъ. Рассказъ *Торжественный приемъ у царицы цыптовъ* слишкомъ, по нашему мнѣнію, растянутъ, а затѣмъ мы находимъ излишнимъ объясненіе, какое даетъ царица — махровая роза собравшимся передъ нею цвѣтамъ. Объяснивъ, какъ садовники искусственно превратили ее изъ простой, дикой розы въ столбчатую, она говоритъ: „Одаряя меня несравненною красотой, они, въ то же время, лишили меня всѣхъ радостей: цвѣты мои безплодны!... Съ какою тайною завистью и грустью смотрю я на своего двоюроднаго брата — простенькаго лѣснаго пиповника. Съ заботливою радостью въ продолженіе всего лѣта лелѣеть онъ свои сѣмена; осенью разсѣваетъ ихъ по всему лѣсу и, думая о будущемъ потомствѣ, въ мечтахъ вторично переживаетъ свою молодость. У меня отняли счастье и дали взамѣнъ красоту“ и т. д. (стр. 5). Это чувство доступно взрослымъ женщинамъ и особенно должно быть близко старымъ и некрасивымъ дѣвкамъ, но дѣтямъ оно со-

вершено чуждо и непонятно. Затѣмъ, слѣдовало бы, какъ намъ кажется, автору удерживаться отъ нѣкоторыхъ сравненій, дающихъ неточныя представленія: такъ, наприм., въ разсказѣ *Лампа* говорится: „По небу носились темныя тучи, заслоняя собою тѣ маленькія окошечки, черезъ которыя звѣздочки любятъ глядѣть на нашу землю“ (стр. 85). Нѣкоторые изъ маленькыхъ читателей, чего добраго, и въ самомъ дѣлѣ могутъ вообразить себѣ, что звѣзды смотрятъ въ какія-то окошечки. Но всѣ эти частности вполнѣ выкупаются общимъ достоинствомъ и интересомъ разсказовъ. А авторъ умѣетъ разсказывать: всѣ даже неодушевленные, предметы говорятъ у него, какъ живые. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести рѣчь крошечной травки-мокрички въ *Торжественномъ приѣмѣ у царицы изътово*. Она шла въ самой послѣдней группѣ сорныхъ травъ, въ самомъ концѣ процессіи. Роза замѣтила сначала сорнымъ травамъ, что она со всѣхъ сторонъ слышитъ на нихъ жалобы, что онѣ никакой пользы не приносятъ, а только вредятъ другимъ, и что она недоумѣваетъ, зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, онѣ существуютъ. Затѣмъ, поговоривъ съ болѣе крупными травами, она обратилась съ вопросомъ къ мокричкѣ, и вотъ что та ей отвѣчала: „Зовутъ меня Мокричкой,— отвѣчала травка. — Зачѣмъ живу я—сказать не умѣю... Небо такъ ясно, воздухъ такъ ароматенъ, что я все смотрѣла бы на далекое голубое небо и дышала бы ароматнымъ воздухомъ полей. Какъ прекрасна жизнь даже и для меня, маленькой травки! Притомъ, какъ рада бываю я, когда пчужки зимой прилетаютъ поклевать моихъ зернышекъ... Скучный завтракъ! Но это все, что я могу дать имъ, за то и даю я отъ чистаго сердца“ (стр. 36). Отвѣтъ этотъ, конечно, смягчилъ царицу и заставилъ ее переимѣнить мнѣніе. Отъ чьего бы лица авторъ ни заговорилъ и какихъ бы, въ сущности, малоинтересныхъ предметовъ ни касался,—все въ его разсказѣ пріобрѣтаетъ интересъ. Это несомнѣнный признакъ таланта, признакъ искры Божьей.

Слѣдуетъ сказать, что разсказы г-жи Розельонъ-Сошальской допущены ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для младшаго возраста. А въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобъ она не ограничивалась только этими разсказами, а писала и новыя. Пусть она не забываетъ притчу о талантахъ.

Очеркъ зоологій, съ французскаго учебника Поля Бэра перелатанный для русскихъ дѣтей и школъ Николаемъ Вагнеромъ. Второе изданіе, съ 543 рисунками, взятыми изъ лучшихъ иллюстрированныхъ зоологическихъ изданій. Спб., 1889 г. Цѣна 80 к. Книга эта можетъ быть прекраснымъ праздничнымъ подаркомъ для дѣтей. Живымъ, увлекательнымъ языкомъ авторъ разсказываетъ дѣтямъ: какія бываютъ животныя, гдѣ живутъ они, какъ распредѣляются они по странамъ свѣта, что происходитъ съ организмомъ животнаго при ростѣ, какія претерпѣваютъ превращенія животныя при своемъ развитіи и т. д. Все это поясняется множествомъ хорошо сдѣланныхъ рисунковъ. Сравнительно съ французскимъ изданіемъ въ русское внесены нѣкоторыя измѣненія. Цѣлая глава посвящена распредѣленію русскихъ животныхъ и затѣмъ радикально измѣнена послѣдняя глава, гдѣ говорится о классификаціи.

Второе изданіе отличается отъ перваго только тѣмъ, что въ дополненіи къ нему помѣщены два разсказа Н. Вагнера: 1) *Корненожка* и 2) *Шмель, оса и муравей*. „Первый изъ этихъ разсказовъ, — говоритъ

авторъ,—даетъ въ легкой формѣ матеріалъ для болѣе глубокаго размысленія. Второй—можетъ дать, какъ намъ кажется, побужденіе къ наблюдательности и обдумыванію наблюденій надъ сложною жизнью насѣоныхъ.

Цѣна книги очень дешевая: 80 коп. (въ книгѣ 25 листовъ).

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ И КАЛЕНДАРИ.

„Стоглавъ“. — „Записная книжка на 1889 г.“. — „Moskauer Almanach für 1889“. — „Записной календарь на 1889 годъ“.

Стоглавъ. Иллюстрированный календарь на 1889 годъ. Спб., типографія А. С. Суворина. Цѣна 30 коп. Календарь этотъ изданъ въ форматѣ большаго in 4° очень чисто и даже щеголевато. Въ немъ помѣщены хорошо исполненные портреты Государя Императора, Государыни Императрицы, трехъ германскихъ императоровъ, смѣнившихся въ истекшемъ году, А. Р. Дрентельна, В. М. Гаршина, Н. Н. Милухи-Махлая и М. Н. Каткова. Некрологи этихъ послѣднихъ, равно какъ и другихъ лицъ, сошедшихъ въ могилу въ 1888 году, составлены хотя кратко, но обстоятельно. Кромѣ того, имѣются портреты и рассказы о дѣятельности поэта А. Н. Майкова, отца архимандрита Антонина, неутомимаго труженника нашей палестинской миссіи, Карно, президента Французской республики, и генерала Буланже, мѣташаго попасть въ Цезари по дорожкѣ, указанной Луи-Наполеономъ Бонапартомъ. На страницѣ 59 и слѣдующихъ помѣщено нѣсколько стихотвореній Кольцова, Майкова, Фета, Андреевскаго и Фофанова. Далѣе слѣдуетъ рассказъ Ант. Чехова *Былецъ*. Въ отдѣлѣ *Домашняя медицина* заслуживаетъ вниманія статья о ядахъ и о леченіи отравленій. Очень полезными мы находимъ таблицы, указывающія стоимость проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ между наиболѣе крупными губернскими городами Россіи. Къ календарю приложена хорошо исполненная карта желѣзныхъ дорогъ Европейской Россіи. Въ текстѣ много иллюстрацій, представляющихъ снимки съ картинъ послѣдней академической выставки. Воспроизведены онѣ не всѣ одинаково удачно. Цѣна за календарь, во всякомъ случаѣ, назначена очень дешевая.

Записная книжка на 1889 годъ (XIX годъ изданія). Изданіе К. Риккера (Спб., Невскій просп., 14). Книжка эта содержитъ въ себѣ всѣ обыкновенныя календарныя свѣдѣнія, двѣ превосходно исполненныя карты—Европейской Россіи и всей Россійской имперіи. За календарнымъ отдѣломъ слѣдуетъ большее или меньшее число бѣлыхъ страницъ, помѣченныхъ соответствующими числами мѣсяцевъ и днями. Въ концѣ книжки помѣщенъ справочный отдѣлъ. Книжки прочно и изящно переплетены въ холщевыя обложки. Ихъ пять размѣровъ, по числу страницъ, одного и того же удобнаго, карманнаго формата. Цѣна имъ—1 р. 20 коп., 1 р. и 80 коп.

Moskauer Almanach für 1889. Erster Jahrgang. Herausgegeben von Paul Grossmann. Grossmann und Knöbel. Moskau, 1889. Попытка гг. книгопродавцевъ Гроссмана и Кнѣбеля издать на нѣмецкомъ языкѣ *Московский Альманахъ*, по образцу лучшихъ заграничныхъ изданій этого рода, заслуживаетъ полнаго сочувствія, и надо отдать справедливость издателямъ, они сдѣлали все отъ нихъ зависящее для того, чтобы книжка ихъ вышла интересною и дѣльною. Календарный отдѣлъ составленъ прекрасно; свѣдѣній онъ даетъ множество по всѣмъ предме-

тамъ, за справкою о которыхъ можно обратиться къ календарю. Обстоятельно и хорошо составлена московская хроника съ 1 июля 1887 г. по 1 июля 1888 г. (*Lokal-Chronik*), очень полны свѣдѣнія, относящіяся до организаціи „нѣмецкой колоніи“ въ Москвѣ: *Deutsche Gemeinden und Vereine*, а равно и адресный отдѣлъ, въ которомъ, послѣ указанія правительственныхъ учреждений и лицъ, правящихъ этими учрежденіями, помѣщены адреса многихъ врачей съ указаніемъ ихъ спеціальностей, затѣмъ—адресы банковъ, больницъ, учебныхъ заведеній, страховыхъ обществъ, нотаріусовъ и пр. Для иностранцевъ большой интересъ представить очеркъ новѣйшей русской литературы: *Zur neueren russischen Litteratur*, составленный г. Георгомъ Бахманомъ. Авторъ, конечно, знакомъ съ новѣйшею русскою литературою, но, къ сожалѣнію, не настолько, чтобы знакомить съ нею иностранцевъ. Перечисляя современныхъ беллетристовъ-прозаиковъ, онъ ни словомъ не обмолвился о Гл. Ив. Успенскомъ, будто его никогда и на свѣтъ не было. Также незнакомы г. Бахману имена Гр. П. Данилевскаго, хотя имя это хорошо извѣстно всей читающей Европѣ по переводамъ на нѣмецкій и французскій языки, Вас. Ив. Немировича-Данченко, И. А. Салова, Г. А. Мачтета, г-жи Шапиръ и нѣк. др., занимающихъ не послѣднее мѣсто въ нашей теперешней литературѣ. Въ статьѣ г. Бахмана не обошлось и безъ курьезовъ, довольно заурадныхъ въ Германіи и Франціи, но совсѣмъ недопустимыхъ въ *Московскомъ Альманахѣ*, издаваемомъ въ Москвѣ. Такъ, авторъ называетъ Кольцова—Kolzow, а о г-жѣ Хвоцинской говоритъ, что она приобрѣла громкую извѣстность своими романами, подписанными псевдонимомъ „Всеволодъ Крестовскій“. Говора о поэтѣхъ, г. Бахманъ весьма распространяется о гг. Фофановѣ, Мережковскомъ, Минскомъ и другихъ, и умалчиваетъ о гг. Козловѣ и Апухтинѣ... Отъ души желая успѣха предпріятію г. Гроссмана, мы посовѣтуемъ издателю для втораго выпуска *Московскаго Альманаха* обратиться за статью о русской литературѣ къ кому-нибудь болѣе компетентному по этой части, чѣмъ г. Георгъ Бахманъ.

Записной календарь на 1889 г. Это изданіе фабрики конторскихъ книгъ Кирхнеръ (въ Петербургѣ) отличается большимъ удобствомъ: печатъ въ свѣтцахъ четкая и крупная, переплетъ книжки прочный, легко прикрѣпляемый къ стѣнѣ. Въ календарѣ дни обозначены по-русски и по-нѣмецки. На каждомъ отрывномъ листкѣ, кромѣ церковныхъ свѣдѣній, помѣщены и историческія.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНИЯ.

„Вѣстникъ Европы“, декабрь 1888 г.—„Сѣверный Вѣстникъ“, ноябрь—декабрь 1888 г.—
„Русскій Архивъ“, май—декабрь 1888 г.

Вѣстникъ Европы, декабрь 1888 г. Намъ уже приходилось указывать на тѣсную внутреннюю связь нашей современности съ явленіями и чувствами крѣпостной эпохи, которая рисуется Щедринымъ въ *Помещонской старинѣ*. Да и можетъ ли быть иначе? Если вліяніемъ прошлаго объясняются и освѣщаются многія явленія настоящаго на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ назадъ, то что же сказать о вліяніи времени, удаленнаго отъ насъ всего на 30—40 лѣтъ? Правда, дореформенная Россія, съ ея рабствомъ, беззаконіемъ и безгласіемъ, съ ея нѣмою-тоскою и беспросвѣтнымъ мракомъ, отошла навѣки въ область исторіи и никакія ухищренія современныхъ спиритовъ не вызовутъ снова ея стра-

шлищъ на арену обновленной жизни. Однако, внутренняя психологическая эволюція личности и общества совершается медленно и трудно, если, притомъ, она не располагаетъ всѣми вспомогательными къ тому средствами. Борьба стараго съ новымъ затягивается, прежнее зло принимаетъ новыя формы, а путь добра и просвѣтлѣнія, если и становится шире, то, все-таки, усѣивается многими безвинными жертвами и уснащается ненужными терниями. Нащупать это зло сквозъ свѣжую одежду, отдѣлать новыя ростки отъ старыхъ побѣговъ въ сокровенныхъ изгибахъ собственнаго сердца, наконецъ, прослѣдить и во мракѣ пропадаго слѣды добра и душевной красоты, чтобы почерпнуть въ нихъ бодрость въ трудной работѣ обновленія и не впасть въ апатію,—все это дается, главнымъ образомъ, пристальнымъ изученіемъ состоянія нашего общества и народа въ дореформенный періодъ. Но общественно-вѣдѣніе и историческое знаніе имѣютъ еще у насъ сравнительно чрезвычайно ограниченный кругъ распространенія, а общественная мысль—чрезвычайно мало формъ для своего выраженія. За то, и, можетъ быть, именно поэтому, наша художественная литература, въ лицѣ своихъ крупныхъ представителей, является преимущественною выразительницей этой мысли и играетъ огромную роль, какъ главное орудіе широкаго распространенія идей и гуманныхъ чувствъ. Восполняя собою указанный пробѣлъ въ общественномъ знаніи и въ способахъ самопознаванія, она имѣетъ у насъ большее просвѣтительное значеніе, нежели въ какой-нибудь другой изъ современныхъ цивилизованныхъ странъ. Не одно только эпикурейское созерцаніе красоты, но одно развлеченіе или отдохъ отъ дѣловой суеты и житейскихъ мелочей даетъ русская литература своей обширной и разнообразной аудиторіи; она исполняетъ въ нашемъ отечествѣ болѣе сложную и благородную миссію. Въ главномъ своемъ теченіи, стадіи котораго отмѣчены незабвенными именами, она является художественнымъ продуктомъ мучительной, тяжелой работы мысли, упорно стремящейся къ созиданію лучшихъ человѣческихъ отношеній. Такъ называемая убѣжденная русская литература приготовляла и приготовляетъ обществу къ воспринятію новыхъ идеаловъ, воспитываетъ въ немъ болѣе широкія стремленія и въ исторіи нашего умственнаго и нравственнаго развитія является не только вѣрнымъ отраженіемъ состоянія общества и личности въ данный моментъ, но и путеводнымъ маякомъ для нихъ. Достаточно вспомнить хотя бы роль убѣжденной литературы въ эпоху, непосредственно предшествовавшую реформаціонному періоду, достаточно перечислить рядъ всѣхъ извѣстныхъ именъ, работавшихъ и работающихъ на пользу нашего самопознаванія, чтобы убѣдиться, что идейныя задачи нашей творческой литературы сослужили намъ огромную службу, которую при нашихъ условіяхъ умственной и общественной жизни не могло принять на себя въ столь широкомъ размѣрѣ никакое иное просвѣтительное орудіе. Поэтому-то у насъ приобрѣтаютъ особенное значеніе и тѣ художественныя сказанія о прошлыхъ временахъ, которыя своими образами и типами глубоко залегаютъ въ умъ и сердце. Проліявъ много свѣта на современныя отношенія и чувства, они являются высоко поучительными для всего большинства интеллигентнаго слоя націи. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ такихъ художественныхъ бытописаній принадлежитъ *Пошехонской старинѣ* Щедрина. Поучаться, чтобы дѣйствовать, стыдиться и негодовать, чтобы воспитывать въ себѣ лучшія чувства, наконецъ, жалѣть и восхищаться, чтобы почерпывать любовь и вѣру въ людей—таковы общій смыслъ и значеніе этого замѣ-

чательнаго произведенія. И если бы, по глубинѣ содержанія и по красотѣ формы, *Пошехонская старина* представляла единственное выдавшееся явленіе нашей текущей творческой литературы, то и тогда могло бы быть рѣчи объ увяданія послѣдней, какъ о томъ необдуманно кричатъ на многихъ литературныхъ перекресткахъ. Тотъ общественный порокъ, тотъ нравственный мракъ, который составляетъ основную тему этого художественнаго сказанія, пустилъ слишкомъ глубокіе корни и развивался слишкомъ на просторѣ, ничѣмъ не сдерживаемый, чтобы не оставить слѣдовъ своего вліянія на современномъ обществѣ и на взаимныхъ отношеніяхъ народа и культурнаго класса. Вотъ почему не одною художественною силой таланта, которую во всей свѣжести явилъ Щедринъ въ этомъ произведеніи, привлекаетъ къ себѣ вниманіе *Пошехонская старина*. Являясь продуктомъ личнаго знакомства художника съ эпохой крѣпостнаго права, она приобретаетъ значеніе достовѣрной исторической картины, въ которой на каждомъ шагу чувствуется свойственное автору синтетическое пониманіе какъ всей системы въ ея цѣломъ, такъ и вліянія ея на личность, на семью и на народъ.

О первыхъ изъ этихъ вліяній намъ приходилось говорить при обзорѣ прежнихъ очерковъ Щедрина. Что же касается народа, то ему цѣликомъ посвящены двѣ послѣднія главы *Пошехонской старины*, въ которыхъ рисуются типы, выхваченные изъ крѣпостной массы. Изученіе народа, вниманіе къ его психологіи началось у насъ сравнительно недавно, и, несмотря на довольно разросшуюся въ послѣднее время народническую литературу, фактовъ этой психологіи накопилось еще не особенно много. Притомъ, позднѣйшіе писатели, особенно интересующіеся взглядами и отношеніями народной среды, познакомились съ нею уже въ пореферменное время, послѣ измѣненія многихъ условій его быта, а на послѣдній они, главнымъ образомъ, и обратили свое вниманіе. Поэтому въ современной литературѣ о мужикѣ встрѣчается немного данныхъ о разнообразныхъ источникахъ тѣхъ возрѣвній, въ которыхъ уже застали его новѣйшіе наблюдатели. О страданіяхъ народа подъ игомъ неустаннаго физическаго труда и зависимости много говорили и прежніе писатели—Некрасовъ, Григоровичъ, Тургеневъ и др.; о власти надъ нимъ земли, о вліяніи экономическихъ условій его жизни на его этику и психологію—писатели позднѣйшіе, съ Гл. Успенскимъ во главѣ. Но тотъ внутренней обликъ, что складывался въ народныхъ типахъ подъ вліяніемъ долгой крѣпостной зависимости, тѣ разнообразные душевные черты и взгляды, какіе приобретались народомъ подъ властью личнаго безправія, забитости и страха,—эта сторона народной психики выясняется намъ образами и типами *Пошехонской старины* впервые въ столь цѣльной и художественной формѣ.

Въ первомъ изъ очерковъ Щедрина, посвященныхъ народу, мы видѣли типы „убѣжденныхъ и строптивыхъ рабовъ“, которые создавали себѣ своеобразные идеалы и неуклонно слѣдовали имъ. Нѣкоторые изъ нихъ свидѣтельствуютъ, что въ народѣ, несмотря на самыя тяжкія, неблагоприятныя условія, все-таки, существовали личности, въ которыхъ не угасало чутье внутренней правды и проявлялась высокая нравственная сила въ отстаиваніи своихъ убѣжденій. Въ послѣднемъ, декабрьскомъ, очеркѣ *Пошехонской старины* родственнымъ имъ типомъ является Сатирь-скиталецъ; въ этомъ рабѣ духовная жизнь народа, сдвленная со всѣхъ сторонъ крѣпостными тысячами, вылилась цѣликомъ въ ту форму, въ какую только могла вылиться при существовавшихъ условіяхъ. Потребность народа въ духовныхъ интересахъ достигла въ Сатирѣ

того апогея страстности и самоотреченія, на какой способна цѣльная натура простаго человѣка. Все существо Сатира было устремлено въ высь, къ Богу. „Мысли его, казалось, витали вездѣ, но только не около работы, которую ему поручали. Глубокая задумчивость охватывала все его существо, сердце рвалось и тосковало, хотя онъ и самъ не могъ опредѣленно объяснить, куда и о чемъ. Набоженъ былъ чрезвычайно, и когда въ домѣ случались всенощныя, то замѣтно одушевлялся. Не отрывая глазъ отъ образовъ, вздыхалъ и вообще выказывалъ признаки идеальной страстности, совершенно несвойственной той средѣ, которая его произвела. Въ дворнѣ его считали блаженнымъ“. Все земное какъ бы не существовало для Сатира и стремленія его сосредоточивались только на томъ, „кабы Богу послужить“. Единственное, что могъ онъ съ этою цѣлью сдѣлать въ своемъ положеніи, это — собирать деньги на нужды храма своего села; лишь въ подобной формѣ служеніе Богу не встрѣчало сильныхъ препятствій со стороны помѣщицы Затрапезной, стремившейся не приплачивать собственныхъ денегъ на подновленіе и благолѣпіе церкви. И вотъ, больной и слабый Сатиръ-скиталецъ ходитъ по всему лицу земли Русской, не зная ни отдыха, ни покоя, и нося въ себѣ скорбную думу о великомъ грѣхѣ, тяготящемъ на всемъ крестьянствѣ, за то будто бы, что дѣды и прадѣды мужиковъ добровольно продали помѣщикамъ свою волю. Какъ видимъ, мистическіе порывы, столь свойственные русскому народу, приняли въ этомъ типѣ, — опять-таки подъ влияніемъ крѣпостнаго права, — особенную окраску. Отвращеніе отъ земнаго беззаконія смутно связывалось въ представленіи Сатира съ понятіемъ о грѣхѣ рабства, какъ о главной причинѣ мірскаго зла; эта мысль мучила его до такой степени, что идеаломъ Сатира стало погупленіе передъ смертью въ монахи: это, по его убѣжденію, сняло бы съ него передъ Богомъ грѣшный рабскій образъ.

Рядомъ съ Сатиромъ рисуется совершенно противоположный ему типъ — кажется, одинъ изъ самыхъ распространенныхъ въ земледѣльческомъ классѣ. Это — староста Фодоть. Какъ Сатиръ — рабъ духа, такъ Фодоть — рабъ земли, физическаго труда, однихъ хозяйственныхъ интересовъ. Умный практикъ, онъ проникъ въ самую суть сельско-хозяйственнаго дѣла, какъ господскаго, такъ и крестьянскаго, и умѣетъ, когда нужно, постоять за интересы послѣдняго, ибо отлично понимаетъ, въ чемъ заключаются выгоды рациональнаго рабовладѣльческаго хозяйства. Благодаря этому и вслѣдствіе своей идеальной честности, Фодоть дѣлается правою рукою помѣщицы, ея любимцемъ и министромъ по управленію имѣніемъ; но, въ то же время, онъ не перестаетъ пользоваться уваженіемъ и симпатіей со стороны крестьянъ. Прототипъ „хозяйственнаго мужичка“, Фодоть всю жизнь владетъ на любимое, хотя и чужое дѣло; онъ отдаетъ сельско-хозяйственнымъ интересамъ всѣ свои помыслы и умираетъ со словомъ „молотьба“ на устахъ. Какъ крѣпостной человѣкъ, Фодоть вѣрой и правдой послужилъ своей хозяйственной мисси и своими талантами приумножилъ благосостояніе помѣщичьяго гнѣзда. Но никогда никакая мысль не залетала въ его практическую голову, никогда болѣе высокое духовное стремленіе не коснулось его души, которую со всѣхъ сторонъ, какъ непроницаемую стѣной, облегли заботы о матеріальныхъ, господскихъ интересахъ. Третій типъ — лакей Кононъ, или, по-просту, „олухъ“, стоитъ уже на гораздо болѣе низкой ступени народныхъ типовъ крѣпостной эпохи. Последняя вытравила въ немъ всякую способность мыслить и ощущать и обратила въ движущуюся, молчаливую машину, правильно, изо-дня въ день отправляющую свои лакейскія обязан-

ности. Это—вполнѣ одереветѣлая, рабская душа, которая своею загдочною безжизненностью наводитъ страхъ даже на привычную ко всему помѣщицу Затрапезную. Далѣе, въ послѣднемъ очеркѣ рисуется еще болѣе жалкое существо—портной Сережка. Онъ представляетъ, къ сожалѣнію, вполнѣ современный намъ типъ. Это тотъ несчастный ребенокъ, который отдается въ городъ на выучку мастерству и растетъ безъ всякаго призора, въ атмосферѣ нравственнаго развращенія, физическихъ лишений и жестокихъ побоевъ. „Едва успѣвши встать на ноги, онъ уже погибалъ“,— говоритъ авторъ, съ поразительною реальностью, шагъ за шагомъ прослѣживающій судьбу Сережки, „крестнаго сына“ помѣщицы. Слабохарактерный и воспримчивый, Сережка быстро скатывается внизъ къ подонкамъ столичнаго люда, дѣлается пьяницей и воромъ и кончаетъ, по обыкновенію того времени, насильственной солдатчиной.

Не мало развращающихъ элементовъ въ народѣ вскормлено и старинною атмосферой дѣвичьей и лакейской, вслѣдствіе „системы прекращенія рода человѣческаго“ среди дворни, т. е. запрещенія браковъ между дворовыми. По хозяйственнымъ взглядамъ того времени, такіе браки считались невыгодными для господскихъ интересовъ. Человѣческой сердечной привязанности въ подобныхъ условіяхъ развиваться было невозможно и поэтому „дворня представляла собою сборище подъяремныхъ звѣрей, которые и вождѣли какъ звѣри. Вождѣли урывками, озираясь по сторонамъ, не дозволяя себѣ лишней ласки и разбѣгаясь, какъ только животный инстинктъ былъ удовлетворенъ“. Вся тяжесть такого положенія падала на „дѣвокъ“. Ихъ ждала страшная кара за „грѣхъ“ материнства какъ со стороны господъ, такъ особенно со стороны семьи жениха изъ какой-нибудь дальней деревни, которому по барскому приказу навязывалась въ жены опозоренная дѣвушка. „Безсчастная Матренка“, описанная у Щедрина, охвачена ужасомъ передъ перспективой медленнаго сжиганія со свѣту въ чужой деревнѣ. Поэтому она предпочитаетъ заблаговременно покончить съ собой, до свадьбы съ ненавидимымъ ее женихомъ, почти ребенкомъ, который столь же неповиненъ въ своей ненависти, какъ она въ своемъ грѣхѣ. Дворовые мужчины, не неся никакой отвѣтственности, могли давать волю животному инстинкту и сколько угодно глумиться надъ своими жертвами. Это дѣлало большинство изъ нихъ бессознательно развращенными и жестокими въ ихъ романическихъ похожденияхъ. Вся цинизмъ „звѣрскихъ“ романовъ дѣвичьей и лакейской, вся процедура барскаго самосуда надъ „дѣвками“ происходила на глазахъ господскихъ дѣтей и должна была незамѣтно накладывать на нихъ печать раннаго развращенія и жестокости.

Вообще, взглядываясь пристально, благодаря очеркамъ Щедрина, во всѣ сферы человѣческихъ отношеній, на которыя крѣпостное право распространяло свое вліяніе, нельзя не ужаснуться именно той бессознательной порочности, какую оно воспитывало какъ въ рабахъ, такъ и въ господахъ. Какіе сильные нравственные реактивы, стало быть, необходимы для того, чтобы вытравить въ людяхъ слѣды *бессознательной* жестокости, *бессознательнаго* развращенія. Какія общія, дружныя усилія должны быть направлены на то, чтобы расправить складки, образовавшіяся въ душѣ человѣка отъ долгаго вліянія на него однихъ и тѣхъ же дурныхъ условій. Вотъ почему художественное воспроизведеніе Щедринымъ нашего печальнаго прошлаго заставляетъ крѣпко задумываться и серьезно всматриваться въ окружающее. Сколько нужно, слѣдовательно, легкомыслія и поверхностнаго отношенія къ предъстуту,

Чтобы не видѣть въ такомъ произведеніи, какъ *Пошехонская старина*, ничего иного, кромѣ преувеличенной сатиры и празднаго негодованія, какъ это утверждается въ нѣкоторыхъ органахъ печати, мнящихъ себя серьезными руководителями русской общественной мысли и друзьями народа. Такъ, въ № 48 *Недѣли* въ „Критическихъ замѣтках“ г. Р. Д. раздражается по поводу *Пошехонской старины* слѣдующею тирадой: „Вотъ уже цѣлый годъ Щедринъ пишетъ свою *Пошехонскую старину*. Развернувъ передъ нами жизнь помѣщиковъ этой старины, нарисовавъ цѣлый рядъ портретовъ господъ, носителей крѣпостнаго права, авторъ обратился къ крѣпостной массѣ, задался цѣлью создать портретную галерею „рабовъ“. Тонъ изображенія и тамъ, и здѣсь рѣзко сатирический: крѣпостное право прибавляется къ позорному столбу и посредствомъ обличенія грубости, невѣжества и безчеловѣчности помѣщиковъ, и посредствомъ изображенія напрасныхъ страданій его жертвъ, рабовъ. Это обличительное намѣреніе, этотъ сатирический тонъ составляютъ, по нашему, важнѣйшія недостатки въ замыслѣ *Пошехонской старины*. Сатира есть орудіе борьбы; бороться же можно только съ живыми противниками. Борьба съ мертвецами—напрасный и неблагодарный трудъ. Авторъ возбуждаетъ въ насъ презрѣніе и отвращеніе, зажигаетъ негодованіе, поднимаетъ чувство протеста... Но противъ чего? Что мы теперь будемъ дѣлать съ нашимъ негодованіемъ и протестомъ? Это праздно негодованіе и безпредметный протестъ—лучшее возраженіе противъ ретроспективной сатиры“.

И это все, что критикъ считаетъ нужнымъ сказать по существу объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нашей литературы. „Сатира“! Не содержаніемъ *Пошехонской старины*, не внутреннимъ ея смысломъ опредѣляется здѣсь значеніе этого произведенія, а внѣшнею ключкой, терминомъ. Да если такъ необходимо руководствоваться опредѣленіями учебника теоріи словесности съ цѣлью основывать на нихъ свой приговоръ произведенію, то слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, указать на преувеличеніе въ тонѣ и языкѣ и въ интересахъ серьезной критики отдѣлить все внѣшнее, связанное съ сатирическою формою, отъ внутренней правды и смысла, которыми запечатлѣны сатиры Щедрина. Но дѣло въ томъ, что въ *Пошехонской старинѣ* нѣтъ ни гиперболы, ни иносказательной манеры, ни даже рѣзкаго сатирическаго языка, столь свойственныхъ таланту Щедрина. Если бы не душевная боль, которая чувствуется въ каждой строкѣ этого произведенія подъ наружнымъ спокойствіемъ разсказа, то *Пошехонскую старину* можно было бы причислить къ ряду значескихъ, но никакъ не сатирическихъ произведеній. Впрочемъ, *Недѣля* видитъ въ ней сатиру, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что „крѣпостное право прибавляется Щедринымъ къ позорному столбу“, и это обстоятельство ея критику не нравится. У всякаго свой вкусъ, но изъ этого опять таки не слѣдуетъ, что *Пошехонская старина*—ретроспективная сатира. Ставить вещи на ихъ надлежащее мѣсто, отведенное имъ историческимъ и этическимъ прогрессомъ, выяснять внутренней смыслъ явленій путемъ художественнаго изображенія людей и дѣланій, не погрѣшая при этомъ ни противъ исторической правды, ни противъ собственныхъ наблюденій и глубокаго внутреннего убѣжденія мыслителя-художника, — это не значить впадать въ сатирический тонъ и руководствоваться цѣлями предвзятаго обличенія. Что Щедринъ, изображая старопомѣщичій классъ и страданія рабовъ, не преувеличиваетъ позора крѣпостной системы, это доказывается массой свидѣтельствъ. Въ обзорѣваемой нами книгѣ В. Е., въ

интересной статьѣ г. Арсеньева *Дореформенная Россія*, приводится нѣсколько новыхъ показаній такого рода изъ писемъ очевидца старыѣ порядковъ — И. С. Аксакова, котораго никакъ нельзя заподозрить въ сатирически-предвзятомъ отношеніи къ старой Россіи. И. С. Аксаковъ по служебнымъ обязанностямъ много разъѣзжалъ по разнымъ губерніямъ Россіи въ концѣ 40-хъ г. и лицомъ къ лицу сталкивался съ царившимъ тогда беззаконіемъ и позорными проявленіями рабовладѣльческой системы. „Здѣсь дѣлаются неслыханныя злоупотребленія, — пишетъ онъ изъ Бессарабіи въ 1848 г., — какіе, однако же, скоти эти помѣщики, да и не только въ Бессарабіи, и у насъ въ Россіи“. „Ярославская командировка, — читаемъ далѣе въ статьѣ г. Арсеньева, — еще больше разжигаетъ отвращеніе Аксакова къ крѣпостному праву. Ярославскіе помѣщики оказываются такими же „скотами“, какъ и бессарабскіе; онъ упоминаетъ о возмутительныхъ продѣлахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримеръ, графа М., который беретъ съ богатыхъ крестьянъ страшныя деньги за откупъ отъ рекрутства и ставитъ бѣдняковъ“. Очевидно, здѣсь мало было мѣста идиллическимъ фактамъ изъ крѣпостной практики, изображеніе каковыхъ въ *Пошехонской старинѣ* снало бы съ послѣдней, по гимназической теоріи критика *Недѣлы*, наименованіе сатиры, столь компрометирующее въ его глазахъ все произведеніе. „Праздное негодованіе, борьба съ мертвецами“, — говоритъ г. Р. Д.; это празднаго слова безъ серьезнаго смысла и серьезнаго цѣля, но нѣтъ празднаго негодованія: оно всегда животворно, если честно и искренно. А живыхъ „мертвецовъ“ и „мертвыхъ“ чувствъ въ нашей современности еще пока очень достаточно. Какъ будто у насъ „съ прошлымъ поконченъ расчетъ“ и не встрѣчается на каждомъ шагу слѣдовъ безсознательной ненужной жестокости и безсознательнаго пренебреженія къ меньшому брату, воспитанныхъ атмосферой крѣпостнаго права? Намъ кажется, напримеръ, что въ этомъ отношеніи между *Пошехонскою стариной* Щедрина и недавними *Письмами* Гл. И. Успенскаго о сибирскихъ переселенцахъ есть тѣсная внутренняя связь.

Навонецъ, если бы къ знакомству съ такими произведеніями, какъ *Пошехонская старина*, приступали съ серьезнымъ стремленіемъ искать истину, а не съ развязностью поверхностнаго критиканства, тогда, быть можетъ, съ меньшимъ апломбомъ и категоричностью высказывались въ томъ же органѣ такія положенія, будто „наша отрѣшенность отъ мускульнаго труда — одна изъ главныхъ причинъ, образующихъ пустоту между интеллигенціей и народомъ“, и что ихъ не сводитъ „никакое общее дѣло“ и не существуетъ „общихъ точекъ соприкосновенія“, пока интеллигенція не станетъ заниматься „мускульнымъ“ трудомъ въ деревнѣ (*Недѣля*, № 49, стр. 1572). Глубокая рознь между культурными классами воспитывалась вѣками и покоилась на крѣпостномъ правѣ. Въ дореформенной Россіи народъ зналъ только помѣщика и администратора. Какую бездонную пропасть между собою и народомъ вырыли первые, это мы ясно видимъ изъ *Пошехонской старины*. Какими являлись для него въ то время непосредственныя его администраторы, тоже хорошо извѣстно и лишнюю иллюстрацію этого можно найти хотя бы въ той же декабрьской книгѣ *Вѣст. Евр.*, въ воспоминаніяхъ Кота-Мурлыки, озаглавленныхъ: *Дубовая кора*. Здѣсь, между прочимъ, описывается дореформенный становой, который живьемъ сжигалъ раскольниковъ. И вотъ съ этой блаженной поры прошло всего 25—30 лѣтъ. Мы знаемъ, что и нынѣ, какъ встарину, наша патріархальная деревня живетъ умомъ и завѣтами старѣйшихъ, а не среднихъ и не молодыхъ

школамъ. Слѣдовательно, и нынѣ она управляется и находится подъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ своихъ стариковъ, т. е. того поколѣнія, которое не только родилось, но и воспиталось подъ мрачною сѣнью крѣпостнаго права. Это тѣ Аннушки, которыя были убѣждены, что для черняди приуготованъ рай на небеси, а для господъ — горячія сковороды въ аду. Это тѣ обезличенные Кононы, которые твердо знаютъ одно: что господа могутъ дѣлать, что имъ угодно, и, ради каприза, пожалуй, и землю пахать, а имъ, Кононамъ, суждено вѣчно ножи чистить, печки топить или стадо пасты. Это тѣ идеалисты Сатиры, которые совершенно отворачиваются отъ жизни, не видя въ ней ничего, кромѣ зла, и которые убѣждены, что „послужить Богу“ на землѣ можно только отрѣшившись отъ всего земнаго. Это, затѣмъ, дѣти тѣхъ несчастныхъ Матренокъ, которыми нынѣ кипятъ наши фабрики, — дѣти, брошенныя безъ защиты и призора въ городскія мастерскія, съ раннихъ лѣтъ испорченныя и разгульныя, и для нравственнаго спасенія которыхъ мы пока ничего не придумали, кромѣ исправительной тюрьмы. Наконецъ, это тѣ многочисленные „хозяйственные мужички“, практичныя Ѳедоты, которые, освободившись отъ обязательныхъ заботъ о барской выгодѣ, всѣ свои помыслы устремили на собственную хозяйственную борьбу за существованіе. Въ ихъ одностороннемъ мозгу твердо залегла мысль, что собственноручныя занятія землей, расчищенной и вспаханной ихъ дѣдами, составляютъ не барское дѣло и развивающееся мало-земелье заставляетъ ихъ ревниво смотрѣть на каждый клочокъ земли и лѣса, уходящій изъ-подъ ихъ трудовыхъ рукъ. Словомъ, сколько глубокихъ, психологическихъ причинъ „отчужденности“ отъ насъ народа, и неужели ее можно залѣпить однимъ пластиремъ „мускульнаго труда“ интеллигенціи въ деревнѣ? Много подозрительности и затаеннаго недовѣрія должно было сохраниться въ душѣ Ѳедотовъ и Матренокъ по отношенію къ тѣмъ, кто такъ долго эксплуатировалъ ихъ на почвѣ хозяйственныхъ отношеній, исключительно съ точки зрѣнія хозяйственной выгоды, тѣмъ болѣе, что дѣло это съ успѣхомъ продолжаютъ многочисленные современные Затрапезные. А, между тѣмъ, для цѣли сліянія интеллигенціи съ народомъ первой рекомендуется исключительно тотъ трудъ въ деревнѣ, который зиждется на заподозрѣнныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, неизбѣжно сопровождается хозяйственными столкновеніями и часто ведетъ къ антагонизму интересовъ. Одинаковый трудъ не всегда „общій“ трудъ, „общее дѣло“, и не въ одинаковомъ трудѣ лежитъ залогъ союза интеллигенціи съ народомъ, а въ трудѣ взаимномъ. Интеллигенція впервые явилась къ народу послѣ реформы, какъ представительница умственного труда на пользу общую. Народъ нуждался въ помощи этого труда и съ довѣріемъ отнесся къ первымъ его пионерамъ — учителю и врачу. И здѣсь - то, въ сельской школѣ и больницѣ, начались первые робкіе шаги по пути взаимнаго пониманія и уваженія, чуждые подозрительности къ замисламъ „барина“. Здѣсь явились первыя „общія точки соприкосновенія“, которыя умножаются и должны умножиться именно при дѣятельномъ умственномъ трудѣ на пользу народа, если только интеллигенція не сосредоточитъ всѣ свои помыслы на конкуренціи съ народомъ въ области „мускульнаго“ труда.

Вообще въ „деревенскихъ“ рецептахъ *Недѣли* психологія народныхъ массъ обыкновенно не принимается въ расчетъ, и мы видѣли, что очерки Щедрина, въ которыхъ такъ много поучительнаго для ознакомленія съ этою психологіей, обзываются въ народничующей газетѣ, какъ „напрасный и неблагодарный трудъ“. Весь разговоръ идетъ собственно

о психологичн одной интеллигенци—о гигиенѣ души и тѣла, о свободѣ и независимости интеллигентнаго человѣка, если онъ броситъ умственный трудъ и будетъ заниматься въ деревнѣ „мускульнымъ“. Все это прекрасно, если вѣрно. Но тогда при чемъ же тутъ вопросъ о розни и сляннн интеллигенци съ народомъ, о точкахъ сопривосновенн и проч.?

Сѣверный Вѣстникъ, ноябрь—декабрь 1888 г. Въ послѣднее время въ литературѣ опять поднятъ старый споръ о значенн „тенденци“ въ беллетристикѣ и поэзи или объ идейномъ и объективномъ творествѣ. Съ одной стороны, какъ мы сейчасъ видѣли, раздаются голоса, въ интересахъ объективнаго искусства прямо нападающн на передовую, идейную литературу въ лицѣ одного изъ самыхъ выдающихся ея представителей. Съ другой—являются попытки приподнять значенн „эстетики“ на одинъ уровень со значеннмъ идейныхъ задачъ творчества и примирить якобы существующнй между ними внутренннй антагонизмъ. Мы не ставемъ теперь подробно останавливаться на причинахъ реакци въ пользу эстетики. Какъ продуктъ настроенн нѣкоторой части общества въ переживаемый нами моментъ, это побочное теченн, намъ кажется, не пробьетъ себѣ широкаго русла и не въ состоянн оспаривать первенство у главнаго теченн русской литературы, у произведеннй идейныхъ или „дѣльных“, какъ говорилъ Бѣлинскнй. Но хотя у насъ „слушенн чистой красоты“ и сладкимъ звукамъ“ не можетъ привлечь къ своему жертвеннику много крупныхъ талантовъ, тѣмъ не менѣе, въ проповѣди нѣкоторыхъ теоретиковъ этого направленн и въ самомъ разнообразнн ихъ голосахъ заключается немало любопытнаго. Къ попыткамъ приподнять значенн эстетической стороны художественныхъ произведеннй и дать „сладкимъ звукамъ“ равныя права съ „тенденцией“ принадлежитъ статья г. Мережковскаго *Старый вопросъ по поводу новаго таланта*. Надо замѣтить, что авторъ не принадлежитъ къ числу современныхъ литературныхъ Пигасовыхъ, у которыхъ осталось лишь одно убѣжденн—не имѣть никакихъ убѣжденнй, и которые подъ видомъ объективнаго творчества выказываютъ полный индифферентизмъ къ общественнымъ вопросамъ и идеаламъ своего времени. Напротивъ, г. Мережковскнй признаетъ такъ называемую „тенденцию“ въ числѣ законныхъ и богатыхъ источниковъ поэтического вдохновенн и не находитъ достаточно энергическихъ словъ, чтобы снять съ себя подозрѣнн въ принадлежности къ школѣ, прикрывающей свою идеобязнь плащомъ „эстетики“ и „чистой красоты“. Тѣмъ не менѣе, авторъ до того увлекается значеннмъ послѣдней и съ такою горячностью выступаетъ на защиту красивой формы и элемента „безсознательнаго“ въ творествѣ, что его критическнй этюдъ получаетъ одностороннее освѣщенн, а положенн его являются произвольными. Прежде всего, даже въ русской литературѣ, которая, какъ мы говорили раньше, вслѣдствнй особенныхъ условнй развитн нашей духовной жизни, являлась по преимуществу носительницей просвѣтительныхъ идей,—даже и у насъ, за исключеннмъ двухъ, трехъ особенныхъ случаевъ, никакое „тенденциозное“ произведенн не останавливало на себѣ долго вниманн читателей и критики, разъ оно являлось лишеннымъ всякой художественной красоты, всякаго эстетическаго значенн. Дѣло въ томъ только, что красота формы и развитн эстетическаго вкуса не составляли самодовлѣющей цѣли для нашихъ первоклассныхъ художниковъ и играли подчиненную роль въ ихъ дѣятельности. Въ старомъ спорѣ о задачахъ искусства рѣчь шла не объ уничтоженн эстетики и красоты, а объ идейномъ и безъидейномъ искусствѣ и о томъ даже, которое изъ нихъ выше. Слѣдовательно, ло-

мать копья за сохраненіе правъ „красоты“ въ русской художественной литературѣ со стороны критика, признающаго значеніе идеи въ творчествѣ, значитъ ломиться въ отворенную дверь, если только онъ не претендуетъ обособить „эстетику“ и „сладость звуковъ“ въ нѣчто самодовлѣющее, требующее къ себѣ особаго вниманія и восхищенія, независимо отъ бѣдности и ничтожности содержанія произведеній. Стремленіе приподнять у насъ значеніе „эстетики“ именно въ послѣднемъ смыслѣ приводитъ г. Мережковскаго къ весьма страннымъ доводамъ и сравненіямъ. Чтобы завоевать эстетику равноправность съ идеей, онъ вноситъ въ искусство торгово-промышленныя понятія о накопленіи и распределеніи и проводитъ рѣзкую черту между художественными произведеніями, исключительно накапливающими красоту какъ „основной капиталъ человѣческаго счастья“, и между тѣми, которыя служатъ для распределенія этого капитала въ массахъ и своею тенденціозностью „стремятся къ достиженію общественной пользы“. Онъ сравниваетъ чистое искусство съ чистой наукой, а тенденціозное—съ прикладной, съ техническими изобрѣтеніями. Намъ кажется, въ данномъ случаѣ сопарагаіson n'est pas raison. Чистая наука открываетъ и объясняетъ законы явленій; науки прикладныя изыскиваютъ формы для приложенія этихъ законовъ на благо и пользу человѣчества. Искусство же само по себѣ является всецѣло прикладною дѣятельностью человѣка. Продуктъ его творческой способности, оно воплощаетъ въ образахъ чувства и представленія людей, находящихся въ данныхъ условіяхъ мѣста, времени. Нѣтъ науки китайской, французской, народной, свѣтской и т. п. Искусство же бываетъ китайское, бушменское, греческое, музыка бываетъ народная, итальянская и т. д., такъ какъ произведенія искусства являются конкретными выразителями тѣхъ или иныхъ чувствъ, представленій, идей, стремленій, которыя обуреваютъ человѣческія массы или группы въ извѣстную историческую эпоху, на извѣстной стадіи интеллектуальнаго развитія. Слѣдовательно, главный вопросъ въ оцѣнкѣ произведеній заключается въ томъ, насколько полно, многосторонне и правдиво воплощаетъ въ себѣ данное искусство или данное произведеніе чувства и мысли эпохи и поколѣнія, или, говоря иначе, насколько это орудіе духовной дѣятельности человѣка по своему содержанію и объему находится въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ и объемомъ духовныхъ интересовъ народа вообще и главной представительницы этихъ интересовъ—его интеллигенціи, въ частности. Отъ этого соотвѣтствія и зависитъ значеніе и жизненность произведеній искусства. Возьмемъ хоть одинъ яркій примѣръ, который приводится самимъ г. Мережковскимъ въ доказательство жизненности якобы одной самодовлѣющей эстетики—*Иліаду* Гомера. Въ ней, по его словамъ, „нѣтъ и слѣда какой-нибудь тенденціи“. Нашей, современной тенденціи, конечно, въ *Иліадѣ* нѣтъ и слѣда, но для гомеровскаго періода цивилизаціи *Иліада* являлась тенденціознѣйшимъ произведеніемъ своего времени какъ въ узкомъ, такъ и въ широкомъ значеніи этого слова. Въ ней, во-первыхъ, ясно обозначались симпатіи автора или авторовъ этой эпохи къ ахейцамъ предпочтительно передъ троянами; во-вторыхъ, *Иліада* представляетъ собою полную картину міровоззрѣній, стремленій и идеаловъ эллинской эпохи. Эта поэтическая энциклопедія представляла собою не только „накопленіе“ эстетическаго капитала, но была въ теченіе многихъ вѣковъ могучею „распределительницей“ эллинскаго духа, воззрѣній и общественныхъ формъ жизни на всѣ цивилизованныя страны древности и даже вліяла въ этомъ отношеніи на новыя государства. Гармонія е-

сивой формы и богатѣйшаго содержанія, многосторонности котораго съ эпохи возрожденія завидовали всѣ литературы Запада, доставили поэмѣ Гомера безсмертіе и сохранили нивъ до сихъ поръ вниманіе каждаго образованнаго человѣка, тогда какъ Анакреонъ, Гораций, Пиндаръ и др. чистые эстетичеки остались удѣломъ лишь вольныхъ и невольныхъ поклонниковъ классицизма.

Раздѣлять и оцѣнивать художественныя произведенія съ точки зрѣнія накопленія и распредѣленія невозможно уже потому, что величайшія идейныя произведенія нашей и западно-европейской литературы являются, въ то же время, и величайшими образцами красоты и изящнаго вкуса. Если бы по теоріи г. Мережковскаго съ цѣлью нагляднаго ея уясненія выдѣлять, наприм., изъ русской литературы всѣ „распредѣляющія“ произведенія, т.-е. большинство лучшихъ созданій Гоголя, Тургенева, Некрасова, Салтыкова и нѣкоторыхъ другихъ, то много ли осталось бы въ ней и того „фонда красоты и эстетическихъ наслажденій“, на защиту котораго онъ придумалъ свою теорію? Съ другой стороны, врядъ ли хоть на іоту уменьшилось бы наше пониманіе красиваго и изящнаго, врядъ ли менѣе умѣли бы мы наслаждаться богатствомъ формъ нашего прекраснаго языка, если бы волею судьбы русская литература была лишена талантовъ Тютчева, Мея, Фета и т. п., исключительно „накопляющихъ“ писателей.

Вообще критическій очеркъ г. Мережковскаго порождаетъ не мало недоумѣній. Онъ написанъ „по поводу новаго таланта“, г. Чехова. Но по своему тону, по нѣкоторымъ вылазкамъ противъ критики и по странной теоріи „накопленія и распредѣленія“, придуманной специально для характеристики г. Чехова, какъ „накопляющаго“ писателя, критическій очеркъ г. Мережковскаго производитъ впечатлѣніе защитительной рѣчи. Противъ чего же защищаетъ авторъ „новый талантъ“? И критика, и читатели признали, что г. Чеховъ обладаетъ недюжиннымъ художественнымъ дарованіемъ и споры объ этомъ фактѣ, кажется, нигдѣ не возникало. Но по тому, что молодой писатель далъ до сихъ поръ русской литературѣ, намъ думается, еще слишкомъ рано дѣлать имя г. Чехова лозунгомъ борьбы литературныхъ партій и увлекаться ролью, которую его произведенія играютъ въ современной литературѣ. Самъ г. Мережковскій говоритъ, что „чувство, оставляемое ими, довольно неопредѣленно“, и что г. Чеховъ принадлежитъ къ беллетристамъ новаго типа, которые пользуются граціозною формой маленькихъ „новеллъ“, чтобы передавать „микроскопическія детали, мимолетные оттѣнки чувства, которые,—увѣряетъ г. Мережковскій,—такъ дороги современному искусству“. Какъ же беззавѣтно восхищаться произведеніями, оставляющими неопредѣленное впечатлѣніе? какъ же долго останавливаться передъ рассказами, хотя они не просто рассказы, а почему-то „новеллы“, если въ послѣднихъ рисуются только „мимолетные“ оттѣнки чувства, „микроскопическія“ детали? А, между тѣмъ, г. Мережковскій упрекаетъ критику за „сдержанность“ по отношенію къ г. Чехову, за недостаточность похвалъ и внимательности къ нему съ ея стороны. Онъ объясняетъ это тѣмъ обстоятельствомъ, что рассказы г. Чехова не даютъ критикамъ „повода хоть о чемъ-нибудь поговорить и поспорить“. Если это такъ, если произвенія г. Чехова, дѣйствительно, способны вызывать только молчаливое эстетическое созерцаніе, а не взволнованную рѣчь члвчѣскую, не живой обмѣнъ мыслей,—тѣмъ хуже для г. Чехова и критика въ этомъ не виновата. Далѣе она обвиняется еще въ томъ, что обыкновенно судитъ писателя не за тѣ достоинства, которыя у него

есть, а за тѣ, которыхъ, по ея мнѣнію, ему недостаетъ, и неразумно сердиться, что Фетъ — не Некрасовъ, Чеховъ — не Короленко и т. п. „Сердиться и выходить изъ себя“, конечно, неразумно. Но опредѣлять мѣсто, занятое писателемъ въ ряду другихъ современныхъ талантовъ, по указывать, что произведенія его существенно отличаются отъ произведеній Некрасова и т. д., — словомъ, оцѣнивать его не безотносительно, а въ связи съ общимъ направленіемъ и духомъ нашей литературы, составляетъ необходимую задачу критики, а не произвольный капризъ съ ея стороны.

Вообще защиту „новаго таланта“ въ статьѣ г. Мережковскаго нельзя признать удачною и послѣдовательною. Потревоживъ ради г. Чехова въ концѣ своей рѣчи великія тѣни Гомера, Шекспира и Шиллера, авторъ начинаетъ ее сравненіемъ разсказовъ молодаго писателя съ мелкими очерками новѣйшихъ французскихъ беллетристовъ — Ришпена, Копе, Банвила и друг., которые первые ввели въ моду граціозную форму мелкихъ разсказовъ, „отлично приспособленную къ потребностямъ и вкусамъ современной публики“. Намъ кажется, кто признать русскую художественную литературу за огромную общественную силу, кто съ надеждою привѣтствуетъ появленіе въ ней cadaго свѣжаго таланта, какъ, напримѣръ, г. Чехова, тотъ пожелаетъ послѣднему нѣсколько болѣе широкой роли, нежели какою играютъ гг. Банвиль Ришпенъ или Копе, а произведеніямъ его — большаго литературнаго значенія, нежели какое могутъ имѣть „отлично приспособленные“ мелкіе очерки французскихъ новеллистовъ, т.-е. тѣ разсказы, что какъ мыльные пузыри освѣщаются на мигъ всѣми цвѣтами радуги, чтобы тотчасъ исчезнуть, не оставивъ въ созерцателѣ никакого воспоминанія и опредѣленнаго впечатлѣнія. Но увлеченіе г. Мережковскаго однимъ вѣйшимъ изяществомъ и красотой формы должно было, разумѣется, привести его къ сравненію „новеллъ“ г. Чехова съ произведеніями французскихъ, а не русскихъ писателей, хотя сжатая „граціозная форма“ короткихъ разсказовъ давнымъ-давно введена у насъ *Записками охотника* и культивируется многими изъ современныхъ беллетристовъ. Оно вполне понятно. Если не ограничиваться вѣйшею формою, то между *Записками охотника* или философскими „стихотвореніями въ прозѣ“ Тургенева и „новеллами“ г. Чехова нѣтъ ничего общаго, хотя г. Мережковскій позволяетъ себѣ сравнивать талантъ послѣдняго по качеству съ талантами Тургенева и Толстаго. Большинство сжатыхъ очерковъ у нашихъ крупныхъ писателей связано одною обобщающею мыслью или чувствомъ и оставляетъ общее, неизгладимое впечатлѣніе. Изъ мозаики же мелкихъ разсказовъ г. Чехова не составляется никакого опредѣленнаго узора. Крайне разнообразныя и крайне мимолетныя впечатлѣнія, вызываемыя ими, попеременно вытѣсняють другъ друга и не могутъ оставить дѣльнаго, связаннаго представленія. Г. Чеховъ, какъ справедливо говорить его критикъ, мастеръ передавать микроскопическія детали и мимолетные оттѣнки чувства, т.-е. онъ, по-нашему, твердою рукою заноситъ въ свои эскизы исключительно одни обособленныя *настроенія* души, и, притомъ, заноситъ ихъ совершенно безразлично къ ихъ внутреннему значенію и объему. Только тамъ, гдѣ скваченное имъ настроеніе болѣе приближается къ основному тону души выведеннаго лица, гдѣ оно является не мимолетнымъ оттѣнкомъ чувства, исчезающимъ какъ дымъ, а отраженіемъ характера личности или условий ея жизни, тамъ разсказъ г. Чехова, дѣйствительно, получаетъ значеніе яркаго и законченнаго художественнаго творенія. Таковъ приведенный

г. Мережковскимъ разсказъ *На пути, Кошмаръ*, таковъ *Мечты*—одинъ изъ самыхъ выдающихся очерковъ г. Чехова по красотѣ и цѣлостности производимаго впечатлѣнія. Но такой глубины замысла и опредѣленности впечатлѣнія въ разсказахъ г. Чехова пока найдется немного, и ихъ недостаетъ именно самымъ крупнымъ его произведеніямъ, какъ *Стелъ* или послѣдній разсказъ, напечатанный въ ноябрьской книгѣ *Съвернаго Вѣстника*—*Именины*.

Здѣсь мы опять имѣемъ дѣло не съ типами, не съ характерами, не съ обобщающею мыслью художника, а съ изображеніемъ настроенія больной женщины, готовящейся быть матерью. Подъ влияніемъ ненормальнаго состоянія молодой дамы всѣ окружающіе—мужъ, дяди, гости и знакомые—окрашиваются въ ея глазахъ мрачнымъ, отталкивающимъ цвѣтомъ. Нелѣпный поступокъ—приглашеніе множества гостей на именины мужа въ тотъ моментъ, когда физическія силы ея ослабѣли, а мысль естественно направлена только на будущаго ребенка, приводитъ, разумѣется, къ нелѣпнымъ результатамъ—къ фальши, неестественнымъ улыбкамъ и лицемѣрной любезности съ гостями со стороны хозяйки дома. Очевидно, что, чувствуя въ себѣ самой эту фальшь, раздраженная героиня переноситъ ее и въ душу всѣхъ извѣстныхъ ей людей самыхъ разнообразныхъ профессій и взглядовъ: консерваторовъ, либераловъ, хохломановъ, людей „сороковыхъ годовъ“, курсистовъ, писателей, земскихъ дѣятелей и т. д., и т. д. Всѣ они поголовно, не разбирая ни лѣтъ, ни пола, ни темперамента, являются въ ея глазахъ лживыми, актерами, играющими роль людей убѣжденных или гуманныхъ, а, въ сущности, равнодушныхъ ко всякимъ убѣжденіямъ, ко всякимъ общественнымъ вопросамъ и дѣламъ. Всѣ ихъ слова и поступки—только поза, подъ которою скрывается безмысліе, глупость, тщеславіе и т. п. Намъ кажется, впрочемъ, что *идея* фикс героини разсказа является результатомъ болѣе глубокой причины, нежели именинная сутолока. Ольга Михайловна рисуется въѣдъ, въ прошломъ, какъ либеральная барышня, курсистка, кругъ интимныхъ знакомыхъ которой состоялъ изъ людей совершенно противоположныхъ ея мужу. Въ этомъ кружкѣ, „казалось, даже воздухъ сперся и застылъ оттого, что всѣ мыслили на одинъ образецъ, говорили изодня въ день одно и то же, молились все однимъ и тѣмъ же богамъ. Когда Петръ Дмитричъ отрицалъ, напримѣръ, присяжныхъ или трунилъ надъ курсистками, или, швыряя газету, говорилъ: „охота вамъ читать эту дрянь!“, или принимался доказывать, что тотъ или другой полубогъ кружка—шарлатанъ и бездарность, то все это выходило у него дико, ново, оригинально и даже пикантно. Какъ худенькимъ, не всегда сытымъ, небогато одѣтымъ и робкимъ студентамъ и курсисткамъ были къ лицу либеральныя идеи, такъ и къ нему, плотному, сытому, всегда одѣтому модно, шелъ консерватизмъ“. Отсюда можно заключить, что собственные взгляды Ольги Михайловны, когда она, будучи сама богатой, вращалась въ кругу „худенькихъ и не сытыхъ“, были тоже не болѣе, какъ позы, и поэтому она легко промѣняла своихъ друзей на модноодѣтаго „будочника“, удовлетворяясь „новизной и пикантностью“ его рѣчей. Такой житейскій, сухой, практичный взглядъ молодого существа на людей и на ихъ убѣжденія только какъ на костюмы „къ лицу“ естественно долженъ былъ привести Ольгу Михайловну къ увѣренности, что, въ сущности, никакихъ такихъ мнѣній и общественныхъ идеаловъ не существуетъ, а всѣ люди—какъ „худенькіе“, такъ и „плотные“—лицемѣры и, по ея словамъ, „стараются играть роль, чтобы не показаться обыкновенными“.

Г. Мережковскій уѣбрываетъ, что г. Чеховъ очень любитъ людей. Мы не думаемъ, чтобы г. Чеховъ былъ человѣконенавистникомъ, хотя любовь къ людямъ не составляетъ рѣзко выдающейся черты его творчества. Во всякомъ случаѣ, любовь эта подвергается большому испытанію въ наблюденіяхъ прагматичной героини очерка *Именины*, ибо постоянная ложь и фальшь изъ-за одного мелкаго тщеславія—это послѣдній приговоръ человѣку, дальше котораго идти некуда. Впрочемъ, таковы ли на самомъ дѣлѣ люди интеллигентнаго слоя, какими они описаны въ *Именинахъ*, типы ли они, живые ли образы, или фантомы, созданные разстроенымъ воображеніемъ большой женщины, мы судить не можемъ, такъ какъ они рисуются авторомъ сквозь призму патологическаго настроенія героини. Кто ее знаетъ, является ли Ольга Михайловна по замыслу автора въ данномъ случаѣ ясновидящею или дальтоникомъ. Быть можетъ, въ слѣдующій разъ г. Чеховъ опишетъ другую беременную женщину или съ болѣе мягкой душой, или же настроеніе которой, по счастливому стеченію обстоятельствъ, приметъ иную, болѣе свѣтлую и человѣколюбивую окраску. Какъ оттискъ особаго настроенія, очеркъ *Именины* представляетъ много мастерства въ деталяхъ, но „чувство, оставляемое имъ,—говоря словами г. Мережковскаго,—довольно неопредѣленно“ и, прибавимъ, довольно неглубоко.

Разсказъ г. Короленко *Ночью* переноситъ читателя въ среду дѣтей, во внутренней мірокъ ихъ, къ которому названный писатель вообще любить часто обращаться. Въ творествѣ г. Короленко, преимущественно передъ остальными современными художниками, особенно сильно звучитъ поэтическая струна. Бѣльшею частью грустная и задумчивая богиня поэзіи невидимо присутствуетъ въ его произведеніяхъ и сообщаетъ имъ особую нѣжную прелесть и изящество. Благодаря этому, всегда жизненный, реальный замыселъ разсказовъ г. Короленко проникается мягкостью и непосредственною, художественною простотой, напоминающими перо Тургенева; благодаря этому, многія страницы ихъ представляютъ лирическую прозу, а совершенство описаній природы и красота формы могутъ удовлетворить самого г. Мережковскаго. Понятно поэтому пристрастіе поэта-беллетриста къ дѣтскому внутреннему міру, въ которомъ такъ много мечтаний, грезъ и неяснаго стремленія одушевятъ реальный міръ, облечь непознанное въ фантастическіе образы, лишь бы только найти отвѣты на свои настойчивые вопросы: „какъ и почему?“ Вурною лѣтнею „ночью“ застаемъ мы въ разсказѣ г. Короленко группу дѣтей, вскочившихъ съ постелей и собравшихся вокругъ свѣчки на полу, чтобы подѣлиться своими впечатлѣніями и неясными видѣніями, о которыхъ они обыкновенно любили говорить именно въ это время, полное таинственной тишины и мрака. Кромѣ того, это ночь особенная, необыкновенная, въ которую должно совершиться чудо: появленіе въ свѣтъ неизвѣстно откуда новаго маленькаго существа, брата или сестры бодрствующихъ дѣтей. Вслѣдствіе этого событія дѣтская пытливость особенно возбуждена, а необъяснимая загадка жизни заставляетъ усиленно работать ихъ фантазію и вспоминать разные разсказы и легенды, создаваемые на этотъ счетъ столь же наивными, какъ и у дѣтей, представленіями народа. Главную роль въ этой дѣтской бесѣдѣ играетъ старшій мальчикъ, по прозвищу Голованъ, мягкій и увлекающійся, одаренный поэтической душой; противуположностью ему является младшій братъ, положительный и расудительный человѣчекъ, скептически относящійся къ фантазіямъ брата.

Поэту доступнѣе другихъ психологія дѣтскихъ представленій; ему

понятіе возникновеніе въ дѣтской душѣ неясныхъ образовъ, вызываемыхъ въ ней непосредственнымъ соприкосновеніемъ съ окружающимъ и природой, съ ея яркими красками и прихотливыми мерцаніями свѣта и тѣни. Но въ этой же способности поэта лучше понимать языкъ дѣтской фантазіи заключается и опасность преувеличенія и осложненія душевнаго процесса ребенка собственными поэтическими предствленіями художника. При изображеніи этого процесса ему трудно ограничиться только размѣромъ отзывчивости ребенка, только тою степенью развитія поэтической способности, какою могутъ обладать дѣти. Намъ кажется, что въ общемъ и фантазія, и ощущенія дѣтей проще и наивнѣе, нежели какими они являются у дѣтей г. Короленко въ послѣднемъ его разсказѣ. Въ особенности врядъ ли часто встрѣчаются дѣти, которыя такъ живо воспринимали бы явленія природы и такъ быстро претворяли ихъ въ образы, какъ это дѣлаетъ мальчикъ-поэтъ, наприм., по отношенію къ шуму дождя и вѣтра на первыхъ страницахъ очерка *Ночью*. Здѣсь Голованъ является передъ нами болѣе взрослымъ, нежели онъ есть на самомъ дѣлѣ, съ болѣе тонко развитою способностью одушевлять природу и опозитизировать таинственное въ ней, нежели какая можетъ существовать въ самой чувствительной дѣтской душѣ. Впрочемъ, въ остальномъ—въ отношеніяхъ дѣтей между собою, къ старой нянькѣ, къ взрослымъ,—столько дѣтской непосредственности и правды, что нѣкоторая поэтическая вольность въ исполненіи, о которой мы упомянули, нисколько не вредитъ общему психологическому значенію очерка г. Короленко.

Кромѣ того, въ этой граціозной картинѣ изъ дѣтской жизни затрогивается одинъ изъ самыхъ глубокихъ вопросовъ, надъ которымъ задумываются мыслители и поэты, на который наталкивается и ранняя наблюдательность дѣтей. Явленія жизни и смерти, ихъ тѣсная связь, ихъ смыслъ для человѣка—вотъ вопросъ, который служитъ центромъ очерка *Ночью*; отношеніемъ къ нему характеризуется психическое состояніе выведенныхъ лицъ. Этотъ вопросъ затрогивается въ спорѣ двухъ взрослыхъ, вызванномъ настойчивымъ стремленіемъ дѣтей узнать, вѣрны ли ихъ фантастическія объясненія появленія жизни и смерти на землѣ, почерпнутыя изъ разсказовъ стараго еврея Мошки. Одинъ изъ спорящихъ, дядя Генрихъ, потерялъ горячо любимую жену, которая умерла, давъ жизнь ребенку. Несчастный человѣкъ невольно задумывается надъ роковымъ вопросомъ и не можетъ усвоить ни на существующихъ рѣшеніяхъ его, ни на отсутствіи всякаго рѣшенія. Другой дядя, молодой, вступающій въ жизнь студентъ Михаилъ, не знающій горя, не волнуемый глубокимъ чувствомъ, спокойно удовлетворяется одною стороною вопроса, которую объясняетъ ему наука, или, какъ онъ говоритъ, физиологія. Между этими представителями чувства и разсудка, между требованіями человѣческой личности и общими желѣзными законами природы въ означенномъ вопросѣ оказывается пропасть, мостъ черезъ которую никакъ не перекинуть. А, между тѣмъ, въ человѣкѣ живетъ непреодолимое стремленіе примирить обѣ крайности, найти синтезъ объективнаго знанія и субъективнаго чувства, выработать мировоззрѣніе, въ которомъ гармонично сливались бы матеріальное и духовное начало, въ которомъ одинаково нашли бы себѣ мѣсто и познаваніе реальныхъ фактовъ и стремленіе къ духовному и нравственному осмысливанію явленій. Эта мысль о потребности въ новомъ синтетическомъ мировоззрѣніи ставится и въ очеркѣ *Ночью*, хотя въ довольно неясныхъ очертаніяхъ. Здѣсь, конечно, самыми неустрашимыми исцелителями причинъ явленій являются дѣти, которыя, какъ

говорить дядя Генрихъ, „чувствуютъ непознанное и стараются облечь это чувство въ образы“. Не получивъ отъ дядей яснаго отвѣта на свой вопросъ о причинѣ появленія жизни на землѣ, они находятъ его въ краткомъ и категоричномъ объясненіи ямщика Хведьки, типичнаго молодцаго хохла. На вопросъ дѣтей, правда ли, что воровожденныхъ приносятъ на землю ангелы съ неба, Хведько убѣжденно заявляетъ: „Такъ надо сказать, что дѣтей приносятъ бабы... таки никто другой... А душу ангелы приносятъ. Вотъ ужъ это ваша правда. Вотъ что хлопчики: душу!...“ Такимъ образомъ, взрослый сынъ народа, а за нимъ малые ребята, т.-е. тѣ, кто облачаетъ непознанное въ образы, одни пока только и находятъ для себя примиреніе двухъ началъ — матеріальнаго и духовнаго, одни находятъ то обобщеніе, отсутствіе котораго не даетъ покоя человѣческому сознанію. Вотъ отчего, должно быть, изъ всѣхъ, кто бодрствовалъ въ эту лѣтнюю ночь, послѣ рожденія новаго человѣческаго существа, „только ребята спали безмятежно и тихо,“ — такъ, по крайней мѣрѣ, заканчивается рассказъ г. Короленко. Въ декабрьской книгѣ *Свернаго Вѣстника* нельзя не указать еще на статью г. В. В. — *Изъ исторіи нашего общественнаго развитія* — какъ на одну изъ первыхъ попытокъ представить сжатый очеркъ роста нашей общественной мысли на основаніи тѣхъ богатыхъ данныхъ, которыя содержитъ въ себѣ недавно вышедшій замѣчательный трудъ В. И. Семевского: *Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка*. Трудъ этотъ первоначально появился на страницахъ *Русской Мысли*.

Поправка. Въ ноябрьскомъ обзорѣнн беметристки *Сѣв. Вѣст.* г. Ершову ошибочно приписанъ рассказъ *Послѣ долой разлуки*: послѣдній принадлежитъ перу г. Шилова, а не Ершова.

Русскій Архивъ, май—декабрь 1888 г. Эти книжки заняты почти исключительно продолженіемъ начатыхъ статей, о которыхъ была рѣчь въ предыдущемъ обзорѣ *Русскаго Архива*. Здѣсь конченъ дневникъ путешествія стольника П. А. Толстаго (1698 г.: пребываніе его въ Неаполѣ, Римѣ и Флоренціи; плаваніе на о. Мальту, какъ завершеніе курса морской науки). Затѣмъ продолжаютъ записки Н. Н. Муравьева-Карскаго (1821—26 гг.) за время службы его на Кавказѣ подъ начальствомъ А. П. Ермолова; мы видимъ, какъ вырабатываются черты характера Н. Н. Муравьева, памятнаго его позднѣйшимъ сослуживцамъ: добросовѣстность и безукоризненная честность по отношенію къ своимъ обязанностямъ; требовательность и нѣкоторая жесткость по отношенію къ подчиненнымъ; и на этомъ фонѣ еще ярче выступаетъ халатность опустившагося и ожирѣвшаго начальника, страшная залученность кавказской военной администраціи и великіе грѣхи ея передъ туземнымъ населеніемъ. Впечатлѣніе декабрьской катастрофы, въ которой пострадали братья Н. Н. Муравьева, рассказывается въ дневникѣ такъ же сухо и сдержанно, какъ исторія сношеній Муравьева съ родителями Н. Мордвиновой, любимой имъ дѣвушки, вышедшей замужъ за другаго. Записки останавливаются на интересномъ изложеніи хода персидской войны въ 1826 г., уже послѣ назначенія на Кавказъ Паскевича на мѣсто Ермолова. Интересныѣ, чѣмъ прежде, становятся записки графа П. Х. Граббе (1829—49 гг.), особенно съ 1847 г.: по наблюденіямъ дѣловаго и образованнаго человѣка мы узнаемъ составъ, препровожденіе времени и толки петербургскаго двора за это время; любопытны также отзывы самого автора о событіяхъ 1848 года въ Европѣ. Біографія фельдмаршала князя Барятинскаго, написанная А. А. Зиссерманомъ, снова возвращаетъ насъ на Кавказъ въ трудное для Кавказа время (1852—55 гг.)

въ началѣ Крымской войны. Паника, охватившая Кавказъ въ началѣ военныхъ дѣйствій, затруднительное положеніе двухъ большихъ стариковъ — главнокомандующаго кн. Воронцова и кн. Бебутова, проектъ Реада объ очищеніи всего Дагестана отъ Сулака до Самура;— все это прекрасно изображено авторомъ, приложившимъ и подлинныя документы, между прочимъ, собственноручныя замѣтки и мнѣнія о положеніи дѣлъ Императора Николая. Послѣ короткаго промежутка, когда Барятинскій оставилъ службу на Кавказѣ, а главнокомандующимъ былъ Н. Н. Муравьевъ, кн. Барятинскій, любимецъ новаго государя, вернулся на Кавказъ уже въ качествѣ главнокомандующаго и исправляющаго должность наместника (1856). Описывая ликованіе кавказской арміи по поводу этого назначенія, авторъ, самъ старшій кавказскій воинъ, не совсѣмъ справедливо, быть можетъ, — во всякомъ случаѣ, не совсѣмъ спокойно, — оцѣниваетъ личность Н. Н. Муравьева, „вводителя уже несвоевременной спартанской системы, налагающей тяжелую печать суровости и мертвенности на всѣхъ и на вся“.

Выдающийся историческій интересъ представляетъ продолженіе записокъ сенатора Лебедева, обнимающее въ разбираемыхъ книжкахъ время Крымской войны (1853—1855 гг.). „Я помню, — говоритъ авторъ, — войну 1828 года и польскую распрю 1830 г. и могу сдѣлать сравненіе расположенія умовъ и общественныхъ явленій тогдашняго и настоящаго времени. Разница большая, и она обличаетъ большіе успѣхи, сдѣланные въ двадцать лѣтъ нашимъ обществомъ... Благодаря участію возникающей гласности, нѣтъ лица, которое не принимало бы къ сердцу самаго мимолетнаго извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и о журнальныхъ статьяхъ по восточному вопросу... читая и перечитывая брошюры, мирный гражданинъ безотвѣтно спрашиваетъ: что нарушила Турція? Чего мы отъ нея требуемъ? О какой обязательности мы говоримъ?“ Такимъ образомъ, авторъ вводитъ насъ въ водоворотъ общественныхъ толковъ, настроеній и т. д. въ одинъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ исторіи нашего вѣка. Вотъ, для образца, сужденіе автора о деревнѣ: „Августа 11 я постигль деревню, и чувство глубокаго сожалѣнія еще сильнѣе овладѣло мною при видѣ этого забытаго деревенскаго человечества... Помню я деревню моего дѣда въ моемъ дѣтствѣ. Помѣщики измѣнились, не измѣнились крестьяне. Помѣщики разорились, ознакомились съ требованіями образованности, выучились поддерживать разоренныя имѣнія, завели машины, облегчающія труды господскихъ работъ; но крестьянинъ все тотъ же. Онъ пьетъ больше откупнаго вина, больше курить табакъ и знакомѣе съ картофелемъ; но тѣ же лапти, то же понятіе о церковныхъ поклоняхъ, то же невѣжество. Меня ужасаютъ положеніе этого класса и опасеніе его мщенія во дни пробуждающихъ событій. Страха передъ властью нѣтъ, кромѣ страха передъ силой; привязанности къ боярскому семейству и не спрашивай, чувства правды и правосудія и въ поминѣ нѣтъ. Онъ жметъ, какъ притѣсненный, и воруетъ, какъ голодающій, избавляясь отъ отвѣта хитростью и не слыша ни въ церкви, ни на сходкѣ словъ внушенія... И еще возстаютъ на Дм. Г. Бибикова за инвентари и ругаютъ графа Киселева за введеніе новаго общиннаго управленія! И никакой тѣни мѣръ улучшенія. А, между тѣмъ, какъ это было бы легко и особенно въ настоящее время, когда большая часть имѣній заложена, перезаложена и не продана (не приобрѣтена въ казну) только потому, что вышло особое повелѣніе: не продавать, а предоставлять всевозможныя льготы...“ Вотъ другой примѣръ характеристики общественнаго дѣателя (графа С. С. Уварова по поводу его смерти): „... Настоящее го-

сударственное поприще его началось съ 1832 г., по назначеніи его товарищемъ, а потомъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ сообщилъ управленію болѣе блеска, нежели прочности, и велъ его болѣе съ ловкостью, нежели съ пользою, обрабатывая систему просвѣщенія болѣе въ отчетахъ щегольски-литературныхъ, нежели въ самомъ дѣлѣ; льстилъ государю трисловіемъ: православіе, самодержаніе и народность. Главнѣйшая его заслуга—это увеличеніе оклада учебному вѣдомству и изданіе памятниковъ отечественной исторіи по мысли Гизо, съ которыми онъ былъ въ сношеніи. Его никто не любилъ, потому что никто не вѣрилъ его искренности, никто не уважалъ, потому что равные обвиняли его въ нерѣшительности изъ опасенія повредить своимъ интересамъ, а ученые—потому, что знали поверхностность его самохвальныхъ познаній. Лучшее дѣйствіе его суть вынужденное оставленіе министерства въ 1849 г., когда мимо его преобразованы университеты и цензура. Но на могилѣ должны прекратиться мелкія личности и общій голосъ долженъ отдать справедливость блестящему образованію прекраснаго писателя и ученѣйшаго барина, каковаго едва ли можно указать прежде и послѣ изъ нашихъ высшихъ фамилій“. Очень интересны впечатлѣнія и толки по поводу кончины Императора Николая: впрочемъ, мы долго не кончили бы, если бы стали перечислять все, что есть интереснаго въ этомъ дневникѣ.

Петербургскій университетъ гораздо рѣже описывался своими питомцами, чѣмъ университетъ Московскій; читая *Воспоминанія бывшаго студента А. Ч. (Петербургскій университетъ полѣтка назадъ)*, мы отчасти уясняемъ себѣ причину этого: въ тѣхъ же самыхъ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда Московскій университетъ переживалъ свой блестящій періодъ, жизнь Петербургскаго университета шла сонно и вяло, оставляя только слабыя впечатлѣнія среди наполнявшей его молодежи. Изъ студентовъ рѣзко выдѣлялся аристократическій кружокъ, присвоившій себѣ право входить и уходить изъ аудиторіи, когда вздумается, пріѣзжавшій въ своихъ экипажахъ, иногда съ гувернерами, говорившій между собою только по-французски и передъ экзаменами бравшій дорогіе уроки у будущихъ экзаменаторовъ. Время студентовъ проходило въ кутежахъ, посѣщеніи танцклассовъ и въ картежной игрѣ; пятая часть студентовъ образовала корпораціи („русскую“ и „нѣмецкую“) съ коммершамъ, фехтованіемъ и т. д. Изъ профессоровъ значительная часть была иностранцы: профессора греческой и латинской словесности, Грефе и Фрейтагъ, читали даже по-латыни; Фишеръ—преподаватель философіи, хотя читалъ по-русски, но лекціи его отъ этого не становились понятнѣе для большинства аудиторіи. Исторію преподавали Шульгинъ, который самъ скучалъ и вводилъ скуку на слушателей, затѣмъ съ 1837 г. Куторга, который въ первый годъ пускалъ пыль въ глаза студентамъ своею ученостью, угощая ихъ цитатами на греческомъ и даже готскомъ языкѣ, а на слѣдующій годъ „сталъ угощать голыми историческими фактами безъ всякихъ объясненій и разсужденій“ и, въ концѣ-концовъ, „крайне наскучилъ“ студентамъ „слишкомъ подробнымъ изложеніемъ государственнаго и гражданскаго устройства греческихъ республикъ“. На лекціяхъ его товарища по каедрѣ, М. Касторскаго (съ 1838 г.), студенты зѣвали и спали. Русскую исторію читалъ Устряловъ, монотонно, безъ оживленія, уснащая свою рѣчь постояннымъ повтореніемъ частицы „ну-съ“; тѣмъ не менѣе, студенты интересовались его изложеніемъ новѣйшей исторіи (съ Петра) и даже записывали его лекціи, хотя онъ экзаменовалъ по своему учебнику. Словесность преподавали Плетневъ и Никитенко. Первый подъ названіемъ *Исторія русская*

литературы читаль два года сряду Державина, — буквально читаль Державина, потому что большая часть лекцій посвящалась чтенію самых произведеній съ устарѣвшею декламациею, съ какииъ-то неестественнымъ пафосомъ. За то въ качествѣ ректора онъ располагалъ къ себѣ студентовъ чрезвычайною добротою и снисходительностію. Лекціи Никитенка увлекали студентовъ живыми, иногда восторженнымъ изложеніемъ, но были мало содержательны (онъ читаль „теорію прозаической и поэтической словесности“); гораздо важнѣе для студентовъ были практическія занятія у него, состоявшія въ разборѣ студенческихъ произведеній, въ стихахъ и прозѣ. Свѣтиломъ университета считался знаменитый ориенталистъ Сенковскій; но онъ передъ каждымъ выпускомъ *Библиотеки для Чтенія* регулярно заболѣвалъ жестокою мигренью и вообще невнимательно относился къ своимъ лекціямъ, также какъ и къ своимъ товарищамъ, которыхъ рѣдко удостоивалъ разговора. Студенты платили ему тою же монетою и прятались отъ его лекцій въ помѣщеніи казеннокоштныхъ, куда до нихъ не добирались ни сторожа, ни инспекція. Естественно, что вся эта обстановка и преподаватели не располагали къ увлеченію наукою и, напримѣръ, Грановскій, кончившій въ Петербургскомъ университетѣ какъ разъ въ серединѣ описываемаго авторомъ пятилѣтія (1836—40 гг.), ничѣмъ, не обязанъ университету. Оговоримся, что ориенталисты Григорьевъ и Савельевъ, занимавшіеся серьезно у Сенковского, кончили раньше и составляютъ исключеніе изъ общаго правила.

Большой интересъ представляетъ *Записка М. А. Безобразова*, представленная Императору Александру II въ 1859 г. и имѣвшая послѣдствіемъ временное удаленіе ея автора въ пермскія имѣнія. М. А. Безобразовъ, вмѣстѣ съ другими дворянами—депутатами губернскихъ комитетовъ—недовольный этою незначительною ролью, которая была предоставлена депутатамъ при обсужденіи работъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому вопросу, изображаетъ дѣятельность комиссій, какъ результатъ „сообщничества бюрократіи съ такъ называемыми красными“, и, въ то же время, какъ результатъ иностранной интриги съ цѣлью ниспровергнуть величіе Россіи. Самъ онъ развиваетъ оригинальную теорію, въ силу которой „собрание выборныхъ есть природный элементъ самодержавія“; заслонивши самодержавную власть, бюрократія превратила „самодержавіе“ въ „своеволіе“; для того, чтобъ „вновь воздвигнуть уроненное своеволіемъ самодержавіе“, необходимо верховной власти „созвать около себя родныхъ, законныхъ своихъ совѣтниковъ“, именно дворянство. Записка интересна собственноручными замѣчаніями государя; изъ нихъ приведемъ послѣднее: „онъ меня вполне убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе“.

Письма кн. Вяземскаго къ А. О. Смирновой о Пушкинѣ вмѣстѣ съ разсказами супруговъ Вяземскихъ о немъ же вскрываютъ печальную картину семейныхъ отношеній поэта, поведшихъ къ дуэли съ Геккерномъ; содержаніе этихъ разоблаченій въ свое время было передано въ газетныхъ извлеченіяхъ; поэтому мы не будемъ на нихъ останавливаться. Изъ другихъ статей назовемъ письма М. Н. Каткова къ А. Н. Попову 1843—57 гг.: за исключеніемъ нѣкоторыхъ текущихъ новостей (напр. интересный разсказъ о диспутѣ Соловьева), содержаніе переписки почти исключительно дѣловое; тѣмъ не менѣе, въ ней разсыано не мало чертъ, важныхъ для біографіи и характеристики Каткова. Большой историческій интересъ представляютъ также письма Петра Ивановича Панина къ брату Никитѣ Ивановичу за время семилѣтней и первой турецкой войны.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

Подписчики 1888 года на журнал «Русская Мысль» по губер-
ніямъ:

Въ Астраханской	108
» Архангельской	42
» Бессарабской	250
» Виленской	113
» Витебской	133
» Владимірской	195
» Вологодской	89
» Волынской	177
» Воронежской	215
» Вятской	138
» Гродненской	90
» Донской области	370
» Екатеринославской	340
» Казанской	220
» Калужской	78
» Киевской	430
» Ковенской	64
» Костромской	119
» Курляндской	20
» Курской	224
» Лифляндской	41
» Минской	93
» Могилевской	98
» Московской	1212
» Нижегородской	186
» Новгородской	99
» Олонецкой	26
» Оренбургской	80
» Орловской	223
» Пензенской	160
» Пермской	260
» Подольской	213
» Полтавской	315
» Псковской	121
» Рязанской	148
» Самарской	181
» С.-Петербургской	1123
» Саратовской	272
» Симбирской	126
» Смоленской	209
» Таврической	368
» Тамбовской	239
» Тверской	129
» Тульской	137
» Уфимской	128
» Харьковской	332
» Херсонской	549
» Черниговской	234
» Эстляндской	20
» Ярославской	147

Царство Польское:

» Варшавской	125
» Калишской	19
» Кялецкой	16
» Ломжинской	17
» Петровской	29
» Люблинской	48

Въ Плоцкой	19
» Радомской	22
» Сувалкской	18
» Сѣдлецкой	25

Сѣверный Кавказъ:

» Ставропольской	66
» Терской области	92
» Кубанской	169

Закавказье:

» Дагестанской области	19
» Черноморскомъ округѣ	26
» Сухумскомъ отдѣлѣ	3
» Кутаисской	52
» Тифинской	179
» Закавказскомъ округѣ	44
» Эриванской	78
» Елисаветпольской	32
» Бакинкой	71
» Карской области	23
» Батумской	14
» Закаспійской области	60

С и б и р ь:

» Амурской области	5
» Енисейской	82
» Забайкальской области	77
» Иркутской	112
» Приморской области	63
» Тобольской	84
» Томской	21
» Якутской области	13
» Акмолинской	51
» Семипалатинской	75
» Тургайской	3
» Уральской	26
» Семирѣченской	17
» Сибирь-Дарьинской	21
» Заревшанской	16
» Аму-Дарьинской	9
» Ферганской	25

Финляндія:

» Абобернеборгской	1
» Вазасской	2
» Выборгской	10
» Нюландской	15
» Улеаборгской	1

Иностраннѣхъ 110

Итого . . . 13039

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	<i>Стр.</i>
Веллетристика: „Паутина“. <i>Н. И. Наумова.</i> —„Стихотворенія“ <i>М. Абрамовича.</i> —„Стихотворенія, <i>А. Владимірова и Л. Сперанди.</i> —„Марина Мнишекъ“. <i>А. Львовой.</i>	1
Философія и педагогика: „Ethik“, von <i>D-r Harald Höfding.</i> —„Педагогическія письма“	5
Исторія и исторія литературы: „Исследования и статьи, по русской литературѣ и просвѣщенію“. <i>М. И. Сухомятина.</i> —„Очеркъ исторіи Польши“. <i>М. Бобржинскаго.</i>	9
Языковѣдѣніе и этнографія: „Очеркъ развитія флексіи <i>genetivi singularis</i> въ именныхъ латинскихъ основахъ <i>a, e, o.</i> <i>Холодника.</i> —„Рѣчи противъ Катилины“. <i>М. Туллія Цицерона.</i> —„Пособіе для первоначальнаго обученія греческому языку“. <i>Присѣмова.</i> —„Эскванъ преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда“. <i>И. Первушина.</i>	11
Политическая экономія: „ <i>A history of political</i> “, by <i>Ingram.</i>	13
Медицина: „Грязелеченіе и примѣненіе его къ мѣстнымъ буртовковымъ процессамъ и сифлису“. <i>Г. Корецкаго.</i> —„Руководство по фармакологіи и рецептурѣ“. <i>Д-ра Cloetta.</i> —„Птоманинъ и левкоманинъ“. <i>А. К. Ягодзинскаго.</i> —„Частная патологія и терапія женскихъ болѣзней“. <i>Д-ра Кр. Славянскаго.</i> —„Основы анатоміи человека“. <i>Ад. Панича.</i>	16
Естествознаніе: „Осадки юго-запада Россіи“. <i>А. Кюссовскаго.</i> —„Теплота, размариваемая какъ родъ движенія“. <i>Док. Тиндалла.</i>	19
Сельское хозяйство: „Историческое обзорніе пятидесятилѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ“.—„Очеркъ мукомольнаго производства въ Приволжьи и въ районѣ ливенской, орловско-гравской и московско-курской желѣзныя дорогъ“. <i>А. А. Клопова.</i> —„Руководство къ устройству русскихъ гѣсовъ“. <i>А. Рудскаго.</i> —„Пшеница“. <i>Е. Рислера.</i>	20
Дѣтскія книги и учебники: „Цвѣты“. <i>А. К. Роземонъ-Сошальской.</i> —„Очеркъ зоологіи“. <i>Поля Бэра.</i>	22
Справочныя книги и календари: „Стоглавъ“.—„Записная книжка на 1889 г.“.—„ <i>Maschauer Almanach für 1889</i> “.—„Записной календарь на 1889 г.“	25

II. Периодическія издавія.

„Вѣстникъ Европы“, декабрь 1888 г.—„Сѣверный Вѣстникъ“, ноябрь—декабрь 1888 г.—„Русскій Архивъ“, май—декабрь 1888 г.	26
--	----

III. Матеріалы журнальной статистики.

- XIV. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ.** (Критическія замѣтки).—Т. 137
- XV. 1888 ГОДЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНИИ.**—В. А. Гольцева 147
- XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ:** Двадцатипятилѣтіе земскихъ учреждений. — Вопросъ о врачебной части на фабрикахъ въ московскомъ земствѣ. — Привлеченіе земли въ Москвѣ къ земскому губернскому сбору.—Воспоминаніе о графѣ Лорисъ-Меликовѣ и его системѣ.—Докладъ о книгѣ Фадѣева.—Подписка на 4% заемъ.—Погашеніе временныхъ кредитныхъ билетовъ на 30 м. р. — Финансовое положеніе и курсъ. — Дѣло дворянъ Микульскихъ 156
- XVII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО:** «Большой театръ»: *Борисъ Годуновъ*, опера Мусоргскаго.—«Московское музыкальное общество»: *Новая симфонія* П. И. Чайковскаго.—Н. К—ина.—«Малый театръ»: *Постыдныя воля*, комед. Вл. Ив. Немировича-Данченко.—*Въ Шимонскомъ замкѣ*, трагедія А. Ф. Федотова.—Ан. 179
- XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:** I. Книги: Беллетристика. — Философія и педагогика. — Исторія и исторія литературы.—Языкознаніе и этнографія.—Политическая экономія.—Медицина.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Дѣтскія книги и учебники. — Справочныя книги и календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», декабрь 1888 г.—«Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь—декабрь 1888 г.—«Русскій Архивъ», май—декабрь 1888 г.—III. Матеріалы журнальной статьи 1

Для новыхъ подписчиковъ на 1889 г. при этой книгѣ прилагается начало романа Г. П. Данилевскаго «Черный годъ».

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Условія подписки на 1889 годъ

(двѣдцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою вѣд.				
всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, въ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября по 3 рубля.

Студенты, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанники старшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній могутъ получать журналъ безъ доставки въ Москвѣ и Петербургѣ за 10 руб., причѣмъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и затѣмъ, съ 1 апрѣля, ежемѣсячно по 1 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземплярна. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородіе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій Просп., домъ Армянской церкви.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 20 '86

LIBRARY USE MAY 8 '86

MAY 27 2001
